А. И. ГЕРЦЕН
XVI

А. И. ГЕРЦЕН

XVI

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1862-1863 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1959

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1862–1863 ГОДОВ

MORTUOS PLANGO*...

Поминать так поминать!*
Пушкин

I

Новый год, как верстовой столб, всякий раз заставляет подумать, скоро ли доедешь, и вспомнить, какова была дорога... Плоха и очень плоха была, а вот и доехали до 1862 года, и на русской душе нашей словно легче и светлее...

Когда я сравню теперичное время с тем, что было десять лет тому назад, мороз пробегает по коже — нет, не все, что прошло, будет мило... Тогда было так тяжело, так тяжело, что одно желание и оставалось: «Бежать, уйти куда-нибудь, уничтожиться бесследно, бессознательно, лишь бы отдохнуть, лишь бы не видать, что делается вокруг» [1]*; так тяжело, что, когда разразился *последний удар,* невольно вырвался из груди радостный крик: «Vive la mort!» *.

С этим криком вступили мы в новый 1852 год.

Слишком много было страданий, стонов вокруг, какая-то духота. Похороны все лучше.

Что было потом — трудно сказать. Какая-то нравственная холера, нервы опустились, мысли потускли, там-сям спасались люди, кто в Англию, кто в Америку; впрочем, свирепых гонений, ужасных казней и отваг, этой последней поэзии мрачных эпох, не было. Люди изнашивались, затомлялись как-то исподволь, пошлыми неприятностями, мелкими лишениями,

---

[1] «Письма из Франции». Пис(ьмо) XIV, 31 дек. 1851 и «С того берега», «Эпилог 1849 года».

они старели, не вынося с собой — выкупом за страдания — тех страшных образов бурь и ураганов, которыми тешится моряк, сидя на берегу. Об этом времени *нет воспоминаний.*

...Хоронили Веллингтона *.

...Прусский король сошел с ума *...

...А возле хоронили целый мир идей и стремлений, не замечая того, и целый мир если не сходил с ума, то суживался в уме. Легкомысленное непонимание того, что совершалось, надменное самодовольство передовых людей, передовых журналов, общественного мнения наводило тоску и ужас. На откровенные слова, указывавшие грядущие беды, отвечали свистом и насмешками. У нас в России разные доктринеры тоже натягивали на себя западную тупость *; это явление, вызванное негодованием, оппозицией, у нас не имело корней; но видеть на месте, дома, обтерханных людей, которые с надменностью дон Сезар де Базана величественно завертываются в грязный, продырявленный плащ с полной уверенностью, что их дела завтра пойдут блестящим образом, и знать, что они завтра пойдут еще хуже и все хуже,— это ужасно!

Годы шли и шли... Все больше дрог, распущенных шляп, факелов... мало-помалу мы стали догадываться, что это все хоронят *чужих* или дальних родственников, от которых мы получаем в наследство все — за исключением горести об умершем, *мы* — осмелившиеся надеяться, когда ночь кругом становилась темнее, мы — веровавшие в Россию тогда, когда вера в нее была безумием, когда Россия была одним обширным острогом, к обмерзшим дверям которого был привален Николай.

II

А не пощадила дон Сезар де Базана судьба, не обошла его ни одной каплей горечи, ни одним унижением, ни одним ударом.

Была у гордого старика одна мечта, одна надежда... казалось, в самом деле сбыточная: он утешался, как король Лир, мыслью, что у него вдали есть дочь — богатая и вольная, кото-

рой он при жизни завещал свое лучшее достояние; она-то, думал он, исполнит его последнюю волю. И в те минуты, когда старику дома становилось тяжко, он мечтал об ней и собирался к ней перебраться.

Мы сами были увлечены и верили в нее.

Но не Корделией оказалась и эта дочь.

...Разверните летописи мира от потопа, от Мелхиседека до вчерашнего дня и найдите на юге, на востоке, где хотите, знамя гнуснее того, на котором написано: *Рабство или смерть!* Было ли что-нибудь чудовищнее в библейских бойнях, в уничтожении альбигойцев *, во времена инквизиции, исламизма... Что перед этим *самодержавие,* во имя которого убивал народы Николай, что перед этим сумасшедший бред *умного* прусского короля в Кенигсберге, отбросившего Германию за Вестфальский мир? *

Война за рабство! «За наше *святое дело!*», как выразился южный президент * в речи своей.

До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение — это ново и принадлежит Америке.

— Та ли это Америка? Та ли Франция? Как они могли так измениться?

— Они не изменились, только мы их не знали прежде. Мы смотрели картинки, читали вывески... Революция проехала, как императрица, картонные избы упали *, декорации сельского благосостояния сняты, новые кафтаны обобраны. Что же осталось? — Истина.

Страна Уильберфорса снащает корабли, нехотя становясь за рабство *; реками, может, польется кровь в Атлантический океан, корабли погрузнут па его дно, «святая основа» южных республик будет принята всей Европой.

А в это время разве *он* будет сидеть сложа руки? *

...Рим, Рейн, Белгия, Восток — Ave, Caesar! *

Уж не в самом ли деле это пятое действие трагедии, начавшейся в 1789?

— Если же так, куда после театра?

— Не знаем, куда актеры, а мы ко дворам.

III

У нас в стары годы все перекладывали французские водевили на русские нравы. Как бы не случилось теперь того же с европейской трагедией!

Она выйдет у нас грубее, но гораздо проще. У нас *старое-то ново* и не пустило корней; у нас морщины на коже, но кровь молода.

Упорная живучесть всего существующего в Европе прочно основана на всем былом ее. Ее многосложный быт сложился сам по себе, выработался в длинной и тяжелой борьбе; он ей естественен, у ней есть другие *идеалы,* но другого *быта* нет. К тому ж, в обветшалых и узких формах ее захвачено бездна изящного и хорошего. Оно-то и утратилось при *переложении на наши нравы,* удивляться этому нельзя.

Европейский быт и цивилизация были надеты на нас в том роде, как в Лондоне мальчишки зашивают, для продажи, плебейского происхождения щенка в волнистую шкуру аристократической собачонки: щенок, вымытый и расчесанный, бегает в своем *болонском* кафтане по гостиным, спит на диванах,— но, увы, он растет, и чужая шубенка лопает по швам.

Как бы то ни было, но теперь вопрос, собственно, вот в чем: имея западную фасаду и формы, без лучшей стороны содержания, что нам придется — разбить ли чужие формы или усвоить чужое содержание?

То, что в Европе есть общечеловеческого, т. е. наука и больше ничего, само собою принадлежит всем, как воздух принадлежит каждому, имеющему легкие. Стало быть, речь не о науке, а о том, могут ли другие результаты западного развития усвоиться нами, не мешая нашему собственному росту, или мы разовьем какие-нибудь иные исторические элементы?

Конечно, было бы лучше воспользоваться тем и другим. Человек скуп, стяжателен, ему жаль терять, он завистлив, ему хотелось бы всего-всего. Но сил нет на обладанье; нельзя же, в самом деле, быть разом средневековым монахом и Алкивиадом, кастильянским грандом в шляпе и якобинцем в красной шапке, так, как нельзя, переезжая из города в деревню, захватить с собой все городские удобства,— довольно того, что

в городе вместе с ними останется и зараженный воздух, и пыль, и противная толкотня.

Не все юное и свéтлое из жизни Еллады перешло в Рим, не все изящное античного мира осталось в христианстве, и не все грациозное аристократической Европы сохранилось в мещанской. И в этом лежит великая печать личной самобытности каждой эпохи и ее художественная замкнутость.

Природа постоянно идет этими путями, развиваясь в разные стороны лучами, диагоналями, кривыми. Молча благоухает роза, славно поет соловей, но совсем не пахнет. Не смейтесь над этим примером. Дело в том, что все *удавшееся* в природе сохраняет свои особенности с упорным консерватизмом победителя, поддерживая свои династические интересы и предоставляя новым parvenus [1] доискиваться иных завоеваний и форм. На этом-то и основано страшное множество видов и родов. В природе нет табели о рангах, ни перевода из класса в класс, иначе давным-давно все животные дослужились бы до человеческих чинов и на острове Цейлоне или на берегах Евфрата цвела бы демократическая и социальная Атлантида.

Иными словами — переход от менее совершенных видов к более совершенным вообще не делается развитием *наименее несовершенного* вида в более развитой. *Он и так хорош,* и так дорого стоил, пусть же он и остается сам по себе, в то время как ряды других попыток, направо, налево, со всех сторон, тянутся, гибнут, отстают, *обходят, забегают* существующий вид.

Каждый вид представляет поступательное развитие, с одной стороны, и, с другой — предел, т. е. препятствия, на которые он натолкнулся с *стремлением их перейти.* Это бессилье нисколько не мешает другому виду, может, беднее организованному в чем-нибудь ином, перешагнуть именно *это* препятствие.

— Мы понимаем, но где же предел европейского развития, где препятствия, за которые оно запнулось?

— Во-первых, в сознании необходимости коренного переворота, в сознании нелепости государственной, юридической

---

[1] выскочкам (франц.).— *Ред.*

и экономической жизни, отставшей веками от общественной и научной. Во-вторых, *в немогуте не только совершить этот социальный переворот, но даже формулировать его.*

Вот на чем оборвались реформации и революции, республики и конституции, вот порог, за который запнулся смелый бег Запада и, смутившись, бросился в цезаризм, национализм и в тупой смех над социальными вопросами, напоминающий нам тупой смех римских патрициев и доктринеров над назареями. Плакать надобно, а не смеяться. Мы ждали четырнадцать лет. Слово если и было сковано, мысль не была скована, да и есть слова и мысли, которых не скуешь ни смертию на Голгофе, ни погребением в Алексеевском равелине. Где это слово? Где эта мысль? Что прибавилось к торжественному протесту против общественной лжи и неправды, сделанному сен-симонистами и их товарищами, что к грозному обличению, раздавшемуся середь кровавой бури Июньских дней?

Социализм стоит тем же гневным Даниилом, указывая страшные, огненные буквы *, которых полного смысла мы не знаем, которые пророчат беду и молчат об искуплении...

Вот предел...

IV

Но предел ли это для нас, приемышей, пасынков западной цивилизации?

Прошедшее Запада обязывает *его — не нас.* Его живые силы скованы круговой порукой с тенями прошедшего, с тенями, дорогими ему, не нам. Светлые человеческие стороны современной европейской жизни выросли в тесных средневековых переулках и учреждениях; они срослись с старыми доспехами, рясами и жильями, рассчитанными совсем для другого быта,— разнять их опасно: те же артерии пробегают по ним. Запад — в неудобствах наследственных форм — уважает свои воспоминания, волю своих отцов. Ходу его вперед мешают камни, но камни эти — памятники гражданских побед или надгробные плиты.

У нас ничего подобного. Наши предания впереди. На наших старинных зданиях известь не обсохла, наши развалины — состарились не от лет, а от того, что фундамента нет. *Мы* еще не

обстроивались, и это превосходно. Военные поселения ужасно легко переходят опять в деревню.

В самом деле, какой камень, какую улицу нам жалеть? Тот ли, из которого построен Зимний дворец, или тот, который пошел на Петропавловскую крепость? Царицын луг * — где полтораста лет ежедневно били палками солдат, или Старую Руссу — где их засекали десятками? * Не съезжие ли, господские домы — эти омуты, эти паутины *, в которых выбились из сил, зачахли целые поколения, где засекали старцев и насиловали детей год тому назад — а может, и ближе?

Нет, уже об *нашу-то* Европу мы не запнемся; мы слишком дорого заплатили за науку, чтоб так малым довольствоваться.

Полтораста лет бесчеловечнейших истязаний, унижений, неслыханных в летописях мира, полтораста лет пытки, застенка — и все это только для того, чтоб стать на краю пропасти, на которой стоят все западные государства, и делить их судьбу, не имея взамен ни логического оправдания в прошедшем, ни удобств настоящего... Нет, или сеченье не стоило шпицрутенов!

— И будто вам не жаль?

— Жаль?.. Кому и что?

Нас двое, розно взращенных. По воспитанию можно судить о степени нашей чувствительности.

Мы, например, внуки людей, издевавшихся над своими отцами, когда их насильно брили,— людей, собственными руками пытавших по застенкам, казнивших стрельцов,— людей, представлявших разом гаеров, холопов, вельмож и доносчиков,— мы выросли возле конюшен, где наши отцы и деды секли дворовых, и возле девичьих, где они *отдыхали* от трудов. Они тоже в свое время были палачами солдат, грабили целые губернии и безропотно ссылали на каторгу своих детей и чужих в угоду коронованному зверю... И вы воображаете, что если у кого-нибудь из детей их уцелела живая душа, так он не будет сухими глазами смотреть, как смирительный дом нашего просвещенья загорится со всех четырех сторон? У детей, у которых с первым пробуждением человеческого, святого чувства любви к ближнему и слабому сочеталась ненависть к отцу, матери и ко всей семье, не ищите сожаления *в эту сторону,* они слишком жалели *в другую.*

...А *другой* — тот, которого деда и отца секли, которому брили лоб, которого брали во двор, которого жена, сестра, дочь были обесчещены,— как вы думаете — пожалеет?

Может, вам страшно?.. Ну, так переходите к нам, место есть. С народом не погибнете, народ примет вас и старого не помянет... Оставьте мертвым хоронить мертвых... Их не воскресите... Их можно только *оплакивать,* звать надобно живых, мы и зовем вас... Откликайтесь же — есть ли в поле жив человек?

Vivos voco! *

31 декабря 1861.

ПУТЯТИН КАК ОРАТОР

«Times» от 27 поместил в чрезвычайно интересной корреспонденции из Москвы (от 11 декабря) следующую речь нашего Нептуна просвещения к московским профессорам:

«Господа! Я приехал сюда благодарить вас. Я не решился бы сделать этого от себя, но я прислан государем. Е. в. благодарит вас за то, что вы влиянием вашим восстановили порядок в университете. Дурные люди (bad people) распространяли слух, что власти (начальство? по-английски the authorities) — враги просвещения, *но я прошу вас* не верить этому».

Каков трезубец красноречия у адмирала?.. «Прошу вас не верить!»... Если любишь, так поверь!.. Отчего же это петербургских профессоров не благодарили?

Бедные петербургские профессора!

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ АКАДЕМИКА ШУВАЛОВА И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ТИФОМ

«Times» от 25 декабря говорит об открытии «Колокола» у морских офицеров в Кронштадте, об их аресте (мы предупреждали Константина Николаевича о появлении шпионов в Кронштадте) *. «Indépendance» от 23 дек. рассказывает об открытии издателей «Великоруса»...* А студентское дело идет своим чередом. Студентов начинают убивать тифом... «Nord» 25 извещает о кончине Спасского *.

М. А. БАКУНИН

Бакунин в Лондоне!..* Бакунин, погребенный в казематах, потерянный в восточной Сибири, является бодрый и свежий среди нас — Redivivus et Ultor,— сказали бы мы в подражание Емельяну Пугачеву *... Но ни Бакунину, ни нам не до мести, слишком много дела. Бакунин приходит к нам с удвоенной любовью к народу русскому, с несокрушимой энергией надежд и сил, закаленных здоровым, свежим, молодым воздухом Сибири.

Видно, скоро весна, коли старые знакомые прилетают из-за Тихого океана!

С Бакуниным невольно оживают стаи теней и образов *бурного года*... и мы с вновь разбуженным ожиданием смотрим на соплеменный нам восток Европы, и снова будто слышится, как расседает и трещит штучная венская империя, как двигается и закипает славянский мир, как четвертованная Польша, срастаясь около независимой Варшавы, протягивает руку забвения и братства русскому народу...

Мечты 1848 года! Да, мечты... Но «еще одно сказанье» *... и мечты 1848 года, обогнув трех гордых стариков цивилизации, осуществятся от Мессинского пролива до Дуная и Вислы — до Волги и Урала *... 1848 год не умер, он переехал на другую квартиру.

Деятельность Бакунина до кенигштейнской цитадели * была сначала отвлеченно-философская, потом вообще социально-революционная, теперь она будет, надеемся мы, исключительно славяно-русская. Об этом мы поговорим в другое время, теперь напомним самым сжатым образом прохождение его службы, его *формулярный список.*

Бакунин оставил Россию в 1841 году; в 1845 он попал в швейцарский процесс социалистов; Блунчли указал на него русскому правительству *. Ему велели немедленно возвратиться — он не поехал. Николай велел его судить. Сенат лишил его офицерского чина, дворянства и пр. Он уехал в Париж.

Там в 1847 году, 29 ноября, Бакунин произнес свою известную речь на польской трибуне * в день годовщины варшавского восстания. В первый раз увидели русского, открыто протягивавшего братскую руку полякам и всенародно отрекавшегося от петербургского правительства. Влияние его речи было огромно. Гизо его выслал из Парижа, но, едва Бакунин осмотрелся в Брюсселе, Париж в свою очередь выслал Гизо и Людвика-Филиппа из Франции *. Бакунин возвратился в Париж и бросился с увлечением в раскрывшуюся тогда политическую жизнь. Ламартино-маррастовское правительство косо смотрело на людей, принявших республику за слишком серьезную правду, и охотно сплавляло их направо и налево, лишь бы вон из Франции. Оно обрадовалось, что Бакунин уехал. В затишье славянского мира закипала тогда новая жизнь, в Бреславле собирался польско-славянский съезд *. На нем и еще более на прагском конгрессе Бакунин уже является сильным деятелем; там написал он свою социально-славянскую программу *, которую до сих пор чехи не забыли, и действовал заодно с славянами [1] до тех пор, пока Виндишгрец не разогнал конгресса австрийскими пушками. Оставив Прагу, Бакунин сделал опыт, в противность Палацкому, соединить славянских демократов с венгерцами, искавшими независимости, и с немецкими революционерами *. Союз этот был составлен с многими поляками, на него от венгров приезжал граф Л. Телеки. Бакунин, желая скрепить собственным примером союз, принял главное управление в защите Дрездена; там он покрыл себя славой, которую никогда не отрицали его враги; после взятия Дрездена пруссаками Бакунин отступил. В Хемнице он был предательски схвачен с двумя из своих товарищей и отправлен в Кенигштейн *. Отсюда начинается его длинный мартиролог.

[1] На конгрессе в Праге Бакунин не был один русский: с ним вместе участвовал в нем один староверческий инок *.

Заметим мимоходом, что Бакунин так страшно заплатил за благородную ошибку, за несбыточную мечту общего действия с немецкими демократами. У большей части немцев слишком развита племенная ненависть к нам. Мы знаем, что немецкий общественный деятель работает в пользу немецкого народа, не удивляемся этому и уважаем его. Но немец ждет от русского и славянина, чтоб он презирал свой народ и нес бы немецкую цивилизацию своим дикарям, забывая, что у нас на это, сверх Петербурга, есть Кур-, Эст- и Лифляндия, а у чехов и западных славян — Австрия.

В то самое время как саксонский король держал в руках перо, чтоб подписать смертный приговор Бакунину, Гейбнеру и Рёккелю, немецкие публицисты писали в журналах, что Бакунин русский агент, т. е. агент русского правительства *. Король приостановился и изменил плаху на вечную тюрьму. Umwälzungsmänner'ы [1] не остановились и года через два-три повторяли свои обвинения.

В мае 1850 Бакунин был отправлен скованный в Прагу. Австрийское правительство хотело от осужденного *на вечную тюрьму* узнать тайны славянского движения. Бакунин отказался отвечать, его около года оставили в Грачине, ничего не спрашивая. В марте 1851, испугавшись слуха, что Бакунина хотят освободить, его перевели в Ольмюц, там он просидел шесть месяцев *прикованный к стене*. Затем австрийское правительство выдало его русскому. Носился слух, что Бакунина, привезенного скованным по рукам и ногам на русскую границу, расковали. Таких нежностей Николай не делал. Австрийские цепи были сняты с него как имперская собственность и заменены отечественными, вдвое тяжелейшими железами.

Три томных года просидел Бакунин в Алексеевском равелине и вышел из него в 1854 году для того, чтоб ехать в Шлюссельбург: Николай боялся, как бы Чарлис Непир не освободил узника...

Воцарился Александр II; разные амнистии, половинные и неловкие, были обнародованы. О Бакунине ни слова. Государь его сам вымарал из списка; мать Бакунина улучила минуту и

---

[1] «Мастера» по переворотам (нем.).— *Ред.*

подала просьбу государю. Он принял ее и благодушно сказал: «Tant que votre fils vivra, madame, il ne sera jamais libre»[1]. В 1857 году Бакунин был отправлен на житье в восточную Сибирь.

В 1860 был сделан еще раз опыт выпросить Бакунину разрешение переехать в Россию; государь снова отказал, прибавив, указывая на его письмо, *писанное к Николаю в 1851* *: «Я не вижу в нем раскаяния!» Но, не разрешая ему возвратиться, государь даровал ему право *вступить в службу канцелярским чиновником 4-го разряда.* Это какая-то особенная категория писцов, выдуманная для нежинских греков и цыган. Бакунин не нашел себя способным воспользоваться этой царской милостью 4-го разряда.

Ему после восьмилетних казематов и четырехлетней ссылки предстояла после отказа мрачная анфилада лет в Сибири.

Трепет новой жизни пробегал по России: разбитая Австрия отступила, итальянское знамя развевалось в Милане *, Бакунин рассказывал нам жадность, с которой он в Иркутске следил за Гарибальди, за полуостровом, выступавшим ярче и ярче на свет свободы. Обречь себя на эту роль страдательного зрителя в дальней ссылке, в 47 лет от роду и чувствуя полный пульс, было тяжко. Довольно заплатил он за молодые увлеченья, за веру в возможность союза с немецкими демократами... Он решился тайно оставить Сибирь.

Под предлогом торгового дела он пробрался на Амур, сел на американский клипер и приплыл в Юкатану в Японии. Чуть ли он не первый социалист, первый политический изгнанник, искавший убежища у японцев.

Из Японии он приплыл в С.-Франциско и перебрался через Панамский перешеек в Северные Штаты. Из Нью-Йорка он 26 декабря приплыл в Ливерпуль и 27 был встречен нами в Лондоне.

Но чтоб ничего не недоставало, человек этот, выходя после 14 лет страданий, со знаками от цепей, которые не прошли еще, утомленный путем круг света, не только был встречен старыми друзьями, но и обвинениями одной радикальной

[1] «Пока, сударыня, ваш сын жив — он никогда не будет свободен» (франц.).— *Ред.*

немецкой газеты, напоминавшей, что он «ein verdächtiger Charakter» [1].

А впрочем, пожалуй, немцы и правы! Бакунин и мы — агенты *русского народа,* мы работаем для него, ему принадлежат наши силы, наша вера, и никакому народу разве его. Жаль только, что немцы забывают, что петербургское правительство — немецкое.

На первый случай довольно. Заключим наши строки искренним желанием, чтоб пророчество, сделанное императором Александром крестьянам, *что им не будет другой воли,* так же быстро не сбылось, как его пророчество о нашем друге Бакунине.

---

[1] «подозрительный тип» (нем.).— *Ред.*

ГОЛОВНИН — МИНИСТР ПРОСВЕЩЕНИЯ

Головнин приобрел известность человека благонамеренного, образованного, современного... что-то он сделает министром? Наследнику преступного и безобразного министерства Путятина, призванного на то, чтоб по-японски морским кортиком разрезать живот университетам *, легко сделать много пользы и еще легче бездну вреда. Желали бы мы с надеждой встретить появление Головнина в министерстве, но мы застращены и предпочитаем молча ждать, что он сделает.

На первый случай минуй его «пуще всех печалей» * три язвы ендемические в нашем министерстве просвещения: *светские попы, русские немцы* и блудные дети их, *доктринеры*,— доктринеры-бюрократы, полисократы, централизаторы, цивилизаторы, теоретические Аракчеевы, поклонники шпицрутенов, Панины в новом издании в восьмушку и пр. и пр. Пусть грозная тень морского омара Путятина, как тень Банко *, всплывает из тины и грязи перед Головниным всякий раз, когда он будет садиться за министерский стол свой.

ПРОФЕССОР ЩАПОВ

Только и недоставало нам к светскому III отделению прибавить духовное. Синод, кажется, хочет восполнить этот недостаток к тысячелетию России *. Щапов, только что выпущенный

из временной тюрьмы, приговорен духовным ведомством *на пожизненное заключение в Соловецкий монастырь*. Ангельский чин полагает, что его мало наказали за несколько слов участия к памяти несчастного мученика Антония, убиенного царским опричником Апраксиным *; ангельский чин догоняет его выходящего из тюрьмы, чтоб ввергнуть *на всю жизнь* в пещеру боговепрей соловецких.

Поднимите же гонимую, унижаемую голову вашу, староверы и все раскольники! Посмотрите на новообрядческую съезжую церковь и на полицейских иерархов — и благодарите судьбу, что вы не к ней принадлежите.

ПРОЦЕСС КНЯЗЯ П. В. ДОЛГОРУКОВА

До нас доходят крики радости русской аристократической сволочи, живущей в Париже, о том, что, натянувши всевозможные влияния, им удалось получить какое-то бессмысленное осуждение кн. Долгорукова. Не знаем, насколько прилична или неприлична эта радость,— нравы передней нам мало знакомы. Но что французским юристам не до смеха от такого приговора — в этом мы уверены. Процесс этот делает своего рода черту в их традиции. *Независимее* от положительных доказательств суд редко поступал — вне той страны, в которой судьи избираются из русской аристократической сволочи, живущей в *России*.

ГОДОВЩИНА ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ДЕКАБРЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Утром четырнадцатого декабря (26) прочли перед Сытным рынком приговор *Михайлову;* он осужден *в рудники на 6 лет,* и государь утвердил *каторжную* работу за несколько независимых слов... На сколько ступеней сошел он вниз к Николаю, с тех пор как, краснея, велел выпустить из крепости невинно посаженного туда Огрызку? * Сенатор Бутурлин хотел еще полнее отпраздновать годовщину: он предлагал Михайлова повесить *.

Шесть лет каторжной работы за то, что из груди, переполненной любви и негодования, вырвалась страстная речь... а впрочем — лишь бы физические силы выдержали.

Иди же с упованьем, молодой страдалец, в могилу рудников, в подземной ночи их между ударами молота и скрипом тачки ты еще ближе услышишь стон народа русского, а иной раз долетят до тебя и голоса твоих друзей — их благословенье, их слезы, их любовь, их гордость тобою. А там... мало ли что может быть в шесть лет!

СТУДЕНТСКОЕ ДЕЛО

Старое, грязное пятно на царском мундире снова выступило, и Путятин *не объял его* — Панин явился во всей мачтовой красоте своей в деле студентов. Его мнение восторжество-

вало *. Ни Волынский, председатель одной из комиссий, ни князь Суворов ничего не могли сделать. Случайности нет в его торжестве: благодушный монарх *хотел этого,* иначе он отстранил бы Панина от суждения в собственном деле. Ряд мер, которыми жабы олигархии хотели сломить, обесчестить юношество России и на приведение которых в действие выписали Путятина, придуман Строгоновым, Долгоруковым и Паниным. Доказательством закулисной стачки государя с Паниным служит заседание в совете министров. Большинство было против предложения Панина, с ним согласились только заявленные тормозы — *Строгонов, Муравьев, Анненков, Чевкин* и сам бенефициант *Путятин.* Во все время мягкосердый монарх молчал, да и утвердил мнение *меньшинства...* вот и польза совета.

МЯСО ОСВОБОЖДЕНИЯ

От русских доктринеров и прогрессивных консерваторов, от очень молодых людей, ищущих для скорости авторитетов, и от очень ленивых людей, любящих готовый хлеб, слыхали мы много раз упрек, зачем, вместо разбора существующего, у нас нет программы будущего, зачем мы порицаем то, что есть, а не поучаем тому, что должно быть. Словом, зачем мы рушим, не созидая... Косвенно мы отвечали несколько раз на эти нападки и вовсе не готовились говорить об них теперь. Но упреки переехали за границу. Аугсбургская подслепая, седая старушонка *, с качающейся головой и венским бельмом на глазу, начала ворчать о том же; за ней близорукий лист *, скроенный немецкими работниками по французским выкройкам, зеленеющий близ лаборатории, в которой Johann Maria Farina троит для вселенной свою воду *, стал нам читать выговоры, а тут, через *естественную границу* Франции, вести дошли до Парижа, и там подхватили кёльнскую воду с аугсбургским букетом и давай нас кропить да поливать, поливать да присказывать, что «мы, нравственно ломая старые императорские учреждения и нападая на них, не предлагаем никаких новых порядков, которым бы народ повиновался и уважал бы и пр.» [1]

Особенного внимания мы и на это не обратили бы не потому, чтоб мы не дорожили мнением на Западе, но потому, что мы убедились, что журналисты не знают ничего о России и не хотят серьезно знать [2]; к тому ж у нас есть интересы гораздо

[1] «Siècle», 8 Janvier 1862.

[2] Мы говорим всего больше о журналах псевдореспубликанской декламации, правительственных демократий, немецкой русобоязни... В серьезных периодических изданиях бывают замечательные статьи

ближе, роднее нам, чем желание оправдываться перед ними.

Когда еще нам были новы
Париж, и Кёльн, и шум дубровы *,

в которой общественное мнение шелестит печатными листами, отвечали и мы, воображая, что наше призвание поучать России.

Hélas, ce temps n'est plus,
Il reviendra peut-être,
En attendant... [1]

мы будем говорить с своими и для них теперь начинаем речь. Путешествующий упрек скоро воротится из Парижа домой, удесятеренный силой вержения. Мы видали, как гордо возвращается домой из Англии отправляемая туда из Архангельска русская щетина — и продается уже вчетверо дороже. В отклонение такого усиленного рикошетного удара мы решились сказать несколько слов.

Упрек этот, во-первых, несправедлив: перед вами два тома «За пять лет», перед вами «Колокол» за прошлый год, в них нет законодательных диссертаций, нет доктринерской схоластики — но вы найдете в них наше мнение о том, что нужно народу, войску, помещикам и проч. *

— Да нет, это все не то. Отчего вы *просто* не предлагаете проект целого уложенья, ну по крайней мере Code pénal, уголовный свод?

— Душой бы рады, да не знаем ни того, ни другого.

— Ну, а не знаете, так и не критикуйте существующего, нельзя же шестидесяти миллионам жить без учреждений, без суда, в ожидании будущих благ.

— И то... вот поляки в XVIII столетии действительно хорошо догадались: дома неурядица, согласиться не могут, они взяли да и пошли к Жан-Жаку Руссо — потрудитесь, мол, написать нам конституцию *. Ну, Жан-Жак и написал.

о России. Не далее как во 2 январской книжке «Revue des Deux Mondes» помещена очень интересная статья Charles de Mazade «La Russie sous le règne d'Alexandre II». Мы поговорим об ней в одном из следующих листов *.

[1] Увы, то время прошло, оно, может быть, вернется, покамест... (франц.). — *Ред.*

— И что же?

— То же, что поляки *прочитали,* т. е. не все поляки, а те, которые знали по-французски.

...Нет, господа, полно нам из себя представлять громовержцев и Моисеев, возвещающих молнией и треском волю божью, полно представлять пастырей мудрых стад людских! Метода *просвещений* и *освобождений,* придуманных за спиною народа и втесняющих ему *его неотъемлемые* права и *его* благосостояние топором и кнутом, исчерпаны Петром I и французским террором.

Манна не падает с неба, это детская сказка — она вырастает из почвы; вызывайте ее, умейте слушать, как растет трава, и не учите ее *колосу,* а помогите ему развиться, отстраните препятствия, вот все, что может сделать человек, и это за глаза довольно. Скромнее надо быть, полно воспитывать целые народы, полно кичиться *просвещенным* умом и абстрактным пониманием. Много сделала Франция своими указами равенства и свободы, много Германия априоричным построением государства и доктринерской догматикой права?

Нам досталось печальное богатство, но богатство; горьким, чужим опытом — мы богаты, тяжело нажитой мудростью старших, их бедами — мы богаты. Это юбилейная выгода бедных народов, вступающих после жнитва на историческую ниву. В этом вся сущность преемственно-кругового поучения народов, называемого совершенствованием. Не спасет никакой опыт и никакая мудрость вступающие в полную жизнь народы от увлечений, от отклонений, от всяких глупостей — но пусть же глупости эти будут *не те же самые;* если нам суждено разбиться об утес, так не о тот же, о который разбился целый ряд шкун, барок, линейных кораблей.

«Общественный договор» *, объявление человеческих прав *, «Уложение» III года, VII года *, опыты всеобщего гражданского устройства и пр. имеют совсем иное историческое значение, чем отвлеченная схоластика немцев. Но вовсе не в практическом применении. Сознание людское отрешалось ими от религиозно-обязательной, несвободной традиции, от рокового, безапелляционного государственного быта. Значение «Contrat social» только и было важно как великий факт освобождения

мысли, совести в сознании человеческом, как утренняя заря, осветившая вершины... Человеку, видящему свет, страшно тяжело оставить других во тьме. Проповедь тиха, изучение медленно, а власть быстра, и передовые люди, с полной любовью и верой, *приказали* другим видеть в темноте, утешаясь, как наши предки, тем, что «поживут вместе — слюбятся». Великая основная мысль революции, несмотря ни на философские определения, ни на римско-спартанские орнаменты своих декретов, быстро перегнула в полицию, инквизицию, террор; желая *восстановить* свободу народа и признать его совершеннолетие, для скорости обращались с ним, как с материалом благосостояния, как с *мясом освобождения*, chair au bonheur public [1], вроде наполеоновского пушечного мяса.

А тут, по несчастию, оказалось, что у народа именно мяса-то на костях мало, да до того мало, что он на все реформы, революции, объявления прав отвечал:

Голодно, странничек, голодно!
Холодно, родименький, холодно! *

А ведь законодатели не только ломали, но и строили, не только обличали, но и поучали, да мало что поучали, заставляли учиться, и что, может, всего печальнее в больших случаях, они были правы...

За собственным шумом и собственными речами добрые квартальные прав человеческих и Петры I свободы, равенства и братства долго не слыхали, что говорит *государь-народ;* потом рассердились за навуходоносоровский материализм его... Однако и тут не спросили его, в чем дело.

Они были убеждены, что лучше народ поучать, чем учиться у него, что лучше строить, чем ломать, что лучше писать у себя в кабинете счет без хозяина, чем его спрашивать у него... Не только Сиэс и Сперанский писали всякого рода бледные конституции *, но немцы-то, немцы что их написали и что возвели в науку!? А пропасть между ними и народом не только не уменьшалась, но увеличивалась, и это вследствие трагической, неотвратимой необходимости. Всякий успех, всякий шаг вперед увлекает светлый берег, он двигается быстрее, быстрее и ста-

[1] мясом общественного благополучия (франц.).— *Ред.*

новится дальше и дальше от темного берега и темного люда. Чем тут наполнишь пропасть, каким доктринерским схоластицизмом тут поможешь, какая догматическая регламентация, какое академическое упражнение хватит через нее? Сделан был опыт, не удался, и опять-таки потому, что социалисты учили прежде, чем знали, устроивали фаланстеры *, не отыскав нигде такой породы людей, которая хотела бы жить в рабочих домах.

И вот из этой-то пропасти выходят, выплывают гильотины, красные шапки на пиках, Наполеоны, армии, армии, легитимисты, орлеанисты, другая республика и, наконец, *Июньские дни,*— дни, ничего не создавшие, ничего не уложившие,— дни, в которые самые лучшие и самые несчастные из народа, гонимые нуждой и отчаянием, вышли безумпо, без плана, без цели, от отчаяния и сказали своим опекунам, законодателям и воспитателям: *«Мы вас не знаем!* Мы были голодны — вы нам дали парламентскую болтовню; мы были наги — вы нас послали на границу убивать других голодных и нагих; мы просили совета, мы просили научить нас, как выйти из нашего положения — вы научили нас риторике;— мы возвращаемся в тьму сырых подвалов наших, часть нас ляжет в неровном бою, но прежде мы *вам,* книжники революции, скажем громко и ясно:

Народ не с вами!»

ЮБИЛЕЙ

...Юбилей Княжевича, юбилей Вяземского, юбилей Адлерберга, юбилей Сухозанета и, наконец, юбилей России! Как ни смешна сама по себе мысль праздновать день в день зачатие какого-нибудь государства, особенно когда это зачатие совершилось в такой тиши и в такой глуши, что знающие люди спорят до сих пор, кто был и кто не был отцом [1],— но нападать на это мы не станем, как на дело невинное. Можно было бы возразить, что всякого рода излишние траты теперь неуместны, но, взяв в соображение, что юбилей какого-нибудь бесполезнейшего, ничтожнейшего человека, которого все заслуги состоят, à la Maniloff, в нежной дружбе к Николаю, стоит дороже десяти памятников, мы готовы примириться и со тратой. Нас обижает продолжение лжи в прошедшем, нас обижают барельефные обманы. Есть что-то малодушное и тупоумное в преднамеренном искажении истории по высочайшему повелению. Скрыл ли Николай участие Ермолова и Толя в Бородинском сражении тем, что выпустил на памятнике их имена *, скрыл ли он от потомства, что Варшаву взял Толь, а не Паскевич? * Для чего же это возведение во *временно великие люди* Ртищева, Бецкого, Потемкина, Кочубея, Воронцова, Паскевича, Лазарева, Корнилова, Нахимова и пр., и пр.? *

Мы уж не говорим о толпе всякого рода архиереев, названных *просветителями* * и которых каменосечные обличия явятся в числе исторических знаменитостей. В их числе есть лица, о которых никто не слыхивал: Гурий, Варсонофий; и есть

[1] Пользуясь, вероятно, тем, что у нас la recherche de la paternité ⟨выяснение отцовства⟩ не воспрещена, как в французском кодексе.

такие, о которых мы привыкли слышать с дурной стороны, вроде интригана Феофана Прокоповича.

Если дело сделано и каменосечные обличия заказаны, то мы предлагаем делать барельефы для *временно великих людей* на подвижных дощечках, так, чтоб, по мере надобности и отшествия к праотцам новых знаменитостей, заменять их.

Тихона Задонского, постника — *Адлербергом*-отцом.

Митрофана Воронежского, девственника — *Барятинским.*

Бездарнейшего из военных *Паскевича* — еще более бездарным из статских *Паниным.*

Гурия и Варсонофия — Путятиным и Аскоченским.

Ртищева, устроившего в 1648 году общество переводов с греческого *,— *Похитоновым,* устроившим в 1858 году общество переводов со всех языков *.

Лет через пять и этих выбросить и вставить новые дощечки... да так и менять до оседлости мнений и утверждения законной меры для великих людей, тогда народ русский в свою очередь окончательно прокричит:

Лоб или затылок! [1]

---

[1] Форма памятника нам очень польстила: огромный ***колокол,*** поставленный так, чтоб звонить нельзя было. Все же колокол! Но какой? Вечевой ли, новогородский, или наш, лондонский? Нам кажется, что ни тот, ни другой, а колокол очень *сладкий;* его облепило видимо-невидимо всяких фигурок, в том числе одна приклеилась крыльями и так пламенно рвется прочь, что даже на голове загорелась какая-то плошка *(Зри «СПб. месяцеслов на 1862 год»)* *.

〈ПОДЧИНЕННЫЕ ДАВАЛИ ОБЕД〉

«*Подчиненные* давали обед своему прежнему начальнику»,— так говорят «СПб. ведомости» об обеде, который давали остзейцы князю Суворову *. Недурно было бы, чтоб к тысячелетнему возрасту наш печатный язык не так резко напоминал бы нам учтивость передней и почтительность повытья. Журнал, так хорошо понимающий тысячелетие, как «СПб. ведом.», должен подавать пример. Что значит слово *подчиненный* в отношении к неслужащему гражданину? Подчиненный неслужащий значит *покоренный.* Так *«Золотоордынские ведомости»* могли сказать, что такого-то числа «подчиненные великие князья российские давали попойку Батыю при его отъезде в столицу». Вообразите на минуту, что было бы в Лондоне, если б после какого-нибудь обеда, данного лордом-майором и обществом Гладстону или Росселю, «Times» сказал бы, что «градской голова и другие подчиненные министра давали ему прощальный обед». Ну вообразите!.. Или почему по поводу суворовского обеда не сказать с военной откровенностью: «*Покоренные* остзейцы давали главноначальствовавшему неприятельской армией в их крае обед в благодарность, что он не так *изрядно воевал Лифлянды,* как граф Шереметев при Петре I» *.

Неужели наши отцы-учители немцы не протестовали против подлого слова подчиненных?

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ПРУССИИ

Людвик Ягельский, издатель «Познанского дневника», отдан под суд за перепечатание какой-то статьи из «Колокола». Вот что значит родство и кумовство. Ждем с нетерпением, как себя окажет *либеральная* Пруссия.

ДВОРЯНСКАЯ КРАМОЛА

Нам пишут, что московское дворянство осмелилось, по предложению известного *бланкиста* Безобразова, *рассуждать об отречении государя в пользу своего сына.* Предложение было отвергнуто большинством 183 гол. против 165. Неужели и тут повязка не падет с глаз царских и он еще будет хвастаться не тем, что он *первый русский,* а тем, что он *первый дворянин?* Неужели царская слепота хуже куриной?

Когда Михайлов напечатал слово к юношеству, призывая его на соединение с народом, его послали в каторжную работу. Когда Безобразов, с плантаторской точки зрения, предлагает отречение от престола, государь ничего не находит иного, как съездить втихомолку на Бологовскую станцию [1] пошептаться с московским генерал-губернатором *. Что это доказывает? Это доказывает бессилие власти. А что доказывает отвергнутие безо-

[1] «Indépendance».

бразовского предложения большинством голосов? Это доказывает бессилие дворянства. Где же сила? Сила в соединении с народом!

В МИНИСТЕРСТВЕ ФИНАНСОВ СВОЙ ПУТЯТИН

В министерстве финансов свой Путятин. Только он там называется Княжевич. 18/30 января распущен технологический институт за то, что воспитанники отказались подчиниться каким-то княжевичным нелепым правилам *.

Сей старец погибнет в *гроте?* *

СТОЛБОВОЙ ОЛИГАРХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Рыцарствующий победитель Мурмина * замечает в 1 № своего журнала *, что «образованного человека, в точном значении этого слова, можно встретить *только* между дворянами и что образованный человек или родится дворянином, или делается им».

По всему видно, что наше время *павловское,* а не современное.

ЕРНИЧЕСКИЙ ТОН РУССКИХ ГАЗЕТ

Рядом с *цикорным* аристократизмом Н. Ф. Павлова не мешает указать на невероятную дерзость благородных разно-

чинцев, издающих у нас журналы. В 16 № «Сев. пчелы» мы читаем *:

Тип русской женщины купеческого быта. Из Волоколамска (Моск. губ.), от 6-го ноября, пишут, что в двух верстах от красиковской мельницы замерзла на дороге в город тамошняя купчиха Анна Ивановна Смирдина, вывалившись из саней в нетрезвом виде при возвращении со свадьбы с дочерью и кучером, которые, быв также в нетрезвом виде, ее оставили («Сев. почта»).

Кто дал это грубое, дикое заглавие? *Официозная пчела* или *официальная почта?* А мы еще недавно дивились, что какой-нибудь *Чевкин* не пускает в казенный сад купцов! * Натура-то чиновничья, шляхетская — нет-нет да, как старый сифилис, и высыпет.

НЕ БУДЬ НИ А — ПЕЛЛЕСОВ, НИ ПАВЛОВ

(Посл〈ание〉 к коринф〈янам〉)*

«И не вводи во искушение Головнина»,— прибавим мы. Говорят, что он дал первый напрягай московской цензуре за «День»...* лиха беда — первый шаг, увлекательно... Очень жаль, что он его сделал. И добро бы он вступился за бедную Польшу, которую любит пошколить *великорусская* повремянница *. В самом деле, что-нибудь одно: или надо дать право полякам отвечать, или отнять право у заносчивых победителей добивать несчастный народ патриотическим словонеистовством. Осадное положение fara da se [1] и не имеет необходимости в *осадной* журналистике.

Но «Indépendance Belge» говорит *, что дело стало не из поляков, а из календаря и вышло из того, что «День» не совпадает с *нашим временем* *. Болярин Павлов-Мурминский *, также князь Суворов-Рымникский любят аристократию и оба защищают ее: болярин Павлов в «Нашем времени» *, Суворов в своем

[1] само сделает свое дело (итал.).— *Ред.*

городе. Оба, как римский помещик Катон, «любят побежденных». А потому и неудивительно, что один из сановников, именно Павлов, стал их отстаивать против *дневного* света. Само правительство, видя несчастное положение сего главного в империи сословия, предоставило ему на днях в неотъемлемое владение право *воспоминания о великих деяниях его предков* *. Но Павлов не может на это согласиться. До «Нашего времени» ему нечего вспоминать; хорошо демократничать человеку, у которого есть *семейная хроника* * (и нет на душе мурминского усмирения)... Все это, может быть, и так, но Головнину-то зачем было мешаться... Подождал бы еще *день-другой,* может, и так обошлось бы.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КЛЕЙМ

Заботясь о сохранении исторических воспоминаний нашего дворянства, правительство не упускает из вида сохранять их и на лицах податного состояния. На днях русские газеты сообщили нам высочайше одобренные правила о том, в каких случаях *возобновлять клейма* на лице преступников, которые от времени изгладятся. Ноздри рвать радикальнее: перегородка никогда не вырастала... Пусть Мамай радуется в вечном кочевье своем: если «русские князья, бояре, воеводы, пришедшие за Дон отыскивать свободы» *, его и победили, но сделались сами зато на веки веков истыми монгольскими татарами, да еще не Золотой, а Византийской орды. Вот, кстати, и пример:

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА ЗА УСТАВНУЮ ГРАМОТУ

Еще виктория! Нам пишут, что в селе Митаевке, Пирятинского уезда, князя *Жевахова* крестьяне осмелились не быть добровольно согласными на подписание уставной грамоты. Явился мировой съезд и с ним пирятинский предводитель

Катеринич. Он потребовал выдать *зачинщиков* — громада, разумеется, не выдала. Более снисходительное военное начальство выдало сейчас, по просьбе съезда, шайку секущих солдат, те и стали сечь. Семерых крестьян отдали под суд... Что, в Полтаве разве нет губернатора, что, в министерстве внутренних дел разве нет Валуева?

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I и В. Н. КАРАЗИН [1]

Вам, Н. А., последнему нашему Маркизу Позе, от всей души посвящаю этот очерк.*

I

ДОН-КАРЛОС

В первые годы царствования Александра I, т. е. когда уроки Лагарпа были еще в памяти и урок, данный монархам вообще в Париже * и русским самодержцам в особенности в Михайловском дворце *, не были забыты,— у императора Александра I бывали литературные вечера; на них приглашались несколько близких лиц к государю, особенно известных за грамотных.

---

[1] В моей первой юности я видал раза два-три *Василия Назаровича Каразина;* помню, что мой отец рассказывал об его письме к Александру I, об его близости к нему и о быстром падении. В 1860 году я прочел замечательную жизнь этого человека в «Северной пчеле». В порывистой, многосторонней, исполненной инициативы деятельности Каразина все захватывало внимание, всего больше то, чего в «Северной пчеле» *не было*, т. е. что осталось по ту сторону цензурных колодок. Случайно достал я письмо Каразина к императору (оно было напечатано в «Русском вестнике» 1810) * и несколько других бумаг. Сначала я думал только напечатать это письмо в дополнение упомянутой статьи. Потом мне захотелось по поводу отношений Александра I к Каразину высказать несколько общих замечаний — я это и сделал. Ни статья «Северной пчелы», ни эти замечания далеко не составляют биографии В. Н. Каразина. Это только материалы для нее, я с своей стороны почти не касался до жизнеописания Каразина, мне хотелось только загрунтовать fond и набросить обстановку, в которой выступает его фигура.

В один из этих вечеров чтение длилось долго; читали новую трагедию Шиллера.

Чтец кончил и остановился.

Государь молчал, потупя взгляд. Может, он думал о своей судьбе, которая так близко прошла к судьбе Дон-Карлоса, может, о судьбе своего Филиппа? * Несколько минут продолжалась совершенная тишина; первый перервал ее князь Александр Николаевич Голицын; наклоняя голову к уху графа Виктора Павловича Кочубея, он сказал ему вполслуха, но так, чтобы все слышали:

— У нас есть свой Маркиз Поза!

Кочубей усмехнулся и кивнул ему головой. Глаза всех обернулись на человека лет тридцати, сидевшего поодаль.

Император вздрогнул, посмотрел на окружавших, остановил недоверчивый, пытливый взгляд на человеке, сделавшемся предметом общего внимания, наморщил брови, встал мрачный и недовольный, откланялся гостям и вышел.

Князь Александр Николаевич улыбался; будущий министр просвещения и духовных дел, инквизитор и масон, покровитель Магницкого и Рунича, начальник Библейского общества и почтового ведомства, друг императора Александра, который безжалостно пожертвовал его Аракчееву *, друг императора Николая, который не поручил ему никогда ничего дельного, был доволен. Зная подозрительный характер Александра, он был уверен, что слово его взойдет,— и не ошибся. Почему он вредил этому человеку — этого он не знал, это лежало в его натуре царедворца; на всякий случай не мешало отстранить лишнего человека.

Без сомнения, на ту минуту, из всех бывших на чтении, только двое искренно и пламенно желали добра России — государь и В. Н. Каразин, названный Маркизом Позой.

Эти две личности — одна, «венчанная и превознесенная» в Успенском соборе митрополитом Платоном, сокрушившая Наполеона и сокрушившаяся под бременем славы и безвыходного, беспомощного самодержавия, и другая — личность неутомимого работника на общую пользу, бравшаяся за все и за все с необыкновенной энергией, толкавшегося во все двери и встретившего везде отпор, препятствия и невозможность в этой

среде произвести что-нибудь путное,— эти две личности бросают два печальных луча на гладко подмерзнувшие тундры петровской России, в которых затирались, затираются энергия и воля, таланты и сила, пропадая без вести в болотных тонях, как сваи, на которых построен Петербург.

Характер императора Александра I мало выяснен. Наши историки не могли о нем писать, иностранные не могли и не могут понять, в чем его трагический *смысл*. Этого равно не объясняют ни его царское достоинство, ни его личные несчастия; он же, совсем напротив, был необыкновенно счастлив как царь, счастлив даже после смерти. Нельзя быть рельефнее поставлену в истории, как он. Наследнику Павла только и недоставало иметь преемником Николая. Между гатчинским тигром, которого пришибли, как бешеного зверя, и застегнутым на все пуговицы удавом, душившим тридцать лет Россию,— сутуловатая фигура императора Александра вырезывается как-то человечественно и кротко, то освещенная заревом Москвы, то озаренная парижскими плошками, то удерживающая руку немецких владетельных воришек, то останавливающая дикую месть победителей, дорвавшихся до неприятельской столицы *.

И эта фигура Агамемнона, примирителя Европы, на вершине своего величия становится смутнее, видимо тускнет, стирается за страшной тению Аракчеева и пропадает одиноко на берегах Черного моря *, подавая руку позднего примирения женщине, которой вся жизнь, прикрытая императорской багряницей, была одним оскорблением и которая одиноко, коленопреклоненная перед умирающим, закрыла его глаза и пережила его.

Every inch *, «каждый вершок» — потрясающая трагедия.

Не думайте искать отгадки в смерти Павла, она могла прибавить еще черную нитку в его жизни, но fond дальше, обширнее, глубже. Какая-то неумолимая, роковая стихия обнимает ее и далеко перехватывает. В этой среде чуется зловещее веяние, присутствие *преступления,* не совершившегося, не прошедшего, а преступления *продолжающегося,* невольного; оно бродит в крови, им пропитаны стены. Кровь отравлена в жилах до рождения, воздух, которым тут дышат люди, тлетворен,

каждый вступающий вовлечен, хочет он или нет, в омут нелепости, гибели, греха. Пути ко всему злому раскрыты во всю ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится и подумает, кто спросит себя, что он делает, что делают вокруг него,— он сойдет с ума; горе тому, кто в этих стенах допустит человеческое чувство в своем сердце,— он сломится в борьбе.

Вот это-то останавливавшееся лицо, в ряде русских венценосцев после Петра, и был император Александр I. Оттого-то он и есть единственный *наказанный* из всех Романовых, наказанный человечески, внутренней борьбою, наказанный прежде вины, *но дорослий до нее* впоследствии.

Сравните его судьбу с судьбой Петра III, Павла, пожалуй, Николая, и вы поймете, почему именно этот человек, названный «благословенным», умерший на своей кровати, и притом никем не побежденный, гораздо больше трагическое лицо, чем все его предшественники. Что трагического в том, что пьяного идиота убила и обобрала развратная женщина *; это случается сплошь да рядом в закоптелых домах темных лондонских переулков; или в том, что человек, обороняясь от сумасшедшего, хватил его табакеркой в висок, а другие покончили его *. Это не трагические катастрофы, а дела уголовной палаты и смирительных домов.

Трагический элемент не определяется ни болью, ни синими пятнами, ни кулачной борьбой, а теми внутренними столкновениями, не зависимыми от воли, противуречащими уму, с которыми человек борется, а одолеть их не может,— напротив, почти всегда уступает им, измочалившись о гранитные берега неразрешимых, по-видимому, антиномий. Для того чтоб так разбиться, надобно известную степень человеческого развития, своего рода помазание. Есть натуры до того будничные, до того рутинные, до того узкие и посредственные, что их счастие и несчастие пошло, по крайней мере не интересно. В холодных глазах, в прозе военно-учебного самовластия Николая, в его ограниченном взгляде, постоянно обращенном на мелочи и подробности, в его субалтерной точности и пристрастии к прямым линиям, к геометрическим фигурам лежит исключение всего поэтического. Напрасно из последних дней его хотят сделать

что-то величаво мрачное. Человек этот не останавливался ни на чем, не сомневался ни в чем, на него не находило раздумье, у него не было раскаяния, не было идеалов, он знал, что царствует по воле божией, что должность императора — военная, и был совершенно доволен собой; он не подозревал, что нравственная жизнь всего государства понизилась *им*, что он, кругом сомкнутый и обворованный, поставил Россию на край пропасти. Узнавши последнее, он с досадой увидел, что не дорос даже до того, чтоб совладать с первой неудачей, и тотчас умер от бессильной злобы. Это урок, пример, угроза, но не трагедия. В противном случае можно сделать трагический тип не только из всякого наказанного разбойника, но даже из желчевого труса Аракчеева, умирающего в Грузине, всеми ненавидимого и оставленного, у окаянной могилы, облитой кровью целой дворни *.

Не таков был император Александр. Императрица Екатерина, сосредоточивая на нем династический интерес и то материнское чувство, которое она никогда не имела к своему сыну, дала ему очень человеческое воспитание и, как это бывает с старыми грешницами, воспитывала его в неведении того, что делалось вокруг. Александр был мечтатель, юноша с романическими идеями, с той неопределенной филантропией, которая тогда была в ходу и составляла как бы северное сияние или холодный и мерцающий отблеск иной, более горячей филантропии, которая проповедовалась тогда в Париже. Но, со всем тем, его воспитание кончилось рано, и он с Лагарпом в голове является на царский помост, окруженный седым, догнивающим развратом последних лет екатерининской эпохи.

«...Я отнюдь не доволен своим положением»,— пишет великий князь В. П. Кочубею 10 мая 1796 года *, т. е. 18 лет от роду [1]. «Я чрезвычайно рад, что речь об этом зашла сама собою, без чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый друг, повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться

[1] Корф, «Восшествие Николая», стр. 228—229.

на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых *не желал бы иметь у себя и лакеями;* а между тем они занимают здесь высшие места, как напр. З....., П...., Б...., оба С...., М.... и множество других, которых не стоит даже называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом.

Вот, любезный друг, важная тайна, которую я уже давно хотел передать вам; считаю излишним просить вас не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, как дорого я мог бы за нее поплатиться. Я просил г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вам его вручить, и никому не передавать для доставления его к вам.

Я обсудил этот предмет со всех сторон. Надобно вам сказать, что первая мысль о нем родилась у меня еще прежде, чем я с вами познакомился, и что я не замедлил прийти к настоящему моему решению.

В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду — а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления; это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно. Следуя этому правилу, я и принял то решение, о котором сказал вам выше. Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастие в обществе друзей и в изучении природы.

Вы вольны смеяться надо мною и говорить, что это намерение несбыточное; но подождите исполнения и уже тогда произнесите приговор. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совести ставлю первым для себя законом, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дело не по моим силам? Вот, мой милый друг, что я так давно желал сообщить вам. Теперь, когда все высказано, мне только остается уверить вас, что, где бы я ни был, счастливым или несчастливым, богатым или бедным, ваша дружба ко мне будет всегда одним из величайших для меня утешений; моя же к вам, верьте, кончится только с жизнию».

Екатерина умерла. Павел свез в трескучий мороз тело Петра III в Петропавловскую крепость *прихоронить* его покойнице и заставил графа А. Орлова и Барятинского нести его корону *. Александр еще ближе подвинулся к вершине, окруженной тем гноем, о котором он писал. Но там все уж изменилось одною смертию; все стало еще сквернее, только в другом роде. Жалеть пришлось ему сановников, которых он не хотел «иметь лакеями». Избалованная, пресыщенная дворня старой барыни заменилась каптенармусами и камердинерами наследника, которые внесли во дворец казарму и переднюю. На место надменных дворецких воров — явились воры-доносчики, на место лакеев — палачи; дворец из публичного дома стал застенком. Разврат чувственный сменился развратом свирепости, боли, заколачивания.

Тревожно и грустно стоял цесаревич, подавленный ужасом, у подножия дикого трона; бессильный помочь и лишенный возможности отойти, Александр, как Гамлет, бродил по этим залам, не умея ни на что решиться; другие решились за него.

Так же тревожно и грустно, да и еще к тому ж с черным пятном на совести, взошел он сам на вершину страшной скалы, с которой только что сбросили обезображенный труп убитого отца его *. Он хотел добра, и ему верили. На его юные и кроткие черты смотрели с упованием; уповал и он, что сделает из России рай; он ей отдает лучшие годы, лучшие силы, народ благословит его, он замолит грех своего участия в кровавом деле *, и тогда, Траян и Марк Аврелий, он исполнит писан-

ное к Кочубею и пропадет в виноградных садах на берегах Рейна [1].

Александр был откровенен в этих мечтах, он им верил, и не он один — им верила вся Россия, т. е. Россия *порядочных людей,* Россия, признанная людскою; до *черной* Руси, до Руси податной это не касалось; она и тут, как вообще на торжествах и праздниках, была исключена из общей радости, да и сама не старалась принять в ней участие, вспоминая матушку императрицу и словно чуя, что новое царствование за кровь десятого человека заплотит военными поселениями.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую любовь, на такую веру, на такую радость о смерти злодея...

Теперь дай человека мне, создатель...
Ты много дал мне,— только человека
Ты дай теперь мне...
Молю тебя о друге — я не так,
Как ты, всеведущ. Слуги, мне тобой
Посланные,— сам ведаешь, какие
Они мне слуги. Из-за денег только
Они мне служат.
Мне правды надо... *

Прошло дней десять после смерти Павла. Во дворце был большой прием; радостные лица, одетые в глубокий траур, входили, выходили, низко кланялись, повторяли раболепные фразы. Застенчивый Александр, мало привыкнувший к этой работе и к этой роли бога, перед которым все падает, на которого все уповает, утомленный, взошел после приема в свой кабинет и бросился на кресло перед своим рабочим столом. На его столе, в его кабинете, в который никто не смел входить, лежало толстое письмо... запечатанное и надписанное ему *.

Он сорвал печать и развернул письмо; по мере чтения глаза его наполнялись слезами, щеки горели; он положил письмо, и крупные слезы продолжали катиться по его щекам. Их видели граф Пален и Трощинский. «Господа,— сказал им государь,— неизвестный человек положил на мой стол это письмо; оно без подписи, сыщите мне непременно, кто его писал».

[1] Мечта об отречении занимала его до самой смерти.

II
ПИСЬМО *

Вот что прочел император:

Каким прекрасным днем началось Твое царствование! Казалось нам, что сама природа в восторге встретила Тебя![1] Александр, любимец сердец наших! Десятый день уже освещает весеннее солнце Твоих надеждами исполненных подданных, и день от дня, час от часу Ты более оправдываешь сии надежды. Какая лестная будущность ожидает нас!

В сие время всеобщего восторга кто пощадил бы жизнь свою на защищение Твое? Но Ты в нем не имеешь нужды... Прости ж, если, искав принести Тебе дань, я дерзновенною рукою начертаю некоторые истины,— я, удаленный от двора Твоего и упования наград, один из безвестнейших россиян. Прости, прости меня за неважную сию жертву, но жертву сердечную; прийми ее засвидетельствованием доверенности к Твоим добродетелям, знаком *истинной подданнической* любви. Без сомнения, все, что я ни скажу Тебе, более или менее впечатлено уже в Твоей благородной душе или известно в сонме мужей мудрых, которыми Ты окружаешь Себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть *лепту вдовы в сокровищницу,* так точно, как самое блистательное понятие о славе Твоей никогда не удержит меня от рвения распространять ее, во всяком для меня приступном кругу, моею хвалою...

Государь! Ты царствуешь над сорокью миллионами человек, искони приобыкших беспредельно чтить власть, вне которой они не могут представить себе блаженства. Одного взора их царей часто довольно, чтоб разлить повсеместную радость, и, конечно, одного веления, чтоб устроить счастие, каким только может человек наслаждаться на земле...

Империя, которая *своим* называть Тебя будет, не обыкновенное государство. Ей нет подобной не только в нынешнем состоянии Европы и прочих частей света, но, может быть, и в летописях веков прошедших. Она заключает в себе десять климатов, обитаемых народом большею частию единого языка и единой веры. Она от севера до юга и от запада к востоку изобилует в количестве и роде бесчисленными благами, заменяющими себя взаимно, которые дают возможность поставить все ее сношения с чужими странами в совершенной независимости. Она имеет и пространнейшие земли для возделывания большею частию *ей одной свойственных* произведений, и надежные руки сынов своих для искуственного их обработывания. Посему богатства ее, не на случайных причинах, но на природе основанные, должны возрастать с самим временем. Она представляет, так сказать, подобие рудника, открытого при поверхности земли, которого изобилие постепенно обнаруживается по мере его углубле-

---

[1] Случилось, что 11 марта 1801 года в Петербурге был самый неприятный зимний день; 12-го же, напротив, погода сделалась тихая, теплая и ясная, как будто весна вдруг наступила.

ния. Она изобилует реками, которые, из ее средины изливаясь в пять морей, ожидают только попечительной руки правительства, чтоб соединить их всех, чтобы сообщать рукоделия Европы — Азии и азиатские богатства Европе *кратчайшими путями*. Она граничит в наибольшей части с Ледовитым океаном или странами, столько же неприступными, как и он; в остальной же части имеет соседей, привыкших почитать русское могущество. Что могу сказать Тебе, Государь, нового о гражданских добродетелях Твоего народа, который среди времен грубейшего невежества обращал уже на себя внимание,— народа, в *нынешнем* состоянии нравственного мира едва ль не менее всех прочих народов поврежденного?.. Напомню только одну из этих добродетелей, обеспечивающую незыблемость отечества. Пожертвование жизни за него всегда и везде почитаемо было достойным вечных похвал; но сие пожертвование без всяких видов славы, утешительницы умирающих героев, сие великое самоотречение свойственно редким лишь душам; и российские ратники способны к нему более всех древних и новых воинов. Решительный военачальник идет на смерть — я почитаю его; но вижу, что слава, которая из-за пределов гроба простирает к нему свой лавр, наполняет его воображение удивлением соотечественников и потомства, что сия слава смягчает ужасы смерти. Честолюбие, желание приобресть блестящее отличие упояет его. Самая необходимость действовать соответственно званию, к которому он принадлежит, влечет его вперед. Но простой солдат, который не мечтает о лаврах, не имеет предрассудков благородства, заставляющих отличаться, не ожидает наград; солдат, которого участь не переменяется после двадцати выигранных сражений и который, не думая о свидетелях, о потомстве, об истории, умирает *весь*, у которого священный долг есть единое побуждение,— для меня прямо великий герой! Таков российский солдат; и таких имеешь Ты сотни тысяч!..

Время образовало человеческую премудрость; время, усовершая все, предуготовляет законодателю способ быть благотворителем человечества. Если б Екатерина, если б Марк Аврелий сам, жили в железном веке царствования Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суеверия, подавляема своеволием феодализма, много ли бы они могли сделать в пользу своих подданных? Предположив, что они из собственного сердца, созданного для блага человеков, из собственного всеобъемлющего разума извлекли бы законы; предположив, что они нашли бы возможность в одно время и сильно действовать и глубоко размышлять, проникать без всяких предварительных познаний в состав обществ, в сердца людей,— где взяли бы они достойных исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образования общественного не были еще произведены. В наши дни, Государь, наука законодательства, вместе с прочими науками, вместе с общими успехами разума, необходимо усовершенная, представит Тебе в творениях величайших умов тысячу новых идей, которые, объяты быв благодетельным Твоим духом, искушены, подобно как злато искушается огнем, религиозностию Твоих чувствований, могут положиться в основание счастия россиян. Велика заслуга

мудреца, многотрудно открывающего истину; но тот, кто силу, данную ему от небес, обратит на действительные приложения сей истины, достоин алтарей! Он бог, собирающий носимые бесполезно по воздуху пары в благотворный дождь, который дает плодоносие долинам и воды рекам, орошающим их. Ежели земные владыки могут назваться подобием великого, непостижимого существа, создавшего миллионы миров, то, конечно, тогда только, когда они подражают его благодетельности...

Воззри напоследок на нынешнее состояние Европы. Могло ль быть когда-либо время *способнее* для возведения Твоей «России на верх славы и блаженства» в сходство обещания Твоего? Притязания и виды всех держав так разнообразны, так противуположены друг другу, что Ты никогда не можешь быть в необходимости принять оружие, если Сам будешь иметь миролюбивые намерения, если суетные хвалы умов праздных (*так называемая* слава завоевателей) никогда от Тебя не удостоятся быть взвешиваемы наряду с благословениями тысячей и тем человеков, которых судьба от Тебя зависит. Французский переворот, столь гибельный сам по себе, поколебавший столько правлений, не только не сделал вреда России, в которую его начала не могли проникнуть, но принес ей еще ощутительную выгоду, отвративши, во-первых, завистливое внимание держав в самое критическое для нее время и, потом, новым расположением связей их, уволивши наш двор от необходимости пристать к той или другой стороне, которые обе теперь, почитая соучастие наше решительным, должны наперерыв искать нашего благорасположения. Россия вышла, чрез неожиданное это стечение обстоятельств, из всегдашней (со времени Петра Великого) скрытной войны со *всеми* европейскими державами. Самую молодость ее, которая еще чрез целое столетие е могла б быть забыта, революция навсегда изгладила из памяти.

В сем состоянии дел внутренние и внешние долги государства Твоего не важны, судя по великости источников Твоих доходов, кои не расточены еще столько, чтоб простым отменением некоторых предположенных издержек не можно было вывести казну в несколько месяцев из всякого затруднения.

Таковы средства, Государь, которые Ты имеешь быть великим, счастливейшим монархом среди счастливейшего народа на земле...

Ночью, проходя мимо чертогов Твоих, я представлял себе сию картину благословенного Твоего политического положения и размышлял, каковы будут пути Твои.

Неужели захочет Он, говорил я сам себе, произвольно расстроить редкое согласие неба и земли в Его пользу и благотворное предуготовление целого полвека оставит без исполнения? Неужели Он созданному для душ обыкновенных удовольствию самовластия хладнокровно пожертвует надеждою народов, бессмертною славою и тою наградою, которая по долговременной, безмятежной, семейственных радостей исполненной жизни ожидает добродетельных монархов в стране блаженства?

Нет! Он раскроет напоследок великую ту книгу судьбы нашей и наших потомков, которую лишь указал перст Екатерины. Он даст нам не-

преложные законы. Клятвою многочисленных племен своих подданных утвердит Он их в роды родов. Он скажет России: «Вот предел самодержавия Моего и Моих наследников, нерушимый вовеки!..» и Россия войдет, наконец, в число держав монархических; *и железный своенравия скипетр не возможет сокрушить скрижалей ее завета.*

В этом будет Он действовать медленно, как действует природа в таинственных путях, от творца ей уготованных. Он призовет в помощь свою вечный разум, имеющий озарить Его душу; им руководствуясь, обозрит Он весь состав законов, доныне существующих, дабы без нужды и по одной лишь любви к новостям не разрушать утвержденного и оправданного уже временем. Именем отечества истребует Он совет у мужей мудрых, счастливою для нас судьбою поставленных близ Его, и других, голос которых из отдаленнейших краев Его государства истину поведать Ему может. *Под завесою строжайшей скромности* вопросит Он их; со светильником чистой своей совести пройдет творения законодателей мира, древних и новых; сообразит оные с обстоятельствами своего народа, с его нравами, обычаями, религиею, с местным его положением, с просвещением истинным, какое обещает нам наступивший век после жестоких испытаний прошедшего... Он составит втайне, но торжественно, пред лицом внимающей вселенной издаст государственное уложение, основу законов, которые *сами*, нечувствительно, могут *предварить* ее обнародование. Он повелит напоследок в пространстве России избрать старцев, достойных беспредельнейшей доверенности своих сограждан; и, поставив их вне сферы честолюбия и боязни, уделит им весь избыток своей власти — да охраняют святая святых отечества... Он приймет и другие меры, почерпнутые из опыта веков, для утверждения прав своих подданных. Он-то первый употребит самовластие для обуздания самовластия; первый, кто по чистейшему движению сердца пожертвует человечеству собственными выгодами! И человечество, возрыдав от радости, вознесет кумир Его выше кумиров прочих царей, и сонмы народов чуждых притекут лобызать Его подножие и вкусить среди нас блаженство!..

Без сомнения, наш Александр, друг людей, ведает, что доверенность к правительству, утверждаемая известностию *непременных* его начал, *одна* рождает взаимную доверенность граждан между собою, что она есть жизнь промыслов, мать общественных добродетелей и источник благоденствия...

С доверенностию к правительству на одной степени поставит Он *веру к правосудию*. Без них обеих почтенные слова: гражданин, отечество суть пустые звуки на языке отечественном!..

Он презрит новых лжеполитиков, утверждающих, будто частные неправды не обращаются обществу во вред, будто для государства «все равно, как ни переходит собственность из рук в руки». Предоставив весь суд *избранным от народа*, Он удалит их от соблазнов не законами, безгласными *по необходимости*, но доставлением судьям избыточного содержания,— содержания, соразмерного их бескорыстию и поревнованию об общей пользе. На сей же конец подчинит Он судей общественному

мнению. Оно всегда было более беспристрастно, более неумолимо, нежели высшие инстанции, нередко движимые *одинаковыми же* началами на вящее посрамление законов! Суд при дверях открытых, право тяжущимся публиковать определения будет одним из надежнейших ограждений правосудия.

Он положит единожды навсегда твердое основание государственному достоянию: изочтет богатства своих обширных владений; определит возможность и повинности подданных по неподвижному размеру, изменениям от прилива и отлива *изобразительных знаков* богатства не подверженному, и скажет: «*Сим* обязаны вы взаимно состояние к состоянию; *сим* обязаны относительно к государственной сокровищнице; *сим,* наконец, располагает лицо Государя». Тогда одни чрезвычайные, всею мудростию человеческою не предвидимые нужды государства останутся неопределенными; но на удовлетворение их готовы коренные, так сказать, *утробные* его силы, которые с покоем *неопределенно же* возрастают.

Не поводы к новым налогам велит Он изобретать для бесконечного умножения мнимых доходов, но с благоволением примет те меры, кои клониться будут к уменьшению издержек. И сим *вернейшим* путем, сопровождаемый благословениями граждан, трудящихся в поте лица, достигнет Он до постоянного *избытка государственного,* которым ни одна держава похвалиться еще не могла.

Он ограничит особливо издержки, которые не служат к пользе империи и не возвышают на самом деле блеска венца Его; уменьшит двор Свой; изженет из него толпы ласкателей и прислужников, бесстыдно мечтающих, что достояние империи им принадлежит и что они преимущественное имеют право на милости Государя по одному тому, что случай поставил их близ Его особы.

Он ограничит суетную *любознательность:* это желание украшать улицы и площади столиц, когда все прочее государство *представляет еще бескровные хижины.* Не художества призовет Он в помощь для сооружения себе памятников; но в премудрости своих учреждений и в любви народной найдет их; они не сокрушаемы временем и не одно удивление праздного любопытства возбуждают, но почтение всех веков и всех народов!

Самые художества не будет Он покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертогов Своих с условием, чтоб они платили Ему лестью, но действительно ободрит их, *умножив общее благосостояние* и разрешив узы ума и талантов.

Вообще Он будет дорожить произведением кровавого пота подданных, посвященным на пользу общую; и *моральное* изящество будет первейшим Его предметом.

Не удостоит Он занять Себя подробностями, и иждивать на мелочи драгоценное время, в которое едва-едва вместиться могут *всеобщие* попечения владетеля пространнейшей империи в свете. Он взором будет обнимать целые массы, даст правильное движение главнейшим колесам государственного состава — и все прочие потекут правильно!

Как наисовершеннейшие законы останутся бесполезными в народе развращенном и чуждыми смысла в народе невежд, то, без сомнения, обратит Он всю Свою внимательность на *воспитание* Своих подданных, соответственно местным и личным потребностям каждого. Верховное попечение об этом предоставит Он сословию, *блюстителю законов,* а оно будет действовать посредством людей, имеющих над народом наиболее нравственной силы. Духовенство употребится на просвещение народа, и на сей конец предварительно само будет просвещено: учредятся для него гимназии, удаленные от тяжелых начал древней схоластики, и отличия предоставятся не тем проповедникам слова божия, которые с поэтическим восторгом станут величать государя в городских храмах, но тем, которые докажут опытами влияние, какое они имели на благонравие своих паств; тем, которые, учредив училища, нелепостно преподавать в них будут чистое учение Христово и своим примером наставлять должностям человека и гражданина.

Таким образом, не жезл, денно-нощно властию подъятый, заставит исполнять законы, но гораздо действительнее собственное удостоверение каждого в их пользе. Таким образом, законы будут охраняемы нравами, и нравы законами.

С другой стороны, еще подействует Он на нравственность состояний, называемых *последними.* Он обеспечит права человечества в *помещичьих крестьянах;* введет у них собственность; поставит пределы их зависимости. И сие не законом, могущим опасно поколебать нынешние общественные связи, но постепенностию обычая, который бы укрепил оные более. Простейшим поселянам предоставит Он средства вкушать иногда, в воздаяние трудов своих, сладость жизни, не прибегая к своеволию, питьям, чувства оглушающим, и другим побуждениям разврата, иногда отчаяния и неключимого рабства...

Земледелие распространится под кротким Его скипетром. Он заселит пространные степи России мало-помалу, не насильно исторгая семейства из домов их и переселяя скоропостижно за целые тысячи верст в страны, по одной своей безвестности уже страшные для них и действительно смертоносные по чрезвычайному различию климатов, но из соседственных, населеннейших мест вызывая и ободряя наградами и льготою.

Безводные, но, впрочем, тучные кряжи благословенных климатов будет Он уметь соделать обитаемыми и превратить в цветущие сады, проводя каналы из соседственных рек, обращая в пользу пространные озера или одевая исподоволь отлогости гор лесом. Неужели одни только просвещенные столицы имеют право на подобные сим издержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущим родам и..... убежища тем, которые от Запада, вероятно, придут некогда искать у нас отечества?..

Не толпы алчущих чиновников поставит Он на страже у лесов, сего украшения земли и сокровищницы вод, но благоразумным распределением в собственность сохранит их для государства. Дикие только степи

и непроходимые леса могут быть поместьем казны; но должны соделаться собственностию частных людей, как скоро они досягаемы для трудолюбия. Горе правительствам, которых учреждения служат *только к соблазну*, не искореняя зла в самых его основаниях!..

Он назначит торжественные награды для поселян, кои отличатся или редкими примерами благонравия, или трудолюбием, изобретением или введением новых предметов земледелия или промышленности. О сем и подобном тому предоставит Он судить не местным начальникам, удоборазвлекаемым пристрастием или скудными государственными соображениями, но устроит временные путешествия по империи особ, исполненных познаниями в обозреваемой части и достойных представлять собственное Его око. Сам Он нередко оставит единообразие дворской жизни, чтобы *на деле* видеть и слышать, и управление богом вверенного Ему прекрасного, пространнейшего царства не заключит в тесные пределы работ над подносимыми Ему бумагами.

Рукоделия возбуждать Он станет не самовластным *внезапным* запрещением ввоза иностранных произведений (можно согласить отечественную пользу с миролюбием к чужим народам!), но привилегиями, данными мануфактурам и фабрикам, и в особенности снятием стеснительных налогов, отнимающих охоту заводить новые. Впрочем Россия *может*, без малейшей для себя невыгоды, великодушно уступить многие ветви промышленности и рукоделий народам, скудным землею. Ей ли, изобилующей существенными богатствами, присвоять ненасытимо *все* источники существования, желать самой *все* обработывать, когда она несравненно дешевле может иметь *наемников* себе вне пределов своих? Доколе мы измерять себя будем мерилами чуждыми и подражать младенчески?..

Внутренняя торговля, усилясь от успехов хлебопашества и рукоделий, в течение немногих лет сама собою, без всяких насильственных приемов, возвысит внешнюю в нашу пользу. Великими примерами распространяемые благонравие и любовь ко всему отечественному послужат также и уменьшению надобностей в заграничных произведениях. Цена российских существенных богатств, а с тем вместе и цена изобразительных, возрастет неминуемо.

Для внутренней и внешней торговли, для совершения великого подвига законодательства Он, конечно, потщится сохранить мир с державами. Он употребит на сие счастливые средства, представляемые Ему теперь провидением, которое *явно* простирает к России милующую десницу. Ему, без сомнения, предоставлено начертать смелый план *постоянной* политики, свойственный российской министерии и одной ей принадлежащий. Не имеет ли Он надежнейших способов содержать все дворы в почтении к себе, не приклоняясь ни на чью сторону? Находит ли по нынешнему положению Своего государства, по его сопредельности, по его силам малейшие причины или выгоды входить в раздоры их? Население России, в *цвете еще находящейся,* таково ли, чтоб жертвовать людьми без *крайнейшей* необходимости?.. О, какая участь — обращать на себя признательные взоры любви и уважения всех народов; быть известным

со стороны беспредельного могущества — и благотворить!.. Если всевышний мерзит человекоубийством и другими гнусными следствиями войны, если Ему угодно, чтобы когда-либо существовала истинно христианская держава, то сей пример удобнее всего в России и в царствование Александрово.

В счастливое сие время вооруженная сила не останется бесполезною. Напротив, тогда-то будет она выполнять истинный свой предмет: *охранение общего спокойствия.* В ожидании, пока безумный какой-либо враг действительно покусился бы на него, найдутся средства занять миллион здоровых, сильных рук, ежегодно стоящих более трети государственных доходов, не заставляя их лить кровь в странах и делах чужих... Прежде всего оградит Он западные пределы империи Своей удвоенным забралом крепостей: да кажутся они соседям страшными рядами зубов покоящегося льва. Потом, по примеру римлян, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомневались однако ж производить воинами общественные работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примеру некоторых европейских государей, кои в новейшие времена предпринимали такие же опыты, и в числе их самого основателя сей столицы, обеспечившего продовольствие ее Ладожским каналом,— станет Он употреблять по очереди часть мощных наших ратников, с младенчества приобыкших к повиновению и трудам, на государственные работы. Некоторая прибавка к обыкновенному их жалованью возбудит их деятельность; и как много существенно полезного окажется в продолжение нескольких лет! Откроются повсюду водяные и сухопутные сообщения, реки сделаются судоходными, болота превратятся в плодоносные долины... Между тем и границы империи не останутся без защищения, и русская сила будет в виду и в понятии у неприятелей.

Он соединит воина с поселянином и поселянина с прочими состояниями союзом взаимной пользы, ощущение которой, братолюбие и подданническая обязанность будут одно и то же чувство под тремя различными только видами.

Он... но могу ли я обнять высокое предназначение всевышнего; могу ли представить себе, исчислить все деяния, которых семя лежит в его человеколюбивом сердце?..

Народы всегда будут то, чем угодно правительствам, чтоб они были: царь Иван Васильевич хотел иметь безответных рабов — с ним подлых, между собою жестокосердых — он имел их. Петр желал видеть нас подражателями иностранцам,— к несчастию, мы с излишеством такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *россиян.* Александр довершит великое сие дело. Наслаждаяся некогда плодами своей юности, Он будет блаженнейшим из смертных; и слава Его, утвержденная на любви подданных, переходящей из рода в род, на всеобщем земных племен почтении, будет предметом желаний величайших монархов!..

Слышал я, что юный наш владетель с равнодушием принимает затверженные восклицания поэзии, которая бесстыдно приноравливает их

ко *всем* царям, уверяя *каждого,* что он лучше своего предшественника,— я смел начертать сии мысли...

О Ты, которого обожает мое сердце! Не отвергни сию дань его, в простоте и с бескорыстнейшими чувствованиями Тебе приносимую...

Государь! В душе моей повергаюсь к стопам Твоим, орошаю их слезами чистейшей, вечной преданности!.. Гений-благотворитель любезного моего отечества!..

III
МАРКИЗ ПОЗА

На другой день Трощинский доложил государю, что привез автора письма, что он чиновник одной из его канцелярий, *Василий Назарович Каразин.* Государь, отпустив Трощинского, пригласил Каразина в кабинет и, оставшись с ним один, спросил его:

— Вы писали ко мне это письмо?

— Виноват, государь,— отвечал Каразин.

— Дайте же мне обнять вас за него, благодарю вас, я желал бы, чтоб у меня больше было таких подданных. Продолжайте всегда со мной говорить так откровенно, продолжайте всегда говорить мне *правду!*

Государь прижал его к своей груди, и Каразин, рыдая, как ребенок, бросился к его ногам со словами: «Клянусь, что буду всегда говорить правду».

Александр усадил его, долго беседовал с ним, велел ему писать к себе в собственные руки — двери кабинета были открыты для него...

Маркиза Позу допускать ко мне
Вперед без всякого доклада *.

...Маркиз Поза наш начал свою политическую карьеру года за два перед тем. Двадцати пяти лет он оставил военную службу. Образованный, с редкой многосторонностью, он простился с Семеновским полком для того, чтоб изучать Россию и заниматься точными науками. Это было время пущего разгара павловского безумия. Когда молодой человек вгляделся в положение несчастной России, стегаемой направо и налево, без разбору, ее палачом, такой ужас, такое отвращение, такое отчая-

ние овладели его душой, что он решился во что бы ни стало уехать в чужие края. Заграничные паспорты были запрещены. Каразину не дали дозволения ехать. Он решился перебраться через границу без паспорта. При переправе через Неман его схватили драгуны и свезли в Ковно.

Гибель Каразина была неминуема. Он схватился за самое опасное и несбыточное средство, оно спасло его. Предупреждая официальное донесение, он послал 14 августа 1798 с эстафетой следующее письмо к Павлу *.

14 августа 1798, Ковно

Государь,

несчастный преступник осмеливается к Тебе писать: преступник против Твоих повелений, Самодержец России, не противу чести, совести, религии и отечественных законов. Удостой внять прежде осуждения. Да озарит меня *единый* луч Твоей прозорливости, прежде нежели сожжет молния твоего гнева!

Я хотел оставить мое отечество, великую страну Твоей державы: покусился вопреки Твоей *двукратно,* то есть всенародно и частно на мое лицо выраженной воли. Ночью противу 3-го числа сего месяца, при переправе в Ковно через Неман, я удержан объездом Екатерининского гренадерского полка,— в короткое время достигнет о том официальное донесение.

Конечно, будут собраны обо мне сведения в С.-Петербурге, где я короткое время пробыл, и в Слободско-Украинской губернии, крае моего рождения и поместья. Дерзаю здесь предварительно уверить, что они не послужат в мое обвинение. Я не имел никакой нужды спасаться бегством. Оно будет загадкою для моих следователей.

Прийми мое признание: я желал укрыться от Твоего правления, страшась его жестокости. Многие примеры, разнесенные молвою в пространстве царства Твоего,— молвою, вероятно, удесятеренные, грозили мысли и воображению день и ночь. Я не знал за собою вины. В уеденении сельской жизни не мог я иметь ни случаев, ниже поводов оскорбить Тебя. Но свободный образ моих мыслей мог быть уже преступлением...

Теперь в воле Твоей наказать меня и оправдать страх мой или простить и заставить лить слезы раскаяния о том, что я столь ложные мысли имел о государе великом и милосердом.

Павлу не часто приходилось читать такие письма. Ужас перед его деспотизмом, заставивший молодого человека бежать, и простодушное признание его взяли Павла врасплох. Стоя в третьей танцевальной позиции и опираясь преднамеренно неловко на трость, Павел сказал приведенному к нему *преступнику*

своим сиплым голосом: «Я докажу тебе, молодой человек, что ты ошибаешься, что служба в России может быть недурна и при мне; при ком хочешь ты служить?» Хотя намерение Каразина перебраться через границу и не было доказательством особенно сильного желания испытывать прелесть павловской службы, но тут рассуждать было нечего, Каразин назвал Трощинского, Павел велел его определить и оставить в покое.

Для Александра такой человек был клад; казалось, что он понял это. Неутомимая деятельность Каразина и глубокое, научное образование его были поразительны: он был астроном и химик, агроном, статистик, не ритор, как Карамзин, не доктринер, как Сперанский, а живой человек, вносивший во всякий вопрос совершенно новый взгляд и совершенно верное требование.

Сначала император беспрестанно посылает за ним, пишет ему собственноручные записки [1]*. Каразин, упоенный успехом, удесятеряет свои силы, пишет проекты, между прочим, проект министерства просвещения, подает записку об *искоренении рабства* (т. е. крепостного состояния) в народе, в которой прямо говорит, что после того, что дворяне освобождены им дарованной грамотой, черед за крестьянами; вместе с тем пишет о народных школах, составляет сам два катехизиса, один *светский*, один духовный *, и вдруг в пущий разгар своего фавёра берет отпуск и пропадает на своей родине в Малороссии. Не думайте, что он поехал отдохнуть, набрать новых сил,— такие люди не устают, нет, он возвращается через несколько недель в Петер⟨бург с 618 000 рублей⟩ с⟨еребром⟩, которые он вымолил, выплакал у харьковского и полтавского дворянства и купечества на учреждение университета в Харькове *. Государь хочет наградить его, Каразин отказывается: «Я становился, государь, на колена перед дворянами и купцами, я вымаливал у них деньги со слезами, да не будет сказано, что я делал все это из желания получить награду».

Александр им доволен, все идет хорошо, но уже заметна

---

[1] Как хотелось бы нам видеть эти записки! Такие достояния истории не должно хранить под спудом.

какая-то неприязненная сила, которая то там подкатит бревно под колеса, то тут опустит тормоз...

Проект министерства просвещения утвержден, но уж он не тот; утвержден и проект Харьковского университета, но колоссальный замысел Каразина суживается в обыкновенные размеры немецкой провинциальной Hochschule [1]. Каразин мечтал о центральном учебном заведении не только всей Малороссии, но и юго-западных славян, даже греков. Ему хотелось привлечь туда величайшие знаменитости ученого мира. Лаплас и Фихте согласились ехать, вызванные им, но правительство нашло их не по карману.

Едва замечая *неудачу своих удач,* Каразин выписывает из чужих краев, на свой счет, в Харьков тридцать два семейства типографов, переплетчиков и других работников, является во дворце вдовствующей императрицы, пишет для нее трактаты о женском воспитании, статьи о педагогии и пр. * Это его нисколько не отрывает от других поручений Александра и от других предпринятых работ. С небольшим в два года он успел, сверх сказанного, написать устав для академии, для университетов, для всех учебных заведений, собрать материалы для истории финансов и для истории медицины в России, заняться собранием первых статистических сведений и привести в порядок государственный архив.

В 1804 году Каразин возвратился с следствия, которое он делал, совокупно с Державиным, над губернатором Лопухиным *. Злоупотребления этого человека, находившего сильную поддержку, были раскрыты. Лопухин отдан под суд. Оставалось наградить следопроизводителей; но уже нитка, по которой Маркиза Позу пускали ходить, была коротка.

Ничего не замечая, он явился к государю. Государь его принял с насупившимися бровями. Каразин стоял, как пораженный громом.

— Ты хвастаешься моими письмами?

— Государь... — Но государь не дал ему ответить.

— Посторонние знают, что я тебе писал одному и никому не показывал. Ты можешь идти.

---

[1] высшей школы (нем.).— *Ред.*

Каразин вышел, и между ними все было кончено. Каразин подал в отставку; государь принял его просьбу.

Итак, в 1804 году император не знал, что содержание писем бывает *известно почтовому ведомству*.

Поневоле вспомнишь печальный анекдот, рассказанный Н. И. Тургеневым *, как Александр где-то на конгрессе, получив просьбу крестьянина, проданного своим помещиком, спросил Тургенева: «Будто законами дозволяется продажа людей без земли, и будто продажа в розницу допускается?» — Тургенев, знавший хаос законов по этой части, хотел воспользоваться вопросом, чтоб уничтожить невольническую продажу, и, разумеется, не успел. После заседания в совете, на котором Тургенев горячился, В. П. Кочубей подошел к нему и, горько улыбаясь, сказал: «И вы думаете, что из этого что-нибудь будет?.. *Вы лучше вот чему подивитесь — что государь двадцать лет царствует и не знал, что у нас людей продают поодиночке!*»

IV
ПРАРОДИТЕЛЬСКИЙ ГРЕХ

Петровское правительство необычайно свободно. Оно имеет виды, корысти, отношения, *но нравственных обязанностей* никаких.

Освобождаясь от застоявшихся преданий родительского дома, оно в то же время оборвало все кровные связи, не налагая на себя других; оно отдало свою родную мать чужому вотчиму в кабалу, но и ему не подчинилось.

Сложные, разноначальные элементы западной жизни были взяты на выбор, подтасованы. Из целой фразы, в которой самые противуречия смягчали односторонности, выполняли крайности и делали своего рода строй, были выхвачены несколько звуков, разрушивших ее сочетание и смысл. Все, увеличивающее власть, все, подавляющее человека, было взято; все, ограждающее лицо, оставлено в стороне; казуистика инквизиториального процесса обогатилась татарской пыткой, немецкий чин — византийским чинопочитанием.

Самое *слово* человеческое, безусловно подавленное и презираемое, получало только тогда мощь безграничного несча-

стия и неотвратимой угрозы, власть *дела*, когда оно сулило донос!

Такого правительства, отрешенного от всех нравственных начал, от всех обязанностей, принимаемых на себя властью, кроме самосохранения и сохранения границ, в истории нет. Петровское правительство — самая чудовищная абстракция, до которой может только подняться германская метафизика eines Polizeistaates [1], правительство для правительства, народ для государства. Полная независимость от истории, от религии, от обычая, от человеческого сердца; материальная сила вместо идеала, материальная власть вместо авторитета.

Будь Россия завоевана, положим, Польшей, была бы борьба. Польское панство принесло бы свои традиции шляхетной воли, оно вызвало бы, как в Малороссии, как во времена самозванцев, из оскорбленной народности — Ляпуновых, Мининых, Пожарских, Хмельницких. Два элемента померились бы. Победитель посмотрел бы, кто этот побежденный, в чем его особенность, в чем его народность. Но петровское завоевание Россией, без иноплеменников, без враждебного знамени, без открытого боя, взяло всю страну врасплох. Народ тогда догадался, что он побежден, когда все крепкие места были в руках неприятеля; для *победителей* побежденный народ не имел даже интереса новости неизвестного, напротив, отчуждившийся притеснитель презирал *черный* народ русский, был уверен, что знает его, и чувствовал себя тою же плотью и тою же кровью, но очищенной цивилизацией и призванной управлять *чернью*.

Около Петра собирается куча голи дворянской, не помнящей родства, иностранцев, не помнящих родины, денщиков и сержантов, впересыпочку с старыми боярскими детьми и вечными интригантами, ползающими у ног всякой власти и пользующимися всякими милостями. Круг этот растет и умножается быстро, давая всюду свои чужеядные побеги.

Мало-помалу по всей России распространяется эта плесень, она тащится по грязи и снегу, с офицерским дипломом, с сенатским указом о месте, с купчей крепостью, голодная и алчная,

---

[1] полицейского государства (нем.).— *Ред.*

свирепая с народом и подлая с начальством. Из нее составляется какая-то сеть, охраняемая солдатами, собирающаяся вверху в узел Зимнего дворца и уловляющая внизу каждой петлей мужиков и горожан. Это какое-то рассеянное дворянски-чиновничье государство с общим армейски-помещичьим характером. В нем все сбрито — борода, областная самобытность, личная особенность. Оно одевается по-немецки и старается говорить по-французски.

С ужасом и отвращением смотрит народ на изменников, по сила с их стороны, и как он ни стонет и как ни восстает, ревизии и рекрутчины, барщины и оброки, кнут и розги идут своим чередом. Он роптал, делал опыты частных восстаний; сговорившись с казаками и татарами, поднялся было в целом крае * — но войска, войска... и пошла опять кнутовая расправа. Оглушенный болью, задавленный отчаянием, он грохнул на землю и около ста лет пролежал в оцепенении.

Только с тех пор петровская Россия сделалась тем мертвым, беззвучным морем, которого не поднимет никакой ураган.

До семидесятых годов петровские денщики и сержанты вовсе не входили в русло. Люди эти, пьяные от вина и крови, привыкшие к топору палача, к стону пытаемых, лизнувшие власти и битые палкой, с надменной отвагой и без всякого чувства чести, помнили очень хорошо, как легко в безнародном государстве сажать на престол всякую дрянь и сгонять ее с престола.

Они знали, что в императорском «Мы» есть и их доля... Дальновидные из них хотели в свою пользу ограничить самовластие, но истые сержанты предпочитали просто душить царей и сажать на их место своих любовниц *. Дерзкая дворня была опасна, требовательна. Князю Григорью Григорьевичу Орлову мало было Екатерины, ему хотелось титула ее мужа. Зная, как узы брачные легки, Екатерина соглашалась, но другие денщики и сержанты и не думали ей позволить. Имя Иоанна Антоновича было произнесено — она его велела убить, как кошку *; имя княжны Таракановой вспомнилось — она велела ее украсть, как крадут собачонок *.

Все это делалось от страха. Страх лихорадочный, непобедимый овладевал человеком, как только он садился на ржавый

от крови трон Петра. На таких верноподданных, как денщики и сержанты, как немецкие искатели приключений, опереться было трудно; на народ, на этот затоптанный в грязь, подаренный дворянству, безгласный народ еще меньше — он не существовал. Венценосцы куражились, старались забыться, но страх брал верх, и вдруг на них нападал ужас человека, стоящего на канате: внизу чернь голов, понурых, не смотрящих наверх,— голос до нее достигнуть не может; возле... уже лучше бы никого... возле сержанты, денщики и никого близкого... Они пугались собственного бесплодия и посылали искать где-нибудь у немецких ландграфов и архиепископов каплю петровской крови в четвертом, пятом колене *; или наскоро заказывали детей, как Елизавета Екатерине *, и всё осматривались, и всё боялись, не идет ли денщик, выпивши... с андреевской лентой и с веревкой? *

Прошел другой — и все изменилось. Тучи рассеялись, свои узнали своих. Раскрылась миру картина величайшего семейного счастия, богоподобная Фелица, «мать отечества», спокойно стояла на вершине силы и власти, благосклонно улыбаясь коленопреклоненным денщикам и сержантам, сенаторам и кавалерам — все молились ей, все благоговело перед ней. Лучезарная стразами на манер *энциклопедических* бриллиантов, она сияла мудростью Беккарии и глубокомыслием Монтескьё, говорила античные речи степным помещикам, надевала римские шлемы своим balafrés [1] ...вызывала законодателей, принимавших *ее волю* за закон... Ее полководцы побеждали ей на суше и на море, Державин ее пел тяжелыми стихами, Вольтер ее превозносил легкой прозой, и она, упоенная властью, удрученная любовью, отдавала все *своему* народу, все: свое тело, души вольных казаков, монастырские именья. «Славься, славься ты, Екатерина!»

Кто сделал это чудо, кто зааркапил Россию ренегатов и немцев? Кто привенчал Фелице крамольных денщиков и окровавленных сержантов?

Одна неизвестная степная старушка барыня, вроде помещицы Коробочки, приворожила их.

---

[1] Здесь: израненным воинам (франц.).— *Ред.*

Дело, говорят, было так:

Пугачев проезжал ее усадьбой, струхнула старушка и вышла его величество звать хлеба-соли откушать.

— А что, какова она у вас, православные? — спросил государь-казак мужиков.

— Не хотим, ваше царское величество, греха на душу брать, мы барыней завсегда довольны, мать нам родная.

— Хорошо, старушка, пойду к тебе, выпью твоей водки, блага народ хвалит.

Старуха угостила чем могла. Пугачев простился с ней и пошел садиться в сани. Народ его ждал. Лица были недовольны.

— Али просьба какая, говори смелей?

— Да что же, твое царское величество, при чем же мы-то... то есть останемся?

— А что?

— Да ведь вот ты, батюшка, был там-то, помещика-то повесил, да и детенышей-то его, вот и там-то... ну а мы-то как?

— Да ведь вы же говорите, что больно хороша ваша старуха.

— Оно точно, твое величество, она добрая женщина, да ведь все же лучше порешить.

— Ну, братцы, коли хотите, как хотите, пожалуй, и порешим.

— Жаль-то жаль, но делать нечего, — говорили мужички, отправляясь за старушкой, спокойно убиравшей посуду на радостях, что царь ее простил, и, к крайнему ее удивлению, повесили ее на перекладине. Она-то, говорят, и сглазила крамольных денщиков и правительствующих сержантов.

Призадумались они, видя такую *нелицеприятную* справедливость.

«Так-то мы *его* засекли? Скажите на милость, да ведь это с каждым из нас может случиться? Нет, полно крамольничать, что мы сделаем без царской помощи».

И семейная ссора была покончена.

С этого времени начиная, правительство не смело ни в чем подать руки крестьянам. Дворянство потеряло всякий смысл гражданской доблести перед правительством и всякое чувство нравственного стыда в отношении крестьян. Две России окончательно перестали друг в друге понимать людей. Между ними

не было ничего человеческого: ни сострадания, ни справедливости. Розная нравственность, розные святыни. Запуганный крестьянин жался в своей деревне — боялся помещика, боялся исправника, боялся города, где всякий мог его бить, где его кафтан и поддевка считались подлой одеждой, где он бороду только встречал на иконах Христа. Помещик, искренно плакавший за повестями Мармонтеля, хладнокровно драл на конюшне мужика за недоимку. Мужик с спокойной совестью надувал помещика и судью. «Ты-то что за барин,— говорила какая-нибудь старушка в кучерской Митьке или Кузьке,— что ешь скоромное в пост? То барин, с него и не взыщется, а ты-то с чего не исполняешь закон божий?»

Далее раздвоение идти не может.

Народ сломился. Без ропота, без бунта, без упованья пошел он, стиснув зубы, *следующую тысячу* розог, изнуренный падал, умирал, гнали его детей, и так одно поколение за другим. Тишина водворилась, оброки платились, барщины исполнялись, трубила псовая охота, играла крепостная музыка — весело было материнскому сердцу императрицы.

Упрочился петербургский трон. Четырнадцать расширяющихся обручей табели о рангах, прикрепленные к земле штыками и прикладами, поддерживали его; им помогало провинциальное дворянство, всосавшись в крестьянскую грудь. Западный свет бледно и холодно скользил по верхушке пирамиды, освещая одну сторону ее; по другую — за ее тенью, нельзя было ничего разглядеть, да и нечего было смотреть: там лежало какое-то засеченное тело, покрытое рогожей, в ожидании *кого-то,* кто должен решить, умер он или нет... Казалось, победа была совершенная.

Но петровский переворот замешал обоюдоострый элемент в жизнь дворянской России. Петру нравилась материальная сторона цивилизации, прикладная наука; ее богатые средства удесятеряли власть; но он не знал, какие шипы кроются в этих западных розах, а, пожалуй, слишком презирал свой народ, чтоб думать о том, что он может усвоить и еще кое-что, кроме фортификации, кораблестроения и канцелярского порядка. Наука стоит всякого червя: подтачивает день и ночь до тех пор, пока где-нибудь да выйдет на свет, пробьется до сознания;

а *иное сознание,* точно угрызение совести, пойдет бродить до тех пор, пока поднимется вся опара.

В 1789 случился вот какой случай: один неважный молодой человек, отужинав с друзьями в Петербурге, поехал в почтовой кибитке в Москву *. Первую станцию он проспал. На второй, в Софии, он долго хлопотал о лошадях и, должно быть, оттого разгулялся так, что, когда свежая тройка понесла его, звеня колокольчиком, он вместо сна стал слушать песню ямщика на свежем утреннем воздухе; странные мысли пришли в голову неважного человека. Вот его слова:

«Извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен тону мягкого. *На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления.* В нем найдешь образование души нашего народа. *Посмотри на русского, найдешь его задумчивым.* Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться — в кабак... *Бурлак, идущий повеся голову в кабак и возвращающийся обагренный кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской».*

Ямщик все плачет свою песню; путник все думает свою думу, и, не доехав до Чудова, он вдруг вспомнил, как он в Петербурге когда-то ударил своего Петрушку за то, что он был пьян, да и заплакал, как ребенок, и, не краснея за дворянскую честь, имел бесстыдство написать: «О есть ли б он тогда, хоть пьяный, опомнился и отвечал бы мне соответственно!»

От этой песни, от этих слез, от этих слов, потерянных на почтовом тракте, между двух станций, надобно считать одну из начальных точек обратного течения; зачатие делается всегда тихо, и след его обыкновенно сначала пропадает.

Императрица Екатерина поняла, в чем дело, и изволила «с жаром *и чувствительностью»* сказать Храповицкому: *«Радищев — бунтовщик хуже Пугачева!»* *

Удивляться, что она его отослала в цепях в Илимский острог,— нелепость. Гораздо удивительнее то, что Павел воротил его; но он это сделал назло покойной матери, другой цели у него не было.

С тех пор время от времени являются какие-то потерянные, безгромные зарницы — являются люди, воплотившие в себя историческое угрызение совести, бессильные искупители, неповинные страдальцы за грехи отцов. Многие из них готовы были все отдать, всем пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять их жертву. Одни стучались во дворец, на коленях умоляли опомниться; их речь будто потрясала венценосцев, но из этого ничего не вышло; другие стучались в избу, но не могли ничего сказать мужику — так разошлись их языки. Крестьянин смотрел сурово и недоверчиво на этих «дары несущих данаев» *, и с горестью отходили от него раскаивающиеся, сознавая, что у них нет родины.

Сироты мысли, сироты любви, иностранцы дома, разобщенные между собой, эти пять-шесть лучших людей в России гибли в праздности, окруженные безучастием, ненавистью, непониманием. Новиков сидел в крепости, Радищев в Илимске. Хороша им показалась, вероятно, Россия, когда Павел их выпустил.

...Ничего нет удивительного, что все с упованьем взглянули на Александра.

Молодой, прекрасный собой, с кротким и задумчивым взглядом, застенчивый и чрезвычайно приветливый, он мог очаровать их. Разве он не страдал о болях России, как они? Разве он не хотел их исцелить, как они?.. Но он *сверх того и мог* это сделать, так по крайней мере им казалось.

И Радищев, дорого заплативший за то, что пожалел черную Русь, идет с такою же верой, как Каразин, предлагать свои силы юному императору, и его он принимает. Рьяно бросается Радищев на работу, пишет ряд законодательных проектов, которые должны вести к уничтожению крепостного состояния, телесных наказаний. Но вдруг, как-то потолковавши — не с ямщиком, а с графом Завадовским *, он остановился, замялся, на него напало сомнение, страх, он подумал, подумал, налил себе стакан купоросного масла и выпил его. Александр послал к нему своего лейб-медика Вилье, помочь было поздно. Вилье только сказал, глядя на черты агонизирующего: «Должно быть, этот человек был очень несчастен!»

Должно быть!

Это было осенью 1802 года, Каразин тогда был *в силе*, он

Радищева знал очень хорошо, даже затерял как-то тетрадь его проектов — но потрясающий пример не подействовал. Высланный из дворца, он возвращается через пять лет, через десять лет, через двадцать, через *тридцать* с своим проектом освобождения крестьян и дворянского представительства, с своим переворотом *сверху вниз*. Не замечая, наконец, что уже царствует Николай, он стучится и к нему в двери и толкует этому ограниченному фрунтовику о том, «что подымаются бури, что быть беде, что надобно для сохранения трона делать уступки», и никак не может сообразить, за что Александр в 1820 велел его посадить в крепость, а из передней Николая его велел вывести жандармам обер-жандарм Бенкендорф.

Ему бы спросить у Сперанского, как крутые горки плоского Петербурга укатывают рьяного коня и делают из него почтенную упряжную клячу, важно ходящую в шорах.

Но как же эти люди могли так обманываться, или зачем же их обманывал Александр? Да этого вовсе не было. Мы не имеем ни малейшего права по крайней мере до 1806—7 года сомневаться в его искреннем желании облегчить судьбу своих подданных: оградить крестьян от *злоупотребления* помещиков, от *злоупотребления* чиновников, от подкупного суда и несправедливости сильных. Александр не ставил исключительной целью своего царствования тупое поддержание и увеличение своей власти, как какой-нибудь Николай. Он не желал, чтоб его слово равнялось приему стрихнина, он домогался, чтоб его не только боялись, но и любили. В самые страстные минуты он мог не только выслушать мнение другого, но и принять его. Решившись расстрелять в 1812 году Сперанского, он отменил безумную казнь, поговоривши с академиком Парротом *. Все это так, но сделать что-нибудь путного для русского народа *он не мог*. В этом-то и состояла трагическая роль его.

И почем знать, не ударился ли он во внешние войны оттого, что он стал разглядывать заколдованный круг, который расширялся всякий раз, когда он приказывал набор, увеличивал тяги народные, и тотчас суживался, когда он предпринимал что-нибудь *для* народа? Он становится нерешителен, его давит недоверие к другим, неуверенность в себе; колебание растет с поражениями, растет с победами; из Парижа он возвращается

мрачным мистиком — не хочет больше ни пересоздавать, ни улучшать; он возвращает Сперанского, но проекты его остаются сосланными в архиве; он Энгельгардту, сказавшему ему что-то о приведении в порядок гражданской части, печально отвечает: «*Некем взять!*»

К власти он привык; славы ему было не нужно больше, ему хотелось теперь покоя, и он между всеми министрами и сановниками, между генералами, покрытыми славой, и людьми приближенными выбрал бездушного палача — Аракчеева и передал ему Россию... да еще так распорядился, чтоб она и после его смерти досталась *другому* Аракчееву.

Дворянству *он не верил, народа он не знал,* и чему же дивиться, когда возле него стояли люди, как Сперанский и его противник Карамзин, как предтеча славянофильства Шишков, которые могли *знать народ, но не знали его?* когда умнейшие государственные люди, как Мордвинов, толковали о дворянстве как об единой опоре престола, когда честные сенаторы, как Лопухин, возмущались при мысли об освобождении крестьян?

Жаль, что Александр был немного глух и не ездил один в кибитке по большим дорогам: может, и его как-нибудь разбудила бы на заре песнь ямщика, и он в ней, а не в Эккартсгаузене поискал бы ключа к таинствам народа.

...Для того чтоб знать русский народ, Александру мало было убить отца, ему надобно было отречься от «премудрой бабки», от «великого Петра», от всего роду и племени. Ему — страшно сказать — ему надобно было отречься от Лагарпа, который из него сделал человека, но который никогда бы не понял, что «об русской истории лучше государственных актов можно узнать у бурлака, который угрюмо идет в питейный дом и окровавленный выходит из него!»

V

FAREMO DA NOI! [1]

Когда двери государева кабинета затворились для Каразина, он еще сделал опыт, пользуясь правом, ему предоставленным, писать к нему. Но Маркиз Поза не имел больше интереса

[1] Сами справимся! (итал.).— *Ред.*

для коронованного Дон-Карлоса; к тому же Александр теперь был поглощен и занят вопросами другой важности, вопросами европейскими: он мерился с Наполеоном и напрашивался на войну, которая должна была кончиться тем, что нас побьют под Аустерлицем.

Начинает заниматься другим и Каразин: он, как отверженный любовник, par dépit amoureux [1] бросается в деятельность, изумительно многосторонную. В его огненной, беспокойной голове несутся, чередуются, переплавляются вереницы мыслей, государственные планы, агрономические проекты, ученые теории, машины, наблюдения, снаряды, новое винокурение, усовершенствование кожевенного производства, земледельческие опыты с иностранными семенами, легкий способ сушить и сохранять плоды и пр. Начинается война — Каразин пишет о средствах умножения селитры, делает мясные консервы и рядом с этим хлопочет об учреждении повсеместных метеорологических наблюдений в России; ставит в 1808 году совершенно *ясные наукообразные* требования по этой части, которые наука до сих пор не может удовлетворить; ищет средств употребить на пользу воздушное электричество, заводит филотехническое общество в Слободско-Украинской губернии, печется о своем Харьковском университете и проч., и проч.

Но главная мысль, главная боль, основной тон жизни не тут.

Улучшая винокуренные заводы и стараясь на дело употребить воздушное электричество, Каразин страстно следит за другими событиями и ищет другого громоотвода. Между тем время идет да идет.

Александр царствует уже двадцатый год. Чего и чего не было с тех пор, как со слезами на глазах он читал письмо Каразина?.. Тильзит и 1812 год, Москва и Париж, Венский конгресс и Св. Елена. Общественное мнение, разбуженное столькими выстрелами и толчками, двинулось вперед, правительство стало отставать. Александр не исполнил своих обещаний. Неудовольствие росло. Народ, давший столько крови и получивший за это шишковскую прозу манифеста *, роптал на новый рекрутский

[1] с любовной досады (франц.).— *Ред.*

набор, тем больше что поговаривали о бессмысленной войне для поддержания австрийского ига в Италии, о повторении нелепейшей суворовской кампании *.

Молодые люди, энергические и образованные, смотрят угрюмо. Каразин все это видит, но он продолжает верить, что Александр *может и хочет* предупредить собирающуюся бурю.

В начале 1820 года государь простил какой-то казенный долг тестю Каразина. Каразин просил дозволение лично принести свою благодарность — отказ. Он написал государю письмо, в котором, между прочим, говорит:

«Я ничего особливого писать не буду; но попрошу только, потребуйте, всем. государь, у графа Виктора Павловича бумагу в несколько листов, писанную мной для него 31 марта по поводу одного с ним разговора, и еще письмо у действ. тайного советника князя Вяземского, писанное к нему из масальской его деревни купцом Роговым от 1 апреля, которое он мне читал на сих днях. Нельзя было без ужаса встретить столь решительного сходства мыслей *человека, столь удаленного от меня по всем отношениям,* с моими и со всем тем, что занимает мою душу постоянно *с 1817 года,* когда я имел дерзновение открыть сие в письме моем из Украины вашему величеству. Нельзя было не привести себе на память, что *точно так* из разных мест отзывались во Франции отголоски благонамеренных пред наступлением гибельного переворота и что *точно так* были пренебрегаемы! „Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate“ [1],— сказал Наполеон Лас-Казасу на острове Св. Елены (р. 93, § CCC XVII). Столь чудное согласие различных умов, не имеющих между собою ничего общего, заслуживает внимание; *должно* в себе заключать нечто справедливое, тем больше что подобные чувствования открываются в беседах частных обеих столиц с некоторого времени! Довольно, если половина, если *некоторая доля* есть тут основательного!»

«...Время,— говорит он в записке, поданной по приказанию государя В. П. Кочубею,— время укрепить расслабевающий

[1] «Странно, что в этот просвещенный век государи видят грозу только тогда, когда она уже разразилась» (франц.).— *Ред.*

состав нашего государства, время заменить *религиозное* к престолу почтение — другим, основанным на законах.

Конечно, год-два, может, и более еще протянется, но для того-то я теперь и пишу, *для того-то и отваживаю всего себя.* Моя участь должна быть или ссылка за Байкал, *пока еще ссылать можно,* или смерть с оружием в руках при защищении последнего входа к комнатам государевым. Тогда я писать уж не стану» *.

Каразин умоляет государя «не верить словам, которыми губернаторы его встречают: *все благополучно, все по-прежнему!»* *— «Великая перемена,— говорит он,— произошла и ежедневно происходит в умах...» В семеновской истории, в которой он оправдывает солдат и удивляется им, он явно видит «ступеньку лестницы, которую строит *для нас дух века»* *.

Но где же его громоотводы? Вот они. «Постепенное освобождение крестьян и вызов выборных людей от всего *дворянства* как представителей общественного мнения в семейном совете правительства»; этой думой, полагает Каразин, «будет спасено все и без ущерба монархической власти, лишь бы не ушло время». «Земля, единственная в своем составе, в преддверии величайшего твоего несчастия, ты можешь еще быть спасена *искренним семейным союзом твоего государя с его дворянством!* Впрочем, да будет, как и во всем, воля божия!

...Да и что может потерпеть самодержавие от доверенности к тому сословию, которого участь *теснейшим образом с ним соединена?*

...Все меры полицейской и духовной цензуры недостаточны против распространяющихся мнений. Излишняя строгость возмущает лишь сердца. Натянутая вервь внезапно перервется. Во многих *разночинцах и отпущенниках* я предвижу злодеев, которые превзойдут Робеспиеров. Есть и дворяне, прожившие свое имение, воспитанные в разврате и дурных началах, недовольные службою, следовательно, готовые присоединиться к черни. Время Пугачева, московского бунта при Еропкине и явления безначалия при нашествии в 1812 году в разных местах Московской и Калужской губерний (?) оказавшиеся, возвещают завременно, какова чернь наша при невозбранном употреблении вина! *Горе нам! Престол потонет в крови дворянства!»*

На этот крик ужаса и предостережения император Александр велел В. П. Кочубею потребовать у Каразина «подробностей, доказательства, имена», иными словами — *донос*. Развился «Траян и Марк Аврелий» в двадцатилетнее царствование!

Каразин отказался. Государь велел его посадить в крепость и потом удалить на житье в его малороссийское имение.

За что?

За то, что мешался не в свои дела, но этого-то Каразин и не мог никак понять. «А давно ли дело отечества, в котором я живу, в котором будут жить,— говорит он,— мои дети и внуки, перестало быть моим собственным делом?» [1] Из какой азиатской системы взята эта мысль? *Учить правительство*, выражение, изобретенное нарочно для уязвления самолюбия лиц, правительство составляющих. Но авторы, издающие книги о лучшем устройстве законодательств, финансов и пр., разве не более еще должны называться виновными? Мы все учим и учимся до самой смерти. Правительство есть средоточие, в которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благе общем. *Горе, если мы станем рассуждать на площади,* подобно другим народам!.. Да и много ли нас теперь в России, *желающих, умеющих и дерзающих* говорить нечто правительству? Оно с сей стороны может оставаться покойным: *ему не наскучат!*

Как бы то ни было, но Каразин был в крепости и мог на досуге обдумывать, что опаснее — спасать сильных мира сего или толкать их в пропасть.

В те ночи без сна, когда Каразин писал Кочубею свои политические рапсодии, не спали и другие деятели; не спали они в гвардейских казармах, в штабе второй армии, в московских старинных господских домах. Они догадались, что Александр дальше двух-трех либеральных фраз не пойдет, что в Зимнем

---

[1] Наивный Николай не разделял мнения Каразина. Вот как харьковский губернатор сообщил ему (24 ноября 1826) высочайшее разрешение оставить деревню: «Г. начальник главного штаба е. и. в. сообщил мне, что государь император вам разрешает всем. право жить где пожелаете, с дозволением иметь *пребывание и в Москве, кроме однако же Санктпетербурга, впредь до повеления* и с тем, чтобы вы воздержались от *всякого суждения, до вас не принадлежащего!*» — Каков язык и каков мозг!

дворце нет места ни Маркизу Позе, ни Струензе; они поняли, что спасение для народа не может выйти из той же комнаты, из которой вышли военные поселения. Они ничего не ждали от правительства и хотели своими силами справиться; *ими* светлая полоса пирамиды несколько опустилась: вершина стала тускнуть за туманом. Образование, ум, жажда воли — все это было теперь в другом поясе, в другой среде, не дворцовой; в ней была юность, отвага, ширь, поэзия, Пушкин, рубцы 1812 года, зеленые лавры и белые кресты. Между 1812 и 1825 годами развилась целая плеяда, блестящая талантами, с независимым характером, с рыцарской доблестью (явлениями, совершенно новыми в России). Ею было усвоено все то из западного образования, что было запрещено к ввозу. Лучшего ничего не производила петровская эпоха, это были ее *предповоротные* цветы, и, несмотря на роковую косу, разом подрезавшую их, их влияние — как Волгу в море — можно далеко проследить в печальной, николаевской России.

Сказание о декабристах становится больше и больше торжественным прологом, от которого все мы считаем нашу жизнь, нашу героическую генеалогию. Что за титаны, что за гиганты, и что за поэтические, что за сочувственные личности! Их нельзя было ничем ни умалить, ни исказить: ни виселицей, ни каторгой, ни блудовским донесением *, ни корфовским поминаньем *...

Да, это были люди!

Когда, через тридцать лет, несколько старцев, переживших Николая, возвратились, согбенные и опираясь на клюку, из своей томной, долгой ссылки, николаевское поколение забитых, желчных, разочарованных смотрело с смущением на эту *юность*, сохранившую в казематах, рудниках и Сибири прежний жар сердца, молодое упованье, несокрушимую волю, непреклонные убеждения,— на эту *юность*, осененную серебряными волосами, в которых виднелись следы тернового венка, лежавшего больше четверти столетия на их головах. Не они искали у остывшего очага своего опоры, успокоенья — нет, они утешали слабых, *они* подавали руку больным детям, ободряя их, поддерживая их силы и их надежды!

Как утомленный Фауст обращался за отдыхом и миром к

вечно изящным типам матерей *, так наше молодое поколенье обращается за родной силой и крепительным примером к этим отцам.

Святой фалангой декабристов очищен петербургский период; далее дворянство не могло идти, не выйдя в народ, не разодрав своей грамоты.

Это его Исаак, принесенный на жертву примирения с народом. Коронованный Авраам не слыхал гласа божия и затянул веревку...

Народ не плакал.

Трагический элемент петровского периода достиг высшего, раздирающего душу выражения — далее и ему нельзя идти.

Жертва была, действительно, полная, и эту полноту дало ей именно *безучастие народа.*

Только теперь становились возможными выход и примирение. Отпадение от народа, выработавшее в себе столько любви и силы, чистоты и раскаяния, столько отрицания самого себя и преданности другому, было действительно искуплением. Готовность этой кучки аристократов и дворян не только поступиться неправым стяжанием, доставшимся по наследству, se faire roturiers de gentilshommes [1], как выражался граф Ростопчин *, но умереть, идти на каторжную работу за это — стирает исторический грех!

VI
ПО ТУ СТОРОНУ

...Когда в 1826 Якубович увидел князя Оболенского с бородой и в солдатской сермяге, он не мог удержаться от восклицания: «Ну, Оболенский, если я похож на Стеньку Разина, то неминуемо ты должен быть похож на Ваньку Каина!..» Тут взошел комендант; арестантов заковали и отправили в Сибирь на каторжную работу.

Народ не признал этого сходства, и густые толпы его равнодушно смотрели в Нижнем Новегороде, когда провозили колодников в самое время ярмарки. Может, они думали: «Наши-то

---

[1] стать из дворян простолюдинами (франц.).— *Ред.*

сердечные *пешечком* ходят туда — а вот господ-то жандармы возят!»

Но по ту сторону Уральского хребта настает печальное равенство перед каторгой и перед безвыходным несчастием. Все изменяется. Мелкий чиновник, которого мы привыкли знать за бездушного, грязного взяточника, дрожащим от слез голосом умоляет ссыльных в Иркутске принять от него денежное подаяние; грубые казаки, конвоирующие их, мирволят им насколько могут, купцы угощают их при проезде. По ту сторону Байкала несколько из них остановились за перевозом у Верхнеудинска, жители проведали, кого везут, какой-то старичок тотчас посылает им с внучком корзину белого хлеба и булок, и сам дедушка плетется потолковать о забайкальском крае да их порасспросить о белом свете.

Еще в Усольском заводе князь Оболенский пошел рано утром на назначенное ему место рубить деревья. Во время его работы показался из лесу какой-то человек, посмотрел на него пристально, приветливо и пошел своей дорогой. Вечером, идучи домой, Оболенский его опять встретил, он делал знаки, указывал на лес; на другое утро он вышел из чащи и указал Оболенскому, чтобы он шел за ним. Оболенский пошел. Заведя его в чащу, он остановился и торжественно сказал ему: «Мы давно знаем о вашем прибытии, в пророчестве Иезекииля сказано о вас. Мы вас ожидали, наших здесь много, *надейтесь на нас, мы вас не выдадим!*» Это был ссыльный духоборец.

Давно Оболенский мучился желанием иметь вести о своих через княгиню Трубецкую, которая приехала в Иркутск. Средств ей доставить письмо не было никаких. Оболенский попросил помощи раскольника. Тот недолго думал. «Завтра в сумерки,— сказал он,— я буду на таком-то месте, приносите письмо, оно будет доставлено!..» Оболенский отдал ему письмо, и он в ту же ночь отправился в Иркутск, через два дни ответ был у Оболенского.

Что было бы, если б его поймали?

Свои не считаются...

Раскольник заплатил со стороны народа за Радищева.

Итак, в лесах и рудниках Сибири впервые Россия петровская, помещичья, чиновническая, офицерская и Русь черная,

крестьянская, сельская, обе сосланные, скованные, обе с топором за поясом, обе, опираясь на заступ и отирая пот с лица, взглянули друг на друга и узнали давно забытые родственные черты. Пора тому же совершиться белым днем, громко, открыто, везде.

Пора дворянству, искусственно поднятому немецкими машинами над общим уровнем в своем водоеме, слиться с окружающим морем. К фонтанам пригляделись, и Самсон не удивляет своим стержнем воды из львиной челюсти рядом с бесконечностью морской зыби.

Петергофский праздник кончен, куртажная пиеса в костюмах сыграпа, лампы тухнут и чадят, водометы едва сочатся — пойдемте домой!

— Все это так, но... но... не лучше ли народ поднять?

— Можно, только надобно знать, что поднимать на дыбу — одна верная метода и есть, метода преображенского застенка, метода Петра I, Бирона, Аракчеева. Потому-то и император Александр ничего не сделал с Каразиными и Сперанскими — а дошедши до Аракчеева, на нем и остановился.

Народу слишком много, чтоб его в самом деле можно было поднимать в 14 класс [1], и вообще каждый народ имеет сильно

[1] Староверы английского толка, обязанные по учению своему сохранять вековые приобретения исторической жизни даже и тогда, когда их нет или когда они вредны, не согласны с этим. Они думают, что всякие права, благо- и злоприобретенные, надобно беречь и к ним приобщать других. Например, вместо того чтоб у дворни отнять право сечь и драться с мужиками, дать это право мужикам. Встарь говаривали, что хорошо бы весь народ произвести в 14 класс, чтоб его не били; не лучше ли прямо произвести в гвардии капитаны или в потомственное дворянство, благо у нас потомство считается в обратную сторону? А вот украинцы в XVII столетии рассуждали не так, когда их хотели облагородить, да и притом не книжные школяры, а блестящее, пышное, размашистое панство вольной Речи Посполитой: им казалось лучше остаться казаками. Такое же казацкое мнение в органическом развитии вообще (которое наши доктринеры очень любят брать в пример), одна сторона организма может при известных обстоятельствах особенно развиться, взять верх всегда в ущерб всех остальных. Сам по себе орган этот может быть очень развит, но в организме составляет уродство, которого никак не снимешь, искусственно развивая до нелепости остальные части.

Это приводит нам на память замечательный случай из религиозно-хирургической практики принца Гогенлоэ. Принц Гогенлоэ был один из

определенный физиологический характер, который и самые завоевания редко изменяют. До тех пор, пока мы будем принимать народ за глину, а себя за ваятелей и с нашего *прекрасного высока* лепить из него статую à l'antique [1], на французский лад, на манер английской или на немецкую колодку, мы в народе ничего не встретим, кроме упорного безучастия или обидно страдательного повиновения.

Педагогическая метода наших цивилизаторов скверная. Она идет из того основания, что мы всё знаем, а народ ничего не знает. Как будто мы научили его *праву на землю,* общинному владению, устройству, артели, мирской сходке?

Само собою разумеется, мы многое можем указать народу, но многому и нам придется учиться у него, изучать в нем. У нас есть теории, усвоенные нами и представляющие выработанные следствия западного быта, для того чтоб определить, что и как идет к нашему народному быту. Недостаточно подстрочно переводить, мало лексикона, надобно с ним сделать, во-первых, то, что теоретическое ведение старается сделать на Западе с бытом европейских народов,— привести его к сознанию.

Народ упорен в своем быте, он ему верит, но ведь и мы упорны в наших теориях, и мы им верим да еще думаем, что *знаем их,* что *так дело и есть.* Передавая кой-как заученное нами из книг языком условным, мы с отчаянием видим, что народ не понимает, и сетуем на глупость народа точно так, как школьник краснеет за бедную родню, за то, что она не знает, где писать ять, никогда не подумав, для чего две буквы для одного звука!

Откровенно желая добра народу, мы ищем лекарства его болезням в иностранных фармакопеях; там травы иностранные,

---

последних смертных, одаренных чудотворными силами. Это было в ту благословенную эпоху нашего века, когда все феодальное, клерикальное с пудрой и ладаном воскресало на развалинах французской революции. Принц был призван к больному, у которого одна нога была короче; родные его не догадались, что собственно, у него *другая* нога была длиннее. Чудотворный князь принялся за свои молитвы... растет нога, но князь как-то не остерегся и очень неумеренно помолился — короткая нога переросла — досада какая — он за другую молиться, и та переросла — он к прежней... кончилось тем, что князь оставил пациента все-таки с неровными ногами, да к тому же на живых ходулях.

[1] на манер античной (франц.).— *Ред.*

но в книге искать легче, чем на поле. Мы делаемся легко и последовательно либералами, конституционалистами, демократами, якобинцами, но не русскими народными людьми. До всех политических оттенков этих можно дочитаться: все это понято, объяснено, записано, напечатано, переплетено... А тут иди целиком. Русская жизнь стоит леса, в котором Дант заблудился, и дикие *бестии* такие же есть, даже гаже флорентинских, но нет Виргилия; попались было какие-то московские Сусанины, да и те, вместо избы, свели на кладбищенскую часовню...

Не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать, *но освобождать нельзя.*

Без народа — его не освободит ни царь с писарями, ни дворянство с царем, ни дворянство без царя.

То, что теперь совершается в России, слепым должно открыть глаза. Никогда не признавая законным крепостное право, народ выносил страшную тягость его. Видя силу против себя, он молчал. Но как только его захотели освободить по-своему, он от ропота, от страдательного противудействия дошел почти до открытого мятежа. А ведь явным образом ему теперь лучше. Каких же знамений еще ждут цивилизаторы?

Только тот, кто, призванный к деятельности, поймет быт народа, не утратив того, что ему дала наука, кто затронет *его* стремления и на осуществлении их оснует свое участие в общем земском деле, тот только и будет *женихом грядущим.*

Этот урок равно нам повторяет печальная фигура Александра с своей короной; Радищев — с своим стаканом яда; Карамзин, пронесшийся горящим метеором по Зимнему дворцу; Сперанский, светивший годы целые лунным светом без теплоты, без красок, и наши святые мученики 14 декабря.

Кто же будет этот суженый?

Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев, казак, царь и раскольник, или пророк и крестьянин, как Антоний Безднинский?

Трудно сказать, это частности, des détails, как говорят французы. Кто б ни был, *наше дело — идти к нему навстречу с хлебом и солью!*

TO THE EDITOR OF «THE FREE PRESS»

Orsett-house, Westbourne-terrace.
March 12, 1862.

Sir,— You have inserted in your paper of the 5-th of March an article stating that Bakunin is an agent of the Russian government. Unhappily, we only read it on the 11-th instant.

We, being the friends of Bakunin from our youth, and the editors of the Russian journal alluded to in your article, we solemnly protest against this calumny, warmed up from former times, and protected by anonymity.

The assertion concerning Bakunin is as false and absurd as that relating to our journal.

Our journal is no secret, anybody can easily ascertain its tendencies.

Relying upon your feeling of right and justice, we beg you to insert this note in your journal.

We remain etc.

Alexander Herzen,
Nicholas Ogareff,
Editors of the *Kolokol*.

ПЕРЕВОД

ИЗДАТЕЛЮ «THE FREE PRESS»

Orsett-house, Westbourne-terrace.
12 марта 1862.

Сэр, вы поместили в вашей газете от 5 марта статью, утверждающую, что Бакунин — агент русского правительства *. К сожалению, мы прочли ее только 11-ого.

Будучи еще с юности друзьями Бакунина и являясь издателями русской газеты, на которую ссылается ваша статья, мы категорически протестуем против этой разжигаемой с давних пор клеветы, защищенной своей анонимностью.

Утверждение относительно Бакунина в той же мере фальшиво и абсурдно, что и утверждение, относящееся к нашей газете.

Наша газета — не секретна, каждый легко может уяснить себе ее тенденции.

Полагаясь на ваше чувство правды и справедливости, мы просим вас поместить это замечание в вашем журнале.

Остаемся и пр.
Александр Герцен,
Николай Огарев,
издатели «Колокола».

УЧЕНАЯ МОСКВА

Мы получили еще три письма о Московском университете — черные, печальные письма... Пусть нас опять осмеют за то, что у нас есть человеческое сердце, но мы не скроем глубокой боли, с которой мы читали эти письма. Мы не лжем на себя ни чувств, ни бесчувствия. Нам дорога память о Московском университете и о московском круге нашем. Мы храним пиетет к друзьям юности и к московской alma mater, в ее аудиториях провели мы святейшие минуты юности и вынесли без ран на спине все оскорбления николаевского деспотизма, там сложилась, окрепла та мысль борьбы, которой мы остались верны; оттуда мы рассеялись по ссылкам и там собрались через несколько лет около кафедры Грановского,— *Грановского*... как тяжело становится при его имени... Теперь наш черед сказать о нем то, что он сказал о Белинском: «Благо умершему вовремя!» [1] В 1849 году гнет был внешний; *там,* куда не досягало ни ухо жандарма, ни рука квартального, там было *чисто*... а теперь?..

И будто в этих гнусностях участвовали друзья, товарищи, ставленники Грановского?

Кто они?.. Те, которые покраснеют, читая наши строки, те, которые почувствуют, что как ни кричи, а что-то неладное на совести не перекричишь!

А если и таких нет?

Благо умершему вовремя!

Письма, о которых идет речь, очень опоздали. Одно из них представляет полную историю университетского дела, оно будет помещено в следующем листе, из двух остальных мы выписываем несколько небольших отрывков.

[1] «Полярная звезда» на 1859, стр. 216.

Надеемся, что писавшие их уверены в фактах, которые они нам сообщают. И снова напоминаем нашим корреспондентам, *что всякий раз, когда они доставляют нам неверные слухи, новости, взятые с улицы, преувеличенные духом партии* (как это было весьма недавно *), *они нам делают гораздо больше вреда,* чем все Шуваловы с своими вольными и временнообязанными слушателями *.

Из первого письма.

...На днях я читал отзыв московских профессоров по делу студентского адреса. Мысль, проведенная в нем, такова: само правительство виновато в том, что подобные истории, как история с адресом, возможны в университете, следовало бы при первых же университетских волнениях обращать больше внимания на своеволие студентов и строго наказывать зачинщиков [1].

Из второго письма.

...Наконец дошел до нас «Колокол», в котором говорится об университетской истории. Не все верно в вами помещенном рассказе, и многих подробностей недостает. Ваш корреспондент, например, похвалил профессора *Ешевского,* а он 11 октября, когда студенты входили в профессорскую комнату для объяснения с попечителем, загораживал им дорогу, толковал о разладе студентов с профессорами и на замечание студентов, что они пришли вовсе не к профессорам, а к Исакову, отвечал: «Пока Исаков здесь, *мы не должны выдавать его!*»

Вообще наши профессора отличаются. Ленц и Никитенко, генералы Петербургского университета, были поражены усердием к порядку *Соловьева* и *Бабста,* призванных в комиссию для пересмотра университетского устава.

Вступительную лекцию Чичерина вы знаете,— вы знаете, вероятно, его философию рабства, т. е. повиновения дурным законам, и обиду, нанесенную им студентам, тогда сидевшим под арестом. Все это сначала сошло ему с рук. Но когда содержавшихся студентов выпустили, они решились освистать его 9 декабря. Узнав это, та часть слушателей, которая сочувствовала ученому профессору, послала студентов *Соловьева* и *Суходольского* предупредить его. Чичерин явился на лекцию в сопровождении *Н. Ф. Павлова* и *Корша* (в одном письме назван редактор «Моск. вед.», в другом *его брат*). Когда часть студентов стала свистать, другая под предводительством *Соловьева* закричала: «Вон свистунов!» Крик этот увлек даже почтенного гостя, г. Корша, который с полным самоотвержением тоже кричал: «Вон свистунов!»

---

[1] В следующем листе мы поместим этот *отзыв* à la Liprandi.

На следующей лекции студенты в числе двадцати пяти просили г. Чичерина выслушать несколько слов. Ученый профессор сказал, что он во время лекции остановиться не может, а что после лекции он *попросит у инспектора позволение говорить со студентами.* Вероятно, инспектор позволил, потому что ученый профессор возвратился в аудиторию. Тут началось длинное объяснение, кончившееся тем, что профессор безбоязненно сказал: «Я стою за форму неограниченного монархического правления. Я держусь тех убеждений, которые считаю истинными, и не виноват, что они у меня не такие, какие нравятся вам»... Какие мнения нравятся ученому профессору, об этом вы можете прочитать в «Нашем времени».

К этому не совсем благоприятному отзыву *второе письмо* прибавляет более утешительное известие для консервативного профессора и его друзей:

Вступительная лекция г. Чичерина была встречена громким одобрением в правительственных кругах. 30 ноября Путятин, приезжавший от имени государя благодарить московских профессоров за то, что они себя вели так умно, в то время как петербургские шалили, благодарил особенно г. Чичерина. После чего было запрещено цензуре пропускать что-либо против его лекций!

ЯТАГАН УБИТ АУКЦИОНОМ!

Последние цены на Павловых в Москве не слишком дороги — «Свободное слово» в *первом выпуске* печатает следующее торговое известие о покупке правительством за 25 000 р. *Павлова* * Николая Филипповича: «Павлов сам накупился, т. е. предложил свои услуги. Ему даже было отказано один раз; так он съездил в Петербург, побывал у Вяземского и Долгорукова и получил вспоможение на издание своей полезной газеты». «Какого Вяземского? — спрашивает наивно редактор „Свободного слова".— Неужели Петра Андреевича?» Что же тут удивительного? Вы «уважаете остатки человеческой личности во всяком человеке» * — это хорошо, но недурно также и *знать* личности человеков *.

БЕЗ МАСОК

Я публикую мой проект под своим именем потому, что думаю, что пора нам перестать *бояться*... потому, что, желая, чтоб с нами перестали обращаться, как с детьми, мы должны перестать действовать по-детски, потому, что тот, кто хочет правды и справедливости, должен уметь безбоязненно стоять за них.

Когда мы прочли эти слова, исполненные героической простоты, *Н. Серно-Соловьевича* в предисловии к его замечательной брошюре о *крестьянском деле,* изданной в Берлине *, мы

были уверены, что от них начнется новая эпоха заграничного русского слова,— эпоха с открытым забралом. Это огромный шаг вперед. И вот *А. Кошелев* издает в Лейпциге свое решение земского вопроса *. Не можем себе отказать в удовольствии передать нашим читателям его предисловие:

Мы представили в цензуру нашу статью «Что такое русское дворянство, и чем оно быть должно?» и не получили разрешения на ее напечатание под предлогом, что статья может раздражить дворянство. Дворянин пишет о дворянстве и обращается к своим собратьям-дворянам; пишет он не воззвание, а рассуждение умеренное, и притом с соблюдением всяких цензурных приличий (так по крайней мере казалось); и такую статью цензура не пропускает! Мы пошли дальше; но и там — отказ. После этого нельзя было и думать о напечатании в России записки «Какой исход для России из нынешнего ее положения?» Что ж — молчать или печатать за границею?

При нынешнем положении России таить слово утешения, ободрения или совета грешно. Мы можем ошибаться, увлекаться, насчет достоинства наших мыслей заблуждаться; на то мир, чтобы дело обсудить. Но молчать — мы не вправе.

Когда в древние времена не позволяли христианам молиться богу по их вере и они отправляли свои службы ночью и в подземелиях, хорошо ли поступал тот, именующий себя христианином, который удалялся от таких собраний?

Солнце свободы встало для России не вследствие, слава богу, кровавой борьбы, а по мудрому, благовременному, свыше внушенному царскому слову; а бюрократия между тем не перестает хлопотать о том, как бы заградить потоки света на нашу страну; не обязанность ли каждого русского доказать, что он достоин смотреть на свет божий и что для него свобода слова необходима, как хлеб насущный?

Мы печатаем наши мнения где можем — за границею; но скрываем имени и не уклоняемся от ответственности за высказанное. Знаем, что всполошится бюрократия, что иные поспешат с доносами, многие с изъявлениями негодования и некоторые даже с предложением мер строгих; но мы покойны и останемся таковыми, ибо исполнили долг совести, что, конечно, не может быть сочтено за преступление в царствование Александра II.

Дрезден, 2 января 1862.

«ВЗГЛЯД НА ДЕЛА РОССИИ» Н. ТУРГЕНЕВА, Лейпциг, 1862

Николай Иванович Тургенев, старейший и самый неутомимый враг крепостного состояния, сорок три года тому назад, в 1819 году, подавал императору Александру I записку об ограничении помещичьей власти *, резко и благородно высказывая свое мнение о крепостном праве. Александр, как всегда, был тронут, хотел сделать многое и не сделал ничего. Прошло сорок лет — и *что-нибудь* сделал другой государь. «Мои надежды меня не обманули: мне дано было дожить,— так заключает Николай Иванович свое предисловие,— и быть свидетелем святого дела освобождения русских крестьян; я надеюсь также дожить и до уничтожения в России телесных наказаний и увидеть, что и это постыдное пятно будет смыто с моей родной земли» *.

С уважением прочтут все люди, любящие Россию, последнюю тетрадь «Заграничного сборника».

ПИСЬМА, ОТВЕТЫ, ПОПРАВКИ И ПР. (РЕУТ, ЛАТЫШЕВ)

Один корреспондент упрекает нас в непоследовательности, основываясь на том, что мнение *Огарева* о закрытии университетов * вовсе не сходится с мнением составителя полуофициальной записки, помещенной нами в «Колоколе». Корреспондент наш еще больше рассердится, увидя донос московских профес-

соров на студентов и Тучкова, не только не согласный с мнением нашим, но и совершенно противуположный им. Как же почтенный корреспондент не подумал, что мнение, высказанное Огаревым,— мнение *наше,* мнение наших друзей, «Колокола», а в статьи под заглавием «Материалы для составления истории гонения студентов при Александре II» входят весьма разные *документы.* Из двух помещенных записок одна была читана в комитете министров и отличается необыкновенно умным и ясным изложением — ее приписывают Кавелину *; мы ее считаем очень замечательным материалом, особенно если ее сравнить с *липрандиадой* московских жандармов науки и квартальных просвещения *.

В блаженные времена, когда за литературой, наравне с публичными женщинами, смотрел обер-полицмейстер и этот обер-полицмейстер был известный своею простотою Рылеев *, какой-то мартинист написал «назидательную беседу христианина с афеем»; само собою разумеется, что афей был дурак, христианин умный, и еще более разумеется, что он разбил его наповал. Рукопись свою благочестивый препинатель отдал Рылееву. Рылеев прочитал, был очень доволен, что религия восторжествовала, но подписал: «Все, что говорит афей, богопротивно, а потому выпустить, остальное же к печати дозволяется».

Мы не согласны с методой Рылеева и в доказательство упомянем еще о двух письмах.

Одно написано в защиту *Реута* или, лучше, в ответ на наш вопрос *, правда ли, что он держал в тюрьме больше года своего крестьянина. Корреспондент говорит, что дело было не так, что мировой посредник Молодзяновский был не в ладах с Рёутом, что крестьянин имения Варково, фольварка Ксаверинова, по имени Берн, был одержим падучей болезнию, которая впоследствии стала переходить в бешенство, от которого его лечил доктор *Шукевич.* Крестьяне фольварка, тяготясь больным, сковали его *и подбросили* в контору; пока спрашивали, что с ним делать, у главного управляющего, наехал мировой посредник и пр.

Другое письмо — о г. *Латышеве* — мы оставляем до след. листа *.

‹БРОШЮРА ШЕДО-ФЕРРОТИ›

Брошюра, вышедшая в Берлине у Бера под заглавием «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и пр.», дозволена в России * и, говорят, сильно расходится. За такую услугу нашему делу и лично мне можно охотно подвергнуться гомелиям *автора письма А. Герцена* «с ответом и некоторыми примечаниями» *. Снять виноградный лист цензуры с имени человека — это полвозвращения прав гражданства; перестать быть намеком, крепким словцом, которого в печати не употребляют, равняется победе.

СЕНАТОРАМ И ТАЙНЫМ СОВЕТНИКАМ ЖУРНАЛИЗМА

Studiate la matematica, e lasciate le donne!

Совет, данный Ж.-Ж. Руссо маленькой итальянкой *.

Вы, господа, не призваны к *живой жизни,* вам непонятен ее странный, нестройный голос; вы слишком хорошо знаете генерал-бас, чтобы вынести ее диссонансы, и умно делаете, что не бросаетесь в море, закипающее около вас; но зачем же вы других смущаете? Книжники почти всегда, везде держатся в стороне от треволнений житейских; не они делают историю, они ее только пишут и являются после битвы с своим фонарем осмотреть раны падших, сделать опись покинутого имущества и мудро рассудить, отчего побитые побиты, а победители взяли верх, будущим поколениям в научение, современным в назидание. История — это Мольеров мещанин, говорящий живо, красноречиво иногда, но не знающий, что он говорит прозой *; ученые историки не говорят в этом шуме и гаме, похожем на известную рыночную сцену в «Севильском цирюльнике» *, но знают, что Журден говорил прозой. Все это в порядке вещей, но надобно честь знать. Нельзя же позволить книжникам, какими бы сановниками они ни были, сбивать с толку своей школьной контроверзой и общественное мнение, и людей, идущих на жизнь и смерть,— людей, готовых на казематы и Сибирь; нельзя им позволить праздно таскаться по лагерю Валленштейновым капуцином, нагоняя схоластической дичью тоску и недоверие на ратников *. Под руку человеку, сосредоточенному на одном действии, может говорить или личный враг его, или враг дела, или человек, до того занятый собой, что не в состоянии думать

о другом. Крикните Блондину, когда он середь каната, крикните ему из чистейшего желания показать, что вы знаете лучше его статику, а Блондин-то все-таки упадет.

Такой силы наши тузы журнализма не имеют, но вред, приносимый ими, значителен. В личной жизни человека и в известные эпохи народной жизни есть кризисы и переломы, есть торжественные минуты усилий и увлечений, в которые нервы до того подняты и натянуты, что неуместно сказанное слово расстроивает гармонию, разрушает строй, бросает под ноги полено.

— Но такое ли время теперь для России?

— Нет... этого вопроса не сделает, не может сделать *ни один русский* в самом деле! Каждый внутри своей груди, в своей крови, в волнении, в котором он живет, в мучительном ожидании, чувствует, знает — мыслью, любовью, ненавистью знает. Замерзший мозг на панинской вершине и иссушенные, под белым клобуком, мозги Филарета *знают и боятся*. Неужели же найдутся не Панины, не немцы, а литераторы, журналисты, публицисты, до того *выучившиеся вон* из всякого сочувствия с поднимающей их волной, что они не могут из-за случайностей, брызгов, шероховатостей, беспорядка морских зыбей разглядеть величавый поток, захвативший и влекущий все: волостное правление, раскол, университет, крестьян, дворян, суды, дворцы, царя?

Нет, это невозможно, до этого они не забыли родину. Ведь и Филарету с детства надобно было изуродовать душу, надобно было семьдесят лет отучать его от всего живого, естественного, радостного, скоромного, чтоб довести *его* — николаевского иерарха — до слезного сетования и духовной защиты телесного стегания *.

Зачем же берут на себя люди скучную до бесконечности роль: резонеров старых комедий, trouble-fête [1], мух в бокале с вином, тяжелых гостей в дружеской беседе?

Зачем эта натянутая брюзгливость, эта начальническая раздражительность? Зачем они так распускаются, наши почетные попечители общественного мнения, наши Гизо Леонтьев-

---

[1] докучливых людей (франц.).— *Ред.*

ского переулка и гнейстующие Кузени? * Зачем это важничание немецких гувернеров, свысока смотрящих на молодежь в пансионах, потому что она молода и потому что она состоит из русских?

Добрейшие педели нашего просвещения, обер-нах-шнейдеры немецкой науки, подумайте, нельзя же вносить всех привычек и всех приемов школьного учителя в окружающую вас жизнь. Знаем мы, что кафедральные занятия невольно передают человеку что-то дидактическое и назидательное, поучающее с властью и внушающее со строгостью в формах и речах. Купаясь в реке, можно узнать учительствующего ученого так же легко, как военного фрунтовика, статского чиновника и соединяющего в себе обе службы — военного и партикулярного портного.

Учитель по должности, потому что он сидит на кафедре, потому что ему платят за это, должен не говорить, *а поучать*, должен больше знать, чем ученики, и не только не скрывать, что больше знает их, но застращивать своим непогрешительным ведением и безапелляционным авторитетом.

Вне школы этого тона вынести нельзя, особенно когда к нему примешивается снисходительное, но вместе с тем и сладострастное сознание своего превосходства. Этот тон решительно больше возбуждает отпора и озлобления, чем всякая желчевая выходка и всякая злая ирония. Там предполагается, что человек сердится, что он раздражен, может быть, страдает, может, ему больно,— это примиряет. А тут, совсем напротив, в каждом слове сквозит спокойное, олимпическое чувство самодовольства, готовое даже перегнуться в скромность схимника, считающего себя ниже червя и выше фельдмаршала. Это какое-то платоническое наслаждение самим собою, эпикурейское душенеистовство, глядящее с сожалением на нас, смертных, с аттическою солью шпыняющее над миллионами мелюзги, готовое и жалеть ее, и журить, и поплакать об ней, как плакал умирающий Нерон *, думая, какого тенора лишится в нем Римская империя.

К этому fond присоединяется еще берлинское немцепоклонство тридцатых годов, вердеревских времен, и фатство графа Нулина, *патриотически* радующегося, что «умы у нас уж разви-

ваться начинают» *, и душевно желающего, чтоб à la fin des fins [1] и мы «просветились».

«Если со временем,— внушают сенаторы,— разовьется у нас политическая жизнь и образуются партии, тогда мы с вами поговорим. До тех пор, извините, велик инструмент, не по вашему мозгу.

У нас ничего нет похожего на политическую жизнь. У нас есть слова и нет дела... Наши кружки, наши партии, их борьба и их сделки, их статьи и их журналы — все это явления воздушные, все это чистейший обман, призрак, пустота.

Что приятнее нашей жизни? Постоянная, вечная игра! *Прежде* (вероятно, во времена Станкевича, Белинского, Бакунина) *играли* в философские партии, теперь *играют* в политические партии (Михайлов? Обручев? Высланные студенты? Убитый Лебедев? * 13 мировых посредников в казематах? *... Впрочем, и прежде были шалуны: 14 декабря *доигрались* они до виселицы...).

Мы никогда не искали чести принадлежать к какой-нибудь из *наших* партий, не только к этим *шутовским* партиям, но и к партиям *серьезным, если бы они когда-нибудь образовались у нас, мы не могли бы примкнуть*» *.

И это было сказано в 1862, когда Михайлов, скованный, шел в Иркутск, когда дворянство нескольких губерний порывается сбросить с себя сословные привилегии, когда весь народ русский заявил еще раз, спокойно и твердо, свое право на землю, когда московские профессора подали свой благородный протест против ссылки Павлова *,— т. е. я ошибся: московские профессора послали донос Путятину *, это петербургские профессора,— когда вся Русь поднимается от тяжелого сна и идет на совершение судеб, которых главные черты начинают прорезываться из-за несущихся туч, стесняющихся облаков, когда даже Зимний дворец приостановился и стал думать думу.

Господа, studiate la matematica, e lasciate le donne!

Ни микроскоп, ни телескоп вам не помогут, тут надобно иметь *простые* глаза, а вы их-то и испортили серой немецкой печатью. Лучше уж и не выходить из аулы да из кабинета, а те

[1] в конце концов (франц.).— *Ред.*

как бы вам не пришлось опростоволоситься, как это случилось с вашими предшественниками, иерусалимскими профессорами богословского факультета,— и не услышать грозный упрек:

— «Я был среди вас, и вы меня не узнали!» *

— «Да где? Когда? Помилуйте!»

В том-то и дело, что не узнали. Вы еще ждете мессию по *писаниям,* в церковном облачении, в сиянии и торжестве, в сопровождении самого Молинари ...а он родился опять в *овчарне.* Мы согласны с вами: что за место для потомка царя Давида — в яслях?

— Да что ж делать!

ОТВЕТЫ М. Л. МИХАЙЛОВА

Сенаторы и вообще сановники были до настоящего времени мало речисты, они представляли молчащий хор, обои, почетную обстановку самодержца всероссийского, бессловесные орудия, которыми он дрался. В его присутствии они не смели говорить; в его отсутствие с ними не смели говорить — никто, кроме равных по чину, а тем нечего было сказать.

Но времена двигаются вперед, а с ними двигаются вперед и наши сенаторы. И вот нам удалось на sea side [1] встретить усовершенствованного сенатора с даром слова, с *репетицией*. Последний русский сановник, которого я видел лет двенадцать тому назад, сановник первой величины, был Виктор Панин, сидевший согнувшись в *карете* на пароходе. Прогресс огромный: Панин все молчал в карете, сенатор постоянно говорил в вагоне.

Заметив его наклонность к велеречию, я вдруг спросил его:

— Вы были в Петербурге во время суда Михайлова?

— Как же.

— Тут, несмотря на восхваляемый прогресс, ваши товарищи поступили не лучше николаевских палачей и инквизиторов, разных Бибиковых и Гагариных.

— Позвольте,— перебил меня сенатор,— я, по счастию, не был в числе его судей, стало, я не себя защищаю; по человечеству, мне его жаль, я видел его: болезненный, худой,— но с тем вместе я вам должен сказать, что такой закоснелой дерзости, какую показал Михайлов, я не видывал, c'est du Robespierre [2]. Вы не имеете идеи, что такое. Прежде по крайней мере люди отпирались, чувствовали ужас своего положения, а этот госпо-

[1] морском берегу (англ.).— *Ред.*

[2] это в духе Робеспьера (франц.).— *Ред.*

дин, тщедушный, в очках, прямо говорит: так и так. Я помню некоторые из его ответов... в Англии, сидя вдвоем в вагоне, страшно повторить. Что же правительству делать, что делать судьям?

— Да вы припомните что-нибудь?

— Такие вещи не часто удается слышать, я у себя в памятную книжку записал.

— Это чрезвычайно любопытно.

— Да-с, я думаю. Вот постойте, она у меня тут в саке.— Он порылся и достал книжку, потом добавил:— Посудите сами.

Тут он начал читать — пропуская, останавливаясь, повторяя.

На вопрос: *Каких вы убеждений относительно русского правительства?* Михайлов отвечал:

— Я давно уже имел случай ознакомиться с принципами нашего правительства и нахожу их таковыми, что честный человек не только не может разделять, но и одобрять их.

Напрасно уничтожением крепостного права на бумаге вы хотите включить Россию в число умеренно-либеральных, цивилизованных держав. Она теперь не что иное, как огромное имение, расстроенное распутством богатого своего помещика.

Напрасно в своде законов вы поместили слово «гражданин», потому что, где нет гражданских прав, там это слово мертвая буква. У нас вместо прав существуют сословные привилегии и преимущества, выросшие на почве личного произвола.

— *Не выражали ли вы ваших убеждений публично?*

— За неимением публичной общественной мысли и при нынешнем положении прессы, которое действительным гнетом лежит на дороге нашего национального развития, писателю невозможно высказаться перед народом, а народу невозможно высказаться в писателе. Уничтожьте цензурный комитет, если вас интересует взгляд мыслящего общества на правительство. Вы только откройте инструмент, а музыка будет.

— *Не действовали ли вы против правительства и как именно?*

— Вы дошли наконец до такого вопроса, на который привыкли получать отрицательный ответ. Но на этот раз откровенность взяла верх. Я не буду спорить с вами. Да, я действо-

вал против правительства путем пропаганды, тем последним путем, который вы стараетесь запереть легионами ваших сыщиков. А кстати, по какому праву эта подлая сволочь, спрошу я вас, содержится на счет правительства, а не государя? Кому нужно, тот пусть и оберегает и холит это нежное, боящееся света растение нашей отечественной флоры, возращенное в жандармски-полицейском цветнике.

Вы хотите знать, в чем состояла эта пропаганда? Я в этом случае поспешу, как я умею, удовлетворить вашей любознательности. Я старался сообщить народной массе те идеи, при понимании которых невозможен существующий порядок вещей. Будьте уверенны, что, если бы все общество получило хоть какое-нибудь социальное образование, в России была бы конституция. Министры и весь этот штат вельможно-лакейских воров, прихлебателей с расшитыми золотом воротниками были бы стерты с лица земли. Зимний бы дворец опустел. Памятник Николая незабвенного не обезображивал бы больше Исаакиевскую площадь.

Насколько верны записки сенатора, я не знаю, но общий характер, весьма вероятно, сохранен.

ЧУДОТВОРНОЕ ДЕЙСТВИЕ ИМПЕРАТОРА

Известно, что в средние века французские короли были очень полезны от золотухи: больных детей клали на камни при входе в собор, король прикасался, и золотуха проходила *. Свойство это утратилось у них, вероятно, потому, что золотуха всего королевства перешла в бурбонскую кровь, в силу чего пошли все эти несвежие Людвиги XV, рыхлые и прожорливые Людвиги XVI, таскающие ноги Людвиги XVIII, подагрики с колыбели Генрихи V.

Александр Николаевич лечит у нас больных от духовной золотухи с необычайным успехом. *Второе излечение* стоит первого. Модеста Корфа государь радикально излечил от «Восшествия Николая на престол», давши ему случай выкупаться в уничтожении телесных наказаний *: «Indépendance» говорит, что он составил проект, и притом очень хороший.

Не нужно ли еще кого выстирать уничтожением цензуры? Панина бы хорошо, да нельзя: корыта нет в целой империи, в котором Виктора Никитича можно было бы промыть до затылка. Кого же? Адлерберга, отца и сына или обоих вместе, а коли не стыдно, то и с Бутковым? Все равно, только поскорее их в стирку.

SIMILIA SIMILIBUS[1]

Законы природы умилительно постоянны, однородные силы всегда, везде отталкивают друг друга. С истинным удовольстви-

[1] Подобное подобным (лат.).— *Ред.*

ем извещаем о воспоследовавшей размолвке двух государственных людей III отделения in partibus infidelium * — *Тимашева* и *Шувалова* *.

⟨ОБЪЯСНЕНИЕ⟩

Фельетон «Северной пчелы» от 11 апреля напомнил нам ошибку, сделанную нами, и, следственно, нашу обязанность ее поправить.

Оскорбленные грубым выражением о женщинах купеческого сословия в стране, в которой дворянская спесь на немецкий манер доходит до того, что дам недворянского звания обижают в собраньях и гимназиях *, не пускают в сады, открытые для шляхты *, и проч., мы спросили («Колокол», лист 122 и 123) *, кто назвал пьяную купчиху, ехавшую со свадьбы, *типом* женщины купеческого сословия: *официальная почта или официозная пчела*... и попали в тот же самый грех. Слово *официозная*, убеждаемся мы больше и больше, к пчеле идет так же мало, как типическое значение бедной замерзшей купчихи к целому сословию.

Благородное направление «Северной пчелы», наиболее независимой газеты русской, вменяет нам в обязанность извиниться в нашем выражении. Мы сделали бы это прежде, но дело вышло из головы. Сердитый тон фельетона напомнил нашу обязанность. Мы ее исполняем от чистого сердца.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

В ответ на несколько писем, полученных из России, мы считаем нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакции *«Колокола»* сбор денег, предназначаемых на *общее наше русское дело;* мы берем на себя не только обязанность хранения денег, но и тяжелую ответственность употребления их. Что мы поступим с полной чистотой и полным вниманием — в этом, вероятно, предлагающие прислать деньги не сомневаются. Само собою разумеется, что мы будет вести строгую отчетность и отдадим *гласный отчет* тогда, когда он будет возможен.

12 мая 1862.
Orsett-house, Westbourne-terrace.

ULTIMATUM

р. р. с.*

Пошлую клевету, выдуманную еще в 1848, что *Бакунин* агент русского правительства *, и распространенную теперь на нас, снова подогрели мелкие английские и немецкие листы.

Для русских нам не нужно опровергать это вранье. В России не найдется ни одного человека, достаточно глупого, чтоб поверить, достаточно подлого, чтоб повторить это.

Такого рода нелепости оседают только в грязном, тинистом отстое последних политических брожений тридцати шести германских отечеств и всплывают в тронутом мозгу *неузнанных* государственных мужей Великобритании *, несчастных женихов власти, сошедших с ума и с совести от неудовлетворенной любви к ней и корчащих роль тонких, глубоких дипломатов перед тощей и тупоумной толпой уездных поклонников и клубных second rate [1] политиков.

Жалкое стадо, принимая зависть за призвание и желчь за гений, качает своей глупой головой, повторяя: «Один человек и есть, который все знает, все может... и *он-то,* именно он-то, не у дел!» За эту скромную награду неудавшиеся министры готовы клеветать не только на каких-нибудь русских выходцев, но на Гарибальди и Мадцини.

Мы протестовали так, как протестовали в 1848 и в 1854 *. *Они* продолжают нести свою галиматью. Наконец это надоело. Впредь ни за себя, ни за друзей *мы вступаться не будем!*

Истина этим людям равнодушна.

Россию они ненавидят, и притом вовсе не правительство, а вообще все русское и всех русских. Разбирать, что мы проповедуем, чего мы хотим, почему мы работаем *в пользу* русского

[1] второго сорта (англ.).— *Ред.*

народа и против *немецкого* правительства в Петербурге, что мы толкуем о *праве на землю,* о сельской общине, о сельском самоуправлении, об уничтожении сословных прав, почему мы, *русские,* хотим полной независимости Польши, и не только от Петербурга, но и от Вены и Берлина,— все это разбирать им недосуг, скучно, да и при общем невежестве образования нелегко. Гораздо проще — людей, которых вся жизнь, факт за фактом, была посвящена народному делу, которые с первой юности до седых волос боролись с русским самодержавием, которые лучшие годы жизни провели в ссылках и тюрьмах, в насильственном или добровольном изгнании,— выдавать за *агентов русского правительства.*

Тактика эта вовсе не новая,— руководствуясь ею, свели на гильотину Анахарсиса Клоца и обвинили Томаса Пена.

Протест наш * был последним знаком уважения к честным людям среды, в которой мы живем... Что касается до мнения о нас всяких Кауницев без места и Меттернихов без портфеля, нам до него дела нет.

Мы — чужие в этом мире, мы, собственно, живем не здесь, а дома. Было время, когда мы думали, что наше призвание состояло, между прочим, и в том, чтоб *свидетельствовать* перед Западом о возникающем русском мире *. Это время прошло. С каждым годом, с каждым событием мы становимся дальше и дальше от среды, в которой жить осуждены нашей деятельностью. Мы этого не скрываем. Мы остаемся вне России только потому, что там свободное слово невозможно, а мы веруем в необходимость его высказывать. Заграничная жизнь для нас вовсе не partie de plaisir [1], а *жертва,* огромная жертва, которую мы приносим нашему делу.

Мы не чувствуем благодарности за то, что живем здесь, и не просим ни признания, ни гостеприимства, ни участия, мы берем по праву ту защиту закона, которую свободная страна безвозмездно дает всем непреступникам; мы пользуемся той терпимостью, которую английское уложение распространяет не только на выходцев других стран, но и на своих теоретических изменников, стремящихся ниспровергнуть вековые, святые

[1] увеселительная прогулка (франц.).— *Ред.*

учреждения своего отечества в пользу Австрии и абсолютизма.

...Итак, vorwärts [1], господа! Мы оставляем поле, мы делаем вам теперь наш прощальный визит и поручаем себя вашим дружеским обвинениям и братским клеветам.

Твердые святостью нашего дела,
Твердые нашей чистотой,
Твердые верой в нас русских,
Мы молча будем вас презирать.

15 мая 1862.

---

[1] вперед (нем.).— *Ред.*

СМЕРТЬ ПИОТРОВСКОГО,

доносы Филарета, инквизиция на всех парах

У нас не только розги и телесные наказания находят защитников, но, что еще удивительнее, и защитники розог находят своих защитников. Не так давно за Филарета вступился в Париже — и кто же?.. Паки в деятельность воздвигнувшийся С. П. Шевырев *. Шевырев московский, итальянский, ярый боец славянофильства сороковых годов,— Шевырев, представлявший женственно-мягкое начало в журнальном союзе с циклопически-неотесанным, обрывистым, ухабистым, крепкоустым Погодиным; тот самый Шевырев, о котором мы *так почтительно* молчали, зацепил нас своим детским soprano.

Видно, что телесные наказания у нас очень народны, недаром существуют пословицы вроде «за битого двух небитых дают» *.

Но вот новый камень испытания защитнику преосвященнейшего. Будет ли Степан Петрович защищать филаретовские доносы и его духовные розги, которыми он засекает до плотской смерти? Филарет сделал гигантский шаг к III отделению, он не нынче — завтра даст постного киселя Долгорукому и будет митрополитом и шефом корпуса жандармов. Тимашев и Шувалов, иже за III отделение пострадавшие, верно, пойдут в иеродиаконы. Одна надежда и есть на скудельность земного тела; зажился старче во временной гостинице, пора и ко дворам беззаборного и превечного вселения.

Затем просим внимания к следующим страшным фактам, повергающим действительно в ужас и уныние всякого русского, особенно когда вспомним наше бесправие, отсутствие суда, вмешательство ханжей, частных профессоров и экстраординар-

ных квартальных Московского университета и всех светских священномонасей на половине ее величества!

«Домашняя беседа» 1862, в 13 выпуске, марта 31, напечатала следующие каннибальские строки *:

Страшное извещение. Бог видит, что не с злорадованием, а с желанием внушить кому следует осторожность сообщаем следующее ужасающее извещение: читатели «Домашней беседы», без сомнения, были глубоко возмущены *сатанинским* кощунством некоего Пиотровского, который дерзнул подвергнуть критике и кощунственному осмеянию слова самого Христа Спасителя (*«Дом. беседа», 1861, вып. 49, стр. 974*); об этом ужасном кощунстве заявлено и в *письме московского священнослужителя* (*«Душепол. чтение», 1862, кн. январская*). Что же? В «Полицейских ведомостях» мы читаем: «18 марта, Васильевской части, в 6 часу пополудни, дворянин Игнатий Пиотровский, в 21 году от роду, в квартире своей застрелился из револьвера. Ужасно! Но иначе и быть не могло. Бог поругаем не бывает».

Что за письмо? Что за священнослужитель московский?.. *Письмо,* о котором упоминает инквизиторский журнал, писано Филаретом московским государю. Оно напечатано в «Душеполезном чтении» и особой брошюрой, но не вполне, под заглавием: «Выписка из письма московского священнослужителя в Петербург, декабря 17 дня 1861» *. Брошюра у нас перед глазами: это дикий вопль изуверства, бледнеющего перед мыслью, перед человеческой волей и взывающего к гонениям и казням. В этом преступном и безумном писании — донос на литературу, на журналы, на общественное мнение и вслед за общим доносом, который может иногда прикрываться своей безличностью,— *частные доносы* на статьи с означением страниц, с выписками *. Пиотровского инквизитор указал как отступника от Христа *, и уже светская власть притянула его временными браздами и собиралась его сослать, когда несчастный молодой человек решился ее предупредить — *и застрелился.*

И над этим трупом юноши прочел свои поминки Аскоченский *,— Аскоченский, который недавно с братом разыграл библейскую историю Каина и Авеля, в которой и Авель — Каин.

В следующем листе мы перепечатаем страницу из духовной барковщины Филарета *.

ПИСЬМО ОТ ОФИЦЕРОВ

Мы получили на днях письмо из Польши от одного русского офицера, писанное от имени нескольких товарищей его. Много тяжелых минут, много устали и горя стирают такие строки. Если больше будет таких офицеров, они легко очистят русское оружие от ржавчины, которой его покрыла запекшаяся на нем польская и крестьянская кровь...

Вот что он пишет между прочим:

«Едва поляки заметили наши слабые усилия сблизиться с ними и смыть позорное пятно, лежащее на нас, как братски подали нам руку; им обязаны мы тем, что получаем „Колокол", им — что можем переслать это письмо. К сожалению, они имеют много прав не доверять нам, *потому что офицеры часто принимают на себя роль шпионов...*»

(Следует небольшая перечень шпионствующих офицеров, состоящих при варшавском ордонансгаузе. Мы просим корреспондента еще раз проверить имена, и тогда мы охотно *их напечатаем* в поощрение другим).

«...Мы думаем, что с нашей стороны необходима искупительная жертва, мы готовы на нее и только ждем случая принести ее с возможно большей пользою...

...Мы не настолько самолюбивы, чтобы не понимать, что мы вовсе не хватаем звезд с неба; мы трудимся *только из-за сознания,* что в общем улье будет капля и нашего меду».

С этим сознанием прошлого греха, с этой готовностью пасть жертвой искупления, с этим смирением можно наделать чудеса.

Вашу руку, будущие герои, будущие мученики, будущие воины русского земства!

МОСКВА НАМ НЕ СОЧУВСТВУЕТ

Еще р. р. с.*

Прости, Москва, приют родимый!
«Тройка»

Не можем удержаться, чтобы не выписать следующих строк из письма, полученного нами из Москвы, и притом от истого москвича: «Москва решительно не за вас, скорее Петербург, Тверь... Москва *вам не сочувствует,* напротив. Мы все здесь, к какой бы партии ни принадлежали, люди *исторические,* и радикализма мы переварить не можем. Не думайте, чтоб я говорил про один какой-либо кружок. Нет, я говорю о всех, исключая, разумеется, небольшой части молодежи. У нас уважают искренность ваших убеждений, пользу от большей части сообщаемых вами известий, и об вас говорят не иначе, как с любовью, но на этом и останавливается сочувствие».

Мы догадывались и прежде, что *историческое* общество, легко переваривающее соборные доносы университетских приставов науки *, начальнические распекания отцов доктринеров, шляхетную газетщину *, которую ставят в казну по столько-то за аршин, о розге архипастырское умиление Филарета *... многого переваривать не может, и в том числе — нас. Но дорого нам было узнать из прямого, дружеского источника, что и мы, бедные, в нашей дали, не забыты, что и нам отвели скромное место на листах проскрипций Английского клуба и византийского университета * — вместе с преступным Михайловым, с злокачественным «Великорусом», с крамольными студентами, не пощаженными ни православным «Днем», ни бироновским профессорством, ни даже самим полицмейстером Сечинским.

Прости, Москва, приют родимый!

...Как же она изменилась с тридцатых, сороковых годов... с тех времен, когда Белинский начинал свое литературное поприще, Грановский открывал свой курс! Что был тогда ее святой, ее непорочный университет, который тревожил подозрительного и сумрачного тирана в Зимнем дворце? Что было тогда московское общество, с своими литературными кругами, философскими спорами, с своими «фрондерами», как их называл Гакстгаузен?

Все, что впоследствии развилось и вышло наружу, все, около чего теперь группируются мнения и лица,— все зародилось в эту темную, московскую ночь, за свечкой бедного студента, за товарищеской беседой на четвертом этаже, за дружеским спором юношей да отроков. Там из неопределенной мглы стремлений, из горести и упования отделились мало-помалу, как два волчьих глаза, две световые точки, два фонаря локомотива, растущие на всем лету, бросая длинные лучи света,— один на пройденный путь, другой на путь предстоящий. В Москве была умственная инициатива того времени, в ней подняты все жизненные вопросы, и в ней на разрешение их тратилось сердце и ум, весь досуг, все существование. В Москве развились Белинский и Хомяков. В Москве кафедра Грановского выросла в трибуну общественного протеста *.

Москве недоставало одного — простора, шири, накопившиеся мысли ныли по воле...

...Пришло время — нет ни Николая, ни Закревского; веревку, которой была связана мысль, отпустили на палец, и Москве фрондеров, Москве университета и «Московских ведомостей» — *нечего сказать*. Москва обойдена Тверью и Харьковом, Владимиром, Петербургом * и двадцатью другими. Государь трясет за шиворот закоснелое дворянство, призывает его à la pudeur [1] — оно ничего ...и вместо Белинского — Павлов, в университете — проповедь рабского повиновения, в дворянском собрании — предложение Безобразова *.

Трагическая судьба нашего первопрестольного города! Для широкой, светлой стороны жизни у Москвы нет органа, нет силы. Она идет вперед, когда Россия идет назад, и пятится

---

[1] к целомудрию (франц.).— *Ред.*

назад, когда Россия идет вперед. Она является в истории на первом плане, когда беда грозит всему народу или уже разразилась; она является как врач, как духовник, как сестра милосердия, как вдова, пекущаяся о сиротах... Прошла беда, и Москва спит.

Татары ли одолеют Русь, вечевую, удельную, народную, и все склонится перед их *азиатской цивилизацией* — в ничтожной Москве закипает мысль освобождения от варварского ига, и растет, и растет до Мамаева побоища; но на другой день после победы над Золотой Ордой Москва становится ордой белокаменной и теснит свои русские улусы не хуже татар.

Польша ли возьмет верх — Москва опять становится городом народным и кличет клич по всей Руси, и вся Русь встает на ее выручку, льет свою лучшую кровь, тратит последний алтын. Но лишь только Русь оправляется, Москва кует ее в цепи, кует и Украину, добровольно отдавшуюся, кует до тех пор, пока выкует самую чудовищную машину рабства — Петра I.

Она было хотела отшарахнуться от его цивилизующего застенка, но поздно — сзади стояли драбанты и сержанты, пришлось возвратиться к дотатарской ничтожности и ждать новой напасти народной, чтоб поднять голову. Ждала она целый век, наконец пришел Наполеон — и она подняла ее; перед заревом Москвы «померкло солнце Аустерлица» *.

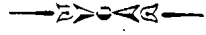
Едва Москва обстроилась после 1812 года, Россию *постигло* николаевское царствование.

Мертвящая сила царизма, схватив за горло молодую развивавшуюся жизнь, замерла в тридцатилетней борьбе. Едва приходившая в себя жизнь слабела, становилась бледнее и бледнее — потухала. Отчаяние в поэзии, отчаяние в картинах, отчаяние и пустота дома, в гостиных, Сибирь, Кавказ, каторжная работа и опущенный шлагбаум на границе. Обезумевший властелин скакал из угла в угол империи, преследуя — как квартальный или дядька — отращенные бороды, расстегнутые воротники, пиджакеты и тетрадки стихов; казалось, он все утоптал, как двор казармы. Только в старом сердце Москвы теплилась надежда, теплилась вера, и в аудиториях, в частных беседах она шептала молодежи: «Погодите немного — он не одолеет, он не задушит... верьте и работайте».

Николай чутьем ненавидел Москву и гнал ее университет, которому он *теперь* так охотно дал бы андреевские и георгиевские ленты с бантами — на электрические и пневматические машины.

...*Теперь!* Мало ли что теперь!.. Кто эти посторонние, эти враги? Это наши *друзья!* Кто эти несочувствующие, эти *исторические* люди? Это наши хористы!

Пушкин отгадал только вполовину, сказавши: «*В Москве не царь*»,— в ней нет и *земского дела!*



РУФИН ПИОТРОВСКИЙ

<I>

В трех последних книжках «Revue des Deux Mondes» т. Клячко поместил извлечения из «Записок» Руфина Пиотровского. Богатый мартиролог польский приобрел еще одну превосходную страницу. Что за простота, что за искренность рассказа; нет ни озлобления, ни черных красок — и оттого-то именно картина так черна и озлобление кипит само собою в душе читателя. Следя за Пиотровским, так и хочется склониться непокрытой головой перед кротким страдальцем.

Содержания «Записок» мы не намерены рассказывать. Их надобно целиком перевести на русский язык; пусть наши дети и отроки учатся, как люди жертвуют идее, как выносят страшнейшие бедствия и с какой непреклонной твердостью, с каким присутствием духа они умеют освобождаться из острогов, из наковален Сибири. Пиотровский с тем святым, безрассудным геройством, с которым вообще совершаются великие подвиги и который неоспоримо принадлежит польскому характеру, отправился в начале 1843 г. эмиссаром из Парижа в Каменец-Подольский; правительство напало на его следы; его схватили 31 декабря 1843 года и, кой-как произведя следствие, осудили на вечную каторжную работу и отправили скованного в Сибирь. Он работал на Екатерининском заводе, в обществе клейменых и сеченных кнутом обыкновенных преступников, бежал оттуда в начале 1846 и приехал 22 сентября того же года в Париж, пробравшись *через Архангельск и Ригу*.

Мы обращаем внимание наших читателей на две вещи: во-первых, до какой степени у нас до сих пор не знают подробно-

стей закулисной истории николаевского царствования. Пора выступить наружу всем рубцам этого кнута, этого холодного палача. Вот эпизод из сибирской жизни, рассказанный Пиотровским.

Говоря об опасностях побега из рудников и заводов, о страшных наказаниях, которым подвергаются в этом случае политические преступники наравне с обыкновенными, Пиотровский замечает, что именно вследствие этого у поляков не раз являлась мысль силою пробраться в Персию, в Китай, в степи, поднять самих сибиряков: «Петр Высоцкий, тот самый, который дал сигнал нашей революции (1831) и впоследствии был взят русскими на поле сражения и выслан в Нерчинск, положил основу такому заговору, за что и был отправлен в Акатуевскую крепость».

В том же роде был заговор Сиероцинского. Я приехал,— продолжает Пиотровский,— в Екатерининский завод несколько лет после этой кровавой трагедии и был вблизи Омска, где она случилась, я видел свидетелей, участников и от них слышал следующие подробности, за достоверность которых я ручаюсь.

До революции Сиероцинский был настоятелем базилианского монастыря в Овруче, в Волыни, и заведовал школами. Он брал деятельное участие в нашем движении 1831 года и попался наконец в руки русских. Николай послал его рядовым в казацкий полк, стоящий в Сибири. В продолжение нескольких лет он преследовал киргизов в степях, верхом, в казацкой одежде, с саблей и пикой. Занадобился как-то учитель в военной школе в Омске; вспомнили о прежнем настоятеле монастыря, которого способности и особенно знание французского и немецкого языка были известны, и его возвратили из киргизских степей. Экс-игумен и экс-казак сделался профессором при военной школе в Омске, оставаясь, впрочем, рядовым своего полка. На своем новом месте Сиероцинский вскоре расположил всех к себе и завел обширные связи. Физически слабый и нервный, но с необыкновенно предприимчивым и смелым умом, он вздумал устроить по всей Сибири огромный заговор, в который вступали ссыльные, гарнизонные солдаты, много офицеров, еще помнивших Пестеля, и, наконец, разные туземцы, русские и даже татары. Каждый знающий Сибирь согласится, что в ней собраны все необходимые начала революции. В Сибири все недовольны, в разных степенях и от разных причин, даже часто противуположных; одни гарнизоны обхватывают эти обширные страны своим железным кольцом. Сиероцинский именно между гарнизонными солдатами и нашел наибольше сообщников; его план состоял в том, чтобы завладеть крепостями и главными местами с помощию согласных с ним военных и освобожденных ссыльных (большею частью из бывших

солдат) и ждать, что будет. В случае неудачи они должны были отступить с оружием в киргизские степи, в таукенский ханат, где много католиков, или в Бухару, чтобы достигнуть оттуда английских владений в восточной Индии. Зерно заговора было в Омске, где заговорщики располагали артиллерией и уже были готовы для общего восстания; но накануне назначенного дня трое из заговорщиков донесли обо всем полковнику Дегграву. Сиероцинского и его товарищей схватили в ту же ночь, за отсутствовавшими послали курьеров. Началось длинное следствие, две комиссии, назначенные одна после другой, разошлись, ничего не сделавши, так дело было запутано и темно. Третья комиссия, составленная из членов, нарочно присланных из Петербурга, окончила следствие. Высочайший приказ приговаривал Сиероцинского и пять главных союзников его, в числе которых был старик лет за 60, офицер Наполеона — Горский и русский — Меледин, каждого *к семи тысячам* ударов шпицрутенов. На приговоре было всеми буквами написано: *«Семь тысяч ударов без пощады»*. Остальные, в числе тысячи, были приговорены к 3000, 2000, 1500 ударам и к вечной или временной каторжной работе, в арестантские роты, к заключению и т. д.

Пришел день казни. Дело было в 1837 в марте, в Омске. Генерал Голофеев, известный своею свирепостью и присланный вследствие этого из столицы, заведовал мрачной процессией. Утром два батальона стали на большой площади недалеко от города, один для шести главных виновников, другой для остальных, приговоренных на меньшее число ударов. Сиероцинского и его пять товарищей привели на площадь, им прочли приговор, и началось страшное наказание. Ни один из них не выдержал назначенное количество ударов: их наказывали одного после другого, и они все падали, пройдя два или три раза сквозь строй, и умирали на снегу, обагренном их кровью. Сиероцинского нарочно казнили последнего, чтобы он видел до конца казнь своих друзей. Когда пришел его черед, когда ему раскрыли спину и привязали руки к штыку, батальонный доктор предложил ему, как и другим, склянку с укрепляющими каплями; но он отказался и сказал: «Пейте мою кровь, я не хочу ваших каплей!» Дали сигнал, бывший настоятель запел громким и ясным голосом: «Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam tuam!» [1], генерал Голофеев закричал солдатам: *«Покрепче, покрепче!»*... И в продолжение нескольких минут слышался голос базильянца, перебиваемый свистом розог и криком генерала: «Покрепче!» ...Сиероцинский только раз прошел сквозь строй, т. е. получил 1000 ударов; он упал на снег без чувств и в крови. Напрасно старались поставить его на ноги; тогда его привязали *к саням, приготовленным заранее, так, чтобы спина подставлялась под удары, и таким образом повезли сквозь строй.* В начале второй тысячи еще слышнелись его стоны, они слабели, но он умер только после четвертой тысячи; остальные 3000 пали на труп. Всех русских и

[1] «Помилуй меня, господи, по великому милосердию твоему!» (лат.).— *Ред.*

поляков, умерших на месте и через несколько дней от последствий наказания, положили в общую яму. Родным и друзьям позволили поставить над этой страшной могилой крест, и еще в 1846 году издалека виднелся черный крест, распростиравший руки свои над снежной поляной.

Нет, дальше на этот раз писать нельзя. Мы остановимся перед этим крестом на снегу, перед этим крестом на крови; мысль тускнет, голова кружится и горит. Пусть поляки оценят не ту ненависть, которую *в них* возбуждает рассказ этих звериных ужасов, но ту, смешанную с позором, стыдом и чувством кровного родства, которую мы ощущаем. Пусть они поймут, что значит так же невольно и так же бессильно стоять не с святым базильянцем под ударами целого батальона палачей, а с той стороны, на которой гнусный Голофеев и его гнусный атаман... Пусть они поймут, что, как ни страшно видеть родную мать, которую колотит ни за что ни про что пьяный вотчим, все же это легче, чем ее видеть в забытьи разврата, униженную до злодейства, до циинического бесстыдства, и чувствовать не только презрение, не только кровную связь, не только жалость, но и то, что *она вовсе не такова*, что она еще опомнится,— и не иметь права сказать слово перед вопиющим фактом.

Если поляки это поймут, тогда поймут они, откуда столько горечи, иронии, отрицанья в нашей душе, и молча пожмут нашу руку!

II

Второй предмет, на который мы хотели обратить внимание наших читателей в «Записках» Р. Пиотровского,— это его отношения во время ссылки, каторжной работы и длинного бегства из Сибири к *черному* народу. То, что мы знали по собственному опыту и рассказам бывалых людей, то, что с умилением прочли в «Записках» князя Евгения Оболенского, то подтверждают вполне записки Пиотровского.

При всей грубости нравов, при тесных понятиях, суженных голодом и рабством, при суеверии и привязанности к своим обычаям, русский мужик, русский простолюдин в своей убогой избе — и в каторжной работе — человечественнее относится к политическому сосланному,— без всякого различия, русский

он или поляк,— чем застращенное и раболепное чиновничество, чем *благородная* Русь. Свидетельство это, сделанное поляком, очень важно. У многих до сих пор остался предрассудок о какой-то племенной ненависти между поляками и русскими... Не знаем, что скажут украинцы, а что касается до Великороссии, до Волги, Урала, всего северо-востока, мы этого петербургского, *официального* чувства там не видим, и нам сильно сдается, что оно *глубже* четырнадцатого класса не опускается, да и там по большей части основано не столько на ненависти, сколько на усердии и служебной ревности.

Весьма вероятно, что первое время после самозванцев народ русский помнил оскорбление своих святынь, своих обычаев; его ополчение, его битвы были так недавно, сожженные села курились, крестьяне говорили между собой о том, что поляки хотели посадить на русский престол царевича-католика... но память об этом веки спустя была совершенно задвинута новыми бедствиями, раны, нанесенные поляками, закрылись под рубцами московского и петербургского кнута; святыни и обычаи были еще больше поруганы, русская одежда, борода были объявлены преступлением, позором, и вместо католического королевича на престоле сидели свежеправославные протестантские немки. В наших столкновениях, где, кроме Украины, могла поддерживаться неприязнь со стороны русских крестьян к полякам? В каком случае поляк мог обижать, оскорблять русского? Все теснившее его шло не из Варшавы, а из Петербурга, все ненавистное ему называлось не поляком, а *немцем* и было зачастую *бритое русское.*

Помещичья власть и земская полиция отшибли у крестьянина память. Он был слишком несчастен, чтоб ненавидеть; его голова была слишком пригнута к сохе и барщине, чтоб иметь досуг на историческую вражду.

Со стороны русского крестьянина нет даже особенного достоинства, что он не имеет неприязненного чувства к врагу каких-то незапамятных времен. С нашей стороны было легко перестать враждовать, а со стороны поляка перестать ненавидеть русского — подвиг. Поляку не летопись для этого приходилось забыть, а вчерашний день, разорение семьи, ежедневную обиду. Вот почему мы и тронуты всякий раз, когда поляк,

как это сделал Пиотровский, говорит без малейшего озлобления, даже с теплым чувством, о русском народе.

И тут чрезвычайно замечательно, как, при своем сочувствующем взгляде на крестьян, Пиотровский остается всесовершеннейшим поляком по духу, католиком до мистицизма, человеком старой цивилизации, сложившейся, оконченной; цивилизации *аристократической* даже в *демократическом революционере*. Стоит сличить рассказы Пиотровского о его товарищах на работе с рассказами «русского ссыльно-каторжного» (Львова) *, чтоб рельефно себе представить, в чем дело.

Пиотровскому *стоит много усилий*, чтоб победить свое отвращение к новым товарищам своим, таким же осужденным на каторгу, как он, но за *обыкновенные преступления*, для него русский уголовный суд, стало быть, *все-таки суд*. Мы согласны, что по доброй воле выбрать себе товарищами клейменых и битых кнутом трудно, но никак не можем понять, чем это невольное товарищество с обличенными и наказанными злодеями противнее и унизительнее того товарищества, в котором мы все находились: с генералами вроде Голофеева, с помещиками, засекавшими крестьян и насиловавшими их жен, с взяточниками и казнокрадами, с полушпионами большого света, с полулоретками гостиных?.. Мы этой нравственной гадливости не знаем; мы не уважаем приговоров, произнесенных царскими судьями по царским кодексам.

Отвращение от патентованного преступника идет рядом с ужасом перед патентованным преступлением. Нам патенты равнодушны, нас не удивишь названьем.

— Давно ли ты на заводе? — спросил Пиотровский молодого человека с беззаботным видом, работавшего возле него на Екатерининском заводе.

— Да уже третий год.

— И на сколько?

— На всю жизнь.

— Что же ты сделал?

— Барина своего убил.

Я содрогнулся, но продолжал:

— Как убил — преднамеренно?

— Нет, так, без намеренья; у меня. видишь, за поясом топор был *случайно*, я его схватил в обе руки да и рассек ему голову.

— За что же ты убил его *с такой свирепостью?*

— За что? Конечно, не из удовольствия. Барин наш был страшный злодей, морил нас на работе и засекал до смерти. Чтоб освободить всю деревню от изверга, я взял дело на себя и убил его. Бог помиловал, под кнутом не умер, а здесь мне жить не хуже прежнего. Жаль только бабу, ну, да она красива и молода, найдет себе мужа.

— Да *неужели ты не раскаиваешься, что убил этого человека?*

— Какой он человек — черт!

И Пиотровский не протянул руки героическому крестьянину, не сказал ему ни одного слова в утешенье, а, напротив, попробовал смутить его совесть!

От этого неумолимого взгляда на *обыкновенные* преступления Пиотровский естественно доходит до следующего замечания:

«Каторжные товарищи мои,— говорит он,— обращались хорошо со мною; они никогда не издевались надо мной, не делали грубых шуток и звали меня с самого начала „господином". Часто предлагали они мне помочь в слишком тяжелой работе или просто брали ее на себя, давая мне что-нибудь легкое. *Незаслуженное несчастие* поселяло уважение в этих людях, грубых, даже диких, но которые, несмотря на всю хвастливую загрубелость свою, имели сознание, *что они преступники*».

После этого не удивительно, что Пиотровский добавляет через несколько строк: «У меня не было *ни ложного стыда, ни неуместной гордости* в ежедневных сношениях с ними, и часто я подолгу беседовал с моими товарищами, расспрашивая их, изучая нравы, характеры...»

Это не личное мнение Пиотровского. Он на практике гораздо выше его, это видно в том светлом, добром взгляде, с которым он рассказывает о разных встречах. Нет, это мнение, принадлежащее всему европейскому воззрению. Гуманность западного человека не идет дальше; он может быть мягкий, снисходительный к преступнику, он может с ним говорить «без

ложного стыда и неуместной гордости», но забыть, что патентованный преступник — преступник, он не может. Ведь западный человек *признал* существующий государственный порядок, с его судом и осуждением — он его *приговорил,* как встарь бояре приговаривали то, что царь указывал, и потому он своим отношением к преступнику защищает свое мнение о праве. А нам откуда взять эту круговую поруку со сводом, эту стыдливость и гордость, эту нравственную брюзгливость?.. Наша юридическая нравственность впереди, мы ничего не приговаривали. Тут тоже снежная поляна — во все стороны — и вместо черного креста петербургский полосатый шлагбаум!

КАПИТАН АНДРЕЕВ И МАТРОСЫ

Мы получили письмо, свидетельствующее, что капитан Андреев не был виновен в смерти двух матросов *, упавших один с брам-реи, а другой с блока марсо-штока («Колок.», лист 109). Быть может, это и так, и мы поздравляем г. Андреева с тем, что двумя угрызениями у него на совести меньше.

Положим, что не сам Андреев, а лейтенант Повалишин (не разделяющий мнения Константина Николаевича насчет телесных наказаний), был причиною смерти одного матроса [1]. Ну, а кто велел вбить трехдюймовый в рот марсового Жукова, за разговор на марсе, кляп, с которым *он ходил два дня,* или кто ставил на *три дня и на три ночи* сигнальщика за то, что он не начал бить зорю, не слыхав команды?

Кстати, в прошлом ноябре мы получили письмо, в котором рассказывается очень милая история *навального* ученья.

Сегодняшнее число 31 октября (12 ноября) 1861 так замечательно, что его надо запомнить. В 9 часов началось ученье, продолжавшееся до полдня; промежутки между действиями были так малы, что команда утомилась страшно. Можно судить о степени усталости людей по следующим образчикам. Бледные, покрытые потом, с посиневшими губами, они просили как величайшей милости позволения остаться на марсе после команды — «С марсов долой!» Надо было потерять всякое чувство жалости, всякое чувство сострадания к этим несчастным, чтобы отвергнуть их просьбу. Можно было надеяться, что капитан вознаградит сколько-нибудь эти ученья продолжительным отдыхом и спуском на берег. Ничуть не бывало. После обеда в 3 часа новое парусное ученье, еще

[1] Повалишин приказал тянуть марсо-шкот, невзирая на то, что на шкот-блоке стоял матрос. Марсо-шкот лопнул, и матрос упал от сотрясения блока

более изнурительное, нежели утреннее. Несмотря на общее, всем известное правило, которое строго наблюдается во всех флотах, прекращать работы к спуску флага, капитан не прекращал их; наконец в половине 6 общее ученье кончилось, но недовольный неудачною переменою грот-марселя и медленным, по его мнению, подниманием марсо-фалов, он приказал шканечным и грот-марсовым во время ужина остальной команды, безостановочно поднимать и травить грот-марсо-фал. Мне кажется, что всякому будет понятно, что если фалы не поднимались бегом, то это произошло от совершенного изнурения, оттого что руки и ноги отказывались служить. Андреев один не понял этого; увидя двух матросов, которые не поднимали изо всей силы (была ли она у них в это время — сомнительно), он приказал дать им по 100 линьков. Не довольствуясь этим и пользуясь темнотою, встал между работающими, и, заметя еще одного, по его словам, работающего худо, бил его по щекам, и закричал: «Давайте линьков, боцманов сюда!», и, бегая взад и вперед по правому шкафуту, приказал наказывать. Ударов было дано более ста. В исходе седьмого часа он приказал кончить ученье. Нельзя при этом не упомянуть с искреннею благодарностью поступка грот-марсового начальника Рыкачева. Он по окончании работ пошел к нему и высказал, что считает своею обязанностью довести до сведения капитана о страшном изнурении людей и не только о бесполезности, по даже вреде подобных учений, что следствием их бывает только то, что команда устает, ничего не приобретая в знании и ловкости. На это капитан отвечал, что это-то и есть цель его учений, чтоб довести людей до усталости. Рыкачев возразил, что не думает, чтоб капитан усталостью хотел довести до вреда здоровье команды. «Нет-с, именно я хочу, чтобы заболевала команда, тогда по крайней мере увидят неспособность этой отвратительной команды и вернут фрегат в Россию».

Что же остается делать офицерам? Неужели только внутренно возмущаться, мучиться, а наружно быть участниками такого безнравственного управления? Что может сделать каждый отдельно, чтобы препятствовать этим поступкам? На дружный отпор всего общества офицеров надеяться нечего, он невозможен, он слишком опасен для многих, чтобы быть возможным. Доводить до сведения правительства офицеры не имеют права, да и бесполезно — им не поверят. Что же остается делать тем, которым назначено как бы в награду двух-или трехгодовое плавание с командиром, употребляющим свою власть для мучения своих подчиненных, а свой ум и знание для замаскирования своего поведения пред начальством, которое ему верит? По-моему, самое благоразумное — не вступая в бесполезную борьбу, проситься списаться и уехать в Россию, освобождая себя от постоянного принуждения и невольного участия в капитанских притеснениях.

Пирей*

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Двадцать пять лет тому назад, 6 декабря 1837, в Вятке, я произнес плохую речь *, исполненную уступок, и очень дурно сделал.

Двадцать пять лет спустя первое слово мое, вышедшее из гроба, в котором было схоронено четырнадцать лет все мною писанное, первая статья, всплывшая гласно в России,— та самая *вятская* речь.

С какой целью «Северная пчела» (9/21 мая 1862) напечатала ничтожную речь *6 декабря 1837 г.?* Я не знаю, могу догадываться, но не мне судить об этом. Она имела на это право и воспользовалась им.

Вот при каких обстоятельствах сказана была вятская речь: на месте губернатора Тюфяева был Корнилов *, об нем у меня осталось хорошее воспоминание; я полагаю, что он был благородный человек и очень неглупый, хотя большой педант в мелочах. Он пристал ко мне с просьбой сказать речь * при открытии библиотеки — просьба губернатора для человека, состоящего под надзором, всегда убедительна. Сначала я отказывался, потом написал черновую. Корнилов расхвалил ее, но тут же *собственной рукой* вписал *два-три* выражения, говоря, что этого требует haute convenance [1] и что это не больше имеет смысла, как слова «ваш покорнейший слуга» в конце письма,— я спорил. Наконец мы разделили грех пополам.

Речь была сказана, причем пермский архиепископ Нил — шеллингист и страшный гонитель раскольников (так, как бывают у нас страшные гонители раскольников — и либералы), меня благословил. Казалось бы, тем и кончено. Но этой речи было

[1] высшая благопристойность (франц.).— *Ред.*

на роду написано иметь странную судьбу. Когда ее в корректурных листах показали Корнилову, он переправил несколько выражений, потом опять переправил — у меня осталось в памяти, что он вымарал несколько слов, сказанных в похвалу Н. С. Мордвинову. Это было перед самым моим отъездом в Владимир, бумага о моем переводе была получена, Жуковский и Арсеньев писали, что они больше сделать не могли *, но обещались хлопотать впоследствии. Я уже предчувствовал Москву и волю. А Корнилов опять поправлял несчастную речь. Она мне опротивела, я махнул рукой, забыл об ней и уехал.

Все вместе было дурно.

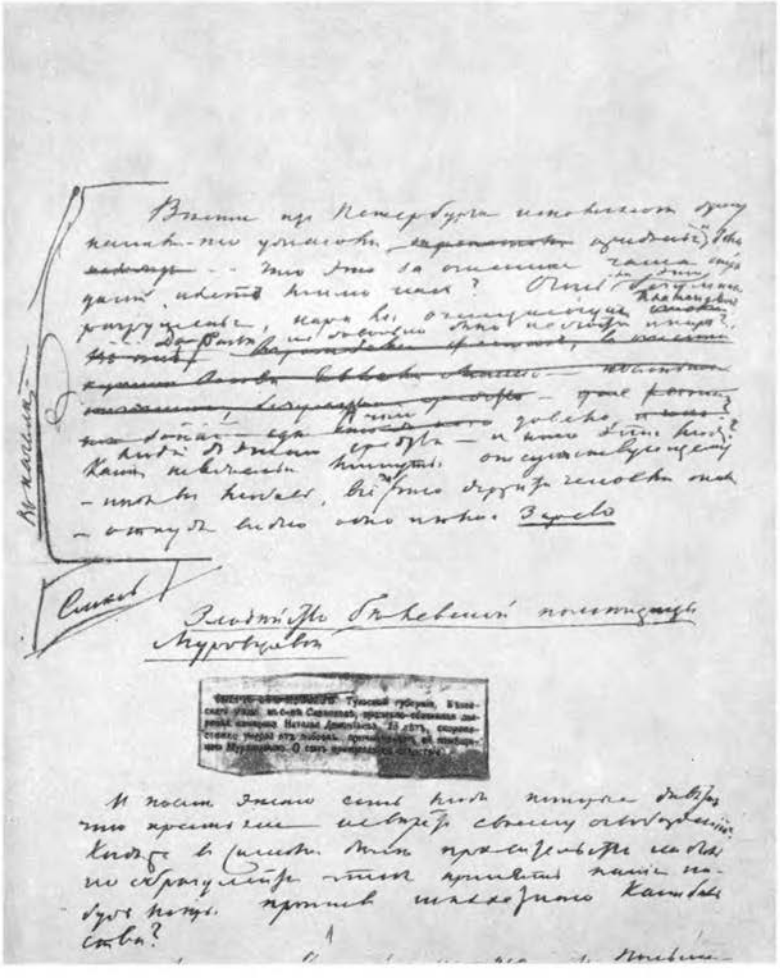
И вот через *двадцать пять лет* пожелтелые корректурные листы моей речи поднимаются, как тень Банко *, жужжат на пчелиных крыльях, цивически упрекают и зовут меня к ответу [1].

27 мая 1862.

---

[1] Речи этой у меня не было и я ее перечитал только теперь в «Северной пчеле», но об ней я помнил, да и трудно было забыть и по корректурам, и по Нильскому благословению.

Но в прошедшем году я получил мою статью из «Владимирских губернских ведомостей» (начала 1838 года) об открытии публичной библиотеки во Владимире *. Та же речь, но перефразированная. Сколько я ни ломал себе голову, этой статьи совсем не помню. А знаю наверное, что при открытии библиотеки во Владимире я не был. Очень вероятно, что я подписал статью, писанную моим товарищем по редакции — кандидатом Небабой (см. «Былое и думы») *. Может, даже он составил ее по моей речи.



«ЗАРЕВО» И «ЗЛОДЕЙСТВО БЕЛЕВСКОЙ ПОМЕЩИЦЫ МУРОМЦЕВОЙ». Автограф Герцена.

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ПАНИН И СМЕШЕНИЕ ПОЛОВ

Виктор Панин (эта длиннейшая мера нелепости, царящей в верхнем слое нашего правительства) пустился в Ж. Санды и шутит об *женской эманципации* и равноправности обоих полов, разумеется, рассматривая их с ему свойственной стороны. Он горячо отстаивает сечение женщин, говоря, что женский пол не может служить причиною избавления от телесных наказаний.

Наш Иван Великий не догадался одного: ему бы мужчин принять за женщин, да и их бы отнять от розги. Ну, да слишком многого где же от него требовать, *вода* — и та поднимается только до известной высоты в насосе. Мы наблюдали в зоологическом саду жирафа, плох! Он и одному царствованию не был бы годен на юстицию; впрочем, он повыше. Истина прежде всего!

‹ЗАРЕВО›

Вести из Петербурга исполняют душу каким-то ужасом ожиданья и боли; что это за огненная чаша страданий идет мимо нас? Огонь ли это безумного разрушенья, кара ли, очищающая пламенем?.. Да разве не довольно было несчастий и кар?.. И что довело людей до этого средства — и кто эти люди? Какие тяжелые минуты отсутствующему, когда, обращаясь туда, где вся любовь его, все, чем живет человек, он видит одно немое зарево!

ДУРНЫЕ ОРУЖИЯ

Hamlet. One!
Laertes. No!
Hamlet. Judgement*.

Вот какие времена пришли: наш *монолог* становится мало-помалу *диалогом;* продолжая говорить и говорить без ответа, мы договорились-таки до того, что начальство разрешило нас упоминать, нам отвечать, нас бранить. Спасибо и на том.

«Современная летопись» (№ 20) ударила нас своей учительской линейкой, но сгоряча чуть ли не повредила себе больше, чем нам. Говорят, что если хочешь узнать характер знакомого, то надобно посмотреть на него, когда он проигрывает в карты. Не все игроки, да еще поди жди проигрыша, а сердятся все — стоит посмотреть на человека, *как* он сердится, *как* он дает отместку, *какими* оружиями нападает, мстит, и сейчас узнаешь — лев ли это, заносящий лапу и готовый разорвать, осел ли, отвечающий копытом, да и то повернувшись задом, или зверь, который обороняется вонью... Пример животных, впрочем, не идет: средства их очень ограничены, судьба их лишила мощных человеческих орудий — доноса и клеветы. Животное царство не имеет Третьего отделения скотного двора.

Статья наша «Сенаторам и тайным советникам журнализма» попала в цель. Сенаторы рассердились, и рассердились, как следует сенаторам, не римским, а московских департаментов, т. е. до потери сознания *о добре и зле* средств, ими употребляемых. Что избалованные люди, привыкшие себя считать неприкосновенными статс-дамами общественного мнения, рассердились за наш совет заниматься *математикой* и не тормозить мертвящей схоластикой юные порывы просыпающейся страны — это понятно; что ученый гнев их разразился тяжко и тупо — и это

в порядке вещей. Но что нас удивило — это отсутствие того такта, того декорума, того нравственного чутья, по которому человек никогда не берется за некоторые оружия. Как могли они под влиянием раздраженного самолюбия наклониться до полицейской лужи и с ее дна брать каменья для своего праща, как будто они не знают, что оттуда никуда не добросишь, а камень падает назад? Как могли они подогреть обвинения Елагина и повторить остроумные замечания III отделения?

Нас этим они не оскорбили, но пусть посмотрят на свои руки — чисты ли они.

«Неужели суждено (говорит летописец) еще продлиться этому анархическому состоянию общественного мнения, этому положению вещей, в котором раздраженные и разлаженные общественные силы сталкиваются между собою, парализируя себя взаимно и предоставляя агитировать кому вздумается, какому-нибудь *свободному артисту* [1], который уже серьезно воображает себя представителем русского народа, решителем его судеб, распорядителем его владений и действительно вербует себе приверженцев во всех углах русского царства и сам, сидя в безопасности за спиною лондонского полисмена, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велит „сбивать их с толку" и „не говорить ему под руку"? Кто этому острослову, „*выболтавшемуся вон*" (sit venia verbo [2]) из всякого смысла, кто дает ему эту силу и этот призрак власти? Недаром же воображает он себя Цезарем, презрительно ожидающим своих Брутов и Кассиев, и, наконец, „мессией в яслях". Легко смеяться над безобразием и безумием; но явление, которого мы коснулись, не смешно, а прискорбно. В этом Цезаре и в этом мессии читаем мы ясно свое собственное безобразие. Может быть, нам удастся поговорить несколько подробнее об этом; но мы не можем не заметить, что должно же быть в настоящем порядке вещей что-нибудь радикально неправильное, если оно делает возможными подобные явления...»

---

[1] Должно быть, это какое-нибудь новое ругательное слово, может, это значит вор, доктринер или шулер? Ей-богу, не знаем.

[2] с позволения сказать (лат.).— *Ред.*

Мы обращаемся прямо к совести издателей «Современной летописи» и спрашиваем их: *кого же это, когда,* при каком случае погубил наш совет, кого свел в казематы и Сибирь? Нам достаточно одного имени. Если издатели не могут назвать его *(по обстоятельствам, от редакции не зависящим),* пусть назовут его самим себе... для нас и этого довольно. Если речь идет о Михайлове, то неужели вы, публицисты, журналисты, остались при первых выдумках, при *голубых* утках и московских сплетнях? Его история теперь известна, она не тайна с тех пор, как несчастный Михайлов на каторге *... Да может, вы так сказали для тени, а жандармы-то в III отделении радуются и ликуют, ударяя в шпоры сладкогласные!

Далее, чему вы обрадовались? Чужой остроте, что я считаю себя Цезарем? Как же вы-то сами, Цицероны, не поняли всю нелепость этой уловки, над которой в первый раз можно было улыбнуться, а во второй нельзя даже зевнуть? Нет, господа, вы дурно сердитесь... И мы вам советуем всего прежде успокоиться, дать улечься дурным сокам, поднимающимся с кровью в вашу голову, и потом отвечать. А то посмотрите, вы в азарте не понимаете простого смысла фраз; скажите на милость, можно ли человеку, *сохранившему* здравый смысл, прибавить к чужому Цезарю свою чушь об яслях [1]. Нет, господа, вы неумно сердитесь!

По словам вашего предшественника Елагина, вы толкуете с упреком о том, что мы сидим *безопасно в Лондоне за спиною полисмена* *. Почему же полисмена, ученики Елагина, но и ученики Гнейста? * Почему же не за спиной свободной английской конституции? Отчего это, когда вы писали вашу статью, вас все беспокоили полицейские образы и тени?

Итак, вы, подцензурные литераторы, журналисты в колодках, вы, вздыхающие о свободе книгопечатания,— вы представ-

---

[1] Действительно, нам приходится сомневаться в добросовестности или в здравом смысле ученых редакторов «Летописи»; в заключении моей статьи сказано: «Вы еще ждете мессию по *писаниям,* в церковном облачении, в сиянии и торжестве, в сопровождении самого Молинари... а он родился опять в *овчарне.* Мы согласны с вами: что за место для потомка царя Давида — в яслях?»

И это будто они приняли за то, что я говорю о себе!

ляете актом самосохранения нашу деятельность в Лондоне, вы представляете трусостью, что русское свободное слово раздалось в первый раз, когда вы все повесили нос и притихли, как пойманные школьники в худшее время николаевского террора... И что за наивное непонимание, что свободное слово только и могло раздаться там, где (употребляя ваше выражение) спина полицейского ограждает человека от дикой власти, а не там, где спина профессоров гнется перед полицейским начальством, прося его о присылке дикой власти в университет.

Вам не нравится то, что мы печатаем за границей,— отчего же вы сами не печатаете? Если мы ошибались, отчего вы не возражали нам? Если мы сбивались с пути, отчего вы нам не указывали его?.. Нам кажется, что свободная речь, как чистый воздух чахоточному, слишком резка для вас. То ли дело с сурдинкой, с *важным* невысказываемым, с намеком на какую-то глубь премудрости... «Отворите мне темницу, отнимите мне цензуру и посмотрите, что за гималайская манна слов посыплется на вас...» Ну, как вы в самом деле, господа, накличете свободу книгопечатания... ведь беда!

На первый случай довольно; впрочем, еще одно слово, и я не буду больше отнимать ваше драгоценное для *математики* время. Вы, кажется, полагаете, что я из фанфаронства выдумал или из безумного самолюбия поверил шутке и в силу того передал общественному позору угрозы полицейских Брутов и Кассиев. Если вы *думаете так* (знать наверное вам нельзя, потому что для этого надобно иметь знакомство с III отделением вообще и с Шуваловым в особенности, чего боже сохрани), то не хотите ли убедиться в противном? *Именно теперь* я могу указать вам *один из путей,* по которому я получил извещение, и лицо, *в высоком нравственном достоинстве которого вы не сомневаетесь,* может вам сказать, была ли это шутка или нет *.

Хотите?

20 июня 1862.

НОВАЯ ТЮРЬМА

Сердобольное русское правительство (Долгорукий, Панин и К°), в отеческом попечении своем о благе народа, озабочено теперь устройством тюрьмы для политических преступников, так как число их увеличивается *и в будущем предвидится их еще более* (!) *. В начале мая схвачены артиллерийский офицер Аверкиев, учитель гимназии Дозе, бывшие студенты Еврейнов и Яковлев и один ученик академии художеств; было еще несколько арестов и обысков, между прочим, не пощажен и прекрасный пол (обыски были у г-ж Александровской и Блюммер) *. Число лиц, состоящих под надзором полиции, возрастает.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Мы получили подробное описание гадкой истории сабурово-адлербергской, напечатанной уже в «Правдивом» 12 мая; тут все есть: и несчастная жертва административного разврата (*ученица* театрального училища), и суммы, внесенные Адлербергу, и бессилие государыни [1], и безнаказанность Сабурова *; как не гадко Александру Николаевичу в этом обществе? Вот

[1] По несчастью, она только сильна, когда делает, не ведая, что творит, волю всяких Леонтьевых, Налетовых, подковырнувших в Смольном монастыре *Ушинского* *.

что значит плохое воспитание и дурные привычки! Конечно, и Христос был распят между Паткулями и Адлербергами, но ведь он был распят, а кутить с ними, с шапкой Мономаха набекрень — нехорошо. Мы это говорим со скорбью, с истинной скорбью!

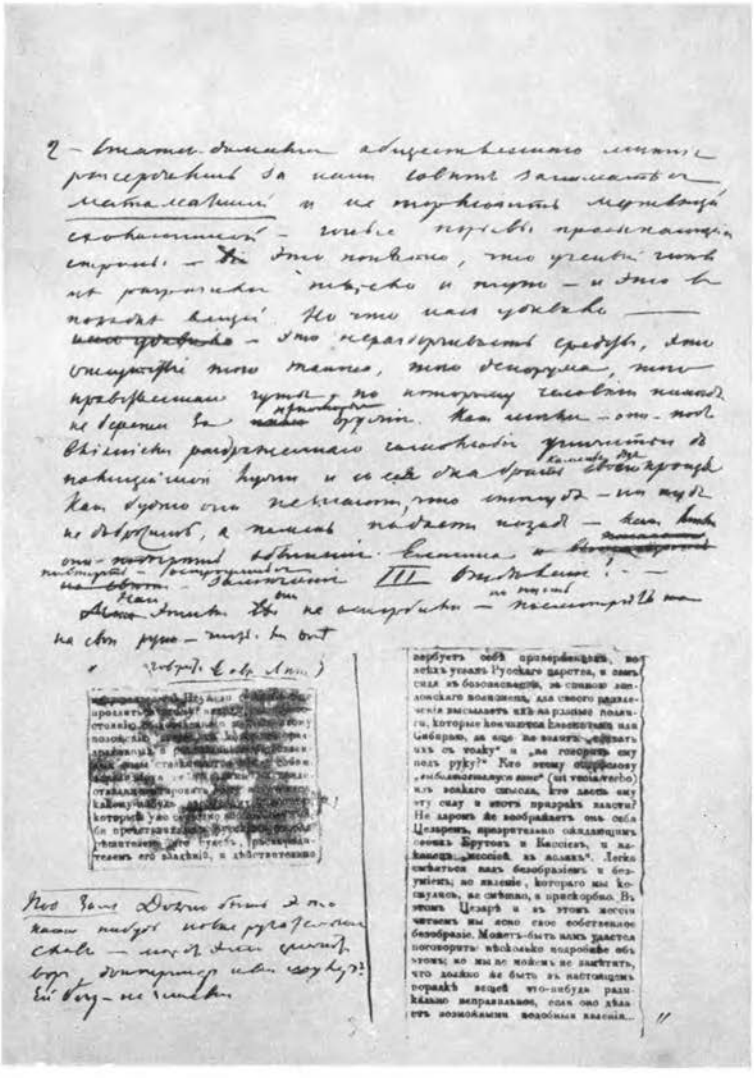
‹ЧТО-ТО СДЕЛАЕТ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ В ПОЛЬШЕ?›

¿ Что-то сделает Константин Николаевич в Польше? Официято флотская, чай, как радуется *: опять линьки, кулаки, швабра — в гроб заколачивать матросов. Да и вообще, чай, на вершинах Петрограда веселье. Варшава далеко, делай себе как знаешь — нам-то бы перевести дух, телесные-то отстоять, землицей-то поприжать. Ну, тамбур-мажор юстиции, веселый марш и по три Буткова направо — жай!

ЗЛОДЕЙСТВО БЕЛЕВСКОЙ ПОМЕЩИЦЫ МУРОМЦЕВОЙ

Тульской губернии, Белевского уезда, в с-це Савинкове, временнообязанная дворовая женщина Наталья Дементьева, 23 лет *, скоропостижно умерла от побоев, причиненных ей помещицею Муромцевою. О сем производится следствие. («Тульск. губ. вед.»)

И после этого есть люди, которые дивятся, что крестьяне не верят своему освобождению? Когда же, в самом деле, правительство настолько образумится, чтоб принять какие-нибудь меры против шляхетного каннибальства?



«ДУРНЫЕ ОРУЖИЯ».
Страница рукописи (автограф Герцена).

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

КОНЦЫ И НАЧАЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда, год тому назад, я писал «Концы и начала», я не думал их так круто заключить. Мне хотелось в двух-трех последующих письмах ближе означить *«начала»; «концы»* казались мне сами по себе яснее. Сделать этого я не мог. Строй мыслей изменился: события не давали ни покоя, ни досуга — они принялись за свои комментарии и за свои выводы. Трагедия продолжает расти перед нашими глазами и все больше и больше становится из частного столкновения введением в мировую борьбу. Пролог ее окончился, завязка сложилась хорошо; все перепуталось: ни людей, ни партий узнать нельзя... Поневоле приходит в голову образ дантовских единоборцев *, в котором члены бойцов не только переплелись друг с другом, но, по какой-то метаморфозе, последовательно превращаются друг в друга.

Все юношеское, восторженное, от молитвы перед распятием — до безрассудной отваги, от женщины, одевшейся в черное, — до тайны, хранимой целым народом, — все давно увядшее в старом мире, от митры и рыцарского меча — до фригийской шапки, явилось еще раз во всем поэтическом блеске своем в восставшей Польше, как будто для того, чтоб украсить молодыми цветами *старцев цивилизации,* медленно двигающихся на борьбу, которой они боятся...

С другой стороны, *начала* едва пробиваются сквозь дым сожженных сел и городов... Здесь происходит совершенно обратное явление... все отжившее *старого мира* поднялось на защиту петербургской империи и отстаивает ее неправое стяжание всеми оружиями, оставленными в наследство дикими веками

военной расправы и растленным временем дипломатических обманов, от пыток и убийства пленных — до ложных амнистий и поддельных адресов, от татарского изгнания целой части населения — до журнальных статеек и филигранной риторики Горчаковских нот.

Сотрясение последнего времени взболтало тихий омут наш. Многое, хранившееся в молчании, под гробовой доской прошлого гнета, вышло наружу и обличило всю порчу организма. Только теперь становится возможным измерить *толщу*, которую растлило петербургское императорство, германизируя нас полтора века. Немецкая лимфа назрела в грубой крови, здоровый организм дал ей свежую силу и, зараженный ею, не утратил ни одного собственного порока... Бесчеловечное, узкое безобразие немецкого рейтера и мелкая, подлая фигура немецкого бюралиста давно срослись у нас с широкими, монгольскими скулами, с звериной безраскаянной жестокостью восточного раба и византийского евнуха. Но мы не привыкли видеть эту сводную личность вне казарм и канцелярий; она не так резко выступала вне службы: малограмотная, она не только мало писала, но и мало читала; теперь наш минотавр всплыл не в дворцах и застенках, а в обществе, в литературе, в университете...

Мы думали, что наша литература так благородна, что наши профессора как *апостолы*,— мы ошиблись в них, и как это больно; нас это возмущает, как всякое зрелище нравственного падения. Нельзя не протестовать против ужасных дел и ужасных слов, нельзя не отойти от беснующихся сил, от бесчеловечной бойни и еще больше бесчеловечных рукоплесканий *. Может, нам придется вовсе сложить руки, умереть в своем a parte[1] прежде, чем этот чад *образованной* России пройдет... Но зерна, лежащего в земле, эта буря не вырвет и не затронет, а, пожалуй, еще укрепит его. Восходящей силе все помогает — преступления и добродетели; она одна может пройти по крови, не замаравшись, и сказать свирепым бойцам: «Я вас не знаю,— вы мне работали, но ведь вы работали *не для меня*».

Посмотрите на дикого сатрапа в Литве *: он душит польский элемент, а синие пятна выйдут у петербургской империи, он

[1] отдалении (итал.).— *Ред.*

гонит с места, отталкивает польское дворянство — а побежит русское.

Дворники, они не знают, кому метут, кому расчищают путь, так, как римская волчица не знала, *кого* она кормит и *что* вскармливает. По их кровавой дороге пройдет тоже если не Ромул, то Рем, обиженный в прошедшем: ему-то и расчищают дорогу и царь и сатрапы.

Но пока он явится — еще много прольется крови, еще случится страшное столкновение двух миров.— Зачем она польется? — Конечно, зачем? Да что же делать, что люди не умнеют? События несутся быстро, а мозг вырабатывается медленно. Под влиянием темных влечений, фантастических образов, народы идут как спросонья — рядом неразрешимых антиномий, дерутся между собой и доходят, ничего не уяснивши себе, через полторы тысячи лет после страшного разгрома римского мира — до времен Германика и Алариха, переложенных на нравы XIX века.

1 августа 1863 г.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Итак, любезный друг, ты решительно дальше не едешь, тебе хочется отдохнуть в тучной осенней жатве, в тенистых парках, лениво колеблющих свои листья после долгого знойного лета. Тебя не страшит, что дни уменьшаются, вершины гор белеют и дует иногда струя воздуха, зловещая и холодная; ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колено, дикого разлива рек, голой земли, выступающей из-под снега, да и вообще нашего упованья на будущий урожай, от которого мы отделены бурями и градом, ливнями, засухами и всем тяжелым трудом, которого мы еще не сделали... Что же, с богом, расстанемся, как добрые попутчики, в любви и совете.

...Тебе остается небольшая упряжка, ты приехал — вот светлый дом, светлая река, и сад, и досуг, и книги в руки. А я, как старая почтовая кляча, затянувшаяся в гоньбе,— из хомута в хомут, пока грохнусь где-нибудь между двумя станциями.

Будь уверен, что я вполне понимаю и твой страх, смешанный с отвращением перед неустройством ненаезженной жизни,

и твою привязанность к выработавшимся формам гражданственности, и притом к таким, которые *могут быть* лучше — но которых *нет лучше.*

Мы вообще, люди европейской, городской цивилизации, можем жить только по-готовому. Городская жизнь нас приучает с малолетства к скрытому, закулисному замирению и уравновешению нестройных сил. Сбиваясь случайно с рельсов, на которые она нас вводит с дня рождения и осторожно двигает, мы теряемся, как кабинетный ученый, привыкнувший к музеям и гербариям, к зверям в шкапу, теряется, поставленный лицом к лицу со следами геологического переворота или с густым населением средиземной волны.

Мне случилось видеть двух, трех отчаянных ненавистников Европы, возвращавшихся из-за океана. Они поехали туда до того оскорбленные реакцией после 1848, до того озлобленные против всего европейского, что едва останавливались в Нью-Йорке, торопясь в Канзас, в Калифорнию. Года через три, четыре они снова явились в родные кафе и пивные лавочки старой Европы, готовые на все уступки — лишь бы не видать девственных лесов Америки, ее непочатой почвы, лишь бы не быть tête-à-tête с природой, не встречать ни диких зверей, ни змей с гремушками, ни людей с револьверами. Не надобно думать, впрочем, что их просто испугала опасность, материальная нужда, необходимость работы,— и здесь мрут с голода, не работая, и здесь работают по 16 часов в сутки, а опасность полиции и шпионства на старом континенте превышает опасность зверей и револьверов. Их испугала, утомила пуще всего неочеловеченная природа, отсутствие того благоустроенного порядка, того администрацией обеспеченного покоя, того художественного и эпикурейского комфорта, которые обусловливаются долгой жизнию на одном месте, берегутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на невежестве масс и защищаются церковью, судом и казармами. За эту чечевичную похлебку, *хорошо сервированную,* мы уступаем долю человеческого достоинства, долю сострадания к ближнему и *отрицательно* поддерживаем порядок, в сущности нам противный.

Во Франции мы видели другой пример: беллетристы, жившие в риторике, художники, жившие в искусстве для искусства

и для денег, были вне себя от беспокойства, причиненного Февральской революцией. У нас есть знакомый учитель пенья, который от 1848 года переселился из Парижа в Лондон, в отечество горловых болезней, бронхитов, астмов и разговора сквозь зубы,— только чтобы не слыхать набата и действительного хора масс.

В теперешней России соединены обе причины, заставлявшие людей бежать из Парижа и из Арканзаса. В Америке пугала пуще всего *голая* природа, дикая природа, у которой сотворение мира на листах не обсохло и которую мы так горячо любим в картинах и поэмах (человек с револьвером, наивно убивающий ближнего, относится так же к пампам, как и наивный тигр с своими зубами в вершок величины). Во Франции — природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходят, а виноград растет; но зато в 1848 там снова разнуздались страсти и снова покачнулись основы благочиния. У нас, при непочатой природе, люди и учреждения, образование и варварство, прошедшее, умершее века тому назад, и будущее, которое через века народится,— все в брожении и разложении, валится и строится, везде пыль столбом, стропилы и вехи. Действительно, если к нашим девственным путям сообщения прибавить мужественные пути наживы чиновников, к нашей глинистой грязи — грязь помещичьей жизни, к нашим зимним вьюгам — Зимний дворец,— а тут генералитет, кабинет, буфет, Филарет, «жандармский авангард цивилизации» из немцев и арьергард с топорами за кушаком, с стихийной мощью и стихийной неразвитостью,— то, сказать откровенно, надобно иметь сильную *зазнобу или сильное помешательство,* чтоб по доброй воле ринуться в этот водоворот, искупающий все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно вырезывающимися из-за тумана, который постоянно не могут победить.

Зазноба и помешательство — своего рода таланты и по воле не приходят. Одного тянет непреодолимо в водоворот, другого он отталкивает брызгами и шумом. Штука, собственно, в том, что иному сон милее отца и матери, а другому сновидение. Что лучше? Я не знаю; в сущности, и то и другое, пожалуй, сведется на *один бред.*

Но в эти философские рассуждения мы с тобой не пустимся:

они же обыкновенно, тем или другим путем, приводят к неприятному заключению, что, валяйся себе на перине или беспокойся в беличьем колесе, полезный результат этого будет один и тот же, чисто агрономический. Всякая жизнь, как поет студентская песня, начинается с «Juvenes dum sumus» [1] и оканчивается: «Nos habebit humus!» [2] Останавливаться на этих печальных приведениях всего на свете *к нулю* не следует — ты же назовешь эдак *нигилистом,* а нынче это крепкое слово, заменившее гегелистов, байронистов и пр.

Живой о живом и думает. Вопрос между нами даже не в том, имеет ли право человек удалиться в спокойную среду, отойти в сторону, как древний философ перед безумием назарейским, перед наплывом варваров. Об этом не может быть спору. Мне хочется только уяснить себе, в самом ли деле вековые обители, упроченные и обросшие западным мохом, так покойны и удобны, а главное так прочны, как были, и, с другой стороны, нет ли, в самом деле, каких-нибудь чар в наших сновидениях под снежную вьюгу, под троечные бубенчики, и нет ли основания этим чарам?

Было время, ты защищал *идеи* западного мира, и делал хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляла давным-давно всеми признанный майорат человечества. Наука совершенно свободна от меридиана, от экватора, она, как гётевский «Диван»,— *западно-восточная* *.

Теперь ты хочешь права майората перенести и на самые формы западной жизни, и находишь, что исторически выработанный быт европейских бельэтажей один соответствует эстетическим потребностям развития человека, что *он* только и дает необходимые условия умственной и художественной жизни, что искусство на Западе родилось, выросло, ему принадлежит и что, наконец, другого искусства нет совсем. Остановимся на этом сначала.

Пожалуйста, не подумай, что с точки зрения сурового цивизма и аскетической демагогии я стану возражать на то место, которое ты даешь искусству в жизни. Я с тобой согласен в этом.

---

[1] «Пока мы молоды» (лат.).— *Ред.*

[2] «Нас примет земля!» (лат.).— *Ред.*

Искусство — c'est autant de pris [1]; оно, вместе с зарницами личного счастья,— единственное, несомненное благо наше; во всем остальном мы работаем или толчем воду для человечества, для родины, для известности, для детей, для денег, и притом разрешаем бесконечную задачу,— в искусстве мы наслаждаемся, в нем цель достигнута, это тоже *концы*.

Итак, отдав Диане Эфесской что Диане принадлежит, я тебя спрошу, о чем ты, собственно, говоришь — о настоящем или прошедшем? О том ли, что искусство развилось на Западе, что Дант и Буонарроти, Шекспир и Рембрандт, Моцарт и Гёте были по месту рождения и по мнениям *западниками?* Но об этом никто не спорит. Или ты хочешь сказать о том, что долгая историческая жизнь приготовила и лучшую арену для искусства и красивейшую раму для него, что хранилищницы в Европе пышнее, чем где-нибудь, галереи и школы богаче, учеников больше, учителя даровитее, театры лучше обстановлены и пр.,— и это так (или почти так, потому что с тех пор как Большая Опера возвратилась к первобытному состоянию бродячих из города в город комедиантов, одна великая опера и есть überall und nirgends [2]). Вся Америка не имеет такого Campo Santo, как Пиза, но все же Campo Santo * — кладбище; к тому же довольно естественно, что там, где было больше кораллов, там и коралловых рифов больше... Но где же во всем этом новое искусство, творческое, живое, где художественный элемент в самой жизни? Вызывать постоянно усопших, повторять Бетховена, играть «Федру» и «Аталию» очень хорошо, но ничего не говорит в пользу творчества. В скучнейшие времена Византии на литературных вечерах читали Гомера, декламировали Софокла; в Риме берегли статуи Фидиаса и собирали лучшие изваяния накануне Генсерихов и Аларихов. Где же новое искусство, где художественная инициатива? Разве в *будущей* музыке Вагнера?

Искусство не брезгливо, оно все может изобразить, ставя на всем неизгладимую печать дара духа изящного и бескорыстно поднимая в уровень мадонн и полубогов всякую случайность бытия, всякий звук и всякую форму — сонную лужу под деревом,

---

[1] это уже кое-что (франц.).— *Ред.*

[2] везде и нигде (нем.).— *Ред.*

вспорхнувшую птицу, лошадь на водопое, нищего мальчика, обожженного солнцем. От дикой, грозной фантазии ада и страшного суда до фламандской таверны с своим отвернувшимся мужиком, от Фауста до Фобласа, от Requiem'а до «Камаринской» — все подлежит искусству... Но и искусство имеет свой предел. Есть камень преткновения, который решительно не берет ни смычок, ни кисть, ни резец; искусство, чтоб скрыть свою немоготу, издевается над ним, делает карикатуры. Этот камень преткновения — *мещанство*... Художник, который превосходно набрасывает человека совершенно голого, покрытого лохмотьями или до того совершенно одетого, что ничего не видать, кроме железа или монашеской рясы, останавливается в отчаянии перед *мещанином во фраке*. Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу *; с какого-нибудь банкира снять сертук, галстух и отогнуть ему рубашку, так что если б он после смерти сам увидел свой бюст, то перед своей женой покраснел бы до ушей... Робер Макер, Прюдом — великие карикатуры, иногда гениально верные, верные до трагического у Диккенса, но карикатуры; далее Гогарта этот род идти не может. Ван-Дик и Рембрандт мещанства — «Пунш» и «Шаривари», это его портретная галерея и лобное место. Это фамильные *фасты* и позорный столб.

Дело в том, что весь характер мещанства, с своим добром и злом, противен, тесен для искусства; искусство в нем вянет, как зеленый лист в хлоре, и только всему человеческому присущие страсти могут, изредка врываясь в мещанскую жизнь или, лучше, вырываясь из ее чинной среды, поднять ее до художественного значения.

Чинный — это настоящее слово. У мещанства, как у Молчалина, два таланта, и те же самые: «умеренность и аккуратность» *. Жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких достоинств; она воздержна, часто скупа, бежит крайности, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломой изба — в небольшой уездный домик с разрисованными щитами на ставнях, но в котором всякий день пьют чай и всякий день едят мясо. *Это огромный шаг вперед,* но вовсе не артистический. Искусство легче сживается с нищетой и роскошью, чем с довольством, в котором видны белые нитки, чем с удобством,

No. 138. THE BELL. JULY 1, 1862.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ ежемѣсячно въ Лондонѣ. Цѣна 6 золотыхъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 138.

1 Іюля 1862.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Тсботиевскаго, 3, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT No. 19).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Концы и Начала (Письмо первое).—Разчистка Нахимовых Вопросовъ. Государственная Собственность (Продолженіе).

Смѣсь: Москвѣ въ Польшѣ.—Отъ какихъ П. В. Долгоруковыхъ.—Отъ редакціи.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо первое).

И такъ, любезный другъ, *ты рѣшительно* дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистых паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшатъ, что ихъ уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха злобящая и холодная—ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голзя земли, выступающей изъ-подъ снѣга—да и вообще нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго еще мы не сдѣлали..... Что-же, съ богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

..... Тебѣ остается не большая упряжка, ты пріѣхалъ—вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гонькѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, снѣшанный съ отвращеніемъ, передъ неустройствомъ ненавистной жизни, и твою привязанность къ вырабатывающимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя *можутъ быть* лучше—но которыхъ *нѣтъ лучше*.

Мы вообще, люди европейской, городской цивилизаціи, можемъ жить только по готовому. Городская жизнь насъ пріучаетъ съ малолѣтства къ скрытому, закулисному замиренію и уравненію нестройныхъ силъ; бываясь случайно съ рельсовъ, на которые она насъ кладетъ съ дня рожденія и осторожно двигаетъ, мы теряемся, такъ какъ кабинетный ученый, привыкнувшій къ кулисамъ и гербаріямъ, къ зябрямъ въ шкапу, теряется поставленный лицомъ къ лицу со слѣдами геологическаго переворота или съ густымъ населеніемъ средиземной волны.

Мнѣ случилось видѣть двухъ, трехъ отчаянныхъ ненавистниковъ Европы, возвращавшихся изъ-за океана. Они побѣжали туда, до того оскорбленные реакціей послѣ 1848, до того озлобленные противъ всего европейскаго, что едва останавливались въ Нью-Іоркѣ, торопясь въ Канзасъ, въ Калифорнію. Года черезъ три, четыре они снова явились въ родныя кафе и пивныя лавочки старой Европы, готовые на всѣ уступки—лишь-бы не видать дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, ея непочатой почвы, лишь-бы не быть тѣтъ-а тѣтъ съ природой, не встрѣчать ни дикихъ звѣрей, ни дикихъ съ трехмушками, ни людей съ револьверами. Не надобно думать впрочемъ, что ихъ просто испугала опасность, матеріальная нужда, необходимость работы — и здѣсь мрутъ съ голода не работая, и здѣсь работаютъ по 16 часовъ въ сутки; а опасность полиціи и шпіонства на старомъ континентѣ превышаетъ опасность звѣрей и револьверовъ. Ихъ испугала, утомила пуще всего неочеловѣченная природа, отсутствіе того благоустроеннаго порядка, того, администраціей обезпеченнаго, покоя, того художественнаго и эпикурейскаго комфорта, которые обусловливаются долгой жизнію на одномъ мѣстѣ, берутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на неподвижныхъ массъ и защищаются церковью, судомъ и казармами. За эту чеченичную похлебку, *хорошо сервированную*, мы уступаемъ долю человѣческаго достоинства, долю сострадания къ ближнему, и *отрицательно* поддерживаемъ порядокъ, въ сущности намъ противный.

Во Франціи мы видѣли другой примѣръ: безстрастны, живущіе въ риторикѣ, художники, живущіе въ искусствѣ для искусства и для денегъ, были внѣ себя отъ безпокойства, причиненнаго февральской революціей. У насъ есть знакомый учитель пѣнья, который отъ 1848 года переселился изъ Парижа въ Лондонъ, въ отечество горловыхъ болѣзней, бронхитовъ, астмовъ и разговора сквозь зубы,—только чтобъ не слышать набата и дѣйствительнаго хора массъ.

Въ теперешней Россіи соединены обѣ причины, заставляющія людей бѣжать изъ Парижа и изъ Аркадіи. Въ Америкѣ пугала пуще всего *голая* природа, дикая природа, у которой отсутствіе міра на листахъ не обсолю, и которую мы такъ горячо любимъ въ картинахъ и поэмахъ (человѣка съ револьверомъ, наивно убивающій ближняго, отнесется также къ памятникамъ, какъ и наивный тигръ съ своими зубами въ вершокъ величины). Во Франціи, природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходятъ, а виноградъ растетъ: но за то въ 1848 тамъ снова разнуздались страсти и снова покатились основы благочинія. У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее,

«КОНЦЫ И НАЧАЛА».
Письмо первое. Страница первопечатного текста («Колокол», л. 138, 1 июля 1862 г.).

составляющим цель; если на то пошло, оно ближе с куртизаной, продающей себя, чем с нравственной женщиной, продающей втридорога чужой труд, вырванный у голода. Искусству не по себе в чопорном, слишком прибранном, расчетливом доме мещанина, а дом мещанина *должен быть* таков; искусство чует, что в этой жизни оно сведено на роль внешнего украшения, обоев, мебели, на роль шарманки; мешает — шарманщика прогонят, захотят послушать — дадут грош, и квит... Искусство, которое по преимуществу изящная соразмерность, не может выносить аршина, самодовольная в своей ограниченной посредственности жизнь запятнана в его глазах самым страшным пятном в мире — *вульгарностью.*

Но это нисколько не мешает всему *образованному* миру идти в мещанство, и авангард его уже пришел. Мещанство — идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек дна. Это та «курица во щах», о которой мечтал Генрих IV *. Маленький дом с небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работник для тяжелой работы, да это в самом деле гавань спасения — havre de grâce!

Прогнанный с земли, которую обработывал века для барина, потомок разбитого в бою селянина, осужденный на вечную каторгу, голод, бездомный поденщик, батрак, родящийся нищим и нищим умирающий, только делаясь собственником, хозяином, буржуа, отирает пот и без ужаса смотрит на детей; его сын не будет отдан в пожизненную кабалу из-за хлеба, его дочь не обречена ни фабрике, ни публичному дому. Как же ему не рваться в мещане? Идеал *хозяина*-лавочника — этих рыцарей, этих попов среднего состояния — носится светлым образом перед глазами поденщика до тех пор, пока его заскорузлые и усталые руки не опустятся на падломленную грудь и он не взглянет на жизнь с тем ирландским покоем отчаяния, которое исключает всякую мечту, всякое ожидание, кроме мечты о целом полуштофе виски в следующее воскресенье.

Мещанство, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности,— демократизация аристократии, аристократизация демократии; в этой среде Альмавива равен Фигаро: снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться. Амери-

канские Штаты представляют одно среднее состояние, у которого нет ничего внизу и нет ничего вверху, а мещанские нравы остались. Немецкий крестьянин — *мещанин* хлебопашества, работник всех стран — *будущий* мещанин. Италия, самая поэтическая страна в Европе, не могла удержаться и тотчас покинула своего фанатического любовника Маццини, изменила своему мужу-геркулесу — Гарибальди, лишь только гениальный мещанин Кавур, толстенький, в очках, предложил ей взять ее на содержание.

С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья дюжинные, незаказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние. Античный бедняк из Транстевере употребляется на черную работу гунявым лавочником via del Corso. Толпа гуляющих в праздничный день в Елисейских Полях, Кенсингтон-Гардене, собирающихся в церквах, театрах наводит уныние пошлыми лицами, тупыми выражениями — но для гуляющих в Елисейских Полях, для слушающих проповеди Лакордера или песни Левассора до этого дела нет, они даже этого не замечают. Но что для них очень важно и заметно — это то, что отцы и старшие братья их не в состоянии были идти ни на гулянье, ни в театр, а они могут; что те иногда ездили на козлах карет, а они сами ездят, и очень часто, в фиакрах.

Во имя *этого* мещанство победит, и должно победить. Нельзя сказать голодному: «Тебе больше к лицу голод, не ищи пищи». Господство мещанства — ответ на *освобождение без земли,* на открепление людей и прикрепление почвы малому числу избранных *. Заработавшая себе копейку толпа одолела и по-своему жуирует и владеет миром. В сильно обозначенных личностях, в оригинальных умах ей никакой необходимости. Наука не может не натолкнуться на ближайшие открытия. Фотография, эта шарманка живописи, заменяет артиста; хорошо, если явится художник с творчеством, но вопиющей нужды и в нем нет. Красота, талант — вовсе не нормальны; это исключение, роскошь природы, высший предел или результат больших усилий целых поколений. Стать лошадей Дерби, голос Марио — редкости. Но хорошая квартира и обед — необходимость. В самой природе, можно сказать, бездна мещанского; она

очень часто останавливается на середке наполовину — видно, дальше идти духу не хватает. Кто тебе сказал, что у Европы хватит?

Европа провела дурные четверть часа — мещанство чуть не лишилось плодов долгой жизни, долгих усилий, труда. Внутри человеческой совести поднялся какой-то неопределенный, но страшный протест. Мещане вспомнили войны свои за права, вспомнили героические времена и библейские предания. Авель, Рем, Фома Мюнстер были еще раз усмирены, и на их могилах еще долго будет расти трава в предупреждение того, как карает самодержавное мещанство. Все с тех пор пришло в свой порядок; он кажется прочен, он рационален из своих начал, он силен ростом,— но артистического смысла, но художественной струны в нем не прибыло, он их и не ищет; он слишком практичен; он согласен с Екатериной II, что серьезному человеку не идет хорошо играть на фортепьянах,— императрица тоже смотрела на мужчин с *практической* точки зрения. Для цветов его гряды слишком унавожены; для его гряд цветы слишком бесполезны; если он иногда растит их, то это на продажу.

Весной 1850 года я искал в Париже квартиру; тогда я уже настолько обжился в Европе, что мне опротивела теснота и давка цивилизации, которая сначала очень нравится нам, русским; я с ужасом, смешанным с отвращением, смотрел уже на беспрестанно двигающуюся, кишащую толпу, предчувствуя, как она у меня отнимет полместа в театре, в дилижансе, как она бросится зверем в вагоны, как нагреет и насытит собою воздух,— а поэтому я и квартиру искал не на юру и сколько-нибудь не похожую на уютно пошлые и убийственно однообразные квартиры в три спальни, à trois chambres à coucher de maître *[1].

Мне кто-то указал флигель большого старого дома по ту сторону Сены, в самом С.-Жерменском предместье, или около. Я пошел туда. Старуха, жена дворника, взяла ключи и повела меня *двором*. Дом и флигель стояли за оградой; внутри двора,

[1] Один очень умный человек, граф Оскар Рейхенбах, мне раз сказал, говоря о зажиточно мещанских квартирах в Лондоне: «Скажите мне цену и этаж — и я берусь без свечи, в темную ночь, принесть часы, вазу, графин... что хотите из вещей, непременно бывающих во всяком жилище среднего круга».

за домом, зеленели какие-то деревья. Флигель был неубран, запущен, вероятно, в нем много лет никто не жил. Полустаринная мебель времени Первой империи, с римской прямолинейностью и почернелой позолотой. Флигель этот был не велик, не богат, но расположение комнат, мебель — все указывало на *иное* понятие об удобствах жизни. Возле небольшой гостиной была еще крошечная, совершенно в стороне, близ спальной — кабинет с шкапами для книг и большим письменным столом. Я походил по комнатам, и мне показалось, что я после долгого скитанья снова встретил человеческое жилье, un chez-soi [1], а *не нумер*, не людское стойло.

Это замечание можно распространить на все — на театры, на гулянья, на трактиры, на книги, на картины, на платье; все степенью понизилось и страшно возросло числом. Толпа, о которой я говорил,— лучшее доказательство успеха, силы, роста, она прорывает все плотины, наполняет все и льется через край. Она всем довольствуется, и всего ей мало. Лондон тесен, Париж узок. Сто прицепленных вагонов недостаточны, сорок театров — места нет; для того, чтоб лондонская публика могла видеть *пьесу*, надобно ее давать кряду три месяца.

— Отчего у вас так плохи сигары? — спросил я одного из первых лондонских торговцев [2].

— Трудно доставать, да и хлопотать не стоит, знатоков мало, а богатых знатоков еще меньше.

— Как не стоит? Вы берете 8 пенсов за сигару.

— Это у нас почти никакого расчета не делает. Ну, вы и еще десять человек будут покупать у меня, много ли барыша? Я в день сигар по 2 и по 3 пенса больше продам, чем тех в год. Я их совсем не буду выписывать.

Вот человек, постигнувший дух современности. Вся торговля, особенно английская, основана теперь на количестве и дешевизне, а вовсе не на качестве, как думают старожилы, покупавшие с уважением тульские перочинные ножики, на которых была английская фирма. Все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни личного вкуса. Возле, за углом, везде до-

[1] свой угол (франц.).— *Ред.*

[2] у Карреграса.

жидается стотысячеголовая гидра, готовая без разбора все слушать, все смотреть, всячески одеться, всем наесться,— это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля *, которая все покупает и потому всем владеет,— толпа без невежества, но и без образования, для нее искусство кричит, машет руками, лжет, экзажерирует [1] или с отчаяния отворачивается от людей и рисует звериные драмы и портреты скота, как Лансир и Роза Бонер.

Видел ли ты в Европе за последние пятнадцать лет актера,— одного актера, который бы не был гаер, паяц сентиментальности или паяц шаржи? Назови его!

Эпохе, которой последнее выражение в звуках Верди, на роду могло быть написано много хорошего, но наверное не художественное призвание. Ей совершенно по плечу ее созданье — cafés chantants, амфибия между полпивной и бульварным театром. Я ничего не имею против cafés chantants, но не могу же я им дать серьезное артистическое значение; они удовлетворяют общему «костюмеру», как говорят англичане, общему потребителю, давальцу, стоглавой гидре мещанства — чего же больше?

Выход из этого положения далек. За большинством, теперь господствующим, стоит *еще большее* большинство кандидатов на него, для которых нравы, понятия, образ жизни мещанства — единственная цель стремлений, их хватит на десять перемен. Мир безземельный, мир городского преобладания, до крайности доведенного права собственности, не имеет другого пути спасения и весь пройдет мещанством, которое в наших глазах отстало, а в глазах полевого населения и пролетариев представляет образованность и развитие. Забежавшие вперед живут в крошечных кругах вроде светских монастырей, не занимаясь тем, что делают миряне за стеной.

Было это и прежде, но и размеры и сознание были меньше, к тому же прежде были идеалы, верования, слова, от которых билось и простое сердце бедного гражданина, и сердце надменного рыцаря; у них были общие святыни, перед которыми, как перед дарами, склонялись все. Где тот псалм, который могут в наше время с верой и увлечением петь во всех этажах дома

---

[1] преувеличивает (франц. exagérer).— *Ред.*

от подвала до мансарды, где наша «Gottes feste Burg» * или «Марсельеза»?

Когда Иванов был в Лондоне, он с отчаянием говорил о том, что ищет новый религиозный тип и нигде не находит его в окружающем мире. Чистый артист, боявшийся, как клятвопреступления, солгать кистью, прозревавший больше фантазией, чем анализом, он требовал, чтоб мы ему указали, где те живописные черты, в которых просвечивает новое искупление. Мы ему их не указали. «Может, укажет Маццини»,— думал он.

Маццини ему указал бы на «единство Италии», может, на Гарибальди в 1861 году как *на предтечу* — на этого *великого последнего.*

Иванов умер, стучась,— так дверь и не отверзлась ему.

Isle of Wight, 10 июня 1862.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Кстати к Маццини. Несколько месяцев тому назад появился первый том полного собрания его сочинений *. Вместо предисловия или своих записок Маццини связал статьи, писанные им в разные времена, рядом пополнений; в этих пояснительных страницах бездна самого живого интереса. Поэма его монашеского жития, посвященного *одному* богу и *одному* служению, раскрывается сама собою в разбросанных отметках — без намерения, может, больше, чем он хотел.

Энтузиаст, фанатик, с кровью лигура в жилах, Маццини отроком безвозвратно отдается великому делу освобождения Италии — и этому делу остается верен и ныне, и присно, и во веки веков, ога e sempre [1], как говорит его девиз: тут его юность, любовь, семья, вера, долг. Муж единой жены, он ей не изменил, и, седой, исхудалый, больной, он удерживает смерть, он не хочет умереть прежде, чем Рим не будет столицей единой Италии и лев св. Марка * не разорвет на лоскутки развевающуюся над ним черно-желтую тряпку.

Свидетельство такого человека, и притом гонителя скептицизма, социализма, материализма *,— человека, жившего всеми

[1] теперь и всегда (итал.).— *Ред.*

сердцебиениями европейской жизни в продолжение сорока лет, чрезвычайно важно.

После первых *пансионских* увлечений всякой революционной карьеры, после поэзии заговоров, таинственных формул, свиданий ночью, клятв на необагренных кинжалах молодого человека берет раздумье.

Как ни увлекает южную, романскую душу обстановка и ритуал, серьезный и аскетический Маццини скоро разглядывает, что в карбонаризме гораздо больше приемов, обрядов, чем дела, больше сборов и приготовлений, чем пути. Давно догадались и мы, что политическая литургия священнослужителей конспираций, как и церковная литургия,— одно драматическое представление; сколько бы чувств и искренности ни вносили иногда священники в *службу,* все же агнец закалается в хлебе и истекает вином. Маццини это заметил тридцать пять лет тому назад.

Дойдя до этого, молодому карбонару было трудно остановиться. Вглядываясь в недавние события рухнувшейся империи, свидетель монархических реставраций, революции, конституционных попыток и республиканских неудач, Маццини пришел к заключению, что у современной европейской жизни нет, как он выразился, «никакой инициативы», что консерваторская идея и идея революционная имеют только отрицательное значение: одна ломает — не зная, для чего, другая хранит — не зная, для чего; что во всем, что делается (а делалась тогда революция тридцатого года), нет ничего чинополагающего новый порядок дел.

В этих словах будущего соперника папы есть звуки погребального колокола, в который ударял друг папы, Местр.

Пустота, которую ощущал Маццини, понятна.

Прилив революционного моря поднимался торжественно в 1789 и, не мучимый никакими сомнениями, затоплял старую весь; но когда все было покрыто его волнами и на минуту всплывшие головы без туловища (и в том числе одна в короне), митры без головы и шляпы с плюмажем пошли на дно, тогда впервые почувствовался какой-то страшный *простор отсутствия.* Освобожденные силы разъедали друг друга, потом устали и остановились — им нечего было делать, они ждали события дня, как поденщики ждут работы. Постоянные войска эти во время

мира кипели боевой энергией, но не было боя, а главное — не было ясной цели. А если цели нет, все может быть целью: Наполеон их уверил, что *он* — цель, что война — цель, и отлил больше человеческой кровью, чем напор волн революционных прилил идей.

Маццини понял это, и прежде чем произнести окончательный приговор, он посмотрел за политические стены. Там ему встретился колоссальный эгоизм Гёте, его покойное безучастие, его любознательность естествоиспытателя в делах человеческих; там ему встретился гложущий себя колоссальный эгоизм Байрона.

Поэзия презрения возле поэзии созерцания; плач, смех, гордое бегство и отвращение от современного мира — возле гордого довольства в нем. Герои Байрона поражают Маццини; он ищет, откуда ведут свое начало эти странные отшельники, без религии и монастыря, сосредоточенные на себе, ненужные, несчастные, без дела, без родины, без интересов, эгоисты и аскеты, готовые на жертвы, которых не умеют принести, готовые презирать себя в качестве людей. И снова Маццини наталкивается на ту же причину. У байроновских героев недостает объективного идеала, веры; мечта поэта, отвернувшись от бесплодной, отталкивающей среды, была сведена на лиризм психических явлений, на *внутрь вошедшие* порывы деятельности, на больные нервы, на те духовные пропасти, где сумасшествие и ум, порок и добродетель теряют свои пределы и становятся привидениями, угрызениями совести и вместе с тем болезненным упоением.

Успокоиться на этом *свидетельстве болезни* деятельный дух Маццини не мог. Ему во что бы ни стало хотелось сыскать слово новой эры, инициативу — он и сыскал их.

Теперь рычаг в его руках. Он повернет мир, он пересоздаст Европу, заменит гроб колыбелью, разрушителей сделает зодчими, разрешит противоречие общества и лица, свободы и авторитета, даст сердцу веру, не отнимая у разума — разум... Что же, ты думаешь, это magnum ignotum? [1] — *Единство и освобождение Италии с древним Римом в центре.*

---

[1] великое неизвестное (лат.).— *Ред.*

Тут, само собою разумеется, нет места ни разбору, ни критике. Не оттого ли, что Маццини предвидел новое откровение, новое искупление мира в итальянском risorgimento [1], он не предвидел одного — именно Кавура? Кавура он должен был ненавидеть больше, чем Антонелли. Кавур был прозаическим переводом его поэмы, он выполнил одну будничную часть мацциниевской программы, за Римом и Венецией à la longue [2] дело не станет. Кавур — это итальянская Марфа, мешающая хозяйственными дрязгами единой мечте итальянской Марии *. И в то время, когда Мария с умилением видела искупление мира в освобождающейся Италии, Марфа кроила для Италии бельгийский костюм *, и страна, довольная, что конституция не жмет ее, пошла себе по торной западной колее, по большому торговому тракту, а по нем не доедешь ни до какого пересоздания мира, *не пустившись в опасный брод.*

Фанатик Маццини ошибался; колоссальность его ошибки сделала возможным соизмеримого Кавура и единую Италию. Для нас, впрочем, вовсе не важно, как он разрешил вопрос; для нас важно то, что западный человек, как только становится на свои ноги и освобождается от готовых формул, как только начинает вглядываться в современное состояние Европы,— чувствует неловкость, чувствует, что что-то *не туда идет,* что развитие *дало в сторону.* Обмануть это чувство заменою недостающего начала началом национальности — легко могут революционеры и консерваторы, особенно если, по счастью, их родина будет покорена. Но что же дальше? Что делать, восстановивши независимость своего народа? Или что делать, когда она и без того независима?

Маццини, сознавая какую-то *пустоту* демократической мысли, указывает на освобождение Италии от «тедесков». Ст. Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает, с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паюсной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты без инициативы, без пониманья, но в Англии нет ни австрийского ига, ни папы, ни неаполитанского Бурбона. Тут что делать?

---

[1] возрождении (итал.).— *Ред.*

[2] в конце концов (франц.).— *Ред*

...Я предчувствую гнев наших крепостных людей, приписанных к научным фабрикам и схоластическим заводам *; я вижу, как они белым днем яростно смотрят на меня своими ночными глазами филина и говорят: «Что он за вздор несет? Как будто история может дать в сторону, как будто она не двигается по своим законам, как планеты, которые никогда не дают в сторону и не срываются с орбит?»

На последнее можно сказать, что всякое бывает и нет причины, чтоб иной раз планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцелело и вертится с ним; у Юпитера оно лопнуло, и из него сделались бусы; у Земли одна луна как бельмо на глазу. Но вместо обсерватории стоит заглянуть в любую больницу, чтоб видеть, как живые организмы *дают в сторону,* развиваются в своем отклонении и доводят его до относительного совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организм. Шаткое равновесие всего живого колеблется и до некоторой степени уступает уклонениям: но еще шаг в ту же сторону — и худо стянутый узел, связующий их, развязан, и освобожденные элементы идут в другие сочетания...

Разумеется, что общие законы остаются те же, но в частных приложениях они могут разниться до совершенно противоположных явлений. Повинуясь одному и тому же закону, пух летает, а свинец падает.

При отсутствии плана и срока, аршина и часов — развитие в природе, в истории не то что *не может* отклониться, но *должно* беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей беспечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей. В отдельном организме иногда отклонение дает себя знать болью, и тут часто боль является слишком поздним предостережением. Сложные, сводные организмы сбиваются с своих диагоналей и уносятся по скатам, вовсе не замечая ни дороги, ни опасности, благодаря смене поколений. Возможность остановить отклонившееся, удержать забежавшее или нагнать его очень мала и мало желается, желание предполагало бы всякий раз сознание и цель.

Сознание, с своей стороны, очень далеко от практического приложения. Боль не лечит, а вызывает леченье. Патология может быть хороша, а терапия скверная; можно вовсе не знать

медицины и ясно видеть болезнь. Требование лекарства от человека, указывающего на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христиане, плакавшие о грехах мира сего, социалисты, раскрывшие раны быта общественного, и мы, *недовольные, неблагодарные* дети цивилизации, мы вовсе не врачи — мы *боль;* что выйдет из нашего кряхтения и стона, мы не знаем — но *боль заявлена.*

Перед нами цивилизация, последовательно развившаяся на безземельном пролетариате, на безусловном праве собственника над собственностию. То, что ей пророчил Сиэс, то и случилось: среднее состояние сделалось *всем* — на условии владеть *чем-нибудь.* Знаем ли мы, как выйти из мещанского государства в государство народное, или нет — все же мы имеем право считать мещанское государство односторонним развитием, уродством.

Под словом «уродства», «болезни» мы обыкновенно разумеем что-то неестественное, противозаконное, не отдавая себе отчета, что уродство и болезнь *естественнее* нормального состояния, представляющего алгебраическую формулу организма, отвлечение, обобщение, идеал, собранный из разных частностей исключением случайностей. Отклонение и уродство *подзаконны* тому же *закону,* как и организмы; в ту минуту, когда бы они освободились от него, организм бы умер. Но, сверх общей подзаконности, они еще состоят на особых правах, имеют свои частные законы, последствия которых опять-таки мы имеем право выводить, без всяких ортопедических возможностей поправлять. Видя, что у жирафа передняя часть развита *односторонно,* мы могли догадаться, что это развитие сделано на счет задней части и что в силу этого в его организме непременно будет ряд недостатков, соответствующих его одностороннему развитию, но которые для него естественны и относительно нормальны.

Переднюю часть европейского камелеопардала составляет мещанство,— об этом можно бы было спорить, если б дело не было так очевидно; но однажды согласившись в этом, нельзя не видать всех последствий такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчий этого мира будет купец и что он поставит на всех его проявлениях свою торговую марку. Против него равно будет несостоятельна нелепость родовой аристо-

кратии и несчастье родового пролетариата. Правительство должно умереть с голоду или сделаться его приказчиком; у него на пристяжке пойдут его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолетнего рода человеческого — адвокаты, судьи, нотариусы и пр. Вместе с его господством разовьется понижение всего нравственного быта, и Ст. Милль, например, вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей *, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния. Милль прямо говорит, что по этому пути Англия сделается *Китаем;* мы к этому прибавим: и не одна Англия.

Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет, как, и вынесет ли его старое тело или нет? Этого я не знаю, да и Ст. Милль не знает. Опыт нас проучил; осторожнее Мацципи, мы смиренно держимся точки зрения *прозектора.* Лекарств не знаем, да и в хирургию мало верим.

Мне же особенно посчастливилось,— место в анатомическом театре досталось славное и возле самой клиники; не стоило смотреть в атлас, ни ходить на лекции парламентской терапии и метафизической патологии; болезнь, смерть и разложение совершались перед глазами.

Агония Июльской монархии, тиф папства, преждевременное рождение республики и ее смерть, за февральскими *сумерками* Июньские *дни,* вся Европа в припадке лунатизма, сорвавшаяся с крыши Пантеона в полицейскую лужу! И потом десять лет в обширнейшем музее патологической анатомии — на лондонской выставке образцов всех прогрессивных партий в Европе, рядом с туземными образцами всех консерватизмов со времен иудейских первосвященников до шотландских пуритан.

Десять лет!

Был досуг всмотреться в эту жизнь, в то, что делалось вокруг; но мое мнение не изменилось с тех пор, как в сорок восьмом году я осмелился, еще с некоторым ужасом, разобрать на лбу этих людей цицероновское «vixerunt!» *

С каждым годом я бьюсь более и более об непонимание здешних людей, об их равнодушие ко всем интересам, ко всем исти-

нам, об легкомысленную ветреность их старого ума, об невозможность растолковать им, что рутина не есть безапелляционный критериум и привычка — не доказательство. Иногда я приостанавливаюсь, мне кажется, что худшее время прошло, я стараюсь быть непоследовательным: мне кажется, например, будто сгнетенное слово во Франции вырастает в мысль... я жду, надеюсь... бывает же иногда и исключение... будто что-то брезжит... нет, ничего!

И этого никто не чувствует... на тебя смотрят с какой-то жалостью, как на поврежденного... мне только случилось встречать старых стариков, как-то очень грустно качавших седой головой.

Этим старикам было, видимо, неловко с своими *чужими*, т. е. с сыновьями и внучатами...

...Да, caro mio [1], есть еще в здешней жизни великий тип для поэта,— тип вовсе непочатый... Тот художник, который здесь всмотрится в *дедов* и *внучат*, в *отцов* и *детей* и безбоязненно, беспощадно воплотит их в черную, страшную поэму,— тот будет надгробный лауреат этого мира.

Тип этот — тип Дон-Кихота революции, старика 89 года, доживающего свой век на хлебах своих внучат, разбогатевших французских мещан,— он не раз наводил на меня ужас и тоску.

Ты подумай об нем, и у тебя волос станет дыбом.

Isle of Wight, 20 июля 1862.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

...Фу, какое отвратительное лето; холод, темнота, слякоть, постоянные ветры, нервы раздражены, носовая перепонка тоже, и все это продолжается три месяца, а пред ними были семь предшественников их, по ту сторону вступления в знак Овна!

Наконец-то солнце явилось на безоблачном небе. Море разгладилось и блестит, я сижу у своего окна, в крошечной ферме, и не могу наглядеться,— так давно я не видел солнца и дали. Сегодня даже тепло. Я просто обрадовался, увидя, что природа еще цела; зато пир горой: шмели, пчелы, птицы летают,

[1] дорогой мой (итал.).— *Ред.*

жужжат, поют, шумят, на дворике фермы кричит во все горло просохнувший петух, и старая собака, забыв лета и общественное положение, лежит на спине, как щенок, задравши ноги вверх, и покачивается из стороны в сторону, с невольным эпикурейским ворчаньем. Людей не видать из моего окна, но полей, но деревьев, но садов — без конца; несмотря на море в стороне, вид этот очень напоминает наши великорусские виды, к тому же пахнет травой и деревьями.

Пора была погоде исправиться, а то я начинал опасаться уж не социального переворота, а геологического; я так и ждал, что вслед за десятимесячной дурной погодой Европа даст трещину и вулканической мерой разрубит гордиев узел современных вопросов и impass'ов[1], приглашая желающих начать не то что с азбуки, а с Адама II.

Ты в качестве поэта и идеалиста, должно быть, не веришь такой чепухе, а Ламе в качестве одного из величайших математиков нашего времени не того мнения. Ему кажется, что равновесие скучившихся материков очень непрочно и что, взяв к тому же в расчет быстрое движение в одну сторону и кой-какие факты передвижения масс в Исландии, того и смотри, что шар земной даст трещину в Европе. Он даже составил ряд формул, сделал ряд вычислений... Ну, да что тебя пугать, до Орловской губернии трещина не дойдет.

Лучше, пользуясь казусно хорошей погодой, потолкуем опять об наших «концах» и «началах», а придет трещина, она сама распорядится.

Дон-Кихот революции не идет у меня из головы. Суровый, трагический тип этот исчезает,— исчезает, как беловежский зубр, как краснокожие индейцы, и нет художника, который бы пометил его черты старые, резкие, носящие на себе следы всех скорбей, всех печалей, идущих из *общих* начал и из веры в человечество и разум. Скоро черты эти замрут, не сдавшись, с выражением гордого и укоряющего презрения, потом сотрутся, и человеческая память утратит один из высших, предельных типов своих.

Это вершины гор, которыми заключается хребет XVIII столетия, ими он достигает своего предела и замыкается, ими

[1] тупиков (франц.).— *Ред.*

обрывается ряд усилий подняться. Дальше этим вулканическим напором идти нельзя.

Титаны, остающиеся после борьбы, после поражения, при всех своих титанических стремлениях, представителями неудовлетворенных притязаний, делаются из великих людей печальными Дон-Кихотами. История подымается и опускается между пророками и рыцарями печального образа. Римские патриции, республиканцы, стоики первых веков, отшельники, бежавшие в степи от христианства, опошленного в официальную религию, пуритане, наполнившие целое столетие скрежетом зубов за недостижение своего скучного идеала,— все это, оставленное отливом, упорно рвущееся вперед и вязнущее в тине, не поддержанное волною, все это Дон-Кихоты, но Дон-Кихоты, нашедшие своих Сервантесов. Для сподвижников начальной церкви есть томы легенд, есть иконопись и живопись, есть их мозаики, изваяния. Тип пуританизма закреплен в английской литературе, в голландской живописи; а тип Дон-Кихота революции выветривается на наших глазах, становится реже и реже, и никто не думает о том, чтоб по крайней мере снять фотографию.

Фанатики земной религии, фантасты не царства божия, а царства человеческого, они остаются последними часовыми идеала, давно покинутого войском, они мрачно и одиноко стоят полстолетия, бессильные *изменить* и всё ожидающие пришествия республики на земле; грунт возле понижается, понижается — они этого не хотят видеть. Я еще застал несколько из этих апостолов девяностых годов; резкие, печальные, крупные фигуры их, переросшие два поколения, казались мне какими-то угрюмыми и неподвижно разрушающимися по камешку Мемнонами в египетских степях... и у их ног копошились, хлопотали, таскали товары крошечные люди и маленькие верблюды, едва видные из-за урагана пыли.

Смерть давала все больше и больше знать о своем приближении; старый пожелтелый взгляд становился суровее, уставал от напряжения, высматривая смену, отыскивая, кому сдать честь и место.— Сыну? Старик хмурится.— Внуку? Он махнул рукой. Бедный король Лир в демократии, куда ни обращает он угасающий взгляд свой — к своим, к присным,— везде его

встречает непониманье, безучастье, осужденье, полускрытый упрек, мелкие счеты и мелкие интересы. Его якобинских слов боятся при посторонних, ему просят прощение, указывая на изредевшие седины. Его невестка мучит его примирением с церковью, и иезуитский аббат шныряет по временам, как мимолетный ворон, посмотреть, сколько еще сил и сознания, чтоб поймать его богу в предсмертном бреде *.

Еще хорошо, если где-нибудь в околотке гражданина Лира есть гражданин Кент, который находит, что «в его лице есть что-то, напоминающее 94 год», какой-нибудь темный сподвижник Сантера, солдат армии Марсо и Гоша, гражданин Спартакюс-Брютюс-жюниор, детски верный своему преданью и гордо держащий лавочку рукой, которой держал пику с фригийской шапкой. Лир зайдет к нему иной раз отвести душу, покачать головой и вспомнить старину с ее огромными надеждами, с ее великими событиями, побранить Талиена и Барраса, Реставрацию с своими cafards [1], короля-лавочника et ce traître de Lamartine [2]. Оба *знают,* что час революции пробьет, что народ проснется, как лев, и снова поднимет фригийскую шапку, и в этом уповании один из них **засыпает.**

Насупив брови, идет Лир за гробом Спартакюс-Брютюс-жюниора, или Спартакюс-Брютюс-жюниор, не скрывая глубокого отвращения ко всему родству покойного, идет за гробом Лира — и из двух величавых фигур остается одна, и та совершенно лишняя.

«И его нет, и он не дождался!— думает оставшийся старик, возвращаясь с похорон.— Неужели в самом деле изуверство и монархизм, сторона Питта и Кобурга, окончательно взяли верх, неужели вся долгая жизнь, усилия, жертвы... нет, не может быть, истина с нашей стороны, и победа будет с нашей... Разум и справедливость восторжествуют, разумеется сперва во Франции, потом во всем роде человеческом; и „vive la république, une et indivisible!“» [3] — молится старец восьмидесятилетними губами, так, как другой старец, отдавая с миром дух свой гос-

---

[1] святошами (франц.).— *Ред.*

[2] и этого изменника Ламартина (франц.).— *Ред.*

[3] «да здравствует республика, единая и нераздельная!» (франц.).— *Ред.*

поду, шепчет ему: «Да приидет царствие твое»,— и оба спокойно закрывают глаза и не видят, что ни царство небесное на земле, ни единая и нераздельная республика во Франции вовсе не водворяются, и не видят потому, что дух их принял с миром не господь, а разлагающееся тело.

Святые Дон-Кихоты, вам легка земля!

Эти фанатические верования в осуществимость гармонического порядка, общего блаженства, в осуществимость истины, *потому что она истина,* это отрешение от всего частного, личного, эта преданность, переживающая все испытания, все удары,— это-то и есть *вершина*... Гора окончена, выше, дальше — холодный воздух, мгла, ничего. Опять спускаться! Отчего нельзя продолжать? Отчего Монблан не стоит на Шимборазо и Гималай не продолжает их — какова бы была гора?

Так нет — у каждого геологического катаклизма свой роман, своя поэма гор, свой хребет, свои гранитные, базальтовые личности, подавляющие своим величием низменные бассейны. Памятники планетных революций, они давно обросли лесами и мохом в свидетельство тысячелетнего застоя потом. И наши забежавшие пионеры революции оставили в истории свои Альпы; следы их титанических усилий не прошли и долго не пройдут. Чего же больше?

Да, для истории. Там своя гуртовая, беспощадная оценка; там, как в описании сражений,— движение корпусов, действие артиллерии, напор левого фланга, отступление правого; там свои личности «30-й егерский, а после 45-й» *. Далее бюльтен не идет, он довольствуется итогом трупов, а «пятое действие» каждого солдата идет далее, и оно имеет свой совершенно *статский* интерес.

Что вынесли эти люди *последнего* прилива, оставленные отливом в тине и слякоти! Что выстрадали эти *отцы* с своими *детьми,* одинокие в своих семьях больше, чем монахи в своих кельях! Какие страшные столкновения всякого часа, всякого дня!.. Какие минуты устали и отчаяния!

Не странное ли дело, что в длинном ряду «несчастных», вызванных В. Гюго, являются и старики... *а несчастный старик* по преимуществу отодвинут на задний план, пропущен? Гюго едва заметил, что возле мучительного сознания виновности есть

другая пытка — мучительное *сознание ненужной правоты своей*, сознание своего бесплодного превосходства над слабостью всего близкого, молодого, переживающего... Великий ритор и поэт, между скорбными существованиями французской жизни, чуть коснулся величайшей скорби в мире — старца, юного душою, окруженного больше и больше мельчающим поколением.

Ну, что перед ними и мучительные, но ненужные и чисто субъективные страдания Жан Вальжана, так утомительно подробно рассказанные в романе-омнибусе Гюго? Конечно, сострадать можно всякому несчастию, но не всякому — глубоко сочувствовать. Боль от перелома ноги и боль от перелома жизни вызывают розное участие.

Мы слишком мало французы, чтоб понимать такие идеалы, как Жан Вальжан, и сочувствовать таким героям полиции, как Жавер. Жавер для нас просто отвратителен. Вероятно, Гюго не думал, чертя эту совершенно национальную фигуру шакала порядка, какое клеймо он выжег на плече своей «прелестной Франции». В Жан Вальжане нам только понятна его внешняя борьба доброго, несчастного зверя, травимого целым гончим обществом. Внутренняя борьба его для нас остается посторонней; этот сильный человек мышцами и волей, в сущности, чрезвычайно слабый человек. Святой каторжник, Илья Муромец из тулонских галер, акробат в пятьдесят лет и влюбленный мальчик чуть не в шестьдесят, он исполнен суеверья. Он верует в клеймо на плече; он верует в приговор; он верует, что он отверженный человек, оттого что тридцать лет тому назад украл хлеб, да и то не для себя. Его добродетель — болезненное раскаяние; его любовь — старческая ревность. Натянутое существование его поднимается до истинно трагического значения только в конце книги, от бездушной ограниченности Козеттина мужа и безграничной неблагодарности ее самой.

И тут Жан Вальжан действительно граничит с нашими стариками — раскаяние одного и правота других смешивается в жгучем страдании. Ртуть термометра, замерзшая в пулю, обжигает, как раскаленная пуля из свинца. Сознание правоты, отхватывающее полсердца, полсуществования, стоит угрызения совести, и еще хуже: тут есть искупление исповеди, вознаграждение, там — ничего. Между стариком девяностых годов, фа-

натиком, фантастом, идеалистом, и сыном, который *старше* его осторожностью, благоразумием, разочарованием,— сыном, через край удовлетворенным «меньшей линией», и внуком, который, щеголяя в мундире императорского гида, мечтает о том, как бы лукнуть в супрефекты, pour exploiter sa position [1], — нарушено естественное отношение, нарушено равновесие, искажена органическая преемственность поколений.

Жан Вальжан в своей старческой девственности, в своей лирической, личной сосредоточенности сам не знал, чего требовал от молодой жизни. Чего хотел он, в самом деле, от Козетты? Разве она могла быть его подругой? Он в неопытной непочатости своего сердца перешагнул любовь отца... Он исключительно *для себя* хотел любить ее, а так отец не любит. Сверх того, он, всю жизнь внутренно драпируясь в куртку каторжного, сломился под бременем отвращения, которое ему показал ограниченнейший молодой человек — типический представитель пошлеющего поколения.

Я не знаю, что Гюго хотел сделать с Мариюсом, для меня он в своем поколении такой же тип, как Жавер в своем. В инстинктах этого молодого человека мерцают каким-то отблеском другого дня благородные и горячие порывы, без рассуждения, без корня, почти без смысла — по преданию, по примеру. В нем и закваски XVIII века больше нет — этой неутомимой потребности анализа, критики, этого грозного вызова всего на свете на провер ума; у него и ума нет, но он еще добрый товарищ, пойдет на баррикаду, не зная, что потом; он живет по готовому и, зная à code ouvert [2], *что добро и что зло,* так же мало беспокоится об этом, как человек, знающий достоверно, что скоромное есть грешно в пост. На этом поколении окончательно останавливается и начинает свое отступление революционная эпоха; еще поколение — и нет больше порывов, все принимает обычный порядок, личность стирается, смена экземпляров едва заметна в продолжающемся жизненном обиходе.

Я воображаю, что кое-что подобное было в развитии животных — складывавшийся вид, порываясь свыше сил, отставая

---

[1] чтобы использовать свое положение (франц.).— *Ред.*

[2] по прописям (франц.).— *Ред.*

ниже возможностей, мало-помалу уравновешивался, умерялся, терял анатомические эксцентричности и физиологические необузданности, приобретая зато плодовитость и начиная из рода в род, из века в век повторять, по образцу и подобию первого остепенившегося праотца, свой обозначенный вид и свою индивидуальность.

Там, где вид сложился, *история* почти прекращается, по крайней мере становится скромнее, развивается исподволь... в том роде, как и планета наша. Дозревшие до известного периода охлаждения, она меняет свою кору понемного: есть наводнения, нет всемирных потопов; есть землетрясения там-сям, нет общего переворота... Виды останавливются консолидируются на разных возможностях, больше или меньше, в ту или другую сторону односторонних; они их удовлетворяют, перешагнуть их они почти не могут, а если б и перешагнули, то в смысле той же односторонности. Моллюск не домогается сделаться раком, рак — форелью, Голландия — Швецией... если б можно было предположить животные идеалы, то идел рака был бы тоже рак, но с более совершенным организмом. Чем ближе страна к своему окончательному состоянию, тем больше она считает себя средоточием просвещения и всех совершенств, как Китай, стоящий без соперников, как Англия и Франция, не сомневающиеся в своем антагонизме, в своем соревновании, в своей взаимной ненависти, что они передовые страны мира. Пока одни успокоиваются на достигнутом, развитие продолжается в несложившихся видах возле, около *готового*, совершившего свой цикл вида.

Везде, где людские муравейники и ульи достигали относительного удовлетворения и уравновешения, движение вперед делалось тише и тише, фантазии, идеалы потухали. Довольство богатых и сильных подавляло стремление бедных и слабых. Религия являлась всехскорбящей утешительницей. Все, что сосало душу, по чем страдал человек, все, что беспокоило и оставалось неудовлетворенным на земле,— все разрешалось, удовлетворялось в вечном царстве Ормузда, превыше Гималая, у подножия престола Иеговы. И чем безропотнее выносили люди временные несчастия земной жизни, тем полнее было небесное примирение, и притом не на короткий срок, а во веки веков.

Жаль, что мы мало знаем внутреннюю повесть азиатских народов, вышедших из истории, мало знаем те периоды без событий, которые предшествовали у них насильственному вторжению диких племен, все избивавших, или хищной цивилизации, все искоренявшей и перестроивавшей. Она нам показала бы в элементарных и простых формах, в тех пластических, библейских образцах, которые создает один Восток, выход народа из исторического треволнения в покойное statu quo [1] жизни, продолжающейся в бесспорной смене поколений — зимы, весны, весны, лета...

Тихим, невозмущаемым шагом идет Англия к этому покою, к незыблемости форм, понятий, верований. На днях «Теймс» поздравлял ее с отсутствием интереса в парламентских прениях, с безропотностью, с которой работники умирают с голоду, «в то время как еще так недавно их отцы, современники О'Коннора», потрясали страну своим грозным ропотом. Прочно, как вековый дуб, стоит, глубоко пустивши корни, англиканская церковь, милосердо допуская все расколы и уверенная, что все они далеко не уйдут. Упираясь по старой памяти и кобенясь, низвергается Франция задом наперед, чтоб придать себе вид прогресса. За этими колоссами пойдут и остальные двумя колоннами, некогда пророчески соединенными под одним скипетром... С одной стороны, худой, суровый, постный тип испанца, задумчивого без мысли, энтузиаста без цели, озабоченного без причины, принимающего всякое дело к сердцу и не умеющего ничему помочь,— словом, тип настоящего Дон-Кихота Ламанчского. С другой — дородный тип голландца, довольного, когда он сыт, напоминающий Санчо-Пансу.

Не оттого ли здесь дети *старше* своих отцов, старше своих дедов и могут их назвать à la Dumas jun. «блудными отцами» *, что старость-то и есть главная характеристика теперь живущего поколения? По крайней мере, куда я ни смотрю, я везде вижу седые волосы, морщины, сгорбившиеся спины, завещания, итоги, выносы, *концы* и все ищу, ищу *начал*,— они только в теории и отвлечениях.

10 августа 1862 г.

---

[1] существующее положение (лат.).— *Ред.*

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Прошлым летом приезжает ко мне в Девоншир один приятель, саратовский помещик и большой фурьерист.

Сделай одолжение, не сердись на меня, т. е. это не помещик мне сказал, а я тебе говорю, за то, что я беспрестанно сворачиваю с дороги. Вводные места — мое счастие и несчастие. Один француз, литератор времен Реставрации, классик и пурист, не раз говаривал мне, продолжительно и академически нюхая табак (так, как скоро перестанут нюхать): «Notre ami abuse de la parenthèse avec intempérance!» [1] Я за отступления и за скобки всего больше люблю форму писем — и именно писем к друзьям,— можно не стесняясь писать что в голову придет.

Ну, вот мой саратовский фурьерист в Девоншире и говорит мне:

— Знаете ли, какая странность? Я теперь был первый раз в Париже, ну — конечно... что и говорить, а если разобрать поглубже, в Париже скучно... право, скучно!

— Что вы? — говорю я ему.

— Ей-богу.

— Впрочем, отчего же вы думали, что там весело?

— Помилуйте, после саратовских степей.

— Может, именно поэтому. А впрочем, не оттого ли вам было в Париже скучно, что там чересчур весело?

— Вы по-прежнему все дурачитесь.

— Совсем нет. Лондон, смотрящий сентябрем, нам больше по душе; впрочем, и здесь скука страшная.

— Где же лучше? Видно, по старой поговорке: *где нас нет!*

— Не знаю; а думать надобно, что и там не очень хорошо.

... Разговор этот, кажется, не то чтоб длинный или особенно важный, расшевелил во мне ряд старых мыслей о том, что в мозгу современного человека недостает какого-то рыбьего клея; оттого он не отстаивается и мутен от гущи: новые теории — старые практики, новые практики — старые теории.

И что за логика? Я говорю, что в Париже и Лондоне скучно, а он мне отвечает: «Где же лучше?», не замечая вовсе, что эту диалектику употребляли у нас дворовые люди прежнего

---

[1] «Наш друг чересчур злоупотребляет скобками!» (франц.).— *Ред.*

покроя; они обыкновенно на замечание: «Да ты, братец, кажется, пьян?» отвечали: «А разве вы подносили?»

На чем основана мысль, что людям где-нибудь хорошо? может, должно быть хорошо? и каким людям? и чем хорошо? Положим, что людям в одном месте лучше жить, чем в другом. Почему же Париж и Лондон — пределы этого «лучше»?

Разве по гиду Рейхардта?

Париж и Лондон замыкают том всемирной истории,— том, у которого едва остаются несколько неразрезанных листов. Люди, старающиеся из всех сил *скорее* перевернуть их, дивятся, что — по мере приближения к концу — в прошедшем больше, чем в настоящем, и досадуют, что два полнейшие представителя *западного мира садятся с ним вместе.*

В общих разговорах, носящихся, как некогда дух божий над водами,— удаль и отвага страшные, а как дойдет не только до дела, а до критической оценки событий — все забыто, и старые весы, и старые аршины вытаскиваются из бабушкиной кладовой.

— Обветшалые формы только и могут спастись — совершенным перерождением; Запад должен возродиться, как феникс, в огненном крещении.

— Ну, так с богом в полымя его.

— А как он не возродится ... а опалит свои красивые перья или, пожалуй, сгорит?

— В таком случае продолжайте его крестить *водой* и не скучайте в Париже. Вот мой отец, например: он жил лет восемь в Париже и никогда не скучал; он через тридцать лет любил рассказывать о праздниках, которые давали маршалы и сам Наполеон, об ужинах в Palais Royal, на которых являлись актрисы и оперные танцовщицы, украшенные брильянтами, выковырянными из побежденных корон; об Юсуповых, Тюфякиных и других princes russes [1], положивших там больше крестьянских душ, чем их легло под Бородином. С разными переменами и un peu plus canaille [2] то же существует и теперь. Маршалы *биржи*

---

[1] русских князьях (франц.).— *Ред.*

[2] в несколько опошленном виде (франц.).— *Ред.*

дают праздники не хуже боевых маршалов, ужины с улицы St.-Honoré переехали на Елисейские Поля, в Булонский лес... Но вы человек серьезный — больше любите смотреть за кулисы всемирной истории, чем за кулисы оперы... вот вам парламент, и два,— чего же вам больше?.. С какой завистью и болью слушал я, бывало, людей, приезжавших из Европы в тридцатых годах,— точно будто у меня отняли все то, что они видели... а я не видал. Они тоже не скучали, а много надеялись — кто на Одилона Барро, кто на Кобдена. Умейте же и вы не скучать... и во всяком случае будьте сколько-нибудь последовательны; и, если вам все-таки скучно, ищите причину. Может, найдете, что вы требуете пустяков, тогда лечитесь; это скука праздности, пустоты, неуменья найтиться. А может, вы найдете другое — что вам оттого скучно, что на стремления, больше и больше растущие в сердце и мозгу современного человека, Париж и Лондон не имеют ответа, что́ вовсе не мешает им представлять высшее развитие и блестящий результат былого, богатые концы богатого периода.

Я это говорил десять раз. Но без повторений обойтись невозможно. Люди привычные знают это. Я как-то сказал Прудону о том, что в его журнале часто помещаются почти одинакие статьи, с небольшими вариациями.

— А вы воображаете,— отвечал мне Прудон,— что раз сказали, так и довольно, что новая мысль так вот и примется сразу. Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, беспрерывно повторять — чтоб мысль не только не удивляла больше, не только была бы понята, а усвоилась бы, получила бы действительные права гражданства в мозгу.

Прудон был совершенно прав. Есть две-три мысли, особенно дорогие для меня, я их повторяю около пятнадцати лет; факт за фактом подтверждает их с ненужной роскошью. Часть ожидаемого совершилась; другая совершается перед нашими глазами. А они так же дики, неупотребительны, как были.

И что всего обиднее — люди будто понимают вас, соглашаются, но мысли ваши остаются в их голове чужими, не идущими к делу, не становятся той непосредственностью сознания и нравственного быта, которая вообще лежит в бесспорной основе наших мнений и поступков.

От этого двойства люди, по-видимому, очень развитые, беспрестанно поражены неожиданным, взяты врасплох, возмущаются против неминуемого, борются с неотразимым, идут мимо нарождающегося и лечат всеми аллопатиями и гомеопатиями — дышащих на ладан. Они знают, что их часы были хорошо поставлены, но, как «неоплаканный» Клейнмихель *, не могут понять, что меридиан не тот.

Доктринерство, схоластика мешают пониманью, простому, живому пониманью больше, чем изуверство и невежество. Тут остались инстинкты мало сознанные, но верные; сверх того, невежество не исключает страстного увлеченья, изуверство — непоследовательности, а доктрина верна себе.

Во время итальянской войны один добрый, почтенный профессор читал своим слушателям о великих успехах международного права; о том, как некогда крупно наброшенные основания Гуго Гроция, развиваясь, внедрились в народное и правительственное сознание; о том, как вопросы, которые прежде разрешались реками крови, несчастиями целых провинций, целых поколений, разрешаются теперь, как гражданские вопросы между частными людьми, на началах международной совести.

Кто же, кроме каких-нибудь старых кондотьеров по ремеслу, не будет согласен с доцентом, что это одна из величайших побед гуманности и образования над дикой силой? Беда не в том, что суждение доцента несправедливо, а в том, что человечество этой победы вовсе не одерживало.

Когда профессор красноречивой речью увлекал юношей в эти созерцания мира, на полях Маджента и Сольферино делались другие комментарии на международное право *. Итальянская война тем меньше могла быть устранена какими-нибудь амфиктионовыми судами, что на нее никакой международной причины не было, так как не было спорного предмета. Войну эту Наполеон вел с медицинской точки зрения, чтоб угомонить французов гимнастикой освобождения и потрясениями побед. Какой же Гроций и Ваттель могли бы разрешить такую задачу? Как же было возможно отстранить войну, которая была необходима для внутренних интересов? Не австрийцев, так кого-нибудь другого надобно было бить французам; остается радоваться, что именно австрийцы подвернулись.

Далее — Индия, Пекин *, война демократов за рабство черных, война республиканцев за рабство государственной нераздельности *. А профессор продолжает свое, слушатели тронуты, им кажется, что слышен последний скрып церковных ворот в Янусовом соборе, что воины сложили оружия, надели миртовые венки и взяли прялки в руки, что армии распущены и возделывают поля... И все это в то самое время, когда Англия покрывалась волонтерами, что ни шаг — мундир, что ни лавочник — ружье, французское и австрийское войско стояло с зажженными фитилями и сам принц, кажется, гессен-кассельский, поставил на военную ногу и вооружил револьверами двух гусар, мирно и безоружно ездивших за его каретой со времени Венского конгресса.

Вспыхни опять война,— а это зависело от тысячи случайностей, от одного выстрела кстати, в Риме, на границе Ломбардии,— она разлилась бы кровавым морем от Варшавы до Лондона. Профессор удивился бы, профессор огорчился бы. А «кажись, не подобает» * ни удивляться, ни огорчаться — история делается не за углом! Беда доктринеров в том, что они, как наш Дидро *, споря, закрывают глаза, чтоб не видать — противник хочет возражать; а противник-то их сама природа, сама история.

В дополнение конфузии не следует терять из виду, что *отвлеченно-логически* профессор прав и что, если б не сто человек, а сто миллионов человек понимали Гроция и Ваттеля, так они и не стали бы резать друг друга ни для моциона, ни из клочка земли. Да несчастье-то в том, что при нынешнем государственном устройстве могут понимать Гроция и Ваттеля сто человек, а не сто миллионов. Оттого-то ни лекции, ни проповеди не действуют, оттого-то ни отцы-доктринеры, ни духовные отцы не могут принесть нам облегчения; монахи науки, так же как и монахи невежества, не знают ничего вне стен своих монастырей, не поверяют своей теории, своих выводов по событиям, и тогда как люди гибнут от извержения волкана, они с наслаждением бьют такт, слушая музыку небесных сфер и дивясь ее гармонии.

Бакон Веруламский давным-давно уже разделил ученых на *пауков* и *пчел* *. Есть эпохи, в которых пауки решительно берут

верх, и тогда развивается бездна паутины — но мало собирается меду. Есть условия жизни, особенно способствующие паукам. Для меда надобны липовые рощи, цветистые поля и пуще всего крылья и общежительный образ мыслей. Для паутины достаточен тихий угол, невозмущаемый досуг, много пыли и безучастие ко всему вне внутреннего процесса.

В обыкновенное время по пыльной гладкой дороге еще можно плестись, дремля и не обрывая паутины, но чуть пошло через кочки да целиком — беда.

Была истинно добрая, покойная полоса европейской истории, начавшаяся с Ватерлоо и продолжавшаяся до 1848 года. Войны тогда не было, а международного права и постоянного войска — очень много. Правительства поощряли явно «истинное просвещение» и давили в тиши — *ложное;* не было большой свободы, но не было и большого рабства, даже деспоты все были добродушные, вроде патриархального Франца II, пиетиста Фридриха-Вильгельма и аракчеевского Александра; неаполитанский король и Николай были вроде десерта. Промышленность процветала, торговля процветала еще больше, фабрики работали, книг писалась бездна, это был золотой век для всех паутин,— в академических аулах и в кабинетах ученых сплелись ткани бесконечные!..

История, уголовное и гражданское право, право международное и сама религия — все было возведено в область чистого знания и падало оттуда самыми кружевными бахромами паутины. Пауки качались привольно на своих ниточках, никогда не касаясь земли. Что, впрочем, было очень хорошо, потому что по земле ползали другие насекомые, представлявшие великую идею государства в *момент самозащищения* и сажавшие слишком смелых пауков в Шпандау и другие крепости. Доктринеры всё понимали как нельзя лучше à vol d'araignée *. Прогресс человечества тогда был известен как высочайший маршрут инкогнито — этап в этап, на станциях готовили лошадей. А тут 24 *февраля,* 24, 25, 26 *июня,* 2 *декабря!*

Эти мухи были не по паутине.

Сравнительно слабый толчок Июльской революции — и тот убил наповал таких гигантов, как Нибур и Гегель. А еще торжество-то было в пользу доктринаризма — журналистика,

Collège de France, политическая экономия садились на первые ступени трона вместе с орлеанской династией. Оставшиеся в живых оправились и кой-как сладили с 1830 годом, они сладили бы, вероятно, и с республикой трубадура Ламартина.

Но как совладать с Июньскими днями?

Как со вторым декабрем?

Конечно, Гервинус поучает, что за демократическим переворотом *следует* эпоха централизации и деспотизма *, но все что-то было неладно. Одни начали поговаривать, не воротиться ли в средние века, другие — просто-напросто в католицизм; столпники революции указывали неподвижной рукой по всей железной дороге века — на 93 год, иудеи доктринаризма продолжали, вопреки фактам, свои лекции, ожидая, что человечество побалует да и воротится к Соломонову храму премудрости.

Прошло десять лет.

Ничего не удалось. Англия не сделалась католической, как хотел Донозо Кортес *, XIX век не сделался XIII, по желанию некоторых немцев, народы решительно не хотят ни французского братства (или смерть), ни международного права по Peace Society *, почтенного убожества по Прудону, ни киргизской диеты — меда и млека...

А *католики* несут свое...

Средневековики — свое...

Столпники 93 года — свое...

И все *доктринеры* — свое...

— Куда же человечество идет, если оно пренебрегает такими авторитетами?

— Может, оно само не знает.

— Да мы за него должны знать.

— Видно, не туда, куда мы думали. Оно и в самом деле трудно знать, куда попадешь, ехавши на шаре, который несколько месяцев тому назад чуть не угодил под комету, а не нынче — завтра даст трещину, как я тебе сообщал в прошлом письме.

1 сентября 1862.

КОНЦЫ!.. КОНЦЫ!..

(Постскриптум к четвертому письму)

...La foresta dorme; il leone è ferito!..[1]

«Il Diritto», 8 Septembre 1862.

... Да, любезный друг, трудно знать, куда попадешь, ехавши на земном шаре, не только потому, что комета за спиной, а под ногами возможная трещина, а потому, что мы несемся в одном поезде с странными товарищами и не можем ни выйти на полдороге, ни остановиться, ни направить путь... захватило и несет.

Ты, верно, помнишь ту итальянскую оперу, в которой представляется внутренний двор сумасшедшего дома; кругом запертые двери с окошечками, никого нет и все тихо, но при появлении героя оперы, при звуках его песни, во всех окошечках являются обезображенные больные и поют свой дикий хохот. На этот раз все знакомые лица в окошечках: Кошут, Клапка, молодые итальянские генералы, сам король — *честный* человек.

Концы!.. концы!..

И *Вечный город* опять выдвигается более черной массой из своего мрака. К этому обвалившемуся столбу, покрытому плесенью и мохом двух миров, все еще привязаны судьбы Запада и не могут оторваться никакой средобежной силой. Битый всеми бурями, полуразрушенный, отслужив свою службу Юпитеру и Христу, он пережил их. Идут века, никто о нем не думает, но доходит вопрос до наследства, до *начал* — и вдруг тянет с того конца, и люди невольно вспоминают, что старик на Тибре еще жив и духовную не отдавал; так и хочется его спросить, как Франц Моор спрашивал своего отца: «Что он, не в самом ли деле вечно хочет жить?» * Умел же он раз, одряхлевши от побед, сбросить с себя и лавровый венок и цезарскую мантию для того, чтоб постричься в монахи и начать новую жизнь? Умел же он отказаться от всех благ земных для удержания власти?.. умел же раз связать *концы с началами?..*

... На днях [2] я простился с Маццини *. Тяжело было это прощанье. В успех его дела я не верил, да и он сам не вполне

[1] ...Лес спит, лев ранен!.. (итал.).— *Ред.*

[2] 25 или 26 августа.

верил... идти назад, остановиться *им обоим* было поздно. Черед был за ними; два последних поэтических образа, две величавые тени высшей *вершины* революционного хребта должны были исчезнуть в рдеющем блеске горного заката. Два последних Дон-Кихота революции [1] — они безумно бросили перчатку целой части света, с верой в правое дело. С кучкой друзей они пошли на бой против военных поселений, называемых Францией, против армии, называемой Австрией, против французского департамента, называемого Италией,— безумно протестуя, во имя *родины и человеческого достоинства*, против штыков и военной дисциплины.

Седой, бледный, худой до прозрачности, сидел передо мной Маццини (месяца два тому назад он был при смерти болен); лицо его выражало скорбь и заботу, и только глаза старого орла светились прежней несокрушимой энергией. Я смотрел на него с бесконечной грустью, и мне пришло в голову обратное приветствие гладиаторов: «Идущим на гибель остающиеся в живых кланяются!» * Догадываясь, что происходило во мне, он отвечал мне на мое молчание:

— Да, может, мы и погибнем! Но Италия не вынесет нашей гибели!

А мне казалось — *вынесет;* только я ему не сказал этого.

Через четыре дня *все было кончено* *.

На этот раз нельзя жаловаться, чтоб мы долго ждали развязки.

И словно что-то оторвалось в сердце.

Прощайте, великие безумцы; прощайте, святые Дон-Кихоты!.. Много мечтаний, дорогих человеку, в которые он верил, вопреки уму, садятся с вами за небосклон, вы много унесете с собой; беднее будет жизнь без вас... пошлее... пока прозябнут новые идеалы новой весны... Вас помянут тогда; будущий Дант стихом, будущий Бонарроти резцом изваяют раненого льва под деревом *, народного вождя, пораженного единоплеменной пулей в горах дикой Калабрии, и худого старика, изгнанника, сходящего с Альп в обетованную родину, не зная, что все кончено.

[1] Просим вспомнить значение, которое мы дали этому слову в третьем письме. Дон-Кихот — один из самых трагических типов людей, переживающих свой идеал.

Задумается какой-нибудь северный Фортинбрас над этой группой, над этой повестью Горацию и, с раздумьем вздохнувши, пойдет в дубравную родину свою — на Волгу, к *своему* земскому делу.

Но при жизни побежденным вождям нечего ждать, да им нечего больше и жить. Они знают, *чья взяла;* они знают своих победителей; тут не может быть подозрения в ширь пониманья,— они везде встретят ликующую улыбку полицейских патриотов, подло-разумные рассуждения мещан (которые теперь уж могут вкусить в «Теймсе») и строгий приговор управы благочиния над *всемирной историей;* поверженных львов не только лягнет всякое копыто, их будет жалить всякая пчела, которая в своем улье будет перепечатывать трутням, что «*закон* ко всему глух», что «для него *такие* люди ни более, ни менее, как бунтовщики» [1] *. Итак, умрите, господа!

А жаль, жаль их — этих благородных прошедших!

... Человек ужасно непоследователен — сидит у изголовья умирающего, видит, как его силы падают, как дыханья недостает, как он весь слабеет, а все-таки рыдает у его гроба, как будто он не ждал его смерти.

И будем непоследовательны...

7 сентября 1862.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

«...В первые времена моей юности меня поразил один французский роман, „Arminius“, которого я впоследствии не встречал; может, он и не имеет больших достоинств, но тогда он на меня сильно подействовал, и я помню главные черты его до сих пор.

Все мы, больше или меньше, знаем встречу и столкновение двух исторических миров в первые века: одного — классического, образованного, но растленного и отжившего, другого — дикого, как зверь лесной, но полного непочатых сил и хаотических стремлений,— только знаем мы по большей части одну

[1] Какая тупая бестия должен быть этот закон!

официальную, *газетную* сторону их столкновения, а не ту, которая совершалась по мелочи, в тиши домашней жизни. Мы знаем гуртовые события, а не частные судьбы; не драмы, в которых без шума ломались жизни и гибли в личных столкновениях, кровь заменялась горькими слезами, опустошенные города — разрушенными семьями и забытыми могилами.

Автор „Arminius'a" попытался воспроизвести эту встречу двух миров у семейного очага: одного, идущего из леса в историю, другого — из истории в гроб. Всемирная история тут граничит со сплетнями и потому становится ближе к нам, доступнее, соизмеримее [1].

Не приходило мне тогда в мысль, что я сам попаду в такое же столкновение, что и в моей жизни развернется, со всей губящей силой своей, подобное столкновение, что и мой очаг опустеет, раздавленный при встрече двух мировых колес истории...

В нашем отношении к европейцам, при всем несходстве, которое я очень хорошо знаю, есть сходные черты с отношением германцев к римлянам. Несмотря на нашу наружность, мы все же варвары. Наша цивилизация накожна, разврат груб, из-под пудры колет щетина, из-под белил пробивается загар. У нас бездна лукавства диких и уклончивости рабов. Мы готовы дать плюху без разбора и повалиться в ноги без вины, но... но я упорно повторяю — мы отстали в разъедающей, наследственно зараженной тонкости западного растления.

У нас умственное развитие служит (по крайней мере служило до сих пор [2]) чистилищем и порукой. Исключения чрезвычайно редки. Образование у нас кладет предел, за который много гнусного не ходит, на этом основании во все николаевское время правительство не могло составить ни тайной полиции, ни полицейской литературы вроде французских.

На Западе это не так. И вот почему русские мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются в руки всякому человеку, касающемуся с сочувствием святынь их, понимающему их заповедные мысли,— забывая, что для него эти святыни давно перешли

---

[1] Я был до того увлечен «Арминием», что написал ряд подобных сцен, и их критически разбирал при мне в следственной комиссии (в 1834 г.) обер-полицмейстер Цынский.

[2] Всё это писано в 1855 году!

в обычную фразу, в форму, что большей частию он их повторяет, пожалуй, и добросовестно, но в том роде, в котором поп, думая вовсе о другом, благословляет встречного. Мы забываем, сколько других стихий напутано в сложной, усталой, болезненно пробившейся душе западного человека; сколько он уже источен, изношен завистью, нуждой, тщеславием, самолюбием и в какой страшный эпикуреизм высшего, болезненно-нервного порядка перегнулись перенесенные им унижение, нищета и горячечный бой соревнования.

Мы все это узнаем, когда удар нанесен; нас это ошеломляет. Мы чувствуем себя одураченными и хотим отомстить. Глядя на это, иногда мне кажется, что много прольется крови из-за столкновения этих двух разных развитий...»

Строки эти были писаны несколько лет тому назад [1] *.

Я и теперь того же мнения, несмотря на то, что русские пользуются в Европе репутацией самых развратных людей. Это происходит от бесцеремонности нашего поведения и от помещичьих ухваток. Мы уверили весь свет в нашей порочности, так, как англичане его уверили в своих семейных добродетелях. На самом деле ни то, ни другое — не очень глубоко. Русские за границей не только беспорядочно живут, но хвастаются своими дикими и распущенными привычками. По несчастью встречаясь, при самом переезде границы, с неловкой и подобострастной родиной кельнеров и гофратов, русские, как вообще недовоспитанные люди, перестают стесняться, распускаются еще больше и в этом задорном состоянии приезжают в Париж и Лондон. Мне случалось много раз замечать, как русские бросаются в глаза совершенными мелочами, а потом поддерживают первое впечатление какой-то вызывающей nargue [2], с которой они (великие мастера покорности и вытяжки дома!) не хотят покориться принятым обычаям. Русского узнают в больших отелях, потому что он кричит в общей зале, хохочет во все горло и непременно протестует, что нельзя курить в столовой. Вся эта заносчивость официанта, вышедшего за вороты господского дома, показывает гораздо больше недозрелости, непривычки к воле, чем глубокой испорченности; с этой

[1] Из ненапечатанной части «Былого и дум».

[2] развязностью (франц.).— *Ред.*

нравственной «сыростью» неразрывно хвастовство. Нам хочется, как четырнадцатилетним мальчикам, не только напиться, но и показать всему свету: «Вот, мол, как я нализался». А весь свет рассуждает иначе: он, глядя на *то,* что́ русские обнажают, думает, качая головой,— что же после этого скрыто-то у них? А там — ничего, как в ранце солдатском на параде, только вид, что туго набито.

Долгая цивилизация, перешедшая поколения и поколения, получает особый букет, который *разом* не возьмешь, в этом судьба людей схожа с судьбою рейнвейна. Выработанной пристойностью особенно увлекаться нечего, хотя ходить по ней, как по выметенной дорожке, гораздо приятнее. Мы, нельзя не признаться, дурно выметены — и грязи много, и жестких камней довольно.

Дрессура наша в образование свежа в памяти: она делалась через пень колоду, в том роде, как крестьянина, взятого во двор, стригут в немца и заставляют *служить.* Отрекаясь по высочайшему повелению от всего склада жизни народной, дворянство упорно сохранило все дурные ее стороны; бросая за борт вместе с предрассудками строгий чин и строй народного быта, оно осталось при всех грубо барских привычках и при всем татарском неуважении к себе и к другим. Тесная обычная нравственность прежнего времени не заменилась ни аристократическим понятием чести, ни гражданским понятием доблести, самобытности; оно заменилось гораздо проще немецкой казарменной дисциплиной *во фрунте,* подлым уничижением, подобострастным клиентизмом в *канцелярии* и ничем *вне службы.*

Вне службы дворянин превращался из битого денщика в бьющего Петра I; в деревне ему было полное раздолье, тут сам он становился капралом, императором, вельможей и отцом вотчины. Из этой жизни волка и просветителя вместе вышли все колоссальные уродства — от Бироновых заплечных мастеров и Потемкиных большого размера до Биронов-палачей и Потемкиных в микрометрическом сокращении; от Измайлова, секущего исправников *, до Ноздрева с оборванной бакенбардой; от Аракчеева всея России до батальонных и ротных Аракчеевых, *заколачивающих* в гроб солдата; от взяточников первых трех классов до голодной стаи пернатых, *записывающих* бедных

мужиков в могилу,— со всеми неистощимыми вариациями пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников. В их числе там-сям изредка попадался помещик, сделавшийся иностранцем для того, чтоб остаться человеком, или «прекрасная душа» Манилов, горлица-дворянин, воркующий в господском доме близ исправительной конюшни.

Казалось бы, что могло зародиться, вырасти, окрепнуть путного на этих грядах между Аракчеевыми и Маниловыми? Что воспитаться этими матерями, бившими лбы, резавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными перед всеми высшими, дикими тиранами со всем низшим? А именно между ними развились люди 14 декабря, фаланга героев, вскормленная, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Оно им пошло впрок! Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия. Но кто же их-то душу выжег огнем очищения, что за *непочатая сила* отреклась в них-то самих от *своей* грязи, от наносного гноя и сделала их мучениками будущего?..

Она была в них — для меня этого довольно теперь, я помечаю это и возвращаюсь к тому, что сказал: кабацкая оргия нашего разврата имеет характер какого-то неустоявшегося, неуравновесившегося брожения и беснований; это горячка опьянения, захватившая целое сословие, сорвавшееся с пути, без серьезного плана и цели,— но она не имеет еще той в глубь уходящей, той из глуби подымающейся, тонкой, нервной, *умной,* роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдают, умирают образованные слои западной жизни.

Но как же это случилось? Что за нравственный самум подул на образованный мир?.. Все прогресс да прогресс, свободные учреждения, железные дороги, реформы, телеграфы?..

Много хорошего делается, много хорошего накапливается, а самум-то дует себе да дует, какими-то memento mori [1], постоянно усиливаясь и сметая перед собой все, что на пути. Сердиться за это так же нечего, как сердиться на белок за то, что

[1] помни о смерти (лат.).— *Ред.*

они линяют, на море за то, что после прилива (и, как на смех, в самую лучшую минуту его) начинается отлив. К этому колебанью, к этому ритму всего сущего, к этой смене дня ночью пора привыкнуть.

Эпоха *линянья,* в которой мы застали западный мир, самая трудная; новая шкура едва показывается, а старая окостенела, как у носорога,— там трещина, тут трещина, но en gros [1] она держится крепко и приросла глубоко. Это положение между двух шкур необычайно тяжело. Все сильное страдает, все слабое, выбивавшееся на поверхность, портится; процесс обновления неразрывно идет с процессом гниения, и который возьмет верх — неизвестно.

Дай мне объяснить мою мысль в следующем письме. Может, я и успею тебе доказать, что это не manière de dire [2], не субъективное негодование (трудно, в самом деле, иметь личность с всемирной историей), а несколько черт, подмеченных глазами, свободными от куриной слепоты школьного доктринаризма и от темной воды мистицизма.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Мы остановились на том, что не надобно сердиться на белок за то, что они линяют, и за то, что всякий год зима следует за летом. Признание неотвратимого — сила. Только зная морские токи и постоянно сменяющиеся экваториальные ветры, без желания их исправлять, и можно плавать по океану.

Вглядись, как вообще дела делаются в природе. В каждой формации, в образовании каждого вида развитие идет на тех началах, с которыми определилось зачатие. Оно укрепляется, обособляется, получает больше или меньше безвозвратный характер от взаимного действия развивающихся начал и среды. Новые элементы могут превзойти, новые условия могут изменить направление, могут остановить начатое и заменить его совсем иным; но определившееся развитие, если оно не утратит своей индивидуальности, если оно продолжится, пойдет далее не-

---

[1] в общем (франц.).— *Ред.*

[2] манера выражаться (франц.).— *Ред.*

пременно с своей *особенностью,* развивая свою *односторонность* и односторонность своей среды, т. е. свой *частный случай.* Это нисколько не мешает соседям, по пространству или по времени, развивать всевозможные вариации на ту же тему, с разными восполнениями и недостатками, с своими односторонностями, сообразными другим условиям и другой среде. Только при начале образования видов есть неопределенная и бесхарактерная эпоха,— эпоха, так сказать, дозоологического состояния в яйце и зародыше.

О перерождении животных видов мы очень мало знаем. Вся *история* их вообще совершилась за спиной человека и в огромные периоды лет, в которых не было *свидетеля.* Перед нами стоят теперь оконченные, оседлые типы, до того далекие друг от друга, что всякий переход между ними невозможен. За каждым животным просвечивает длинная история — стремлений, прогресса, avortement [1] и уравновешения, в котором формы его успокоились наконец, не выполнив смутного идеала своего, но остановившись на возможном, на русском «живет и так».

Само собою разумеется, что естественные явления не имеют ни в чем ни резких границ, ни безвозвратных приговоров. Приостановившееся творчество, сведенное на одно повторение, может всегда быть разбужено; оно в некоторых случаях перешло из-под влияний планетных под влияние человека; он своей культурой развил растительные и животные виды, которые сами собою не развились бы.

Все это бросает огромный свет на вопросы, нас занимающие.

История представляет нам *на самом деле* схваченную, неосевшую, оседающую формацию, хранящую в памяти своей главные фазы развития и их переливы. Одни части рода человеческого достигли соответствующей формы и победили, так сказать, историю; другие в разгаре деятельности и борьбы творят ее; третьи, как недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всяких семян, для всяких посевов и всем дают неистощенную, тучную почву.

Так, как нельзя сказать, глядя на тихое море, что оно через час не будет вовлечено в бурю,— так нельзя положительно ут-

---

[1] недоразвитых форм (франц.).— *Ред.*

верждать, что Китай, например, или Япония будут продолжать века и века свою отчужденную, замкнутую, остановившуюся форму бытия. Почем знать, что какое-нибудь слово не падет каплей дрожжей в эти сонные миллионы и не поднимет их к новой жизни? Но если мы не имеем права безусловного, непреложного заключения, то из этого никак не следует, чтоб, всматриваясь и наблюдая, мы не имели права делать никаких заключений. Рыбак, глядящий на безоблачное небо во время безветрия, почти наверное будет прав, предполагая, что *через час* не будет бури.

Я только этого права и добиваюсь в рассматривании современной истории. Для меня очевидно, что западный мир доразвился до каких-то границ... и в последний час у него недостает духу ни перейти их, ни довольствоваться приобретенным. Тягость современного состояния основана на том, *что на сию минуту* деятельное меньшинство не чувствует себя в силах ни создать формы быта, соответствующего новой мысли, ни отказаться от старых идеалов, ни откровенно принять выработавшееся по дороге *мещанское государство* за такую соответствующую форму жизни германо-романских народов, как соответственна китайская форма — Китаю.

Мучительное состояние, колебанье и нерешительность делают жизнь Европы невыносимой. Успокоится ли она, отбрасывая предрассудки прошлого и упованья на будущее, или беспокойный дух западных *вершин* и *низов* смоет новые плотины — я не знаю; но во всяком случае считаю современное состояние каким-то временем истомы и агонии. Нельзя жить между двумя идеалами.

Один пример, со всеми подробностями, дает нам история.

Длинный процесс окончания древнего мира и водворения мира христианского представляют нам все формы исторической смерти, переселения душ и рождения. Целые государства остановились, вышли из движения, не взошли в христианскую формацию, одряхлели и разрушились. Дикие племена, едва собранные в правильные стада, сложились рядом с ними в новые, сильные государственные организмы... а Рим, древний город по превосходству, переродился в город по превосходству католический.

Те, которые отрицают внутреннюю необходимость смерти древнего Рима и находят, что он убит насильственно, забывают одно: что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежит в понятии живого организма, она вне его, за его пределом. Старчество и болезнь протестуют своими страданиями против смерти, а не зовут ее, и найди они *в себе силы* или *вне себя* средства, они победили бы смерть.

Варвары — варварами, но не надобно думать, что вся болезнь античного мира была от побоев. Мысль его, с тацитовских времен, явным образом становилась мрачной, усталой. Тягость, тоска доходили до самоубийства, до того, что весь мир чуть не сошел с ума и действительно повредился, поверив самой несбыточной теодицее и самому неестественному спасению, приняв отчаяние за утешение и религию смерти — за новую жизнь. Люди, которые не могли сойти с ума, удалялись с общей сатурналии похорон,— похорон в розовых венках с амфорами вин, похорон в венках терновых, с плачем о грехах мира сего,— и удалялись с них двумя небольшими дверями стоицизма и скептицизма.

Возле людей, презиравших смерть, возле людей, не веривших жизни, возле фанатиков, шедших на разрушение древней веси до последнего камня, и фанатиков, ожидавших, что древняя весь возникнет с допуническими добродетелями, была *компаковая* посредственность, толпа не слепых и не зрячих, толпа миопов, которые за недосугом ежедневных забот, за военными новостями, за сенатскими делами, придворными сплетнями, схоластической меледой и бесконечной задачей домашнего хозяйства ничего не видали: ни Катилину, ни смерти; пожимали плечами, слушая бред христианских якобинцев, презирали варваров и смеялись над их неотесанностью, не догадываясь, что эти лесные готтентоты, белобрысые и длинноволосые, идут на историческую смену.

Отслужили и варвары свою службу, отстояли свои часы; страшно богатая и широкая эпоха развилась ими, но и они дошли до пределов *своего* образования — им приходится отречься от основных начал своих или в них успокоиться.

Миру современной цивилизации очень трудно сладить с новыми началами, мучащими его. Что можно было поправить —

поправлено, что переворотить — переворочено; далее приходится хранить приобретенное или выйти из той *односторонности,* из того *частного случая,* который составляет его личность. Последнее слово католицизма сказано реформацией и революцией; они обнаружили его тайну; мистическое *искупление* разрешено политическим *освобождением.* Символ веры Никейского собора, основанный на отпущении греха христианину, выразился признанием прав каждого человека в символе последнего вселенного собора, то есть Конвента 1792 года. Нравственность иудейского пролетария и евангелиста Матфея — та же самая, которую проповедует женевский пролетарий и деист Ж.-Ж. Руссо. *Вера, любовь и надежда* при входе, *свобода, братство и равенство* при выходе.

В громах и ураганах, следовавших за торжественным 1789 годом, завершился германо-романский мир. Землетрясение французской революции шло вершинами и пропастями, великим и страшным, победами и террором, частными обрывами и потрясениями — до 1848 года: тут *аминь,* nec plus ultra [1]. Катаклизм, поднявшийся со времен Возрождения и Реформы, окончился.

Внутри идет работа: микроскопическое тканье, выветривание и наносы, «мышья беготня» * истории, вулканическая работа под землей, просасывание волосяными сосудами прошлой осени в будущую весну. Вверху страшные сновидения, мертвецы в старых доспехах и старых тиарах и фантастические, несбыточно светлые образы, мучительные страдания, безумные надежды, горькое сознание своей слабости и бессилия разума. Внизу бездонная пропасть стихийных страстей доисторического сна, детских грез, циклопической, кротовой работы; на это дно и голос человеческий не доходит, как ветер не доходит до глубины морской; иной раз только слышится там военная труба и барабан, зовущие на кровь, обещающие убийства и дающие разорение.

Между фантастами наверху и дикими внизу колышется *среднее состояние,* не имея ни силы гордо сказать свое *«Я царь!»,* ни самоотвержения идти в иезуиты или в социалисты.

[1] конец (лат.).— *Ред.*

Этот слой, колеблющийся *между двумя нравственностями,* и представляет, именно своим колебанием, ту среду порчи, о которой идет речь.

— Да как это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И разве есть две нравственности, разве не одна вечная, безусловная нравственность, une et indivisible? [1]

Абсолютная нравственность должна делить судьбу всего абсолютного — она вне теоретической мысли, вне отвлечений вовсе не существует. Нравственностей *несколько,* и все они очень относительные, то есть исторические.

Первые христиане высказали это очень прямо, очень смело, без обиняков и, объявивши, что новый Адам принес новую нравственность, что языческие добродетели для христианина — блестящие пороки, закрыли Платона, закрыли Цицерона и пошли тащить с пьедесталей златовласых Афродит, волооких Гер и другие *грешные святыни* старой нравственности.

Плиний смотрел на них как на дураков, Траян презирал их, Лукьян хохотал над ними, а они начали новый мир и *новую* нравственность. Их новая нравственность в свою очередь сделалась старой. Об этом у нас только и идет речь.

Революция что могла *секуляризовала* из катехизиса, но революция так же, как реформация, стояли на церковном погосте. У Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людвига XVI и Робеспьера были общие верования; они отличались, как раскольники,— оттенками. Вольтер, приехавший, закутавшись в шубу, в карете смотреть восхождение солнца и ставший на дрожащие колена с молитвой на устах,— Вольтер, благословивший Франклинова внука «во имя бога и свободы», такой же богослов, как Василий Великий и Григорий Назианзин, только разных толков. Лунный, холодный отсвет католицизма прошел всеми судьбами революций и в двенадцатый час ее еще развернул хоругвь с надписью «Dio e Popolo» [2].

Кое-где на вершинах начинается заря нового дня и борется с месячным светом, обличая вопиющее противоречие веры и

---

[1] единая и нераздельная (франц.).— *Ред.*

[2] «Бог и народ» (итал.).— *Ред.*

сознания, церкви и науки, закона и совести, но об этом на долинах не знают. Это для малого числа избранных.

Честный союз науки с религией невозможен, а *союз есть;* отсюда и делай заключение о нравственности, которая основана на таком союзе. Дело в том, что разум, боясь скандала, скрывает свою истину, наука скрывает свою беременность новым искупителем — не от Иеговы, а от Папа, и обе отмалчиваются, шепчутся, говорят шифрами или просто лгут, оставляя людей в совершенном хаосе сбивчивых понятий, в которых молитвы о дожде смешаны с барометрами, химия — с чудесами, телеграфы — с четками.

И это все как-то рутинно, по привычке, верь не верь, только исполняй известные приличия. Кто обманутый? Для чего все это? Одно обязательное правило и осталось сильным и общепринятым: *думай как знаешь,* но *лги,* как другие.

Пророки могут вести народы видениями и страстными словами, но не могут вести, скрывая дар пророчества или поклоняясь Ваалу.

Чему же дивиться, что пустота жизни растет с страшной быстротой, наталкивая людей неясным пониманьем, мертвящей скукой на всякого рода безумья — от игры на бирже до игры в вертящиеся столы?

По видимому все идет в порядке: солидные люди заняты ежедневными заботами, своими делами, возможными целями, они ненавидят всякие утопии и все перехватывающие идеалы, а в сущности это не так, и сами солидные люди с своими праотцами все, что ни выработали хорошего, выработали, постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности вроде католицизма, реформации, революции. Этих-то радуг больше и нет, по крайней мере оптический обман не обманывает больше.

Все прежние идеалы потухли, *все до единого,* от распятия до фригийской шапки.

...Помнишь ли ты ту страшную картину в ряде гениальной галиматьи Ж.-П. Рихтера, в которой он представляет, не помню à propos чего, как все кающиеся народы бегут, в день Страшного суда, испуганные, к кресту, молясь о спасении, о ходатайстве Сына божия? Христос отвечает коротко: «У меня нет отца!»

Такой ответ раздается теперь со всех крестов, к которым подходят уповающие народы, измученные борьбой, измученные путем. С каждой Голгофы громче и громче раздается: «У меня нет свободы!», «У меня нет равенства!», «У меня нет братства!» И обманутая надежда тухнет одна за другой, бросая догорающие лучи на печальные образы Дон-Кихотов, упорно не хотящих слышать голоса с Голгофы... Они машут людям, чтоб те шли скорее за ними, и один за другим исчезают в мгле зимних сумерек.

И это не все, люди с двойным ужасом стали разглядывать, что у революции — не только нет *отца,* но нет и *сына.*

Страшные, бесплодные Июньские дни 1848 были протестом отчаяния; они не создавали, они разрушали — но разрушаемое оказалось крепче. С взятием последней баррикады, с отправкой последней депортации без суда настает эра для *порядка.* Утопия демократической республики улетучилась так же, как утопия царства небесного на земле. *Освобождение* оказалось окончательно так же несостоятельным, как *искупление.*

Но общественное брожение не настолько успокоилось, чтоб люди занялись тихо своим делом; надобно было *занять умы,* а без утопий, без эпидемических увлечений идеалами плохо. Хорошо еще, если б без них обманутые в ожидании народные массы только бы плеснели и загнивали на ирландский манер, как стоячая вода; а то, пожалуй, они поднимутся одичалые и попробуют своими самсоновскими мышцами — крепки ли столбы общественной храмины, к которым они прикованы!

Где же взять безопасные идеалы?

Затрудняться нечего — в душе человеческой обителей много. Сортировка людей по народностям становилась больше и больше бедным идеалом в этом мире, схоронившем революцию.

Политические партии распустились в *национальные* — это не только шаг за революцию, но шаг за христианство. Общечеловеческие стремления католицизма и революций уступили место языческому патриотизму, и честь знамени осталась единственной, неприкосновенной честью народов.

Когда мне приходит в голову, что двенадцать лет тому назад в парижских салонах гуляка и шут Ромье проповедовал во всеуслышание, что возбужденные революционные силы

надобно своротить с их страшной дороги и направить на вопросы национальные, пожалуй, династические *, я невольно, по старой памяти, краснею от стыда.

Воевать, за что б то ни было, надобно, иначе в этом застое нападет китайский сон — ну, а его долго не разбудишь. Да нужно ли будить? В этом-то и вопрос.

Последним могиканам XVIII столетия, Доп-Кихотам революции, социалистам и долею литераторам, поэтам и вообще всяким эксцентричностям спать не хочется, и они, насколько могут, мешают массам — заснуть. Неречистое мещанство совестится признаться, что ему спать хочется, и туда же бормочет в полусне неясные слова о прогрессе, свободе...

Будить надобно войной. А есть ли во всей оружейной палате прошлого знамя, хоругвь, слово, идея, из-за которых бы люди пошли драться, которых бы они не видали опозоренными и в грязи... suffrage universel [1], может быть?..

Нет, не пойдет человек нашего времени ни за один развенчанный идол с тем светлым самоотвержением, с которым шел его предок на костер за право петь псалмы, с той гордой самоуверенностью, с которой шел его отец на гильотину — за единую и нераздельную республику. Ведь он знает, что ни псалмы, петые по-немецки, ни освобождение народов по-французски ни к чему не ведут.

А за *незнакомого бога,* тайком идущего за стенкой,— умирать нельзя. Пусть он прежде скажет, кто он такой, пусть признает себя за бога и с дерзостью св. Августина скажет в глаза старому миру, что его «добродетели — пороки, что его истины — нелепость и ложь».

Ну — это будет не сегодня и не завтра.

Благоразумный человек нашего века, как Фридрих II,— esprit fort [2], в своей комнате и esprit accommodant [3] на площади. Входя в свой кабинет, из которого высылались лакеи, король делался философом; но выходя из него, философ делался королем.

...Вот тут-то «быки и стоят перед горой»! *

---

[1] всеобщее избирательное право (франц.).— *Ред.*

[2] вольнодумец (франц.).— *Ред.*

[3] приспособленец (франц.).— *Ред.*

А впрочем, нельзя отрицать, что свет разума все больше и больше рассеивает тьму предрассудков... всего досаднее, что людям недосуг и рано умирают,— только начнет в ум входить человек, глядишь — а уже и несут на кладбище. Невольно вспомнишь известную лошадь, которую пастор совсем было отучил от еды, да смерть помешала.

...В альпийских ледниках всякое лето оттаивает кора льда, но масса его так толста, что осень всякий раз захватывает на полдороге дело лучей солнечных, и кора опять начинает замерзать,— иногда, впрочем, не достигая прежней толщины. Метеорологи рассчитывали много раз, сколько веков и веков необходимо лету работать над зимой, чтоб распустить весь лед. Многие сомневаются, чтоб вообще солнце само по себе дошло до этого,— разве вулканический взрыв поможет.

В истории этот счет еще не делан.

20 октября 1862.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Шесть дней на работу, а седьмой на отдых. Недаром Моисей и Прудон защищают день субботний. Однообразный труд страшно утомляет. Надобно периодические паузы, в которые человек, вымывши руки и надев чистое платье, идет не на работу, а гулять, посмотреть на добрых людей, посмотреть на природу, одуматься, свободно вздохнуть, «воскреснуть» [1].

Вот и я сделал себе из моей периодической болтовни о «концах» и «началах» воскресную рекреацию, и ухожу в нее от ежедневных диссонансов, газетных мерзостей и будничных споров, в которых меняются часы и числа, но мнения и речи остаются те же... ухожу, как в какую-нибудь отдаленную келью, из окон которой не видать многих подробностей, не слыхать многих звуков, но ясно видны молчащие очерки близких и далеких гор и внятно доходит морской гул.

---

[1] Sie feiern die *Auferstehung* des Herrn,
Denn sie sind selber auferstanden,
Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern.
«Faust»*.

Может, ты найдешь, что я невесело праздную свои праздники,— вспомни, что я в Англии, где из всех скучных дней воскресенье самый скучный.

Ну, что ж делать, поскучай еще раз, а я, с своей стороны, постараюсь как можно забавнее тебе рассказать те печальные вещи, о которых мы говорим.

Да точно ли они печальны? И не пора ли, если б и в самом деле было так, примириться с ними? Нельзя вечно горевать о вещах, которые не в нашей воле переменить. Не лучше ли подобру да поздорову проверить приходо-расходные книги, достающиеся нам по наследству и, забывая неумеренные траты и невознаградимые потери, принять с смирением духа итог за новую точку отправления. Тоскуй сколько хочешь, делу не поможешь; мало ли кто как *мог* употребить свой наследственный капитал; мало ли кто что грезил, получая его, и что мы грезили за него... *Симфония эроика* кончена, начинается деловая жизнь. Вино отшипело, будем пить *сухую* tisane de champagne [1]. Оно не так вкусно, но, говорят, здоровее.

Часть образованного мира страждет стародевической тоской о счастии, которого она не утратила, а вовсе не имела. И вместо того, чтоб твердо решиться на вдовство без замужества, хнычет о том, что *идеал* молодых лет не похитил, не увез ее... что делать? — не увез, а теперь поздно.

Люди досадуют за то, что у них нет крыльев, и от этого не заботятся об обуви. Тягость европейской жизни в наиболее развитых слоях в прямой зависимости от ее ложного положения между несбыточными мечтами и пренебрежением того, что есть.

Рядом с идеалами серафимских крыльев, больше и больше пропадающими в мраке прошедшего, и идеалами других крыльев, исчезающих в будущем, сложился целый самобытный мир, на который мечтатели сердятся за то, что он исполнил то, что мог, а не то, что они ожидали, т. е. не крылья. Пока этот мир не признают власть и право имущим, до тех пор продолжится лихорадочное брожение, постоянная ложь в жизни, невольная измена и своему идеалу и практической реальности, которая

---

[1] шампанскую настойку (франц.).— *Ред.*

обличается в беспрерывном противоречии слов и дел, фразы и поведения.

Мир этот не боек на словах и не речист, несмотря на то, что он создал великий рычаг, стоящий рядом с паром и электричеством, рычаг афиши, объявлений, *реклам*,— и со всем тем он не умеет стать во весь рост, во всю толщину и громко сказать народам: «Я — альфа и омега вашего развития; идите ко мне, и я успокою вас, дам что дать можно; но перестаньте толкаться во все двери, которые вам не отпираются,— одни потому, что некому отпереть, другие потому, что никуда не ведут. Помните, наконец, что нет вам бога разве меня, и перестаньте поклоняться всем кумирам на свете и желать всяких крыльев на свете. Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономию, социальные теории и безусловное право собственности. Доселе моя власть существует как факт, но не как признанная основа нравственности, даже не как знамя, и еще хуже — меня отрицают, меня оскорбляют в церквах и академиях, в аристократических залах и сходках клубистов, в речах и в проповедях, в романах и журналах... Мне надоела роль провинциальной родни, от которой столичные фаты получают деньги и домашние запасы, но о которой умалчивают или говорят краснея. Я не только хочу царствовать, но хочу одеться в порфиру».

Да, любезный друг, пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что *мещанство* окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие — état adulte; *им* замыкается длинный ряд его сновидений, оканчивается эпопея роста, роман юности — все, вносившее столько поэзии и бед в жизнь народов. После всех мечтаний и стремлений... оно представляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжким трудом свои зимние квартиры. Пусть другие покажут свою прыть. Время от времени, конечно, будут еще являться люди прежнего брожения, героических эпох, других формаций — монахи, рыцари, квекеры, якобинцы, но их мимолетные явления не будут в силах изменить главный тон.

Великие стихийные ураганы, поднимавшие всю поверхность

западного моря, превратились в тихий морской ветерок, не опасный кораблям, но способствующий их прибрежному плаванью. Христианство обмелело и успокоилось в покойной и каменистой гавани Реформации; обмелела и революция в покойной и песчаной гавани либерализма. Протестантизм, суровый в мелочах религии, постиг тайну примирения церкви, презирающей блага земные, с владычеством торговли и наживы. Либерализм, суровый в мелочах политических, умел соединить еще хитрее постоянный протест против правительства с постоянной покорностью ему.

С такой снисходительной церковью, с такой ручной революцией... западный мир стал отстаиваться, уравновешиваться: все, что ему мешало, утягивалось мало-помалу в тяжелевшие волны — как насекомые, захваченные смолой янтаря. Задыхаясь, испустил крик досады Байрон и бежал один из первых *куда-нибудь*... в Грецию [1]. Стоически оставшись в Франкфурте, медленно задыхался Шопенгауэр, помечая, как Сенека, с разрезанными венами, прогресс смерти и приветствуя ее как избавительницу... Это нисколько не мешало повороту всей европейской жизни в пользу тишины и кристаллизации, напротив, он становился яснее и яснее. Личности стирались, родовой типизм сглаживал все резко индивидуальное, *беспокойное*, эксцентрическое. Люди, как товар, становились чем-то гуртовым, оптовым, дюжинным, дешевле, плоше врозь, но многочисленнее и сильнее в массе. Индивидуальности терялись, как брызги водопада, в общем потопе, не имея даже слабого утешения «блеснуть и отличиться, проходя полосой радуги». Отсюда противное нам, но естественное равнодушие к жизни ближнего и судьбе лиц: дело в типе, дело в роде, дело в деле, а не в лице. Сегодня засыпало в угольной копи сто человек, завтра будут засыпаны пятьдесят, сегодня на одной железной дороге убито десять человек, завтра убьют пять... и все смотрят на это как на частное зло. Общество предлагает страховаться... что же оно может больше сделать?.. В перевозимом товаре, живом и мертвом, оттого, что убили чьего-нибудь отца или сына, недостатка не мо-

[1] До какой степени развитые люди чувствовали тогда свое отчуждение и выдумывали себе жизнь, занятия и проч., ты можешь ясно видеть в «Recollection of the last days of Byron and Shelley» Трелоне.

жет быть; в живых снарядах для углекопей тоже. Нужна лошадь, пужен работник, а уж именно саврасая ли лошадь или работник Анемподист — совершенно все равно. В этом *все равно* — вся тайна замены лиц массами, поглощение личных самобытностей родом.

Одна буря было подымалась, грозя всех разбудить и помешать мещанской кристаллизации, снести колокольни и каланчи, ограды и таможни, но — вовремя отведенная громоотводами — она вне игры. И легче себе представить Европу, возвратившуюся в католицизм времен Григория Гильдебрандта по приглашению Донозо Кортеса и графа Монталамбера, чем социальной республикой по рецепту Фурье или Кабэ. Впрочем, кто же теперь серьезно говорит о социализме! С этой стороны западный мир может быть доволен — ставни закрыты, зарниц не видать, до грому далеко... он может спокойно покрыться стеганым одеялом, повязать фуляр и погасить свечу.

Gute Nacht, gute Nacht,
Liebe Mutter Dorothee! [1]

Но у бедной матери Доротеи, как у Гретхен, брат солдат и, как все солдаты, любит шум и драку и не дает спать. Она бы его давно сбыла с рук, да есть кой-какие дорогие пожитки, так насчет голодных соседей без сторожа нельзя. Ну, а брату мало быть сторожем — амбиция. «Я, говорит, рыцарь, жажду подвигов и повышений».

...Да, если б можно было свести войско на опричников собственности, на телохранителей капитала и лейб-гвардию имущества, все бы быстро достигнуло прочного, окончательного строя. Но в мире нет ничего совершенного, и наследственный рыцарский дух мешает покойному осаждению докипающей жизни и поддерживает брожение. Как грабеж ни заманчив и кровожадность ни естественна людям вообще, но гусарская удаль и суворовский задор несовместны с совершеннолетием, с ровным и тихим развитием. Отвращение Китая от всего военного гораздо попятнее у сложившегося народа, чем николаевское пристрастие к «выпушкам, погончикам, петличкам» *.

[1] Спокойной ночи, спокойной ночи, дорогая матушка Доротея! (нем.).— *Ред.*

Вот тут и загвоздка! Что делать с *великим народом,* который хвастается тем, что он *народ военный,* который весь состоит из зуавов, пью-пью и французов, т. е. тоже солдат?..

Peuple de France — peuple de braves! [1].

Смешно говорить о покойных ночах, прогулках при лунном свете, о свободе политической, торговой и всяческой, когда пятьсот тысяч штыков, праздных и скучающих, требуют заявить свое «право на работу».

На то галльский петух, чтоб ни одна индейка, ни одна утка и ни один гусь в Европе не дремал покойно.

В самом деле, перейди Франция из военной службы в штатскую (без службы она уж не может жить) — и все пойдет как по маслу. Англия бросит в море ненужные ружья, купленные для рейфльменов [2], мой grocer Джонсон (and son [3]) первый променяет свой штуцер на удочку и пойдет в Темзе удить рыбу, Кобден ослабит все, что укрепил Пальмерстон, и фельдмаршала кембриджского выберут председателем Peace Society.

Но Франция и не думает выходить из военной службы — да и нельзя, на кого оставить Мексику *, папу римского * и *без малого* едипую Италию? * Знамя замешано — делать нечего!

Peuple de France — peuple de braves!

Как же быть?

Позволь мне на этом остановиться и рассказать новую встречу с одним старым знакомым *; он смелей меня, с своей точки зрения «поврежденного», решал эти вопросы.

Иду я как-то года два тому назад по Странду, смотрю — в дверях большой лавки с дорожными вещами хлопочет какая-то толстенькая, подвижная фигура, резко не лондонская, с разными признаками Италии, в светлосерой шляпе, в легком желтом пальто и с огромной черной бородой; мне казалось, что я где-то видал ее... всматриваюсь... он, точно он, мой здоровый, разбитной лекарь, с волчьими зубами и веселостью хорошего пищеварения, тот самый лекарь, с которым в былые времена мы «резали собак и кошек», как он выражался, и то не в Италии, а в анатомическом театре Московского университета.

---

[1] Французский народ — народ храбрецов! (франц.).— *Ред.*

[2] стрелков (англ. rifleman).— *Ред.*

[3] бакалейщик... и сын (англ.).— *Ред.*

— На этот раз,— сказал я русскому-итальянцу,— не вам первому достанется честь узнать старого знакомого.

— Eccolo! [1] Вот прелесть! Скажите, пожалуйста,— и он бросился меня целовать, так коротко он познакомился со мной во время своего отсутствия.

— Если вы будете часто так поднимать обе руки,— заметил я ему,— у вас непременно отрежут дорожный мешочек.

— Знаем, знаем, классическая страна воровства... Помните — Дон-Жуан, ну, там в конце, когда он возвращается в Лондон *.

— Помню. Ну, а ваш чудак с вами?

— Как же, он меня ждет в hôtel'e, сунулся было на улицу, да тотчас назад; такая, говорит, толпа и духота, что боюсь морской болезни,— вот меня и послал купить кой-какие вещицы на дорогу, мы завтра отправляемся в Техас.

— Куда?

— В Техас, ну, знаете, в Америке?

— Зачем?

— А зачем жили в Калабрии. Телемак-то мой ни на волос не переменился, только эдак солиднее прежнего заговаривается. Помните, как он вам толковал, что планета больна и что пора людям вылечиться от истории, вот он и убедился теперь, что лечение в Европе идет медленно,— ну он и едет в какой-то Техас. Я привык к нему, все по-прежнему спорим целый день, это людей ужасно связывает. Что же, посмотрим и Америку!

— Ну, а что в Калабрии?

— Ему-то там сначала понравилось; т. е., по-нашему, вся Калабрия хуже последнего уездного города в какой-нибудь Саратовской губернии,— там хоть бильярд есть, ну какая-нибудь вдовушка-чиновница, ну хоть какая-нибудь солдатка в слободке, а тут разбойники, пастухи да попы, да такие, что и не различишь, который разбойник, который пастух, который поп. Наняли мы там полуразвалившийся радклифовский вертеп; ящерицы, бестии, белым днем по полу ходят, а ночью нетопыри по зале летают, хлоп в стену, хлоп. Я, впрочем, уезжал несколько раз и в Неаполь и в Палермо... А каков Гарибальди?

---

[1] Вот он! (итал.).— *Ред.*

Вот человек-то, с таким не пропадешь!.. А он все сидел в своем замке, только раз съездил в Рим. Рим ему по вкусу пришелся, будто сейчас певчие перестали петь «Со святыми упокой!» Гамлет, гробокопатель!

— А что, ваш Гамлет показывается?

— Без сомнения. Он поминал вас несколько раз, «он, говорит, сбивается еще, а впрочем, на хорошей дороге», ха! ха! ха!

— И то хорошо. Пойдемте к нему.

— С удовольствием.

Евгения Николаевича я нашел сильно постаревшим. Лицо его, больше покойное, получило какой-то клерикально-задумчивый оттенок; сухая, матовая бледность придавала его лицу что-то неживое; темные обводы около глаз, больше прежнего впавших, делали зловещим прежнее грустное выражение их.

— Вы бежите от нас, Евгений Николаевич, за океан,— сказал я ему.

— И вам советую.

— Что же так?

— Утомительно-с очень здесь.

— Да ведь вы это знали и прежде, вы мне говорили это восемь лет тому назад.

— Это правда, но, признаюсь, я думал, что будет война.

— Какая война?

— Война! — и он покрутил рукой.

— Это вы в Калабрии сделались таким кровожадным?

— Мне, собственно, ничего, но больно быть свидетелем, вчуже жаль молодое поколение.

— Да войну вам на что? чтоб помочь молодому поколению?

— Я не виноват, вопрос так стал.

— Каюсь вам чистосердечно, что ясно вашей мысли не понимаю.

— Нашла коса на камень! — вставил Филипп Данилович.

— Это оттого, что вы и сомневаетесь, и верите. Это беда-с. «Ясно, что столы не вертятся», а тут вопрос: «Ну, а как столы в самом деле вертятся?» — оно и не ясно-с. Вот Филипп Данилович другое дело, он ортодокс, он и знает, как там прогресс идет и все так к лучшему. А я вот, как ни прикидываю, вижу,

что люди заступили за постромку и все дальше и дальше несутся в болото.

— Лошадь заступила за постромку, так ей ноги прочь, сейчас ампутацию. Радикальное лечение! — заметил лекарь.

— Найдите снадобье — и ампутации не надобно. А как его нет, так так и оставить больного? Западные народы из сил выбились, да и есть от чего, они хотят отдохпуть, пожить в свое удовольствие, надоело беспрестанно перестроиваться, обстроиваться да и ломать друг другу домы. У них все есть, что надобно,— и капиталы, и опытность, и порядок, и умеренность... что же им мешает? Были трудные вопросы, были любимые мечты — все улеглось. На что вопрос о пролетариате — и тот утих. Голодные сделались ревностными поклопниками чужой собственности, в надежде приобрести свою, сделались тихими лаццарони индустрии, у которых ропот и негодование сломлены вместе со всеми остальными способностями, и это, без сомнения, одна из важнейших заслуг фабричной деятельности... а покоя все нет как нет... держи войско, держи флоты, трать все выработанное на защиту,— кто же, кроме войны, может покончить с войском?

— Это гомеопатически клин клином вышибать,— заметил Филипп Дапилович.

— Можно ли,— продолжал мой чудак,— беззаботно работать в своем садике, зная, что возле, в ущелии, какой-пибудь вертеп бандитов, пандуров, янычар?

— Позвольте,— перебил Филипп Данилович,— одно слово: пари на бутылку бургопского, что вы пе знаете, кто эти тормозы просвещенья, прогресса — эти пандуры и янычары!

— Что ж, Австрия и Россия?

— Ха-ха-ха — наверняк обыграл! За вами бутылка шамбертен — я другого не люблю.

— Ну, помилуйте,— заметил с упреком Евгений Николаевич,— что же Австрия может сделать? Страна употребляет все усилия, чтоб пе умереть, натягивает все мышцы, чтоб части не расползлись, ну где же ей кому-пибудь грозить? Человек одной рукой придерживает ногу, чтоб она без него не ушла, а другой — голову, чтоб она не отвалилась. А тут говорят, что она на драку лезет. Пора и Россию после кампании отчислить из

пугал; ее не только никто не боится, но на нее никто и не надеется больше — ни сербы, ни болгары, ни все эти славянские патриоты, отыскивающие с IV столетия свое отечество и свою самобытность. Да это и хорошо, пусть Россия *«чает жизни будущего века»*, а в настоящем отучает чиновников воровать да помещиков драться. В Европе есть гнеты, почище устроенные, от которых воздуха в легких и покоя в сердце недостает.

— Так это вы Англию и Францию так чествте?

— Без сомнения; еще с Англией можно бы было как-нибудь сладить, она все эдак потихоньку, за углом, отрицательно давит, тут поддерживает дряхлое, там так притиснет молодое, что оно расти перестанет; голодного встретит, говорит ему: «Что ж, с богом, ты свободный человек, иди, я тебя не держу». А Франция... ну, помилуйте,— один батальон; за барабаном и двумя дудками вся Франция пойдет, куда хотите — в Казань, Рязань, а в Англию она и без барабана вплавь бросится, лишь бы в доках-то, в Сити похозяйничать, как в пекинском дворце. Кто мог ждать, что эти два заклятых врага будут покойно смотреть друг на друга с той ненавистью, которую не могли преодолеть ни века, ни образование, ни торговая выгода, и притом сдвигаясь все ближе и ближе, так что уж между Парижем и Лондоном остается только десять часов езды? С одной стороны Ламанша legion d'honneur [1], с другой — Habeas corpus *, и они терпят друг друга! Понимаете ли вы это — так страстно ненавидеть и не иметь духу? — После этого я решительно в Техас.

— Понять трудно, это правда, но что *оно так* — это не совсем дурно. Вот уже когда ваша война будет и французы переплывут Ламанш, чтоб *освободить* Англию, тогда я и сам отправлюсь в Техас.

— A la bonne heure! [2] — вскрикнул обрадованный Филипп Данилович.

— Дренаж-с, война — дренаж-с для расчистки места и воздуха. Где ж им в Лондоне остаться, Москва не Лондон, и то взяла всяких немцев по дороге да и пошла в Париж.

— Или у вас есть в запасе какой-нибудь Людвиг XIX?

— *В нем не будет надобности.*

---

[1] почетный легион (франц.).— *Ред.*

[2] В добрый час! (франц.).— *Ред.*

— Евгений Николаевич,— сказал я, помолчав,— и все-то это для того, чтоб дойти до голландского покоя, и за эту похлебку из чечевицы проститься с лучшими мечтами, с святейшими стремлениями.

— А чем худо,— заметил Филипп Данилович, снова показывая свои белые зубы,— есть сельди да вафли с чистой совестью и такой же салфеткой — в доме, который только что выстирали, с женой из рубенсовских мясов, и кругом мал мала меньше. Скидам, фаро и кюрасо, я больше ничего голландского не знаю. Ха-ха-ха, из чего бились все ваши Фурье да Овены!

—Не они одни; католики и протестанты, энциклопедисты и революционеры... все из чего бились? А их труд, их вера, их борьба, их гибель... это разве ничего? Вам еще надобно, чтоб и весь господня и Feste Burg [1], и фаланстер, и якобинская республика — все бы в самом деле осуществилось? Я помню...

Он приостановился и потом с каким-то внутренним умилением спросил меня:

— Испытали вы, что чувствует человек, когда он передает свое воззрение другому и видит, как оно всходит в пем?

— Все это хорошо, воля ваша,— перебил ученик Гиппократа,— да какой же прок с наслаждением переливать из пустого в порожнее? Хлопотать-то из чего?

— Эх, Филипп Данилович, мы-то с вами из чего хлопочем, не дошли же мы до того, чтоб лечиться от смерти, а ведь гробовой-то покой хуже голландского. Ну, да уж вам и бог простит, вы ортодокс. А вот вы-то как же эдак спотыкаетесь? — прибавил он, обращаясь ко мне, печально качая головой.

И потом, вдруг расхохотавшись своим нервным, невеселым смехом, сказал:

— Я вспомнил теперь одну немецкую книгу, в которой рассказывается о труженическом существовании крота,— очень смешно. Зверь маленький, с большими лапами, с щелочками вместо глаз, роет в темноте, под землей, в сырости, роется день и ночь, без устали, без рассеяния, с страстной настойчивостью. Едва перекусит каких-нибудь зернышек да червячков, и опять за работу, зато для детей готова норка, и крот умирает спокой-

---

[1] твердыня (нем.).— *Ред.*

но, а дети-то начинают во все стороны рыть норки для своих детей. Какова заплатная цена за пожизненную земляную работу? Каково соотношение между усилиями и достигаемым? Ха-ха-ха! Самое смешное-то в том, что, выстроивши свои отличные коридоры, переходы, стоившие ему труда целой жизни, он не может их видеть, бедный крот!

Этой моралью моего поврежденного я и заключу первый отдел «Концов и начал» и последний месяц 1862 года. Через два дня *Новый год,* с которым тебя поздравляю, надобно набрать к нему свежие силы на кротовую работу — лапы чешутся.

29 декабря 1862.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Мужайся, стой и дай ответ!

— ...Halte-là! Stop! [1]— сказал мне на этот раз не *поврежденный,* а, напротив, один *поправленный* господин, входя в мою комнату с «Колоколом» в руке.— Я пришел к вам объясниться. Ваши «Концы и начала» перешли всякую меру, пора честь знать и действительно положить им конец, сожалея о их начале.

— Неужели *до этой* степени?

— До этой. Вы знаете — я вас люблю, я уважаю ваш талант...

«Ну, подумал я, дело плохо, видно, „поправленный" не на шутку хочет меня обругать, а то не стал бы заезжать такими лестными апрошами» [2].

— Вот моя грудь,— сказал я,— разите.

Мое самоотвержение, смешанное с классическим воспоминанием, хорошо подействовало на раздраженного приятеля, и он с более добродушным видом сказал мне:

— Выслушайте меня покойно, без авторского самолюбия, без изгнаннической исключительности — к чему вы все это пишете?

— На это много причин. Во-первых, я считаю истиной то,

[1] Остановись! Стой! (франц.).— *Ред.*

[2] подходами (франц. approche).— *Ред.*

что пишу, а у каждого человека, неравнодушного к истине, есть слабость ее распространять. Во-вторых... впрочем, я полагаю, что и первого достаточно.

— Нет. Вы должны знать публику, с которой говорите, ее возраст, обстоятельства, в которых она находится. Я вам скажу прямо: вы имеете самое пагубное влияние на нашу молодежь, которая учится у вас неуважению к Европе, к ее цивилизации, в силу чего не хочет серьезно заниматься, хватает вершки и довольствуется своей широкой натурой.

— У! как вы состарились с тех пор, как я вас не видал; и молодежь браните, и воспитывать ее хотите ложью, как няньки, поучающие детей, что новорожденных приносит повивальная бабка и что девочка от мальчика отличается покроем платья. Подумайте лучше, сколько веков люди безбожно лгали с нравственной целью, а нравственности не поправили; отчего же не попробовать говорить правду? Правда выйдет нехороша, пример будет хорош. С вредным влиянием на молодежь — я давно примирился, взяв в расчет, что всех, делавших пользу молодому поколению, постоянно считали развратителями его, от Сократа до Вольтера, от Вольтера до Шеллея и Белинского. К тому же меня утешает, что нашу русскую молодежь очень трудно испортить. Воспитанная в помещичьих плантаторских усадьбах николаевскими чиновниками и офицерами, окончившая курс своих наук в господских домах, казармах и канцеляриях, она или не может быть испорчена, или уже до того испорчена, что мудрено прибавить много какой-нибудь горькой правдой о Западе.

— Правдой!.. Да позвольте вас спросить, правда-то ваша в самом ли деле правда?

— За это я отвечать не могу. Вы можете быть в одном уверены — что я говорю добросовестно, как думаю. Если же я ошибаюсь, не сознавая того, что же мне делать? Это скорее ваше дело раскрыть мне глаза.

— Вас не убедишь — и знаете почему?— потому что вы *отчасти* правы. Вы хороший *прозектор,* как сами говорили, и — плохой акушер.

— Да ведь и живу-то я не в maternité [1], а в клинике и в анатомическом театре.

[1] родильном доме (франц.).— *Ред.*

— А пишете для воспитательных домов. Детей надобно учить, чтоб они друг у друга каши не ели да не таскали бы друг друга за вихры, а вы их потчуете тонкостями вашей патологической анатомии. Да еще приговариваете: «Вот, мол, какие скверные потрохи были у западных стариков». К тому же у вас две меры и два веса. Взялись за скальпель, ну и режьте одинаким образом.

— Как же это, и живых-то резать? Страсти какие, да еще детей! Что же я за Ирод вам достался?

— Шутите как хотите, меня не собьете. Вы с большой чуткостью произносите диагнозу современного человека, да только, разобравши все признаки хронической болезни, вы говорите, что все это произошло оттого, что пациент — француз или немец. А те дома у нас и в самом деле воображают, что у них-то и молодость, и будущность. Все, что нам дорого в предании, в цивилизации, в истории западных народов, вы взрезываете без оглядки, без жалости, выставляя наружу страшные язвы, и тут вы в вашей прозекторской роли. Но валандаться вечно с трупами вам надоело. И вот вы, отрекшись от всех идеалов в мире, сотворяете себе новый кумир — не золотого тельца, а бараний тулуп,— да и давай ему поклоняться и славословить его: «Абсолютный тулуп, тулуп будущности, тулуп общинный, социальный!» Вы, которые сделали себе из скептицизма должность и занятие, ждете от народа, ничего не сделавшего, всякую благодать, новизну и оригинальность будущих общественных форм и в ультрафанатическом экстазе затыкаете уши, зажимаете глаза, чтоб не видать, что ваш бог в грубом безобразии не уступает любому японскому кумиру, у которого живот в три яруса, нос расплюснут до скул и усы сардинского короля. Вам что ни говори, какие ни приводи факты, вы «в восторге неком пламенном» толкуете о весенней свежести, о благодатных бурях, о многообещающих радугах, всходах! Чему же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей социально-славянофильской брагой, бродит потом, отуманенная и хмельная, пока себе сломит шею или разобьет нос об *действительную* действительность нашу. Разумеется, что и их, как вас, протрезвить трудно,— история, филология, статистика, неотразимые факты вам обоим нипочем.

— Позвольте однако, и я в свою очередь скажу, надобно знать меру,— какие же это *несомненные* факты?

— Бездна.

— Например?

— Например, факт, что мы, русские, принадлежим и по языку, и по породе к европейской семье, genus europaeum [1], и, следовательно, *по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге.* Я не слыхал еще об *утке,* которая, принадлежа к породе уток, дышала бы жабрами...

— Представьте себе, что и я не слыхал.

...Я останавливаюсь на этом приятном моменте полного согласия с моим противником, чтоб снова обратиться к тебе и отдать на твой суд таковые до чести и добродетели моих посланий относящиеся нарекания.

Грех мой весь в том, что я избегал догматического изложения и, может, слишком полагался на читателей; это привело многих в искушение и дало моим *практическим* противникам орудия против меня — разных закалов и не одинаковой чистоты. Постараюсь сжать в ряд афоризмов основы того воззрения, на которые опираясь, я считал себя вправе сделать те заключения, которые передавал, как сорванные яблоки, не упоминая ни о лестнице, которую приставлял к дереву, ни о ножницах, которыми стриг. Но прежде чем я примусь за это, я хочу тебе показать на одном примере, что мои строгие судьи не то чтоб были очень хорошо подкованы. Ученый друг, приходивший возмущать покой моей берлоги, принимает, как ты видел, за *несомненный факт,* за *неизменный физиологический закон,* что если *русские* принадлежат к *европейской семье,* то им предстоит та же дорога и то же развитие, которое совершено романо-германскими народами; но в своде физиологических законов такого параграфа не имеется.

Это мне напоминает чисто московское изобретение разных учреждений, постановлений, в которые все верят, которые все повторяют и которые, между прочим, никогда не существовали. Один мой (и твой) знакомый называл их *законами Английского клуба.*

---

[1] европейской породе (лат.).— *Ред.*

Общий план развития допускает бесконечное число вариаций непредвидимых, как хобот слона, как горб верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему собаки — волки, лисицы, гончие, борзые, водолазы, моськи... Общее происхождение нисколько не обусловливает одинаковость биографий. Каин и Авель, Ромул и Рем были родные братья, а какие разные карьеры сделали. То же самое во всех нравственных родах или общениях. Все христианское имеет сходные черты в устройстве семьи, церкви и пр., но нельзя сказать, чтоб судьба английских протестантов была очень сходна с судьбой абиссинских христиан или чтоб очень католическая австрийская армия была похожа на чрезвычайно православных монахов Афонской горы. Что утка не дышит жабрами — это верно; еще вернее, что кварц не летает, как колибри. Впрочем, ты, верно, знаешь, а ученый друг не знает, что в жизни утки была минута колебания, когда аорта не загибалась своим стержнем вниз, а ветвилась с притязанием на жабры; но имея физиологическое предание, привычку и возможность развиться, утка не останавливалась на беднейшем строении органа дыхания и переходила к легким.

Это значит просто-напросто, что рыба *приладилась* к условиям водяной жизни и далее жабр не идет, а утка идет. Но почему же это рыбье дыхание должно сдунуть мое воззрение, этого я не понимаю. Мне кажется, что оно, напротив, объясняет его. В «genus europaeum» есть народы, состарившиеся без полного развития мещанства (кельты, некоторые части Испании, Южной Италии и проч.), есть другие, которым мещанство так идет, как вода жабрам,— отчего же не быть и такому народу, для которого мещанство будет переходным, неудовлетворительным состоянием, как жабры для утки?

В чем же состоит та злая ересь, то отпадение от своих собственных принципов, от непреложных законов мироздания и от всех божественных и человеческих учений и уставов, что я не считаю мещанства окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому Россия стремится, и, достигая которого, она, вероятно, *пройдет* и мещанской полосой. Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни, может, Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это *может быть — может быть* и другое. И тем больше, что в том череду,

как стали вопросы, в случайностях места и времени развития, в условиях быта и жизни, в постоянных *складках* характера — бездна указаний.

Народ русский, широко раскинувшийся *между* Европой и Азией, принадлежащий каким-то двоюродным братом к общей семье народов европейских, он не принимал почти никакого участия в семейной хронике Запада. Сложившийся туго и поздно, он должен внести или свою полную неспособность к развитию или развить что-нибудь свое под влиянием былого и заимствованного, соседнего примера и своего угла отражения.

До нашего времени Россия ничего не развила своего, но кое-что сохранила; она, как поток, отражала верхним слоем теснившие ее берега, отражала их верно, но поверхностно. Влияние византийское, может, было самое глубокое; остальное шло по-петровски — брилась борода, стриглись волосы, резались полы кафтана; народ молчал, уступал, меньшинство переряжалось, служило, а государство, которому дали общий европейский чертеж,— росло, росло... Это обыкновенная история ребячества. Оно окончилось. В этом никто не сомневается — ни Зимний дворец, ни юная Россия. Пора стать на свои ноги, зачем же непременно на деревянные — потому что они иностранной работы? Зачем же наряжаться в блузу, когда есть своя рубашка с косым воротом?

Мы досадуем на бедность сил, на узкость взгляда правительства, которое в своей бесплодности усовершает наш быт тем, что вместо черно-желтой Zwangsjacke [1], в которой нас пасли полтораста лет, надевает трехцветную camisole de force [2], шитую по парижским выкройкам. Но тут не правительство, а мандарины литературы, сенаторы журнализма, кафедральные профессора проповедуют нам, что уж такой *неизменный закон физиологии:* принадлежишь к genus europaeum, так и проделывай все старые глупости на новый лад; что мы, как бараны, должны спотыкнуться на той же рытвине, упасть в тот же овраг и сесть потом вечным лавочником и продавать овощ другим баранам.

Пропадай он совсем, этот физиологический закон! И отчего

---

[1] смирительная рубашка (нем.).— *Ред.*

[2] смирительная рубашка (франц.).— *Ред.*

же это Европа была счастливее, ее никто не заставлял da capo [1] играть роль Греции и Рима?

В природе, в жизни нет никаких монополей, никаких мер для предупреждения и пресечения новых зоологических видов, новых исторических судеб и государственных форм; пределы их — одни невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшего. Не только фазы развития и формы быта изменяются, но создаются новые народы и народности, которых судьбы идут иными путями. На наших глазах, так сказать, образовалась новая порода, varietas [2] *сводно и свободно европейская.* Не только быт, нравы, приемы американцев развили свой особый характер, но наружный тип англосаксонский и кельтический изменился за океаном до того, что американца почти всегда узнаешь. Если достаточно было новой почвы для старых людей, чтоб из них сделать своеобразный, характеристический народ,— почему же народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и *это — зная очень хорошо, к чему они ведут?*

Да, но в чем же эти начала?

Я говорил много раз в чем, *ни разу не слышал* серьезного возражения и всякий раз опять слышу *одни и те же* возражения, добро бы от иностранцев, а то от русских...

Делать нечего, повторим и их опять.

15 января 1863.

---

[1] снова (итал.).— *Ред.*

[2] разновидность (лат.).— *Ред.*

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ

В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, террор не львиный, а телячий,— террор, в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, помогает общество, литература, народ, прогресс и регресс...

«День» запрещен *, «Современник» и «Русское слово» запрещены *, воскресные школы заперты *, шахматный клуб заперт *, читальные залы заперты *, деньги, назначенные для бедных студентов, отобраны*, типографии отданы под двойной надзор *, два министра и III отделение должны разрешать чтение публичных лекций *; беспрестанные аресты, сфицеры, флигель-адъютанты в казематах, инквизитор Голицын (jun. прежних времен) призван на совет в Зимний дворец с Липранди *... которого с омерзением оттолкнул года три тому назад тот же Александр II *.

Где свободные учреждения сверху вниз, где революция кверх ногами, где демагоги-абсолютисты министерства? Видно, не удивим мы Европу в тысячелетие, видно, николаевщина была схоронена заживо и теперь встает из-под сырой земли в форменном саване, застегнутом на все пуговицы — и Государственный совет, и протодиакон Панин, и Анненков-Тверской, и Павел Гагарин, и Филарет с розгой спеваются за углом, чтоб грянуть: «Николай воскресе!»

«Воистину воскресе!» — скажем и мы этим неумершим мертвым; праздник на вашей улице, только улица ваша идет не из гроба — а в гроб.

— Позвольте, позвольте, кто же виноват в этом? С одной стороны, горит Щукин двор, с другой —«Молодая Россия»...

— Да когда же в России что-нибудь не горело? Из этого петербургского удивления перед пожарами и поджогами только видно, что Петербург в самом деле иностранный город. Разве в 1834 году не горело Лефортово, Рогожская, Якиманская часть? * Разве прежде и после не выгорали губернские и уездные города, села и деревни? Поджоги у нас заразительны, как чума, и совершенно национальное выражение *пустить красного петуха* — чисто народное, крестьянское.

— Очень хорошо, мы знаем, что поджигательства были всегда, но «Молодая Россия»?

— Да что это за «Молодая Россия»? — спрашивали мы с беспокойством [1].

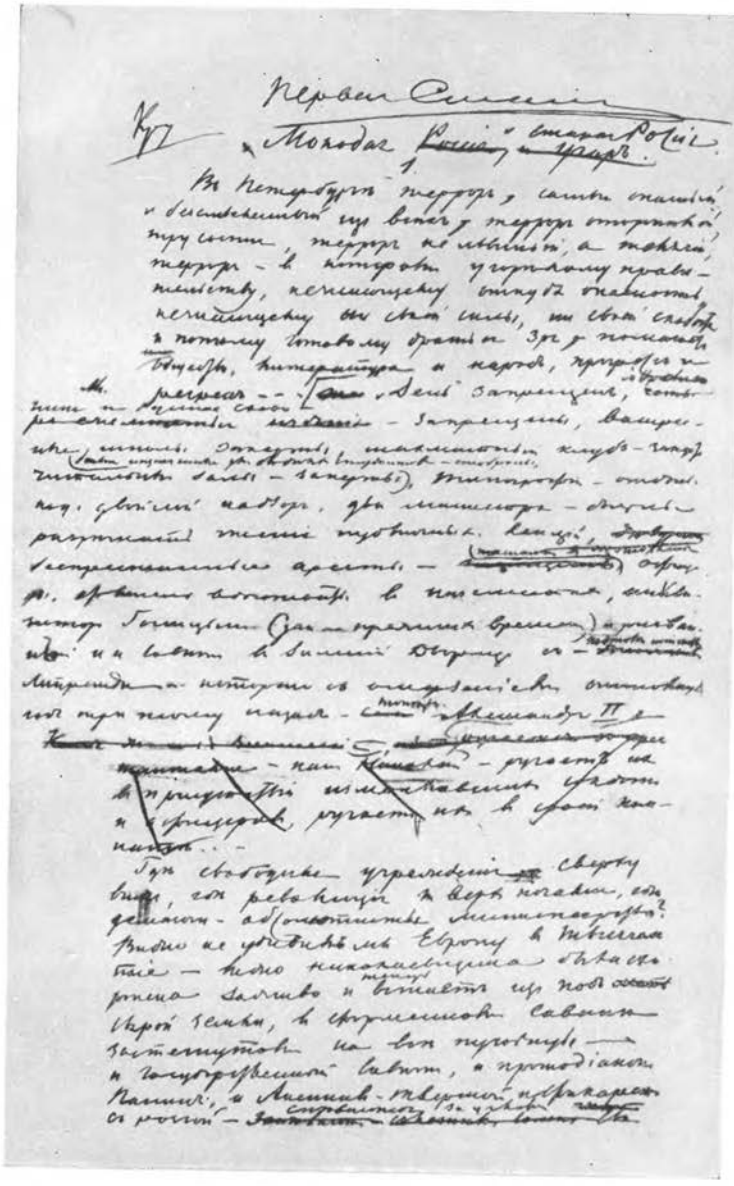
— О, это ужасная Россия! Знаете, отрицание всего, ничего святого, так-таки ничего: ни власти, ни собственности, ни семьи, никакого авторитета; для нее «Великорус» недалеко ушел от «Северной пчелы» и вы отсталый публицист.

Наконец-то этот лист, ужаснувший правительство и литературу, прогрессистов и реаков, цивилизованных парламентаристов и цивилизующих бюрократов, дошел и до нас.

Мы прочли его раз, два, три раза... со многим очень не согласны (и в другой статье поговорим об этом) *, но, по совести признаемся, не понимаем ни белую горячку правительства, ни хныканье добросовестных журналов, ни душесмятения платонических любовников прогресса... Маловерные, слабые люди! Как мало надобно вашим женским нервам, чтоб испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального; как мало надобно, чтоб ваши парные чувства простыли и свернулись; как мало — чтоб и вы туда же пустили свой камень в преследуемых. И никому из вас не пришло в голову того, что сказали и «Daily News» и «Star»: неурядица в России и лихорадочное волнение идет оттого, что правительство хватается за все и ничего не выполняет, что оно дразнит все святые стремленья человека и не удовлетворяет ни одному, что оно будит — и бьет по голове проснувшихся. Нет, господа, не попадете вы ни в ад, ни в рай, Харон вас отгонит веслом на пресный берег *.

---

[1] К сожалению, мы получили ее не прежде 1-го июля.



«МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ».
Страница рукописи (автограф Герцена).

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

Дело другое — открытое, энергическое положение, оно понятно. Для нас во всей этой оргии страха совершенно ясно и рельефно,— ясно, как на блюдечке, положение Липранди и *литературных* товарищей его в Москве *. Липранди как-то нашел средство в самых доносах перейти Рубикон и — свернулся; Николай не вовремя умер. Липранди поторопился с своей академией шпионства, как бы предупреждая по ясновидению семейную переписку московского академического сената с флотским начальником своим *,— словом, Липранди попал не в тон, и, как таракан, упавший на спину, долго не мог справиться, и, само собою разумеется, с восторгом ухватился за «Молодую Россию», чтоб стать опять на свои шесть ног. Для него «Молодая Россия» — точка опоры, и он поплелся устроивать свою карьеру да поправлять свои дела. Карьеру он составит, дела поправит, Филарет даст ему неба, которое нужно для души, государь даст ему земли, которая нужна для крестьян, все это понятно, тут есть логика. Литераторы, идущие на пристяжке III отделения, тоже понятны: они имеют очень реальные виды, они пишут из денег, из мести, из зависти, из самосохранения и пр.; они готовы своей доктринерской риторикой натягивать *круговую поруку* (знаменитое complicité morale! *) между неосторожными словами юноши и зажженным углем, подброшенным в сарай, между заревом революционных идей и заревом Щукина двора; из-за этого, может, кого-нибудь и повесят, но гражданская доблесть выше всего! Столько же понятна и *третья* категория, разрабатывающая пожары в свою пользу,— категория мошенников и воров, которые, пользуясь передрягой и общей бедой, обкрадывали погорелых. Эта отрасль практических эксплуататоров имеет, впрочем, перед своими товарищами одну огромную нравственную выгоду и не менее огромную практическую невыгоду в риске и опасности, сопровождающих воровство и нисколько не угрожающих доносам и намекам.

Оставляя в сторону *смирительную* литературу и будущих жильцов смирительного дома, мы обращаемся к действительно честным, но слабым людям и спрашиваем их: они-то чего испугались «Молодой России»? Добро бы они верили, что русский народ так и схватится за топор по первому крику: «Да здрав-

ствует социальная и демократическая республика русская!» Нет, они все хором говорят, что это невозможно, что народ этих слов не понимает и, напротив, озлобленный за пожары, готов растерзать тех, которые их произносят. И все-таки каждый *честный* человек считает себя обязанным ругнуть молодых людей, осыпать упреками и проклятиями,— считает себя обязанным ужасаться, возводить глаза горé.

Разберите-ка, господа, построже ваше чувство, и вы со стыдом увидите, что вас поразила не опасность, не ложь, не вред, *а продерзность* вольного слова; чувство *иерархической дисциплины* обижено — не по летам и не по чину говорят...

Если молодые люди (а для нас не подлежит сомнению, что летучий лист этот писан очень молодыми людьми) в своей заносчивости наговорили пустяков — остановите их, вступите с ними в спор, отвечайте им, но не кричите о помощи, не подталкивайте их в казематы, III отделение fara da se [1]; а шпионов не хватит — у него есть вспомогательная литература, которая только ждет конца русского, секретного, застеночного следствия, чтоб обвинить их в зажигательстве.

Итак, все это страшное дело, поставившее Российскую империю и Невский проспект на край социальнóго катаклизма, разорвавшее последнюю связь между хроническим и острым прогрессом, сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда *и не мог сделать*. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их мы не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут... Горячая кровь, il troppo giovanil' bollore [2], тоска ожидания, растущая не по дням, а по часам с приближением чего-то великого, чем воздух полон, чем земля колеблется и чего еще нет, а тут святое нетерпение, две-три неудачи — и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь — юношей-фанатиков.

В чем же уголовщина?

---

[1] само справится (итал.).— *Ред.*

[2] чрезмерный юношеский пыл (итал.).— *Ред.*

Если б правительство умело понимать и не хранило бы важную серьезность швейцара с булавой, как бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испуг мужественных либералов, гранитных прогрессистов, отважных защитников прав и свободы книгопечатания, неустрашимых обличителей, становых приставов и квартальных надзирателей — глядя, как они, голубчики, побежали под крылышки той же полиции, того же правительства, требуя даже мощным органом *рижской* газеты примерного наказания *. А вы знаете, что такое примерное наказание по образцовому своду нашему? Посмотрите-ка на уголовные законы, с особенной любовью отработанные кротким и добрым царем Николаем с еще более добрым и кротким рабом его и легистом Губе *... Стыдно вам! Вы всю жизнь молчали от страха перед дикой властью, помолчите же сколько-нибудь от страха будущих угрызений совести.

«Молодая Россия» нам кажется двойной ошибкой. Во-первых, *она вовсе не русская;* это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции, политическо-социальные desiderata [1], которым придана форма вызова к оружию. Вторая ошибка — ее неуместность: случайность совпадения с пожарами — усугубила ее.

Ясно, что молодые люди, писавшие ее, больше жили в мире товарищей и книг, чем в мире фактов; больше в алгебре идей с ее легкими и всеобщими формулами и выводами, чем в мастерской, где трение и температура, дурной закал и раковина меняют простоту механического закона и тормозят его быстрый ход. Речь их такою и вышла, в ней нет той внутренней сдержанности, которую дает или свой опыт, или *строй организованной партии.*

Но, сказав это, мы прибавим, что неустрашимая последовательность их — одна из самых характеристических черт русского гения, *отрешенного от народа.* История нам ничего не оставила заветного, у нас нет тех *уважаемых почтенностей,* которые мешают западному человеку, но которые ему дороги. За рабство, в котором мы жили, за чуждость с своими, за разрыв с народом, за бессилье действовать нам оставалось печаль-

---

[1] мечты, пожелания (лат.).— *Ред.*

ное утешение, но утешение — в наготе отрицания, в логической беспощадности, и мы с какой-то радостью произносили те последние, *крайние* слова, которые губы наших учителей едва шептали, бледнея и осматриваясь. Да, мы произносили их громко, и будто становилось легче в ожидании бури, которую вызовут они. Нам нечего было терять.

Обстоятельства переменились. Русское земское дело началось. Каждое дело идет не по законам отвлеченной логики, а сложным процессом эмбриогении. В помощь нашему делу нужна мысль Запада и нужен его опыт. Но нам столько же не нужна его революционная декламация, как французам была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили в конце прошлого века. Говорить чужими образами, звать чужим кличем — это непонимание ни дела, ни народа, это неуважение ни к нему, ни к народу. Ну есть ли тень вероятия, чтоб народ русский восстал во имя социализма Бланки, оглашая воздух кликом из четырех слов, в числе которых три длинных для него непонятны?

Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем — а сердце дает такт. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотим ваше замечание и скажем, что ваш костюм Карла Мора [1] и Гракха Бабёфа на русской площади не только стар, но сбивается на маскарадное платье. Французы — народ смешливый, но почтительный; их можно было озадачить римской латиклавой и языком Сенекиных героев; у нас ...народ требовал головы несчастного Обручева *.

...И вот опять слышится хор — не подземный, а бельэтажный,— хор трусов, расслабленных, чающих легкого движения прогресса.

— Да, да,— кричат они,— посмотрите, что делает хваленый народ, это дикий зверь, вот что нас ждет. Подите объясните им,

[1] Действительно, в «Молодой России» столько же Шиллера, сколько Бабёфа. Благородные и несколько восторженные и метафизические порывы Шиллера облекались очень часто в кровавые сентенции Мора, Позы, Фердинанда, за которыми билось его любящее, вечно юное сердце. За один эпиграф его в «Разбойниках» московские сенаторы подвели бы его под первые два пункта, как уличенного зажигателя. «Quae medicamentae non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, *ignis sanat*» *.

что мы теперь не помещики, а землевладельцы, что мы хотим не барщину — а думу, не оброка — а прав гражданина.

Тугонек народ на пониманье и не может так быстро сообразить, что вековой, кровный враг его, который его грабил, позорил его семью, морил его с голоду, унижал, вдруг впал в такое раскаяние — «брат,— говорит,— родной!» да и только...

Бывают страшные исторические несчастия, черные плоды черных дел; перед ними, как перед грозой, смолкает человеческая мудрость и покрывает своими руками свои глаза, полные горьких слез.

Наши жертвы искупления, как Михайлов, как Обручев, должны вынести двойное мученичество: они не станут народной легендой, как братья Бандьеры и Пизакане *, народ их не знает, нет — хуже, он знает их за дворян, за врагов. Он не жалеет их, он не хочет их жертвы.

Вот куда привел разрыв. Народ нам не верит и готов побить камнями тех, которые за него отдают жизнь. Темной ночью, в которой его воспитали, он готов, как великан в сказке, перебить своих детей, потому что на них чужое платье.

Не за себя несут наши мученики тяжкую кару народной ненависти, а за других. Эти *другие* слишком торопятся получить амнистию; с своей стороны они, кажется, не были так великодушны, и что же они сделали такого — потерявши устрицу, решаются бросить раковину! Разве шляхетная Магдалина своим собственным сердцем дошла до раскаяния? Разве слово *освобождения* было сказано ею, разве она не упиралась, пока думала, что можно упираться? Так легко и с такой недовольной миной не делаются искупления и не прощаются вековые рубцы.

Очень печально, безгранично печально явление на петербургской площади, но вы, бедные страдальцы, не предавайтесь отчаянию. Довершите ваш подвиг преданности, исполните великую жертву любви и с высоты вашей Голгофы и из подземелий ваших рудников отпустите народу невольную обиду его и скажите *тем* строгим-то, что он *имеет право на это заблуждение, что вы благословляете его!*

ВЫСТРЕЛЫ, РАНЫ И УБИЙСТВА

(Константин Николаевич, Лидерс, Аргольдт и пр.)

С внутренним ужасом и негодованием прочли мы о том, что какой-то фанатик (говорят, ультракатолик) выстрелил в Константина Николаевича и слегка ранил его *. До какой нелепости, до какого безумия доводят людей бессмысленные правительства, уступающие с воздержанием, воздерживающиеся с уступками, дающие, оставляя что-нибудь в руке, прощающие вполовину, мягкие снаружи, пустые внутри. Это мерцание добра и зла, непоследовательность, непрочность гибельно действует на нервы: страсти возбуждены, удовлетворения нет, фантазия мутится, и человек в припадке бешенства берется за пистолет.

Мы ненавидим всякого рода кровавые расправы, и, несмотря на наше полное равнодушие к тому, что Лидерс жив или нет, досадно, что его подняли до выстрела и реабилитировали до раны *.

На убийство надобно привилегию, с привилегией убийство делается безопасно и наверняк. Вот посмотрите, как наш фрейшиц Лидерс стреляет высочайше заколдованными пулями *. Выписываем из «Русского инвалида»:

4-го стрелкового батальона: поручик Иван *Аргольдт,* подпоручик Петр *Сливицкий* 2-й и унтер-офицер Франц *Ростковский,* переведенный 8-го мая сего года из этого батальона во Владимирский пехотный генерала-от-инфантерии князя Горчакова полк, поручик *Василий Каплинский,* переведенный 27-го апреля сего года из штаба начальника артиллерии 1-й армии в 7-ю артиллерийскую бригаду, поручик *Станислав Абрамович* и 4-го же стрелкового батальона рядовой *Лев Щур* по произведенному над ними на основании полевых военных законов военному суду, оказались виновными:

1. Поручик *Аргольдт* и подпоручик Сливицкий 2-й: а) в оскорблении священной особы его им. вел. распространением между нижними чинами состоявшей в заведовании подсудимого Сливицкого 2-го фехтоваль-

ной команды ложных и дерзких рассказов об особе его вел. и царствующем доме, взятых из враждебных России сочинений; б) в порицании и превратном истолковании правительственных реформ по крестьянскому делу и в Царстве Польском; в) в возбуждении нижних чинов к явному неповиновению начальству и даже бунту; г) в том, что имели у себя возмутительного содержания сочинения и распространяли их между нижними чинами и д) вообще в распространении между нижними чинами крайне зловредных идей, имевших целью поколебать в них дух верности и повиновения законным властям.

2. Унтер-офицер *Ростковский:* а) в хранении и распространении между нижними чинами брошюр возмутительного содержания; б) в чтении и передаче для того же рядовому Щуру полученных им от поручика Аргольдта и подпоручика Сливицкого 2-го сочинений крайне возмутительного содержания; в) в участии в преступлениях поручика Аргольдта и подпоручика Сливицкого 2-го тем, что, зная о неблагонамеренных их действиях, не донес об этом начальству и, кроме того, взялся исполнить поручение подпоручика Сливицкого 2-го подговорить нижних чинов Шлиссельбургского и Олонецкого пехотных полков не отвечать во время смотра на приветствие начальника, чего не исполнил только потому, что означенные полки уже были выведены на смотр; г) в хранении у себя и непредставлении начальству двух запрещенных песен и д) в самовольных отлучках из команды, в партикулярном платье, в заездные и развратные дома.

3. Поручик *Каплинский:* а) в хранении у себя и распространении, очевидно, с преступною целью, между другими крайне возмутительного содержания сочинений, под заглавием: «Великорус» и «Исторический сборник», чтение которых, по собственному сознанию одного из подсудимых, подпоручика Сливицкого 2-го, имело особенно гибельное влияние на ум его и преимущественно побудило его на преступление и б) в упорном запирательстве на первоначальных допросах о том, что не передавал другим этих сочинений и что последнего из них вовсе не имел у себя.

4. Поручик *Абрамович* в том, что, взяв у поручика Каплинского вышесказанное сочинение «Великорус», не только не представил этого сочинения начальству, но давал, хотя и без особой злонамеренной цели, читать его сослуживцам своим — и

5. Рядовой *Щур*: а) в участии в преступных замыслах поручика Аргольдта и подпоручика Сливицкого 2-го тем, что не донес о действиях их начальству и взялся вместе с унтер-офицером Ростковским исполнить поручение подпоручика Сливицкого 2-го подговорить нижних чинов Шлиссельбургского и Олонецкого пехотных полков не отвечать во время смотра на приветствие начальника, чего не исполнил только потому, что означенные полки уже были выведены на смотр, и б) в том, что, зная о преступных действиях унтер-офицера Ростковского и о том, что он читал запрещенные книги, не только не донес о сем, но и сам брал эти сочинения для чтения.

За вышеизложенные преступления временно главнокомандующий армиею конфирмациею своею 14-го сего июня определил:

1. Поручика *Аргольдта*, подпоручика *Сливицкого* 2-го и унтер-офицера *Ростковского*, на основании 15, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 606 и 614 статей 1-й книги военно-уголовного устава (издания 1859 года) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома свода законов (издания 1857 года), по лишении первых двух чинов дворянского достоинства и всех прав состояния, а последнего — бронзовой медали в память минувшей войны и воинского звания, а также и всех прав состояния, *казнить смертию расстрелянием*, с тем чтобы смертная казнь над этими преступниками была исполнена по месту содержания их под арестом, в Новогеоргиевской крепости.

2. Поручика *Каплинского*, на основании 286 ст. 1-й книги XV тома свода законов (издания 1857 года), по лишении чинов, дворянского достоинства и всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах на шесть лет.

3. Поручика *Абрамовича*, применяясь к вышеприведенной 286 ст. и по смыслу 409 ст. 2-й книги военно-уголовного устава (издание 1859 года), по отставлении от службы, выдержать в каземате Новогеоргиевской крепости под арестом три месяца и затем отдать под надзор полиции на три года.

4. Рядового *Щура*, во внимание к тому, что он вовлечен в преступление влиянием, какое имели на него Сливицкий, Аргольдт и в особенности Ростковский, вместо смертной казни, лишив медали в память минувшей войны, воинского звания и всех прав состояния, наказать шпицрутенами чрез сто человек шесть раз и сослать в каторжную работу в рудниках на двенадцать лет.

Конфирмация эта 16-го числа сего июня приведена в исполнение.

Что прибавить к этому каннибальству? Заметим мимоходом две вещи — новую методу убийств при нынешнем государе: *он в стороне,* он скорбит душою и плачет... это всё другие, какой-нибудь Апраксин, какой-нибудь Лидерс убивает... кабы от него зависело, он простил бы.

P. S. Когда месяца полтора тому назад в иностранных газетах писали об открытии заговора между русскими офицерами в Варшаве, казенная русская и подкупная иностранная журналистика отвечали, что этого никогда не было и что все это взято из того, что какие-то пьяные офицеры побуянили и попали за то на гауптвахту. Милые лгунишки, на колени и на горох вас... а мы будем знать, что значит dementi [1] вашего правительства!

---

[1] опровержение (лат.).— *Ред.*

ПОДРЯДЧИКИ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА В ЛОНДОНЕ

Мы искренно советуем русскому посольству быть очень осторожным в своих сношениях с вольнопрактикующими шпионами и доносчиками, предлагающими свои услуги из любви к русскому правительству, но и не из ненависти к русским ассигнациям. Во время оно Хребтович срезался на одном кандидате в корреспонденты III отделения *. Полгода тому назад сильно хлопотали о том, как, через кого, куда посланы отдельно напечатанные экземпляры «Что нужно народу?» *, хлопотали в Лондоне, хлопотали в Германии, всегда готовой на дружеское шпионство для сродников, и ничего не узнали. Экземпляры проехали все. Но опыт их не учит, деньги казенные... «а может, что-нибудь и узнается».

Месяц тому назад получили мы письмо от одного милого незнакомца *, который извещал нас, что *он подрядился* русскому посольству поставлять имена наших корреспондентов..., и предлагал *нам свои услуги* — обманывать (небезвозмездно) русское правительство. Так как мы вообще с посторонними не шутим и русское посольство знаем только по слухам, мы не отвечали ничего. Подрядчик посольства, не ограничиваясь одним письмом, написал другое, написал третье и замолк [1]. Мы начинали думать, что все это невинная уловка, чтоб сорвать с нас несколько фунтов.

Но дней семь тому назад мы получили письмо из Петербурга, в котором *знакомый почерк* извещает нас, что русское посольство в Лондоне сообщило в министерство предложение некоего подрядчика доставлять ему доносцы. Что Горчаков отвечал — мы не знаем, может, «la Russie se recueille et

[1] Письма хранятся у нас.

n'écoute pas aux portes» [1]. Во всяком случае странное совпадение между письмами и вестью из Петербурга заставляет нас дать этому гласность.

Если надобно непременно шпионов, то советуем посольству быть осмотрительнее. Нельзя же всякому мошеннику протягивать руку только потому, что он выдает себя за *шпиона.*

ПАВЕЛ ГАГАРИН

Враг освобождения с землею, инквизитор в деле Петрашевского, желчевой реакционер, переживший николаевские времена, *Павел Гагарин* назначен председателем в Государственном совете и *в Комитете об устройстве сельского состояния* (во время болезни Блудова, который, как известно, неизлечимо болен). Перед такими ошибками, в которых презрение к народу едва смягчается колоссальностью тупости, падают руки.

Ну, Гагарин, покажите-ка народу русскому, как он ошибается в своем земском царе. Царь Павла Гагарина, царь Виктора Панина не может быть царем народной фантазии.

Гагарин этот во время процесса Петрашевского хотел погубить Александра Николаевича. Носились слухи, что тогдашний наследник предостерег Монбелли и Львова. Это дошло до сведения Гагарина. Процесс делался в пущую эпоху бешенства Николая, и мысль погубить сына, подслужившись отцу доносом на него, исполнила благородным рвением нашего князь Павла. Рядом прозрачных намеков, обещаний, уловок он хотел выведать от Львова, как было дело. Он обещал ему прощение, карьеру — не знаю что; Львов, разумеется, с презрением отказался, и князь Павел съел гриб. В наших бумагах есть *подробное изложение* этих драматических сцен между князем-сыщиком и благородным арестантом. Мы не печатали их, полагая, что после наглой оппозиции в деле освобождения этот вредный

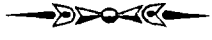
[1] «Россия занята своими делами и не подслушивает у дверей» (франц.).— *Ред.*

чиновник будет отброшен, как Муравьев Вешатель и др. Но теперь, когда в угаре и чаду от пожара снова выходят на горизонт патибулярные фигуры Гагарина и Липранди, мы готовы сделать все от нас зависящее для прославления их деяний.

КЕЛЛЕР!

Что это за Келлер *, идущий теперь вперед в Польше?.. Келлер? Келлер?.. Один Келлер был женат на родственнице *бывшего* поляка Ржевуского; один Келлер, бывший надзирателем в Киеве, чуть не попал под суд, будучи губернатором в Минске, но жена его попала вовремя в Ниццу, тогда «незабвенная» была еще жива, и пр.

Да, это тот самый Келлер.



ПИСЬМО гг. КАТКОВУ И ЛЕОНТЬЕВУ

Милостивые государи и ученые редакторы!

Если б вы в вашей полемике против нас держались в общих сферах и в общих грубостях, я не позволил бы себе утруждать вас письмом, с одной стороны — очень уважая многосложность ваших занятий, а с другой — вовсе не уважая ни вас, ни ваших мнений.

Но вы позволили себе публично сделать намек, чрезвычайно неопределенный, но явно относящийся к частной жизни нашей, и тем дали нам, и в особенности мне как несчастному виновнику статьи, раздражившей вас, право требовать от вас пояснения. Публичные намеки и клеветы имеют большое неудобство перед келейным злословием и служебными доносами, до поры до времени покрываемыми канцелярской тайной.

Вот ваши слова: «*Наши заграничные* réfugiés[1] (мы *хорошо знаем, что это за люди...*)» («Совр. лет.»).

Вероятно, вы не станете отрекаться, что под словом *заграничные* réfugiés (и при этом я должен признаться, что я до сих пор думал, что все réfugiés и эмигранты — более или менее заграничные) вы разумели нас, *издателей* «Колокола», и потому позвольте вас спросить:

Какие же мы люди, г. Катков?

Какие же мы люди, г. Леонтьев?

Вы ведь хорошо знаете, какие мы люди,— ну, какие же?

Если в вас обоих есть одна малейшая искра чести, вы не можете не отвечать; не отвечая, вы меня приведете в горестное положение сказать, что вы сделали *подлый намек,* имея в виду очернить нас в глазах вашей публики.

[1] изгнанники (франц.).— *Ред.*

Говорите всё... В нашей жизни, как в жизни каждого человека, жившего не только в латинском синтаксисе и немецком учебнике, но в толоке действительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченья, *но нет поступка,* который бы заставил нас покраснеть перед кем бы то ни было, который мы бы хотели скрыть от кого бы то ни было.

Если вы то же можете сказать, поздравляю вас, г. Катков, поздравляю вас, г. Леонтьев... Хотя я и не сомневаюсь, что вы можете.

Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотрим в ваши ученые глаза... кто кого пересмотрит?

Может, вы слыхали, как в 1849 году в народном собрании в Париже Прудон, задетый таким же образом Тьером, сказал ему спокойно, стоя на трибуне, превратившейся на ту минуту в страшный суд: «Говорите о финансах, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность, и тогда я не картель вам пошлю, а предложу вам другой бой: здесь, с этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, факт за фактом, каждый может мне напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потом пусть расскажет мой противник свою жизнь».*

Затем позвольте надеяться, что вы, милостивые государи, испросите у вашего начальства разрешение напечатать это письмо в многоуважаемой «Летописи» вашей. Вы слишком любите гласность и английскую ширь оправдания, чтоб нам можно было сомневаться в этом.

Желаю в заключение, чтоб письмо это застало вас в добром здоровье.

А. Герцен.

Лондон, 10 июня 1862.
Orsett-house, Westbourne-terrace.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы предлагаем издателям «Дня», «Современника», «Русского слова» и издателям журналов, которые будут запрещены вследствие политического террора в России, продолжать их издание в Лондоне. На первый случай мы готовы печатать, если это будет нужно, на свой собственный счет, без всякого вознаграждения.

АРНГОЛЬДТ, СЛИВИЦКИЙ И РОСТКОВСКИЙ

Как незаметно пролилась кровь трех русских мучеников в Польше... «Инвалид» поместил каннибальский приговор *, иностранные журналы пролепетали, не без ошибок, их имена — и все прошло! Неужели так легко скатывается с императорской мантии и крестьянская и офицерская кровь? Николаю тридцать лет не могли простить пять виселиц... а ведь им предшествовал громадный заговор, возмущение на площади, поднятие оружия... а здесь — где необходимость пролитой крови, где извинение убийства?.. Нельзя же ссылаться, в самом деле, то на барский задор Апраксина, то на военное зверство Лидерса?

Убить трех человек за то, что они читали «Великоруса» и «Исторический сборник» и *что-то* говорили о священной особе государя! Это напоминает гнуснейшие времена религиозных и политических гонений. А *его* еще называют добродушным, мягкосердым!

Или трех несчастных в самом деле пожертвовали Хрулеву? * И Хрулев это допустил, и государь допустил? Мы даже не поверили бы этому, если б не было официальных опровержений.

Может, что-нибудь скрыто под фразой «возбуждать к восстанию»? Разве правительство думает, что для публики *приятнее* знать, что оно купается в крови без достаточной причины?

А само не может в себя прийти от «Молодой России» и, расстреливая с какой-то наглостью и свирепостью, не может надивиться, что подстрелили Лидерса, подписавшего приговор! *

Как Константин Николаевич не предупредил казни? Своя кровь скользка!

16 июня 1862 совершилось великое преступление... Черный день этот будет памятен и вам, поляки, за которых умерли три русских мученика, и их товарищам, которым они завещали великий пример, и пам всем, которым они указали не только, как это правительство, набеленное прогрессом, легко убивает, но как проснувшиеся к сознанию офицеры наши геройски умирают!

МИНИСТЕРСКАЯ ПОПРАВКА

Поправка, помещенная в неофициальном отделе в № 138 «Северной почты» (стр. 551, столб. 4) относительно журналов «Современник» и «Русское слово» и газеты «День», оказалась неточною: два первые журнала не запрещены, а временно приостановлены, и притом не по высочайшему повелению, а по взаимному соглашению министра внутренних дел и управляющего министерством народного просвещения; газета «День» не подверглась запрещению, *а только бывший ее издатель, надворный советник Аксаков, лишен права на издание газеты.* Об этой неточности в упомянутой поправке сообщается здесь по приказанию г. министра внутренних дел («Сев. пчела»).

Так что если «День» хочет, то он может выходить без редактора *, или министр ему даст *своего* Павлова. Валуев — решительно филолог и пурист; если б у нас, вместо расстреливания, употреблялась гильотина, он утешал бы родных казненного, говоря, что такому-то не отрубили голову, а по соглашению с управляющим министерством просвещения только отрубили туловище от головы.

⟨РЕДАКЦИЯ «КОЛОКОЛА» БЫЛА БЫ ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНА...⟩

Редакция «Колокола» была бы очень благодарна, если б кто-нибудь был так добр и прислал те №№ «Нашего времени», в которых Н. Ф. Павлов громил «Молодую Россию» и нас, русских стариков *; не подписываться же нам на такой журнал!

Вообще журналы, спущенные на нас распоряжениями высшего начальства, нас очень одолжили бы, присылая свои статьи.

Какие меры в Лондоне ни берут, все журналы (кроме «С.-П. ведомостей», «Северной пчелы» и «Московских ведомостей») опаздывают месяцами, в том числе «Искра» и «Современная летопись».

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Помещая в нынешнем листе «Колокола» приглашение г. Блюммера, которое поддерживаем всеми силами *, мы скажем несколько слов о нашем сборе денег на общее дело. Мая 15 в 133 листе мы объявляли, что в ответ на несколько писем, полученных из России, мы готовы учредить при редакции «Колокола» сбор денег. До 15 августа нами получено около *тысячи франков* [1].

Сумма эта до такой степени мала, что ее даже недостаточно для пособия русским эмигрантам, число которых возрастает благодаря безумному террору, царящему в Петербурге.

Существование заграничной кассы для общего дела необходимо, мы молчали об ней до вызова и делали что могли на свои средства. Просьба, повторяемая с разных сторон, заставила нас заявить нашу готовность. К чему же это привело? Мы просим наших друзей в России серьезно подумать об этом.

⟨ОТЧЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИТАИЛОСЬ С СЛЕДСТВИЕМ О ЗАЖИГАТЕЛЬСТВЕ?⟩

¿ Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве? Отчего оно не объявляет имена тех политических фанатиков, социалистов, коммунистов, которые жгли С.-Петербург?

Не была ли это такая же гнусная проделка, как натравливание обманутого народа на студентов?

[1] И в то же время мы получили с особым назначением для студентов и проч. до 6000 франков.

ЖУРНАЛИСТЫ И ТЕРРОРИСТЫ

Еще и еще камень — ну, этот мимо, и вот еще... это не камень, что-то рыхлое, ледящееся, это из-за Черной Грязи.

Почти все, владеющие пращою в русской журналистике, явились один за другим на высочайше разрешенный *тир* и побивают нас... По счастью, у иных рука неверна, словно дрожит от волнения, от угрызения совести, от воспоминаний; другие нарочно пускают мимо, а третьи бросаются грязью,— это очень гадко, но не больно.

Потешайтесь, господа; мы только того и хотели, чтоб как-нибудь возвратиться к вам; мы возвращаемся мишенью, итак, à vos pièces, canonniers! [1]

Ну уж этот проклятый 94 год! «Почему,— скажут нам наши противники,— почему вы вспомнили именно 8 термидор и команду якобинского генерала Ганрио? *»

Одна из самых странных странностей войны против нас состоит в том, что «Пожилая Россия» обвиняет нас в жажде взрывов, насильственных переворотов, в террористических поползновениях, чуть не в поджигательстве и в то же время «Молодая Россия» упрекает нас за то, что мы утратили революционный задор и потеряли «всякую веру в насильственные перевороты».

«Пожилой России», впредь до непредвиденных обстоятельств, мы отвечать не будем. Чем же убедишь людей, которые нам толкуют о chair à canon [2] после «мяса освобождения»? Что сказать людям, наивно признающимся, что если б мы *тех-то* побранили, а *этих* полюбили, то все было бы ладно? Что же

[1] к орудиям, канониры! (франц.).— *Ред.*

[2] пушечном мясе (франц.).— *Ред.*

делать, что нам дерзкий шалун, бросающий камень в фонарь, не так отвратителен, как какой-нибудь самодовольный лимфатический клоп, читающий ему *нотацию*.

А потому мы и обращаемся к «Молодой России». Она думает, что «мы потеряли всякую веру в насильственные перевороты».

Не веру в них мы потеряли, *а любовь к ним*. Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут у нас; это отчаянное средство, ultima ratio [1] народов, как и царей, на них надобно быть готовым; но выкликать их в начале рабочего дня, не сделав ни одного усилия, не истощив никаких средств, останавливаться на них с предпочтением нам кажется так же молодо и незрело, как *нерасчетливо и вредно* пугать ими.

Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах «Юной России» узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям.

Террор легок и быстр, гораздо легче труда, «гнет не парит, сломит — не тужит», освобождает деспотизмом, убеждает гильотиной. Террор дает волю страстям, очищая их общей пользой и отсутствием личных видов. Оттого-то он и нравится гораздо больше, чем *самообуздание в пользу дела*.

Было время, громовые раскаты девяностых годов захватывали и нашу душу; человек легко увлекается кровью, даже дикие песни военного каннибальства, называемые патриотическими гимнами, пьянят и увлекают своим грубым алканием крови, своим ликованием на грудах незнакомых трупов людей, не сделавших убийцам никакого вреда. И это до того истинно, что те же самые мирные граждане, которые дошли до несказанного ужаса и риторических проповедей при чтении «Молодой России», готовы со слезами подтягивать какой-нибудь героической кантате об избиении турок или немцев. Турки, немцы, пушки, Севастополь — все это далеко, и всю эту отвагу и славу мы узнаем из газет, а «Молодая Россия» ближе, возле. К тому же старый монополь всему «шпоры носящему» — на убийство.

[1] последний довод (лат.).— *Ред.*

Мы давно разлюбили обе чаши, полные крови, штатскую и военную, и равно не хотим ни пить из черепа наших боевых врагов, ни видеть голову герцогини Ламбаль на пике *... Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы, и если иногда следует перешагнуть их, то без кровожадного глумления, а с печальным, трепетным чувством страшного долга и трагической необходимости...

К тому же и май смерти, как май жизни, цветет только один раз und nicht wieder [1]*. Террор девяностых годов повториться не может, он имел в себе наивную чистоту неведения, безусловную веру в правоту и успех, которых последующие терроры не могут иметь. Он развился, как тучи развиваются, и разразился, когда был слишком переполнен электричеством; оттого-то в его мрачном характере есть какая-то девственная непорочность, в его беспощадности — детское добродушие. И при всем этом террор нанес революции страшнейший удар.

Французский террор всего менее возможен у нас. Революционные элементы во Франции стекались из городов в Париже, там троились в клубах и Конвенте и шли с мечом и топором в руке проповедовать филантропические идеалы и философские истины до последнего городского вала, до последнего *горожанина,* редко далее. Крупицы падали и мужикам, но случайно. Революция, как стремительный поток, захватывала берега полей, подмывала их, но не теряла своего главного, муниципального русла.

Децентрализация — первое условие нашего переворота, идущего от нивы, от поля, от деревни и вовсе не в Петербург, откуда народ, до 19 февраля 1861 года, ничего не получал, кроме бедствий и унижений. И не в Москву, где рядом с мощами почивают и живые, довольные, как Симеон Богоприимец, тем, что увидели нарождающуюся Русь *.

Да и обстоятельства совершенно иные.

Франция революционная хотела отрешиться от традиционного быта, веками окрепнувшего, благословленного мощной церковью и зарубленного мечом победителя на земле и на сердце побежденного. Революция возвещала новое, небывалое право,— право человека, и на нем стремилась установить разумный

[1] и не повторяется (нем.).— *Ред.*

союз общественный; разрываясь с прошедшим, которого представители были очень сильны, она, по колена в крови, торопилась возвещать миру новость земного равенства и братства. Ей надобна была республика, собранная в один узел, une et indivisible [1], ей надобен был Комитет общественного спасения, соединявший в одну волю все лучи революции и ковавший из них молнии. Молнии эти действительно разгромили монархическую Францию, но республики не создали. На трон, облитый кровью, села централизованная полиция. Революционная идея была не по плечу народу.

У нас нет ни новых догматов, ни новых катехизов для оглашения. Наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту, к началам, признанным народным смыслом и вековым обычаем. Закрепляя право каждого на землю, т. е. объявляя землю тем, чем она есть — *неотъемлемой стихией,* мы только подтверждаем и обобщаем народное понятие об отношении человека к земле. Отрекаясь от форм, чуждых народу, втесненных ему полтора века тому назад, мы продолжаем прерванное и отклоненное развитие, вводя в него новую силу мысли и науки.

Инстинктивное чувство, которое навело правительство на мысль об освобождении, смутно бродит в нем; но, закоснелое в рутине и предрассудках, оно не может решиться идти одной дорогой, а качается, как маятник, касаясь то одной стороны, то другой. В этом колебании долгое время оставаться нельзя: не сидеть же, в самом деле, народу целый век сложа руки при том возбуждении вопросов, которое есть, ожидая, пока сваи петербургского правительства, подгнивающие снизу и выветривающиеся сверху, сами рухнутся. Гнилые леса стоят долго и большей частью стоят до бури. Но прежде всякой бури пробовал ли кто-нибудь сильной рукой или сильным голосом указать путь?

Императорская власть у нас — *только власть*, то есть сила, устройство, *обзаведение;* содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит, она может сделаться татарским ханатом и французским Комитетом общественного спасения,— разве Пугачев не был императором Петром III? Что общего между

[1] единая и неделимая (франц.).— *Ред.*

Алексеем Михайловичем и Петром? Одна неограниченная власть, пытки и казни? Николай под самодержавием разумел сочетание власти азиатского шаха и прусского вахмистра. Народ под *земским* царем представляет себе какую-то социальную республику, накрытую Мономаховой шапкой.

Середь неопределенности и неурядицы настоящего, когда никто не сказал своего последнего слова, когда все бродит, все ждет — одни Думу, другие землю; когда народ, что ни объявляй сам государь, как ни ораторствуй губернаторы по-русски и по-малороссийски, упорно верит в *другую* волю,— вы его зовете против царя и дворянства, т. е. против ненавистной ему касты, *к которой он причисляет вас,* и против власти, в которой он видит своего защитника. Ошибается он или нет — все равно. Он уверен, что он не ошибается, и поэтому он с вами не пойдет и вы погибнете. Никакое меньшинство из образованных не может сделать у нас неодолимого переворота без власти или без народа — так стали вопросы; пока деревня, село, степь, Волга, Урал покойны, возможны одни олигархические и гвардейские перевороты, лейб-преображенская передержка лиц, Анна Леопольдовна, нет — Елизавета Петровна.

До сих пор народ был глух и нем ко всем революционным стремлениям, потому что он не понимал, чего недостает господам. Но в настоящей борьбе народ замешан живой силой; вопрос об освобождении стал чересполосным вопросом обеих Россий — вершинной и полевой; народ и дворянство его так и поняли. Столкновение неминуемо. До сих пор не видно, чтоб народ готов был уступить землю или дворянство — дешево отдать ее. Оба обращаются к общему посреднику — к правительству. Что ж оно сделало? Дало землю? Нет. Отняло? Нет. Есть поползновение сделать то и другое. Пусть оно попробует вырвать у крестьян землю из-под ног, то есть сделать то, чего не могли ни Петр I, ни крепостное право. Народ уже заявил свое страдательное veto. Недаром не подписывает он ни уставных грамот, ни переходит с барщины на оброк; он ждет земли.

Но пока земля *фактически* за ним, народ не подымется. Для народа подняться трудно: это не риск своим лицом, не каторга, не палачи, а полное разорение семьи, невспаханное поле, голод-

ные дети, саранча постоя. Вот отчего крестьянин терпит, ужасно долго терпит, и только изредка, когда уже мера переполнена, он является в каком-то мрачном отчаянии и убивает гуртом не только врагов, но и своих собственных детей, чтоб они не сделались военными поселенцами.

Звать к оружию можно только накануне битвы. Всякий преждевременный призыв — намек, весть, данная врагу, и обличение перед ним своей слабости.

А потому оставьте революционную риторику и займитесь делом. Соединяйтесь плотнее между собой, чтоб вы были сила, чтоб вы имели единство и организацию, соединяйтесь с народом, чтоб он забыл ваш откол; проповедуйте ему не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него *религию земли*... и будьте готовы. Придет роковой день, станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его как *желанный день*. Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в Мономаховой шапке или в фригийской — все равно. Разве французы мало доказали вам, что за перевод с феодально-монархического языка мест и чинов на римско-республиканский не стоит проливать не только крови, но и чернил.

Стань царская власть в главу народного дела, где найдется достаточная сила, могущая бороться с ней и ей противудействовать во имя своекорыстных интересов касты, сословия?

Все недовольное, шумящее теперь у нас, от vieux boyards moscovites [1] до русских немцев, от николаевских генералов до мелкопоместных плантаторов, исчезнет, сотрется. Как? Куда? А куда исчезают мыши и крысы при первых лучах света, куда пропадают днем сверчки? Иной мышонок и попадет в мышеловку, иного сверчка и ошпарят горячей водой, но тут не дойдет ни до какого библейского избиения по домам и стогнам, ни до мясничества Петра I, ни до прогуливающейся гильотины со своими букетами нойяд и митральяд.

Но для того, чтоб власть царская стала властью народной, ей надобно понять, что волна, которая ее подмывает и хочет поднять, в самом деле волна морская, что ее нельзя ни остановить, ни сослать в Сибирь, что прилив начался и что несколько

---

[1] старых московских бояр (франц.).— *Ред.*

раньше — несколько позже, а ей придется сделать выбор между кормилом народной державы и илом морского дна.

Свидетельствуйте об этом всеми свидетельствами, кричите ей об этом денно и нощно — она крепка на ухо и на ум! Пусть она выскажется — и только после ее ответа вы узнаете, что говорить народу и к чему его звать.

ХРОНИКА ТЕРРОРА

Мы получили длинное письмо из Петербурга. Террор не унимается; беспрерывные аресты, премии доносчикам, благодарность потапствующим литераторам, подкупы солдат... все безобразия страха, не стесняемого ничем,— страха какого-то недоросля и Нерона вместе.

Вот отрывки из письма:

Ревность в отыскивании *поджигателей* не ослабевает и в последнее время III отделением пущен слух, что в руках правительства находятся собственноручные прокламации *заграничных русских издателей о поджогах* [1].

Всякий день слышат о новых схваченных. На границе обыскивают каждого возвращающегося, снимают сапоги, чулки... В субботу 7/19 июля арестовали Чернышевского и Серно-Соловьевича. Действуют теперь в Петербурге *две* комиссии: одна — о поджогах, состав ее известен давно; другая — о распространении прокламаций, под председательством кн. *Голицына*. Тут членами обер-прокурор *Гедда*, флигель-адъютант *Слепцов* и бывший пермский губернатор *Огарев* — вредный и пустой человек.

В первых числах июля (между 1 и 8 числом) решено в сенате дело *о тверских мировых посредниках*. Приговор им уже объявлен и составлен так нелепо, так отвратительно бессмысленно, что давно уже не запомнят ничего даже издали приближающегося к этой дурости. Г.г. сенаторы оперлись ни к селу, ни к городу, криво и косо, как только умели, на статью 319 «Улож. о наказ.». Тверские посредники обвинены в том, что *распространяли сочинения, имеющие целью недозволенные суждения о правительстве;* присудили их к $2^1/_2$ годам содержания в смирительном доме, с лишением некоторых прав состояния. Суворов был поражен нелепостью сенатских доводов и, говорят, уже просил государя, чтобы не приводить этого приговора в исполнение *.

Говорят, что сенаторы были в начале дела похожи хоть на что-нибудь, но пожары поворотили каким-то необычайным манером их голову.

---

[1] Нужно ли говорить, что это подлая клевета, гнусная ложь?

Они вдруг стали с тех пор на дыбы, и пошли, и пошли! Читавшие приговор говорят, что если б эти сенаторы могли знать, что их приговор *наверное* будет напечатан, они собственноручно казнили бы его, не отходя от зерцала.

В бытность свою в Петергофе государь соблаговолил спросить список жителей Петергофа; найдя там двух студентов, он велел обязать их родителей подписками удалить студентов из Петергофа. «Это пуф,— скажет какой-нибудь *потапленник*,— может ли это быть?» Позвольте же вам сообщить фамилии студентов: *Мещерский* и *Набоков*.

Приятно после этого перечня безумных и гадких действий видеть, что где гнев, там и милость.

Катков получил благодарность от высшего начальства за 23 № «Современной летописи» *. Николай Филиппович Павлов ждет две, а Павел Филиппович Миних, фельдфебель 3-ей саперной роты, произведен в чиновники 12-го класса и утвержден потомственным дворянином *.

Шувалов, окончивший курс полицейского образования в Париже, возвращается для занятия места *министра полиции* *... Советуем Головнину быть осторожнее на словах в комитете министров: при министре Шувалове там будет шпион.

В «Indépendance Belge» говорится о каких-то *несчастных офицерах гвардейского саперного батальона,* попавшихся под следствие за политическое дело *. Вероятно, Павел Филиппович Миних не в их числе!

Последовала высочайшая конфирмация по военно-судному делу, производимому над уволенным от службы из Ольвиопольского уланского полка поручиком *Янковским*, который оказался виновным в составлении и злоумышленном распространении возмутительного содержания сочинений и в сношениях, с преступною целью, с молодыми людьми в Кракове, образовавшими в среде своей тайное политическое общество. За означенные преступления высочайше повелено: подсудимого *Янковского*, на основании 286 ст. «Улож. о наказ., угол. и исправ.», лишив всех прав состояния и медали за усмирение Венгрии и Трансильвании, *сослать в каторжную работу на заводах на четыре года* («Соврем. слово») *.

‹СПИСОК ЛИЦ, КОТОРЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЕЛЕЛО АРЕСТОВАТЬ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ›

Мы получили от польского корреспондента, которого искреннейшим образом благодарим, имена лиц, которые находятся теперь за границей и которых прогрессивное правительство петербургское велело задержать на первой польской станции железной дороги. Вот этот список.

Стасов Владимир
Калиновский Балтазар
Альбертини Николай
Ковалевский Петр
Ковалевский Юльян
Ковалевский Оскар
Суздальцев Владимир
Плаутин Федор
Плаутин Сергей
Боткин Сергей
Корш Валентин
Писемский Александр
Бетгер Александр
Загоскин Павел
Советов Александр
Жемчужников Николай
Гамалея Александр
Рубинштейн Николай
Давыдов Павел
Давыдов Денис
Достоевский Федор

...«Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!»* — и какая исполинская, колоссальная глупость нашего правительства! Не поумнеет ли оно, когда *Шувалова* сделают *Балашовым?*

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ СВ. МИТРОФАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО С ТОВАРИЩИ В ЛИЦА МЕНЕЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ

Мы с удовольствием прочли в «С.-Петербургских ведомостях» *, что мысль, поданная «Колоколом», о подвижных и лицепеременных медальонах на памятнике тысячелетия * правительством принята и первая смена людей *«менее замечательных — более замечательными»* сделана. В числе отставленных от памятника находятся, сверх *св. Митрофания* (чем угодник согрешил — не понимаем), *Дмитревский* и *Шевченко* (один актер — в самом деле, как-то неприлично, другой кобзарь из крепостных, это уж совсем негодно); на их место поступают Николай и Державин. Мы согласны, что лицедей Дмитревский и чуть ли не единственный народный поэт Шевченко не идут вместе с Николаем; но если Николай попал в барельеф, заменяя двоих, то зачем же нет Аракчеева? Мы решительно требуем Аракчеева.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ДВОРЯНИН

Первый дворянин русский покончил благородное сословие свое, назначив фельдфебеля Миниха *последним* дворянином *. Давать дворянство за донос — якобинская уловка, которой мы от души сочувствуем. Неужели между первым и последним дворянином не найдется ни одного *среднего* дворянина, который бы отказался от касты, обновляемой лазутчиками, доносчиками и шпионами?

Писаря, кантонисты, каптенармусы, фельдфебеля только мечтают о том, чтоб выслужиться доносом: оно легко, безопасно и прибыльно. Царская фамилия поощряет деньгами, льготами, наградами доносчиков, якшается с ними, царь *облагораживает* их в род и род.

В лейб-уланском полку унтер-офицер из вольноопределяющихся *Николаев* просится в Петербург на три дня. Три дня проходят — Николаева нет, вместо его приезжает Николай Николаевич на смотр и говорит полковнику: «Ты отпустил Николаева на три дня, он не явился на срок, он остался с моего разрешения по *государственному делу*». Преданный унтер донес великому князю, что он знает общество зажигателей, напутал всякий вздор, и знаток птичьего сердца и куриного полета не догадался прогнать доносчика, а поверил ему. Говорят, что при возведении его в потомственное дворянство он получит фамилию *Действительно-Николаев*.

МИНИСТР ПОЛИЦИИ БУДУЩЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ

Говорят, что в ознаменование беспорочного тысячелетнего существования России государь пожалует III отделение в министерство — и это очень хорошо; но мы не можем понять, почему на это возвышенное место назначают Шувалова. Потапов показал такую проницательную способность в составлении таможенных листов людям, не ввозимым беспошлинно из-за границы, что, кажется, его бы и графом вместо Тимашева и Балашовым вместо Шувалова.

Кстати, Шувалов на днях посетил здешнюю столицу для осмотрения всемирной выставки и устройства *слухового аппарата* в Лондоне; работы идут успешно.

Надеемся, что друзья наши не преминут известить нас о новых лондонских товарищах и сподвижниках министра.

ПО ПОВОДУ КРЕПКИХ СЛОВ г. КАТКОВА И СЛАБОСТЕЙ ГЕНЕРАЛА ПОТАПОВА[1]

Ваш дядюшка *дурак!*
Бетрищев.

Дурак, ваше превосходительство.
Чичиков*.

Между вами есть *подлец!*
Александр II лейб-гв. измайл. офицерам

Есть, ваше императорское величество.
Лейб-гв. измайл. офицеры — Александру II.

Русский человек ругаться любит, особенно когда высшее и высочайшее начальство пример подает, мирволит и, не стесняясь, ругает даже детей в кадетском корпусе *по-извозчичью*. Впрочем, у нас всего больше и гуще ругаются вовсе не извозчики, а блюстители порядка и благочиния, полицейские во всех родах различных.

---

[1] Цинизм *потопляющих* журналов далеко оставил за собой Булгарина и литераторов, которым «средь грозных бед» николаевского царствования сам Дубельт «гимны смелые внушал» *. «Отечественные записки» доходят до бешенства китайских палачей и «С.-Петербургские ведомости» становятся каким-то «Père Duchesn'ом» реакции *. Мы радуемся за почтенного А. А. Краевского, что «СПб. ведомости» переходят с будущего года в другие руки *; он наполовину меньше будет иметь несчастных необходимостей помещать статьи, не согласные с его чувствительным сердцем и образованным умом. Краевский, сделавший всю карьеру свою, давая приют и трибуну гуманному направлению, вынужден (вероятно, бедностью — не по доброй же воле он это делает) на старости лет отдать свой приют под бойню, в которую прасолы III отделения гонят, под предлогом зажигателей, все молодое, энергическое, и его подмастерья их пластают, четвертуют и пр. Позавидует теперь Андрей Александрович не раз «Современнику» *. Du civisme, citoyen *, закройте-ка отечественную бойню и передайте поскорее потопляющие «Ведомости».

Вот как выражается Мара-Эвальд «Отечеств. зап.» *:

«Все ждут, что полиция разыщет этих каннибалов! Все хотят, все требуют, чтоб имена их были оглашены, для того чтобы знать, кого нужно бояться. Все хотят, все требуют наказания; народ даже присуждает этим

Покойник М. Н. Загоскин, один из величайших знатоков русского ругательства, рассказывал мне с каким-то умилением о том, что приговаривал полицейский унтер-офицер, выгоняя какого-то мужика, зашедшего на гулянье в *благородные* дорожки. Чего тут не было помянуто — от родительницы мужика и какого-то теленка до солдатского аппетита и пропажи без вести...

Все это хорошо; но я не могу привыкнуть к совершенному отсутствию единства во всем, что делается у нас в правительственных кругах. В то время как все усилия Суворова и Анненкова обращены на то, чтоб *явнобрачные* блюстители порядка

злодеям такую казнь, которой нет и в законе. Расстреляние и повешение, по его мнению, слишком легкие, слишком благородные казни для таких варваров. Если б они попались в руки народу, он бы рвал их на куски руками, он бы жег их на кострах, он бы живых их закапывал в землю и замуравливал в те самые стены, которые стоят теперь, как могильные памятники человеческого безумия и злобы.

Во всяком случае народ ждет виселицы, ждет ружейных залпов. *Он должен быть отмщен*, потому что он слишком много страдает теперь от этих тайных врагов своих» (стр. 196).

Но возле расстроенного воображения этой Салтычихи журнализма приятно видеть плач Илии Арсеньева о свирепой, бесчеловечной казни Аргольдта, Сливицкого и Ростковского, об этой ненужной казни, которой кровь никогда не смоет нынешнее царствование *.

«Неужели это преступление,— взывает и восклицает шиллерствующий Илия Арсеньев,— не будет преступлением последним? Неужели найдется в Варшаве еще несколько капель той ядовитой крови, которая, попав в жилы человека, превращает его в свирепое, бешеное животное, бросающееся на *всех*, кто попадется ему навстречу?

При получении известий о подобных событиях всякий здравый анализ, всякое логическое обсуждение совершившегося факта делаются решительно невозможными... Тяжкое, отвратительное чувство, чувство омерзения овладевает вами, и вы в первую минуту готовы гнушаться общим именем *человека*, составляющим все-таки некоторую связь между вами и тем, который, во имя великого всемирного учителя, несколько минут назад имел еще полное право назвать вас *братом*».

...Нет, господа, успокойтесь: этот крик негодования, сострадания раздался не после залпа, от которого пали три невинные жертвы,— об них никто не помянул,

Боясь зимы и продолжительной, и хладной!

становились все учтивее и учтивее, чтоб они не иначе ставили фонарь, как извиняясь и прибавляя, что это им чрезвычайно неприятно, что один священный долг может превозмочь их отвращение, что, впрочем, они приложат все старания, чтоб поставить самый крошечный фонарик, что это будет почти приятно и во всяком случае красиво *... в то самое время *тайнобрачные* будочники и городовые начинают все хуже и хуже ругаться — а Потапову ничего, будто не его дело. Это, говорит он, все громко ругаются, а я подслушиваю, что говорят шепотом.

Позвольте, генерал, позвольте! Всем известно, что теперь по вашей ботанике тайнобрачные разделяются на два семейства: на семейство *подслушивающих* и на семейство *убеждающих,* на семейство *липрандовидных* и на семейство *павловоустых.*

Почему же на них, на последних-то, не распространяется приказание фонари ставить с учтивостью? Отчего от официозных литераторов не требуется благовоспитанности будочника, мягкости выражений городового и изящных манер унтера? Пример начальства увлекает: когда явно-полицейские дрались на улицах, тогда все прочие, записанные в бархатную книгу или в какую-нибудь службу, тоже дрались. Теперь разрешили *убедителям* III отделения ругать «нарушителей общественного порядка». Ну вот они и довели Каткова до статьи, в которую он упал, как в помойную яму [1]. Как бы он не захлебнулся в ней по примеру генерал-адъютанта и бывшего спб. обер-полицмейстера Кокошкина *.

---

[1] Статьи Каткова мы не читали еще. «Русск. вест.» нет (22 августа), но нам довольно образчиков *.

‹СЕЙЧАС МЫ ПОЛУЧИЛИ ЕЩЕ ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ...›

Сейчас мы получили еще дополнение к списку лиц, которых велено остановить на границе. Вот их имена:

Перетц Григорий	Витберг
Сытин	Голынский [1]
Нефталь	Касаткин

[1] Неужели это А. Голынский, оставивший Россию в 1846 г. и не думающий возвращаться?

A MONSIEUR LE REDACTEUR DE *LA CLOCHE*

Monsieur le rédacteur,

Vour désirez une introduction de ma part dans le premier numéro de *la Cloche*,— cette introduction doit être, n'est-ce pas, une note explicative,— une sorte de profession de foi servant à déterminer la longitude et la latitude...? Cette introduction est toute faite, et je vous l'envoie en mauvais français — telle qu'elle a été publiée dans un livre qui a paru du vivant de l'empereur Nicolas.

Recevez mes vœux pour le succès de *la Cloche*. Ils sont d'autant plus sincères qu'il y entre beaucoup d'égoïsme.

A. Herzen.

25 août 1862. Orsett-house, Westbourne-terrace.

ПЕРЕВОД

ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»

Господин редактор,

Вы ждете от меня предисловия к первому номеру «La Cloche»,— это предисловие должно послужить, не правда ли, объяснительной справкой,— чем-то вроде исповедания веры, которое определило бы географическую долготу и широту...? Это предисловие совсем готово, и я посылаю его вам, написанное на дурном французском языке,— в том виде, в каком оно было опубликовано в книге, появившейся при жизни императора Николая.

Примите же от меня пожелания успеха «La Cloche». Они тем более искренни, что к ним примешивается и много эгоизма.

А. Герцен.

25 августа 1862 г. Orsett-house, Westbourne-terrace.

«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВ»

Первая присылка записок получена нами. Мы не имеем слов, чтоб выразить всю нашу благодарность за нее. Наконец-то выйдут из могил великие тени первых сподвижников русского освобождения, и большинство, знавшее их по Блудову и по Корфу *, узнает их из их собственных слов.

Мы с благочестием средневековых переписчиков апостольских деяний и жития святых принимаемся за печатание «Записок декабристов»; мы чувствуем себя гордыми, что на долю нашего станка досталась честь обнародования их.

Все вырученные деньги, за расходами на печать и бумагу, мы разделим пополам. Одну половину перешлем для вспомоществования лицам, сосланным в Сибирь вследствие политических гонений, *другую* — оставим в Лондоне для вспомоществования русским, которые вынуждены будут покинуть отечество по причине тех же гонений. Если же эмигрантов будет немного, то по прошествии года мы и эти деньги присоединим в сибирский фонд *.

Мы предполагаем издавать «Записки» отдельными выпусками и начать с «Записок» И. Д. Якушкина * и князя Трубецкого *. Затем последуют «Записки» князя Оболенского, Басаргина, Штенгеля, Люблинского *, Н. Бестужева *, далее о 14 декабре — Пущина *, «Белая церковь» *, «Воспоминания князя Оболенского о Рылееве и Якушкине», «Былое из рассказов декабристов», «Список следственной комиссии» *, статья Лунина * и разные письма.

О подробностях издания известим впоследствии.

1 сентября 1862 г.

ВИСЕЛИЦА В ВАРШАВЕ

Итак, вместо александровской конституции Константин Николаевич привез в Варшаву николаевскую виселицу *.

Ярошинский был повешен 21 августа *.

26 августа были повешены Рылль и Ржоньца *.

В наших глазах виселица освящена со времен Пестеля и его друзей, крест был тоже виселицей. Вообще мы о родах убийств и о тонкостях палачества спорить не будем, но в глазах *вешателей* это не так: они считают смерть на виселице *позорной*... Сколько надобно иметь монгольской злобы и какое отсутствие такта, чтоб казнить с поруганием из *личной мести*.

ПО ЭКЗАМЕНУ «ЕДИНИЦА»

(По поводу вопроса о публичных испытаниях)

— Неужели вы моему брату поставили единицу?

— *Единицу,* ваше ...ство.

— Представьте, господа, можно ли было думать... Вся семья считала брата чуть не за гения. Какие нынче строгости!

Действительно, большая разница удивлять свою семью, свою дворню, подчиненных папеньки и братца, домашних учителей — и выдержать порядком публичный экзамен. Публичные испытания — я всегда был того мнения — должны делаться приватно, тайно, а то вот видите, что случилось с *братом* России; ведь публичный-то экзамен идет плохо. Большая разница между большим кораблем в море и большим городом в Польше. На корабле все свои, кругом вода и в ней целое население, немое, *как рыбы;* Варшава (куда ее петербургская география ни причисляй) — в Европе; все, что там делается, известно...

— А что известно? — позвольте спросить.

— Ведь то-то и беда, что ничего, за это и *единица.* Ехал генерал Сухозанет — никто ничего не ожидал; ехал генерал Ламберт — никто ничего не ожидал, даже смерти Герштенцвейга *; ехал генерал Лидерс — никто ничего не ожидал; выстрелить надобно было в него, чтоб его заметили.

Но назначение Константина Николаевича разбудило всю Европу; в Америке говорили бы об этом, если б американцы не были заняты теперь дорезыванием друг друга *... «Que diantre!» [1] — говорили французы; «That is capital!» [2] — думали

[1] Черт возьми! (франц.).— *Ред.*

[2] Это чудесно! (англ.).— *Ред.*

сказать англичане. И мы приостановились... едет, наконец, царский брат... слава богу... наконец-то отдохнет страдалица между народами (больше *отдыха* для нее мы не ждали); ее несчастия в былом найдут благочестивое уважение; ее справедливые требования будут признаны, взвешены... Не взял же бы на себя великий князь — глава прогресса в петербургском правительстве, самолюбивый и самонадеянный, молодой, исполненный сил и силы при дворе,— не взял же бы он место какого-нибудь Паскевича, который не только жил, но и умер *раком*.

А между тем

День Троицын проходит,
А лучше — нет как нет! *

Хорошо, что Польша не снимала траур и не надевала «одежду алу».

В самом деле, можно ли было сыграть больше ничтожную роль, как это сделал великий князь? Великая княгиня, женщина, и та, с своей стороны, больше сделала — она по крайней мере дала жизнь маленькому Вацлаву *.

Знаете ли, что из этого выходит?.. Что Александр, посылая брата, Константин, отправляясь по его приказанию в Варшаву, вовсе не имели никакой определенной мысли, цели, плана — один не знал, зачем именно он посылает, другой не знал, зачем едет... Что-нибудь да будет, мол!

За *незнание*-то и ставят *единицу*.

Пока есть время и экзамены не кончились, берите-ка другой билет. Если только возможно, экзаменатор сделает из *единицы— два*.

ЕЙ-БОГУ, НАДОЕЛО

Полицейские царства животного бесятся в самые каникулы, горячие головы III отделения немного позже.

Прошлой осенью пажи Шувалова ругались письменно и обещались извести нас. Нынешний год, только что август начал проходить, опять явились безымянные письма с ругательствами и угрозами. В последнем письме (брошенном на почте в Лондоне) свирепый безымянник обещает *пустить мне пулю в лоб.*

Это из рук вон скучно, выдумайте что-нибудь умнее, новое, другое, и если в самом деле непременно нужно «пустить мне пулю в лоб», пускайте ее без письма. Тут есть шанс, что вы промахнетесь, а письмо всякий раз достигает цели. Поучитесь, как порядочные люди стреляют. Русский, хотевший отомстить своих товарищей, пустил пулю Лидерсу в челюсть * без всяких писем и ругательств.

Потапов,— en bonne guerre [1] — если это от вас зависит, уймите ваших шалунов. Это недостойно вашего прекрасного заведения; они меня подвергают этим вовсе не пулям, а Шедо-Ферротам * и Катковым [2] *. И такое ли теперь время, чтобы шутить! Вы все слишком в крови, около вас слишком много слез.

[1] говоря начистоту (франц.).— *Ред.*

[2] Статью Каткова в «Рус(ском) вест(нике)» мы прочли. Отвечать на нее мы не станем. Кто из нас прав — пусть решит общественное мнение.

АН, LES MISERABLES! *

(Гюго и Бёкль)

Представьте себе, что наши мизерабли запретили роман Гюго! Что же делал при этом наш Роланд, наш министр прогресса? О Головнин, Головнин!.. И он, как дева орлеанская, скоро заплачет, что променял «мирные нивы и поля» * на министерский стан, что из Менторов одного Телемака сделался ментором всей Итаки *. *Им*, верно, не понравилось описание парижских клоак, они это приняли за личность.

Но это не все: «История цивилизации» Бёкля, эта спокойная, благородная книга,— и она запрещена *. Какое жалкое и гадкое варварство!

ОТВЕТ «г. ПОЛЯКУ» НА СТАТЬЮ И ПИСЬМО

Милостивый государь,

Ваш «Ответ Бакунину» и «вместе с тем ответ всем российским публицистам, пишущим о Польше», мы получили месяц тому назад и думали, что наше молчание будет достаточным заявлением нашего нежелания служить органом мнения, с которым мы согласиться не можем.

Но второе письмо ваше от 28 августа не позволяет нам молчать. Вы полагаете, что мы не поместили «*Ответ Бакунину*», потому что вы не подписали вашего имени. Вы ошибаетесь... Что же нам в вашем имени? Мы не поместили вашего ответа потому, что считаем его *вредным*.

Все наше старание, все наши усилия идут к тому, чтоб *независимость* польского народа и *свободу* народа русского основать на совокупном, братском действии против петербургского деспотизма. Первое, что для этого надобно,— это тесный союз, это взаимное доверие и уважение между людьми движения обеих стран. Такова, повторяем мы, наша основная мысль. Во имя ее мы помещали статьи вроде: «Vivat Polonia!» и «Mater Dolorosa»; во имя ее заклинали русских воинов скорее лечь костьми на земле польской, чем стрелять в поляков *... Вы, вероятно, полагаете, что мы ошибаемся,— пишите против нас, продолжайте худо сдержанным озлоблением и неловко прикрытой иронией раздувать чувства племенной ненависти и родственной вражды (горький плод которых — современное состояние Польши), но не обращайтесь к посредству «Колокола». Мы представляем *очень резко, очень пристрастно, очень односторонно наше мнение* и вовсе не обещались помещать статьи, не согласные с ним.

Теперь русских заграничных органов несколько, не говоря уже о польских,— вероятно, партия, к которой вы принадлежите, имеет свой.

Мы не скроем от вас, что тон вашего второго письма удивил нас. Вы пишете о грубом выражении в журнале кн. Долгорукова против одного из ваших соотечественников * и на нас вымещаете его. Чем могли мы это вызвать, чем дали вам это право? Князь Долгорукий и теперь издает журнал; он не состоит под нашей опекой. Видели вы в «Колоколе» бранные слова?

Это уж вроде южных американских генералов, которые, в отместку жестокостей федеральных начальств, вешают пленных, не имеющих ни малейшего понятия о них. Может, это в междуусобии и идет, да дело-то все в том, что мы всеми силами стараемся с корнем выполоть всякое чувство ненависти между поляками и русскими.

В заключение позвольте нам пожалеть, что до вас статья Бакунина дошла не в оригинале, а в каком-то неизвестном нам переводе на французский язык *. Перевод, из которого вы делаете выписки, неверен; в нем есть целые фразы, которых нет в тексте, например, неужели вы верите, что Бакунин мог написать такую нелепость: «La question de Christ, c'est à dire la question panslaviste» [1]? [2] Ведь это совершенное безумие, а наш друг Бакунин, слава богу, здоров.

Позвольте, милостивый государь, надеяться, что наша переписка этим окончится.

Издатели «Колокола».

---

[1] «Вопрос о Христе является, так сказать, вопросом панславянским» (франц.).— *Ред.*

[2] Думаем, что речь идет вот о каком месте: «Итак, весь вопрос о границах возвращается к тому ж, что прежде осуществится: *хлопская Польша* или *крестьянская Россия?* Дай бог, чтоб они осуществились вместе и чтоб между нами было не Апеллесово и не Павлово, а Христово, т. е. *общеславянское дело*» *.

ВАЛУЕВ И ГОЛОВНИН

Нам пишут из Петербурга, что юные вожди реакции *Валуев* и *Головнин* за пояс заткнули ограниченнейшего *Долгорукова* и безграничнейшего *Панина*... Мудрено ли, что с этими четырьмя копытами Александр-то наш Николаевич спотыкается?

КЛЕВЕТА

В Петербурге официальные лжецы распространили слух, что какой-то господин был схвачен на границе с пачкой *манифестов к тысячелетию,* печатанных в Лондоне. Мы уверяем нашим честным словом, что никогда не было не только в исполнении, но и в намерении печатать какой бы то ни было манифест.

Дело наших читателей разобрать, кому они должны верить — нам или шпионам III отделения.

НОВАЯ ПОБЕДА ПУТЯТИНА

Граф от корабля и адмирал от просвещения, Путятин, обессмертивший себя матрикулами и прикладами *, прибыл для морских наблюдений в Гейдельберг. Молодые люди русские, польские и даже немцы дали ему *кошачий концерт*. Храбрая гейдельбергская полиция бросилась на молодых людей с голыми саблями и начала *их рубить,* храброй полиции помогали храбрые *гаускнехты* *. Какой-то русский, после удара саблей плашмя, полученного от офицера, сорвал с него эполеты и побил его. Милые, добрые немцы, какие они, в самом деле, *немцы!*

А вот концерт, который давали пивовары Берклея и Перкинса Гейнау, был успешнее — может, инструменты лучше — английской работы *.

‹ТРЕТИЙ РАЗ СПРАШИВАЕМ МЫ...›

¿¿*Третий* раз спрашиваем мы, отчего же правительство молчит о последствиях, открытых по делу зажигательств в Петербурге, что же оно не обнаружит адские ковы сатанических участников?

ПРАЗДНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Нелепость праздника в Новегороде превзошла все ожидания самых свирепых поклонников земского царя. Какая пошлость и пустота, какая упорность и формализм, какая неловкость и неспособность во всем, от объявления рекрутского несчастия именно в тот день, когда ждали добрых вестей *, до загвоздки новогородским крестьянам, чтоб и впредь не надеялись на действительное освобождение *!.. Нет, господа Зимнего дворца, на вас нет современного помазания, вы ничего не умеете, в какой бы форме вы ни являлись — Собакевичей или Маниловых,— ни даже устроить праздника; проза, жалкая проза петровского времени, в которой остался тяжелый немецкий слог, а мысль отлетела! Авось либо одураченная Русь поймет этот урок, и спасибо Валуеву: он один поднял голос, чтоб в свою очередь одурачить глупое тысячелетие, он разослал по журналам следующую злую насмешку:

«Шестидесятилетие Министерства внутренних дел.

В день открытия памятника тысячелетию России, 8-го сен-

тября, исполнилось шестидесятилетие министерства внутренних дел»* (*С.-П. 10 сентября*).

Так как мы не беремся выдумать ничего глупее и смешнее, то на этом и остановимся.

НЕМЦЫ НЕ БЫЛИ

Нам пишут из Гейдельберга, что в путятинский день в концерте («Кол.», 145) * не участвовал ни один немец... То-то нам казалось: что-то мудрено... Katzenmusik einem tapferen General, einem Veteranen, der in Japan gewesen, zu bringen, ihn zu kujonieren — wäre doch etwas zu schubiak! [1]

‹МЫ ПРОСИЛИ НАШИХ ЗНАКОМЫХ...›

Мы просили наших знакомых прислать нам те №№ «Нашего времени», в которых была статья об издателе «Колокола» *. Никто не исполнил нашей просьбы, а между тем массилионовски поучительная статья «Сев. пч.» от 28 августа еще больше возбудила интерес *. Нам остается последнее средство (неужели и оно обманет, как четвертая карта?): мы просим Николая Филипповича нам прислать эти №№ и обещаем ему выслать стоимость их деньгами, «Колоколами» или картами (географическими) *.

---

[1] Устроить кошачий концерт бравому генералу, ветерану, побывавшему в Японии, насолить ему — было бы все-таки слишком снисходительно! (нем.).— *Ред.*

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПОЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ В ВАРШАВЕ

Милостивые государи,

Письмо ваше к нам, помещенное в прошлом листе «Колокола», отмечает новую эпоху в великой эпопее польской борьбы за независимость. Начала, на которых вы призываете народ польский к восстанию, так широки и современны, так ясно высказаны вами, что мы не сомневаемся в глубоком, деятельном сочувствии, которое возбудят ваши слова во всех русских, желающих свергнуть с себя устарелое и оскорбительное иго правительственной опеки.

Что касается до нас, нам легко с вами идти; вы идете от признания прав крестьян *на землю, обработываемую ими;* вы *признаете право всякого народа располагать своей судьбою.*

Это наши основы, это наши догматы, наши знамена.

С радостью передали мы ваши слова нашим соотечественникам, и, благодаря вас от всего сердца за то, что вы избрали нас посредниками вашего сближения с русскими, мы не можем ничем достойнее отвечать вам, как печатая прилагаемое письмо к русским офицерам, стоящим в Польше *. Письмо это — ответ; мы медлили целые месяцы и очень ради, что медлили: вы дали нам «возможность утвердительно сказать, что нам известны ваши понятия о краеугольных началах народного дела вашего» *.

Во имя их да воздвигнется Польша, независимая, искушенная в несчастьях, окрепнувшая в бое; да воздвигнется она бессословная, отбросив средневековые доспехи, без кольчуг и аристократического щита; пусть она явится славянским поюпев-

шим атлетом, подающим одну руку бедному хлопу, а другую равноправному соседу.

Во имя их примите и нашу дружескую руку, слабую силами, но неизменную в убеждениях; мы ее подаем вам *как русские,* мы любим народ наш, мы веруем в него и его будущность, и именно потому подаем вам ее *на дело справедливости и свободы!*

Издатели «Колокола».

10 октября 1862.

РУССКИМ ОФИЦЕРАМ В ПОЛЬШЕ

Друзья и братья!

Долго не отвечали мы вам на два письма ваши *. Труден был ваш вопрос, многое останавливало наш ответ, но время шло, обстоятельства росли, гроза становилась ближе, и медлить нельзя было больше. Удаленные от места действий, не делящие вашей опасности, мы долго отказывались от печальной роли заграничных советников. Но все личные неудобства должны замолкнуть перед общим делом, перед опасностью ошибки с вашей стороны. Не высказать нашего мнения при теперичных обстоятельствах было бы слабостью, почти предательством. Наша любовь к родине, наша религиозная преданность ее благу, наша искренность в том, что мы говорим, заслужили нам ваш повторенный вопрос; мы благодарили вас и были готовы отвечать с чистой совестью, со страхом истины и с благочестием к судьбе вашей на ваш вопрос: *что должно делать русским офицерам, находящимся в Польше, в случае польского восстания?*

Общий ответ прост — идти под суд, в арестантские роты, быть расстрелянным, как Сливицкий, Аргольдт и Ростковский *, быть поднятым на штыки, как вам грозил ваш дикий кондотьер Хрулев *, *но не подымать оружия против поляков,* против людей, отыскивающих совершенно справедливо свою независимость.

Поддерживать силою оружия правительство, составляющее польское и наше несчастие, вам невозможно, не совершив сознательно преступления или не унизившись до степени бессознательных палачей. Время слепого повиновения миновало. Дисциплина не обязательна там, где она зовет на злодейство,—

не верьте этой религии рабства, на ней основаны величайшие бедствия народов. Не подымать оружия против поляков заставляет вас совесть, уважение к правоте их дела, к достоинству человека и, наконец, уважение к нашему русскому земскому делу.

Нельзя начинать эру свободы в своей родине, затягивая веревку на шее соседа; нельзя себе требовать прав и теснить во имя материальной силы и политических фантазий другой народ. На этих властолюбивых притязаниях, на развитии грубых страстей стяжания и захватывания держались и держатся уродства военных монархий, заслоняющих мнимым величием и победоносными знаменами внутреннее неустройство и безвыходное рабство подданных.

Клянитесь, хотели мы вам сказать, не подымать оружия против поляков,— и чувствовали, что ответ наш *не полон,* чувствовали, что это ответ *отрицательный,* что он только говорит, чего вам не делать, а надобно подумать о том, *что делать,* даже для того, чтобы вы не были в необходимости погибнуть жертвами искупления. Мученичество свято и прекрасно, когда оно необходимо. Каждая капля крови вашей дорога русскому народу; перед ним вы будете отвечать не только за себя, но за каждого солдата, т. е. за каждого вооруженного крестьянина, насильственно оторванного правительством от своей земли. Исторические грехи искупаются легко и без крови, одним отрицанием от них.

Деятельный союз ваш с поляками не может ограничиться одним отторжением Польши от России; он должен стремиться к тому, чтоб это отторжение помогло в свою очередь нашему земскому переустройству, и поэтому степень вашего деятельного участия зависит от того, какой характер относительно главного земского вопроса и относительно провинций будет преобладать в польском восстании.

Тяготившее нас сомнение разрешено. Мужественный, открытый язык *Варшавского комитета* * снял камень с нашей груди; он нам указал на основную мысль союза поляков с русскими. Отвергая всякий характер *сословно-шляхетский,* завоевательный, Комитет прямо указал на *поземельное право* крестьян и на *самоправность* областей устроиться по их желанию как на основные начала современного движения.

Земля крестьянам, самобытность областям — на этом основании, *и только на нем,* может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями. Опираясь на него, вам легко обратиться к народу русскому, к русским войскам, перед которыми вы обязаны отчетом за себя и за солдат, и объяснить им, почему вы идете с вольными людьми за волю. Вы им скажете, что народ польский не враг России, а враг императорского деспотизма, что он хочет своей независимости и признает независимость других народностей, соединенных прежде с Польшей.

Что Польша желает остаться в федеральном союзе со всеми народами, входившими в целость Речи Посполитой,— это совершенно естественно, и что она не может признать насильственного разделения, не отрекаясь от самобытности своей, тоже ясно. Если б это было иначе, то Варшава, как Петербург, признала бы Галицию — Австрией, Познань — Пруссией.

С своей стороны поляки должны понять, что сохранить тот же федеральный союз будет стремлением не только правительства русского, но и всего русского народа. И это факт, который не следует упускать из вида. Какой же русский не считает — и притом совершенно справедливо — *Киев* таким же русским городом, как *Москву?*

Что касается до нашего мнения, мы равно не принимаем ни *материальную силу за право,* ни *историческое право за силу.* Мы признаем не только за каждой народностью, выделившейся от других и имеющей естественные границы, право на самобытность, но за каждым географическим положением. Если б Сибирь завтра отделилась от России, мы первые приветствовали бы ее новую жизнь. Государственная целость вовсе не совпадает с народным благосостоянием.

В силу этого нам было бы очень жаль, если б Малороссия, например, призванная свободно выразить свою мысль, не умела бы остаться при полной независимости. Память того, что она выстрадала после Богдана Хмельницкого чрез присоединение к Москве, и память того, что заставило Хмельницкого идти в царскую кабалу, могли бы послужить ей великим уроком.

При теперичном положении знать, чего желает Литва, Белоруссия, Малороссия, очень трудно; гнет русского правительства не дает ни малейшей возможности высказаться, и тот же гнет

заставляет их смешивать все русское с правительственным [1]. Из этого ясно, что и самый вопрос надобно оставить, не предрешая его без тех, кто единственно имеет право его решить... Скажем вместе с поляками: *быть Литве, Белоруссии и Украине с кем они быть хотят или ни с кем, лишь бы волю их узнать — не поддельную, а действительную.*

Обращаемся теперь к вашему внутреннему устройству, к пути, который, нам кажется, вам следует держать.

Вступая как русские в союз с поляками, вы должны вступить в него *как самобытная организация* и потому требовать участия и голоса в совещаниях. Не распуститься в польском деле должны вы, а сохранить себя в нем для русского дела; польское восстание для вас случайность, вы ее не вызывали, вам нельзя ее отклонить; вряд можно ли уклониться от участия, в этом все трагическое вашего положения, но, участвуя в нем по роковой необходимости, вы должны стремиться к тому, чтоб ваш союз с Польшей двинул бы наше земское дело. Вы частный случай его. Вы один круг целой системы кругов, которых средоточие сложится. Помните это и старайтесь соединить общим планом польское движение с движением русским. Только от этой солидарности и можно ждать действительного успеха, только тогда вы можете требовать, чтобы поляки приостановились в своем движении. А это *одна из первых* необходимостей: *преждевременный взрыв в Польше ее не освободит, вас погубит и непременно остановит наше русское дело.*

Причин на это много, мы укажаем две главных.

У нас ничего не готово. Крепко устроенный круг офицерский существует, сколько нам известно, только у вас, успех ваш, правда, колоссален. В несколько месяцев вы бросили мост через пропасть, отделяющую дворянина в эполетах от крестья-

[1] Сколько нам известно, господские домы, города, капиталы, образование, сила умственного и промышленного развития — со стороны Польши: народ, селы, массы, если не против Польши, то, вероятно, и не за нее. Тут место широкому, законному влиянию польской цивилизации. Пропаганду вообще мудрено остановить полицейскими мерами, но пропаганду искупления, отречения от старых злоупотреблений, от своих прав на поземельную собственность *невозможно остановить* никакому правительству в мире. Это путь к завоеванию масс, против которого мы не скажем ни слова.

нина с ружьем в руке, вселили братское доверие в поляков и четырьмя мучениками показали миру непреодолимую мощь ваших убеждений. Казнь товарищей ваших в Модлине имеет безмерное значение для России по одному и *тому же делу,* по которому расстреляны два офицера *, пал унтер-офицер * от тех же палаческих пуль и умер засеченный солдат *. Солдат и унтер-офицер погибли за то, что не выдали офицеров. Благословенна могила их, могила двойного примирения — русского воина с поляком, русского офицера — с солдатом!

Но не увлекайтесь, это только начало; офицерские круги должны учредиться везде внутри России, во всех армиях, во всех краях, везде должны они сблизиться не только с солдатом (это первая обязанность, без которой всякая пропаганда — вздор), но с народом. Полно ему смотреть на русского офицера как на враждебного опричника, полно самому офицеру смотреть на себя как на царского слугу, употребляемого в мирное время на то, чтоб быть палачом.

Но это еще не сделано: предварительный труд, обширный, неутомимый, лежит на вас и на друзьях ваших. Соединяйтесь в круги, делайте пропаганду и прислушивайтесь, что делается на великой Руси, какой гул там идет, чтоб она вас не застала врасплох.

На Руси, в сию минуту, вряд может ли быть восстание.

Помните, что мы, русские, по превосходству народ сельский и что надел землей — основной догмат нашего земского дела.

Русский народ не восстанет ни за какие фантастические идеалы, он не пойдет ни в какой крестовый поход из-за гроба; нам нужно не фантастическое царство, а царство *земное,* т. е. мы хотим собственную нашу землю, чужой нам не надобно.

Народ русский, мрачно молчавший столетия в своей невзгоде, два раза в наш век поднимал голову. В 1812 году, испугавшись за целость *земли русской,* он превратился в ополченье; теперь он боится не за землю русскую, а за свою пахотную, луговую землю; освобожденный вполовину, он сторожит ее. Оторопелое правительство не сумеет ему отдать честно и прямо землю. Вилять после окончания переходного состояния, т. е. весною будущего года, нельзя больше. Крестьянин землею не поступится, он, наверное, упрется; восстань тогда

Польша, бросьтесь вы с вашими и с их солдатами в Литву, в Малороссию во имя крестьянского права на землю — и где найдется сила противудействовать? Волга и Днепр откликнутся вам, Дон и Урал!

Вы знаете, что земля, т. е. *право на нее* земледельцев,— составляет ту прочную и самобытную основу, на которой зиждутся все наши надежды на будущность России. Русским отношением крестьянина к земле, возведенным и обобщенным в закон, может только искупиться перед русским народом монгольско-московское и петербурго-немецкое племение. Нам многие говорили, что мы поземельному вопросу даем перевес. Действительно, в русском развитии он перевешивает, но это сделали не мы. Этот перевес ему дан духом, гением русского народа изнутри и несостоятельностью всех политических революций — извне. Наше переустройство является по преимуществу с характером сельским, общинным, земским... Вызванное сверху, оно поднимается от нивы, полей и дубрав; оно идет от плуга, от надела землей, и без земли ни на шаг. Оно стремится к сочетанию, на существующих народных обычаях, *общинного самоуправления* — с полным владением землей. Ход этот удивляет, конфузит, он необычен, в нем не соблюдена западная форма, революционная рутина, к которой люди переворотов привыкли. Что же делать! Может, этот путь труднее и тише, но зато им не дойдешь до вопроса «Хлеба или свинца?», ни до ответа «У кого есть свинец, у того есть хлеб!» Хлеб у нас будет, потому что надел землею *должен быть*.

Не принимайте хлеба насущного легко, не верьте праздным риторам и пустым идеалистам.

Бедствия Европы, много выстрадавшей в своих исполинских борьбах, оправдывают вполне народ русский.

Нет освобождения без земли!

Нет свободы без куска хлеба!

На знамени таборитов * была *чаша с кровью искупления душ,* на нашем будет дискос с хлебом полей крестьянских, *с хлебом искупления тел.*

Не краснейте славянской простоты этих символов — они полнее человеческим смыслом всех хищных зверей, двуглавых птиц с когтями, нелепых драконов, окровавленных мечей и ды-

мящихся пушек, служащих эмблемами дикой силы и кровожадного стяжания народов, которых неразвитая и испорченная фантазия их избрала.

С новой хоругвью пойдем мы на исполнение новых судеб наших. Двери прошедшего захлопнуло само правительство пошлым праздником тысячелетия и нехотя призналось, что для России настает иное время, но оно нами самими должно водвориться; теперь не явится больше Петр, просветитель с кнутом,— это вы знаете.

Вот все, что мы хотели вам сказать на первый раз в ответ на ваши письма. Вы, друзья, не скажете, что мы не имели права вам советовать,— вы вызвали наш ответ, и поляки этого не скажут — они нас избрали своими посредниками,— и совесть наша этого не говорит.

Скажут это люди, которых дух сломился от рабства, которые, привыкнув с детства к молчанию передней и фронта, все еще думают, что право говорить об общем деле принадлежит присутственному месту и квартальному надзирателю. Пожалеем об них и будем с верой продолжать наше дело.

Издатели «Колокола».

10 октября 1862 г.

Н. Р. ЦЕБРИКОВ

Мы недавно узнали о кончине *Николая Романовича Цебрикова,* скончавшегося нынешней весною близ Житомира. Цебриков не принадлежал к главным деятелям между декабристами, но и в нем, как в них во всех, какая-то античная простота преданности была главным характером. Еще ребенком Цебриков бежал из горного корпуса, в 1812 году, с несколькими товарищами, чтоб записаться в волонтеры; мальчиков воротили и *наказали* за порыв патриотизма. 14 декабря он пришел с ротой на площадь и был арестован с многими товарищами Финляндского полка, в котором служил. Николай, знавший Цебрикова лично, перевел его в *высшую категорию* виновности из низшей. Цебриков четырнадцать лет прослужил солдатом на Кавказе, делал персидскую кампанию и, наконец произведенный в офицеры, вышел в отставку. Он только при Александре II получил право приехать в Петербург; знакомые Цебрикова говорят, что он сохранил — и это черта, общая декабристам,— необыкновенную молодость и свежесть убеждений. «Несмотря на свои седые волосы,— пишут нам,— он остался юношей между благоразумной молодежью, которая не хочет *гибнуть даром*». На просьбу родственников, чтоб он остерегался шпионов, Цебриков отвечал всегда, что смешно в шестьдесят лет щадить остаток жизни, когда он не щадил ее в двадцать пять.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ГУТЦЕЙТУ И ЕМУ ПОДОБНЫМ ПОМЕЩИКАМ

Кажется, какая связь между орловским помещиком Гутцейтом и другими помещиками, *насильно* любящими рабынь своих, с Кавказом — а есть. Черкесы просили королеву Викторию заступиться за них и высказали ряд всякого рода гнусностей коротко знакомого нам петербургского правительства. Между прочим, они в записке своей говорят о крейсировании русских кораблей, мешающих им всякие торговые сношения с Турцией. И дойди эта записка до «Норда» — и «Норд» *крупным шрифтом* напечатал ответ, да такой ответ, что зачешется в голове у разных Гутцейтов. «Видите, все это делается из целомудрия. Зимний дворец хочет турку отучить от многоженства; он все может вынести — статскую юстицию Панина и военную юстицию Лауница,— но черкешенок отдавать на разврат — этого Зимний дворец вынести не может. Еще в 1774 году, 10 июня, Екатерина II, 23 артикулом Кучук-Кайнарджского мира, запретила туркам доставать девочек и *мальчиков* из Грузии и Мингрелии *» (уж, конечно, компетентнее судьи по таким делам не было). Не надобно им серали, да еще мало девочек — покупают мальчиков,— мальчиков самим нужно.

Турки и не подозревали, что это была мономания, что во всей России были открыты беспрепятственно рынки не только всякого сорта и возраста крепостных девочек и мальчиков, а старичков и старушек, и вместо того, чтоб покупать себе в Чухломе или Корчеве русских,— все за черкешенками. А русский флот на что в Черном море? Конечно, его и нет почти совсем — но для защиты прекрасного пола Зимний дворец дает последнюю шлюпку... Байярд!

Действительно, митрополит Филарет прав в составленных им молитвенных возгласах, вознесенных в памятословие 8-го сентября в Новегороде. «Преемственне в счете веков, созидавшим, укреплявшим, новосозидавшим (*это Петр I*), расширявшим (*это уж Екатерина II*), прославившим — во благозаконие и благоустроение империю всероссийскую» *.

К ОФИЦЕРАМ

В Петербурге, сверх того, было разослано в большом количестве ко всем военным новое печатное воззвание *к офицерам* с эпиграфом: «Не терновый венец, а верный успех ждет вас!»

«Кому будет принадлежать честь,— спрашивает воззвание,— честь освобождения отечества от заразы, от смерти?» — и отвечает: «Современное состояние России бросает этот завидный жребий на войско, ему должна принадлежать честь поднятия знамени свободы!»

Пусть же оно подымает его. За героями Севастополя, за героями Кавказа идти легко, идти почетно...

В главе движения русского становятся офицеры, они рвутся к деятельности: им стала невыносима польская кровь на их мундирах, кровь русского крестьянина их жжет. Они хотят стереть *гражданские* победы, домашние победы своих предшественников и представляют готовую организованную силу, в то время как рассыпчатое, *статское* резонерство препинается в спорах и поправляет слог [1].

---

[1] В этом воззвании, между прочим, говорится о какой-то картинке, «касающейся издателя „Колокола“», изданной иждивением правительства. Неужели никто не будет так добр, чтоб прислать нам экземпляр? Не пером — так кистью; мало современной летописью — еще живописью *.

⟨ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАПРОС ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ «КОЛОКОЛА»⟩

¿ Три раза спрашивали мы, чем кончилось знаменитое следствие о зажигательствах, по которому сидели сотни человек в крепости и в частных домах. Ответа не было, а потому мы сами теперь отвечаем: все это был полицейский обман, который должен был испугать императора сверху и слабых внизу. Зажигателей вне полиции не нашли — а в полиции *не искали*... Не попробовать ли??

С КЕМ ВОЙНА?

Чувствительный корреспондент «Русского инвалида», рассказывая о своих *сенсациях* при отправке гвардейского полка в Варшаву *, заключает салватор-розовскую картину * следующими словами:

«Свисток — и поезд, напутствуемый благословениями, тихо тронулся. Прошло несколько секунд, но мы все, как бы под влиянием какого-то магического впечатления, стояли молча и неподвижно. „Благослови вас бог, товарищи и братья! Укрепи ваше мужество и стойкость!“— произнесли мы грустно, взглянув в туманную даль, скрывшую от нас этих молодцов, с такой изумительною твердостию и готовностию оставивших, быть может, навсегда все родное и близкое сердцу по одному призыву своего государя».

ПОДТАСОВАННЫЙ НАБОР

«Трудную задачу задало себе русское правительство — оно хочет соединить начала англосаксонского гражданского строя с монгольским управлением»,— сказал как-то один корреспондент «Теймса» в статье «О Польше» [1].

Действительно, задача трудная!

Можно ли что-нибудь выдумать безобразнее подтасованного рекрутского набора в Польше? Какое оправдание имеет невская орда, устраивая эту систематическую, рассчитанную за углом кражу людей — из мести, из трусости?

Так вот она, великая миссия примирения, на которую поехал наш сухопутный адмирал, государев брат, состоящий в должности Батыя в Польше,— да и не Батыя — Батый был полководец, победитель, а Константин Николаевич еще ничего не покорил, кроме сердца Головнина.

Как же он, прогрессист императорского дома, не бросился сам в Петербург, не растолкал немецкую татарву и не объяснил своему брату, что брать по выбору администрации людей в рекруты чудовищно, безобразно? Что поляки не могут этого вынести, что из-за этого набора польется кровь?

Или они того и хотят?

Полноте, господа Зимний дворец, дурачить свет! Нельзя, в самом деле, соединить Habeas corpus * в дурном переводе с усовершенствованными монгольскими кандалами.

В то время как мы, заведомые анархисты, умоляли поляков выждать, не торопиться с восстанием, умоляли русских офицеров употреблять все усилия, чтобы устранить, отдалить преждевременное восстание,—в то самое время *отцы* и *дяди* отечества,

[1] 13 ноября 1862 г.

консерваторы по положению, устроивают воровский набор в Польше как будто для того, чтоб вызвать *восстание отчаяния.*

Видно, и в этом пожаре зажигателями будут они сами. Да падут же на их голову рушащиеся своды и перегорелые балки.

А мы всё терпим. Долго ли же мы будем молча смотреть на этих поврежденных, слепых, глухих ямщиков, которые нас непременно опрокинут в страшную трясину несчастий и позора и у которых отчета нельзя спросить по малоумью и калечеству? Чего мы ждем? Пока сзовут Думу? Да ее никогда не сзовут — надобно, чтоб она собралась. Минин не ждал царского указа, чтоб начать свою агитацию для спасения Руси. Дума, Собор нужны не Зимнему дворцу, а народу русскому; ее надобно *им* втеснить — и, если мы хотим, мы можем это.

Не довольно им войны на Кавказе,— войны, которая продолжается *после* барятинского покорения *, еще польскую войну им надобно. Да что же, в самом деле, за палачи русские солдаты и офицеры?

Поляки, весьма вероятно, не вынесут такой наглый произвол, такую грубую несправедливость, такое удесятерение тягости — самой тяжкой повинности. С жребием человек может еще мириться, с назначением полицейских лазутчиков — никогда. Перед такой обидой нечего рассчитывать сил. Да и вообще восстания начинаются не большинствами, а энергическим меньшинством. Если б мысль восстания имела за себя силу с самого начала, тогда восстание было бы не нужно. Такой пример дала на днях Греция. Она, соединивши все воли в одну ногу, преспокойно вытолкнула за дверь баварца * с меньшими хлопотами, чем в Англии отставляют от места швейцара.

Итак, Варшаве еще раз придется поднять свою покрытую рубцами и закованную руку на защиту детей своих от людокрадов. Наши офицеры, наши солдаты долею станут с ними, потому что против них идти позорно, и русская кровь польется с обеих сторон, и все это из-за чего?

Из-за капризной мести трусливого правительства, которое, не давая никому отчета, следует поэтическим внушениям своего расстроенного воображения.

Под опеку Думы его! под опеку Собора земского!.. или мы дойдем до страшных бедствий.

ПОТЕРЯ СОТРУДНИКА

Читатели, вероятно, примут участие в потере одного из самых неутомимых сотрудников наших: граф Виктор Никитич Панин, доставлявший нам столько материалов, наконец пал, мужественно защищая плети и розги!

UNE REPONSE

La police russe annonçait dernièrement la découverte d'un comité central polonais, présidé, prétendait-elle, par M. Mieroslawski.

Quelque temps auparavant, nous avions reçu une lettre [1] d'un comité central national polonais siégeant à Varsovie, mais n'ayant pas M. Mieroslawski pour président. M. Mieroslawski a cru que c'était ce comité — dont il ignorait lui-même l'existence — qui aurait été découvert par la police russe et a mis en doute — dans *le Siècle* et dans *l'Opinion Nationale* — l'influence de ce comité.

En ce qui nous concerne, nous ne mettons nullement en doute l'existence *à Varsovie* d'un comité central polonais, non présidé par M. Mieroslawski, et nous sommes en outre heureux d'annoncer à tous les amis de la Pologne que *ce* comité n'a pas du tout été découvert par la police russe.

D'un autre côté, *le Constitutionnel*,— et après lui *l'Étoile Belge*,— conteste l'authenticité de l'adresse des officiers russes en garnison en Pologne au grand-duc Constantin, qui a été insérée dans *le Kolokol* [2], mais il accepte pour certain, sans la moindre hésitation, un fait tellement extravagant que nous le citons pour sa bizarrerie:

«Quand *la Cloche* est arrivée à Varsovie le grand-duc Constantin a pris un parti fort simple: il s'est borné à faire lire la prétendue lettre devant tous les régiments et dans toutes les casernes. Le lendemain, 16 novembre, les officiers ont fait demander au prince la permission de se présenter devant lui afin de protester contre l'abus qu'on avait voulu faire de leurs noms».

Quant à nous, nous ne doutons en aucune façon de l'authenticité des SIGNATURES qui se trouvent au bas de l'adresse des

[1] Cette lettre a été publiée dans le № 3 de *la Cloche*.
[2] Voir le № 6 de *la Cloche*.

officiers, signatures que nous avons *entre les mains,* mais, en revanche, nous sommes convaincus que l'anecdote concernant les officiers et le grand-duc, est de pure invention.

Les événements marchent vite maintenant en Russie. Les faits prouveront bientôt qui de nous ou de ces journaux a raison.

Les rédacteurs du *Kolokol.*

1-er décembre 1862.

ПЕРЕВОД

ОТВЕТ

Русская полиция объявила недавно, что обнаружен некий центральный польский комитет, возглавляемый, по ее утверждению, г. Мерославским.

Незадолго до того мы получили письмо [1] от Центрального народного польского комитета, находящегося в Варшаве, но не имеющего г. Мерославского своим председателем. Г-н Мерославский решил, что именно этот комитет — о существовании которого ему самому ничего не известно — обнаружила русская полиция, и подверг сомнению в «Le Siècle» и в «L'Opinion Nationale» — влияние этого комитета *.

Что касается нас, то мы нисколько не подвергаем сомнению существование *в Варшаве* Центрального польского комитета *, не возглавляемого г. Мерославским, и, вдобавок, с радостью объявляем всем друзьям Польши, что *этот* комитет вовсе не был обнаружен русской полицией.

С другой стороны, «Le Constitutionnel»,— и вслед за ним «L'Etoile Belge»,— подтверждает подлинность адреса русских офицеров из польского гарнизона великому князю Константину *, напечатанного в «Колоколе» [2], но газета эта без малейшего колебания признает достоверным один факт, настолько нелепый, что мы приводим его вследствие его причудливости:

«Когда „La Cloche" был получен в Варшаве, великий князь решился на очень простую меру: он ограничился тем, что велел

---

[1] Это письмо было опубликовано в № 3 «La Cloche».

[2] См. № 6 «La Cloche».

прочесть мнимое письмо перед всеми полками и во всех казармах. На другой день, 16 ноября, офицеры попросили у великого князя позволения явиться к нему, чтобы протестовать против злоупотребления их именами».

Что касается нас, то мы никоим образом не сомневаемся в подлинности ПОДПИСЕЙ, стоящих под офицерским адресом,— подписей, находящихся у нас *в руках,* и, напротив того, убеждены, что анекдот об офицерах и великом князе представляет собой чистейший вымысел.

События теперь быстро подвигаются в России. Факты докажут вскоре, кто из нас был прав — мы или эти газеты.

Редакторы «Колокола».

1 декабря 1862 г.

ПУТИ! ПУТИ!

Нам становится неловко молчать на постоянно повторяемое обвинение в дороговизне русских книг, печатаемых в Лондоне. Раз навсегда мы объясним нашим читателям, что цена русских книг зависит не от нас, *а от них.*

При заведении русской типографии в Лондоне не было в виду *торгового оборота.* Все делалось и делается единственно с целью пропаганды.

До 1857 года не только печать, но и бумага не окупалась. С тех пор все издержки покрываются продажей, далее наши финансовые желания не идут.

Что касается собственно до *избытка* от продажи, то его *только что достает* на покрытие ущерба от *перехватываемых* тремя полициями экземпляров,— от экземпляров, которые мы считаем необходимым посылать безденежно и на наш собственный счет,— от экземпляров, за которые не платят, но которые мы посылаем, потому что они доходят в Россию.

Печать в Лондоне очень дорога, это не новость. Лондонские цены на печать и бумагу известны [1]. Зачем мы печатаем в Лондоне? Затем, что в Европе нет верного угла, в котором бы можно было печатать. Мы и живем в Лондоне вовсе не по пристрастию к его нравам, дороговизне и туманам.

Тем не менее и лондонские издания можно было бы свести на половинную цену. Кто же виноват в том, что они продаются так дорого?

Вы, а не мы.

---

[1] Печатный лист большого формата тысяча экземпляров, на русском языке, стоит больше 150 фр. в Лондоне и около 75 фр. на континенте.

Открыть новые пути сообщения мы не можем, это ваше дело; этого требует справедливость — нельзя же, чтоб мы все делали, а вы дарили бы нам одну благосклонность читателя. Все русские, с которыми нам случалось говорить, уверяли нас, что пути провоза книг через русскую границу устроить *очень легко* — тем лучше: мы вовсе не хотим вас обременять тяжким трудом, сделайте легкое, но *сделайте в самом деле.* Когда вы устроите постоянные и *прямые* пути, тогда мы будем печатать вместо каждой тысячи — десять тысяч, и с каждой тысячью цена будет больше и больше падать на цену бумаги. Тогда русская типография станет независимо от трех книгопродавческих этапов. Тогда мы не будем в необходимости набавлять *пятьдесят* процентов. Тогда и цена в России не будет возвышена срывщиками, над которыми мы контроля иметь не можем.

Без верных, правильно устроенных путей не будет дешевых книг.

Не умеете, не хотите, скучаете искать верных путей (несмотря на то, что это очень легко), оставайтесь под монополью предприимчивых книгопродавцев и платите им втридорога.

Наконец, если это для вас легче, перепечатывайте внутри России все наши издания, Россия велика,— как не спрятать в ней типографского ящика, когда в Варшаве выходит «Рух», «Стражница» и пр. под носом Виелепольского и всех шпионов, которым еще не обрезали уши, как Фелькнеру? *

Вперед позвольте нам на это не возвращаться.

КАНЦЛЕР-ПАМФЛЕТИСТ

Благодаря «Правдолюбивому» мы узнали (10 №), что и горчаковский «Journal de St-Pétersbourg» пустился по следам Шедо-Ферроти, Каткова и Елагина и обругал издателей «Колокола» * на чопорных листах своих. Куда же пошли уроки Талейрана, который поучал Горчакова тайне учтиво и сообразно силе и слабости гостей предлагать говядину? [1] Где осторожность дипломата, умевшего быть другом декабристов и слугой Николая *? Охота же ему, ветхому нотами и протоколами, вступать боксером за министерство иностранных дел там, где *три отделения* бойцов, не согласные между собой, как один кулак, защищают трон: партия *«Русского вестника»*, партия *«Нашего времени»* и партия *«Прошлого времени»* (т. е. прежних друзей издателей «Колокола»), уговорившая, как нам пишут, Солдатенкова перепечатать в сборнике статей г. Чичерина его письмо к *издателю* «Колокола» *. Ну где же вам, князь, на старости лет угоняться за сими ярыми бойцами? Переводные ругательства вашего французского журнала не имеют пикантного saveur'a и haut goût [2] измены и предательства, вы ими не предаете позору всю вашу юность, все благородные воспоминания вашей жизни [3].

---

[1] «Indépendance».

[2] привкуса... игривых намеков (франц.).— *Ред.*

[3] Мы благодарны неизвестному корреспонденту «Правдолюбивого» за то, что вступился за нас *. Но, признаемся, были бы еще благодарнее, если б он не только вступался, но и читал бы, что мы пишем. Где, в каком сочинении, в котором листе «Колокола» «друг правды» вычитал желание *подчинить малороссов* и вообще кого бы то ни было Польше? * Помилуйте, давно ли мы печатали, конечно, десятый раз, наше profession de foi к русским офицерам *. Хоть бы вы взглянули, господа, как нас отделывает «Бачность» за противуположное, и тоже несправедливо *.

〈«СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»〉

«Северная пчела» (в 317 №) перепечатала из «Сына отечества», взявшего из «Indépendance», перепечатавшей из «Constitutionnel»'я (каков чистый родник новостей об России для русских журналов!), следующую весть из Варшавы: «Газета „Колокол", издающаяся в Лондоне, напечатала в одном из своих последних номеров письмо, написанное будто бы русскими офицерами к в. к. Константину Николаевичу с целью объявить ему, что если произойдет восстание в Варшаве или в какой-нибудь из польских областей, то армия откажется прекратить его или же решится на это с величайшим отвращением. Письмо это было *подложное*. Когда „Колокол" был получен в Варшаве, то в. к. решился на очень простую меру: он ограничился тем, что велел прочесть мнимое письмо перед всеми полками и во всех казармах. На другой день, 16-го (4-го) ноября, офицеры просили у в. к. позволения явиться к нему, чтоб *всем вместе, без всякого исключения,* принести ему уверение в их преданности и протестовать в то же время против злоупотребления их именами. В. к. немедленно их принял; он сказал им, что хотел сообщить им напечатанное письмо именно для того, чтоб засвидетельствовать им свое доверие и доказать его полное убеждение в том, что при всяком случае они останутся верны законам военной чести» («Сын отеч.»).

А ведь новость-то эта, несмотря на авторитет «Constitutionnel»'я и «Indépendance», оказывается чуть ли не *подложнее* адреса, *который у нас есть с подписями.* Во всяком случае комитет русских офицеров в Польше будет очень благодарен в. к. за распространение их адреса по полкам и казармам. Нельзя ли эту новую пропаганду распространить на письмо Комитета к русским офицерам — и вообще на «Колокол»?

НАБРОСОК

‹ЧТО, В САМОМ ДЕЛЕ, ПРОЩЕ И ДОСТУПНЕЕ, КАК ПОНЯТИЕ СТАРОСТИ И СМЕРТИ...›

Что, в самом деле, проще и доступнее, как понятие старости и смерти. А в самом деле оно вряд так ли легко понятно, как кажется. Необходимость старости и смерти — совсем не ясно следует из понятия живого организма, именно потому, что старость и смерть — его пределы и скорее лежат в внешних условиях и внутренних отклонениях организма, в его односторонних развитиях и в окружающей среде, чем в его общем смысле.

Организм представляет, больше или меньше, замкнутую в определенную систему совокупность взаимодействий и круговых порук, задерживающих в колеблющемся равновесии разнородные части его. Насколько среда может быть увлечена организмом (пожалуй, съедена им) — настолько он усваивает ее и сам прилаживается к ней (делает ее съестной, а себя пищеварением) и развивается. Там, где оканчивается возможность дальнейшего претворения, он останавливается; где его сил меньше, чем препятствий, он слабеет и, наконец, не в состоянии противудействовать общим химическим процессам.

Сверх того, в организме одна сторона может взять верх, развиться до совершенства или до нелепости — в обоих случаях на счет остальных сторон.

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Н. И. ПИРОГОВ

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Необходимо сказать, что статья эта писана не для нашей публики, она была назначена в «Journal des Débats». Мы с радостью помещаем ее, особенно в нынешнем листе. Пусть она заключит прошлый и начнет нынешний год добрым словом и благородным образом.

‹М. А. БАКУНИН В ЛОНДОНЕ›

М. А. Бакунин приехал 27 декабря в Лондон.

ЗАЩИТА МОСКОВСКИХ ПРОФЕССОРОВ (Письмо к издателю)

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

В письме Леонида Блюммера сообщалось, что опубликованные в «Колоколе» материалы о студенческих волнениях, происходивших в Петербурге и Москве в сентябре — октябре 1861 г., хотя «верно и характеристично» передавали происшедшее, но многое в них было «в значительной степени искажено». Автор корреспонденции указывал, в частности, что напечатанный в «Колоколе» «список студентов, сидящих в казематах, далеко не полон». К этому месту было сделано следующее примечание:

У нас был помещен *официальный* список до числа *. Аресты продолжались и после.— Р е д.

‹ИЗВЕЩЕНИЕ›

Считаем полезным известить наших читателей о чрезвычайном увеличении *тайных членов у спб. почтового ведомства.* Мы ожидаем их списка для того, чтоб скромная деятельность подпечатывания не осталась под спудом.

АДРЕС МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ПРИМЕЧАНИЕ>

Нам пишут из Москвы, что текст адреса, помещенный в 117 л. «Колокола» *— *не тот*, который трое студентов передали через флигель-адъютанта государю *. Наш корреспондент прибавляет, что текст, у нас помещенный, действительно был предложен, но заменен следующим при отправлении депутатов.

Далее следовал текст адреса, в котором, среди прочих просьб к императору, содержалась просьба и о том, чтобы студентам была дана «возможность опровергнуть унизительные для чести нашей слухи, изустно и печатно про нас распространенные». Слова «изустно и печатно» сопровождены следующим примечанием:

В «Полиц. вед.» было напечатано, что студенты с палками напали на жандармов, что они были вооружены палками и кинжалами. Рассказывали гораздо хуже этого.

АНТОЛОГИЯ ИЗ РУССКИХ ГАЗЕТ

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ЗАМЕЧАНИЯ>

Генерал-майор князь М. Друцкой-Соколинский в качестве волынского губернатора отличился замечательно красноречивым циркуляром, которого окончание мы перепечатываем.

Далее следовало окончание циркуляра, перепечатанного из «Киевского телеграфа», предписывающего, что должны отвечать полицейские чиновники в тех случаях, когда их будут упрекать «за донесения по начальству о противуправительственных действиях, совершаемых неблагонамеренными, легкомысленными лицами».

Этот chef d' œuvre напомнил нам другое художественное произведение — величайшего мастера деспотических дел и изобретателя разных полиций — императора Николая Павловича. По счастью, мы нашли его между старыми бумагами. На николаевскую тему вот какие вариации скомпоновал Бенкендорф (premier *violon* [1] империи).

Исправляющий должность московского военного генерал-губернатора объявил жителям Москвы 27 мая 1839 года.

Ниже публиковалось предписание, повелевавшее, в связи с указанием императора, «жандарма, поставленного начальством для сохранения порядка, считать отныне часовым»<...>

---

[1] первая *скрипка* (франц.).— *Ред.*

«малейшее ослушание против жандармов <...> будет подвергнуто,— утверждалось далее,— строжайшему взысканию; а лакеи, кучера и форейторы в случае неповиновения отдаваемы будут без зачета в рекруты».

Позднее раскаяние и грозный совет. В 82 № «Виленского вестника» помещена статья из Каменца-Подольского, в которой находится следующее чрезвычайно интересное место.

В публиковавшейся далее выдержке из статьи от лица помещиков утверждалось, что они «виноваты» перед крестьянами, поскольку не заботились об их «нравственном образовании», а также не сумели «заслужить их доверие». Отсутствием доверия со стороны крестьян объяснялся в статье и тот факт, почему все «пожертвования в пользу их будут сочтены ими за неизбежную необходимость, которой мы уступаем поневоле, а не добровольно».

Зато в той же газете г. *Падалица* возбуждает таким образом внимание бдительного начальства на киевскую молодежь.

Статья Падалицы, рассказывавшая о сопротивлении крестьян при подписании уставных грамот, одобрительно отзывалась о действиях помещиков и осуждала антипомещичью пропаганду, предупреждая особенно «киевскую молодежь», что «скрытая борьба» «не принесет никому чести». «Долг каждого — примирять, сближать и соединять».

ОБМЕН ЖУРНАЛА

С нынешнего года мы будем посылать постоянно в редакцию «Северной почты» «Колокол»; благоволит оная редакция в обмен высылать «Северную почту» в русскую типографию в Лондон, 136 & 138 Caledonian road, N.

СКАЗАНИЕ О БЕЗДНИНСКОМ ПОБОИЩЕ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СЛУЧАЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Эти в высшей степени любопытные материалы получены нами месяца два тому назад, мы не имели места, чтоб их прежде напечатать.

СТАТЬЯ М. А. БАКУНИНА

Мы печатаем в прибавочном листе *первую* статью Бакунина; «Колоколу» по праву принадлежит его слово, молчавшее

так долго... и не утратившее своей крепости и энергии ни в казематах, ни в снежных пустынях.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК ОДНОГО НЕДЕКАБРИСТА

<предисловие>

Отрывки эти были нам доставлены с примечанием, что они писаны одним современником декабристов, который лично был в довольно близких отношениях с ними, несмотря на то, что явным образом не разделял их образа мыслей. Каждая подробность (даже неприязненно высказанная, или без глубокого понимания) о великих мучениках и деятелях 14 декабря — бесконечно важна для нас. Мы с искренней благодарностью помещаем присланные нам отрывки в «Полярную звезду».

Мы сочли необходимым, в двух-трех местах, выпустить целые фразы или несколько слов, заменяя их точками.

О КАЗАКАХ-НЕКРАСОВЦАХ

<вступление и примечание>

Печатаем с искренним удовольствием полученную нами небольшую статью о *некрасовцах,* писанную одним *из казаков.* Пусть этот опыт найдет подражателей. Мы предлагаем братски наши услуги всем, не принадлежащим к господствующей церкви; полная свобода вероисповеданий — один из святейших догматов наших.— И з д.

В статье рассказывалось, каким гонениям подверг монастыри Николай I — «сей мучитель подобен антихристу». К этим словам примечание:

Опять-таки наш незабвенный!

РУССКАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Берлине вышла 1-ая книжка нового русского журнала «Свободное слово». Программа написана в духе примирительно-прогрессивном и независимом *. Успех такого органа нам кажется несомнительным. Издатель «Свободного слова» — г. Шнейдер, редактор — *Л. Блюммер.*

Там же вышла III часть превосходно составленных «Материалов» для истории освобождения крестьян *.

ЕЩЕ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

В Лейпциге Волфганг Гергард будет с конца нынешнего месяца издавать новый журнал под названием «Правдивый». Редактором его будет князь П. В. Долгорукий.

‹НАС ПРОСЯТ УЗНАТЬ...›

Нас просят узнать, точно ли петербургские студенты *Бутчик,* некогда судимый товарищами своими, его адвокат *Нелов* и вольный слушатель *Назаревский* поступили на служебное поприще, и на какое именно?

‹СТАТЬИ ПОД ЗАГЛАВИЕМ...›

Статьи под заглавием «Русь православная» мы не получали.

‹КОРРЕСПОНДЕНТА, ПРЕДЛАГАЮЩЕГО ЗАМЕТКИ О МОНАСТЫРЯХ...›

Корреспондента, предлагающего заметки о монастырях и церквах, усерднейше просим прислать рукопись.— Р е д.

ПО ТВЕРСКОМУ ДЕЛУ

‹ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Нам пишут, что правительство в особенности было раздражено на тверских посредников за то, что они *крестьянам на волостных сходах* читали адрес дворянства, поясняя им, что дворяне просят, чтоб их соединить с крестьянами в одно общее сословие землевладельцев — inde irae![1]

Если так пойдет, то *первый русский дворянин* скоро прибавит к своему титулу и *последний.*

---

[1] отсюда гнев (лат.).— *Ред.*

ДОНОС МОСКОВСКИХ ПРОФЕССОРОВ

‹ПРИМЕЧАНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

В записке на имя министра народного просвещения, подписанной профессорами Московского университета Соловьевым, Бодянским, Леонтьевым, Ешевским, Чичериным, рассказывалось о «беспорядках», происшедших в университете в сентябре — октябре 1861 года. В частности, в ней говорилось, что студенты организовали демонстрацию на могиле Грановского. К словам «Память Грановского остается для университета священною» было сделано примечание:

Долго ли же будут эти люди позорить память Грановского своим языком? — Прим. ред.

После указания вышеупомянутых фамилий профессоров, подписавших записку, шло следующее заключение:

Записка эта *напечатана в пяти* экземплярах и содержится в величайшей тайне.

Студенты, вероятно, не забудут исторические имена подписавшихся.

ИЗ ВИТЕБСКА ДО КОВНА (1861)

‹ПРИМЕЧАНИЯ›

‹1›

Письмо это, так живо представляющее состояние края, писано поляком по-русски; мы не хотели изменять оригинальный слог автора, несмотря на то, что местами он неправилен.— Ред.

‹2›

Автор корреспонденции, упоминая о Могилеве, замечает: «Это в последнее время стал весьма хорошенький городок». К этому месту сделано следующее примечание:

При названии этого города должно вспомнить русскому своего мученика Муравьева-Апостола. Когда его, скованного, привели перед Остен-Сакена и когда Сакен стал бесноваться, вмешивая красные слова, то Муравьев потрес оковы от сдержанного волнения, плюнул на Сакена и повернулся к выходу.

(Из рассказа старого капитана, конвоировавшего Муравьева до Петербурга).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Сорок один фунт пять шиллинг. для известного назначения с величайшей благодарностью получили.

АДРЕС, ПОДАННЫЙ ПРОФЕССОРАМИ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

〈ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ〉

В адресе содержалась просьба о переводе высланного из Петербурга проф. Павлова из Ветлуги в Нижний Новгород.

От ред. Говорят, что Павлов переведен в Нижний.

ДВИЖЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА И ДВИЖЕНИЕ КАНЦЕЛЯРСКОЕ ВО 2 АРТИЛЛЕР. ДИВИЗИИ

(В назидание Михаилу Николаевичу)

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

В корреспонденции рассказывалось, как в 1-й армии искали автора статьи «Шейдеман-Кеплер, Шейдеман-Невтон», опубликованной в л. 87-88 «Колокола» от 15 декабря 1860 г. К словам корреспондента: «Иные говорят, что Шейдеман послал в редакцию „Колокола" этот ответ (правда ли это? и не получено ли чего-нибудь подобного?)» — сделано примечание:

Мы не получали.— Р е д.

ОТ РЕД〈АКЦИИ〉

Восемьдесят талеров с известным назначением мы получили и благодарим.

КНЯЗЬ ОРЛОВ И ФИЛАРЕТ-МИТРОПОЛИТ

〈ВСТУПЛЕНИЕ, СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Князь Орлов, белгийский посланник, известный своей книгой и своей отвагой под Силистрией *, поднял благородный голос против телесных наказаний. Ему казалось, что к предстоящему празднеству тысячелетия было бы возможно уничтожить *накожное* исправление людей. Выписываем все существенное из превосходной записки князя Орлова.

Далее следовали выдержки из «Записки об отмене телесных наказаний» Н. А. Орлова.

Князь Орлов заключает так:

Вслед за этой фразой шли заключительные строки «Записки» Орлова.

Таков голос *мирянина;* посмотрим, что на это сказала немотствующая церковь мудростию своего ветхого вертоградаря *Филарета* московского и коломенского.

Вот как словоназидает этот монах:

Далее следовали выдержки из возражения Филарета на «Записку» Орлова, после которого шло следующее заключение:

...Воистину, о возлюбленные братие, всякое стужание ослабит сие архипастырское розгословие, и не токмо стужание, но если ты побиеши жезлом, прутием, палицей (о которой оповещает апостол Павел), брадоиздранием и власоисхищением огорчишь, то и тогда душу фарисействующую от смерти не избавиши (как благовещено в Прит. XXIII, 14); да и не избавиши от нея — и самую церковь — от века смиренно грядущую, рука в руку, с палачом, истязателем, грабителем и всею спирою кесаревою триединого отделения...

НЕМЕЦКИЙ ФИЛАРЕТ И РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ

‹ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Воспроизведенный в «Колоколе» протест 106 русских офицеров по поводу напечатанной в «Военном сборнике» статьи князя Эмилия Витгенштейна, выступившего в защиту телесных наказаний в армии, был сопровожден заключением:

В следующем №«С‹еверной› п‹челы›» издатель «Военного сборника» обороняется всеми средствами от подозрения, что он делит воззрения князя Емилия. Это отречение от всякой солидарности с ним еще рельефнее выставляет немецкого любителя телесных наказаний.

ВАЛУЕВ И ПРОВОЛОКА

‹ВСТУПЛЕНИЕ, ПРИМЕЧАНИЕ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Министр в‹нутренних› д‹ел› подал следующую записку:

Далее следовал документ, в котором предлагалось во избежание появления «в иностранных изданиях искаженных и враждебных русскому правительству статей» посылать по те-

леграфу, через агентство Рейтер, официальные сведения о жизни в России. В записке, в частности, указывалось: «Нет сомнения, что подобная мера отзовется и на тех русских изданиях, выходящих за границею, в которых помещаются статьи о современных фактах в русской жизни: статьи эти после появления телеграфических депеш потеряют свой соблазнительный интерес. К слову «соблазнительный» было сделано примечание:

Это уже по части клубники.— Ред.

В заключении к записке сообщалось:

В силу этой записки депеши уже посылаются Рейтеру.

ИЗ СИБИРИ

(Отрывки из писем к издателю)

‹ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

...Мы знаем, что эти pia desideria [1] покажутся нашему правительству утопией, пожалуй, даже революционным замыслом и князь Долгорукий, вероятно, примет меры к отысканию автора. Но посоветуем искренно правительству нашему не волноваться напрасно и *ко вреду своему.* Оно уже записало в историю Сибири две позорные для себя страницы отказами завести в Сибири университет и позволить американцам построить железную дорогу от Читы до Байкала; да остережется же записывать третью... Желаем ему сидеть крепко на столе дедне и отне, но пусть оно помнит также, что ветерок враждебной ему гражданской свободы скоро проникнет чрез Амур во всю Сибирь и тогда ему придется расстаться с зауральскими владениями еще вернее, чем оно теперь расстанется с Польшей.

ПИСЬМО К АЛЕКСАНДРУ II П. МАРТЬЯНОВА

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Письмо это — совершившийся факт, оно было послано, и вряд оно не первое ли письмо, писанное человеком, испытавшим на себе всю тягость крепостного состояния. Если Александр Николаевич прочел это письмо и сравнил *народный идеал земского царя с царем Зимнего дворца,* то он провел печальную минуту — угрызений и боли. Возможность такого идеала свидетельствует о юности просыпающегося народа. Мы слишком стары, чтоб иметь его. Но охотно передаем нашим читателям это письмо, «Колокол» никогда не хотел быть одной нотой роговой музыки. Мы получили его при следующем письме.

Далее шло письмо П. Мартьянова в редакцию «Колокола».

[1] благие пожелания (лат.).— *Ред.*

ГОЛОС ЗА НАРОД
(Письма помещика)

Письмо второе

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Поместив адрес к государю от благородного человека из крестьян * и письмо благородного человека из помещиков, редакция «Колокола» предоставляет себе право в непродолжительном времени высказать свою собственную точку зрения *.

СУВОРОВСКИЕ ПОХОДЫ ПО ГРЯЗЯМ ПЕТЕРБУРГСКИМ

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

От изд. Мы с большим удовольствием узнали, что государь обратил, наконец, внимание на необходимость своих приближенных прибегать к беззаконным мерам, чтоб не платить долгов, и, желая узаконить то, что допускалось как самовольное нарушение всякого юридического смысла, дозволил кн. Меншикову-Алмскому обратить, в видах *неплатежа долгов* его детей, внучат и правнучат, его имение в заповедное. Одни говорят, что это за Крымскую кампанию, другие — за кампанию против освобождения крестьян,— все равно, но дети и внучата будут *законно* не платить долгов. Умно и последовательно — вот и земский царь!

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ БАРЯТИНСКИЙ И БРАТЬЯ ШУЛЬГИНЫ
(Письмо к издателю)

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Мы равно не дивимся ни поведению Барятинского, ни слову la canaille [1], им употребленному и показывающему не только отсутствие всякого воспитания, но всякого такта. Никто никогда не выдавал Барятинского ни за умного, ни за образованного человека, не дивимся также и конфирмации государя. *Но товарищи-то каковы?..*

Действительно, капитан Сороко должен был оставить полк и перейти куда-нибудь.— Р е д.

В ЗАЩИТУ г. БАРАНЦОВА

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Мы получили по поводу помещенной в № 129 «Колокола» статьи «Движение земного шара и канцелярское движение во 2 арт. дивизии» письмо, из которого выписываем все идущее

[1] сброд (франц.).— *Ред.*

в пользу г. Баранцова, оставляя резкую характеристику Шейдемана и Мерхелевича.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ДОЛГОВ

(Способ второй)

<ПРИМЕЧАНИЯ>

<1>

Первый способ состоит в причислении имения к заповедным. См. «Кол.», лист 131 *.

<2>

В статье сообщалось, как промотавшиеся князь М. М. Долгоруков и его жена, желая избежать уплаты долгов, поехали в Петербург, где, по словам корреспондента, «с помощию известных людей, которых не хочу назвать», у императора было выпрошено «повеление учредить негласное попечительство по делам Долгоруковых» с тем, чтобы и кредиторы не потерпели убытков и имение было «спасено для несчастных детей». К словам «которых не хочу назвать» сделано примечание:

Мы отказываемся впредь печатать статьи, в которых будут скрыты фамилии.— Р е д.

<3>

В тексте статьи к словам: «Эта высочайшая воля исполнилась, попечительство учредилось, оно составилось сперва из 3-х сильных, всем известных лиц» — в скобках было сделано указание:

Фамильи! Фамильи!

ПРОКЛАМАЦИЯ ОФИЦЕРАМ

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Мы перепечатываем следующую прокламацию, разосланную в С.-Петербурге; несколько экземпляров ее были разбросаны в приемной зале Зимнего дворца в день пасхи.

Далее был напечатан текст прокламации.

СЕЧЕНИЕ И УБИЙСТВА КРЕСТЬЯН В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

В корреспонденции сообщалось о волнениях крестьян в Пермской губернии в связи с объявлением манифеста 19 февраля. В расправе над крестьянами приняли участие солдаты, посланные губернатором Лашкаревым. В примечании корреспондент указывал, что «Александр Григорьевич Лашкарев — тот самый, который отличился во время управления своего лесным департаментом гениальною выдумкою: перечислять за дурную службу лесничих в гражданские чины». К этому месту шло примечание:

К этому замечанию корреспондента мы прибавим, что этот Лашкарев — ханжа, известный «Колоколу», один из самых вреднейших губернаторов, безумное самоуправство его переходит далеко общий губернаторский уровень. Кое-что об нем мы сообщим в следующем листе *. Все, что он делает, известно, и он остается и, вероятно, останется, Валуев ли будет министром или другой кто-нибудь — им что за дело.— Р е д.

ПИСЬМО Г-НА БЛЮММЕРА

<ПРИМЕЧАНИЕ>

В своем письме Л. Блюммер сообщал, что в его отсутствие, с ведома секретаря русского посольства г. Петерсона, его квартиру посетили прусский полицейский офицер и русский полицейский Колиньи. Под предлогом поисков «какого-то г. Дарожинского» они забросали хозяина квартиры Блюммера вопросами об образе жизни последнего. Опасаясь политического преследования и, в частности, вскрытия писем, Л. Блюммер обращался к своим корреспондентам с просьбой писать ему на имя издателя Шпейдера. В заключение Блюммер указывал, что Колиньи обещал побывать и у издателей «Колокола». «Впрочем, вы ведь в Англии,— замечал Блюммер,— а в ней тех семейных отношений не существует, ради которых я несколько не спокоен». К этому месту было сделано следующее примечание:

Вот оно и не подобает рекомендовать прусскую конституцию-то! — Р е д.

ДОКТОР И. В. ЕНОХИН

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Мы получили за подписью «Русский врач» письмо, защищающее *д-ра Енохина* от нападок на его характер и деятельность, сделанных в 2 № «Правдивого». Передаем сущность письма нашим читателям.

В КОНТОРУ «СОВРЕМЕННИКА»

Подписчики в Лондоне начинают подозревать, что английская ценсура останавливает «Современник»; не может ли контора «Совр.» узнать, отчего 10/22 мая еще не получена *мартовская книжка,* в то время как все остальные журналы давно получены?

ФИЛАРЕТ И РОЗГИ
(Письмо к издателю)
<ПРИМЕЧАНИЕ>

Мы получили это письмо от одного из почтеннейших ветеранов освобождения крестьян.

ЕЩЕ ЛАШКАРЕВ-ПЕРМСКИЙ
<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Г. Валуев, ей-богу стыдно держать таких губернаторов! Велите по крайней мере письмо-то потребовать, не заодно же вы с убийцей.

ЛОПУХИН И 2400 р.
<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

«Северная пчела» рассказывает следующий замечательный факт хищных наклонностей догорающего помещичества и отеческой нежности ко всему неблагоприобретенному псковских властей *.

Далее следовала заметка из «Северной пчелы».

А. В. ПОДЖИО И ЕГО ПЛЕМЯННИКИ

В 103 л. «Колокола» было напечатано о том, что племянники А. В. Поджио, *Александр* и *Лев Осиповичи,* не отдали старцу, по возвращении его из Сибири, его именья. С истинным удовольствием спешим уведомить наших читателей, что *старший* племянник Поджио, *Александр Осипович*, честно и добросовестно рассчитался с дядей.

ПИСЬМО МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ТУЧКОВА К ГРАФУ ПУТЯТИНУ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Как дошло до своих, сердце-то сказалось. Это высший комизм, который, впрочем, тоже мало оправдывает профессоров, как и квартальных.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы получили на днях *764 фр.*, назначенные нуждающимся студентам в Петербурге и Москве. Деньги эти будут доставлены. Сверх того, получены нами *1000 фр.* с особым назначением.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы получили 27 июня 2500 фр. с особым назначением, которое и исполнено.

АДЛЕРБЕРГ I КАК ХОЗЯИН, СУДЬЯ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИК

<ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Кстати, к Адлербергу I: мы имели на днях приятное известие о прибытии в Висбаден *графини* Мины Ивановны, где она и проигрывает большие деньги и плотит золотом *русского чекана*. Откуда у нее такая куча русского золота? На паспорт теперь не выдают даже 60 империалов. Как вы думаете, господа, откуда?

<«ОБЩЕЕ ВЕЧЕ»>

При «Колоколе» будет выходить в неопределенные сроки особый лист под заглавием:

«ОБЩЕЕ ВЕЧЕ»

Цель «Общего веча» — уяснять общее земское дело и служить выражением мнений, жалоб и общественных потребностей людей всех религиозных толков и согласий и всех сословий, крестьян и разночинцев.

Содержание первого прилагаемого листа следующее: «От издателей»; «Письмо к верующим всех старообрядческих и иных согласий и сынам господствующей церкви»; «Ограбление церкви и людей»; «Храмцовские крестьяне»; «Купцы Сергиевского посада»; «Донос купца Сопелкина»; «Дело Сурнина»; «Чиновничья власть»; «От издателей» и проч. Цена за один лист 6 пенсов.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

‹ВСТУПЛЕНИЕ›

Наш Веверлей не будет до такой степени романтичен, как вальтер-скоттовский *. В наших романах, совершавшихся в атмосфере Зимнего дворца, иной колорит. Мы перепечатываем слово в слово замечательное объявление петербургской полиции, обнародованное 30 марта 1802. Считаем необходимым прибавить, что петербургские старожилы рассказывали дело так, что цесаревич Константин, раздраженный упорством несчастной жертвы, *отдал ее на изнасилование* каким-то злодеям, товарищам этого милого Дон-Жуана императорской семьи.

ВРЕМЕННООБЯЗАННАЯ ГОЛОВНИНУ ЛИТЕРАТУРА

‹РЕДАКЦИОННЫЕ ВСТАВКИ›

‹1›

Кстати к Галиции и Познани, эту заботливость, чтоб как-нибудь поляки не подумали, что русское правительство хочет им добра, Николай Павлович распространил на весь славянский мир.— Вот и его циркуляр.

‹2›

Вместе с этим историческим памятником получили мы следующий, относящийся к тому же времени.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Нам пишут, что в скором времени выйдут в свет: «Избранные сочинения» Гейне, перевод Майкова *, «О представительном правлении» Ст. Милля * и «Сущность религии» Л. Фейербаха *.

‹ИЗВЕЩЕНИЕ›

Редакция извещает о получении векселя в 25 фунт. с особым назначением.

К БРАТЬЯМ СЛАВЯНАМ ОТ ВСЕСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Мы получили это воззвание с просьбой напечатать его.— Р е д.

ТРИ ТАЛЕРА ИЗ ВИЛЬНО

Мы получили небольшую статью совершенно частного содержания и не имеющего особенного интереса для читателей, при ней были приложены *три талера* прусскими ассигнациями. Статьи мы не помещаем, а три талера, за неимением адреса, отослать не можем. Мы их отдадим бедным из русских, но желали бы, чтоб нам или не присылали денег, или говорили бы о их назначении.

РУССКИЕ МУЧЕНИКИ И МУЧИТЕЛИ В ПОЛЬШЕ

‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ›

Выписываем из чрезвычайно замечательного письма, полученного нами из Польши, следующие строки.

Далее следовало письмо о расправе над Арнгольдтом, Сливицким и Ростковским.

БАРЫНЯ ЧЕРТОВА И ГОСПОЖА СУХТИНА

‹ВСТУПЛЕНИЕ›

Мы получили из Москвы письмо (очень опоздавшее), в котором описывают порядки, заведенные в московских женских учебных заведениях некоей *Сухтиной*. Сухтина эта нечто вроде Аракчеева при Чертовой; она ее назначила начальницей Петровского пансиона. Сухтина ввела ряд мелких стеснений и прекрасный обычай доносов и наушничества; умные меры ее увенчались следующим событием.

Далее следовало письмо, рассказывающее о том, как восьмилетняя девочка, по доносу своей старшей сестры, была высечена Сухтиной. Наказанная пыталась покончить с собой, но это ей не удалось. Сухтина сделала все, чтобы скрыть это происшествие.

‹300 р. с. В ФОНД›

Редакция извещает о получении 300 руб. сер. в Общий фонд.

ИЗ ГРУЗИИ

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Редакция «Колокола» благодарит от всей души корреспондента, приславшего эту прекрасную статью.

ОБЩИЙ ФОНД

В прошлом листе мы упомянули о присылке *трехсот рублей серебром* в собираемый нами фонд. Благодаря неизвестную особу, доставившую нам эту сумму, мы еще раз должны сказать всем русским, сочувствующим нам, что денежные присылки, доставляемые нам, до того ничтожны, что они даже не покрывают самых необходимых трат для первого вспомоществования русским, вынужденным оставить Россию на время правительственного безумия.

Мы полагаем, что всего лучше было бы принять определенную норму пожертвований; пусть, например, все желающие обложат себя известной income-tax [1], податью с доходов. Человек одинокий, имеющий не меньше 2000 руб. серебром, может легко дать 5% в год; люди, имеющие больше, могут прислать 10%; семейные люди могли бы давать вполовину.

Кстати к фонду: в последнюю неделю мы получили через г. Тхоржевского от разных лиц: 2 ф., 2 ф. 7 ш. и 1 ф., всего 5 фунт. 7 ш.

Благодаря гг., приславших деньги, мы доводим до сведения наших соотечественников, что г. Тхоржевский уполномочен нами принимать деньги в Общий фонд, его адрес на *каждом* «Колоколе».

‹СТИХОТВОРЕНИЯ МИХАЙЛОВА›

Мы извещали в «Колоколе» о предполагаемом издании стихотворений *Михайлова* в Германии. Обращаем на это издание еще раз внимание людей, сочувствующих нашему страдальцу: мы достоверно знаем, что все вырученные деньги пойдут в пользу Михайлова *.

---

[1] подоходным налогом (англ.).— *Ред.*

‹ИЗ ВАРШАВЫ›

С чувством глубокого сознания нашего братства, торопимся мы передать нашим соотечественникам этот документ (достоверность которого несомненна), только что полученный нами из Варшавы. В следующем листе мы будем говорить об нем *. Теперь скажем только от всей полноты сердца: тот русский, который и на этих основаниях не подаст руки дружбы полякам, тот не любит свободы!

ОБЩИЙ ФОНД

Получено после 15-го сентября 11 фунтов 5 шил., 5 франц. полуим., 1 фр. 5 шил.

«LA CLOCHE»

Вышел первый лист «Колокола» на французском языке. Издание это, совершенно независимое от русского, делается в Брюсселе. Желаем от всей души успеха этому предприятию. На Западе Россию не знают, несмотря на то что после Крымской войны было довольно писано. Новый орган, состоящий из переводных статей с русского, и притом из статей, не прошедших *либеральной* цензуры Головнина, без сомнения, будет полезен.

«La Cloche» [1] будет выходить в месяц раз. Сначала издатели намерены, в виде введения, поместить несколько статей разных годов, потом переводить наиболее замечательные статьи из последних листов.

TO THE EDITOR OF *THE DAILY NEWS*

Sir,— We beg you to insert in the columns of your esteemed journal the following document, and remain, with our best regards, yours, etc.

A. Herzen
N. Ogareff } Editors of the *Bell*

Orsett-house, Westbourne-terrace.

---

[1] В Бельгии у главных книгопродавцев. В Париже у Amyot, Dentu, Librairie Maisoneuve, Pagnerre, в Берлине у F. Schneider, Лейпциг у L. Kittler.

ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»

Милостивый государь, мы просим вас поместить на страницах вашей уважаемой газеты нижеследующий документ и остаемся с величайшим уважением вашими и т. д.

А. Герцен
Н. Огарев
Издатели «Колокола»

Orsett-house, Westbourne-terrace.

ИЗ МОСКВЫ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

В Новегороде государь давал обед купцам, на котором сам не был, а только изволил взойти для того, чтоб выпить за свое собственное здоровье... Сколько такта, приличия, а главное, презрения к гостям! — Ред.

«КОНСТИТУЦИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКАЯ ДУМА»

Под этим заглавием вышла в Берлине брошюра *А. Кошелева* *. Она была бы полезна для петербургских глав правительства, если б они могли что-нибудь понимать.

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ПОСЛЕ 1-ГО ОКТЯБРЯ...>

В *Общий фонд* получено после 1-го октября через г. Тхоржевского два голландск. червонца и прислано 1000 фр.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ ОТ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ, СТОЯЩИХ В ПОЛЬШЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

За достоверность этого адреса, присланного в «Колокол» русскими офицерами, редакция ручается.

<В ОБЩИЙ ФОНД С 15-ГО ОКТЯБРЯ...>

В *Общий фонд* с 15-го октября получено 2 ф. 10 ш.

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ЧЕРЕЗ С. ТХОРЖЕВСКОГО...>

В *Общий фонд* получено через С. Тхоржевского 3 фунта и **2 фунта с особым назначением.**

ОБЩИЙ ФОНД

С 1 ноября в *Общий фонд* получено из Италии 8 фунтов и 100 франков. Сверх того, с особым назначением из Германии 131 франк по векселю и 20 франков. При этом не мешает сказать несколько слов. Первая присылка денег началась с половины мая, до половины ноября мы получили в *Общий фонд* 163 фунта 1 шиллинг, из них истратили 90 фунтов (30 в том числе даны заимообразно); итак, у нас остается 73 фун. 1 шиллинг.

Теперь мы спрашиваем друзей наших, преимущественно тех, которые просили нас об учреждении *Общего фонда*, назначаемого для русской пропаганды и для вспомоществования русским, пострадавшим от политических гонений: можем ли мы что-нибудь делать с такими *скромными* средствами?

ОФИЦЕРАМ РУССКИХ ВОЙСК ОТ КОМИТЕТА РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В ПОЛЬШЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Мы получили этот адрес при следующем письме: «М. г. Вы напечатали наш адрес Константину Николаевичу; благодарим Вас. Мы не ждали никаких результатов от этого адреса, мы его писали для очистки совести. Результатов никаких и не было. Правительство в Польше поступает сегодня так, как и вчера. Теперь мы просим Вас поместить в „Колоколе“ наш адрес русским офицерам; мы хотим, чтоб войска знали наше положение и наши убеждения. Этот адрес мы писали уже не для очистки совести, а потому, что в успех его мы имеем веру несокрушимую. 6 ноября 1862 года. Варшава».

Письмо это подписано.— Р е д.

ПИСЬМО г. П. НОВИЦКОГО

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Письмо это печатаем мы по повторенному требованию г. П. Новицкого, принявшего на себя намек, сделанный в «Свободном слове» о каком-то Новицком *. Права требовать отчета,

почему мы *перепечатываем* статьи, мы решительно ни за кем не принимаем.— Р е д.

ЗАЩИТНИКИ

<ВСТУПЛЕНИЕ, РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА, ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Наша *обличительная* литература, несмотря на венецианскую маску свою, вызвала особый *жанр* литературы оправдательной. Ничего не может быть карикатурнее чиновника, прибегающего к гласности,— чиновника, этой воплощенной канцелярской тайны, шепота и молчанья... Рыбе ловчее на сухом песке, чем ему с пером в руке, не перед зерцалом, а перед публикой — там какую галиматью ни пиши, лишь бы она была написана тяжелым, канцелярским языком, все шито и крыто, а тут какой-нибудь «молокосос» грозит пальцем и смеется в глаза.

Мы дадим нашим читателям один пример in extenso [1] и два в приятной вытяжке.

Вторая история состоит в том, что Доминик Тарновский, управляющий домом князя Вяземского в С.-Петербурге, жаловался публично в газетах, что он был арестован, отослан в часть, потом в острог за то, что напомнил полицейскому, что дым имеет обычай идти из труб вверх, а не вниз *. Вот факт. «Северная почта»—«Монитер» управы благочиния — поместил длинную объяснительно-оправдательную промеморию, писанную со всеми увертками полицейской развязности, начиная с паспорта и оканчивая мятежным духом петербургского народа. Вот как объясняется арест *.

Третье дело, помещенное рядом с милым полицейским, который за громкий голос арестует, и с ясновельможным паном, который за дерзость сечет, а суд ему потакает, является смиренный еврей, бросивший свою жену, явным образом из видов принявший христианство, женившийся на другой жене и объявивший, чтоб насолить своей первой жене, что он желает окрестить ребенка, прижитого с ней. Духовное ведомство обращается к полиции, еврейку тащат в город, она ребенка не дает; ее сажают в острог, и наконец полиция крестит ребенка во имя отца и сына и св. духа...* Это доходит до журналов, они печатают; но через несколько месяцев городничий отвечает, что

[1] полностью (лат.).— *Ред.*

эта вся история — вздор; что только правды и есть, что отец просил, что полиция по приказу епархиального начальства крестила и что мать сначала сидела в части, потом в остроге — но очень *удобно* (комфорт русских тюрем известен!) *.

ДЕЛО ДЬЯКОНОВА, ТРУВЕЛЛЕРА И ПРОЧ.

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Ну, а что же сделали с Трувеллером? — Р е д.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КОЦЕБУ

<ПРИМЕЧАНИЕ И ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

«Nord» говорит, что назначение Коцебу изменено и что он едет на Кавказ начальником штаба при Мих<аиле> Ник<олаевиче>.

Вероятно, нашим читателям интересно будет знать о человеке, которого государь назначает на место Воронцова и Строгонова. Вот что напечатано было в «Русском заграничном сборнике» под заглавием «Немцы и Дунай» *.

НАШЕГО ПОЛКА ПРИБЫЛО

В конце ноября вышел 1 № русского журнала, издаваемого кн. П. Долгоруким в Брюсселе, под заглавием «Листок». «Листок» будет выходить два раза в месяц. Кн. Долгоруков сообщает, что г. Блюммер будет продолжать свое «Свободное слово» в Брюсселе и печатать его в новой русской типографии, заведенной издателем «Листка» *.

Желаем искренно успеха обоим органам и типографии.

<ИЗ ГЕРМАНИИ ПОЛУЧЕНЫ В ОБЩИЙ ФОНД...>

Из Германии получены в *Общий фонд* 12 фунт. 10 шил., 6 рублей, 6 фунт. 3 шил. и 105 фр. с особым назначением, которые и переданы по принадлежности. В Лондоне получены 1 фунт 10 шил.

DUBIA

‹МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ›

¿ Правда ли, что трое студентов Московского университета, ездивших в Петербург с адресом к государю, *исключены* из университета, несмотря на то что государь велел им сказать, что он их *прощает по молодости?*

ИРОД ПАНИН

Государь, боясь необузданной доброты своего мягкого сердца, поручил Панину составить обвинительный акт против студентов. «Норд» говорит, что Панин такую хватил промеморию, что сам государь испугался. Какой шутник Александр Николаевич!

УПОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Путятин, по последним известиям, *еще* министр народного просвещения! Не скоро сдвинешь это судно с мели!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР 7/19 ДЕКАБРЯ

Княжевич читал лирическое произведение «Плач министра... над гибнущими финансами». Государь был так тронут, что в тот же день приказал назначить большие суммы для поправки дворцов.

ПОХИЩЕНИЕ СТУДЕНТА!

Говорят, что многие, бывшие на вечере у Албертини и выданные каким-то шпионом за политических заговорщиков, не могут найти студента *Варшавчека;* нет его между арестованными, нет его между свободными. Другие прибавляют, что Паткуль похитил его.

ЗЛОДЕЙ-КАПИТАН РУССКОГО КОРАБЛЯ

«Times» от 10 января извещает, что русский посол в Лондоне был уведомлен из Гулля, что какой-то капитан зверски истязал мальчика 11 лет. Что сделает Бруннов, мы не знаем. Вероятно, ничего. Мы же, с своей стороны, просим русских, находящихся в Англии, сообщить нам имя корабля и кому он принадлежит — а пуще всего фамилью капитана для того, чтоб ее поместить в число *практических* защитников телесных наказаний и с тем вместе выставить к позорному столбу.

ЕЩЕ О «ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛЕ»

Нам очень жаль, но мы должны отказаться от помещения последних сведений о «Генерал-адмирале» *, о поведении *Шестакова, Штофреггена* и пр. Факты, приводимые в письмах, не выходят из общего уровня бесчеловечного обращения с низшими чинами и грубого с офицерами. Мы говорили об них, нашлись защитники Шестакова *, защитники вызвали ряд писем, еще более обличительных, мы упомянули и об них *. Если морское ведомство хотело обратить внимание, оно могло; для большинства читателей интерес исчерпан.

Корреспондентам нашим со стороны истязаемых мы можем сказать в утешение, что слух об уничтожении телесных наказаний в войсках и во флоте подтверждается. Не только Константин Николаевич, но и наследник, говорят, за отмену их.

ВТОРОЙ РАЗ

В прошлом листе мы просили русских, живущих в Англии, сообщить нам имя злодея-капитана какого-то русского судна, истязавшего ребенка в Гулле. Неужели его поступок находит или такое сочувствие, или такое равнодушие, что никто не дал себе труда исполнить нашу просьбу?

КАПИТАН-ПАЛАЧ

Второй запрос наш не остался без ответа. Мы получили имя корабля, шедшего из Риги в Гулль, на котором капитан до того варварски драл мальчика, что англичанин-кормчий довел об этом до сведения гулльских властей:

Корабль называется «Ургo» («Urgo»)

Капитан — *Бренц* (Brentz)

Посол в Лондоне, которому об этом писано, называется — *Бруннов*. В Гулле есть русский консул, очень любопытно знать, что сделали посол и консул?

‹ИМПЕРАТОРСКАЯ ЛОЖА И ОТМОРОЖЕННАЯ РУКА СОЛДАТА›

И еще помолимся о христолюбивом воинстве нашем!
Господу помолимся!

Мы получили письмо, которое обдало нас какой-то своего рода безвыходной тоской. Мы напечатаем его содержание, но выйдет ли из этого толк, сомневаемся. Если б в факте, который мы укажем, был умысел, злоупотребление, может, кто-нибудь и вступился бы, но тут чистая ненужность и чистое помешательство. Говорят, что военный министр — умный и хороший человек *, просим его прочитать следующие строки:

С 6 на 7 января 1862 — в Москве мороз доходил до 28°— солдат, стоявший несколько часов часовым в театре при пустой императорской ложе (запертой на ключ и запечатанной директорской печатью), возвращаясь с караула, отморозил себе руку — между прочим, и оттого, что рукавица была худая. Солдат этот находится в госпитале; *ему отняли всю кисть руки.*

Солдаты должны приходить за час до начала спектакля, т. е. в 6 часов, и простоять под ружьем перед запертыми дверьми ложи до конца спектакля, т. е. до 12 часов. Из казарм солдаты идут в 5 часов без ужина и возвращаются после ужина, т. е. остаются голодными.

Зачем эта ненужная, бессмысленная пытка?

ПРОГРЕСС В РОССИИ

Петербургский профессор *Павлов* за какую-то лекцию выслан на жительство в губернский город под надзор полиции *.

В газетах мы прочли с удовольствием расширение привилегий долгоруковского застенка *. Журналы и альманахи должны посылаться в эту шпионницу так же, как в ценсуру.

Не без радости также узнали мы, что старший чиновник III отделения *Турунов* сделан членом (вероятно тайным) министерства внутренних дел *. Мы очень благодарны, что русские газеты обличают имена доблестных людей, служащих отечеству и чести в III отделении.

ПРОГРЕСС В ПОЧТЕ

Письмо из Петербурга с деньгами, посланное *9 октября*, пришло в Варшаву *18 числа*. Отчего из Мадрида в Варшаву письма

приходят скорее, чем из Петербурга? От Варшавы до Петербурга 1075 верст, 500 верст (до Динабурга) железная дорога.

Правда ли, что *посылки* из Петербурга на одну из подмосковных станций, лежащих по направлении железной дороги, доходят по адресу недели через две?

К этим домашним делам почтового прогресса мы прибавим шутку его, выходящую из границы не только империи, но и приличий. *Франкированные* письма в Лондон очень часто не верят в свое *освобождение* и являются здесь снова *обязанными* платить оброк почтовому ведомству.

Милая рассеянность!

Это нам напоминает купальню в одном французском городе: на одной половине было написано «Для дам», на другой «Для мужчин», а в середине на дощечке: «On ne reçoit pas de distractions!» [1]

Что бы почтовому ведомству завести марки или вывести воров?

〈АЛЕКСАНДР ЗАМОЙСКИЙ〉

Что значит, что вслед за правительственным отрицанием пыток *Александра Замойского* газеты извещают о его кончине от истязаний? Не скажет ли нам этого юный и обильный надеждами Крижановский?

СОЛИДАРНОСТЬ С НЕМЦАМИ

Русское войско было опозорено образчиками, высланными на похороны славянского палача *Виндишгреца*... Бедное русское войско! Отчего Англия, отчего Франция не посылают никаких депутатов хоронить Гейнау, Виндишгреца и подобных им извергов в белом мундире, а русский кейзер посылает?

ПРЕСТУПНЫЕ МАЛЬЧИШКИ В ТВЕРИ

В тверской гимназии был 16 февраля спектакль и танцевальный вечер. Между танцующими была жена капельмейстера, который дирижировал оркестром. Жены подьячих и разночинцев, помещицы и офицерши нашли несовместным с их высоким общественным положением участие в бале жены капельмейстера. Мерзавцы, школьники благородного шляхетского происхожде-

---

[1] «Рассеяность не допускается!» (франц.).— *Ред.*

ния, подошли к даме и требовали, чтобы она вышла вон. Бедная женщина, униженная и испуганная ими, со слезами на глазах поспешила показать им билет в свое оправдание и, конечно, мало помогла делу: ее грозили вывести, если она не выйдет добровольно. Скандал обратил на себя общее внимание, и в то время, когда дама с своей сестрой выходила из залы, пансионеры закричали: «Браво!..» [1]

Этот отвратительный факт, сделанный именно в теперичную эпоху, не должен пройти, не оставив позорного клейма на мерзких мальчишках и на еще больше мерзких воспитателях их.

Кто были эти *будущие* воры-чиновники, крепостники-помещики, которые подошли к *даме* с наглой речью? Кто кричали «браво» слезам обиженной женщины? Несовершеннолетие нисколько не покрывает их, они поступили очень сознательно. Пусть же их, как ядро каторжника, провожает укор и порицание. Это облегчит одним из них очиститься искусом и покаянием, другим скорее попасть в чиновники III отделения, сделаться тиранами-помещиками или варварами-офицерами.

Мы просим список негодяев.

‹«INDÉPENDANCE»›

«Indépendance» говорит, что, несмотря на все усилия Горчакова, *большинство* министров не хочет признавать Италии. Кто же составляет это большинство за Бурбонов, за Австрию — интересно знать имена. Немцы-то, немцы-то — дядья, сватья, шурины да девери,— как гиря, стягивают петербургское правительство.

‹ИНТРИГИ ДВОРНИ ПРОТИВ КН. СУВОРОВА›

Из Петербурга пишут, что дворня, окружающая государя, интригует против князя Суворова, *им жаль Игнатьева;* не воротить ли его?

КНЯЗЬЯ-БЕССРЕБРЕННИКИ

Александра Федоровна в духовном завещании своем забыла упомянуть об Александрийском дворце в Москве. Министр двора писал к министру финансов об этом и просил его сделать оценку дворца и имущества, в нем находящегося. Дворец оце-

[1] М. Тетяев, Тверь, 17 февраля. (Из письма в редакцию «Моск. вед.»).

нили в 40 000, а имущество в 30 000. Все это следовало разделить между четырьмя братьями: Александром, Константином, Николаем и Михаилом, но три последние брата отказались в пользу Александра Николаевича. Этот последний благодарил их за внимание к нему и приказал выдать из сумм *государственного казначейства* каждому по 110 000, что они и получили. Министр финансов спрашивал у них, желают ли они получить золотом. Они, по расположению и состраданию своему к русским, решились взять 5% билетами, которые стоят довольно низко.

‹«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»›

В «С.-Петербургских ведомостях» от 22 июня рассказан снова отвратительный пример самоуправства на улице какого-то буяна, бившего извозчика. Гг. Феодосьев и Федотов пригласили ярого бойца в контору надзирателя. (Кто этот надзиратель? Как эта слепо-немая гласность противна!) Надзиратель отказался от того, чтоб спросить имя буяна *. Анненков! Полноте писать нелепые циркуляры о сигарах *, сыщите-ка эту полицейскую дрянь, осмелившуюся поступить так гнусно.

ОСАДА НИЖНЕГО. ВОЙСКО ПРОТИВ ПАМФЛЕТОВ

«Le Nord» (6 августа) извещает нас о новом доказательстве бесконечной трусости петербургского правительства. Предполагая, что возмутители общественного порядка воспользуются стечением народа на Нижегородской ярмарке для *распространения подметных и запрещенных сочинений,* оно велело окружить Нижний войском и эшелонировать их по берегу Волги, под начальством Лауница. Сам «Nord» не вытерпел — и удивился.

‹В ЯРОСЛАВЛЕ ЗАПРЕЩЕНО ХОДИТЬ ПО ТРОТУАРАМ...›

В Ярославле запрещено ходить по *тротуарам...* в предупреждение пожаров. Еще радикальнее не строить вовсе домов или совсем не разводить огня.

‹ПРАВДА ЛИ, ЧТО ОБРУЧЕВА ВЕЗЛИ В СИБИРЬ...›

¿ Правда ли, что Обручева везли в Сибирь не только *скованного* — но *прикованного* к повозке?

УМИРАТЬ УМЕЮТ

Русские газеты *со слов немецких* газет (все важные политические новости, касающиеся до России, берутся русскими газетами из «Journal de St.-Pétersbourg» или из немецких газет!) так рассказывают о смерти Ивана Ржоньца. Он был казнен 26 августа вместе с Рылем на гласисе цитадели.

Несколько ранее 9 часов выехали из цитадели оба преступника в сопровождении монаха капуцинского ордена. По прочтении приговора первая очередь пала на Рыля. Его пришлось снимать с повозки, потому что он казался таким больным и изнеможенным, что едва обнаруживал слабые признаки жизни. Пока палачи исполняли дело над полумертвым Рылем, Иван Ржоньца стоял погруженный в мрачное созерцание конца своего товарища по казни. Потом Ржоньца спокойно дал связать себе руки назад, взошел твердою поступью на эшафот и, когда палач накинул ему на шею петлю, *сам оттолкнул ногою скамейку* и повис в воздухе.

ВЫСОКОМЕРИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ НАД ПОБЕЖДЕННЫМИ

Корчевской житель К. С. сообщил «Северной пчеле», что «в одном из уездных трактирных заведений произошла ссора между посетителями. Городничий, заметив, что в числе посетителей трактира было пять человек крестьян, предположил содержателя заведения подвергнуть штрафу за допущение их в трактир по три рубля серебром с человека. Защитники демократа-трактирщика говорили в его пользу, что по закону не допускаются люди в ливреях, *серых армяках, нагольных тулупах и вообще в неприличном одеянии,* а вышеупомянутые крестьяне были одеты в синих кафтанах».

Мало тебе, серый армяк, тяжкий труд, мало тебе грабеж помещиков, воровство полиции — твое рубище бедности поругано земскими ярыгами твоего земского царя!

О НИЖНИХ ЧИНАХ, ЗАМЕЧЕННЫХ В ВОРОВСТВЕ И МОШЕННИЧЕСТВЕ

В «Нижегородских губ. вед.» напечатано:

Генерал-от-кавалерии фон дер Лауниц I-й, убедившись, что весьма многие случаи воровства и мошенничества как на ярмарке, так и в городе совершаются с участием или прикосновенностию отпускных или отставных нижних чинов, *предложил* объявить во всенародное известие, что из отпускных и отставных нижних чинов, *не только изобличенные, но и замеченные в дурных и вредных поступках*, будут обращены без дальнейшего судопроизводства — первые на действительную службу, с лишением навсегда права на отставку, а последние будут высланы в дальние уезды северных губерний, с назначением *на казенное содержание* как штрафованные.

Слыхали ли вы что-нибудь равняющееся самоволью, дерзости, цинизму нашего прогрессивного правительства? Ну, не в Европе — в Японии, в Китае было ли что-нибудь подобного лауницкому безумию?.. А ему еще земской-то царь землицы отвел!

ПОЖАЛОВАНИЕ ЗЕМЛЕЮ

Генералу-от-кавалерии Клюпфелю пожаловано в вечное и потомственное владение Самарской губернии, Николаевского уезда, из казенных участков, пять тысяч семьсот шесть десятин сто пятьдесят сажен удобной и неудобной земли («СПб. вед.») *.

Чего жалеть земли — казенная!

ТАЙНЫЕ ТИПОГРАФИИ

В Петербурге в начале сентября снова был разослан летучий лист, напечатанный в тайной типографии, под заглавием: «К образованным классам». В следующем листе «Колокола» мы перепечатаем его. Несмотря на мощную поддержку г. Скарятина, правительство петербургское решительно падает в глазах всего мыслящего в России *.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

«Indépendance» говорит, что студент *Яковлев* приговорен быть расстрелянным, капитан *Энгель* и еще два офицера — к ссылке в Сибирь с лишением прав состояния *.

Читатели наши помнят, что по тому же делу фельдфебель *Миних* приговорен к потомственному дворянству *.

‹ГОЛОВНИНСКАЯ ЦЕНЗУРА›

К характеристике головнинской свободы книгопечатания и бесцензурного печатания книг научного содержания не мешает заметить, что первый выпуск «Сравнительной анатомии», изданный сыном издателя «Колокола», запрещен в России *... Что у Путятина были японские замашки — не удивительно, но либеральный Головнин откуда взял библейские понятия гонений до седьмого колена? Какие мелкие, ничтожные люди — все эти злые карлики и злые великаны, которые пасут Россию!

<«НЕ МОЕ ДЕЛО»>

Кстати, правда ли, что Константин Николаевич положил резолюцию на просьбу майора Миклашевского, разбитого параличом, об определении детей в казенное заведение — «Не мое дело»?

<«DAILY TELEGRAPH»>

«Daily Telegraph» от 19 ноября сообщает некоторые подробности о Фелькнере, шпионе, убитом в Варшаве. Сын немецкого купца, он дослужился до капитанского чина, был исключен из службы за воровство и определен в Варшаву *надзирателем* и учителем русского языка в какой-то школе. Это было при Николае. Такого человека не мог не оценить Виелепольский — он его сделал одним из главных шпионов. Поляки казнили своим судом этого «scoundrel» [1], как его называет «Daily Telegraph». Между прочим, ему отрезали уши: «Кого глаз искушает, тому лучше глаз исторгнуть»; кто подслушивает, явным образом подвергает опасности уши. Урок, данный правительственному мошеннику, строг, но справедлив.

<ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ГАЗЕТ...>

Официальная часть газет, по новому распоряжению, подлежит цензуре наравне с неофициальною; итак, отныне цензора будут подписывать одобрение к печатанию высочайших указов и правительственных распоряжений!

---

[1] мерзавца (англ.).— *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

ГОНЕНИЯ ЕВРЕЕВ В ЛИТВЕ

«Едва Шавланская община отделалась от интриг помещика *Шемиота*, оклеветавшего ее в краже и убийстве младенца (старая и нелепая сказка, являющаяся время от времени, вроде придирок к евреям для того, чтоб делать полицейские razzias [1]), как пришел черед Лейтварова, небольшого городка, в двух милях от Вильно, принадлежащего графу *Тишкевичу*. Мая 8 [2], 1861 года, граф обвинил еврейское общество в покраже трех аршин ковра. Собравши евреев, он принял их в палки, мужчин и женщин колотил беспощадно. Между прочим, граф, предводительствовавший экспедицией, велел беременную еврейку колотить *по животу и, повесив вниз головой, бить по пятам.*

Когда избитые в кровь евреи потащились домой, они нашли путь к городу отрезанным лакеями графа. Им оставалось одно — идти в Вильно. Часть их была принята в еврейскую больницу, другие пошли с своими старейшинами просить защиты у Назимова, *который велел их прогнать».*

Гнусная весть эта нам доставлена из очень верного источника; если ее подробности преувеличены, мы поместим возражение, если же это правда, то скажите, что подлее — эта зверская палочная аристократия или мирволящее ей правительство с своими кондотьерами?

ИЗ МОСКВЫ

Выписываем из двух полученных нами писем разные подробности о студентском побоище в Москве и о пр.

Из первого. Чернь была натравлена на избиение студентов и на целый ряд неистовств всего больше полицмейстером Огаревым. Агитатор этот при всей толпе кричал: «Братцы, обижают наших, помогите!» Из толпы выступил какой-то здоровенный из Тверской-Ямской мушник и говорит Огареву: «А что ваше в-дие, отвечать не будем, если студентов поколотим?» — «За что отвечать, вас еще начальство поблагодарит».

[1] набеги (франц.).— *Ред.*

[2] Зачем же так долго ждали с обнародованием этого факта?— Р е д. («Колокола»).

Тогда этот матадор, закрутив у поддевки рукава, пошел хлестать кулачищами по чем попало бедных студентов, а вслед за ним бросилась и толпа лавочников и других невежественных дураков. Между тем, до начала избиения шныряли между толпою неизвестные люди, вероятно, агенты полиции, которые, появляясь и исчезая на разных пунктах площади, говорили простому народу: «Чего вы смотрите на эту сволочь студентов, все они бунтуют противу начальства, а теперь пришли только к Тучкову требовать чрез него у государя уничтожения вольности крестьян; вы видите, это все почти дети дворян, так вот отцы их и научили затеять бунт, генерал-губернатор вовсе не против студентов, он даже делал представление в их пользу государю».

Странно, да разве не Тучков управлял городом во время бойни студентов, разве бойня не была перед окнами его дома, и разве не видали его жену и Исакова у окна в самое время преступлений? Далее, если писанное корреспондентом об полицмейстере Огареве справедливо, что же Тучков отдал его под суд?..— И з д.

Из второго. У нас снова подняли спор о телесных наказаниях, на этот раз говорят не о крестьянах — им князь Черкасский обеспечил право быть сеченными,— но о солдатах. Нельзя было ожидать, какие пламенные защитники палок и шпицрутенов нашлись в среде нашей. Пока эти институты стояли прочно и неприкосновенно, нельзя было догадаться, как глубоколюбимы телесные наказания в *образованных* слоях нашего общества, но когда дерзкое вольнодумство проникло не только в Мраморный дворец, но и во дворец наследника, самые противуположные мнения соединились перед опасностью избавления защитников нашего отечества от палок. *Ю. Самарин*, славянофил-феолог и противник славянофилов, профессор *Чичерин*, защищают их. Самарин писал об этом из деревни, и копии с его письма ходили по рукам. *Чичерин* говорил в здешних салонах [1].

‹ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ›

Филарет, митрополит московский, сошел с ума и разослал московским священникам в запечатанных конвертах с надписью «секретно» следующую цидулку:

Понеже умножиша грехи наша и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва, сего ради на вечерни, утрени и литургии при окончании сугубой ектении глаголы сии:

«Еще молимся о еже милостивому и благоуветливому богу нашему, отвратити всякий гнев, на ны движемы, и избавити ны от надлежащего и праведного прещения и простити нам всякое согрешение, вольное и невольное, и помиловати нас, недостойных рабов своих, в сердце сокрушенных, даруешь вси, молим ти ся, услыши и помилуй».

От его высокопр. митрополита моск. к исполнению в церквах московских, ноября 17, 1861.

(Списана с оригинала).

---

[1] Неужели правда?.. В другом письме нам пишут, что есть циркуляр по цензурному ведомству, воспрещающий печатать возражения на вступительную лекцию профессора Чичерина. Просим его прислать.— И з д.

Молитвы эти читаются с 24 ноября только в одной Москве по личному распоряжению Филарета, и на запрос ему от синода, почему он нашел нужным прибавить эти молитвы, он отвечал, что причины, побудившие его,— неспокойствие вообще умов, которое происходит от умножившихся согрешений, что выражается неповиновением самодержавной власти царя и его правительства. Ответ этот передан синодом государю.

Говорят, что больного будут свидетельствовать в московском губернском правлении.

ХРОНИКА ТЕРРОРА И ПРОГРЕССА

(Из писем и газет)

Июля 1/12 〈!〉 в Казанском и Исакиевском соборах, в Знаменской и Андреевской церкви служили панихиды за упокой души рабов божиих Петра, Иоанна и Федора, трех убиенных по приказанию правительства в Модлине, по Лидерсовой конфирмации *.

В Москве сделано несколько арестаций.

В Киеве, говорят, вышла прокламация к солдатам, в которой говорится, что грешно стрелять по народу — даже если царь прикажет, потому что он как человек против божеского закона идти не может; а если идет, то слушать его нельзя. В пример приводится Ирод, приказавший своим царским, но незаконным приказом истребить *всех* младенцев. Если б войско послушалось — Христос был бы убит, и пр. * Говорят, что по этому делу полковник *Красовский* привезен в III отделение *.

На фрегатах «Олег» и «Громобой», возвратившихся из заграничного плавания, был произведен полицейский обыск, жертвою которого сделался юнкер *Трувеллер;* у него нашли запрещенные книги и журналы. Говорят, на него донос сделан *священником* [1] *.

Шесть тысяч славян (говорят «СПб. ведомости») из числа переселившихся из Турции в Крым снова ушли назад, находя, что под скипетром правоверного султана все же лучше, чем под державой православного царя *.

Преданы военному суду в Ковенской губ. студент Московского университета *Карзон* и *Овсяный*. У первого была найдена статья об уничтожении крепостного состояния с критическим замечанием насчет Николая и Александра II и письмо об

[1] О деле Трувеллера мы надеемся передать больше нашим читателям.

устройстве политического общества, писанное к другим студентам. У Овсяного нашли 400 экземпл. польского гимна.

И за это военный суд!

А вот и еще юридическое убийство. «В четверток, 26 июля (ст. с.), в 8 час. утра, на Скаковом поле, в Одессе, должно было происходить исполнение приговора над одним из главных поджигателей, присужденных комиссиею к смертной казни расстрелянием» («Одесск. вестн.») *.

ФИЛОСОФСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОЛОНЕЦКОЮ И КУРСКОЮ ГУБЕРНИЯМИ

Мы получили письмо из Петербурга, в котором рассказывают, как губернатор Философов, через теперь отрешенного чиновника Кушелевского и других клевретов, *улучшает* свое состояние, подучает крестьян делать *неверные* показания, распоряжается по судебным делам, дела откупщиков считает своими и пр.

Что же во всем этом удивило корреспондента нашего? Пусть он прочитает о каком-нибудь пермском губернаторе Лашкареве * и прибавит, что *земский* царь им доволен,— тогда он примирится с философией г. Философова.

Мы все ждем, когда мы получим письмо, в котором скажут о каком-нибудь губернаторе, который не делает всех этих проделок; это будет гораздо оригинальнее.

А пока дождемся — вот с противуположной стороны России:

В мае месяце текущего года в Курске был пожар. Плохая городская пожарная команда опоздала; прежде ее явился почетный гражданин Ив. Ив. Гостев с своей трубой и своими людьми и способствовал к потушению пожара; на этот пожар приехал курский губернатор Ден. Ему очень не понравилось, что обывательская труба лучше казенной, он сейчас потребовал трубу от Гостева в распоряжение пожарной команды; Гостев отказался, отвечая очень вежливо, что его люди не хуже пожарных солдат успели уменьшить силу пожара до прибытия пожарной команды, а пожарным солдатам я трубу не доверю. «Кто ты такой?» — закричал на него Ден.— «Здешний житель, почетный гражданин Гостев».— «Что ты хочешь удивить или испугать меня своим званием? Я тебе сейчас покажу, что такое почетный гражданин»... И, осыпав его площадною бранью, он прибавил: «Ты думал, что я тебя буду благодарить, что ты приехал тушить? Я тебя отдам под уголовный суд — как *ты смел тушить без дозволения начальства.* Возьмите его в сибирку!»— Гостева взяли и посадили в сибирку, продержали трое суток; в продолжение этого времени не давали ничего, кроме хлеба

и квасу, и не допускали к нему никого, даже родных, и отпустили его по усиленной просьбе отца, который на коленях упросил губернатора простить его. Ден настращал отца, что сын его бунтовщик, ослушник власти и что он его вышлет из города. Засим последовал приказ от Дена, чтобы никто из обывателей *на пожар с трубой являться* не смел до приказания полиции. Городской голова и целое общество купцов, к которым обращался отец, *не осмелились заступиться!*

‹ИЗ «СВОБОДНОГО СЛОВА»›

В последнем выпуске «Свободного слова» напечатано:

Интересно бы знать — справедлив ли слух, что правительство слушает доносы пьющего и поджигающего учителя Викторова? Интересно бы знать: где служат и чем занимаются гг. Назаревский, Новицкий, Агафонов (гвард. оф.), Костомаров, Кюлевейн, Зотов (ст.), Петров (ст.), Должиков (ст.), Забравский, Эверман, Волокитин, Вальденберг (куп.), Браунман (куп.)? Про господина Давида Вальденберга мы знаем, что он служит в III отделении шпионом, за что, между прочим, оттерпел разные невзгоды в Киеве,— но о других интересно бы получить какие-нибудь сведения.

Интересно бы знать — правда ли, что лиц, имена которых были напечатаны в «Колоколе» и «Вести», не арестовывают, а только осматривают до ... до ... и пр.

На последний вопрос мы можем отвечать, что несколько человек, поименованных в списке, были на границе обысканы не только до рубашки — но под рубашкой *.

ВАРИАНТЫ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В разделах «Варианты» и «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. Архивохранилища

ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.

ПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.

ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив. Москва.

2. Печатные источники

К — «Колокол».

Л — (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1919—1925, тт. I—XXII.

ЛН — сборники «Литературное наследство».

ОК — оглавление «Колокола».

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

Письма КТГ — «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892.

Т — сборник «„Колокол". Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869)», Женева, 1887, подготовленный к печати Л. А. Тихомировым.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1862—1863 ГОДОВ

‹ЗАРЕВО›

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ПБ)

Стр. 122

2–3 *Вместо:* ужасом ожиданья и боли— *было:* ужасом, трепетом ожиданья, боли, надежд

5 *Вместо:* пламенем — *было:* огнем

5 *Вместо:* Да разве ∽ кар? — *было:* В огне возрождался феникс, в огненной купели Иеговы являлись ангелы, последнее, отчаянное безумное средство — [Quae ferrum non sanat ign‹is›]

5–6 *Вместо:* И что довело людей до этого средства — и кто эти люди?— *было:* что до него довело, и кто?

7–9 *Вместо:* когда, обращаясь ∽ немое зарево — *было:* когда вся любовь, все, за что держится человек, там — откуда видно одно немое *зарево*

ДУРНЫЕ ОРУЖИЯ

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ПБ)

Стр. 123

1 *Вместо:* Дурные оружия — *было:* Дурное оружие

7–8 *Вместо:* начальство ∽ бранить — *было:* начальство разрешило нам отвечать, нас бранить, пас упоминать

15–16 *Вместо:* сейчас узнаешь — *было:* вы узнаете сейчас

20–21 *Вместо:* Животное царство — *было:* скотный двор природы

23 *Вместо:* и рассердились — *было:* и [след.] рассердились

24–25 *Вместо:* т. е. до потери сознания — *было:* потеряли сознание

26 *Вместо:* привыкшие // привыкпувшие

29–30 *Вместо:* это понятно — *было:* всё это понятно

30 *Вместо:* тяжко // тяжело

Стр. 124

1 *После:* удивило // [нас удивило] — это неразборчивость средств

3 *Вместо:* некоторые — *было:* иные

4 *Вместо:* наклониться // унизиться

5 *Вместо:* брать каменья для своего праща — *было:* брать свои пращи

8 *Вместо:* повторить остроумные замечания — *было:* вытащить [показать] на свет

9–10 *Вместо:* Нас ∽ руки — *было:* меня этим вы не оскорбили — посмотрите на свои руки.

11 *Вместо:* летописец // «Совр. лет.»

Стр. 125

3 *После:* наш совет — *было:* [наше поручение]

9 *После:* сплетнях — *было:* баб мужского пола?

10 *Вместо:* несчастный Михайлов // он

10–11 *Вместо:* может, вы так сказали — *было:* может вы [и не] так сказали

14 *Вместо:* Как же вы-то сами — *было:* как же вы сами-то

17 *Вместо:* мы вам советуем — *было:* я вам советую

19 *После:* голову — *было:* прочитать [книжку «Русского вестника»] напр. статью в

19–20 *Вместо:* вы в азарте не понимаете простого смысла фраз — *было:* а то ведь вы грамматического смысла фраз не понимаете

20–21 *Вместо:* скажите ∞ прибавить — *было:* ну, скажите, можно ли [было] человеку, сохранившему тот здравый смысл, из которого я выболтался, прибавить

24 *Вместо:* По словам вашего предшественника Елагина — *было:* Наконец, по словам вашего предшественника и учителя Елагина

27–29 *Текст:* Почему же не ∞ тени — *дан в скобках.*

28–29 *Вместо:* Отчего это, когда ∞ тени — *было:* зачем [почему] когда вы писали, вас все беспокоили [самих] полицейские образы... Не голые ли 〈?〉

39 *После:* я говорю о себе! // и они воображают, что они не вышли еще из смысла? Если же они и не думали этого,— то какие же они — шутники!

Стр. 126

4 *Вместо:* И что за наивное непонимание // и что за пошлое, наивное [удивление] непонимание

10–12 *Вместо:* Если мы ошибались ∞ указывали его? — *было:* Получали мы когда от вас совет, предостережение, статью... Никогда — а поэтому

11–12 *Вместо:* указывали его // указывали

15 *Вместо:* мне — *было:* вы

16 *Вместо:* и посмотрите, что за гималайская манна — *было:* Вы увидите, что за манна

19 *Вместо:* впрочем, еще — *было* еще [впрочем]

КОНЦЫ И НАЧАЛА

ВАРИАНТЫ К

Письмо первое

Стр. 131

31 *Вместо:* как // так, как

Стр. 133

30 *Вместо:* вырезывающимися // стремящимися вырезаться

38 *После:* философские // общие

Стр. 134

23 *После:* человечества. // ее гораздо прежде, чем именье князя Меншикова-Алмского, нельзя было ни продать, ни заложить.

Стр. 135

23 *Вместо:* новое искусство // искусство

34 *Слова:* в уровень мадонн и полубогов — *отсутствуют.*

Стр. 136

2 *После:* солнцем // в уровень мадонн и полубогов

22 *Вместо:* позорный столб // пилори

Стр. 137

7 *Вместо:* шарманщика прогонят // прогонят

10–11 *Вместо:* самодовольная ∞ запятнана // этой самодовольной в своей ограниченной посредственности жизни, запятнанной

Стр. 138

28–29 *Слова:* Заработавшая ∞ миром — *отсутствуют.*

30 *Вместо:* ей // нет

32 *Вместо:* эта шарманка // эти орга́ны

Стр. 139

7 *После:* права // войны с крестьянами

12 *Вместо:* он кажется прочен // он прочен

34–38 *Подстрочное примечание отсутствует.*

Стр. 140

1 *Вместо:* зеленели // чахло зелепели

21–22 *Вместо:* из первых лондонских торговцев // лондонского торговца

38 *Подстрочное примечание отсутствует.*

Стр. 141

9 *Слова:* за последние пятнадцать лет — *отсутствуют.*

26–27 *Вместо:* отстало // страшно отстало

34 *После:* рыцаря // и богатого купца

Стр. 142

10 *После:* Италии // тогда

Письмо второе

Стр. 143

13–15 *Вместо:* сколько бы чувств ∞ назад // Сколько чувств и искренности ни вносят священники иногда в *службу*, все же агнец закалается в хлебе и истекает вином. Но Мацини это заметил тридцать пять лет тому назад.

18 *Вместо:* революции // и реставраций революции

Стр. 144

20 *Вместо:* У байроновских героев // В байроновских героях

Стр. 145

33–35 *Вместо:* но в Англии ∞ Бурбона // но и без австрийского ига, без папы и неаполитанского Бурбона

Стр. 146

11 *Вместо:* бусы ∞ на глазу // бусы месяцев.

32–35 *Вместо:* благодаря смене поколений ∞ цель. // редко имея возможность остановить отклонившееся, удержать забежавшее или нагнать его, да редко имея и желание на то: желание предполагало бы всякий раз сознание и цель.

Стр. 148

27 *Вместо:* И потом десять // Десять

28–29 *Вместо:* лондонской // лондонской всемирной

Письмо третье

Стр. 150

17 *После:* времени // о котором благосклонно и одобрительно отзывался сам «Вестник» и сам Брашман,

34 *Вместо:* предельных // крайних, предельных

Стр. 151

16 *Вместо:* мозаики, изваяния // благословляющие изваяния

Стр. 153

6 *Вместо:* легка // легка будет

27 *Вместо:* итогом // потом итогом

Стр. 154

13 *Вместо:* идеалы // идеалы каторжников

Стр. 155

18 *После:* Мариюсом // мне кажется, что он вообще «шел в комнату, попал в другую», и, может, потому-то многое имеет такую portée ⟨важность⟩

29–30 *Вместо:* окончательно останавливается // останавливается
34 *Вместо:* кое-что // нечто

Стр. 156

5–6 *Вместо:* обозначенный вид и свою индивидуальность // свой резко обозначенный вид и свою стертую индивидуальность

Письмо четвертое

Стр. 158

24 *Вместо:* — Вы по-прежнему все дурачитесь. //—Ха! ха! ха!.. Вы по-прежнему дурачитесь.

Стр. 160

4 *Вместо:* за кулисы оперы // оперы
5 *После:* и два // вот либеральный консерватор Пальмерстон и набожный министр финансов Гладстон
20–21 *После:* Прудону // (в те времена, когда он еще сидел в St. Pélagie, издавал «La Voix du Peuple», был в открытой войне с государственной несправедливостью и не писал ни de la justice ⟨о справедливости⟩, ни de la guerre ⟨о войне⟩
30 *После:* для меня // и очень известные теперь

Стр. 161

8 *Вместо:* Доктринерство // Отвлеченная доктрина
12 *Слова:* а доктрина верна себе — *отсутствуют.*
14 *Вместо:* читал своим слушателям // из немцев читал своим студентам

Стр. 162

14 *Вместо:* опять война // война
20 *Вместо:* противник // когда противник
38 *Вместо:* эпохи // несчастные эпохи

Стр. 163

17–18 *Вместо:* неаполитанский ∞ десерта // собственно, неаполитанский король и Николай были исключеньями

Стр. 164

15–16 *Вместо:* премудрости // доктринерской премудрости

Письмо пятое

Стр. 167

32 *Вместо:* дикого // почти дикого

Стр. 168

17 *Вместо:* есть // действительно есть
19–20 *Вместо:* из-под пудры колет щетина // у нас из-под пудры колет иной раз щетина
21 *После:* рабов // у нас все разрешается кулаком или деньгами
23 *Вместо:* отстали // далеко отстали

Стр. 169

1 *Вместо:* в форму // в форму вроде учтивости
3–4 *Вместо:* Мы забываем // забывая
4–5 *После:* болезненно пробившейся // и страстно себялюбивой
20 *Вместо:* не очень глубоко // не глубоко
33 *После:* горло // ест с ножа

Стр. 170

10 *Вместо:* схожа // очень схожа
10 *Вместо:* Выработанной // Эстетически выработанной
16 *Вместо:* в том роде // и совершенно в том роде
32–33 *Вместо:* от Бироновых ∞ до Бирона-палачей // от Бирона и Потемкиных большого размера до Бирона

Стр. 171

16 *Вместо:* воины-сподвижники // воины-пророки

22 *Вместо:* *была* в них // *была*

25 *Вместо:* брожения и беснований // брожения

27 *Вместо:* но она не имеет еще той // она не имеет той

Письмо шестое

Стр. 172

23–24 *Слова:* без желания их исправлять — *отсутствуют.*

Стр. 173

23 *Вместо:* планетных // теллурических

28 *Вместо:* хранящую в памяти своей // и притом хранящую в памяти

29 *Вместо:* развития // своего развития

30–31 *Вместо:* победили, так сказать // победили

Стр. 174

27 *Вместо:* каких-то // своих

Стр. 175

18 *Вместо:* и удалялись с них // удалялись

Стр. 176

7 *Вместо:* греха христианину // грехов

21 *После:* работа // ночная работа

Стр. 177

8–10 *Вместо:* Абсолютная ∞ существует // —Может, ты и не спросишь меня этого, да я уж очень настращался вашими «веймарскими гениями» с Неглинной; их строго ученое непониманье, их педантская тугость и сенаторская важность дворецких науки, их язык — не то чтоб гуманный, а все-таки напоминающий «людскую», наконец... да уж лучше я отвечу тебе, хотя и придется опять зады протверживать.

Что делать с тем, что абсолютная нравственность делит судьбу всего абсолютного, т. е. что она вне теоретической мысли, вне отвлечений вовсе не существует.

15 *После:* блестящие пороки // что мудрость одних — безумие других

Стр. 178

16 *Перед:* Пророки // С верой можно было ждать века мессию и торжество Израиля;

Стр. 179

15 *Вместо:* для *порядка* // нового *порядка*

35 *После:* народов // И если б Южная Америка не дралась с геройством *за рабство*, можно было бы думать, что мир только и дерется из-за зоологического распорядка по видам

Стр. 180

10 *Вместо:* заснуть. Неречистое мещанство // заснуть голландским сном. Неречистое мещанство, боясь книжного языка

Письмо седьмое

Стр. 182

18 *После:* здоровее. // Сегодня я в особенно кротком расположении духа и невольно склонен к оптимизму и розовому цвету.

Дело вот в чем,

22 *Вместо:* не увез ее // не увез

30 *Вместо:* идеалами // христианскими идеалами

34 *Вместо:* признают // признают официально

Стр. 183

5–6 *Вместо:* и со всем тем он не умеет // Он не умеет se faire valoir ⟨поставить себя⟩

20 *Вместо:* провинциальной // богатой провинциальной

Стр. 184

3–4 *Вместо:* в покойной и каменистой // в покойной

4–5 *Вместо:* в покойной и песчаной // в покойной

6 *Вместо:* в мелочах политических // во всех политических мелочах

15 *Вместо:* крик досады // крик боли и досады

Стр. 185

23–24 *Вместо:* подвигов и повышений // подвигов...

Стр. 186

9 *После:* петух // и петух

24–25 *Вместо:* он ∞ вопросы // он смелей меня решил этот вопрос, потому ли, что он «поврежденный», или потому его и считали «поврежденным», что он имел кураж говорить такие вещи — этого я не знаю. Вот как было дело.

Стр. 187

12 *Вместо:* Как же ∞ в hôtel'e // Как же, разумеется, здесь; он меня ждать остался в hôtel'e

13–14 *Вместо:* что боюсь морской болезни // что морская болезнь сделается

23 *После:* медленно // история, видите, как пошла писать в Италии

32 *Слова:* который пастух — *отсутствуют.*

Стр. 188

28 *После:* вчуже жаль // особенно жаль

30 *После:* так стал // Выбора нет: или война, или разоренье на содержание войска

34 *Вместо:* верите // немного верите

35 *Вместо:* вопрос // сомнение

Стр. 189

3 *Вместо:* Лошадь // Так это лошадь

4 *Слова:* заметил лекарь — *отсутствуют.*

13 *Вместо:* сделались // сами или сделались

14 *Вместо:* сделались // или сделались

20 *Вместо:* с войском? // со всем этим?

31 *Слова:* я другого не люблю — *отсутствуют.*

Стр. 190

5–6 *Вместо:* да помещиков драться // да драться

6 *После:* гнёты // прессы

11 *Вместо:* так притиснет // давнет так

17 *После:* в пекинском дворце // Неправда ли, какое чудо, что между ними нет войны?

28 *Вместо:* чтоб // разумеется, чтоб

32 *Вместо:* война — дренаж-с // временное дело

33 *Вместо:* в Лондоне // здесь

35 *Вместо:* Или у вас // Что ж из этого? или у вас

Стр. 191

10 *Вместо:* ваши // эти

34 *После:* с страстной настойчивостью // до старости

Письмо восьмое

Стр. 193

9 *После:* патурой // т. е. распускающейся широко в праздной болтовне и поверхностном всезнании.

24 *Слова:* господских домах — *отсутствуют.*

36 *Слова:* не в maternité, а — *отсутствуют.*

Стр. 194

12 *Вместо:* говорите // проповедуете

37 *Вместо:* вам обоим // вам

Стр. 195

35 *Слова:* (и твой) — *отсутствуют.*

Стр. 196

6 *Слова:* Ромул и Рем — *отсутствуют.*

35 *Вместо:* вероятно // может

Стр. 197

6 *Вместо:* он не принимал // он один не принимал

7 *Вместо:* в семейной // в длинной семейной

20 *Вместо:* Пора стать на свои ноги // Долгий рост пришел к концу, пора облечься в тогу совершеннолетия, стать на свои ноги

22 *Вместо:* Зачем же наряжаться в блузу // Зачем же в блузу

29–30 *Вместо:* кафедральные профессора проповедуют нам // «баньосы» политической экономии и иных кафедр проповедуют нам, как мой ученый друг

32 *Вместо:* что мы // что и мы, бедные

Стр. 198

9–10 *Вместо:* образовалась ∞ *европейская* // образовалось новое различие, varietas *сводноевропейская* в Северной Америке

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ПБ)

Стр. 129

1 *Вместо:* Концы и начала — *было:* Письма к бывшему попутчику

Письмо первое

Стр. 131

18 *После:* Письмо первое — *было:* 5 Juin 1862. Isle of Wight. Ventnor.

23 *Вместо:* зловещая и холодная — *было:* холодная и резкая

27–28 *Вместо:* и всем тяжелым трудом, которого мы еще не сделали // да всем тяжелым трудом, которого не сделали

31 *Вместо:* светлая река — *было:* над светлой рекой

32–33 *После:* из хомута в хомут — *было:* опять в путь

Стр. 132

1–2 *Вместо:* формам гражданственности — *было:* формам жизни

5 *После:* только по-готовому — *было:* если нас не увлекает какая-нибудь страсть, вера, какой [бы то] ни будь [было] фанатизм

5–7 *Вместо:* Городская жизнь ∞ нестройных сил — *было:* Она нас приучает с малолетства к известному [насильственному] уравновешению нестройных сил, к [насильственному] скрытому, за кулисами сделанному замирению

12 *После:* средиземной волны — *было:* с живыми зверями в лесу. Издали — на словах в фантазии — все эти стихийные разгромы тянут к себе чарами неизвестности, чего-то нового и сильного. На

14 *Вместо:* океана — *было:* Атлантического океана

25–26 *Вместо:* опасность полиции и шпионства // опасность полиции, шпионства и воров

Стр. 132—133

38–1 *Вместо:* художники, жившие в искусстве для искусства и для денег — *было:* художники — как Поль де ла Рош, Горац Верне и пр.

Стр. 133

1 *После:* от беспокойства — *было:* и тревоги

1–2 *Вместо:* Февральской революцией — *было:* революцией 1848, от помехи в работе и пр.

1–2 *После:* Февральской революцией // Да и чего дальше ходить

8 *Вместо:* от 1848 года — *было:* от Февральской революции

13 *После:* Во Франции — *было:* 1848

19–20 *Вместо:* везде пыль столбом // пыль столбом

24–25 *Вместо:* «жандармский авангард цивилизации» из немцев // немцев — этот жандармский авангард цивилизации

26 *После:* неразвитостью // наших крестьян
29 *Вместо:* пророчествующими — *было:* мерцающими
31 *Вместо:* постоянно не могут победить — *было:* победить не могут
32 *После:* *помешательство* — *было:* как всякой
34 *Вместо:* брызгами и шумом // брызгами, шумом

Стр. 134

3–4 *Вместо:* один и тот же, чисто агрономический — *было:* слишком агрономический
4–5 *Вместо:* как поет студентская песня — *было:* как студентская песня поет
8 *Вместо:* крепкое слово — *было:* бранное слово
9 *Вместо:* байронистов и пр.— *было:* и—или еще — ну мартинистов
10 *После:* не в том — *было:* что
11 *После:* удалиться — *было:* в себя
13 *Вместо:* не может быть спору — *было:* не может быть и спору
14 *Вместо:* уяснить себе — *было:* побеседовать с тобой
15 *Вместо:* западным мохом // западным плющем
17 *Вместо:* каких-нибудь чар — *было:* чего пророческого
18–19 *Вместо:* и нет ли основания этим чарам? — *было:* может, потому так и тянет к снам?
22 *Вместо:* наука // наука его
23 *Вместо:* человечества // всего человечества
23 *После:* человечества // ее гораздо [и] прежде, [как] чем именье князя Менщикова-Алмского, [теперь] пельзя было ни продать, ни заложить
23–24 *Вместо:* Наука совершенно свободна от меридиана, от экватора она — *было:* По мере того как она [наука] представляет разумное, обобщает быт и факты, раскрывает законы, их возникновение и развитие — она больше и больше решительно освобождается от меридиана и делается как
24–25 *После:* *западно-восточная* — *было:* и, пожалуй, северо-южный
26–27 *Вместо:* Теперь ты хочешь ∞ формы западной жизни — *было:* Теперь ты, кажется мне, переходишь к самим формам жизни
28 *Вместо:* быт европейских бельэтажей // быт европейского бельэтажа [быт европейский]
28 *После:* один соответствует — *было:* разумеется на своих вершинах
31–32 *Вместо:* искусство на Западе родилось, выросло, ему принадлежит и что, наконец, другого искусства нет совсем — *было:* искусство — на Западе дома, привыкло к его формам — и нет искусства *разве его*
35 *После:* на то место — *было:* в первых рядах
36 *После:* согласен в этом — *было:* и очень знаю, что

Стр. 135

8 *Вместо:* о чем ты // да о чем ты
11–12 *Вместо:* Но об этом никто не спорит — *было:* Кто же спорит об этом [Все это так], но у нас речь не идет об истории искусства
12 *Вместо:* ты хочешь сказать — *было:* ты хочешь, может, сказать
13 *После:* жизнь — *было:* на вершинах своих
14 *Вместо:* хранилищницы в Европе — *было:* хранилищницы искусства
16 *Вместо:* театры лучше обставлены и пр.— *было:* что театры лучше обставлены
19 *Вместо:* одна великая опера // одна опера
21 *Вместо:* но все же Campo Santo — кладбище — *было:* жаль только, что Campo Santo кладбище
21 *После:* кладбище — *было:* Америке очень нужны воспитательные домы ⟨?⟩. Но [Всё] это только доказывает, что условия хранения

искусственных произведений в Европе хороши — и без всякого сомнения

24 *После:* живое — *было:* созидающее

25 *Вместо:* Вызывать постоянно усопших, повторять Бетховена — *было:* Вызывать постоянно нам новые заклинатели, вызывать стучащие духи усопших — Бетховена и Байрона

27 *Вместо:* В скучнейшие времена — *было:* В дряхлые времена

28–30 *Вместо:* в Риме берегли статуи Фидиаса и собирали лучшие изваяния накануне Генсерихов и Аларихов — *было:* берегли статуи Праксителя

31 *После:* музыке Вагнера? — *было:* Да где оно в самой жизни?..

34 *Вместо:* всякую случайность — *было:* последнюю случайность

35 *Вместо:* всякий звук и всякую форму — *было:* морщину на земле

Стр. 136

2 *После:* обожженного солнцем — *было:* в уровень мадонн и полубогов [в равенстве [товарищи] мадонн и Олимпа]

2–4 *Вместо:* От дикой, грозной фантазии ада ∞ отвернувшимся мужиком — *было:* От дикой фантазии вселенной, Варфоломеевской ночи страшного суда—до грязной фламандской таверны, где все хохочет

4–5 *Вместо:* до «Камаринской» — *было:* до Лепорелло

5 *Вместо:* все подлежит — *было:* все принадлежит

5–6 *Вместо:* свой предел — *было:* свою Ахиллову пяту

6–7 *Вместо:* который решительно не берет ни смычок, ни кисть, ни резец — *было:* непобедимый ни смычком, ни кистью, ни резцом

7–8 *Вместо:* искусство, чтоб скрыть свою немоготу, издевается над ним, делает карикатуры — *было:* остается, чтоб скрыть зеленый виноград, одна насмешка, карикатуры, шарж

9–10 *Вместо:* который превосходно набрасывает — *было:* который умеет превосходно изображать

11–13 *Вместо:* ничего не видать ∞ перед *мещанином во фраке* — *было:* кроме железа или монашеской рясы ничего не видать, не может изящно нарисовать *мещанина во фраке*

13 *После:* посягательство — *было:* то

14 *После:* тогу — *было:* то

17 *После:* Прюдом — *было:* Чичиков

17–19 *Вместо:* великие карикатуры, иногда гениально верные, верные до трагического у Диккенса, но карикатуры // это карикатуры, иногда верные, до страшного у Диккенса, до трагического, но карикатуры

21–22 *Вместо:* и позорный столб // и пилори

24 *Вместо:* противен, тесен для искусства — *было:* противоположен искусству

27 *Вместо:* из ее чинной среды — *было:* из нее

27–28 *После:* до художественного значения — *было:* и до беспощадного осуждения этой чинной среды

31–32 *Вместо:* полна мелких недостатков и мелких достоинств — *было:* имеет мелкие черты, без особенного безобразия, но и без особенной красоты

33 *После:* излишнего — *было:* во всем ищет прежде всего пользу

34–35 *Вместо:* с разрисованными щитами на ставнях — *было:* с окнами на улицу

36 *Вместо: Это огромный* — *было:* Все это огромный

Стр. 137

3–4 *Вместо:* Искусству не по себе — *было:* Искусству тесно, душно

5 *Вместо:* искусство чует — *было:* оно чувствует

8 *Вместо:* дадут грош, и квит — *было:* лишний грош есть

9 *Вместо:* изящная соразмерность — *было:* мера и соразмерность

9–11 *Вместо:* выносить аршина, самодовольная в своей ограниченной посредственности жизнь — *было:* выносить [этого] аршина, этой [узкой] самодовольной жизни — этой ограниченной, посредственной [и довольно] жизни

13–14 *Вместо:* Но это нисколько не мешает ∞ авангард его уже пришел — *было:* А между тем весь образованный мир идет в мещанство и уже [почти] пришел

14–15 *Вместо:* Мещанство — идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек дна — *было:* Это идеал, к которому все стремится

16 *После:* Генрих IV.— *было:* Да и где же другой выход?

16–17 *Вместо:* Маленький дом с небольшими окнами на улицу — *было:* Тесный дом с небольшими окнами на улицу, безбедный обед

20–22 *Вместо:* Прогнанный с земли ∞ голод — *было:* Прогнанный с земли, потомок побежденного, осужденный на вечную земляную работу без земли

23–24 *Вместо:* делаясь собственником, хозяином, буржуа — *было:* делаясь маленьким собственником или мещанином

24–25 *Вместо:* его сын не будет отдан в пожизненную кабалу из-за хлеба— *было:* его сын не [назначен в] прикреплен на пожизненную работу на чужом поле, на чужой машине

28–30 *Вместо:* носится светлым образом ∞ усталые руки — *было:* носится до тех пор перед глазами поденщика, пока его надломленная грудь и заскорузлые руки

31 *Вместо:* покоем отчаяния — *было:* отчаянием

32–33 *Вместо:* полуштофе виски — *было:* пейнтботел Irish Whiskey

35–36 *Вместо:* демократизация аристократии // это демократизация аристократии

36–37 *Вместо:* Альмавива — *было:* Роган

37–38 *Вместо:* снизу все тянется в мещанство ∞ в него — *было:* потому-то это все и стремится снизу подняться в мещанство, сверху — упасть в него

Стр. 138

3–4 *Вместо:* работник всех стран — *было:* английский, французский работник

5–7 *Вместо:* покинула своего фанатического любовника Маццини, изменила своему мужу-геркулесу — *было:* изменила своему фанатическому любовнику Маццини, покинула своего мужа Геркулеса.

12 *Вместо:* С мещанством — *было:* А между тем с мещанством

12–13 *Вместо:* растет ее благосостояние // растет благосостояние

13 *Вместо:* Античный бедняк — *было:* Красивый бедняк

14 *Вместо:* лавочником — *было:* Мишелем

19 *Вместо:* или песни // и песни

19 *Вместо:* до этого дела нет — *было:* это существеннее

23 *Вместо:* а они сами ездят, и очень часто, в фиакрах — *было:* а они сами колесят [пеш] в фиакрах

23 *После:* в фиакрах — *было:* [Я знаю очень хорошо, что] К тому же красота, ⟨*1 нрзб.*⟩ вкус,— вовсе ненормальны, они исключение, как голос Лаблаша или Гричи

24 *После:* и должно победить — *было:* против этого делать нечего

26 *После:* Господство мещанства — *было:* растет, будет расти — это

32 *Вместо:* заменяет артиста — *было:* заменяет живописца

33 *Вместо:* нужды — *было:* необходимости

Стр. 138—139

38–1 *Вместо:* В самой природе, можно сказать, бездна мещанского; она очень часто — *было:* В природе бездна мещанства, она ужасно охотно

Стр. 139

4 *Вместо:* Европа — *было:* И зачем? Европа

7–8 *Вместо:* Мещане вспомнили ∞ библейские предания — *было:* Но сильные мира вспомнили героические времена и библейские времена

10 *Вместо:* будет расти — *было:* расти

10–11 *Вместо:* в предупреждение того, как карает самодержавное мещанство — *было:* и мещанская Европа

11 *Вместо:* Все с тех пор — *было:* Все действительно

13–14 *Вместо:* но художественной струны в нем не прибыло — *было:* но художественного призвания в нем нет

14 *Вместо:* их и не ищет // его и не ищет

15 *Вместо:* он согласен с Екатериной II — *было:* а императрица Екатерина II находила же

16–17 *Вместо:* императрица тоже смотрела — *было:* она тоже смотрела

17 *После:* точки зрения — *было:* Где же ты нашел искусство, артистическую жизнь — в прозе мещанской жизни, быта?

20 *Вместо:* тогда я уже // я уже

21–22 *Вместо:* теснота и давка цивилизации — *было:* теснота и давка, толкотня цивилизации

23–26 *Вместо:* я с ужасом ∞ насытит собою воздух — *было:* я с некоторым ужасом смотрел на беспрестанно двигающуюся, кишащую толпу, предчувствуя, как она у меня возьмет полместа в театре, в дилижансе, как нагреет и насытит собою воздух [который дойдет до меня прежде через сотни легких], пережеванный и высосанный сотнями легких

30 *Вместо:* Мне кто-то указал — *было:* Мне кто-то рекомендовал

33 *Вместо:* внутри двора — *было:* не на улице, а внутри дома

Стр. 140

1 *Вместо:* за домом, зеленели // за домом [были] чахло зеленели

3–4 *Вместо:* с римской прямолинейностью и почернелой позолотой — *было:* Все довольно полинявшее — и вдруг я почувствовал себя

5 *Вместо:* но расположение комнат, мебель — *было:* но размеры комнат, их вышина, расположение, большие окна

7 *После:* совершенно в стороне — *было:* тут, вероятно, какая-нибудь сморщившаяся дуарьера ежедневно толковала с каким-нибудь толстым аббатом о бурных временах и о герцогине Ангулемской, лет десять называя Наполеона — Буонапарте, а графа Прованского — королем Франции

9 *Вместо:* и мне показалось — *было:* и мне все больше и больше стало казаться

12 *Вместо:* можно распространить — *было:* распространяется

16 *После:* льется через край — *было:* Ей всего недостает и потому

17–18 *После:* Париж узок — *было:* ⟨С⟩ одной стороны — почтение достоинству, с другой стороны—увеличение потребления... идущее в такой же пропорции

21 *Вместо:* сигары — *было:* дорогие сигары

27 *После:* у меня — *было:* годовую пропорцию

28 *Вместо:* Я в день сигар по 2 и по 3 пенса больше продам, чем тех в год —*было:* А знаете ли, что я в день плохих сигар по 2 и по 3 пенса больше продам в десять раз, чем тех в год

30 *После:* дух современности — *было:* В Америке заводятся теперь трактиры и кабаки, в которых положена одна цена за меру напитка — и держится два, три пива. Человек по необходимости должен пить без выбора. Личность стерта и тут, вкус стерт и тут

30 *Вместо:* Вся торговля — *было:* Впрочем, вся торговля

35–36 *Вместо:* рядское, почти всем доступное ∞ эстетической отделки —

было: стадное и потому всем доступное, но не допускающее требовательности, оригинальности отделки

38 *Подстрочное примечание отсутствует.*

Стр. 140—141

36–8 *Вместо:* Возле, за углом ∞ как Лансир и Роза Бонер — *было:* Эта среда размножившаяся, потребительская. Это стотысячеголовая гидра, пожирающая все без разбора, без вкуса, готовая все смотреть, все слушать, все читать. Везде толкающаяся [сегодня на выставке, а завтра на похоронах, на дебюте тенора, на пожаре... ее-то назвал Д. Стюарт Милль], среда *без невежества, но и без образования*, не глупая, но ограниченная, не любящая смешения и чистая, но странно консервативная, которую назвал Д. С. Милль conglomerated mediocrity. Она составляет тип повседневный в Европе ⟨*1 нрзб.*⟩, в котором искусство пошлеет, задыхается, лжет, машет руками, кричит, разменивается на мелкую монету [делает фразы, фразерствует] и с отчаяния бросается на иронию, на фарсу и на портреты зверей и скота, как Лансир и Роза Бонер. И ты [воображаешь] думаешь, что искусство

Стр. 141

12 *Вместо:* Эпохе — *было:* Миру

14 *Вместо:* Ей — *было:* Ему

20 *После:* далек — *было:* Вспомни, что

21 *После:* господствующим — *было:* за мещанством

22 *Вместо:* образ жизни мещанства — *было:* образ жизни

23 *Вместо:* на десять перемен — *было:* на века

23 *После:* на десять перемен — *было:* В этом-то растворе с своими притекающими резервуарами плавает на поверхности, как блестки масла, ⟨*полстроки отрезано*⟩ кучка забежавших, образованных

32 *Вместо:* были идеалы, верования — *было:* были такие идеалы, такие верования

33 *Вместо:* простое сердце // самое простое сердце

Стр. 142

3 *Вместо:* Когда Иванов — *было:* Когда наш знаменитый Иванов

11–12 *Вместо:* на этого *великого последнего* // которого мы принимали за *великого последнего*

13 *Вместо:* и не отверзлась ему // и не отверзлась

14 *После:* Isle of Wight // Ventnor

Письмо третье

Стр. 149

26–34 *Вместо:* Фу, какое отвратительное лето ∞ зато пир горой — *было:* Наконец-то солнце [пышно на] затопило светом долины и поля, [на дальнее море] и море спокойно блеснуло и разгладилось — на возвышения и сады, сады без числа. Я сижу у своего окна в крошечной ферме и не могу [не] наглядеться — так давно я не видел солнце и дали. Сегодня даже тепло. Лето было отвратительное — холод, серое небо, дождь, постоянные ветры раздражали нервы и носовую перепонку — и все это в продолжение [уже] трех месяцев, а перед ними семь страшных [месяцев] предшественников до вступления в знак Овна... и сегодня [будто] просто обрадовался, увидя, что природа цела и может еще быть теплой и веселой, красивой — зато пир горой

30 *Вместо:* явилось на безоблачном небе — *было:* затопило светом долины, поля, пригорки и сады, сады без числа

33 *Вместо:* Сегодня даже тепло — *было:* Сегодня даже очень тепло

33 *Вместо:* Я просто обрадовался — *было:* Я просто сегодня обрадовался

Стр. 149—150

34–1 *Вместо:* птицы летают, жужжат, поют, шумят — *было:* [мухи] летают, поют

Стр. 150

2 *Вместо:* и старая собака — *было:* лает собака

5 *После:* ворчаньем — *было:* наслажденьем

6–7 *Вместо:* несмотря на море в стороне, вид этот очень напоминает— *было:* Вид из моего окна напоминает мне

9 *Перед:* Пора — *было:* Сильная

9–10 *Вместо:* начинал опасаться уж не социального переворота, а геологического — *было:* начинал было совсем верить не в социальный переворот, а в геологический

15 *Вместо:* должно быть, не веришь — *было:* не веришь

21 *Вместо:* даст трещину в Европе — *было:* даст страшную трещину и легко может быть в Европе

22–23 *Вместо:* до Орловской губернии — *было:* до ваших губерний

25–26 *После:* она сама распорядится — *было:* Мы остановились на типе Дон-Кихота революции. Тип Дон-Кихота революции у меня не идет

30 *Вместо:* пометил — *было:* пометил бы

34 *Вместо:* из высших, предельных — *было:* из наиболее развитых

36–37 *Вместо:* Это вершины гор ∞ и замыкается — *было:* Ими, как вершинами гор, заключается хребет XVIII гряда Альпового столетия, достигает своего предела и обрывается. [Ряд] И замыкает, обрывается ряд усилий подняться. Дальше

Стр. 151

12 *Вместо:* оставленное отливом — *было:* захваченное отливом

24–25 *Вместо:* ожидающие пришествия республики на земле — *было:* ожидающие выручки

26 *После:* они этого — *было:* видеть не

26–27 *Вместо:* из этих апостолов девяностых годов — *было:* этих граждан печального образа

28 *После:* какими-то — *было:* надменными

31 *Вместо:* крошечные люди и маленькие верблюды — *было:* крошечные верблюды и маленькие люди

33–34 *Вместо:* Смерть давала все больше и больше знать о своем приближении — *было:* Мало-помалу смерть давала знать о себе

34 *Вместо:* взгляд — *было:* взгляд их

36 *Вместо:* Старик хмурится — *было:* Облако пробежало по лицу старика

37 *После:* в демократии — *было:* без помешательства и без Корделии

38 *Вместо:* к своим, к присным — *было:* на апелляцию

Стр. 152

1–2 *Вместо:* полускрытый упрек, мелкие счеты и мелкие интересы— *было:* полускрытые насмешки или вовсе нескрытую снисходительность к зажившемуся старику

3 *После:* боятся — *было:* и краснеют

3–4 *Вместо:* на изредевшие седины — *было:* на седины его

4 *Вместо:* Его невестка мучит его — *было:* А тут невестка мучит старика

5 *После:* аббат — *было:* и наставник

5 *Вместо:* шныряет по временам — *было:* приходит по временам

6–7 *Вместо:* поймать его богу в предсмертном бреде — *было:* воспользоваться предсмертным бредом

12 *Вместо:* детски верный — *было:* фанатически верный

14–16 *Вместо:* иной раз отвести душу ∞ великими событиями — *было:* отвести душу, повторить свое ⟨*2 нрзб.*⟩

18–20 *Вместо:* Оба *знают*, что час революции пробьет ∞ в этом уповании один из них засыпает — *было:* Но одиннадцатый час настал — народ проснется... 48 год прелюды... и в этой надежде один из них засыпает

21 *Вместо:* Насупив брови, идет — *было:* Идет, насупив брови

22 *После:* или — *было:* идет

23–24 *Вместо:* идет за гробом Лира — *было:* проводит гроб Лира

26 *Вместо:* И его нет, и он не дождался — *было:* Неужели

27 *После:* возвращаясь с похорон — *было:* и не замечая слезы, раскрывающейся на морщине [опустившейся щеке]

28 *После:* взяли верх — *было:* больше пятидесяти лет прошло!.. и что же

Стр. 153

9–10 *Вместо:* от всего частного, личного — *было:* от частного, личного, во имя своей религии

13–14 *После:* Шимборазо и — *было:* оба на

16–17 *После:* базальтовые личности — *было:* пласты,— личности минерального царства

20 *После:* забежавшие пионеры — *было:* и мрачно окончившие жизнь Дон-Кихоты революции [не достигнув своего идеала], столько же отвлеченные в своем учении, как христианство в своем

27 *Вместо:* он довольствуется итогом трупов — *было:* он довольствуется потом счетом и итогом

28–29 *Вместо:* и оно имеет свой совершенно *статский* интерес — *было:* и не довольствуется нумером

30 *Вместо:* Что вынесли — *было:* Ужасно подумать, что вынесли

30–31 *Вместо:* оставленные отливом в тине — *было:* оставленные отливом медленно угасать в тине

31–32 *После:* с своими *детьми* — *было:* без фантастических утешений церкви

35 *Вместо:* что в длинном ряду — *было:* что в этом длинном ряду

37–38 *Вместо:* Гюго едва заметил — *было:* Гюго не заметил

Стр. 154

2 *Вместо:* превосходства — *было:* превосходства и силы

5 *Вместо:* чуть коснулся величайшей скорби в мире — *было:* забыл нашего Дон-Кихота

7 *Вместо:* но ненужные — *было:* но вполовину ненужные

8–9 *После:* подробно рассказанные — *было:* страдания

10–11 *Вместо:* но не всякому — глубоко сочувствовать — *было:* но сочувствовать не всякому

15 *Вместо:* просто отвратителен — *было:* отвратителен, гораздо больше отвратителен, чем худшие обитатели «мертвого дома»

19–20 *Вместо:* доброго, несчастного зверя, травимого целым гончим обществом — *было:* несчастного, травимого целым гончим и мещанским обществом

22–23 *Вместо:* Святой каторжник, Илья Муромец из тулонских галер — *было:* Этот святой каторжник, этот Илья Муромец

23 *Вместо:* акробат в пятьдесят лет — *было:* акробат в шестьдесят лет

24 *Вместо:* чуть не в шестьдесят — *было:* чуть не в семьдесят

26–27 *Вместо:* оттого что тридцать лет тому назад украл хлеб — *было:* оттого что насильственно тридцать лет украл хлеб

27 *После:* не для себя — *было:* У него все личное ⟨*1 нрзб.*⟩ на себе

27–28 *Вместо:* Его добродетель — болезненное раскаяние; его любовь — старческая ревность — *было:* Его добродетель — болезненна, отличается болезненной ревностью. И все его

28–29 *Вместо:* существование его поднимается // существование поднимается

34 *Вместо:* Ртуть термометра // Ты знаешь, что ртуть термометра

36–37 *Вместо:* стоит угрызения совести — *было:* хуже угрызений совести

38 *Вместо:* стариком девяностых годов — *было:* стариком-революционером

Стр. 155

1 *После:* идеалистом — *было:* юношей

2 *Вместо:* благоразумием, разочарованием — *было:* любовью к труду, депутатом

3 *После:* и внуком — *было:* который и ⟨*1 нрзб.*⟩ слишком радикален и который затяну⟨?⟩

7 *Вместо:* преемственность поколений —*было:* связь поколений

8 *Вместо:* Жан Вальжан // Но Жан Валжан

10–11 *Вместо:* Чего хотел он, в самом деле, от Козетты?—*было:* Чего он хотел от Козетты? Любви, какой любви?

11–12 *Вместо:* Он в неопытной непочатости своего сердца — *было:* Он в своей неопытности, в стремле⟨нии⟩

12–13 *Вместо:* Он исключительно *для себя* хотел любить ее, а так отец не любит — *было:* Он *для себя* хотел любить ее

13–15 *Вместо:* Сверх того, он ∞ отвращения, которое ему показал — *было:* он всю жизнь, драпируясь в куртку каторжного, он едва не пережил испуга, который причинил

16–17 *Вместо:* типический представитель пошлеющего поколения — *было:* превосходному представителю своего поколения

18 *После:* с Мариюсом// мне кажется, что он вообще «шел в комнату, попал в другую» и может потому-то многое имеет такую portée ⟨важность⟩

20 *Вместо:* мерцают — *было:* мерцали

24 *Вместо:* грозного // дерзкого

25 *Вместо:* добрый товарищ — *было:* добрый малый

26 *После:* не зная, что потом — *было:* у него свои предания

27 *Вместо:* à code ouvert — *было:* à livre ouvert

29–31 *Вместо:* На этом поколении окончательно останавливается и начинает свое отступление революционная эпоха — *было:* На таком поколении обыкновенно останавливается эпоха

34 *Вместо:* кое-что подобное // нечто подобное

Стр. 156

5–6 *Вместо:* свой обозначенный вид и свою индивидуальность // свой резко обозначенный вид и свою стертую в нем индивидуальность

5–6 *После:* свою индивидуальность — *было:* Представь же себе эти старые единицы ⟨*полстроки отрезано*⟩ 89 года, этих исполи⟨нов⟩

12 *Вместо:* Виды — *было:* Разные виды

13–14 *Вместо:* на разных возможностях ∞ они их удовлетворяют — *было:* на разных степенях, на разных возможностях— больше или меньше бедных, но которые их удовлетворяют

14–15 *Вместо:* перешагнуть их они почти не могут — *было:* которые они перешагнуть не могут

17 *Вместо:* рак — форелью, Голландия — Швецией — *было:* так как рак — форелью, так как Голландия—Швецией и наоборот

26–27 *Вместо:* совершившего свой цикл вида — *было:* вида, совершившего свой цикл

30 *После:* потухали — *было:* или переносились на небо

30–31 *Вместо:* Довольство богатых и сильных подавляло стремление бедных и слабых — *было:* Довольство довольных подавляло стремление других

31–32 *Вместо:* Религия являлась всехскорбящей утешительницей — *было:* Религия в этом отношении помогала чрезвычайно
37 *Вместо:* И чем безропотнее — *было:* чем [мучительнее] безропотнее и кротче

Стр. 157
1 *Вместо:* Жаль — *было:* Жаль очень
10 *Вместо:* весны, лета // весны и лета
11 *Вместо:* Тихим, невозмущаемым шагом идет Англия к этому покою— *было:* Передовая страна Запада идет тихим, невозмущаемым шагом к этому покою
13 *Вместо:* ее — *было:* Англию
16 *Вместо:* своим грозным ропотом — *было:* своею бедностью
16–17 *Вместо:* Прочно ∞ далеко не уйдут — *было:* Зато и церковь нигде не стоит прочнее — на правах страны — как английская, несмотря на все расколы ее
19 *Вместо:* низвергается // низвергает
20 *Перед:* Франция — *было:* туда же
20 *Вместо:* чтоб — *было:* для того, чтоб
20–21 *После:* За этими колоссами — *было:* давящими как свинцом грудь Европы
22 *Вместо:* скипетром — *было:* знаменем
24 *Вместо:* озабоченного без причины // озабоченного без дела
30 *Вместо:* назвать // называть

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ПБ)

Стр. 199
1 *Вместо:* Молодая и старая Россия — *было:* Молодая Россия и угар
6–7 *Вместо:* общество, литература, народ // [само] общество, литература и народ
8 *Вместо:* «Современник» и «Русское слово» — *было:* четыре ежемесячные издания
12 *Вместо:* два министра и III отделение // два министра
13 *После:* лекций — *было начато:* девушек
13 *После:* аресты — *было:* женщин таскают в III отделение
15 *Вместо:* призван — *было:* призванный
15 *Вместо:* Липранди // [доносчиком] поэтом шпионов Липранди
16 *Вместо:* тот же — *было:* сам
17 *После:* Александр II — *было:* Какие же еще знамения нужны?
18 *Перед:* Где свободные — *в рукописи зачеркнутый отрывок, начало которого отсутствует:* ругается с арестантами, как Николай — ругает их в присутствии измайловских солдат и офицеров, ругает их в своей комнате
21 *Вместо:* сырой земли — *было:* мать сырой земли
24 *Слова:* и Павел Гагарин — *отсутствуют.*
24 *Вместо:* спеваются за углом—*было:* запевают с легким ⟨?⟩ ⟨*2 нрзб.*⟩
27 *После:* мертвым — *было:* этой старой России
27 *Вместо:* улица ваша // [она] улица-то ваша

Стр. 200
5–6 *Вместо:* губернские и уездные города // целые губернии, уездные города
6 *Вместо:* Поджоги у нас заразительны, как чума // поджоги заразительные, как [холера] чума
13 *Вместо:* О, это // Это
13 *Вместо:* Знаете, отрицание всего // Знаете, это уж отрицание всего [уж] [ну]

22 *Вместо:* признаемся — *было:* объявляем
23 *Вместо:* хныканье — *было:* вопли
24 *Вместо:* любовников — *было:* любителей
24 *Вместо:* Маловерные — *было:* Какие маловерные
25 *Вместо:* вашим — *было:* их
26 *Вместо:* бежать — *было:* и бежать
27 *Вместо:* ваши — *было:* их
28 *Вместо:* чтоб ∞ камень — *было:* чтоб они, хныкая и вперед раскаиваясь, [бросили] пустили и свой камень
30 *Вместо:* неурядица // что неурядица
34–35 *Вместо:* Нет, господа, не попадете вы — *было:* не попадете вы, господа

Стр. 201

2 *Вместо:* Для нас во всей этой оргии страха совершенно ясно—*было:* [Для нас] Во всем этом сумбуре мы понимаем
4 *Вместо:* товарищей его в Москве — *было:* братьев его
4–6 *Вместо:* как-то нашел ∞ свернулся — *было:* как-то в самих доносах перешел Рубикон, попал не в тон
6 *Вместо:* не вовремя — *было:* как-то не вовремя
6 *Вместо:* Липранди — *было:* он
9 *Вместо:* флотским — *было:* морским
9 *Вместо:* своим — *было:* его
10–11 *Вместо:* долго не мог справиться — *было:* выполз ⟨*далее конец фразы отсутствует*⟩
11 *Вместо:* с восторгом // что Липранди с восторгом
12–14 *Вместо:* Для него «Молодая Россия» ∞ поплелся устроивать свою карьеру — *было:* и отправиться пролагать снова свою карьеру
17–18 *Вместо:* идущие на пристяжке III отделения — *было:* тайно и явно привенчанные к III отделению
19 *Слова:* они пишут — *отсутствуют.*
19–20 *Вместо:* из самосохранения и пр.— *было:* из-за того, чтоб и их журнал не испытал участи «Дня» и «Современника»
20 *Вместо:* доктринерской — *было:* пухлой
21 *Вместо:* (знаменитое complicite morale!)—*было подстрочное примечание к слову «поруку»:* Впрочем, знаменитое complicite morale не изобретено ни в канцелярии Липранди, ни в редакции какого-нибудь солидного журнала, а изобрел — и тем себя прославил — *Ебер* — министр юстиции при Людвиге-Филиппе. Вещь юридически очень полезная — при отсутствии совести и при некоторой ловкости на эту штуку можно поймать кого угодно от Рафаила Зотова и повесить его как участника в деле Орсини.
25–26 *Вместо:* Столько же понятна и *третья* категория // [наконец] столько же понятна и третья — коренная — [деятельность] категория
27 *Вместо:* категория мошенников — *было:* именно деятельность мошенников
28–30 *Вместо:* Эта отрасль ∞ товарищами — *было:* Эта отрасль — очень близкая к двум первым — имеет перед ними
32–33 *Вместо:* и нисколько не угрожающих доносам и намекам — *было:* и от которых свободнее доносам и намекам
35 *После:* дома // оставляя добрых людей, для которых пожары представляют поживу и выгодное занятие

Стр. 202

2–3 *Вместо:* этих слов — *было:* их
3 *Вместо:* озлобленный за пожары — *было:* благодаря [инсинуациям] липрандиевской литературе
12 *Вместо:* молодые — *было:* эти молодые

12 *После:* что — *было:* прок⟨ламация?⟩
18 *После:* людьми — *было:* это видно в самом смысле и в складе слов
17 *Вместо:* него — *было:* них

Стр. 203

22–23 *Вместо:* жили в мире товарищей и книг — *было:* жили [еще] в мире книжном, в мире идей
23 *Вместо:* больше в алгебре идей — *было:* в алгебре
24 *После:* выводами — *было:* который мы все прошли
24–25 *Вместо:* формулами и выводами, чем в мастерской — *было:*...формулами, а не в мастерской механика
25 *Вместо:* температура — *было:* погода
32 *После: народа* // Мы об этом говорили слишком много

Стр. 204

5 *Вместо:* в ожидании бури — *было:* и мы покойно и весело ожидали бури
7 *Вместо:* Русское // Наше русское
13 *Вместо:* в конце прошлого века // в начале революции
19–27 *Вместо:* Вы нас считаете ∞ Обручева *и примечания:* «Действительно ∞ ignis sonat» *был заклеенный текст:* Все это вместе юношеская вспышка il troppo giovanile bollore [святое нетерпение], горячая кровь, [новизна] и [тяжелая] тьма ожиданья, растущая с [близостью] приближением чего-то великого [их] [событий]. Это нетерпенье, эта порывистость ⟨*1 нрзб.*⟩ без оглядки так свойственна всему молодому, что мы действительно в «Молодой России» видим больше Шиллера, чем Бабёфа. И его идеалы были непрактичны и [они страшили] вызваны страшным смятением его родины в XVIII веке, и его благородные порывы облекались часто в страшных и кровавых сентенциях, за которыми билось его бодрое кроткое сердце. За один эпиграф из «Разбойников» московские летописцы подвели бы бедного Моора под каторгу, как зажигателя.
25 *Вместо:* почтительный — *было:* религиозный
25 *Вместо:* их можно было озадачить — *было:* им можно было отвести глаза
26 *После:* у нас...// были вы на площади, когда
28 *Вместо:* слышится // слышу
32 *Вместо:* им — *было:* ему

Стр. 205

3–4 *Вместо:* сообразить — *было:* понять
6 *Вместо:* брат — говорит — *было:* что говорит брат
6 *После:* только // Timeo Danaos
8 *Вместо:* ними — *было:* которыми
9 *Вместо:* своими руками — *было:* себе
13 *После:* Пизакане — *было:* не народ отшарахнулся от них
14 *После:* врагов — *было:* Довершите вашу жертву, исполните между людьми... ⟨*дальше текст оторван*⟩
19 *После:* чужое платье — *было:* Пусть же наши мученики довершат свою жертву
20 *Вместо:* Не за себя несут наши мученики тяжкую кару — *было.* не за себя несут они кару
22 *Вместо:* с своей — *было:* они со своей
23–24 *Вместо:* потерявши устрицу, решаются бросить раковину — *было:* потерявши дело, решаются потерять и слово
24–25 *Вместо:* Разве шляхетная Магдалина — *было:* Разве они
30 *Вместо:* Очень печально — *было:* Как ни печально
32–33 *Вместо:* великую — *было:* вашу
34 *После:* ваших — *было:* [подземелий]
36 *После: в ы б л а г о с л а в л я е т е е г о!* // 5 июля 1862 г.

РУССКИМ ОФИЦЕРАМ В ПОЛЬШЕ

ВАРИАНТЫ ГРАНКИ (ЛБ)

Стр. 256

[37] *Вместо:* человеческим смыслом // человеческого смысла

Стр. 257

[4] *Вместо:* С новой **хоругвью** ∞ продолжать наше дело // Вот на первый раз все, что мы могли сказать. Если есть время, а мы уверены, что оно есть, сговоритесь сперва между собой и, вступая как самобытная организация в союз с поляками, поставьте им условием вашего *деятельного* участия признание двух основных догматов земской веры нашей.

Пусть же поляки торжественно признают землю крестьянской. Пусть громогласно скажут: быть Литве, Белоруссии и Украйне, с кем они быть хотят — лишь бы волю их узнать не поддельную, а действительную.

Тогда вам легко обратиться к народу русскому, к русским войскам, перед которыми вы обязаны отчетом за себя и за солдат, и объяснить им, почему вы идете с вольными людьми за волю. Вы им скажете, что народ польский не враг России, а враг императорского деспотизма, что он хочет своей независимости и независимости других, что возрождающаяся Польша — будет не панская, не хлопская, а *бессословная*, что землю она отдает землепашцам.

Они поймут, что вам не было другого честного выбора.

Но если поляки не согласятся?—Мы не верим этому. Молодая Польша, мы уверены, будет согласна, а ее голос сильнее и громче других, *потому что ее кровь польется* за народное дело.

[Если же в самом деле так велики и общи польские предрассудки— *идите в отставку.* Ни палачом царя, ни изменниками народу вы не должны быть — поберегите себя для России.]

16 сентября 1862 г.] И-р.

ОТ РЕДАКЦИИ ‹МЫ ПОЛУЧИЛИ НА ДНЯХ 764 ФР. ...›

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ПБ)

Стр. 290

[9] *После:* доставлены — *было:* по назначению

КОММЕНТАРИИ

В шестнадцатый том Собрания сочинений А. И. Герцена входят произведения, написанные в 1862 году, большая часть которых была опубликована на страницах «Колокола». Особое место в томе занимают цикл статей-писем «Концы и начала» (закончен в 1863 г.) и очерк «Император Александр I и В. Н. Каразин», напечатанный в «Полярной звезде».

В основном разделе тома публикуются следующие статьи и заметки, не включавшиеся до сих пор в собрания сочинений Герцена: «Профессор Щапов», «Дворянская крамола», «Полтавская битва за уставную грамоту», «Капитан Андреев и матросы», «Н. Р. Цебриков» и набросок «Что, в самом деле, проще и доступнее, чем понятие старости и смерти...» В этом же разделе печатается ряд статей и заметок, отнесенных в издании под редакцией М. К. Лемке к разряду «Dubia»: «Путятин как оратор», «Новейшие открытия академика Шувалова и смертная казнь тифом», «Подчиненные давали обед», «Чудотворное действие императора», «Similia similibus», «Келлер!», «Министерская поправка», «Хроника террора», «Перечисление св. Митрофания воронежского с товарищи в лица менее замечательные», «Первый и последний русский дворянин», «Министр полиции будущего тысячелетия России», «Ah, les misérables (Гюго и Бёкль)», «Валуев и Головнин», «Предостережение Гутцейту и ему подобным помещикам», «С кем война?», «Потеря сотрудника» (см. комментарии к ним).

Следующие заметки из «Колокола», введенные М. К. Лемке в основной текст, но не имеющие явных признаков авторства Герцена, печатаются в разделе «Dubia»: «Похищение студента!», «Второй раз», «Головнинская цензура». Раздел «Dubia» пополнен 10 анонимными статьями и заметками, отсутствующими в издании под редакцией М. К. Лемке.

Из анонимных публикаций «Колокола» в настоящий том не включена заметка «Террор по губерниям и новый способ лечить от чахотки» (*К*, л. 150 от 15 ноября 1862 г.), отнесенная в издании М. К. Лемке к разряду «Dubia», которая представляет собой корреспонденцию из России, без всяких следов обработки ее Герценом; Герцену принадлежит, возможно, только заголовок.

В разделе «Редакционные заметки, примечания, объявления» впервые перепечатываются заметки и примечания к 45 публикациям из «Колокола». В приложении к тому печатаются корреспонденции и материалы, обработанные в редакции «Колокола», пять из которых также впервые включаются в собрание сочинений А. И. Герцена.

С 15 июля 1862 г. начало выходить особое «Прибавление к „Колоколу"»— «Общее вече» (всего в 1862 г. вышло семь номеров). Как следует из письма Герцена к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1862 г., основателем «Общего веча» был Огарев. Огарев взял на себя и всю редакционную работу по «Общему вечу», которую он первое время выполнял вместе с В. И. Кельсиевым. В связи с этим в настоящем томе не публикуются печатавшиеся на страницах «Общего веча» заявления «От издателей» (см., например, №№ 1 и 7 «Общего веча» за 1862 г.), редакционные примечания и заметки, тематика, идейнос содержание и стиль которых свидетельствуют о том, что они были написаны Огаревым. По тем же причинам не включено в настоящий том и предисловие «От издателей», сопровождавшее в «Общем вече» публикацию адресов «Его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше» и «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше» (см. «Общее вече», № 7). В издании М. К. Лемке это предисловие было напечатано по тексту прибавления к № 10 французской газеты «La Cloche» от 25 декабря 1862 г. (*Л* XV, 580—583), выходившей в Брюсселе под редакцией Л. Фонтена (см. наст. том, стр. 294).

В настоящий том не включены следующие анонимные заметки и примечания, написанные от имени редакции «Колокола», идейно-тематические и стилистические особенности которых позволяют приписать их Огареву: 1. «Можно ли сечь тех, кого нельзя сечь?» (*К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1012); 2. Примечания к статье «Мировой посредник немирные плантаторы» (*К*, л. 124 от 1 марта 1862 г., стр. 1035, подпись под первым примечанием: «*Ред.*»); 3. Примечание к статье «Голос за народ (Письма помещика). Письмо первое» (*К*, л. 131 от 1 мая 1862 г., стр. 1086, подпись: «*Прим. Ред.*»); 4. «Куда идут деньги русского народа?» (*К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1116); 5. Примечания к «Расписанию доходов и расходов министерства уделов в 1859 году» (*К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1137—1139); 6. Примечания и послесловие к «Правительственным проектам» (*К*, л. 149 от 1 ноября 1862 г., стр. 1232—1234); 7. Примечания к публикации «Образец бюрократического пустословия» (*К*, л. 149 от 1 ноября 1862 г., стр. 1235—1236, подпись: «*Ред.*»).

Формы обработки поступавших в редакцию «Колокола» корреспонденций и материалов не исчерпываются теми, которые представлены разделами «Редакционные заметки, примечания, объявления» и «Приложение». Ряд заголовков, иронически заострявших содержание публиковавшихся материалов, возможно, принадлежит Герцену: «Последние аккорды помещичьего злодейства, Пятов и Хомутов» (*К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1113), «Неистовства Синода» (*К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1123), «Новое злодейство старого Панина» (*К*, л. 136 от 15 июня 1862 г., стр. 1132), «Государь как просветитель», «Полушубки с короткими рукавами» (*К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1154 и 1155), «Духовная и светская нелепость» (*К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1180), «Русское поощрение неве-

жества в Литве» (*К*, л. 144 от 8 сентября 1862 г., стр. 1196), «Константин Николаевич против бессмертия души и молитв об усопших», «Боятся офицеров», «Всего боятся» (*К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1218 и 1219).

В том не включены следующие заметки «Правда ли...», где редакционная обработка сказалась только в использовании формы вопроса «Правда ли?» и не коснулась стиля изложения: «Помещик Реут» (*К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020), «Макухин» (*К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., стр. 1256).

В настоящий том не включены также вступительные заметки чисто сопроводительного характера, как, например: «Статья эта, в высшей степени занимательная, прислана нам с письмом так начинающимся...» («История в Петербургской духовной академии», *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1038); «Мы получили письмо в защиту г. *Латышева* против письма об нем, помещенного в 24 листе „Будущности". Мы, передавая существенную часть письма, находимся в необходимости отбросить всю полемику, которая делу не помогает, а места берет много» («Латышев», *К*, л. 128 от 8 апреля 1862 г., стр. 1067); «Нам пишут о ряде неистовых действий храброго Кушелева в Минской губернии. Вот отрывки из письма» («Генерал-губернатор Кушелев-Минский и победы его», *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1172).

В составлении комментариев к настоящему тому принимали участие: текстологические комментарии — *Л. Я. Гинзбург* («Концы и начала») и *И. Г. Птушкина;* реальные комментарии — *И. М. Белявская* («М. А. Бакунин», «Политическое преследование в Пруссии», «Что-то сделает Константин Николаевич в Польше?», «Келлер!», «Аргольдт, Сливицкий и Ростковский», «Виселица в Варшаве», «Ответ „г. Поляку" на статью и письмо», «Центральному Польскому комитету в Варшаве», «Русским офицерам в Польше», «Подтасованный набор», «Une réponse», «Из Варшавы»); *Э. С. Виленская* («Мясо освобождения», «Ученая Москва»); *Л. А. Иванова* («Концы и начала»); *А. М. Малахова* (статьи и заметки из «Колокола» за июнь — декабрь 1862 г.); *И. Г. Птушкина* (статьи и заметки из «Колокола» за январь — май 1862 г., «Император Александр I и В. Н. Каразин»); *Л. И. Ройтберг* («Mortuos plango...», «Головнин — министр просвещения», «Студентское дело», «Ятаган убит аукционом!», «Письма, ответы, поправки и пр. (Реут, Латышев)», «Брошюра Шедо-Ферроти», «Сенаторам и тайным советникам журнализма», «Объяснение ⟨Фельетон „Северной пчелы" от 11 апреля...⟩», «Письмо от офицеров», «Москва нам не сочувствует», «Руфин Пиотровский», «Ирод Панин», «Упорная болезнь», «Похищение студента!», «Императорская ложа и отмороженная рука солдата», «Прогресс в России», «Александр Замойский»); *Н. Ф. Филиппова* (о французском переводе статьи «Император Александр I и В. Н. Каразин»).

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1862 — 1863 ГОДОВ

MORTUOS PLANGO...

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 981—983, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В статье «Mortuos plango...» Герцен как бы подводит итог своим раздумьям о социальных судьбах Западной Европы и России, сопоставляя современность с началом пятидесятых годов.

Гражданская война и защита рабства в Америке позволили Герцену окончательно отвергнуть буржуазно-демократические верования в возможность осуществления подлинно демократического строя в Соединенных Штатах Америки, верования, широко распространенные в Западной Европе после поражения революции 1848 г. и до известной степени разделявшиеся Герценом в самый острый момент его духовного краха (см. «С того берега»— т. VI наст. изд.).

В статье Герцен вновь ставит много раз поднимавшийся им вопрос о том, какие уроки должна извлечь Россия из исторического опыта Запада. Он приходит к выводу, что дикий гнет царизма и крепостничества облегчит революционное разрушение старого общественного строя в России. Призывая передовую интеллигенцию примкнуть к подымающемуся народу, статья свидетельствует об углублении революционно-демократической веры Герцена в историческую активность народных масс.

Стр. 7. *Mortuos plango...*— «Оплакиваю мертвых»— вторая строка из эпиграфа к «Песне о колоколе» Шиллера.

Поминать, так поминать!— Из стихотворения А. С. Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем».

«*Бежать, уйти куда-нибудь ∞ не видать, что делается вокруг*»...— Герцен цитирует неточно главу «Эпилог 1849» из книги «С того берега» (см. т. VI наст. изд., стр. 107).

...вырвался из груди радостный крик: «Vive la mort!» — «Да здравствует смерть!»— этим возгласом Герцен начинает письмо четырнадцатое «Писем из Франции и Италии» (т. V наст. изд., стр. 210). Глава «После грозы» в книге «С того берега» также кончается этими словами («Vive la mort! И да водружится будущее!», т. VI наст. изд., стр. 48).

Стр. 8. *...Хоронили Веллингтона.*— Похороны герцога Веллингтона, английского полководца, прославившегося победой над Наполеоном I при Ватерлоо, происходили в Лондоне 14 сентября 1852 г.

...Прусский король сошел с ума...— Герцен имеет в виду прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, заболевшего психическим расстройством.

...разные доктринеры тоже натягивали на себя западную тупость...— Имеется в виду в первую очередь Б. Н. Чичерин.

Стр. 9. *...в уничтожении альбигойцев...*— Альбигойцы—сектанты в Южной Франции, приверженцы средневековой ереси катаров, которая, по определению Ф. Энгельса, выражала собой «отчасти оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, М., 1956, стр. 361). Признание материального мира порождением дьявола, провозглашение «грехом» всякой собственности, изобличение пороков духовенства, в частности римских пап, которых альбигойцы считали наместниками сатаны, непризнание церковных обрядов—все это вызвало жестокие гонения официальной церкви против альбигойцев в XII—XIII вв., их массовое физическое уничтожение во время организованного против них в 1209—1229 гг. крестового похода. Остатки альбигойцев были истреблены инквизицией в конце XIII в.

...сумасшедший бред умного прусского короля в Кенигсберге, отбросившего Германию за Вестфальский мир?—Под «сумасшедшим бредом умного прусского короля в Кенигсберге» Герцен подразумевает речь прусского короля Вильгельма I, произнесенную в 1861 г. при коронации в Кенигсберге. В своей речи Вильгельм заявил, что Пруссии предстоит выполнить «историческую миссию» возрождения Германской империи, для чего необходимо создание сильной армии, способной возглавить военные силы Северо-германского союза. Агрессивная милитаристская политика Вильгельма I в дальнейшем действительно привела Пруссию к ряду захватнических войн.

Война за рабство! «За наше святое дело!», как выразился южный президент...— Джефферсон Девис, избранный в феврале 1861 г. президентом отколовшейся рабовладельческой конфедерации Южных штатов.

...проехала, как императрица, картонные избы упали...—Когда Екатерина II совершала поездку по югу России, князь Г. А. Потемкин велел построить на пути следования царицы фальшивые фасады крестьянских изб, чтобы создать впечатление успехов его мероприятий по заселению Новороссии.

Страна Уильберфорса снащает корабли, нехотя становясь за рабство...— Имеется в виду Англия, правительство которой оказывало активную помощь рабовладельческому Югу в разгоревшейся в 1861 г. гражданской войне в США.

...разве он будет сидеть сложа руки?— Имея в виду Наполеона III, Герцен был прав в своем предвидении: французское правительство, также как и английское, приняло сторону южан и снабжало их оружием.

...Ave, Caesar!— Начало известного обращения римских гладиаторов к императору перед боем: «Ave, Caesar, morituri te salutant!» («Здравствуй, Цезарь, обреченные на смерть тебя приветствуют!»).

Стр. 12. *Социализм стоит тем же гневным Даниилом, указывая страшные, огненные буквы...*— По преданию, пророк Даниил расшифровал начертанные на степе дворца огненными буквами слова, предвещавшие Вавилонскому царству скорую гибель.

Стр. 13. *Царицын луг...*— На Царицыном лугу (с 1818 г.— Марсово поле) происходили парады и смотры гвардейских войсковых частей и производились экзекуции над солдатами, которых проводили сквозь строй, наказывая шпицрутенами.

...Старую Руссу — где их засекали десятками?— Во время восстания военных поселян в 1831 г. в Старой Руссе было забито насмерть 129 человек, а общее число подвергнутых телесным наказаниям достигло 3000.

Не съезжие ли, господские домы — эти омуты, эти паутины...— Съезжая, или «частный дом»,— полицейская часть, где, по жалобам помещиков, крепостных крестьян подвергали телесным наказаниям.

Стр. 14. *Vivos voco!*— «Зову живых!»— первая строка из эпиграфа к «Песне о колоколе» Шиллера, использованная Герценом как эпиграф к «Колоколу».

ПУТЯТИН КАК ОРАТОР

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка построена на основе материалов, опубликованных в газете «Times», обычно обрабатываемых самим Герценом. Деятельность Е. В. Путятина и прежде являлась не раз объектом обличительных выступлений Герцена (подробнее об этом см. в комментарии к статье «Головнин — министр просвещения», наст. том, стр. 351—352). Характерно для Герцена при этом и ироническое использование «морской» лексики (в настоящей заметке: «Нептун просвещения», «Каков трезубец красноречия у адмирала?..»).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 10).

Когда готовился 118 лист «Колокола», в редакции газеты еще не было известно об отставке министра народного просвещения Е. В. Путятина (см. в наст. томе заметку «Упорная болезнь», стр. 301). Указ об увольнении Путятина был подписан Александром II 25 декабря 1861 г. и обнародован 29 декабря 1861 г. («С.-Петербургские ведомости», № 284).

Приезд Путятина в Москву 30 ноября 1861 г. был связан с тем, что министр просвещения хотел отблагодарить профессоров Московского университета за их поведение во время студенческих волнений в сентябре — октябре 1861 г. По инициативе реакционных профессоров университета была организована специальная комиссия, разбиравшая причины студенческих беспорядков и представившая министру народного просвещения специальную записку по этому поводу. Записка московских профессоров была опубликована в «Колоколе», лл. 126 и 127 от 22 марта и 1 апреля 1862 г. (см. в наст. томе примечание и заключение к ней, стр. 282 и комментарий на стр. 456). В анонимной статье «Еще о Московском университете» (*К*, л.127 от 1 апреля 1862 г. и л.128 от 8 апреля 1862 г.) поведение московских профессоров получило следующую оценку: «Пока правительственная комиссия судила студентов, судом над ними занималась другая тайная добровольная комиссия из профессоров и заранее решила одних выключить совсем из университета, других на год и т. д. Студенты, оправданные правительством, понесли наказания от попечителя, которому профессора-инквизиторы подали список приговоренных ими жертв〈...〉В сравнении с профессорами Тучков 〈московский генерал-губернатор〉 оказывается героем, жандармы увлекающимися юношами, профессора логически пришли к последнему выводу теории историко-органического процесса, т. е. сделались жандармами» (*К*, л. 128, стр. 1065). Сообщение о приезде Путятина в Москву содержалось также в письме неизвестного корреспондента, включенном Герценом в статью «Ученая Москва» (см. наст. том, стр. 82).

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ АКАДЕМИКА ШУВАЛОВА И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ТИФОМ

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Академик Шувалов». Автограф неизвестен.

В основе заметки лежат корреспонденции из иностранных газет («Times», «L'Indépendance belge», «Le Nord»), которые обычно обрабатывал для отдела «Смесь» сам Герцен. Распространение «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии постоянно было в поле зрения Герцена. Содержащееся же в заметке сообщение об «открытии „Колокола" у морских офицеров в Кронштадте» является непосредственным откликом на написанную Герценом заметку «Шуваловцы в Кронштадте» (см. т. XV наст. изд.). С весны 1861 г., когда гр. П. А. Шувалов был назначен начальником III отделения, его деятельность стала объектом постоянных публицистических выступлений Герцена (см., например, статьи «Buona notte, buona notte», «Оклеветанный граф»—т. XV наст. изд. и др.). Встречающиеся в заметке словосочетания: «смертная казнь тифом», «студентов начинают убивать тифом» подтверждают принадлежность заметки Герцену, так как они близки следующему месту из письма Герцена к И. С. Тургеневу от 21 апреля 1862 г.: «Ты сильно сердился на Базарова, с сердцов карикировал его, заставлял говорить нелепости, хотел его покончить „свинцом"— *покончил тифусом...*». В статье «Еще раз Базаров» Герцен писал, что Тургенев Базарова «казнил тифом» (т. XX наст. изд.).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 10—11).

С г р. 15. ...*мы предупреждали Константина Николаевича о появлении шпионов в Кронштадте*...— Заметка «Шуваловцы в Кронштадте» «доводила до сведения Константина Николаевича» о появлении шпионов в Кронштадте (см. т. XV наст. изд., стр. 212).

...*об открытии издателей «Великоруса»*...— О прокламациях «Великорус» см. в комментарии к статье «Заводите типографии! Заводите типографии» (т. XV наст. изд., стр. 377—378).

...«*Nord*» *25 извещает о кончине Спасского*. — О смерти в крепости студента Петербургского университета Николая Спасского сообщалось в корреспонденции из Петербурга от 5/17 декабря 1861 г. (см. «Le Nord», № 359 от 25 декабря 1861 г.). Об этом же упоминалось в письме Л. Блюммера на имя издателя «Колокола», напечатанном в *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г. под заглавием «Защита московских профессоров». Л. Блюммер писал, что Спасский умер, не выдержав «тяжелых, удушливых стен российских крепостей» (*К*, стр. 996).

М. А. БАКУНИН

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 989—990, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 17, строка 31: покрыл себя *вместо:* покрыл себе

Стр. 19, строка 17: знамя развевалось *вместо:* знамя развивалось

Общую характеристику М. А. Бакунина см. в статье Герцена «Michel Bakounine» («Михаил Бакунин»—т. VII наст. изд.) и в «Былом и думах» (глава «М. Бакунин и польское дело» и комментарии к ней, т. XI наст. изд.).

С т р. 16. *Бакунин в Лондоне!..*— М. А. Бакунин прибыл в Лондон 27 декабря 1861 г. (см. наст. том, стр. 277).

...Redivivus et Ultor,— сказали бы мы в подражание Емельяну Пугачеву... — Герцен называет Бакунина «Воскресшим и мстителем», используя надпись, выведенную будто бы золотыми буквами на знаменах Пугачева и на отчеканенных им монетах. В примечаниях к пятой главе «Истории Пугачевского бунта» (СПб., 1834) А. С. Пушкин резко протестовал против измышлений «иностранных писателей» об этом девизе Пугачева.

...«еще одно сказанье»...— Герцен приводит слова летописца Пимена из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

...мечты ∞ обогнув трех гордых стариков цивилизации, осуществятся от Мессинского пролива ∞ до Волги и Урала...— Герцен полагал тогда, что новые революционные события минуют страны «старой цивилизации»—Англию, Францию, Германию и осуществится в славянских странах, прежде всего в России (см. статью «La Russie et le vieux monde»— «Старый мир и Россия», т. XII наст. изд. и комментарии к ней).

...до кенигштейнской цитадели...— В крепости Кенигштейн в Саксонии Бакунин находился в 1849—1850 гг.

С т р. 17. *...в 1845 он попал в швейцарский процесс социалистов; Блунчли указал на него русскому правительству.*— В 1843 г. в Цюрихе был арестован известный социалист-утопист Вейтлинг. Для расследования его деятельности была создана специальная комиссия во главе с профессором права И. К. Блюнчли. В докладной записке, составленной Блюнчли по этому делу, упоминалось имя Бакунина. Швейцарские власти уведомили об этом русское правительство, которое потребовало возвращения Бакунина в Россию, а после его отказа выполнить это требование лишило его всех прав состояния. В 1844 г. Бакунин покинул Швейцарию и выехал в Париж (см. дневниковую запись Герцена от 4 ноября 1843 г., том II наст. изд., стр. 313 и статью «Michel Bakounine», том VII наст. изд.).

...Бакунин произнес ∞ речь на польской трибуне...— 29 ноября 1847 г. в Париже на собрании, посвященном 17 годовщине польского восстания 1830—1831 гг., Бакунин произнес речь, в которой обличал политику царизма в Польше и призывал к свержению самодержавия совместными силами русского и польского народов (см. М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем 1828—1876 гг., т. III, М., 1935, стр. 270—279). За эту речь французское правительство выслало Бакунина из Франции.

...Париж ∞ выслал Гизо и Людвика-Филиппа из Франции.— Герцен имеет в виду начавшуюся в феврале 1848 г. революцию во Франции, в результате которой французский король Людовик-Филипп и министр Гизо бежали из страны.

...в Бреславле собирался польско-славянский съезд.—В начале мая 1848 г. во Вроцлаве состоялся съезд польских деятелей. Однако из-за острых разногласий между консервативными и демократическими участниками съезда он закончился безрезультатно (см. V. Žáček. Čechové a poláci roku 1848, č. II, Praha, 1948, str. 47—49).

...на пражском конгрессе ∞ написал он свою социально-славянскую программу...— Славянский съезд в Праге открылся 2 июня 1848 г. и прекратил свою работу 12 июня, когда в Праге вспыхнуло народное восстание. На съезде были представлены: чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты и галицийские украинцы. Главную роль на съезде играли чехи, выступившие с программой объединения славян вокруг Австрии и превращения ее в федеративное государство. «Социально-славянской программой» Герцен называет статью Бакунина «Основы новой славянской политики», написанную в Праге в начале июня 1848 г. (см. М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III, М., 1935, стр. 30). Взгляды, выраженные в этой статье, Бакунин развил затем в «Воззвании русского пат-

риота к славянам», которое Ф. Энгельс подверг критике в своей статье «Демократический панславизм» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, М., 1957).

На конгрессе в Праге ∞ с ним вместе участвовал ∞ один староверческий инок.— Вместе с Бакуниным в Славянском съезде принимал участие Олимпий Милорадов.

...Бакунин сделал опыт ∞ соединить славянских демократов с венгерцами ∞ и с немецкими революционерами.— Во время Славянского съезда в Праге Бакунин выступил за предложение об объединении славян с венгерскими и немецкими демократами, однако это предложение было поддержано лишь польскими представителями. Чехи, словаки и южные славяне оказали ему решительное сопротивление.

...он был ∞ схвачен с двумя из своих товарищей и отправлен в Кенигштейн.— После поражения восстания в Дрездене Бакунин вместе с немецкими демократами О. Л. Гейбнером и К. А. Реккелем был арестован 10 мая 1849 г. в Хемнице и заточен в крепость Кенигштейн.

Стр. 18. *...немецкие публицисты писали в журналах, что Бакунин ∞ агент русского правительства.*— Герцен имеет в виду сообщение по этому вопросу парижского корреспондента «Новой рейнской газеты» Эвербека, опубликованное на ее страницах 6 июля 1848 г. (см. т. VII наст. изд., стр. 361, т. XI наст. изд., стр. 157—160), а также заметку за подписью «Ф. М.» в английской газете «The Morning Advertiser» от 23 августа 1853 г. (см. заметки «Русский агент Бакунин» и «Кто такой „Ф. М."?» в т. XII наст. изд., а также в наст. томе статью «Ultimatum» и комментарий к ней).

Стр. 19. *...указывая на его письмо, писанное к Николаю в 1851...*— Речь идет о так называемой «Исповеди» Бакунина, написанной им в Петропавловской крепости летом 1851 г., содержания которой Герцен не знал. (Текст «Исповеди» см. в книге: «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I, М.—Пг., 1923, стр. 100—248.)

...разбитая Австрия отступила, итальянское знамя развевалось в Милане...— Имеются в виду события, связанные с войной против Австрии, начавшейся в мае 1859 г. в связи с борьбой за объединение Италии. В конце мая — начале июня 1859 г. австрийская армия потерпела поражение в Северной Италии. Милан был освобожден.

ГОЛОВНИН — МИНИСТР ПРОСВЕЩЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 990, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 21) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 606). Нынешнее местонахождение этой «записки» неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической близостью заметки к его статьям, содержащим обличительные выступления против представителей правительственных кругов России. Данная в заметке характеристика бывшего министра народного просвещения Е. В. Путятина («грозная тень морского омара», способного «по-японски морским кортиком разрезать живот университетам») находится в теснейшей связи со статьями Герцена, посвященными Путятину. Говоря о Путятине, Герцен постоянно иронизировал над его адмиральской деятельностью, особенно над его путешествием в Японию, и называл его при этом «святорыбицей», которую «судили» в министры просвещения (см. «Крестный ход богомокриц в гору просвещения», т. XV наст. изд., стр. 128). В статье «Исполин просыпается!» Герцен писал: «...что сказал душеспасительного наш японец, наш океанид, бого- и человекоугодник Путятин?» (см. т. XV наст. изд.,

стр. 174). Стиль заметки также свидетельствует о том, что она написана Герценом; это проявляется и в характеристике Путятина, и в типичном для Герцена словосочетании «доктринеры-бюрократы» (ср. такое же словосочетание в статье «Русские немцы и немецкие русские»— т. XIV наст. изд., стр. 158), и в остроте о Панине («в новом издании в восьмушку»), и в упоминании о «тени Банко», неоднократно встречающемся у Герцена (см. «Письма об изучении природы», т. III наст. изд., стр. 96; наст. том, стр. 120 и т. д.).

После увольнения Е. В. Путятина от должности министра народного просвещения (см. комментарий к заметке «Путятин как оратор», наст. том, стр. 348) Александр II назначил 25 декабря 1861 г. на этот пост А. В. Головнина — бывшего секретаря великого князя Константина Николаевича, крупного чиновника морского министерства. О деятельности Головнина по управлению министерством см. в заметках «Не будь ни А — пеллесов, ни Павлов», «Валуев и Головнин» (наст. том) и в статье «MDCCCLXIII» (т. XVII наст. изд.).

Стр. 21. ...*Путятина, призванного на то, чтоб по-японски морским кортиком разрезать живот университетом*...— Герцен видел в Путятине исполнителя полицейского заговора против революционно настроенной молодежи, а в его «правилах»— сознательную провокацию студенческих выступлений, послуживших правительству поводом для жестокой расправы с передовой молодежью (ср. редакционное примечание к «Материалам для истории гонения студентов при Александре II»— *К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., т. XV наст. изд., стр. 234).

...«*пуще всех печалей*»...— Слова Лизы из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явление 2).

...*как тень Банко*...— В трагедии В. Шекспира «Макбет» (действие III, сцена IV) во время пира у короля Макбета является тень убитого по его приказанию Банко.

ПРОФЕССОР ЩАПОВ

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1000, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. О судьбе проф. А. П. Щапова Герцен узнал из адресованного ему письма С. С. Громеки от 21 мая 1861 г., где последний писал: «Посудите сами: Щапов, казанский профессор, сказал студентам горячее слово и требовал панихиды по убиенным мученикам Спасского уезда. Его велели схватить (и как подло схватили: услали в командировку и захватили на первой станции — боялись взять в Казани)» (*ЛН*, т. 62, стр. 122). Эти сведения Герцен в известной степени использовал в примечании к статье «12 апреля 1861» (статья подписана: *И—р*; см. т. XV наст. изд., стр. 109). Настоящая заметка, рассказывающая о дальнейшей судьбе проф. Щапова, тематически связана с этой статьей Герцена, а также с заметкой «Профессор Щапов ‹Что делается с профессором Щаповым...›» (т. XV наст. изд., стр. 116).

Об авторстве Герцена свидетельствует и стиль заметки. Так, например, Герцен называл Антона Петрова Антонием в своих статьях «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» (т. XV наст. изд., стр. 137) и «Император Александр I и В. Н. Каразин» («Антоний Бездынинский», см. наст. том, стр. 77). Характерно для Герцена выражение: «ввергнуть *на всю жизнь* в пещеру боговепрей соловецких». Фраза «Посмотрите на новообрядческую съезжую церковь

и на полицейских иерархов...» текстуально близка строкам из статьи «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ»: «...что сделала... всех скорбящая, сердобольная заступница наша, *новообрядческая* церковь наша со своими иерархи?» (см. т. XV наст. изд., стр. 136).

В статье «12 апреля 1861», напечатанной в «Колоколе» 15 июня 1861 г. (см. т. XV наст. изд.), Герцен впервые сообщал о речи, произнесенной 16 апреля 1861 г. А. П. Щаповым на панихиде в память жертв зверского расстрела крестьян в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. С того времени на страницах «Колокола» не раз рассказывалось о судьбе Щапова (см. в т. XV наст. изд. заметку «Профессор Щапов ⟨Что делается с профессором Щаповым...⟩» и комментарий к ней). Комментируемая заметка также стоит в ряду этих выступлений «Колокола». В ней Герцен, основываясь на дошедших до Лондона слухах, сообщает о предполагаемой ссылке Щапова в Соловецкий монастырь. Эти слухи были вызваны следующими обстоятельствами.

Дело Щапова разбиралось как в III отделении, так и следственной комиссией Синода, учрежденной обер-прокурором Синода А. П. Толстым. После длительного следствия Щапов был освобожден III отделением и отпущен на поруки министра внутренних дел Валуева, взявшего его на службу в министерство. Синод вначале вынес постановление только о лишении Щапова звания бакалавра и об исключении из духовного звания. Благодаря же личному вмешательству Александра II Синод был вынужден пересмотреть дело Щапова и постановил заключить его в Бабаевский монастырь Костромской епархии. Материалы из архива Синода по делу Щапова опубликованы Г. А. Лучинским (см. «Сочинения А. П. Щапова в трех томах», т. 3, СПб., 1908, стр. XXXVII — LII).

Новый приговор вызвал резкое возмущение русской передовой общественности. Ряд писателей (в том числе Н. Г. Чернышевский) выступили с письменным протестом против решения о заключении Щапова в монастырь. 20 февраля 1862 г. Александр II вынужден был отменить решение Святейшего синода.

Оценивая впоследствии значение выступления Щапова в защиту бездненских жертв для русского общественного движения, Герцен писал в «Письмах к противнику» (1864 г.): «С этой же казни начался мужественный, неслыханный в России протест, не втихомолку, не на ухо, а всенародно, в церкви — на амвоне. Казанские студенты служили панихиду по убиенным, казанский профессор произнес надгробное слово. Слабодушным этого поступка назвать нельзя» (т. XVIII наст. изд.).

Стр. 21. *...к тысячелетию России.*— О тысячелетнем юбилее России см. в наст. томе, в статье Герцена «Юбилей» и в комментариях к ней.

Стр. 22. *...несчастного мученика Антония, убиенного царским опричником Апраксиным...*— Имеется в виду расстрел крестьянина Антона Петрова. Военными действиями по подавлению крестьянского восстания в селе Бездна руководил флигель-адъютант граф Апраксин.

ПРОЦЕСС КНЯЗЯ П. В. ДОЛГОРУКОВА

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1000, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену доказывается следующими данными. В письме без даты к И. С. Тургеневу, написанном до 12 января 1862 г., Герцен отмечал: «О Долгоруком писать трудно, но, может, строчку

черкну», а 3 февраля 1862 г. он сообщал тому же корреспонденту: «В силу начальнических распоряжений ваших о князе Петре писал ‹...›». Об этой же заметке как о своей Герцен упоминает в письме к И. С. Тургеневу от 9 февраля 1862 г.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 23).

Настоящая заметка явилась откликом Герцена на организованный в Париже сыном фельдмаршала М. С. Воронцова князем С. М. Воронцовым процесс против П. В. Долгорукова. Поводом для этого процесса послужила напечатанная во французской газете «Courrier du Dimanche» от 6 мая 1860 г. статья Долгорукова, явившаяся ответом на опубликованную 29 апреля в той же газете библиографическую заметку некоего А. Мишенского, в которой между прочим содержался намек на то, что Долгоруков требовал в свое время от князя М. С. Воронцова сумму в 50 тысяч рублей за внесение в подготовляемую Долгоруковым «Родословную книгу» желательных для семьи Воронцовых поправок. В ответной статье Долгоруков рассказывал о своих взаимоотношениях с фельдмаршалом Воронцовым. Подробности об этом процессе см. во вступительной статье С. В. Бахрушина к книге «Петр Владимирович Долгоруков. Петербургские очерки. 1860—1867», М., 1934, стр. 27 — 30, а также в *Л* XV, 23—25.

Парижский процесс окончился в пользу Воронцова. Долгоруков был признан автором записки, требовавшей от Воронцова 50 тысяч рублей, и приговорен к уплате судебных издержек, а также к опубликованию в газетах решения суда за его счет. Значительную роль в вынесении такого приговора сыграло вмешательство в этот процесс жившей в Париже русской аристократии, ненавидевшей Долгорукова и действовавшей в интересах русского правительства, которое мстило Долгорукову за издание книги «Правда о России» («La Vérité sur la Russie»).

Как видно из письма к И. С. Тургеневу от 9 февраля 1862 г., Герцен получил в виде отклика на комментируемую заметку письмо и книгу о процессе от некоего Садовского. «А этот господин,— писал Герцен,— прислал мне „Процесс Воронцова“ с письмом о его правоте. Почему? Что ему за дело, или что задело его в моей отметке». Тургенев отвечал Герцену 11 февраля 1862 г.: «Не имею никакого понятия о *Садовском*, но ты поступишь благоразумно, если не прикоснешься более ни единым пальцем до всего этого дела. Долгоруков (между нами) нравственно погиб и едва ли не поделом; ты сделал все что мог в „Колоколе“; надо было его поддержать в силу принципа, а теперь предоставь его своей судьбе. Он будет тебе лезть в самую глотку, но ты отхаркаешься. Нечего говорить, что Воронцовых тебе не из чего поддерживать; превратись в Юпитера, до которого все эти дрязги не должны доходить» (*Письма КТГ*, стр. 144). В дальнейшем Герцен на страницах «Колокола» не возвращался к «делу» Долгорукова.

ГОДОВЩИНА ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ДЕКАБРЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по тексту «Прибавления к 119 и 120 листу „Колокола“», стр. 1002, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Впервые об аресте М. Л. Михайлова Герцен сообщил в «Колоколе» в своей статье «Исполин просыпается!» (л. 110 от 1 ноября 1861 г., см. т. XV наст. изд.). В ней же Герцен обращался с просьбой о том, чтобы

ему сообщили подробности о деле Михайлова, и особенно о протесте русских литераторов, направленном против «беззаконного ареста Михайлова». С этого времени Герцен внимательно следил за судьбой Михайлова, отмечая в «Колоколе» все события, связанные с его делом.

М. Л. Михайлов был арестован 14/26 сентября 1861 г., по доносу провокатора В. Костомарова, за распространение в Петербурге прокламации «К молодому поколению», написанной Н. В. Шелгуновым и Михайловым и отпечатанной в Вольной русской типографии в Лондоне в количестве 600 экземпляров. Всю вину за составление, напечатание и распространение прокламации Михайлов взял на себя, чтобы спасти от преследования своих друзей. Подробности о деле М. Л. Михайлова см. в книге Мих. Лемке. «Политические процессы в России 1860-х гг.», М.—Пг., 1923.

Настоящая заметка явилась откликом на вынесенный Михайлову судебный приговор, а также на церемонию его оглашения, осуществленную в годовщину восстания декабристов. Никаких сведений о деле Михайлова правительство не публиковало. Лишь 14 декабря 1861 г. в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» сообщалось, что в этот день «в 8 ч. утра назначено публичное объявление на площади перед Сытным рынком, что в Петербургской части, отставному губернскому секретарю Мих. Михайлову высочайше утвержденного мнения Государственного совета». Заимствовал ли Герцен сведения, сообщавшиеся в его заметке, из этой газеты, или получил их из какой-либо корреспонденции из России — неизвестно.

В дальнейшем Герцен неоднократно писал в своих статьях о трагической судьбе Михайлова.

С т р. 23. *...велел выпустить из крепости невинно посаженного туда Огрызку?* — Об аресте И. П. Огрызки и заключении его в Петропавловскую крепость см. в статье «И. Лелевель и казематы» и в комментарии к ней (т. XIV наст. изд., стр. 85, 482—483). И. П. Огрызко был арестован 26 февраля 1859 г. за опубликование в своей газете «Słowo» («Слово») письма польского политического деятеля и историка, участника восстания 1830—1831 гг. И. Лелевеля. Согласно резолюции Александра II, И. П. Огрызко был заключен в Петропавловскую крепость, но освобожден 13 марта 1859 г., не отбыв всего срока наказания (подробности см. в *Л* IX, 545—550).

Сенатор Бутурлин ∞ предлагал Михайлова повесить. — Об этом см. также в статье «1831—1863» (т. XVII наст. изд.).

СТУДЕНТСКОЕ ДЕЛО

Печатается по тексту «Прибавления к 119 и 120 листу „Колокола“», стр. 1002—1003, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 30—31) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 607). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается стилистическими особенностями заметки. В частности, характерно для Герцена упоминание о министре юстиции В. Н. Панине, который «явился во всей мачтовой красоте своей в деле студентов».

«Приказ по С.-П-бургской полиции» от 13 декабря 1861 г., опубликованный в «Колоколе» (стр. 1003—1004) вслед за заметкой Герцена и излагавший распоряжение императора в связи с беспорядками в Петербургском университете, сопровождался примечаниями Н. П. Огарева

(*Л* XV, 31) и следующим послесловием, написанным, по-видимому, также Огаревым: «Во всем этом уродливом приговоре благодушный монарх согласился с мнением меньшинства. Его величество гораздо радикальнее „Колокола". Мы признавали единогласие решений, следственно не исключали права меньшинства на голос, но решение по меньшинству голосов — это так громадно, что его ни в какой стране не сыщешь, и никакой мозг человеческий не в состоянии понять. Это действительно делает честь государственным способностям и человеколюбию Александра II» (*К*, стр. 1004).

Подробности о студенческих волнениях, происходивших в Петербурге осенью 1861 г., см. в статьях «Петербургский университет закрыт», «Исполин просыпается!», «Петербургские письма», «Третья кровь» и др. и в комментариях к ним (т. XV наст. изд.), а также в комментарии к заметке «Ирод Панин» (наст. том, стр. 471).

С т р. 23—24. *Его мнение восторжествовало.*— В докладе В. Н. Панина (об этом докладе см. в заметке «Ирод Панин», стр. 301 наст. тома) содержались все те предложения о репрессивных мерах, которые были положены в основу «высочайшего повеления» Александра II от 4 декабря 1861 г. по делу «о беспорядках, происходивших между студентами Санкт-Петербургского университета и другими лицами».

МЯСО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1005—1006 где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В статье «Мясо освобождения» Герцен в новых исторических условиях развивает мысли, игравшие существенную роль в его мировоззрении еще с конца 40-х годов (см. «С того берега», т. VI наст. изд.). Герцен критикует общественных деятелей и мыслителей прошлого — мирных реформаторов и революционеров, доктринеров и утопистов, для которых, по его представлению, народные массы были лишь подопытным материалом — «мясом», приносимым на закланис во имя отвлеченных идей. Но теперь Герцен такого рода воззрениям противопоставляет требование прислушиваться к тому, что «говорит государь-народ». В этом основная мысль комментируемой статьи, отражающей идейную эволюцию Герцена, пришедшего к выводу о самостоятельной и ведущей роли народных масс в освободительной борьбе. Эта мысль еще отчетливее была выражена Герценом в очерке «Император Александр I и В. Н. Каразин», писавшемся одновременно со статьей «Мясо освобождения».

Однако критика Герцена была направлена и против некоторых воззрений русской разночинной революционной интеллигенции, в частности против ряда положений статьи «Не начало ли перемены?» («Современник», 1861, № 11). Герцен был не согласен с прямой и острой критикой Чернышевским отсталых сторон народной жизни, о чем свидетельствует, в частности, то, что, приводя ту же цитату из «Коробейников» Некрасова, что и Чернышевский, Герцен дает совершенно иную оценку отразившихся в этих стихах народных настроений (ср. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 874). Герцен считал также преувеличенными надежды Чернышевского на революционную интел-

лигенцию, как на авангард поднимающегося народа, как на «сильную и искусную руку», способную дать «направление» народным массам (см. там же, стр. 882).

Вопрос о направленности статьи «Мясо освобождения» был затронут Герценом в переписке с Ю. Ф. Самариным. Отвечая на обвинения в приверженности к революции как самоцели, Герцен писал Самарину 17 августа 1864 г.: «Да помилуйте, кто же больше меня в Европе наругался над этим печатно, по-французски, по-немецки и, наконец, по-русски! За что же вы, порицая нас, не читали нас? Громека и тот в „От〈ечественных〉 зап〈исках〉“ отметил „Мясо освобождения“». Герцен имел здесь в виду два небольших замечания в «Хронике русской жизни» (которую вел в журнале С. С. Громека), помещенной в майской книжке «Отечественных записок» за 1862 г. Громека, с откровенно либеральных позиций, подверг резкой критике статью Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма». Обвинив Герцена в том, что он, будучи самым большим авторитетом для русской передовой молодежи, поощрял ее революционные замыслы, а не удерживал в определенных границах, Громека заключал: «Мы вправе были ожидать такой помощи от тех, которые прямо объявили, что не хотят быть людоедами, не хотят „мяса“». В другом месте этого же обзора, назвав революционную молодежь «блонденами» (по имени эквилибриста-канатоходца Блондена), Громека подчеркнул, что если те, к кому он адресуется, т. е. Герцен и Огарев, «за блонденов, то пусть знают, что мы не с ними и остаемся с теми, кто против „мяса“».

Внутренние противоречия статьи «Мясо освобождения» были отражением не только известной непоследовательности революционно-демократических воззрений Герцена, но и сложности объективных исторических условий: наметившийся в 1862 г. конец революционной ситуации в России обусловливал пессимизм Герцена по отношению к перспективам крестьянской революции.

С т р. 25. *Аугсбургская подслепая, седая старушонка...*— Газета «Allgemeine Zeitung».

...близорукий лист...— «Kölnische Zeitung».

...близ лаборатории, в которой Johann Maria Farina трут для вселенной свою воду...— То есть в Кёльне, где находилась парфюмерная фабрика Фарина.

С т р. 26. *...очень интересная статья ∞ Мы поговорим об ней в одном из следующих листов.*— Точное название статьи: «La Russie sous l'empereur Alexandre II» («Россия в царствование Александра II»). В «Колоколе» об этой статье больше ничего напечатано не было.

Когда еще нам были новы // Париж, и Кёльн, и шум дубровы.— Переделка стихов Пушкина из «Демона»:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев и шум дубровы...

...наше мнение о том, что нужно народу, войску, помещикам и проч.— Имеются в виду статьи Н. П. Огарева, напечатанные в «Колоколе»: «Что нужно народу?» (л. 102 от 1 июля 1861 г.), «Что надо делать войску?» (л. 111 от 8 ноября 1861 г.), «Что нужно помещикам?» (л. 115 от 8 декабря 1861 г.).

...вот поляки в XVIII столетии ∞ взяли да и пошли к Жан-Жаку Руссо,— потрудитесь, мол, написать нам конституцию.— О проекте польской конституции, составленном Ж.-Ж. Руссо, см.: В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб., 1888, стр. 173.

С т р. 27. *«Общественный договор»...*— Имеется в виду «Об общественном договоре, или Принципы политического права» Ж.-Ж. Руссо.

...объявление человеческих прав...— «Декларация прав человека и гражданина», принятая Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г.

...«Уложение» III года, VII года...— Конституция 3-го года республики (1795 г.) во Франции—антидемократическая термидорианская конституция; конституция 8-го (а не VII) года республики (1799 г.), уничтожившая принцип самоуправления и заменившая его буржуазно-бюрократическим управлением, была принята во Франции после переворота 18 брюмера.

С т р. 28. *Голодно, странничек, голодно!//Холодно, родименький, холодно!*— Из «Песни убогого странника» в «Коробейниках» Н. А. Некрасова.

...Сиэс и Сперанский писали всякого рода бледные конституции...— Имеются в виду проект буржуазной конституции Эммануэля-Жозефа Сийэса и проект государственных преобразований М. М. Сперанского, разработанный по поручению Александра I — «Введение к уложению государственных законов» (завершен в 1809 г.), который представлял собой попытку приспособить развитие буржуазных отношений в России к феодальному режиму.

С т р. 29. *...устроивали фаланстеры...*— Герцен говорит о попытках учеников Фурье (в частности, Кабе) организовать коммунистические колонии в Северной Америке.

ЮБИЛЕЙ

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1006—1007, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Настоящая статья является первым откликом Герцена на празднование тысячелетнего юбилея России, торжественно отмечавшегося царизмом в 1862 г. Сатирически описывая проект «Памятника тысячелетию России», воздвигавшегося в Новгороде по проекту художника М. О. Микешина, Герцен особенно резко выступил против «преднамеренного искажения истории по высочайшему повелению», против незаслуженного восхваления тех «временно-великих людей», которые этого вовсе не заслужили. В дальнейшем Герцен неоднократно возвращался к этой теме в статьях и заметках, посвященных в основном другим вопросам.

С т р. 30. *Скрыл ли Николай участие Ермолова и Толя в Бородинском сражении тем, что выпустил на памятнике их имена...*— А. П. Ермолов отличился в Бородинском сражении, отбив у противника взятую им батарею Раевского. К. Ф. Толь исполнял в это время обязанности генерал-квартирмейстера 1 армии, занимавшей в Бородинском сражении правый фланг и центр в расположении русских войск. Интересно отметить, что в своем памфлете «Правда об императоре Николае» Н. И. Сазонов писал, что одной из характерных черт Николая I была «ненависть ко всякому превосходству». Причем Н. И. Сазонов видел проявление этой ненависти, в частности, в отношении Николая I к генералам Ермолову и Толю (см. об этом в главе IV памфлета, *ЛН*, т. 41-42, стр. 211—212).

...Варшаву взял Толь, а не Паскевич?— Будучи во время польского восстания 1830—1831 гг. начальником штаба армии, посланной для подавления восстания, К. Ф. Толь, после смерти Дибича, до прибытия Паскевича временно командовал армией. Во время штурма Варшавы именно Толь, принявший командование армией из-за контузии Паскевича, ввел войска в столицу Польши.

...Ртищева, Бецкого ∞ Нахимова и пр. и пр.?— Герцен перечисляет здесь имена, барельефы с изображением которых были на памятнике М. О. Микешина.

...о толпе всякого рода архиереев, названных просветителями...— В «Описании памятника тысячелетию России», помещенном в «Приложении» к «Месяцеслову на 1862 год» (СПб., издание императорской Академии наук), которым воспользовался Герцен для своей статьи, все лица, изображенные на барельефе подножия памятника, были разделены на четыре группы; лица первой группы, включавшей в себя более всего деятелей русской церкви, действительно были названы «просветителями».

Стр. 31. *...Ртищева, устроившего в 1648 году общество переводов с греческого...* — Имя Ф. И. Ртищева указывалось в «Описании» среди «просветителей» и сопровождалось пояснением, почти дословно повторенным Герценом.

...Похитоновым, устроившим в 1858 году общество переводов со всех языков.— Герцен имеет в виду учрежденное в 1858 г. в Петербурге коммерческое издательство «Торговый дом Струговщикова, Похитонова и Водова».

...Зри «СПб. месяцеслов на 1862 год»...— Герцен отсылает к «Месяцеслову на 1862 год», на фронтисписе которого действительно было помещено изображение «Памятника тысячелетию России».

‹ПОДЧИНЕННЫЕ ДАВАЛИ ОБЕД›

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1012, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Заметка продолжает тему, начатую в «Колоколе» статьей Герцена «Appel à la pudeur» (см. т. XIII наст. изд., стр. 409—415), в которой он резко выступил против той угодливости и слащавости, с какой писала русская пресса о лицах царской фамилии. Идейно-тематическая близость настоящей заметки к статье «Appel à la pudeur», а также сходство стиля свидетельствуют об авторстве Герцена. Содержащееся в заметке пожелание, «чтоб к тысячелетнему возрасту наш печатный язык не так резко напоминал бы нам учтивость передней и почтительность повытья», текстуально близко следующему месту в «Appel à la pudeur»: «...надобно приучаться к мужественной речи свободного человека и бросить язык, которым перестают говорить в передних» (т. XIII наст. изд., стр. 410). Типично для Герцена создание вымышленного иронического названия газеты «Золотоордынские ведомости», по аналогии с «С.-Петербургскими ведомостями» (ср. в заметке «Канцлер-памфлетист» подобный же случай: «Прошлое время», пародирующее название газеты Н. Ф. Павлова «Наше время» — наст. том, стр. 272). Говоря о графе Шереметеве, который «изрядно воевал Лифлянды», Герцен повторяет факт, ранее использованный им в статье «Русские немцы и немецкие русские» («Но новые немцы, особенно идущие царить и владеть нами из остзейских провинций, после того как Шереметев „изрядно повоевал Лифлянды“, похожи друг на друга, как родные братья»— т. XIV наст. изд., стр. 149). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 38).

Стр. 32. *«Подчиненные давали обед своему прежнему начальнику»,— так говорят «СПб. ведомости» об обеде, который давали остзейцы князю Суворову.*— В № 286 «С.-Петербургских ведомостей» от 24 декабря 1861 г. в отделе «Россия. Придворные известия» была опубликована заметка «Обед князю Суворову», которую и имеет в виду Герцен. В ней сообщалось об обеде, устроенном «несколькими землевладельцами

из остзейских провинций и другими лицами, коротко знакомыми с князем Суворовым». Обед происходил 17 декабря 1861 г. Эта заметка была перепечатана в № 284 «Московских ведомостей» от 29 декабря 1861 г. Интересно отметить, что в № 7 той же газеты от 11 января 1862 г. было напечатано еще одно сообщение из С.-Петербурга, посвященное Суворову — «Признательность бывших *подчиненных*». Название этой корреспонденции подтверждает актуальность выступления Герцена против угоднического тона русских газет.

«*Покоренные остзейцы давали главноначальствовавшему неприятельской армией в их крае обед в благодарность, что он не так изрядно воевал Лифляндцы, как граф Шереметев при Петре I*».— Князь А. А. Суворов состоял генерал-губернатором Прибалтийского края в течение 14 лет (с 1848 г.). 18 октября 1861 г. он был назначен петербургским военным генерал-губернатором. Герцен сравнивает относительную «мягкость» политики Суворова в Прибалтийском крае с деятельностью фельдмаршала Б. П. Шереметева, который в период борьбы России со Швецией за выход к Балтийскому морю, воюя на территории Лифляндии, разорил ее.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ПРУССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1019, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. В письме к И. С. Тургеневу от 12 февраля 1862 г. Герцен сообщал: «Теперь история с „Дневником Познанским". Либеральная Пруссия отдала под суд за Hochverrat ⟨государственную измену⟩ издателя за то, что он осмелился перепечатать статью из „Колокола" о „Великорусе". Левальд, адвокат, писал ко мне. Вот, если его осудят на штраф, следовало бы русским взять на себя. Как вы думаете? Тут я готов от себя дать и на коленках просить». Отсюда следует, что материалы об этом факте были получены самим Герценом. Принадлежность заметки Герцену подтверждается также и тем, что вопросом о преследовании изданий Вольной русской типографии занимался в «Колоколе» сам Герцен. Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 55).

---

24 января 1862 г. прусское правительство арестовало Людвика Ягельского, главного редактора газеты «Dziennik Poznański» («Dziennik Poznański», № 20 от 25 января 1862 г.). В приказе об аресте Л. Ягельского, датированном 15 января 1862 г., он обвинялся в призывах к «совершению государственной измены» (текст приказа был опубликован в «Dziennik Poznański», № 21 от 26 января 1862 г.). В комментируемой заметке Герцен указал, что причиной ареста Ягельского было помещение в «Dziennik Poznański» какой-то статьи из «Колокола». В действительности в № 253 этой газеты от 5 ноября 1861 г. в передовой, посвященной вопросу о том, на какие силы могли рассчитывать поляки в освободительной борьбе, излагалось содержание двух статей из «Колокола»: «Ответ „Великорусу"», «Ответ на ответ „Великорусу"». Прокомментировав эти статьи, редакция делала вывод: не нам судить о внутренних делах России, что же касается поляков, то они должны рассчитывать только на свои силы, так как политическая революция в России вряд ли возможна, поскольку статьи «Колокола» отрицают участие в ней просвещенных классов. 24 ноября 1861 г. «Dziennik Poznański» (№ 270) сообщал о конфискации 253 номера газеты и о передаче дела в суд, а также о кампании, которую подняла немецкая пресса против «Dziennik Poznański»,

обвиняя его в том, что он поддерживает план «Колокола» о свержении русской династии. 18 марта 1862 г. номер газеты снова вышел под редакцией Ягельского. Когда и при каких обстоятельствах он был освобожден, остается не известным.

ДВОРЯНСКАЯ КРАМОЛА

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену настоящей заметки, написанной от имени издателей «Колокола», устанавливается на основании следующих данных. В письме к И. С. Тургеневу от 13 февраля 1862 г. Герцен сообщал: «...вот тебе новость; если ты не знаешь, так вспрыгнешь: в моск⟨овском⟩ двор⟨янском⟩ соб⟨рании⟩ плантатор Безобразов осмелился предложить „просить государя отказаться в пользу сына", и предложение пошло на голоса, — 183 против, 165 за». Герцен обратил особое внимание на предложение Безобразова и приводил в письме к И. С. Тургеневу те же факты, которые содержатся и в заметке. На это же событие намекал Герцен и в своей статье «Москва нам не сочувствует», говоря о «предложении Безобразова» в «дворянском собрании» (см. наст. том, стр. 106).

Стиль заметки также говорит в пользу авторства Герцена (особенно характерна концовка заметки).

Стр. 33. *...с московским генерал-губернатором.*— Генерал-адъютантом П. А. Тучковым.

В МИНИСТЕРСТВЕ ФИНАНСОВ СВОЙ ПУТЯТИН

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Княжевич». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании сходства характеристики, данной здесь Княжевичу; с тем, что говорится о нем в заметке «Одесную и ошую» (см. т. XV наст. изд.). Концовка заметки («Сей старец погибнет в *гроте?*»), построенная на каламбурном использовании фамилии К. К. Грота (см. реальный комментарий), близка следующей оценке Княжевича в вышеупомянутой статье: «Между этими крайними партиями есть щель — ее в длину занимает *Панин* и с ним престарелый вождь финансов Княжевич» (т. XV наст. изд., стр. 26). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 56).

Стр. 34. *...воспитанники отказались подчиниться каким-то княжевичным нелепым правилам.*— С.-Петербургский практический технологический институт находился в ведении министерства финансов. По инициативе министра финансов Княжевича был подготовлен проект нового устава института. Для скорейшего осуществления этого проекта Княжевич вошел с докладом к Александру II, и 23 ноября 1861 г. был издан указ о преобразованиях в технологическом институте (материалы о «Преобразовании технологического института» были опубликованы в «С.-Петербургских ведомостях» 21 декабря 1861 г., № 283). Сущность этого указа сводилась к превращению института в высшее учебное заведение, для чего предполагалось ликвидировать в нем приготовительное обучение. Кроме того, согласно этому указу, значительно увеличивалась плата за обучение, что закрывало двери института для разночинной молодежи. Это и вызвало особое недовольство студентов. Происходившие в конце 1861 г. волнения петербургских студентов нашли отклик среди студентов технологического института.

Сей старец погибнет в гроте?—Намек на К. К. Грота, который был директором департамента неокладных сборов. Вероятно, Герцен намекает здесь на разногласия, существовавшие между Княжевичем и Гротом. Последний, поддерживаемый вел. князем Константином Николаевичем и вел. княгиней Еленою Павловной, помешал министру в проведении его кандидатов на место управляющих акцизными сборами (см. об этом в «Русской старине», 1892, № 11, в статье В. Т. Судейкина «А. М. Княжевич», стр. 429). Когда писалась эта заметка, Герцен не знал, что Княжевич был уже уволен от должности министра финансов (в январе 1862 г.).

СТОЛБОВОЙ ОЛИГАРХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Олигарх Павлов». Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену доказывается ее тематической связью и стилистической близостью со статьей «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов», напечатанной в том же листе «Колокола» (см. комментарий к этой статье, наст. том, стр. 363). Заметка направлена против Н. Ф. Павлова и его выступлений в газете «Наше время» в защиту русского дворянства. Характеристика Павлова как «рыцарствующего победителя Мурмина» близка к следующему высказыванию о нем в статье «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов»: «...хорошо демократничать человеку, у которого есть *семейная хроника* (и нет на душе мурминского усмирения)...» (наст. том, стр. 36). Приведенная в заметке цитата из газеты «Наше время» перекликается со следующим местом из «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов»: «Болярин Павлов-Мурминский, также князь Суворов-Рымникский любят аристократию и оба защищают ее: болярин Павлов в „Нашем времени", Суворов в своем городе» (наст. том, стр. 35—36). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 56).

Стр. 34. *Рыцарствующий победитель Мурмина...*— Герцен называет так Н. Ф. Павлова в связи с тем, что в июне 1857 г. в имении его жены, поэтессы Каролины Павловой, в селе Мурмино Рязанской губернии произошло волнение крестьян, которое усмирили с помощью губернатора П. Новосильцова. Об этих событиях рассказывалось в листе 10 «Колокола» от 1 марта 1858 г. в статье «Прокламация губернатора П. Новосильцова и воз розог». Позднее, в статье Огарева «Комиссии для составления положений о крестьянах» в «Колоколе» еще раз напоминалось о «мурминском усмирении» (как называл его Герцен в заметке «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов», см. наст. том, стр. 36). Огарев писал: «Не угодно ли перечитать в „Колоколе" дело Рязанской губернии села Мурмина, помещицы Каролины Павловой, где собственно следовало бы сослать на каторгу губернатора и поверенного оной госпожи, а вышло только, что запороли безвинных крестьян» (см. *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 424). В дальнейшем Герцен неоднократно указывал на то, что Н. Ф. Павлов был связан с этим усмирением крестьян. Так, в заметке «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов» Герцен назвал Павлова «Мурминским»

...замечает в 1 № своего журнала...— Далее цитируется передовая статья из газеты Н. Ф. Павлова «Наше время» (№ 1 от 3 января 1862 г.)— «Москва, 3 января», посвященная началу дворянских выборов (курсив в цитате принадлежит Герцену). В статье указывалось на большое значение дворянства в исторических судьбах России, и под внешней оболочкой одобрения крестьянской реформы по сути дела защищалось дворянское землевладение. Именно против этой позиции газеты и направлена заметка Герцена.

ЕРНИЧЕСКИЙ ТОН РУССКИХ ГАЗЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Тон русских газет». Автограф неизвестен.

Об авторстве Герцена свидетельствует непосредственная связь с заметками «Столбовой олигарх нашего времени» и «Объяснение» (см. наст. том), а также содержащаяся в заметке ссылка на «Notre premier premier и пути разобщения» (т. XV наст. изд.), как на принадлежащую тому же автору: «А мы еще недавно дивились, что какой-нибудь Чевкин не пускает в казенный сад купцов». В заметке «Notre premier premier...» Герцен писал: «...Чевкин ‹...› заведует еще ‹...› путями прогулок в саду, принадлежащем *дому* Главного управления путями сообщения. Сам Чевкин рассматривает, обсуживает и взвешивает представляемые ему смотрителем дома списки жлающих гулять в этом саду» (т. XV наст. изд., стр. 212).

Характерна для стиля Герцена игра слов: «Кто дал это грубое, дикое заглавие? *Официозная пчела* или *официальная почта?*», а также словосочетание «цикорный аристократизм» (ср. в статье «12 апреля 1861 г.»— «цикорный либерализм»— т. XV наст. изд., стр. 109).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 63).

Стр. 35. *В 16 № «Сев. пчелы» мы читаем...*— Далее Герцен перепечатал заметку из газеты «Северная пчела», № 16 от 17 января 1862 г., стр. 62, опубликованную в ней под названием «Тип русской женщины купеческого быта», со ссылкой на «Сев. почту». Однако в номерах «Северной почты» с 1 по 17 января 1862 г. (в 1861 г. газета еще не выходила) такой заметки нет.

...Чевкин не пускает в казенный сад купцов!— Об этом эпизоде см. выше.

НЕ БУДЬ НИ А—ПЕЛЛЕСОВ, НИ ПАВЛОВ

(ПОСЛ‹АНИЕ› К КОРИНФ‹ЯНАМ›)

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематической и текстуальной близости заметки к письму Герцена от 9 февраля 1862 г., в котором он сообщал И. С. Тургеневу о последних событиях в России: «Я так и жду, что будет бунт. Дворяне хотят в мужики, а Николай Филипыч ‹Павлов› говорит: „attendez, я и князь Суворов не хотим“, а Аксаков говорит: „хотим, но позвольте поляка под микитки съездить“, а Головнин говорит: „полно говорить“. Его слушает один Краевский,— тот ничего не говорит».

Принадлежность заметки Герцену подтверждается также его письмом к И. С. Тургеневу от 12 февраля 1862 г., где он, в ответ на просьбу Тургенева не трогать Головнина (*Письма КТГ*, стр. 144), писал: «Головнина я так с бархатцем, улыбаясь, коснулся — будьте благонадежны».

Настоящая заметка явилась непосредственным откликом на цензурную политику нового министра просвещения А. В. Головнина и в острой памфлетной форме отразила резко отрицательное отношение Герцена к общественно-политическим позициям русских газет («День», «Наше время»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 64).

Стр. 35. *Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов.* (*Посл‹ание› к коринф‹янам›*) — Используя сходное звучание имени апостола Павла и фа-

милии Н. Ф. Павлова, Герцен обыгрывает в заглавии заметки эпизод из евангельского «Первого послания к коринфянам». В этом послании апостол Павел призывал коринфян к тому, чтобы между ними не было никаких разногласий, чтобы они «соединены были в одном духе и в одних мыслях» (гл. I, 10—12). Среди коринфян одни приняли сторону апостола Павла, другие — апостола Аполлоса, поэтому одни говорят: «Я Павлов», другие: «я Аполлосов». Павел же проповедует, что все коринфяне должны быть верны Христу (гл. III, 14). Написание «Апеллесов» неоднократно встречается в «Колоколе» (ср. «Письма к путешественнику», письмо третье, 1865 г., т. XVIII наст. изд.).

...он дал первый напрягай московской цензуре за «День»...— В своем циркуляре от 12 января 1862 г. Головнин отмечал упущения цензоров при рассмотрении ими периодических изданий и предписывал «немедленно объявить гг. цензорам, что предполагаемые изменения в цензурном уставе, как и всякая ожидаемая перемена закона, не слагает обязанности исполнять закон существующий».На этом основании Головнин «строжайше» предписывал цензорам «исполнять нынешние цензурные правила без малейшего послабления, под личную их ответственность» (Мих. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов, СПб., 1904, стр. 100). Отмечаемая Герценом связь циркуляра Головнина с позицией газеты «День» подтверждается и записью в дневнике А. В. Никитенко. Рассказывая о первом заседании Главного управления цензуры под председательством Головнина, Никитенко отмечал 13 января 1862 г.: «В заключение министр объявил, что государю угодно, чтобы цензура усилила свою бдительность и строгость против периодической литературы. В этом смысле уже даны цензорам циркуляры... Замечены в „Дне“ особенно статьи: о самоуничтожении дворян и о земских соборах» (см. А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, ГИХЛ, 1955, стр. 254). Записи Никитенко имели в виду передовую статью в газете «День» от 6 января 1862 г., № 13— «Москва, 6-го января» и работу К. С. Аксакова «Краткий исторический очерк земских соборов». В передовой статье выдвигалось предложение, чтобы в связи с уничтожением крепостного права русское дворянство «торжественно, пред лицом всей России» совершило «великий акт уничтожения себя как сословия».

И добро бы он вступился за бедную Польшу, которую любит пошколить великорусская повремянница...—Герцен намекает здесь на ту позицию, которую заняла газета «День» в польском вопросе. В первых же ее номерах (газета стала выходить с 15 октября 1861 г., редактором ее был И. С. Аксаков) появились статьи, оправдывавшие политику царского самодержавия в Польше и по сути дела отказывавшие Польше в праве на национальную самостоятельность.

Но «Indépendance Belge» говорит...— Корреспонденция из Москвы о цензурной политике Головнина была напечатана в «L'Indépendance Belge», № 38 от 6 февраля 1862 г.

...«День» не совпадает с нашим временем.— Намек на то, что в некоторых вопросах позиция «Дня» отличалась от ставшей с 1862 г. рупором правительства газеты Н. Ф. Павлова «Наше время».

Болярин Павлов-Мурминский...— См. комментарий к заметке «Столбовой олигарх нашего времени» (наст. том, стр. 362).

...любят аристократию и оба защищают ее: болярин Павлов в «Нашем времени»...— См. заметку «Столбовой олигарх нашего времени» (наст. том, стр. 34).

Стр. 36. *...предоставило ему на днях в неотъемлемое владение право воспоминания о великих деяниях его предков.*— По-видимому, Герцен намекает здесь на отмену циркулярного предписания Главного управления цензуры от 10 марта 1860 г., подписанного Н. А. Мухановым, согласно которому по «высочайшему повеле-

нию» запрещалось допускать к печати сочинения, в которых «возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия государства к другому», содержатся «оскорбительные насмешки над целыми сословиями и должностями гражданской и военной службы», а также «оглашаются обстоятельства, относящиеся до нравственности и частной жизни разного звания лиц, до преступления их родителей, до происхождения или дурного поведения членов семейств» и т. д. (документ был опубликован в *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 617—618, в статье «Обер-фор-шнейдер»; вступительные строки к этому документу см. в т. XIV наст. изд., стр. 379).

...хорошо демократничать человеку, у которого есть с е м е й н а я х р о н и к а...— Намек на книгу С. Т. Аксакова, отца редактора «Дня» И. С. Аксакова, «Семейная хроника» (1858 г.), в которой автор изобразил жизнь двух поколений помещиков — своих предков.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КЛЕЙМ

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Возобновление клейма». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи с заметкой «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов» (см. текстологический комментарий к ней), в которой Герцен пишет, что правительство предоставило дворянству «в неотъемлемое владение право *воспоминания о великих деяниях его предков*». Настоящая заметка продолжает эту же мысль: «Заботясь о сохранении исторических воспоминаний нашего дворянства...» Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 65).

С т р. 36. ...*«русские князья, бояре, воеводы, пришедшие за Дон отыскивать свободы»*...— Герцен цитирует неточно слова Донского из трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (действие I, явление 1). У Озерова:

Российские князья, бояре, воеводы,
Пришедшие чрез Дон отыскивать свободы
И свергнуть наконец насильствия ярем!

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА ЗА УСТАВНУЮ ГРАМОТУ

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

О принадлежности заметки, имеющей редакционный характер, Герцену свидетельствует тематическая и композиционная связь ее со статьями «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов» и «Возобновление клейм».

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И В. Н. КАРАЗИН

Печатается по тексту *ПЗ* на 1862, кн. VII, выпуск второй, Лондон, 1862, стр. 8—56, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Автограф неизвестен.

В «Приложениях» к очерку (см. *ПЗ* на 1862, стр. 57—72) было помещено несколько документов, принадлежащих перу В. Н. Каразина, публикация которых сопровождалась следующим вступлением: «Для того чтоб передать сколько-нибудь характер и образ мыслей В. Н. Каразина, и передать их его словами, мы помещаем: 1) *его записку*, подписанную графом *М. С. Воронцовым, князем Меншиковым, А. И. и Н. И. Тургеневыми* 〈к этому месту было сделано примечание: «В. Н. Каразин отметил в списке: „и, может быть, еще кем-нибудь —но мне неизвестно“»〉 и поданную 5 мая 1820, статс-секретарем *по иностранной части* Капо д'Ист-

рия; 2) отрывки из его записок, представленных графу В. П. Кочубею, и 3) отрывок из его письма к Николаю». За этим вступлением следовал текст документов.

Исторический очерк «Император Александр I и В. Н. Каразин» был написан Герценом в первые месяцы 1862 г. В письме к И. С. Тургеневу от 3 февраля 1862 года Герцен сообщал: «Я теперь написал IV главы исторической болтовни о временах Алекс⟨андра⟩ I. Полагаю, что тебе необходимо знать заглавие глав:

1.— „Дон-Карлос", траг. Шиллера.
2.— Маркиз Поза (Каразин).
3.— „Die Schuld", траг. Мильнера.
4.— (не придумал)».

Хотя точная дата окончания очерка неизвестна, но, по-видимому, к 1 марта он был уже закончен, поскольку в прибавлении к л. 124 «Колокола» от 1 марта 1862 г. сообщалось, что второй выпуск кн. VII «Полярной звезды на 1862» уже находится в печати. В продажу эта книжка «Полярной звезды» поступила к 1 июня 1862 года (см. объявление в «Колоколе», л. 135 от 1 июня 1862 года, стр. 1124).

Французский перевод статьи, сделанный без участия Герцена, появился в газете «La Cloche», издававшейся Л. Фонтеном, в 1863 г., в №№ 28—31. В 1868 г., в связи с изданием Герценом «Kolokol»'а на французском языке, у него возникла мысль о помещении в одном из номеров перевода своей статьи; в письме Н. П. Огареву от 19 февраля 1868 г. он спрашивал: «Не поместить ли, исправивши, из фонтеновского „Колокола" „La Princesse Dachkoff", „V. Karasine"?»

Сопоставление текста статьи, помещенной во французском издании «Kolokol»'а (№№ 6—8), с переводом ее в «La Cloche» показывает, что исправления, которые Герцен предполагал сделать, были действительно внесены, а характер исправлений говорит о том, что сделаны они были самим автором. Если перевод статьи в «La Cloche» можно считать почти дословно передающим текст подлинника, то перевод в газете «Kolokol», использующий в основном текст «La Cloche», является вместе с тем его творческой переработкой, вносящей новое в содержание статьи и в ее стиль.

Изменения, внесенные в статью переводчиком «La Cloche», были вызваны главным образом необходимостью передачи на французском языке понятий, которые могли быть неизвестны иностранному читателю. Текст статьи снабжен примечаниями (с пометой: «Notes du Traducteur»), в которых объясняются отдельные факты русской истории и особенности русского быта. Например: «купчая крепость» — «un contrat d'achat des serfs ou de terre» ⟨договор о покупке крепостных или земли⟩; «Felitza, nom de fantasie; c'est le titre d'une ode du poète Derjavine en l'honneur de Catherine II» ⟨Фелица—вымышленное имя; это заглавие оды поэта Державина, написанной в честь Екатерины II⟩.

Все эти примечания сохранены Герценом и в газете «Kolokol», но без пометы: «Notes du Traducteur»; кроме того, внесены отдельные подстрочные примечания такого же типа: например, «...в Михайловском дворце...» — «c'est au palais Michel que Paul I-er a été tué» ⟨в Михайловском дворце, где был убит Павел⟩; «Vanka Kainn» — «un brigand très populaire» ⟨Ванька Каин — известный разбойник⟩.

В ряде случаев в переводе «La Cloche» рядом с именем какого-либо литературного персонажа упоминается и писатель, которому принадлежит создание этого образа, например, «...la Korobotchka de Gogol». Герцен не только сохранил эти пояснения, но и дополнил их еще одним: «Felitza de Derjavine».

Некоторые места статьи переведены в «La Cloche» не вполне точно; в одном из высказываний Герцена, имеющем важный политический смысл,

сделан пропуск. После слов: «Каразин ∞ подает записку об *искоренении рабства* (т. е. крепостного состояния) в народе» — опущен конец фразы, «в которой прямо говорит, что после того, что дворяне освобождены им дарованной грамотой, черед за крестьянами...» Пропуск этот не был восстановлен в тексте «Kolokol»'а, что объясняется скорее всего тем, что Герцен этого пропуска не заметил.

Из изменений фактических данных в тексте перевода «La Cloche» обращает на себя внимание то, что среди лиц, приглашенных Каразиным в Харьковский университет, назван не Фихте, а Фурье: «Laplace et Fourier avaient consenti à se rendre à son appel, mais le gouvernement les trouva trop chers pours sa bourse» («La Cloche», № 30, p. 3). Это же упоминание о Фурье сохранилось и в тексте газеты «Kolokol».

Сохранив некоторые из пояснений, сделанных переводчиком «La Cloche», Герцен вместе с тем существенно переработал текст статьи. Причем характер внесенных изменений говорит о том, что вызваны они были, по-видимому, прежде всего тем, что статья о Каразине была помещена в «Kolokol»'е не в виде отдельного очерка, как в «Полярной звезде», а включена в *цикл* статей, названный Герценом «Études historiques sur les héros de 1825 et leurs prédécesseurs, d'après leurs mémoires» («Исторические очерки о героях 1825 и их предшественниках, по их мемуарам»).

Циклу статей о декабристах было предпослано предисловие, в котором Герцен дал краткий исторический очерк развития революционных идей в России, а также охарактеризовал в общих чертах эпоху Екатерины II, Павла I и подробнее — царствование Александра I. Заканчивая предисловие, Герцен предлагал вниманию читателей остановиться на «весьма характерной фигуре» («la figure caractéristique») Каразина.

К последним словам предисловия было сделано подстрочное примечание: «Cet article, publié dans le 7-me volume de l'Etoile polaire, a été composé sur des mémoires, notes et lettres inédits de M-r Karasine» («Эта статья, опубликованная в 7 томе „Полярной звезды", была составлена по мемуарам, запискам и неизданным письмам г. Каразина»).

Следует подчеркнуть, что именно включение статьи «Император Александр I и В. Н. Каразин» в цикл очерков, посвященных героям 1825 года, диктовало Герцену необходимость некоторого изменения текста.

Прежде всего следует отметить, что статья в целом была сокращена: опущено посвящение (в цикле статей это посвящение было излишне), снято подстрочное примечание к заглавию статьи. Особенно много купюр сделано в последних главах. Так, например, было опущено сравнение: «Как утомленный Фауст обращался за отдыхом и миром к вечно изящным типам матерей, так наше молодое поколенье обращается за родной силой и крепительным примером к этим отцам».

В статье, открывавшей цикл очерков о героях 1825 года, не представляло интереса воспроизведение полностью письма Каразина к Александру I, и потому автор привел его здесь только в отрывках, содержащих конкретные предложения общественных и государственных преобразований, необходимых в России. Герцен опустил и название этой главы «Письмо». Отрывкам из письма Каразина Герцен предпослал краткое резюме, в котором изложил суть письма и дал его оценку, введя таким образом целый новый абзац, отсутствовавший в русском тексте статьи и соответственно — в переводе ее в «La Cloche».

В ряде случаев Герцен внес в текст статьи новые детали, сделал стилистические исправления, чтобы оттенить то, что казалось ему теперь особенно важным в связи с новыми задачами, вставшими перед ним как автором цикла исторических очерков о декабристах.

Ниже приводятся наиболее значительные из дополнений и стилистических изменений текста. Для удобства сравнения дается текст не только «Полярной звезды», но и перевода из «La Cloche».

Стр. 39

19–20 *К словам:* покровитель Магницкого — *примечание:* Curateur de l'Université de Kazan, inquisiteur infâme, abandonné par le gouvernement même et mort en exil en temps de Nicolas 〈Куратор Казанского университета, бесчестный инквизитор, отставленный самим правительством и умерший в изгнании во времена Николая〉

Стр. 40

36 *Вместо:* преступления *продолжающегося*, невольного // du crime continu, involontaire // du crime continu, consolidé, involontaire 〈преступления продолжающегося, утверждающегося, невольного〉

Стр. 41

6 *Вместо:* он сломится в борьбе // il sera brisé dans la lutte // il serait brisé dans une lutte inutile 〈он сломится в бесполезной борьбе〉

Стр. 44

21 *Вместо:* внесли во дворец казарму и переднюю // qui firent du palais une caserne et une antichambre // qui firent du palais de la Cléopatre à cheveux blancs — une caserne et une antichambre 〈которые сделали из дворца седой Клеопатры казарму и переднюю〉

Стр. 46

2 *Вместо:* Вот что прочел император // La lettre que l'empereur lut pouvait, à juste titre, le faire pleurer.

Pleine d'un amour ardent pour sa personne, très exaltée, très dévouée, cette lettre exprimait l'espérance que tout le monde avait dans le jeune souverain — mais avec une beaucoup plus grande clarté, que le sentiment vague qui se faisait jour dans la société. Elle formulait un programme entier de réformes, tendant à un régime constitutionnel.

En voici quelques fragments.

〈Письмо, которое прочел император, не без основания могло заставить его заплакать.

Полное горячей любви к нему, преданности, чрезвычайно восторженное, это письмо выражало надежду, которую все возлагали на молодого государя, но выражало с гораздо большей определенностью, чем то смутное ощущение этого, которое было наиболее распространено в обществе. Письмо формулировало целую программу преобразований, направленных на установление конституционного режима.

Вот несколько отрывков из него.〉

Стр. 61

12–13 *К словам:* наскоро заказывали детей, как Елизавета Екатерине — *примечание:* Voir *les Mémoires de Catherine II*, Londres, 1860 〈смотри «Мемуары Екатерины II», Лондон, 1860〉

Стр. 64

28–30 *Вместо:* От этой песни ∞ одну из начальных точек обратного течения // il faut voir dans cette chanson, dans ces larmes, dans ces paroles perdues sur une grande route entre deux relais de poste le début d'un mouvement de retour sur le passé // dans cette chanson, dans ces larmes, dans ces paroles perdues sur une grande route entre deux relais de poste — il y avait un punctum saliens — un premier cri de conscience 〈В этой песне, в этих слезах, в этих словах, потерянных на почтовом тракте, между двух станций, находится punctum saliens — начало пробуждения сознания〉

Стр. 65

30–31 *Вместо:* Но вдруг, как-то потолковавши — не с ямщиком, а с графом Завадовским//puis tout à coup il rencontre sur son chemin non pas un

postillon, mais le comte Zavadovsky // puis tout à coup il rencontre sur son chemin non pas un postillon cette fois, mais le comte Zavadovsky, qui lui conseille «de ne plus rêver» ⟨Вдруг он встречает на своем пути на этот раз не ямщика, а графа Завадовского, который советует ему «не мечтать больше»⟩

Стр. 73

[25] *Вместо:* По ту сторону// Retour sur le passé//De l'autre côté des Monts Ouraliens ⟨По ту сторону Уральских гор⟩

[26] *После:* ...Когда в 1826 Якубович//Lorsqu'en 1826 Iakoubovitch//condamné lui-même aux travaux forcés ⟨осужденный сам на каторжные работы⟩

Стр. 74

[1] *Вместо:* а вот господ-то жандармы возят! // tandis que les seigneurs y vont en voiture escortés par des gendarmes // tandis que les seigneurs y vont en kibitka, escortés par des gendarmes ⟨в то время как господ возят в кибитке, в сопровождении жандармов⟩

[3–4] *Вместо:* равенство перед каторгой и перед безвыходным несчастием //égalité devant les galères et devant le malheur // égalité devant les mines et devant le malheur ⟨равенство перед рудниками и перед несчастьем⟩

[24] *Вместо: надейтесь на нас//espérez en nous//fiez-vous à nous ⟨верьте нам⟩*

[36] *Вместо:* Раскольник заплатил со стороны народа за Радищева//Le sectaire payait pour le peuple la dette de Radistcheff // Le sectaire payait pour le peuple la dette qu'il devait à Radistcheff et ses descendants ⟨Раскольник заплатил со стороны народа за Радищева и его потомков⟩

Стр. 75

[20–21] *Вместо:* Народу слишком много, чтоб его в самом деле можно было поднимать в 14 класс // Au fait, le peuple est trop nombreux pour qu'on puisse l'élever à la 14 classe // Au fait, le peuple est trop nombreux pour qu'on puisse l'élever à la 14-e classe et à la noblesse ⟨Народу слишком много, чтобы его в самом деле можно было поднимать в 14 класс и до уровня дворянства⟩

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 55, строка 27: загадкою *вместо:* засадкою (*по изд. «Kolokol» 1868 г.*).

Стр. 59—60, строки 35—1: голодная и алчная, свирепая с народом и подлая с начальством *вместо:* голодное и алчное, свирепое с народом и подлое с начальством.

Стр. 67, строка 32: Faremo da noi! *вместо:* Faremo da se! (*по изд. «Kolokol» 1868 г.*).

Примечание Герцена, сопровождавшее публикацию очерка в «Полярной звезде на 1862», до некоторой степени раскрывает историю создания этого произведения (см. стр. 38 наст. тома). Предполагая вначале опубликовать лишь оказавшиеся в его руках документы, связанные с деятельностью В. Н. Каразина, Герцен, начав работать, решил рассказать о его жизни, а вместе с тем и охарактеризовать эпоху, в которую ему пришлось действовать.

Очерк о Каразине явился в то же время своеобразным итогом перечувствованного и передуманного самим Герценом в период подготовки и проведения крестьянской реформы. Рисуя эпоху царствования Александра I, Герцен решал здесь же и острые злободневные вопросы современности, связанные с царствованием Александра II, так как рассматриваемые им факты русской истории приводили к выводу, что царское самодержавие по самой своей природе неспособно к преобразованию государственного строя в интересах народа.

Очерк отразил крах либеральных надежд Герцена на возможность ликвидации крепостнической системы путем реформ сверху. Именно поэтому Герцен позднее и сам придавал этому своему произведению значение итогового труда (см. письма к К. Д. Кавелину от 15 июня 1862 г. и к Н. П. Огареву от 19 сентября 1868 г.). Не случайно, что, раскрывая в «Письмах к путешественнику» (1865) «секрет» своей «философии» и то, что составляет главное в его жизни и борьбе, Герцен цитировал конец очерка о Каразине, где сформулирована идея освобождения народа и наибольшего приближения передовой интеллигенции к народным массам.

Используя находившиеся в его распоряжении документы, а также материалы из опубликованной в 1860 г. в «Северной пчеле» (январь—февраль, № 24—26, 29 и 31) статьи Г. П. Данилевского «Василий Назарьевич Каразин (материалы для биографии)», Герцен стремился быть исторически точным. Но в изображении действительных событий русской жизни автор очерка не выступает только историком; художественный вымысел, обобщения, как всегда в работах Герцена подобного рода, сопутствуют этим фактам, придают им известную эмоциональную окраску.

Большую роль в идейном замысле произведения имеет проводимая в очерке о Каразине параллель с драмой Шиллера «Дон-Карлос»: образы шиллеровской драмы Герцен использует для наиболее острой характеристики событий русской истории. Подобно Маркизу Позе, изложившему королю Филиппу план преобразования государства, В. Н. Каразин действительно обратился к Александру I с письмом (см. главу II — «Письмо»), в котором подробно изложил свой план государственных преобразований. Герцен полностью опубликовал этот документ в составе своего очерка, ибо придавал большое значение вопросам, затронутым В. Н. Каразиным: проблемам экономического укрепления России, роста промышленности и развития сельского хозяйства, а главное — ограничения зависимости крестьян от помещика. Необходимо при этом иметь в виду, что Герцен в очерке, несомненно, преувеличивал значение реформаторских предложений Каразина и идеализировал его деятельность. Фигура же Каразина привлекала Герцена прежде всего тем, что на его примере можно было убедительно показать, как тщетны либеральные надежды, возлагаемые на реформы сверху. Рисуя в очерке, как рушатся планы Каразина, как ему не удается осуществить свои проекты, Герцен по сути дела развенчивает политическую роль Каразина и вместе с тем осуждает свои собственные либеральные иллюзии. Герцен показывает, что в условиях самодержавной России прогрессивно настроенный государственный деятель должен или погибнуть или перейти на сторону правительства.

Если в начале 50-х годов Герцен считал, что народ может быть освобожден передовым просвещенным меньшинством дворянства (см. «О развитии революционных идей в России» — т. VII наст. изд.), если в конце 50-х годов он верил в возможность преобразования России сверху (см. «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», т. XIII наст. изд.), то теперь Герцен понял, что освобождение народа возможно только с помощью и силами самого народа.

Стр. 38. *...письмо Каразина к императору (оно было напечатано в «Русском вестнике» 1810)*...— В «Русском вестнике» за 1810 год никаких материалов, связанных с В. Н. Каразиным, опубликовано не было. Небольшая выдержка из упомянутого письма В. Н. Каразина к Александру I (см. главу II — «Письмо») была напечатана в «Вестнике Европы» за 1813 год, № 1, стр. 29, в «Примечании господина сочинителя» к «Речи о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство»

В. Н. Каразина. На это указывал Г. П. Данилевский в своей статье (см. «Северная пчела», 1860, № 24 от 29 января).

Вам, Н. А. ∞ посвящаю этот очерк.— Очерк посвящен Н. А. Серно-Соловьевичу, которого, как свидетельствуют «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой, «с первого свидания» Герцен прозвал «Маркизом Позой» (изд. Academia, 1929, стр. 252). Откликаясь в статье «Иркутск и Петербург», напечатанной в л. 229 «Колокола» за 1866 г., на смерть «благороднейшего, чистейшего, честнейшего» Н. А. Серно-Соловьевича, Герцен писал: «Последний Маркиз Поза, он верил своим юным, девственным сердцем, что *их* можно вразумить; он человеческим языком говорил с государем, он его тронул и — умер в Иркутске, изнеможенный истязаниями трехлетних казематов» (см. т. XIX наст. изд.). В. П. Батуринский в книге «А. И. Герцен, его друзья и знакомые» (СПб., 1904) без всяких доказательств утверждал, что очерк посвящен Н. А. Милютину. Несостоятельность этого предположения определяется не только статьей «Иркутск и Петербург», но и резко критическим отношением Герцена к деятельности Милютина (см. письма Герцена к кн. П. В. Долгорукову от 12 апреля 1860 г. и к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1862 г.).

...урок, данный монархам вообще в Париже...— Намек на свержение династии Бурбонов и на казнь Людовика XVI 21 января 1793 г.

...в Михайловском дворце...—Имеется в виду заговор против Павла I, в результате которого он был убит в ночь на 12 марта 1801 г. в Михайловском дворце в Петербурге.

Стр. 39. *...о судьбе своего Филиппа?* — Имеется в виду Павел I.

Князь Александр Николаевич ∞ друг императора Александра, который безжалостно пожертвовал его Аракчееву...— А. Н. Голицын был другом Александра еще при жизни Екатерины II. В царствование же Александра I он занимал перечисленные Герценом государственные посты. Будучи президентом Российского библейского общества, он восстановил против себя высшее духовенство. Воспользовавшись этим, А. А. Аракчеев с помощью архимандрита Фотия добился отставки Голицына, который в 1824 г., по настоянию Александра I, отказался от президентства в Российском библейском обществе и покинул пост министра духовных дел и народного просвещения. За ним осталось только звание главноначальствующего над почтовым департаментом.

Стр. 40. *...фигура императора Александра ∞ то освещенная заревом Москвы ∞ то останавливающая дикую месть победителей, дорвавшихся до неприятельской столицы.* — Герцен перечисляет здесь исторические события из эпохи царствования Александра I: пожар в Москве в 1812 г., вступление русских войск в Париж после победы над Наполеоном I.

...пропадает одиноко на берегах Черного моря...—Александр I умер в Таганроге.

Every inch... — Из трагедии Шекспира «Король Лир» (акт IV, сцена VI). У Шекспира: «Ау, every inch a king...» ⟨Каждый дюйм — король⟩.

Стр. 41. *...пьяного идиота убила и обобрала развратная женщина...*— Намек на убийство Петра III, совершенное приближенными Екатерины II.

...человек ∞ хватил его табакеркой в висок, а другие покончили его.— Свидетельство о такой расправе над Павлом I Герцен почерпнул по-видимому из анонимной статьи «Смерть Павла I», в которой рассказывалось, что участвовавший в перевороте «Николай Зубов ударил императора, стоявшего на коленях, золотою табакеркою в левый висок. Павел повалился, и все бросились его доканчивать» (см. «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», кн. II, London, 1861, стр. 48).

Стр. 42. *...Аракчеева, умирающего ∞ у окаянной могилы, облитой кровью целой дворни.*— Аракчеев умер в селе Грузине, Новгородской

губ., где была похоронена его любовница — А. Ф. Минкина, убитая дворовым. Следствие по делу об ее убийстве сопровождалось страшными жестокостями (подробности об этом деле рассказаны Герценом в «Былом и думах», ч. IV, гл. XXVII— т. IX наст. изд., стр. 88).

...пишет великий князь В. П. Кочубею 10 мая 1796 года...— Письмо будущего императора Александра I к В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г. было опубликовано во французском оригинале в книге М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го», третье издание (первое для публики), СПб., 1857 (стр. 3—6). Герцен использует перевод, данный в книге М. Корфа (стр. 227—230).

Стр. 44. *Павел свез ∞ тело Петра III в Петропавловскую крепость, приказал похоронить его покойнице и заставил графа А. Орлова и Барятинского нести его корону.*— После смерти Екатерины II Павел I перенес останки убитого Петра III из Александро-Невской лавры в Петропавловскую крепость, вместе с гробом Екатерины II. При перенесении праха Петра III в похоронной процессии приняли участие А. Г. Орлов и обергофмаршал Ф. С. Барятинский, причастные в свое время к убийству Петра III. А. Г. Орлов, ссылаясь на старость и болезни, просил освободить его от участия в церемонии, но Павел I приказал вручить ему императорскую корону и потребовал, чтобы тот нес ее (см. об этом также в книге: Ф. Головкин. Двор и царствование Павла I, 1912, стр. 136).

...сбросили обезображенный труп убитого отца его.— Намек на убийство Павла I.

...он замолит грех своего участия в кровавом деле...— Подробности о дворцовом перевороте, произведенном при известном содействии Александра, Герцен мог почерпнуть из двух статей, опубликованных им в «Исторических сборниках Вольной русской типографии в Лондоне»: «Смерть императора Павла I (отрывок из дневника современника)» (кн. I, London, 1859, стр. 46—61) и из упомянутой выше статьи «Смерть Павла I» (кн. II, London, 1861, стр. 21—54).

Стр. 45. *Теперь дай человека мне ∞ мне правды надо...*— Герцен неточно цитирует слова Филиппа из драмы Шиллера «Дон-Карлос» в переводе М. Достоевского (акт III, сцена V, см. «Библиотека для чтения», 1848, март, раздел «Иностранная словесность», стр. 15).

...письмо... запечатанное и надписанное ему.—Имеется в виду приводимое в следующей главе письмо В. Н. Каразина к Александру I.

Стр. 46. *Письмо.*— Текст, воспроизведенный Герценом, почти совпадает с тем, который был опубликован позднее в «Русской старине» (1871, том IV, июль, стр. 68—80) с собственноручной копии В. Н. Каразина.

Стр. 54. *Маркиза Позу допускать ко мне //Вперед без всякого доклада.*— Слова Филиппа из драмы Шиллера «Дон-Карлос» в переводе М. Достоевского (акт III, сцена 10).

Стр. 55. *...он послал 14 августа 1798 с эстафетой следующее письмо к Павлу.* — Цитируемое далее письмо Каразина к Павлу I не было приведено полностью в статье Г. Данилевского (см. «Северная пчела», № 24 от 29 января) из-за цензурных условий. Полный текст его был у Герцена, по-видимому, среди «других бумаг» Каразина.

Стр. 56. *...император ∞ пишет ему собственноручные записки.*—Эти сведения были почерпнуты Герценом из статьи Г. Данилевского, который цитировал «Записку» сына Каразина, отмечавшего, что В. Н. Каразин «нередко удостаивался» «совершенно приватных писем» императора («Северная пчела», 1860, № 24 от 29 января).

...составляет сам два катехизиса, один светский, один духовный...— Г. Данилевский отмечал, что рукописи этих катехизисов, религиозного и гражданского, составленных В. Н. Каразиным, были утрачены («Северная пчела», 1860, № 24).

...на учреждение университета в Харькове. — Университет в Харькове был учрежден по проекту В. Н. Каразина и открыт в 1805 г.

Стр. 57. *...пишет для нее трактаты о женском воспитании, статьи о педагогии и пр.* — Эти сведения были взяты Герценом, видимо, также из статьи Г. Данилевского; автор статьи, основываясь на «Записке» сына Каразина, отмечал, что В. Н. Каразин составлял для императрицы Марии Федоровны рукописный журнал, в котором излагал свои мысли воспитании детей (см. «Северная пчела», 1860, № 31 от 8 февраля).

...Каразин возвратился с следствия, которое он делал, совокупно с Державиным, над губернатором Лопухиным.— В. Н. Каразин расследовал дело калужского губернатора Лопухина вместе с Г. Р. Державиным (см. об этом в статье Г. Данилевского, «Северная пчела», 1860, № 25 от 30 января).

Стр. 58. *...печальный анекдот, рассказанный Н. И. Тургеневым...*— Далее Герцен сжато излагает эпизод, описанный Н. И. Тургеневым в его книге «La Russie et les Russes», t. II («Tableau politique et social de la Russie»), chapitre IV — «Les Serfs», p. 100—110.

Стр. 60. *...сговорившись с казаками и татарами, поднялся было в целом крае...* — Имеется в виду крестьянское восстание 1773 г. в Поволжье и на Урале под руководством Пугачева.

...душить царей и сажать на их место своих любовниц.— Намек на убийство Петра III, мужа Екатерины II, осуществленное группой царедворцев, в числе которых был Г. Г. Орлов, фаворит Екатерины II.

...она его велела убить, как кошку...— Сын Анны Леопольдовны — Иван Антонович, заточенный в Шлиссельбургскую крепость после дворцового переворота 1741 г., совершенного Елизаветой Петровной, был убит в 1764 г. во время предпринятой офицером Мировичем попытки освободить его из заключения.

...она велела ее украсть, как крадут собачонок.— Претендентка на русский престол княжна Тараканова, вывезенная из Ливорно в Россию, была заточена по приказу Екатерины II в Петропавловскую крепость, где и умерла в 1775 г.

Стр. 61. *...посылали искать ∞ каплю петровской крови в четвертом, пятом колене.*— Императрица Елизавета Петровна, не имевшая детей и не желавшая, чтобы престол снова перешел к Ивану Антоновичу, выписала в Россию внука Петра I, сына Анны Петровны и герцога Голштейн-Готторпского,— Петра III.

...наскоро заказывали детей, как Елизавета Екатерине...— Герцен намекает на происхождение Павла (см. об этом в «Записках императрицы Екатерины II» (Издание Искандера), London, 1858, стр. 93—94, 129—130, 135—136).

... с андреевской лентой и с веревкой?— Андреевская лента — один из знаков высшего русского ордена — св. Андрея Первозванного, учрежденного Петром I в 1698 г. По-видимому, Герцен намекает здесь на убийство Павла I, в котором приняли непосредственное участие андреевские кавалеры, граф П. А. Пален, кн. П. А. Зубов и др.

Стр. 64. *...один неважный молодой человек ∞ поехал в почтовой кибитке в Москву.*— Герцен имеет в виду А. Радищева, книгу которого «Путешествие из С.-Петербурга в Москву» он далее пересказывает и цитирует по лондонскому изданию 1858 г. («О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева с предисловием Искандера, London, 1858). Цитата: «Извозчик ∞ в истории Российской»— из главы «София» (см. стр. 112 лондонского издания). Далее пересказывается эпизод из главы «Любань» (см. там же, стр. 118).

«Радищев — бунтовщик хуже Пугачева!»— Герцен передает слова Екатерины II по «Запискам» А. В. Храповицкого. Эти же слова Герцен приводил в своем предисловии к «Путешествию

из С.-Петербурга в Москву» А. Радищева (см. вышеупомянутое издание, стр. 105). Записки А. В. Храповицкого появились отдельным изданием лишь в 1874 г. (см. «Дневник А. В. Храповицкого», СПб., 1874). Герцен же при передаче этих слов пользовался «Прибавлениями» к статье А. С. Пушкина «Александр Радищев», напечатанными в седьмом, дополнительном томе «Сочинений Пушкина», изданных П. В. Анненковым (СПб., 1857, стр. 60).

С т р. 65. ...*«дары несущих данаев»*...— Герцен использует здесь ставший поговоркой стих из «Энеиды» Вергилия: «Timeo Danaos et dona ferentes» (Боюсь данайцев, даже приносящих дары!).

...*потолковавши ∞ с графом Завадовским*...— Граф П. В. Завадовский, будучи председателем Комиссии составления законов, в которой Радищев выражал свои «крамольные» взгляды по обсуждаемым делам, пригрозил Радищеву, что если он будет продолжать отстаивать свою точку зрения, то его снова ждет Сибирь. Этот же факт приводит Герцен в предисловии к «Путешествию из С.-Петербурга в Москву» (см. т. XIII наст. изд., стр. 279—280), отмечая, что почерпнул свои сведения в статье Пушкина «Александр Радищев»: «Мы следовали тексту Пушкина...» (о статье Пушкина см. т. XIII, стр. 562).

С т р. 66. *Решившись расстрелять в 1812 году Сперанского, он отменил безумную казнь, поговорив с академиком Парротом.*— Об этих слухах, связываемых с рассказами профессора Дерптского университета Паррота, см. в книге Н. К. Шильдера «Император Александр I», т. III, стр. 38—42.

С т р. 68. ...*шишковскую прозу манифеста*...— А. С. Шишков, будучи государственным секретарем в период Отечественной войны 1812 г. и военной кампании 1813—1814 годов, писал и редактировал манифесты, рескрипты, приказы по армии. Ему же принадлежали, в частности, написанные по поручению Александра I манифесты, извещавшие о вступлении армии Наполеона I в Россию и об объявленных в связи с нашествием рекрутском наборе и всеобщем ополчении. Высокопарный стиль этих документов и имеет в виду Герцен.

С т р. 69. ...*поговаривали о бессмысленной войне для поддержания австрийского ига в Италии, о повторении нелепейшей суворовской кампании.*— В связи с начавшейся в 1820 г. революцией в Неаполитанском королевстве был созван второй конгресс Священного союза в Троппау. Участники конгресса, в их числе Россия, специальным протоколом провозгласили право вооруженного вмешательства во внутренние дела государства для подавления революции. Напуганный ростом революционного движения, особенно начавшейся в марте 1821 г. революцией в Пьемонте, Александр I поддержал австрийскую интервенцию в Италии, предложив Австрии 100 тысяч солдат для расправы с революцией. Герцен сравнивает эти события с кампанией 1799 г., способствовавшей восстановлению австрийского ига в Италии.

С т р. 70. *«Конечно, год-два ∞ Тогда я писать уже не стану»*.— Герцен цитирует, с незначительными изменениями, записки В. Н. Каразина, составленные им для графа В. П. Кочубея. Они были напечатаны Герценом вместе с другими документами, принадлежащими перу В. Н. Каразина, в качестве приложения к комментируемой статье (см. *ПЗ* на 1862, кн. VII, выпуск второй, стр. 57—72; цитата — со стр. 63).

...*«не верить словам ∞ все благополучно, все по-прежнему!»* — Цитата, несколько неточная, из вышеупомянутых записок Каразина (там же, стр. 62).

В семеновской истории ∞ видит «ступеньку лестницы, которую строит для нас дух века».— В октябре 1820 г. в Семеновском гвардейском полку в Петербурге произошли волнения солдат, возмущенных жестокостями полковника Шварца. Характеризуя отношение

В. Н. Каразина к «семеновской истории», Герцен приводит цитату из записок В. Н. Каразина (см. *ПЗ* на 1862, кн. VII, вып. второй, стр. 62). Материалы о событиях в Семеновском полку были опубликованы ранее в *ПЗ* на 1857, кн. III, стр. 274—282.

С т р. 72. *...ни блудовским донесением...*— Имеется в виду «Донесение следственной комиссии», написанное Д. Н. Блудовым, бывшим во время суда над декабристами делопроизводителем Верховной следственной комиссии.

...корфовским поминаньем...— Подразумевается книга М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го».

С т р. 72—73. *...утомленный Фауст обращался за отдыхом и миром к вечно изящным типам матерей...*— См. II часть «Фауста» Гёте (акт I).

С т р. 73. *...se faire roturiers de gentilshommes, как выражался граф Ростопчин...*— Ранее Герцен приводил эти слова Ростопчина, сказанные им о декабристах, в статье «Русские немцы и немецкие русские» (см. т. XIV наст. изд., стр. 178 и комментарий к ней).

По ту сторону. — Рассказывая в начале VI главы о судьбе Е. П. Оболенского, Герцен использовал его воспоминания, опубликованные к тому времени за границей в журнале «Будущность» (№ 9—12 за 1861 г.) и в «Русском заграничном сборнике», ч. IV, тетр. V, Leipzig, 1861 (эпизоды, упоминаемые Герценом, см. на стр. 31—39 и 45).

TO THE EDITOR OF «THE FREE PRESS»
‹ИЗДАТЕЛЮ «THE FREE PRESS»›

Печатается по тексту «The Free Press», № 5 от 7 мая 1862 г., стр. 55, где опубликовано впервые, с подписью: *Alexander Herzen. Nichola Ogareff, Editors of the K[illegible]o l o k o l,* под редакционной рубрикой: «The foreign revolutionists in England» («Иностранные революционеры в Англии»).

С т р. 78. *...поместили в вашей газете от 5 марта статью, утверждающую, что Бакунин—агент русского правительства.*— В № 3 ежемесячного журнала «The Free Press» была опубликована статья «Bakunin», в которой высказывалось предположение, что Бакунин — агент русского правительства. Кроме настоящего заявления, Герцен в ответ на это обвинение написал статью «Ultimatum» (см. наст. том, стр. 99—101 и комментарий на стр. 386—387).

УЧЕНАЯ МОСКВА

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1037—1038, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*, стоящей после слов: *«Благо умершему во время!»* Автограф неизвестен.

В конце статьи было указано: «Окончание в следующем листе». Это указание относилось к «Исторической записке, составленной университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре 1861 г. беспорядков между студентами Московского университета и представленной университетским советом чрез его превосх‹одительство› г. попечителя м‹осковского учебного› округа», текст которой был напечатан в *К*, л. 126 от 22 марта, стр. 1046—1050 и в л. 127 от 1 апреля, стр. 1054—1057 (под заглавием «Донос московских профессоров»). Об этом документе см. ниже.

Студенческие волнения, происходившие в связи с введением новых — «путятинских» — правил, подробно освещались в «Колоколе». В Москве движение началось в весьма мирной форме: студенты намеревались подать «всеподданнейший» адрес с ходатайством об отмене вновь установленной платы за обучение, а также о разрешении организовать студенческую кассу и иметь своих представителей для посредничества между студентами и университетской администрацией. Однако и попечитель университета Н. В. Исаков и университетские профессора отнеслись к этим весьма скромным требованиям как к «бунту» и по их инициативе было арестовано несколько студентов. «Все наши поступки были, к несчастью, перетолкованы в дурную сторону,— сообщалось в студенческом адресе, поданном царю,— нашим намерениям придали такой смысл, какой никогда не могли они и не должны иметь». Возмущенные арестами, студенты 12 октября направились к генерал-губернатору просить об освобождении арестованных товарищей и о принятии от них адреса Александру II. У дома генерал-губернатора на них напали переодетые жандармы и полицейские. В бойне приняли участие и лавочники, которых обманывали, утверждая, будто студенты «бунтуют» против манифеста 19 февраля (см. об этом в корреспонденции «Из Москвы», наст. том, стр. 313—314). Университетское начальство не только не вступилось за своих воспитанников, но способствовало дальнейшим арестам и насилиям над студентами. Среди профессуры были люди, в свое время более или менее близкие к Герцену и Огареву, известные в 1830—1840 гг. своими либеральными взглядами. Студенческая история вскрыла их истинное лицо. Гнев и возмущение Герцена были тем бо́льшими, что некоторые из московских профессоров сохраняли видимость прогрессивных людей еще совсем недавно. После «обвинительного акта» Б. Н. Чичерина (см. т. XIII наст. изд., стр. 597—599) И. Бабст, например, был в числе подписавших протест против обвинений Чичерина. Еще полгода назад, узнав, что И. К. Бабст, В. Ф. Корш и Ф. В. Чижов, получившие по почте экземпляры «Великоруса», снесли их в полицию, Герцен писал в заметке «„Великорус“ в ученой Москве»: «Мы готовы ⟨...⟩ просить, если это правда, чтоб нам солгали!» (см. т. XV наст. изд., стр. 179).

В письме к М. К. Рейхель от 16 марта 1862 г. Герцен писал: «Нынешний „Колокол“ сделает на вас, Марья Каспаровна, вероятно, очень грустное впечатление... Вы поймете из начала статьи *„Ученая Москва“*, что между нами и бывшими близкими людьми в Москве все окончено, — до их оправдания. Поведение Коршей, Кетчера, а потом Бабста и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих. Статью эту я написал со слезами, но, как 30 лет тому назад, как 20... как 10... есть для меня святыни дороже лиц». Так рушилась еще одна иллюзия Герцена. Опубликованное в 126 и 127 листах «Колокола» полуофициальное донесение московских профессоров о студенческих волнениях, подписанное С. М. Соловьевым, О. М. Бодянским, П. М. Леонтьевым, С. В. Ешевским, Б. Н. Чичериным (примечание и заключение к этому документу см. в наст. томе, стр. 282), не оставляло сомнений в том, что «ученая Москва» не только содействовала репрессиям в отношении студентов, но и сама о них ходатайствовала. Этот документ содержал также жалобу на генерал-губернатора, не принявшего строгих мер с самого начала, и сожаление по поводу недостатка «полицейских средств в руках университетского начальства».

Стр. 81. *...как это было весьма недавно...*— Речь идет о корреспонденции Л. П. Блюммера, напечатанной в *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., с которой он выступил якобы для восстановления истины. В ней брались под защиту московские профессора С. М. Соловьев, М. Н. Капустин, Ф. М. Дмитриев, С. В. Ешевский, С. И. Баршев, как якобы действовавшие «решительно со студентами и за студентов», что отвергалось всеми

другими корреспондентами и документами (примечание к этой корреспонденции см. в наст. томе, стр. 277).

...чем все Шуваловы с своими вольными и временнообязанными слушателями.— Т. е. агентами III отделения за границей (см. т. XV наст. изд., статьи «Бруты и Кассии III отделения» и «Оклеветанный граф»).

ЯТАГАН УБИТ АУКЦИОНОМ!

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Ятаган, убитый аукционом». Автограф неизвестен.

Заметка стоит в ряду постоянных выступлений Герцена против Н. Ф. Павлова и тематически связана со статьями «Столбовой олигарх нашего времени» и «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов» (см. текстологический комментарий к ним, стр. 362 и 363 наст. тома). Стиль заметки также свидетельствует об авторстве Герцена (в частности каламбур в заголовке). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 70).

Еженедельная газета «Наше время», для издания которой в октябре 1861 г. Н. Ф. Павлов, при поддержке министра внутренних дел Валуева, получил казенную субсидию, являлась московским официозом царского правительства. Заголовком своей заметки Герцен подчеркивает, что все прогрессивное в прошлом Н. Ф. Павлова (в частности, его антикрепостнические повести «Ятаган» и «Аукцион») — «убито» его настоящим, продано с «аукциона» царскому правительству.

Стр. 83. ...*«Свободное слово» в первом выпуске печатает следующее торговое известие о покупке правительством за 25 000 р. Павлова*...— Герцен цитирует далее «Письмо из Москвы», напечатанное в первом выпуске «Свободного слова», 1862 (стр. 45).

Вы «уважаете остатки человеческой личности во всяком человеке»...— Герцен иронизирует над предисловием редактора журнала Л. П. Блюммера к первому выпуску «Свободного слова». Заявляя, что он является последователем взглядов Д. С. Милля, выраженных последним в его труде «О свободе», Блюммер писал, что «для истинной свободы слова еще необходима его обдуманность, сдержанность, выявляющиеся в уважении даже в своем заклятом враге...' остатка „человеческой личности", „человеческого достоинства"...».

...недурно также и знать личности человеков.— В примечании к «Письму из Москвы», в котором сообщалось о посещении Н. Ф. Павловым кн. П. А. Вяземского, Блюммер спрашивал: «Какого Вяземского? Неужели Петра Андреевича? Хорошему же делу он помощник!» Советом «знать личности человеков» Герцен подчеркивает резко отрицательное отношение к деятельности П. А. Вяземского (см. также о нем: «Правда ли?», «Под спудом», «La regata перед окнами Зимнего дворца», «Паки и паки о князе Петре Вяземском» — т. XIII наст. изд.; «Злоупотребление пятидесятилетий»— т. XV наст. изд.).

БЕЗ МАСОК

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих фактов. Познакомившись с Н. А. Серно-Соловьевичем еще в начале 1860 г.,

Герцен с пристальным вниманием следил за его деятельностью. Из письма Герцена к Огареву от 2 октября 1861 г. следует, что Герцен придавал особое значение публикации брошюры Серно-Соловьевича «Окончательное решение крестьянского вопроса» с указанием имени автора. В связи с колебаниями Серно-Соловьевича, сомневавшегося, ставить ли ему имя на своей брошюре, Герцен писал Огареву: «С.-Сол. не спасется переменой заглавия. В таких случаях надобно или вперед обдумывать, или идти до конца. Я статейку писать не стану ⟨Речь идет о предисловии к брошюре⟩. Мне подпись-то его дороже всего». В дальнейшем Герцен в своих статьях неоднократно цитировал приведенные в настоящей заметке строки из брошюры Серно-Соловьевича о публикации книги под его именем. Так, приведя в статье «1831—1863» эту же цитату, Герцен писал: «Когда я прочел эти строки в брошюре Серно-Соловьевича, мне казалось, что я, мы выросли; такие слова, такие выражения не существовали в николаевское время; они делают грань в истории, по которой можно мерить, сколько верст мы отъехали от *невавбенного* этапа» (см. т. XVII наст. изд.). Особо подчеркивал Герцен значение публикации этой брошюры с указанием имени автора в «Новой фазе русской литературы» и в «Письмах к противнику».

Включено в издания Л. А. Тихомирова (*Т*, 321) и М. К. Лемке (*Л* XV, 70).

Стр. 83. ... *эти слова ∽ Н. Серно-Соловьевича в предисловии к его замечательной брошюре о крестьянском деле, изданной в Берлине*...— Цитируется окончание предисловия к брошюре «Окончательное решение крестьянского вопроса. Н. Серно-Соловьевича», Берлин, 1861, изд. Ф. Шнейдера. Предисловие датировано «С.-Петербург. Июнь 1861». В этой брошюре Н. Серно-Соловьевич излагал свой революционно-демократический проект решения крестьянского вопроса в России, считая, что «крестьянский вопрос, нерешенный или, правильнее, искаженный положениями 19 февраля, разрешим только двумя способами: или общею выкупною мерою, или топорами; третьего исхода нет...» (стр. III).

Стр. 84. ...*А. Кошелев издает в Лейпциге свое решение земского вопроса.*— Имеется в виду брошюра А. И. Кошелева «Какой исход для России из нынешнего ее положения?», Лейпциг, 1862, издание Франца Вагнера, предисловие к которой цитируется (стр. III—IV) в заметке. О том, как создавалась брошюра, рассказывается в «Записках Александра Ивановича Кошелева», Berlin, 1884, стр. 138—139. Об отношениях Герцена с А. И. Кошелевым см. в обзоре М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» (*ЛН*, т. 41-42, стр. 596). Письма Кошелева к Герцену, за подписью «NN», опубликованы в «Вольном слове», 1883, № 58, стр. 10—11.

«ВЗГЛЯД НА ДЕЛА РОССИИ» Н. ТУРГЕНЕВА. ЛЕЙПЦИГ, 1862

Печатается по тексту *К*, л. 127 от 1 апреля 1862 г., стр. 1060, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Взгляд на дела России». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. Еще в 1857 г. в статье «Западные книги» Герцен поставил перед собой задачу (по просьбе корреспондентов, предложивших, чтобы «указывали в „Колоколе" на важнейшие литературные произведения на Западе и, в особенности, на книги о России») отмечать на страницах своей газеты новые издания, посвященные России. «С удовольствием исполним мы их жела-

ние и именно будем *указывать* на книги, но не больше <...>»,— писал Герцен (т. XIII наст. изд., стр. 92). Статья «Западные книги» была первой из этой серии; в дальнейшем именно Герцен выступал в «Колоколе» с рекомендациями, касающимися новых книг о России (см., например, «Постскриптум к статье о новых книгах»— т. XIII наст. изд.; «„Russia by a recent traveller", London, 1859»— т. XIV и др.). Настоящая заметка также относится к числу этих выступлений Герцена. Кроме того, данная в ней характеристика Александра I, который «хотел сделать многое и не сделал ничего», близка к оценке его действий в очерке «Император Александр I и В. Н. Каразин»: «сделать что-нибудь путного для русского народа *он не мог*» (наст. том, стр. 66).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л*, XV, 99).

В своей работе «Взгляд на дела России», опубликованной в «Русском заграничном сборнике», часть V, тетрадь II, Leipzig, 1862 г., Н. И. Тургенев дал общую характеристику политического и общественного положения России, раскрывая при этом исторические корни русского самодержавия. Видя в закрепощении крестьян основную причину отсталости России («Куда ни взгляните, вы везде и всегда найдете,— пишет Тургенев,— что всем беспорядкам, всем неустройствам, всем бессмысленностям в России главная причина лежит в закрепощении крестьян»— см. «Русский заграничный сборник», стр. 28), Тургенев приветствовал освобождение крестьян, называя Александра II «государем-освободителем». Большая часть книги Тургенева посвящена его предложениям по преобразованию цензуры, системы образования, судопроизводства, обновления общего государственного управления, финансов, армии и т. д., причем все эти предложения носили весьма умеренный характер и не затрагивали основ экономического и политического порядка Российской империи.

О взаимоотношениях Герцена с Н. И. Тургеневым см. во вступительной статье Ю. Г. Оксмана к публикации писем Тургенева к Герцену (*ЛН*, т. 62, стр. 583—586).

С т р. 85. ... *в 1819 году, подавал императору Александру I записку об ограничении помещичьей власти...*— Как сообщал Тургенев в своем предисловии к книге «Взгляд на дела России», его записка, названная «Нечто о крепостном состоянии в России», была написана для Александра I «по желанию» спб. генерал-губернатора графа Милорадовича (см. «Русский заграничный сборник», часть V, тетрадь II, стр. VII). В записке Тургенев утверждал, что только от самой самодержавной власти можно ждать освобождения крестьян. В ней Тургенев призывал устранить чрезмерную барщину, продажу людей поодиночке и т. д. Записка Тургенева, датированная 28 декабря 1819 г., была также опубликована в упомянутой выше тетради «Русского заграничного сборника» (см. стр. X—XXXVIII). В предисловии Тургенев вспоминал слова, сказанные Александром I гр. Милорадовичу по прочтении его записки, и, в частности, следующее обещание императора: «...как из этой записки, так и из других, которые я имею по этому предмету, я выберу все, что есть лучшего, и непременно сделаю что-нибудь» (там же, стр. VIII). Именно на эти слова Александра I намекает Герцен, говоря далее, что «*что-нибудь* сделал другой император».

«*Мои надежды ∞ заключает Николай Иванович свое предисловие ∞ постыдное пятно будет смыто с моей родной земли*».— Это предисловие Герцен цитирует с незначительными сокращениями (см. там же, стр. VIII—IX).

ПИСЬМА, ОТВЕТЫ, ПОПРАВКИ И ПР.
(Реут, Латышев)

Печатается по тексту *К*, л. 127 от 1 апреля 1862 г., стр. 1060, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Письма, ответы и проч.». Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени редакции «Колокола». Непосредственным поводом для нее послужило письмо неизвестного корреспондента к редактору «Колокола» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 241—242). Форма, в какой защищается в заметке мнение Огарева о закрытии университетов, свидетельствует о том, что она могла быть написана только Герценом. Герцен берет на себя ответственность за высказанное Огаревым, называет его мнение — «мнением *нашим*», мнением редакции «Колокола». Характерны для Герцена композиция и стилистические особенности заметки, в частности, использование исторического анекдота об обер-полицмейстере Рылееве, остроумно присоединенного к общему повествованию и употребленного для доказательства авторских положений (ср., например, аналогичное использование рассказа о предсмертных словах графа Ф. В. Ростопчина о декабристах в статье «Русские немцы и немецкие русские», т. XIV наст. изд., стр. 178).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 100).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 86, строка 6: в статьи *вместо:* в статьях

С т р. 85. *...мнение О г а р е в а о закрытии университетов...* — Имеется в виду статья Н. П. Огарева «Университеты закрывают!» (по поводу закрытия 20 декабря 1861 г. Петербургского университета), напечатанная в «Прибавлении» к л. 119-120 *К* от 15 января 1862 г. В этой статье закрытие университетов, этих, по выражению Огарева, «богаделен казенной науки», расценивалось как возможность для университетской молодежи стать «соединительным мостом между сословиями», сблизиться с народом, понести в массы проповедь социализма и той живой науки, целью которой является не чин, не диплом, а «образование народное, бессословное, повсеместное». В статье Огарева выражен, таким образом, один из наиболее ранних призывов «хождения в народ», получивший впоследствии широкое распространение в народническом движении 70-х годов.

С т р. 86. *...одна была читана в комитете министров ∞ ее приписывают Кавелину...* — Автором записки действительно был К. Д. Кавелин. Эта записка опубликована в *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., в составе «Материалов для истории гонения студентов при Александре II», под заглавием «Записка об университетском деле, о котором упомянуто в 116 л. „Колокола“» (стр. 990—995).

...если ее сравнить с л и п р а н д и а д о й московских жандармов науки и квартальных просвещения... — Речь идет об опубликованной в «Колоколе» «Исторической записке <...> по поводу происходивших в сентябре и октябре 1861 г. беспорядков между студентами Московского университета», содержавшей клевету на московское студенчество (примечание и заключение к этому документу см. на стр. 282 наст. тома; см. также комментарий на стр. 375—376).

В блаженные времена, когда за литературой ∞ смотрел ∞ Рылеев... — При Екатерине II обязанности цензуры в Петербурге были возложены на Управу благочиния, во главе которой стоял обер-полицмейстер Н. И. Рылеев, известный своей умственной ограниченностью. Полицейские чины, которым поручался просмотр книг, совершенно не разбирались в их содержании.

Одно написано в защиту Реута ∞в ответ на наш вопрос... — В заметке «Помещик Реут» (*К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020) сообщалось, что «*у витебского помещика Реута* мировой посредник нашел мужика, содержавшегося на цепи в заключении *больше года*, в продолжение этого времени его несколько раз подвергали пытке. Управляющий взял на себя дело и уехал в чужие края, вслед затем и помещик» В заключение заметки был поставлен редакционный вопрос: «Правда ли?»

Другое письмо — о г. Латышеве — мы оставляем до след. листа. — Сокращенное переложение письма о товарище председателя херсонской гражданской палаты Латышеве было напечатано в *К*, л. 128 от 8 апреля 1862 г., в отделе «Смесь», стр. 1067. В нем неизвестный корреспондент опровергал напечатанное в № 24 «Будущности» письмо херсонского помещика, утверждавшего, что Латышев заключал сделки на выгодных для себя лично условиях.

〈БРОШЮРА ШЕДО-ФЕРРОТИ〉

Печатается по тексту *К*, л. 128 от 8 апреля 1862 г., стр. 1068, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании следующих слов заметки: «За такую услугу нашему делу и лично мне можно охотно подвергнуться гомелиям *автора письма А. Герцена...*»

В письме к И. С. Тургеневу от 26 марта 1862 г. Герцен писал: «Они мне назло дозволили в Петерб〈урге〉 открытую продажу *Шедо-Ферроти* письма. Его раскупили в один день весь запас».

С т р. 87. *...под заглавием «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и пр.», дозволена в России...* — Подробно об этой брошюре см. в примечаниях к статье «По делу Брутов и Каэсиев III отделения» (т. XV наст. изд., стр. 402—403). Данная заметка вызвана сообщением журнала «Свободное слово» (выпуск второй за 1862 г., стр. 136—137) о том, что берлинский издатель Бер, у которого продавалась брошюра Шедо-Ферроти, получил от книгопродавца Дюфура из Петербурга телеграфный заказ на 600 экземпляров брошюры для открытой продажи в России. 12 апреля 1862 г. газета «Северная пчела» поместила (в № 97) объявление, в котором говорилось, что «на днях получится из-за границы и поступит в продажу» брошюра Шедо-Ферроти — «издание третье (второе распродано)». Действительно, в короткое время брошюра получила широкое распространение в России.

...подвергнуться гомелиям автора письма А. Герцена «с ответом и некоторыми примечаниями». — Т. е. подвергнуться поучениям Шедо-Ферроти, назвавшего свою брошюру «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне, с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» — «Lettre de Mr. Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique de D. K. Schédo-Ferroti», Berlin, 1862.

СЕНАТОРАМ И ТАЙНЫМ СОВЕТНИКАМ ЖУРНАЛИЗМА

Печатается по тексту *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., стр. 1077—1078, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья «Сенаторам и тайным советникам журнализма» направлена против программной статьи М. Н. Каткова «К какой принадлежим мы

партии?», опубликованной в февральской книжке «Русского вестника» (стр. 832—844). В этой статье Катков отрицал наличие в России политической жизни, а такие явления, как восстание декабристов, деятельность Белинского и Станкевича называл «игрой» в политику. Объявив все существующие в России в 1862 г. политические течения, партии и кружки «шутовскими», он с гордостью отмежевывался от них и заявлял о своей якобы особой надпартийной позиции, которая, по существу, означала полную солидарность с идеологией реакции.

В статье «Карьера» В. И. Ленин так охарактеризовал крутой поворот в воззрениях Каткова: «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 250).

Революционный демократ Герцен не мог не увидеть в политической философии Каткова защиту крепостничества. В статье «Сенаторам и тайным советникам журнализма» он разоблачил реакционную сущность взглядов этого бывшего либерала и западника и указал на общественно-политический подъем в России, заявив, что «вся Русь поднимается от тяжелого сна и идет на совершение судеб, которых главные черты начинают прорезываться из-за несущихся туч...»

На статью Герцена Катков ответил в № 20 «Современной летописи» за 1862 г. резкой статьей в адрес издателя «Колокола». Герцен писал, что Катков рассердился «за наш совет заниматься *математикой* и не тормозить мертвящей схоластикой юные порывы просыпающейся страны» (см. статью «Дурные оружия», наст. том, стр. 123).

Выступление Каткова было на руку русскому правительству, которое решило открыть в печати кампанию против «лондонского короля». Председатель цензурного комитета В. А. Цеэ в письме к одному провинциальному приятелю указывал, что в Москву дано было знать о желании двора «видеть что-нибудь солидное в лучшем тамошнем издании — „Русском вестнике“. Катков обещал исполнить просьбу и оправдать надежды, что ему было очень важно ввиду уже поданной частно записки о передаче ему „Московских ведомостей“ с 1863 года, за что здесь обещали замолвить слово. Как нарочно, скоро представился случай — король бросил вызов...» (*Л* XV, 454). Этим вызовом и явилась комментируемая статья, которой была начата полемика Герцена с Катковым (см. в наст. томе статьи «Дурные оружия», «Письмо гг. Каткову и Леонтьеву», «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» и комментарии к ним).

С т р. 88. *Studiate la matematicae, e lasciate le donne! Совет, данный Ж.-Ж. Руссо маленькой итальянкой.* — «Изучайте математику и бросьте женщин!»— неточная цитата из «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо (часть II, книга VII). У Руссо «Lascia le donne e studia la matematica».

История — это Мольеров мещанин ∞ не знающий, что он говорит прозой...— Мещанин Журден, главный персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», удивляется: «Я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой» (действие II, сцена 6).

...похожем на известную рыночную сцену в «Севильском цирюльнике»...— Герцен имеет в виду то место в комедии Бомарше «Севильский цирюльник», где Бартоло за денежное вознаграждение соглашается отказаться от притязаний на брак со своей воспитанницей Розиной, уступая ее графу Альмавиве (действие IV, явление 8).

...правдно таскаться по лагерю Валленштейновым капуцином, нагоняя схоластической дичью тоску и недоверие на ратников...— См. первую часть трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн»— «Лагерь Валленштейна» (явление 8).

С т р. 89. *...духовной защиты телесного стегания.* — В 1862 г. русский посланник в Бельгии, князь Н. А. Орлов написал «Записку об отмене телесных наказаний», в которой указывал, что телесные наказания — зло, уничтожающее достоинство человека и подавляющее в нем чувство чести. Митрополит Филарет выступил с возражениями против аргументов Орлова. Выдержки из «Записки» Орлова и «словоназидания» Филарета Герцен опубликовал в этом же листе «Колокола» (вступление, соединительные строки и заключение к этой публикации см. в наст. томе, стр. 283—284).

С т р. 89—90. *...наши Гизо Леонтьевского переулка и гнейстующие Кувени?*— Речь идет о направлении «Русского вестника» (редакция его помещалась в Леонтьевском переулке, в Москве), солидаризировавшегося со взглядами французского буржуазного историка Гизо и германского государствоведа Гнейста.

С т р. 90. *...как плакал умирающий Нерон...*— Римский император Нерон считал себя великим артистом и выступал в театре как певец и музыкант. Умирая, он со слезами воскликнул: «Какой артист погибает!»

С т р. 90—91. *...графа Нулина, п а т р и о т и ч е с к и радующегося, что «умы у нас уж развиваться начинают»...*— Герцен приводит слова графа Нулина из поэмы А. С. Пушкина «Граф Нулин».

С т р. 91. *«Если со временем ∽ м ы н е м о г л и б ы п р и м к н у т ь».*— Цитаты из статьи Каткова «К какой принадлежим мы партии?», напечатанной в февральской книжке «Русского вестника» за 1862 г. (стр. 832—844).

Убитый Лебедев?— Речь идет о студенте Петербургского университета Лебедеве, которому в дни студенческих волнений «разбили голову и разрубили скулу» (см. заметку «Подробности о 12/24 октябре» в т. XV наст. изд., стр. 272). В заметке «Еще мученик полицейских неистовств» (*К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г.) сообщалось, что Лебедев скончался.

13 мировых посредников в казематах?.. — В *К*, л. 126 от 22 марта 1862 г., был опубликован адрес тверского дворянства Александру II, в котором заявлялось о несостоятельности реформы 19 февраля и о необходимости предоставления крестьянам земли в собственность. Там же высказывалось требование собрания представителей всего народа, без различия сословий. 13 мировых посредников заявили о том (их заявление было также опубликовано в *К*, л. 126), что они считают для себя обязательным руководствоваться положениями, изложенными в адресе (редакционное заключение к этому заявлению см. в наст. томе, стр. 281). По распоряжению Александра II в Тверь был командирован генерал-адъютант Н. Н. Анненков, арестовавший всех 13 дворян, подписавших заявление. Мировые посредники были посажены в крепость и переданы сенатскому суду. Впоследствии их освободили, но запретили поступать на государственную службу, участвовать в выборах и быть избранными.

...московские профессора подали ∽ протест против ссылки Павлова ∽ т. е. я ошибся ∽ это петербургские профессора... — Имеется в виду «Адрес, поданный профессорами Петербургского университета министру просвещения», напечатанный в *К*, л. 129 от 15 апреля 1862 г. (заключительное замечание к нему см. в наст. томе, стр. 283).

...московские профессора послали донос Путятину... — См. комментарий к статье «Ученая Москва» (наст. том, стр. 375—376).

«Я был среди вас, и вы меня не узнали!»— Цитата из Евангелия от Иоанна (гл. XIV, 9).

ОТВЕТЫ М. Л. МИХАЙЛОВА

Печатается по тексту *К*, л. 131 от 1 мая 1862 г., стр. 1085—1086, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании текстуального совпадения рассказа о встрече автора статьи с В. Н. Паниным на пароходе — с тем, что вспоминал об этом факте Герцен в «Былом и думах». Ср. в настоящей статье: «последний русский сановник, которого я видел лет двенадцать тому назад, сановник первой величины, был Виктор Панин, сидевший согнувшись *в карете* на пароходе» и строки «Былого и дум»: «Один русский министр ‹к этому месту примечание Герцена: «Знаменитый Виктор Панин»› в 1850 г. с своей семьей сидел на пароходе в карете, чтоб не быть в соприкосновении с пассажирами из обыкновенных смертных. Можете ли вы себе представить что-нибудь смешнее, как сидеть в отложенной карете... да еще на море, да еще имея двойной рост?» (см. т. X наст. изд., стр. 21). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 117—119).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 93, строка 1: М. Л. Михайлова *вместо:* М. М. Михайлова

Подробности об отношении Герцена к аресту М. Л. Михайлова см. в наст. томе в комментарии к заметке «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге» (стр. 354—355).

ЧУДОТВОРНОЕ ДЕЙСТВИЕ ИМПЕРАТОРА

Печатается по тексту *К*, л. 131 от 1 мая 1862 г., стр. 1092, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка представляет собой типичное для Герцена обличительное выступление против царских сановников (М. Корф, В. Панин, Адлерберг). Стиль заметки также свидетельствует о ее принадлежности Герцену. В частности, характерно для Герцена ироническое обыгрывание роста Панина: «Не нужно ли еще кого выстирать уничтожением цензуры? Панина бы хорошо, да нельзя: корыта нет в целой империи, в котором Виктора Никитича можно было бы промыть до затылка». Слова «Александр Николаевич лечит у нас больных от духовной золотухи с необычайным успехом» текстуально близки следующей фразе из «Доктора Крупова»: «Вспомните романтизм — эту духовную золотуху, одну из злотворнейших психических эпидемий...» (т. IV наст. изд., стр. 267). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 124—125).

Стр. 96. ... *в средние века французские короли были очень полезны от золотухи ∞ король прикасался, и золотуха проходила.*— Французским, как и английским, королям приписывалась чудесная сила исцеления больных прикосновением рук. В связи с этим возложение королевских рук на больных входило в ритуал коронации: во Франции в последний раз оно имело место в 1824 г. при коронации Карла X.

Модеста Корфа государь радикально излечил от «Восшествия Николая на престол», давши ему случай выкупаться в уничтожении телесных наказаний...— Об отношении Герцена к книге М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» см. в его статье «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» (т. XIII наст. изд.). Говоря об участии М. Корфа в подготовке проекта уничтожения телесных наказаний, Герцен имеет в виду его деятельность на посту главноуправляющего II отделением, в котором велась вся подготовительная работа по составлению указа об отмене телесных наказаний. Указ был подписан Александром II 7/19 октября 1862 г.

SIMILIA SIMILIBUS

Печатается по тексту *К*, л. 131 от 1 мая 1862 г., стр. 1092, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени редакции «Колокола» («С истинным удовольствием извещаем...»). Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических (разоблачение деятельности III отделения и Тимашева и Шувалова в частности) и стилистических (характерное для Герцена употребление латинских выражений «in partibus infidelium» и «similia similibus») особенностей заметки. Иронически называя Тимашева и Шувалова «государственными людьми III отделения in partibus infidelium» (значение этого выражения см. в реальном комментарии), Герцен прежде всего имел в виду организацию ими агентуры III отделения за границей. Подобное же употребление этого выражения встречается в заметке «Еще глупее» (*К*, л. 213 : т 1 февраля 1866 г.): «Берг, граф Берг, вы обм нуты, вы ограблены, вы даром платите шпионишкам in partibus, они вас делают смешным...» (см. т. XIX наст. изд.). Разоблачая деятельность агента III отделения М. С. Хотинского за границей, Герцен называл его «миссионером-наблюдателем», по-видимому, имея в виду русское значение той же традиционной латинской формулы (см. в т. XVII «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский»). Ср. также использование этого выражения в заметке «Полицейский разбой в Москве» для оценки немецкой газеты «Kreuz-Zeitung»— «этой берлинской отрыжки III отделения, этого прусского застенка для русских дел, этого лазутчика in partibus, который хочет из *патриотизма* политическими намеками скрыть кулаки квартальных» (см. т. XIII наст. изд., стр. 72). Заголовок заметки «Similia similibus» употреблен именно в том смысле, как разъясняет его Герцен в статье «Г. Хотинский и III отделение»: «Требовать от нас доказательств *документальных* — старая шутка. Мы можем доказать только доносом на того, кто писал, но доносов мы не делаем или делаем их на основании similia similibus, исключительно на шпионов» (см. т. XVII наст. изд.).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 125).

С т р. 96. *Similia similibus.* — Герцен использует в иронически сокращенной форме латинское изречение «Similia similibus curantum» («Подобное излечивается подобным»), принадлежащее основателю гомеопатии Ганеману.

С т р. 97. *...in partibus infidelium...*— Герцен имеет в виду часть традиционной формулы «episcopus in partibus infidelium» («епископы в странах неверных»), употреблявшейся по отношению к главам церквей в местностях, завоеванных «неверными».

...о воспоследовавшей размолвке ∞ Т и м а ш е в а и Ш у в а л о в а.— О какой «размолвке» между Тимашевым и Шуваловым идет речь в заметке, установить не удалось.

<ОБЪЯСНЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 131 от 1 мая 1862 г., стр. 1092, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, с подписью: *И—р.* Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 97, строка 17: купчихи *вместо:* купчихе

Заметка написана Герценом в связи с опубликованием в «Северной пчеле» (№ 96 от 11 апреля 1862 г.) статьи В. Заочного (псевдоним публициста В. К. Ржевского), в которой автор, не называя имен, возмущался теми, кто употребляет в применении к «Северной пчеле» эпитет «официозная».

С т р. 97. *...дам недворянского звания обижают в собраньях и гимназиях...*— См. об этом в заметке «Преступные мальчишки в Твери» (наст. том, стр. 304—305).

...не пускают в сады, открытые для шляхты...— См. об этом в заметке «Notre premier premier и пути разобщения» (т. XV наст. изд., стр. 212).

...мы спросили (*«Колокол», лист 122 и 123*)...— См. заметку «Ернический тон русских газет» (наст. том, стр. 34—35).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ
<В ОТВЕТ НА НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ РОССИИ...>

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1101, где опубликовано впервые, с подписью: *Александр Герцен, Николай Огарев*. Этим заявлением открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Перепечатано в л. 134 *К*, стр. 1116, в качестве объявления.

Настоящее заявление от издателей положило начало основанию при редакции «Колокола» так называемого «Общего фонда», в задачу которого входил сбор денег, «предназначенных на общее наше русское дело». До организации этого фонда в редакцию «Колокола» деньги присылались или в гарибальдийский фонд, существовавший при редакции «Колокола» с 1859 г., или в фонд помощи нуждающимся студентам, основанный в 1861 г. «Общий фонд», учрежденный в мае 1862 г., предназначался «для пособия русским эмигрантам» и для материальной поддержки революционной пропаганды. По предложению Герцена денежные взносы в «Общий фонд» должны были поступать от эмигрантов, которым предлагалось вносить в кассу «Общего фонда» от 5 до 10% своего годового дохода (см. заметку «Общий фонд» на стр. 293 наст. тома), от русских людей, временно находящихся за пределами России, а также из самой России.

В течение 1862—1864 гг. в «Колоколе» постоянно помещались отчеты о поступлении средств в «Общий фонд». В них не раз подчеркивалось, что поступающих денег не хватает даже на помощь нуждающимся эмигрантам. 1 сентября 1863 г. в л. 170 «Колокола» в заметке «Общий фонд» сообщалось, что в «Общем фонде» «не только ничего нет, но дефицит растет с необходимостью поддерживать русских, не имеющих возможности возвратиться в Россию» (см. т. XVII наст. изд.). В 1864 г. приток денег в «Общий фонд» почти совершенно прекратился.

ULTIMATUM

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1101—1102, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 101, строка 8: Мы молча будем вас презирать *вместо:* Позвольте нам молча презирать вас (на основании «Erratum», *К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1116).

В марте 1862 г. в английских и немецких газетах вновь, уже в третий раз, появились голословные обвинения М. А. Бакунина в том, что он агент русского правительства. Теперь это обвинение распространяли и на Герцена. В письме к М. К. Рейхель от 16 марта 1862 г. Герцен сообщал: «Здесь опять море гадостей. Немцы с одним английским маньяком снова атаковали Бакунина, как русского агента от правительства. Пошла перебранка; кстати и нас припутали. Все это скучно». Первой газетой,

которая бросила это обвинение, была, по-видимому, английская газета «The Free Press», основанная английским политическим деятелем и публицистом Давидом Уркхардом (письмо Герцена и Огарева к издателю «The Free Press», опровергающее клевету этой газеты, см. в наст. томе, стр. 78—79). 28 марта 1862 г. Герцен писал И. С. Тургеневу: «Уркхард напечатал ругательную статью на Бакунина. Мы послали протест. Я жду ответа и написал „Ультиматум р. р. с.“, который, вероятно, вам придется по вкусу, а, впрочем, как знать». Из этого письма следует, что статья Герцена «Ultimatum» была написана еще в марте 1862 г.

С т р. 99. *р. р. с.*— Par procuration — по доверенности, по полномочию (франц.) — сокращение, употреблявшееся в деловой переписке.

...клевету, выдуманную еще в 1848, что Бакунин агент русского правительства...— Впервые клеветнические слухи, распространявшиеся русским посольством в Париже, о том, что Бакунин — агент царского правительства, появились в 1848 г. Вспоминая об этом в «Былом и думах» (см. т. XI наст. изд., стр. 157—160), Герцен несправедливо обвинял К. Маркса в распространении и утверждении этих слухов (см. об этом в комментариях к главе «Немцы в эмиграции»— т. XI наст. изд., стр. 682).

Такого рода нелепости ∞ всплывают в тронутом мозгу неузнанных государственных мужей Великобритании...— Герцен имеет в виду обвинения, высказанные в адрес Бакунина в газете Д. Уркхарда, уничтожающую характеристику которого Герцен дал на страницах «Былого и дум» (см. т. XI наст. изд., стр. 158—159). Герцен намекает также на выступления Уркхарда против политики правительства Пальмерстона (см. об этом в т. XI наст. изд., стр. 282 и комментарий к ней) и на неудавшуюся политическую карьеру Уркхарда («неудавшиеся министры»). С именем Уркхарда было связано и выступление иностранной прессы против Герцена, на которое он отвечал в настоящей статье (см. письмо к Тургеневу от 28 марта 1862 г.). Упоминание о «неузнанных государственных» людях Великобритании, «сошедших с ума», перекликается с той оценкой, которую дал Герцен Уркхарду в письме к Л. Пианчиани от 4 мая 1854 г. как «вырвавшемуся из бедлама сумасшедшему», утверждающему, что «все русские — царские агенты, что Маццини подозрителен и т. д.» В письме же к М. Мейзенбуг от 14 августа 1858 г. Герцен высказывал предположение, что Уркхард принимает и его за русского агента.

Мы протестовали так, как протестовали в 1848 и в 1854.— О клевете на Бакунина, распространявшейся в 1848 г., см. выше. Говоря о вторичном распространении клеветы на Бакунина, Герцен допустил ошибку в дате, приурочив этот факт к 1854 г. Несомненно, что Герцен имеет в виду ту полемику, которая развернулась в 1853 г. в связи с появлением в английской газете «The Morning Advertiser» от 2 августа письма за подписью «Ф. М.», в котором снова ставился вопрос о том, не является ли Бакунин агентом царского правительства. См. об этом в «Былом и думах» (т. XI наст. изд., стр. 159—160 и комментарии на стр. 683—684), а также письма Герцена к издателю «The Morning Advertiser»— «Русский агент Бакунин» и «Кто такой „Ф. М.“?» (т. XII наст. изд., стр. 120—125 и комментарии на стр. 513—520).

С т р. 100. *Протест наш...*— См. в наст. томе письмо «Издателю „The Free Press“» (стр. 78—79).

...мы думали, что наше призвание ∞ и в том, чтоб свидетельствовать перед Западом о вовникающем русском мире.— 1 марта 1849 г. во введении к книге «С того берега»—«Прощайте!»— Герцен писал, что одной из его задач за границей является «знакомить Европу с Русью» (см. т. VI наст. изд., стр. 17).

СМЕРТЬ ПИОТРОВСКОГО, ДОНОСЫ ФИЛАРЕТА, ИНКВИЗИЦИЯ НА ВСЕХ ПАРАХ

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1108, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Смерть Пиотровского». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 132—133) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л*, XV, 609). Нынешнее местонахождение этого документа неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической и стилистической близостью статьи другим его произведениям. Так, например, характеристика, данная здесь С. П. Шевыреву и М. П. Погодину, несомненно, повторяет ту, которую давал им Герцен в статье «Ум хорошо, а два лучше» (см. т. II наст. изд.) и в четвертой части «Былого и дум» (ср. в частности: «Издатели „Москвитянина"... убедились наконец сами, что ни рубленной сечкой погодинских фраз, ни поющей плавностью шевыревского красноречия ничего не возьмешь в нашем испорченном веке»— см. т. IX наст. изд., стр. 168). Упоминая о «журнальном союзе» Шевырева и Погодина, Герцен продолжает ироническое обыгрывание темы «журнального брака» (т. II наст. изд., стр. 116) издателей «Москвитянина».

Статья Герцена направлена против московского митрополита Филарета, мракобеса, деятельность которого не раз была объектом разоблачительных выступлений «Колокола» (см. «Гродненская история (Симашко, Филарет)» — т. XIII наст. изд., «Исполин просыпается!» — т. XV наст. изд. и др.).

Еще в программном «Предисловии к „Колоколу"» Герцен указывал, что одной из главных его задач является борьба за «освобождение податного состояния от побоев» (см. т. XIII наст. изд., стр. 8). С тех пор борьба за отмену телесных наказаний последовательно велась Герценом в «Колоколе» (см., в частности, его статьи: «Сечь или не сечь мужика?» — т. XIII наст. изд.; «Розги долой!», «Константин Николаевич за линьки» — т. XIV наст. изд.; «Фрегат „Генерал-адмирал" и швабра», «Мадам Шпейер и воз розог» — т. XV наст. изд. и т. д.). В 1862 г. эта борьба особенно обострилась в связи с обсуждением закона об уничтожении телесных наказаний (см. об этом подробнее в комментарии к заметке «Панин и смешение полов», наст. том, стр. 395).

Стр. 102. *...за Филарета вступился в Париже ∞ С. П. Шевырев.*— 19 апреля 1862 г. в Париже С. П. Шевырев прочел публичную лекцию о Филарете. В письме к М. Погодину от 11/23 апреля 1862 г. Шевырев сообщал: «В великую субботу я говорил о Филарете 2 часа. Было всего 35 человек. Но лекция удалась. Филарет, как проповедник, предстал во всей своей глубине и силе. Молва пошла о лекции. Многие сожалели, что не были <...>. Лекции у меня говорятся спокойно и ясно. Только в заключении о Филарете расчувствовался. Вспомнил Москву, воскресную полночь, звон колоколов — не мог договорить. Сердце переполнилось. Слезы прекратили речь <...> Многие из слушателей были тронуты и плакали. Места из проповедей Филарета приводили многих в чувства и слезы» (см. «Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве» М. Погодина в «Журнале министерства народного просвещения» за 1869 г., № 2, стр. 433—434). Источник сведений Герцена о лекции Шевырева — неизвестен. Называя далее Шевырева «итальянским», Герцен иронизирует

над постоянными упоминаниями Шевыревым своих итальянских впечатлений (см. об этом также в «Очерках гоголевского периода русской литературы» — Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 107, 119—121).

...телесные наказания у нас очень народны ∞ «за битого двух небитых дают».— Герцен намекает на происшествие, случившееся с Шевыревым 14 января 1857 г., когда на заседании совета Московского художественного общества произошел спор между Шевыревым и гр. В. А. Бобринским, закончившийся дракой. После этого инцидента по повелению Александра II оба были подвергнуты взысканиям, а Шевырев уволен от должности профессора, и вскоре выехал за границу. Герцен узнал об этом из писем Н. А. Мельгунова и И. С. Тургенева (см. письмо Н. А. Мельгунова от 28 февраля 1857 г.— *ЛН*, т. 62, стр. 346, и письмо И. С. Тургенева от 5 марта 1857 г.— *Письма КТГ*, стр. 107—108). О впечатлениях Герцена от известий об этом эпизоде см. в его письмах к И. С. Тургеневу от 2 марта 1857 г. и М. К. Рейхель от 14 марта 1857 г.

Стр. 103. *«Домашняя беседа» 1862, в 13 выпуске, марта 31, напечатала следующие каннибальские строки...*— Далее Герцен приводит полный текст заметки из «Домашней беседы» (вып. 13 от 31 марта 1862 г., стр. 306), в которой сообщалось о смерти И. Пиотровского. Курсив в заметке принадлежит Герцену. Приводимая Герценом заметка представляет собой отклик «Домашней беседы» на следующие события. В № 256 «Северной пчелы» от 15 ноября 1861 г. была напечатана рецензия И. Пиотровского, в которой он критически отозвался о сборнике А. Невского «Избранные места из святых евангелистов», особенно о его православно-церковном стиле. В ответ на рецензию Пиотровского в 49 выпуске «Домашней беседы» от 9 декабря 1861 г. (стр. 974—976), в разделе «Блестки и изгарь», появилась статья, резко направленная против той оценки, которая была дана сборнику И. Пиотровским в «Северной пчеле». Статья шла без подписи, но принадлежала, по-видимому, редактору-издателю «Домашней беседы» В. Аскоченскому. «Домашняя беседа» так резко отозвалась на рецензию Пиотровского, поскольку усмотрела в ней преднамеренно кощунственное отношение к церкви, к Евангелию, к богу. В заключении этой статьи содержался, по сути дела, призыв к церковному суду над Пиотровским. «Где ратоборцы воинствующей на земле церкви Христовой?»— спрашивал автор. Одним из таких «ратоборцев» оказался московский митрополит Филарет, названный в заметке «Домашней беседы» «московским священнослужителем» (эти слова Герцен специально выделил курсивом), который откликнулся на этот призыв «Домашней беседы».

Письмо ∞ напечатано в «Душеполезном чтении» и особой брошюрой, но не вполне, под заглавием «Выписка из письма московского священнослужителя в Петербург, декабря 17 дня 1861».— В журнале «Душеполезное чтение» за 1862 г. (часть первая, стр. 3—9) была опубликована без указания имени Филарета «Выписка», точное название которой упоминает Герцен. Документ этот, уничтожающую характеристику которого дает Герцен, является типичным образцом борьбы русской церкви против передовой общественной мысли.

...частные доносы на статьи с означением страниц, с выписками.— В документе указывалось на публикацию в «Современнике» статьи, проповедующей «материализм — учение, конечно, не дружное с религиею и нравственностью», а также на содержащиеся в статье «Петр Великий как юморист» («Светоч», 1861, кн. IX) оскорбления царского рода и религии.

Пиотровского инквизитор указал как отступника от Христа...— В «Выписке» статья И. Пиотровского приводилась как пример недопустимого критического отношения к словам Христа из Евангелия. «Так судящий Христа, — писал Филарет, — видно, не имеет притязания

быть и почитаться верующим во Христа. А провозглашая свой суд в народе, он, видно, надеется заслужить рукоплескания за свое свободное суждение и желает распространить свой образ мыслей» («Душеполезное чтение», стр. 8).

...прочел свои поминки Аскоченский...— Подразумевается приводимая в статье заметка из «Домашней беседы»— «Страшное извещение».

В следующем листе мы перепечатаем страницу из духовной барковщины Филарета.—Упоминаемая статья — об отношении Филарета к телесным наказаниям — была напечатана не «в следующем листе», как предполагал сделать Герцен, а в листах 135 от 1 июня 1862 г. (стр. 1120—1121) и 136 от 15 июня 1862 г. (стр. 1127—1129) под названием «Филарет и розги (Письмо к издателю)». Примечание к этой статье см. в наст. томе, стр. 289 (комментарий на стр. 461).

ПИСЬМО ОТ ОФИЦЕРОВ

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1117, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

• Автором письма, полученного редакцией «Колокола», был русский офицер А. А. Потебня, один из организаторов и руководителей тайной революционной организации «Комитет русских офицеров в Польше», входившей в общество «Земля и воля». Летом и осенью 1862 г. Потебня приезжал в Лондон для встречи с Герценом и Огаревым, с которыми находился в постоянном контакте. В 1863 г. Потебня погиб в бою, сражаясь за освобождение Польши (см. в т. XVII наст. изд. некролог «А. А. Потебня»).

МОСКВА НАМ НЕ СОЧУВСТВУЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1117—1118, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р* · Автограф неизвестен.

Непосредственным поводом для написания этой статьи послужило письмо Н. А. Мельгунова от 17 апреля 1862 г. (см. *ЛН*, т. 62, стр. 384—385).

Письмо Мельгунова помогло Герцену обобщить свои мысли по поводу происходившего в начале 60-х годов процесса идейного размежевания в русском общественном движении. Крестьянские и студенческие волнения в 1861 г., события в Польше вызвали жестокую реакцию со стороны царского правительства, ощутившего реальную опасность надвигающейся революции. В рядах либералов началось смятение, приведшее многих в лагерь реакции.

«...Между нами и бывшими близкими людьми в Москве,— пишет Герцен 16 марта 1862 г. М. К. Рейхель, имея в виду Корша, Кетчера и других,— все окончено». В июне Герцен окончательно порвал с Кавелиным, наиболее откровенно высказавшим недовольство деятельностью «Колокола». Московские либералы хотели бы видеть в Герцене критика и обличителя отдельных недостатков государственного аппарата царской России, но они боялись Герцена — «политического агитатора», «главу революционной партии», стремящейся «водворить у нас новый порядок дел, и если нельзя мирными средствами, так переворотом» (см. *Письма КТГ*, стр. 60).

Между тем Герцен, все яснее понимавший, что возглавить революционное движение в России сможет только революционно-демократическая

интеллигенция, этот «новый кряж людей», «эти новые люди, эти нравственные разночинцы», как он назвал их в статье «1831—1863» (см. том XVII наст. изд.),— «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14). Мы с народом русским, мы с мужиками, а не с сенаторами»,— заявил Герцен в заметке «Заговор» (см. т. XV наст. изд., стр. 140). В программе герценовского «Колокола» появляется требование «черного передела»: полной ликвидации помещичьего землевладения без права помещиков на выкуп.

Стр. 105. *Еще р. р. с.*— Герцен указывает здесь «еще», подразумевая связь настоящей статьи со статьей «Ultimatum», где он также употреблял форму «р. р. с.» (см. наст. том, стр. 99 и 387).

...историческое общество, легко перевариваюшее соборные доносы университетских приставов науки...— Имеется в виду «Историческая записка...» московских профессоров Путятину (см. комментарий к статье «Ученая Москва», стр. 375—376 наст. тома).

...шляхетную газетщину...— Герцен намекает на реакционную газету «Наше время», издававшуюся Н. Ф. Павловым.

...о розге архипастырское умиление Филарета...— Имеется в виду выступление митрополита Филарета в защиту телесных наказаний (см. примечание к стр. 89, а также вступление, соединительные строки и заключение к публикации «Князь Орлов и Филарет митрополит», стр. 283—284 наст. тома).

...скромное место на листах проскрипций Английского клуба и византийского университета...— Проскрипции — списки, в которые в древнем Риме заносились лица, объявленные вне закона. В данном случае речь идет о московской аристократии, своеобразным центром которой был знаменитый Английский клуб, и о реакционной профессуре, группировавшейся в Московском университете (иронически названном «византийским»).

Стр. 106. *В Москве кафедра Грановского выросла в трибуну общественного протеста.*— О роли Грановского и его лекций см. в «Былом и думах», часть IV, глава XXIX (т. IX наст. изд., стр. 121—132).

Москва обойдена Тверью и Харьковом, Владимиром и Петербургом...— Говоря о Москве начала 60-х годов, как об оплоте консервативных и реакционных общественных настроений, Герцен подчеркивает, что эти настроения не были характерны для всей России, подразумевая, в частности, адрес тверского дворянства Александру II (см. наст. том, стр. 383), революционные выступления студентов Петербурга, Харькова и других городов.

...в дворянском собрании — предложение Безобразова.— О предложении Н. А. Безобразова см. в заметке «Дворянская крамола» (наст. том, стр. 33—34).

Стр. 107. *...перед заревом Москвы «померкло солнце Аустерлица».*— Герцен перефразирует строки стихотворения Пушкина «Наполеон»:

Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

РУФИН ПИОТРОВСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1118—1119 и л. 136 от 15 июня 1862 г., стр. 1125—1127, где опубликовано впервые. Подписи в обоих листах: *И—р.* В л. 136 статья названа «Записки Руфина Пиотровского». Тот же заголовок дан и в *ОК*, л. 136. В *ОК*, л. 135, статья названа «Руфин Пиотровский». В л. 135, стр. 1119 есть указание: «(Продолжение в след. листе)», в л. 136 напечатано: «(Продолжение)». Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в «La Cloche», №№ 1 и 2.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 114, строка 19: вроде Голофеева *вместо:* вроде Голофеев (*по смыслу*).

Статья написана в связи с опубликованием польским публицистом Юлианом Клячко отрывков из записок Руфина Пиотровского, участника польского восстания 1830—1831 гг. После поражения восстания Пиотровский эмигрировал во Францию, откуда в 1843 г. вернулся в качестве эмиссара в Россию, но был схвачен в Каменец-Подольске и осужден на вечную каторгу в Сибири. Проведя два года на Екатерининском заводе, Пиотровский совершил побег и в сентябре 1846 г. снова оказался в Париже. Записки польского изгнанника заинтересовали Герцена правдивым освещением «закулисной истории николаевского царствования» и самой личностью этого «кроткого страдальца». В 1863 г. по инициативе А. И. Герцена, в Берне вышел русский перевод записок Руфина Пиотровского.

С т р. 114. *...с рассказами «русского ссыльно-каторжного» (Львова)...*— Герцен имеет в виду петрашевца Ф. Н. Львова, напечатавшего в «Современнике» (1861 г., № 9, стр. 107—127) «Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного».

КАПИТАН АНДРЕЕВ И МАТРОСЫ

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1121—1122, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Статья написана от имени редакции «Колокола» («Мы получили письмо...» и т. д.) на основе материала, полученного в качестве возражения на заметку «„Олег" и Андреев» (см. т. XV наст. изд.). На принадлежность Герцену указывает следующее редкое словоупотребление, встречающееся как здесь («Письмо, в котором рассказывается очень милая история *навального* учения»), так и в «Былом и думах»: «Ну, думаю, авось, *навального* учения не дадут под моими окнами» (т. IX наст. изд., стр. 72).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 118, строка 9: совершенного *вместо:* современного (*по смыслу*).

С т р. 117. *...Андреев не был виновен в смерти двух матросов* ∞ (*«Колок.», лист 109*).— В л. 109, в заметке «„Олег" и Андреев» (см. т. XV наст. изд.) сообщалось о жестоком обращении капитана фрегата «Олег» Андреева с матросами и, в частности, о гибели по его вине двух матросов. Письмо неизвестного корреспондента, полученное редакцией «Колокола», опровергало это сообщение.

С т р. 118. *Пирей.*— О получении корреспонденции из Пирея Герцен сообщал также на страницах «Былого и дум», рассказывая о «забавной переписке», которую вел «Колокол» с офицерами «Великого адмирала»: «Мы поместили как-то в „Колоколе" несколько слов об этом ⟨об истязаниях матросов⟩. Вдруг получаем из Пирея ответ от имени большинства офицеров, что это неправда... от имени, но без имени» (т. XI наст. изд., стр. 306).

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1124, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Автограф неизвестен.

Публикация «Речи А. Герцена, сказанной им при открытии Вятской публичной библиотеки, 6 декабря 1837 года», вызвавшая данное объяснение Герцена, появилась сначала в «Вятских губернских ведомостях» от 21 апреля 1862 г. (№ 16), а затем была перепечатана в «Северной пчеле» от 9 мая 1862 г. (№ 124). Конечно, не случайно именно в 1862 г., когда министр народного просвещения А. В. Головнин организовал травлю Герцена в легальной русской печати, редактор «Вятских губернских ведомостей» Н. Золотницкий решился опубликовать на страницах своей газеты давно забытую речь, самим Герценом названную «плохой» и «исполненной уступок». Во всяком случае без разрешения из Петербурга он не посмел бы не только напечатать статью человека, объявленного в России государственным преступником, но и открыто назвать его имя. Желая скрыть истинную цель публикации, Н. Золотницкий сопроводил ее пространным подстрочным примечанием, в котором отметил, что редакция еще в 1838 г. обещала напечатать данную речь, но не выполнила своего обещания. Он так объяснил появление речи на страницах «Вятских губернских ведомостей»: «В настоящее время, когда дело обновления Вятской публичной библиотеки встретило в здешнем обществе полное сочувствие, когда каждое событие из прошедшей и настоящей жизни этого учреждения интересует публику, местная газета считает обязанностью перепечатать речь г. Герцена, как для ознакомления общества со взглядами человека, принимавшего в свое время участие в устройстве библиотеки, на назначение „этого храма мысли", так и для сохранения на своих страницах материала для истории библиотеки». Это «безобидное» объяснение не могло, конечно, ввести в заблуждение ни врагов, ни друзей Герцена. Тотчас же после получения в Петербурге номера «Вятских губернских ведомостей» с текстом речи Герцена, последняя была дословно перепечатана в «Северной пчеле». Позже, 30 мая, в передовой статье «Северной пчелы» (№ 143) П. С. Усов пояснил мотивы, которыми он руководствовался при перепечатке речи Герцена: «Эту речь мы перепечатали из „Вятских губернских ведомостей" как документ, и придаем этой речи два важные, по современным обстоятельствам, значения: 1) признание людей к почтению, которое человек обязан оказывать науке, и 2) указание, как Герцен держал себя тогда в тех условиях, в которые он был поставлен, и в них умел служить честному делу, не драпируясь ни в какие багряные тоги и никого не увлекая к опасным занятиям, в известных условиях положительно вредным».

В статье председателя с.-петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ «А. В. Головнин и его отношение к А. И. Герцену» содержится интересный рассказ об отношении шефа жандармов В. А. Долгорукова к появлению в «Северной пчеле» речи Герцена: «Князь встретил меня крайне встревоженный, с вопросом, кто тот злополучный цензор, который разрешил перепечатать в „Северной пчеле" статью из „Вятских ведомостей", повторяя несколько раз, что нельзя допускать, чтобы имя государственного преступника упоминалось в печати. Я ему отвечал, что здесь дело идет не о государственном преступнике, а о журналисте, которого имя упоминается ежедневно в обществе и которого статьи читаются нарасхват, хотя и тайно; что статья пропущена не цензором, а мною, под личною моею ответственностью, и что я его убедительно прошу повременить своим суждением об этой статье не более одной недели, т. е. до получения первого следующего номера „Колокола" из Лондона. Князь В. А. Долгоруков <...> согласился на мое предложение и, прочитав в следующем номере „Колокола" желчные нападки Герцена на „Северную пчелу" за напечатание старинной статьи, столь нелестной для его самолюбия и идущей вразрез с его нападками на наше высшее правительство,— при свидании сказал мне: „Извиняюсь перед вами, вы были правы, вам и книги в руки"» («Русская старина», 1897, № 11, стр. 275—277).

В редакционной статье, напечатанной в № 212 от 7 августа 1862 г.,

«Северная пчела» еще раз коснулась вопросов, связанных с публикацией речи на ее страницах и с ответом, содержавшимся в «Личном объяснении» Герцена.

С т р. 119. *...я произнес плохую речь...*— «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года» напечатана в т. I наст. изд., стр. 366—368.

...на месте губернатора Тюфяева был Корнилов...— Характеристика А. А. Корнилова дана Герценом в «Былом и думах», часть II, глава XVII (см. т. VIII наст. изд., стр. 296—297).

Он пристал ко мне с просьбой сказать речь...— Речь была произнесена на официальном торжестве открытия библиотеки в Вятке, приуроченном начальством ко дню именин Николая I.

С т р. 120. *...бумага о моем переводе была получена, Жуковский и Арсеньев писали, что они больше сделать не могли...* —О переводе из Вятки во Владимир Герцен узнал 28 ноября 1837 г. (см. письмо к Н. А. Захарьиной от 23—30 ноября 1837 г.). Высочайший приказ о переводе пришел немного позже, 30 ноября. Письмо В. А. Жуковского и К. И. Арсеньева, о котором упоминает здесь Герцен, нам неизвестно. В письме к Н. А. Захарьиной от 9 декабря 1837 г. Герцен писал: «Арсеньев отвечает ‹...› что в конце января подастся представление обо мне государю от наследника». Вероятно, именно в этом письме сообщалось, что перевод Герцена во Владимир не удовлетворил Арсеньева и Жуковского, они хлопотали о его переводе в Москву и получили от наследника согласие подать просьбу об этом Николаю I в январе. Как известно, эта просьба не была удовлетворена.

...в прошедшем году я получил мою статью из «Владимирских губернских ведомостей» (начала 1838 года) об открытии публичной библиотеки во Владимире.— В прибавлениях к «Владимирским губернским ведомостям» от 26 февраля 1838 г. (№ 8) была напечатана статья «Владимирская публичная библиотека», подписанная Герценом. В этой статье в основном говорится о книжном фонде Владимирской библиотеки и об истории ее создания. Никаких упоминаний о том, что эта статья посвящена открытию библиотеки, нет; больше того, из статьи ясно, что библиотека была открыта задолго до приезда Герцена во Владимир. В статье содержатся теплые слова о Н. С. Мордвинове, возможно, именно те, о которых в настоящем «объяснении» говорит Герцен.

...моим товарищем по редакции — кандидатом Небабой (*см. «Былое и думы»*).— Д. В. Небаба, учитель математики во владимирской гимназии, совместно с Герценом редактировал неофициальную часть прибавлений к «Владимирским губернским ведомостям». О Небабе рассказывается в XVIII главе второй части «Былого и дум» (см. т. VIII наст. изд., стр. 306—307).

ПАНИН И СМЕШЕНИЕ ПОЛОВ

Печатается по тексту *К*, л. 136 от 15 июня 1862 г., стр. 1132, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается прежде всего на том основании, что все заметки отдела «Смесь» в листе 136 «Колокола» принадлежали одному Герцену. В письме к сыну от 13 июня 1862 г. Герцен сообщал: «...„Смесь“ Чернец‹кому› послал, но очень мало». В л. 136 отдел «Смесь» действительно очень небольшой, но с явными следами работы Герцена. Корректуру же л. 136 Герцен не держал (13 июня он писал: «Хорошо, кабы Черпецк‹ий› догадался мне прислать mise en page»), а получив

этот лист, сообщал 15 июня Н. П. Огареву: «„Колокол“ получил. Ошибки есть, и варварские. Кельсиеву это скажи, если увидишь».

О принадлежности Герцену настоящей заметки свидетельствуют ее тематическая и стилистическая близость к статьям, разоблачающим деятельность В. Н. Панина, а также характерные для Герцена насмешки над ростом Панина.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 211).

В январе 1862 г. Государственным советом был подготовлен указ, согласно которому от наиболее жестоких телесных наказаний освобождались женщины, лица духовного звания, интеллигенция и крестьяне, занимающие выборные должности. Указ широко обсуждался в правительственных кругах. В. Ф. Одоевский отмечал в своем дневнике: «Про Панина говорят, что он один отстаивает телесные наказания. и в особенности *для женщин*; ибо, говорит он, я вам скажу, как эксперт, женщина совсем не человек: это я вижу беспрестанно по дѣлам: отравила мужа, отравила мужа, отравила мужа» (см. «Текущую хронику и особые происшествия» В. Ф. Одоевского, запись от 28 января 1862 г.— *ЛН*, т. 22-24, стр. 144). Указ «О некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных» был обнародован только в апреле 1863 г.

‹ЗАРЕВО›

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1133, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Заглавие взято из *ОК*.

Принадлежность заметки Герцену определяется автографом, хранящимся в *ПБ* (см. «Варианты»).

Автограф заметки «Зарево» представляет собой часть листа, к которому внизу приклеена часть другого листа с автографом заметки «Злодейство белевской помещицы Муромцевой» (см. в наст. томе, стр. 128). Автограф имеет двойную правку, чернильную и карандашную, рукой Герцена. Вдоль карандашной линии с левой стороны автографа чернильная пометка: «В начале», что является указанием на публикацию заметки в качестве передовой.

В ночь с 15 на 16 мая 1862 г. (ст. ст.) в Петербурге начались пожары, которые продолжались более двух недель. Каждый день газеты печатали об этом все новые и новые известия. 21 мая сгорело три улицы на Большой Охте, 22-го был большой пожар по Ямской улице, 23 и 24 мая пожары охватили центральные улицы Петербурга. В «Современной летописи» за июнь месяц (№ 23) была напечатана корреспонденция «Петербургские пожары», рассказывающая подробности о грандиозном пожаре в Щукинском дворе (так назывался Мариинский рынок): «Пожар начался в понедельник, 28 мая, в пять часов пополудни и, раздуваемый сильным и порывистым западным ветром, продолжался всю ночь, несмотря на усиленные действия пожарных команд. Весь квартал, занимаемый Апраксиным и Щукиным дворами, состоявший внутри из сплошной массы деревянных построек, ‹...› истреблен совершенно» (стр. 16).

Герцен с большим волнением следил за сообщениями о пожарах в Петербурге. В письме к Н. П. Огареву от 21 июня 1862 г. он писал: «Пожары в России идут своим чередом. Ждем газеты всякий день с трепетом».

Когда писалась заметка «Зарево», Герцен еще не знал, что провокационные слухи, которыми были полны все русские газеты, об ответственности за пожары революционной молодежи, особенно студенчества, специально распускались царским правительством (см. об этом в комментарии к заметке «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве», наст. том, стр. 423—424). Реакционная печать поставила петербургские пожары в связь с некоторыми лозунгами только что появившейся прокламации «Молодая Россия» и начала в ряде газет и журналов клеветническую кампанию против демократического лагеря (подробнее об этом см. в статье С. Рейсера «Петербургские пожары 1862 года» — «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 91—115).

ДУРНЫЕ ОРУЖИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1139—1140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И—р*.

В *ПБ* хранится автограф статьи, состоящий из четырех листов большого формата (с авторской нумерацией) и пятого ненумерованного листа. Все листы склеены из разных кусков, имеют чернильную и карандашную правку рукой Герцена (см. «Варианты»). На первом листе, в верхнем левом углу помета рукой Герцена: «Смесь». На втором листе наклеена вырезка из «Современной летописи», содержащая текст от слов: «Неужели суждено...» до «...подобные явления...» (стр. 124 наст. тома; см. вклейку между стр. 128—129). Слова «свободному артисту» подчеркнуты Герценом. Перед подстрочным примечанием «Должно быть ∞ Ей-богу, не знаем» (стр. 124) указание: «Под‹строчное› заме‹чание›». На четвертом листе подпись под статьей дана полностью: «Искандер». Пятый, ненумерованный, лист содержит текст подстрочного примечания: «Действительно, нам приходится сомневаться ∞ Вы еще ждете мессию...» (стр. 125 наст. тома); затем следует помета Герцена: «по печатному, стр. 1078 до конца № 130», представляющая собой указание на то, что далее следует цитата из статьи «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (см. наст. том, стр. 92). На этом пятом листе — автограф Герцена: текст напечатанного в том же 137 листе *К* объявления «От редакции ‹Мы получили на днях 764 фр...›» (см. наст. том, стр. 290 и варианты), за подписью: «И—р».

«Современная летопись», № 20 (май 1862 г.), со статьей М. Н. Каткова «Москва, 16-го мая» была получена Герценом около середины июня. В письме к сыну от 14 июня 1862 г. Герцен отмечал: «Статья Каткова забавна. Может, напишу несколько слов в ответ, но чему же дивиться, что обиженный au vif ‹задетый за живое› лягается?». В тот же день Герцен писал Огареву: «‹...› сначала распечатал Каткова ответ и расположился скорее хохотать (он ругается и называет меня *выболтавшимся вон* острословом)...», а на следующий день сообщал Огареву: «Каткову ответ набросал...»

Настоящая статья и явилась ответом Герцена на опубликованное в № 20 «Современной летописи» обозрение «Москва, 16-го мая», в котором содержался резкий выпад по адресу Герцена, хотя прямо его имя при этом не называлось. Не было сомнений, что выступление Каткова в «Современной летописи» было вызвано статьей Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (см. стр. 88—92 наст. тома и комментарий к ним).

С т р. 123. *Hamlet ∞ Judgement.*— «Гамлет. Раз!— Лаэрт. Нет! — Гамлет. Пусть судят!» — диалог из трагедии Шекспира «Гамлет» (акт V, сцена 2).

С т р. 125. *Его история теперь известна ∞ несчастный Михайлов на каторге...*— См. в наст. томе заметку «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге» и комментарий к ней.

По словам вашего предшественника Елагина, вы толкуете с упреком о том, что мы сидим безопасно в Лондоне за спиною полисмена.— В клеветнической книге Н. В. Елагина «Искандер-Герцен» (Берлин, 1859) среди прочих измышлений утверждалось, что Герцен уехал за границу для того, чтобы оттуда безнаказанно ругать Россию. Здесь Герцен имеет в виду следующее место из этой книги: «Чем же он хвастает и с чего петушится, ругая Россию в Англии, проповедуя атеизм и революцию на языке, которого там никто не понимает? Это лакей, ругающий барина за дверью! ...Если он не боится идти на галеры, скованный, но с поднятой головой — может иметь это удовольствие и в России. Но этого он не сделает, назовет это дурачеством, и уже доказывает, что лучше ругаться издали, в безопасном месте» (стр. 209).

Почему же полисмена ∞ ученики Гнейста? — Герцен иронически намекает на то, что в 50-х годах Катков, либеральничавший в то время и щеголявший англоманией, не раз ссылался на авторитет Гнейста, немецкого историка права, сторонника английской конституции, защитника нервенствующей роли аристократии в общественной жизни страны, что соответствовало дворянским симпатиям Каткова.

С т р. 126. *...передал общественному позору угрозы полицейских Брутов и Кассиев ∞ лицо, в высоком нравственном достоинстве которого вы не сомневаетесь, может вам сказать, была ли это шутка или нет.*— В заметке «Подметные письма» и в открытом письме к русскому послу в Лондоне Брунову — «Бруты и Кассии III отделения» Герцен предал широкой огласке приходящие на его имя анонимные письма, в которых агенты III отделения пытались устрашить Герцена физической расправой (см. т. XV наст. изд.). Говоря о «лице, *в высоком нравственном достоинстве которого вы не сомневаетесь*», Герцен имеет в виду И. С. Тургенева, сотрудничавшего в это время в «Русском вестнике». В октябре 1861 г. Тургенев получил дружеское предупреждение о готовившемся русской полицией покушении на Герцена и сообщил ему об этом (подробнее об этом см. в сообщении А. Н. Дубовикова «Дружеское предупреждение Герцену», *ЛН*, т. 63, стр. 668—670).

НОВАЯ ТЮРЬМА

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 232—233) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 610). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Принадлежность Герцену настоящей заметки, написанной на основе сообщений из России, подтверждается ее тематикой: политические преследования передовой интеллигенции царским правительством постоянно освещались в статьях и заметках Герцена. В пользу принадлежности Герцену свидетельствует и тот факт, что весь отдел «Смесь» настоящего листа «Колокола» был составлен им одним (см. текстологические комментарии к другим заметкам, опубликованным в «Смеси», л. 137). Несомненна стилистическая связь заголовка заметки «*Новая* тюрьма» с заглавием следующей за ней заметки: «*Старая* история».

С т р. 127. *...русское правительство ∞ озабочено теперь устройством тюрьмы для политических преступников, так как число их увеличи-*

вается и в будущем предвидится их еще более (!) — В начале 1862 г. министерство внутренних дел запросило у губернаторов сведения о состоянии мест лишения свободы. 25 апреля 1862 г. в № 87 «С.-Петербургских ведомостей» был опубликован отчет «О доставлении сведений о состоянии тюрем и содержащихся в них арестантов», в котором сообщалось, что «с предстоящими преобразованиями в нашей карательной системе, без сомнения, увеличится потребность в большом числе мест заключения и лучшем их устройстве».

В начале мая схвачены артиллерийский офицер Аверкиев, учитель гимназии Дозе, бывшие студенты Еврейнов и Яковлев ∞ (*обыски были у г-ж Александровской и Блюммер*).— Перечисленные Герценом лица были внесены в список лиц, замеченных в антиправительственном образе мыслей, составленный в конце июня 1862 г. в 3-й экспедиции III отделения (см. *Л* XV, 391—393). В этом списке указывалось, что поручик И. Аверкиев «замечен в возбуждении ненависти к правительству», преподаватель русской словесности Ларинской гимназии в Петербурге Ф. И. Дозе «раздавал воззвание к офицерам», студент Д. П. Еврейнов «заподозрен в распространении воззваний», а у А. П. Блюммер и В. В. Александровской, занимающихся «распространением воззваний», происходит сбор студентов. Дела, хранящиеся в архиве III отделения, свидетельствуют о том, что перечисленные Герценом лица были арестованы в мае 1862 г. В их числе находился и упоминаемый Герценом «ученик академии художеств» М. Карамышев (*ЦГИАМ*, ф. III отд. № 109, оп. 5, ед. хр. 230, 1862 г.). О том, что Дозе находился в 1862 г. под арестом, свидетельствуют и воспоминания Л. Ф. Пантелеева: «Во время студенческой истории 1861 г. его связи со студентами навлекли на него подозрения, сделан был обыск; при этом, на беду Дозе, найдены были некоторые герценовские издания. Его выслали в Кострому» (см. Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, ГИХЛ, 1958, стр. 239). Об аресте А. А. Яковлева см. в комментарии к заметке «Смертный приговор» (наст. том, стр. 477—478).

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 235—236) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается на основании записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 611). Нынешнее местонахождение этой «записки» неизвестно.

Заметка написана от имени редакции «Колокола» («Мы получили подробное описание...», «Мы это говорим со скорбью, с истинной скорбью!»). Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее тематикой (обличение ближайшего окружения Александра II, в частности, министра императорского двора графа В. Ф. Адлерберга). Характерно для Герцена ироническое использование евангельского предания о распятии Христа («Конечно, и Христос был распят между Паткулями и Адлербергами, но ведь он был распят, а кутить с ними, с шапкой Мономаха набекрень — нехорошо»).

Стр. 127. *Мы получили подробное описание гадкой истории сабурово-адлербергской, напечатанной уже в «Правдивом» 12 мая* ∞ *безнаказанность Сабурова.*— Эта история следующим образом излагается в дневниковой записи В. Ф. Одоевского от 16 февраля 1862 г.: «Говорят, история в Театральной школе. Сабуров повез с собой в карете двух воспитанниц и Прихуновой запустил в рот язык, отчего ее вырвало. Смотрительница Рулье жаловалась. Она, говорят, сама торговала вос-

питанницами, но Сабуров ей помешал и оттого будто бы она на него зла» (*ЛН*, 22—24, стр. 145). Более подробные сведения об этом инциденте в театральной школе напечатаны в № 4 «Правдивого» от 31 мая 1862 г.

...она только сильна, когда делает ∞ волю всяких Леонтьевых, Налетовых, подковырнувших в Смольном монастыре У ш и н с к о г о.— По рекомендации императрицы Марии Александровны инспектором Смольного института был назначен К. Д. Ушинский. Реформаторская деятельность Ушинского пришлась не по душе начальнице Смольного института М. П. Леонтьевой и ее приверженцам, в числе которых находился помощник Ушинского — Налетов. Воспользовавшись полученным от законоучителя Грегулевича доносом, обвинявшим Ушинского в распространении среди воспитанниц безбожия и безнравственности, Леонтьева подала на него жалобу главноуправляющему учреждениями ведомства императрицы Марии Федоровны принцу П. Г. Ольденбургскому, по приказанию которого в марте 1862 г. Ушинский был уволен из Смольного института. Подробнее об этом см. в биографических материалах, напечатанных в книге: К. Д. У ш и н с к и й. Собрание сочинений, М.—Л., 1952, т. 11, стр. 317—327.

‹ЧТО-ТО СДЕЛАЕТ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ В ПОЛЬШЕ?›

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 236) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 611). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Принадлежность заметки Герцену подтверждается всем ее идейно-тематическим и стилистическим строем. Являясь откликом на новое назначение вел. князя Константина Николаевича в Польше, заметка в то же время направлена против телесных наказаний во флоте, против которых выступал Герцен в «Колоколе» (ср. в заметке «Константин Николаевич за линьки»: «Они узнают чудеса — о том, как матросам *затыкают рты шваброй с навозом*, как секут гардемаринов и как при этом остаются любимцами либерального великого князя» — т. XIV наст. изд., стр. 347). Характерна для стиля Герцена и концовка заметки: «Ну, тамбур-мажор юстиции, веселый марш и по три Буткова направо — жай!»

В июне 1862 г. либеральничавший вел. князь Константин Николаевич был назначен наместником Царства Польского. Этой «уступкой» Александр II надеялся «умиротворить» Польшу. Однако его надежды не оправдались. Уже в первые дни пребывания нового наместника в Варшаве на него было совершено покушение. В связи с этим произошло усиление репрессий и был произведен ряд казней. В разгар польского восстания 1863 г. Константин Николаевич фактически был отстранен от управления Царством Польским, а осенью 1863 г. снят с поста наместника.

С т р. 128. *Официя-т о флотская ∞ радуется...* — Вел. князь Константин Николаевич управлял морским министерством; Герцен полагал, что с момента назначения его наместником Царства Польского и отдаления от дел морского министерства во флоте в еще большей степени получат распространение телесные наказания. Политика вел. князя в Польше рассеяла иллюзии Герцена относительно либерализма Константина Николаевича (см. заметку «Виселица в Варшаве», наст. том, стр. 238).

ЗЛОДЕЙСТВО БЕЛЕВСКОЙ ПОМЕЩИЦЫ МУРОМЦЕВОЙ

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее автографом, хранящимся в *ПБ*. Автограф этот приклеен к рукописи заметки «Зарево» (см. наст. том). Основу настоящей заметки составила вырезка из неизвестной газеты, в которой вычеркнут имевшийся там заголовок «Смерть от побоев». Заголовок и концовка заметки написаны рукой Герцена. В левом верхнем углу автографа его помета: «Смесь». Конец листа оторван; в остатках текста сохранилось лишь одно слово: «Польша» (см. вклейку между стр. 120—121 наст. тома).

Сообщение о злодеяниях помещицы Муромцевой, изложенное в неизвестной газете, было первоначально напечатано в отделе втором неофициальной части «Тульских губернских ведомостей» от 7 апреля 1862 г. (№ 14-15) под рубрикой «О происшествиях по губернии, в течение второй половины декабря месяца 1861 г.». О деле помещицы Муромцевой сохранилась также запись в отчетах III отделения: «Тульской губернии, Белевского уезда помещица Муромцева, управляя имением малолетних своих детей в качестве опекунши, дурно обращалась с дворовыми людьми и в конце 1861 г. избила палкою женщину Дементьеву до того, что она заболела и чрез пять дней умерла. Муромцева предана суду, до решения которого поручено местному предводителю дворянства устранить ее от влияния на крестьян» («Крестьянское движение 1827—1867 годов», выпуск II, подготовил к печати Е. А. Мороховец, М.—Л., 1931, стр. 44).

С т р. 128. ...*дворовая женщина Наталья Дементьева, 23 лет*...— В «Тульских губернских ведомостях» говорится, что Дементьева умерла 23 декабря, возраст же ее не указан.

КОНЦЫ И НАЧАЛА

Печатается по тексту «Сочинения А. И. Герцена, т. X, Genève — Bale — Lyon», 1879, стр. 191—280 — с двумя изменениями. Во-первых, опускается письмо-предисловие Герцена «К издателю», неправомерно включенное в женевском издании в текст «Концов и начал». На самом деле это письмо было предпослано всему сборнику, из которого был взят текст «Концов и начал» для женевского издания (см. об этом далее). Письмо начинается словами: «Любезный друг! Вы хотите напечатать небольшой сборник моих статей из „Полярной звезды и Колокола"...» Во-вторых, восстановлен по «Колоколу» пропущенный в женевском издании «Постскриптум к четвертому письму» (об основаниях для этого отступления от текста издания 1879 г. см. ниже).

Впервые опубликовано в «Колоколе» за 1862 г.: л. 138 (1 июля), стр. 1141—1144; л. 140 (1 августа), стр. 1157—1160; л. 142 (22 августа), стр. 1173—1176; л. 144 (8 сентября), стр. 1189—1191; л. 145 (15 сентября), стр. 1197—1198; л. 148 (22 октября), стр. 1222—1223; л. 149 (1 ноября), стр. 1229—1232; за 1863 г.: л. 154 (15 января), стр. 1278—1281; л. 156 (15 февраля), стр. 1297—1299. Предисловие к «Концам и началам» впервые опубликовано в издании: «Концы и начала Искандера с предисловием автора», Norrkoeping, 1863, стр. I—IV.

В переводе на французский язык (по всей вероятности, неавторизованном) «Концы и начала» появились в №№ 4, 6—12, 14 газеты «La Cloche» за 1862—1863 гг.

В *ПБ* хранится автограф первого и третьего писем со значительной авторской правкой, свидетельствующей о тщательной работе Герцена над стилем «Концов и начал». В рукописи, помимо вычерков, имелось несколько заклеенных мест (см., например, варианты к стр. 140—141, 149 и др.). Этот автограф, очевидно, — фрагмент того оригинала, с которого «Концы и начала» набирались для «Колокола» (на рукописи остались следы пальцев наборщиков).

В десятом томе женевского издания «Сочинений» Герцена «Концы и начала» появились со следующим примечанием издателя: «Первое издание „Концов и начал" 1863 г., второе — 1866. Текст, который здесь печатается, взят с экземпляра 1866 г., поправленного рукою самого автора. Поправки эти довольно значительны» (стр. 195; об издании 1866 г. см. ниже).

М. К. Лемке в той части заграничного архива Герцена, которая была ему доступна, такого экземпляра не обнаружил. Вполне вероятно, что редактор женевского издания Г. Н. Вырубов прочитал не все герценовские поправки на экземпляре, которым он располагал, и читал их не всегда правильно. Тем не менее отказ от текста женевского издания явился бы нарушением авторской воли, прямо выраженной Герценом в письме к Огареву. 6 апреля 1869 г. Герцен писал: «Я случайно пересмотрел свои „Концы и начала" — и пришел к заключению, что сборник новый необходим с исправленным слогом (бездна неясных оборотов)». Несомненно, что женевское издание, даже с возможными неточностями чтения Вырубова, в большей мере отражает последнюю авторскую волю, чем не удовлетворявший Герцена, как видно из приведенного письма, текст «Колокола».

Что касается издания «Концов и начал» 1863 г., то оно не является авторизованным (его отличия от текста «Колокола» могут быть отнесены лишь за счет типографских погрешностей). Это всецело относится и к тексту «Концов и начал», помещенному в книге «Еще раз. Сборник статей Искандера», Женева, 1866 (этот текст, по свидетельству Вырубова, и подвергся окончательной авторской правке).

Б. П. Козьмин установил, что издание «Концов и начал» 1863 г. осуществлено было русской типографией в Берне, основанной группой эмигрантов во главе с В.И. Бакстом и В. И. Касаткиным. Ссылка же на норвежское местечко Норкепинг и издателя Эрика Бьорнстрома «были лишь удачными приемами маскировки» (Б. П. Козьмин. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция», *ЛН*, т. 41-42, стр. 14). 15 ноября 1862 г. Касаткин писал Герцену: «Ваши „Концы и начала" следовало бы оттиснуть отдельной брошюрой, разрешите это Баксту» (*ЛН*, 41-42, стр. 54). Текст для бернского издания явно взят из «Колокола», без дальнейшего участия Герцена.

Путем сличения шрифтов Е. Кушевой удалось выявить еще ряд изданий бернской типографии (см. *ЛН*, т. 41-42, стр. 82—105). К их числу следует отнести также сборник «Еще раз». Он набран характерным шрифтом бернской типографии, вовсе не похожим на шрифт Вольной русской типографии в Лондоне.

Сборнику предпослано написанное в дружеском тоне письмо Герцена «К издателю» (скорее всего к Касаткину, с которым Герцен поддерживал личные отношения), с пометой: «Лондон, 1864». Эта помета, возможно, и является источником утверждения М. К. Лемке, что «Концы и начала», а также ряд других произведений Герцена, были напечатаны в сборнике «Из „Колокола" и „Полярной звезды"», Лондон, 1864, переименованном, ввиду плохой продажи, в 1866 г. в «Еще раз». Лемке считал, что издателем, к которому обращено письмо-предисловие Герцена, являлся Тхоржевский (*Л* XVII, 432). Здесь возможны два предположения: либо экземпляры, изданные в 1864 г. (не лондонской, как полагал Лемке,

а бернской типографией), до нас не дошли, либо тираж по каким-либо причинам вообще не был выпущен в продажу (быть может, в связи с ликвидацией бернской типографии, деятельность которой заглохла уже в 1863 г.) и пролежал в Швейцарии до 1866 г., когда с перенесением Вольной типографии в Женеву сочтено было возможным выпустить его в свет. 23 апреля 1866 г. Герцен писал Тхоржевскому: «Не забудьте объявления о „Еще раз" в „Колоколе"». Это объявление появилось в «Колоколе» 11 мая, в л. 219.

Все эти данные позволяют усомниться в том, что действительно существовал сборник 1864 г. «Из „Полярной звезды" и „Колокола"». Может быть, самое заглавие этого сборника является лишь выводом, который Лемке сделал из первой фразы герценовского письма «К издателю»: «Вы хотите напечатать небольшой сборник моих статей из „Полярной звезды и Колокола"...» Расстановку кавычек в этой фразе — особенно принимая во внимание небрежность бернского издания, можно толковать поразному. Упомянутые сомнения объясняются не только тем обстоятельством, что сборник 1864 г. с титульным листом «Из „Колокола" и „Полярной звезды"» обнаружить не удалось, но и тем, что подобный сборник не фигурирует в объявлениях о русских книгах, которые книжная торговля Трюбнера распространяла в виде приложения к «Колоколу» (в этих списках помимо изданий Вольной русской типографии перечисляется также ряд книг, изданных, как стало известно после разысканий Б. П. Козьмина и Е. Н. Кушевой, бернской типографией). Вырубов в примечании к «Концам и началам» также не упоминает об издании 1864 г., а говорит только о двух изданиях: первом — 1863 г. и втором — 1866 г. (см. Сочинения А. И. Герцена, т. X, Женева, 1879, стр. 195).

В сущности, мы имеем дело с *одним* изданием «Концов и начал», так как отдельное издание 1863 г., очевидно, было сброшюровано с другими материалами сборника «Еще раз», отпечатанного в 1864 г.

При сличении изданий 1863 и 1866 гг. их идентичность не вызывает никаких сомнений: совпадает не только пагинация, но и грубые опечатки; так, например, в обоих изданиях одна и та же опечатка в заголовке: *Писрмо шестое* (стр. 57). На той же странице повторяется опечатка: *шкуд* (вместо *шкур*).

В тексте бернского издания отсутствует «Постскриптум к четвертому письму». Объяснить это можно тем, что «Концы и начала» печатались в «Колоколе» с перерывами. Перепечатывая это произведение, бернские издатели, очевидно, отбирали нужные листы «Колокола» по оглавлению, где стояло: «„Концы и начала" (письмо первое)», «„Концы и начала" (письмо второе)» и т. д. Исключение составлял только л. 145, где в оглавлении значилось: «Концы!.. Концы!.. (Постскриптум к четвертому письму)». Нарушение обычной формы заглавия, надо полагать, и привело к тому, что лист 145 был случайно пропущен. Поэтому нет оснований усматривать в этом пропуске проявление авторской воли. Понятно, что Герцен для правки воспользовался отдельным изданием, а не разрозненными листами «Колокола». Отсутствие «Постскриптума» еще раз подтверждает то, что бернское издание 1863—1866 гг. не является текстологически авторитетным.

В цитированном выше письме к Огареву Герцен отметил, что в первой редакции «Концов и начал» его не удовлетворяет «бездна неясных оборотов». Правка Герцена в женевском издании — в основном стилистическая — во многих случаях, действительно, направлена на уточнение текста. Например, вместо *пилори — позорный столб* (стр. 136); вместо: *фотография, эти оребны живописи — фотография, эта шарманка живописи* (стр. 138). Иногда Герцен отбрасывает сопоставления, загромождающие фразу. Например: «Идеи Запада, т. е. наука, составляла давным-давно всеми признанный майорат человечества; ее *гораздо прежде*,

чем именье Меншикова-Альмского, нельзя было ни продать, ни заложить...» (отброшены слова, выделенные курсивом.— *Ред.*). Наряду с этим Герцен делает добавления, вставки. В том числе, например, новое подстрочное примечание, начинающееся словами: «Один очень умный человек...» (стр. 139).

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 130, строка 6: взболтало *вместо:* изболтало (*по К*)

Стр. 134, строка 7: приведениях *вместо:* привидениях (*по К*)

Стр. 138, строки 35—36: больших усилий целых поколений *вместо:* больших усилий, целых поколений

Стр. 150, строка 25: «концах» и «началах» *вместо:* «Концах и началах»

Стр. 169, строка 36: к воле *вместо:* в воле (*по К*)

Стр. 178, строка 3: Честный союз *вместо:* Частный союз (*по К*)

Стр. 178, строка 7: отмалчиваются *вместо:* обмалчиваются (*по К и по изд. 1863*)

Стр. 186, строки 24—25: он смелей меня, с своей точки зрения «поврежденного», решал эти вопросы *вместо:* он смелей, с своей точки зрения «поврежденного», меня решал эти вопросы (*ср. с К по варианту на стр. 327 наст. тома*)

Стр. 187, строка 32: который пастух, который поп *вместо*: который настор, который поп (*по смыслу*)

Стр. 194, строка 9: Что же я за Ирод *вместо:* Что же за Ирод (*по К*)

Стр. 195, строка 17: орудия *вместо:* орудие (*по К*)

Стр. 196, строка 2—3: Чего и чего не развилось на одну тему собаки — волки, лисицы *вместо:* Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы (*по К*)

В цикле статей-писем «Концы и начала» нашли яркое отражение многолетние размышления Герцена над историческими судьбами Западной Европы и России. Взвешивая уроки прошлого, вглядываясь в недавние события, Герцен формулирует свое понимание исторического развития общества, свои прогнозы на будущее.

Исходным пунктом и поводом для создания «Концов и начал» можно считать споры, происходившие между Герценом и И. С. Тургеневым во второй половине мая 1862 г., когда Тургенев приезжал в Англию. Именно в эту пору в устных беседах и было положено начало тому спору, который Герцен продолжил впоследствии в «Концах и началах».

Споры эти были связаны с оценкой важнейших исторических событий эпохи и ряда проблем русской жизни и культуры, в связи с чем Герцен вновь обратился к вопросам будущего России и Европы.

В письме от 22 августа 1862 г. Герцен, имея в виду уже написанные к тому времени три первые письма «Концов и начал», справлялся у Тургенева: «Читал ли ты ряд моих посланий к тебе („Концы и начала“)? доволен ли ими, или прогневался?.. Прошу сказать».

Тургенев отвечал Герцену 27 августа: «Я их только теперь прочел 〈...〉 и нашел в них всего тебя, с твоим поэтическим умом, особенным уменьем глядеть и быстро и глубоко, затаенной усталостью благородной души и т. д.,— но это еще не значит, что я с тобой вполне согласен; ты, мне кажется, вопрос не так поставил. Я решился тебе отвечать в вашем же журнале» (*Письма КТГ*, стр. 148). Однако в сентябре 1862 г. Тургенев заявил о своем отказе выступить в «Колоколе», так как он получил «официозное предостережение» не печататься в запрещенном в России издании. Материалы, заготовленные для ответа Герцену, частично были переключены Тургеневым в главы романа «Дым», вышедшего в свет в 1867 г., но начатого, как свидетельствуют рукописи его автора, уже зимою 1862 г. (об этом см. подробнее в комментариях Ю. Г. Оксмана к роману «Дым»: И. С. Тургенев. Сочинения, т. IX, М.—Л., 1930, стр. 417—437).

Споры между Герценом и Тургеневым послужили отправной точкой для создания в «Концах и началах» образов самого автора и его идейного противника, которые выражают противоположные точки зрения на ход истории и ее закономерности. Образ автора — это образ революционера и патриота, твердо верящего во всемирно-историческую роль русской демократии. Разнообразная аргументация использована Герценом для доказательства одной основной мысли: революционность Запада умерла, буржуазная Европа дописала последнюю страницу своей истории, она «доразвилась» до своих границ. Но «мещанская цивилизация», по его мнению, неизбежно будет заменена иной формой общества, более прогрессивной, той, которую Герцен называет «народным государством».

Тургенев же отрицал революционность русского народа, он не верил в крестьянскую революцию и боялся ее. Он обвинял Герцена в славянофильстве. «〈...〉 Народ, перед которым вы преклоняетесь,— писал он Герцену 8 октября 1862 г., — консерватор par excellence и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, 〈...〉 что далеко оставит за собою все метко-верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах» (*Письма КТГ*, стр. 161).

Однако нельзя поставить знак равенства между Тургеневым и созданным Герценом образом своего оппонента, либерала-космополита. Убежденный в необходимости, незыблемости и справедливости существования буржуазного общества, «мещанского государства», оппонент Герцена, несомненно, серьезно отличается от Тургенева, признававшего меткость и верность герценовских характеристик буржуазной Европы.

Даже тогда, когда Герцен использует в «Концах и началах» возражения и доводы Тургенева, изложенные им в частных письмах к Герцену, и почти дословно цитирует их (как, например, в восьмом письме), то и тогда он подчеркивает разницу между своим корреспондентом — Тургеневым и тем лицом, в уста которого вложены эти возражения («...ты, верно, знаешь, а ученый друг не знает...»).

В «Концах и началах» много места отведено характеристике буржуазного общества в его современном состоянии, его культуре и искусству.

Весьма вероятно, что в том споре, который произошел между Герценом и Тургеневым в мае 1862 г. при их личной встрече, Тургенев оперировал в основном фактами из области искусства, с их помощью доказывая превосходство буржуазной цивилизации над отсталой Россией. Вероятно, Герцен передает мысль Тургенева, когда пишет: «〈...〉 ты 〈...〉 находишь, что исторически выработанный быт европейских бельэтажей один соответствует эстетическим потребностям человека, что *он* только и дает необходимые условия умственной и художественной жизни, что искусство на Западе родилось, выросло, ему принадлежит и что, наконец, другого искусства нет совсем» (наст. том, стр. 134).

Соглашаясь со своим оппонентом в том, что искусство Запада составляет давно всеми признанный «майорат человечества», Герцен спрашивает: «Где же новое искусство, где художественная инициатива?» Старый, уходящий мир буржуазии не может, по мнению Герцена, создать новое, подлинное искусство, как само буржуазное искусство не в силах создать положительный образ, воплощающий передовые тенденции своего времени, так как «весь характер мещанства, с своим добром и злом, противен, тесен для искусства; искусство в нем вянет, как зеленый лист в хлоре».

Далее Герцен приходит и к более широким обобщениям; с его точки зрения в Западной Европе не существует таких учений или идей, которые могли бы объединить под своим знаменем народы Европы в их борьбе за преобразование общества.

Герцен создает в «Концах и началах» обобщающий образ «титанов, остающихся после борьбы, после поражения, при всех своих титанических

стремлениях, представителями неудовлетворенных притязаний»,— образ Дон-Кихота революции.

В конце второго письма Герцен обращается к своему корреспонденту с просьбой обратить внимание на великий для поэта тип, обозначившийся в жизни современной Европы, «тип вовсе непочатый». Это тип Дон-Кихота революции.

Особенность Дон-Кихота любого времени и любой страны заключается, по убеждению Герцена, в несоответствии субъективных устремлений объективному ходу истории. Это создает и различные оттенки подобных характеров: трагические, комические, сатирические. Герцен с различной интонацией говорит о Дон-Кихоте — Ледрю-Роллене, мелкобуржуазном революционном деятеле, о деятелях французской революции XVIII века, переживших самих себя, о Маццини и Гарибальди.

В герценовской трактовке образа Дон-Кихота также заключена полемика с Тургеневым, который в своей речи «Гамлет и Дон-Кихот» предложил иное толкование этого образа. Тургенев трактовал образ Дон-Кихота, как образ революционера, живущего «для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам». И далее Тургенев прибавляет (именно это и отличает его коренным образом от Герцена): «...нам кажется, что главное дело в искренности и силе самого убеждения ⟨...⟩».

Герцен, напротив, полагает, что одной искренности и веры недостаточно: ложный идеал, пусть даже и прекрасный, не поможет изменить действительности. В «Концах и началах» эта мысль иллюстрируется печальным примером Дон-Кихотов революции, которые умирают и не видят, что «ни царство небесное на земле, ни единая и нераздельная республика во Франции вовсе не водворяются».

К Дон-Кихотам подобного типа принадлежит, по мнению Герцена, и Маццини, которому посвящено второе письмо «Концов и начал».

Герцен подчеркивает ошибочность ориентации Маццини исключительно на национально-освободительное движение и его пренебрежительное отношение к вопросам социального характера. Деятельность Маццини способствовала торжеству буржуазных начал в жизни Италии, хотя господство буржуазии было чрезвычайно далеко от того «пересоздания мира», к которому стремился Маццини.

Исторической иллюстрацией к созданному Герценом образу Дон-Кихота революции являются трагические образы Маццини, дело всей жизни которого суждено было осуществить его идейному противнику — Кавуру, и Гарибальди, отдавшего плоды своих побед в руки савойской королевской династии.

С точки зрения Герцена, разочарование в революционных событиях начала века заставило людей вообще усомниться в целесообразности и возможности революционного преобразования общества. В мире, оговаривается Герцен, остался один идеал, за который люди еще согласны бороться и умирать. Идеал этот — борьба за национальную независимость, изолированная от всяких стремлений социального порядка. «Политические партии распустились в национальные»,— пишет Герцен.

Любопытно, что реакционная «Северная пчела» настойчиво подчеркивала разницу между интернационалистом-революционером Герценом и такими борцами за национальную независимость, как Маццини и Кошут, демагогически преувеличивая их национально-освободительную деятельность. «Северная пчела» писала о Герцене: «Наш остряк не сообразил, что в Мадзини была положительная, а не фантастическая народная сила; он забыл, что у итальянского агитатора написано на знамени: „Бог и народ", и что если к его агитации примешивались революционные начала, то тем с большей преданностью держался он основ, которые давали силу и смысл его агитации. За ним была родина, разделенная, томив-

шаяся под иноземным игом, стремившаяся к единству, добивавшаяся независимости 〈...〉 и он действовал бы успешнее, если бы в нем не было примеси теорий, которых не хочет жизнь, которые отвергает народное чувство... Кошут ли прельщал воображение нашего артиста? Но и за этим агитатором также родина, которая ищет восстановления своих исторических прав и национальной независимости» («Северная пчела», № 212 от 7 августа 1862, «Заметка для издателя „Колокола“»).

«Концы! Концы!»— с горечью заключает Герцен, убежденный в том, что борьба за национальную независимость в рамках буржуазного строя неизбежно отдаст плоды этой борьбы в руки буржуазии. И, прощаясь с «великими последними», Герцен высказывает уверенность в том, что «новые идеалы новой весны» все-таки «прозябнут» в жизни.

Европейским «концам» Герцен противопоставляет русские «начала». С одной стороны западный мир: «...ставни закрыты, зарниц не видать, до грома далеко... он может спокойно покрыться стеганым одеялом, повязать фуляр и погасить свечу». С другой стороны «весенняя распутица» России: «...все в брожении и разложении, валится и строится, везде пыль столбом, стропила и вехи».

Создавая образ России, с ее «пророчествующими радугами и великими образами», Герцен вложил в него свою глубокую веру в освободительные стремления русского народа, а также в его революционные традиции. Залогом того, что в русском народе хранится «непочатая сила», является движение декабристов, этих «богатырей, кованных из чистой стали», — по словам Герцена, которые впоследствии цитировал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена». Герцен противопоставляет героев декабристов Биронам и Потемкиным, а Зимнему дворцу, как воплощению царизма, «арьергард с топорами за кушаком», т. е. восставших крестьян.

Ошибочное предположение о том, что русская сельская община есть лучшая форма социалистического устройства общества, не является конечным выводом герценовского произведения. Сам Герцен признается в конце третьего письма: «...все ищу, ищу *начал*,— они только в теории и отвлечениях».

Во вступлении к «Концам и началам», написанном 1 августа 1863 г., Герцен упомянул о том, что он был намерен посвятить «началам» русской жизни более значительное место, но замысел его изменился в результате происшедших событий. «Строй мыслей изменился: события не давали ни покоя, ни досуга — они принялись за свои комментарии и за свои выводы»,— пишет он.

В январе 1863 г. началось восстание в Польше. Царское правительство, поддержанное буржуазно-помещичьим обществом, ответило на него рядом жестоких военных репрессий.

В обстановке вынужденного молчания передовой части русского общества, в период дикого националистического разгула не время было говорить и писать о «русских началах».

Однако эти события не в силах были изменить основных выводов Герцена, так же, впрочем, как и реакционная политика царского правительства не смогла разрушить его надежд на прогрессивную роль революционного русского народа в будущем: «... все давно увядшее в старом мире 〈...〉 явилось еще раз во всем поэтическом блеске своем в восставшей Польше, как будто для того, чтоб украсить молодыми цветами *старцев цивилизации*, медленно двигающихся на борьбу, которой они боятся ... С другой стороны 〈...〉 происходит совершенно обратное явление ... все отжившее *старого мира* поднялось на защиту петербургской империи и отстаивает ее неправое стяжание...»

По его убеждению, петербургская империя и революционная «восходящая сила» — враждебны друг другу; преступления первой только

расчищают дорогу второй: «Но зерна, лежащего в земле, эта буря не вырвет и не затронет, а, пожалуй, еще укрепит его», — заканчивает Герцен.

Даже предполагая, что и Россия «может, пройдет мещанской полосой», Герцен, апеллирующий к юной России, верил в великое революционное будущее русского народа и эта вера питала его исторический оптимизм.

Стр. 129. *...приходит в голову образ дантовских единоборцев...* — Имеется в виду эпизод из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь двадцать пятая, строфы 34—76), где идет речь о трех ворах-флорентинцах и об их чудесных превращениях друг в друга.

Стр. 130. *...нельзя не отойти от беснующихся сил, от бесчеловечной бойни и еще больше бесчеловечных рукоплесканий.* — Речь идет о польском восстании 1863 г. Говоря о «бесчеловечных рукоплесканиях», Герцен имеет в виду сочувственное отношение помещичье-буржуазного общества к тем жестоким мерам, которые были приняты царским правительством по отношению к восставшим, выразившееся в ряде газетных и журнальных статей, разжигавших шовинистические настроения.

Посмотрите на дикого сатрапа в Литве... — Герцен имеет в виду М. Н. Муравьева.

Стр. 134 *Наука ∞ как гётевский «Диван»,— западно-восточная.* — Имеется в виду цикл лирических стихотворений Гёте в духе восточной поэзии — «Западно-восточный Диван».

Стр. 135. *«Campo Santo»*— знаменитое кладбище на соборной площади Пизы, с многочисленными гробницами, скульптурными украшениями и фресками мастеров школы Джотто.

Стр. 136. *...посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу.*— Герцен имеет в виду скульптурный портрет Роберта Пиля работы Мэтью Нобла, находящийся в Национальной галерее в Лондоне.

... как у Молчалина, два таланта, и те же самые: «умеренность и аккуратность».— См. «Горе от ума» Грибоедова (действие III, явление 3).

Стр. 137. *...«курица во щах», о которой мечтал Генрих IV.*— Генрих IV будто бы говорил, что хотел бы видеть по воскресеньям курицу на обеде каждого французского крестьянина.

Стр. 138. *Господство мещанства — ответ на освобождение без земли, на закрепление людей и прикрепление почвы малому числу избранных.*— В результате французской буржуазной революции конца XVIII века были отменены личная зависимость крестьян и феодальная собственность на землю. Однако земли, отобранные у дворянства и духовенства и превращенные в «национальное имущество», скупались прежде всего буржуазией и зажиточными крестьянами, которые переходили, таким образом, из рядов крестьянства в среду земледельческой буржуазии. В результате, частная собственность на землю сохранилась, сосредоточившись в руках «малого числа избранных».

Стр. 139. *...à trois chambres à coucher de maître...* — Три прекрасно обставленные спальни (франц.).

Стр. 141. *...самодержавная толпа сплоченной посредственности ∞ Ст. Милля.*— Герцен использует формулировку Джона Стюарта Милля, данную им в книге «On liberty».

Стр. 142. *«Gottes feste Burg»*...— Герцен цитирует известный псалом Лютера («Бог — наша твердыня»), являвшийся гимном протестантов во время Реформации.

Несколько месяцев тому назад появился первый том полного собрания его сочинений.— Речь идет об издании собрания сочинений Маццини,

предпринятом им самим и впоследствии продолженном А. Саффи: «Scritti editi ed inediti» (1861—1891).

...лев св. Марка... — Эмблема государственной власти Венецианской республики, находившейся в то время под австрийским игом («черно-желтая тряпка» — австрийский флаг).

...гонителя ∞ материализма...—Маццини был непримиримым противником материализма. Он писал: «В моей деятельности я всегда руководился и буду руководиться религиозной идеей. Противоположен папству, но одинаково является источником испорченности — материализм». К. Маркс и Ф. Энгельс, указывая на религиозное содержание манифестов Маццини, отмечали: «Они проповедуют религию, апеллируют к вере, их девиз—Dio ed il popolo, бог и народ» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, 1956, стр. 471).

Стр. 145. *...итальянская Марфа, мешающая хозяйственными дрязгами единой мечте итальянской Марии.*— Герцен сопоставляет библейские образы поэтической Марии и практической Марфы применительно к политической жизни Италии того времени («фанатик» Маццини и «мещанин» Кавур).

...кроила для Италии бельгийский костюм... — Герцен имеет в виду внешнюю и внутреннюю политику Кавура, способствовавшую капиталистическому развитию Италии, классическим образцом которого в то время являлась Бельгия. По словам К. Маркса, Бельгия — это «образцовое государство континентального конституционализма, уютный, хорошо отгороженный маленький рай помещиков, капиталистов и попов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XIII, часть I, 1936, стр. 304).

Стр. 146. *... гнев наших крепостных людей, приписанных к научным фабрикам и схоластическим заводам...*— Имеется в виду доктринерский, послушный канонам консервативной науки, характер воззрений Б. Н. Чичерина, постоянно вызывавший отпор со стороны Герцена.

Стр. 148. *... Ст. Милль, например, вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей...* — Герцен развивает и заостряет здесь положения, высказанные им в 1859 г. в прибавлении к III главе VI части «Былого и дум» — «Джон-Стюарт Милль и его книга „On liberty“» (см. т. XI наст. изд., стр. 68—69).

...цицероновское «vixerunt!» — Предав казни своих политических противников, Цицерон объявил об этом на форуме, сказав: «Vixerunt!» («Отжили!» — лат.). Глава IV книги «С того берега» названа Герценом «Vixerunt!».

Стр. 151—152. *Бедный король Лир в демократии ∞ чтоб поймать его богу в предсмертном бреде.*— Эти сюжетные подробности были использованы Герценом в повести «Доктор, умирающий и мертвые» (1869 — см. т. XX наст. изд.).

Стр. 153. *...«30-й егерский, а после 45-й».*—Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явление 5).

Стр. 157. *...могут их назвать à la Dumas jun. «блудными отцами»...* — Намек на драму А. Дюма-сына «Блудный сын».

Стр. 161. *...«неоплаканный» Клейнмихель.*— Отставка П. А. Клейнмихеля в октябре 1855 г. была с большим удовлетворением принята в самых широких кругах русской общественности. А. В. Никитенко писал в своем дневнике в связи с отставкой Клейнмихеля: «Еще одна смерть, только политическая и притом возбуждающая общую радость, а не печаль: Клейнмихель, наконец, 〈...〉 пал и уничтожился 〈...〉. Все поздравляют друг друга с победою, которая, за недостатком настоящих побед, составляет истинное общественное торжество» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 1, ГИХЛ, 1955, стр. 422; записи от 9 и 12 октября 1855 г.).

...на полях Мадженты и Сольферино делались другие комментарии на

международное право.— Маджента и Сольферино (Италия) — места, где австрийская армия была разбита итало-французскими войсками в 1859 г. Это решило вопрос об освобождении Северной Италии от австрийской оккупации.

Стр. 162. Далее — Индия, Пекин... — В 1857 г. в Индии вспыхнуло восстание против английского господства, вызванное жестоким колониальным гнетом. В 1856 г. Англия, а затем и Франция, начали войну с Китаем, носившую захватнический характер. В 1860 г. англо-французские войска заняли Пекин.

...война демократов за рабство черных, война республиканцев за рабство государственной нераздельности. — Имеется в виду гражданская война в США (1861), когда «демократический» Юг отстаивал сохранение рабства негров и независимость южных штатов, а республиканцы выступали за сохранение единого государства, в котором рабство должно было быть уничтожено.

... «кажись, не подобает» ... — Неточная цитата из эпиграммы А. С. Пушкина «В академии наук».

...наш Дидро...— Герцен имеет в виду Б. Н. Чичерина.

Бакон Веруламский давным-давно уже разделил ученых на паукова и пчел.— Герцен имеет в виду следующие строки из «Нового Органона»: «Те, кто занимались науками, были либо эмпириками, либо догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и пользуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, из самих себя создают ткань. Пчела же избирает средний способ, она извлекает материал из цветов сада и поля, но располагает и изменяет его собственным умением» (Ф. Бэкон Веруламский. Новый Органон, М., 1938, стр. 78).

Стр. 163. *...à vol d'araignée.*— Буквально: «С паучьего полета» (франц.), перефраз выражения «с птичьего полета» (à vol d'oiseau).

Стр. 164. *...Гервинус поучает, что за демократическим переворотом следует эпоха централизации и деспотизма...*— Герцен ссылается на концепцию исторического процесса, изложенную Г. Гервинусом в его многотомном труде «История XIX века». В сокращенном виде эта теория представлена в «Введении в историю XIX века», вышедшем отдельным изданием в 1853 г.

Англия не сделалась католической, как хотел Донозо Кортес... — См. «С того берега», глава VIII (т. VI наст. изд.).

... ни международного права по Peace Society... — Речь идет о международном праве в соответствии с кодексом «Лиги мира».

Стр. 165. *...«Что он, не в самом ли деле вечно хочет жить?»*— Цитата из драмы Ф. Шиллера «Разбойники» (действие IV, сцена 5).

...На днях я простился с Мацини.—25 или 26 августа 1862 г.

Стр. 166. *...обратное приветствие гладиаторов: «Идущим на гибель оставшиеся в живых кланяются!»*— См. примечание к стр. 9.

Через четыре дня все было кончено.— Герцен говорит о походе, предпринятом Гарибальди для освобождения Рима от папской власти в июне 1862 г. 29 августа произошло столкновение корпуса волонтеров, предводительствуемого Гарибальди, с королевскими войсками у Аспромонте. Гарибальди был ранен, взят в плен и посажен в крепость.

...будущий Дант стихом, будущий Бонарроти резцом изваяют раненого льва под деревом...— Можно предположить, что в основу этого образа положено описание битвы у Аспромонте, данное газетой «Il Diritto»: «... две пули поражают его... Гарибальди, в ту минуту, как был поражен, не только остался на ногах, но поза его была полна величия 〈...〉 Некоторые из окружавших его офицеров отнесли его под дерево. Там со своим обычным спокойствием он продолжал отдавать приказания». (Перепечатано в «Московских ведомостях», № 193 от 4 сентября 1862 г.)

Стр. 167. *...их будет жалить всякая пчела ∞ «что закон ко всему глух ∞ бунтовщики».* — Намек на выступление «Северной пчелы», в котором оправдывались действия итальянского правительства против Гарибальди («Северная пчела», № 226 от 22 августа 1862 г.).

Стр. 169. *Строки эти были писаны несколько лет тому назад.*— См. «Былое и думы», часть пятая, «Рассказ о семейной драме» (т. X наст. изд., стр. 238—239).

Стр. 170. *...от Измайлова, секущего исправников...*— Л. Д. Измайлов был известен своим самодурством и жестоким обращением с крепостными крестьянами. Следствие по его делу началось в 1802 г. и было возобновлено в 1827 г. Несмотря на его оправдание в низших инстанциях, дело Измайлова закончилось в 1830 г. обвинительным приговором.

Стр. 176. *...«мышья беготня»...*— Цитата из стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».

Стр. 179—180. *...двенадцать лет тому назад ∞ Ромье проповедовал ∞ что возбужденные революционные силы ∞ направить на вопросы национальные ∞ династические...*— Герцен имеет в виду реакционную брошюру Огюста Ромье «Le spectre rouge» («Красный призрак»), вышедшую в 1850 г.

Стр. 180. *...«быки и стоят перед горой»!* — «Da stehen die Ochsen am Berge» — немецкая поговорка, означающая безвыходное положение.

Стр. 181. *Sie feiern die Auferstehung des Herrn, // Denn sie sind selber auferstanden // Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern.*— *«Faust».*— «Они празднуют воскресение господне, ибо сами воскресли из душных комнат низких домов» —цитата из «Фауста» Гёте (часть I, сцена «Vor dem Tor»). Курсив Герцена.

Стр. 185. *...николаевское пристрастие к «выпушкам, погончикам, петличкам».*— Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие III, явление 12).

Стр. 186. *...на кого оставить Мексику...*— В 1862 г. Наполеон III авантюристически вмешался в гражданскую войну в Мексике. В результате французской интервенции Мексика была превращена в 1863 г. в империю с австрийским эрцгерцогом Максимилианом во главе.

...папу римского... — Наполеон III, очень дороживший расположением французских клерикалов, был вынужден всячески поддерживать светскую власть папы, уже значительно пошатнувшуюся. В связи с этим в Риме постоянно находился французский батальон.

...без малого единую Италию?—В 1862 г. Италия была объединена за исключением Венеции и Рима. Говоря об этом, Герцен, по-видимому, использует данное В. Гюго в памфлете «Наполеон малый» прозвище Наполеона III, подразумевая его политические интриги, препятствовавшие объединению Италии.

Позволь мне ∞ рассказать новую встречу с одним старым знакомым... — Герцен имеет в виду свою повесть «Поврежденный» (см. т. VII наст. изд.). «Лекарь» (Филипп Данилович) и «чудак» (Евгений Николаевич)— действующие лица повести.

Стр. 187. *Помните — Дон-Жуан, ну, там в конце, когда он возвращается в Лондон.*— Герцен имеет в виду эпизод из XI песни «Дон Жуана» Байрона.

Стр. 190. *...Habeas corpus...* — Английский закон о неприкосновенности личности.

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1149—1151, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола».

Французский перевод опубликован в № 2 «La Cloche».

В *ПБ* хранится автограф статьи, состоящий из 11 листов большого формата. На первом и шестом листе имеются водяные знаки: «Jornson, 1862». Почти все листы склеены из разных кусков, имеют большую смысловую и стилистическую правку; листы 6, 7 и 8, видимо, переписаны набело.

На первом листе над заглавием статьи приписано сверху: «Первая статья» и сбоку заглавие: «Кру», что, может быть, является недописанной пометой для наборщика, означающей «Крупно». На некоторых листах имеется правка, уточняющая неясно написанные слова.

На обороте третьего листа карандашная помета, по-видимому, рукой Герцена: «В защиту народа Обручев». На обороте 8-го листа имеется текст, представляющий собой, очевидно, начало письма: «5 июля 1862, Orsett-house, Westbourne-terrace. Участие, которое вы показали к общему делу, и моя просьба достать „Молодую Россию"—ставит мне в долг известить вас, что я получил...» На последней, 11-й странице после подписи помета рукой Герцена: «всем словом», являющаяся скорее всего указанием на воспроизведение подписи под статьей Герцена. В конце статьи дата: «5 июля 1862 г.» (см. «Варианты»).

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 201, строки 19—20: самосохранения *вместо:* самохранение (*по автографу*)

Стр. 201, строка 32—33: сопровождающих воровство и нисколько не угрожающих доносам *вместо:* сопровождающим воровство и нисколько не угрожающим доносам

Статья «Молодая и старая Россия» полемически направлена против отдельных положений прокламации «Молодая Россия», которая была широко распространена в середине мая 1862 г. в Москве, Петербурге и провинции. «Она разразилась громом над столицею»,— писал много лет спустя в «Воспоминаниях о шестидесятых годах» Н. Я. Николадзе о впечатлении, которое произвела прокламация на петербургское общество («Каторга и ссылка», 1927, № 5 (34), стр. 37).

Прокламация «Молодая Россия» вышла из студенческого революционного кружка, занимавшегося литографированием и распространением запрещенной литературы, во главе которого стояли студенты Московского университета П. Г. Заичневский и П. Э. Аргиропуло. Прокламация была написана Заичневским в Тверской полицейской части в Москве, где он находился под арестом, вместе с товарищами по кружку, за антиправительственную пропаганду. Позже, в 1899 г., Заичневский так вспоминал о возникновении «Молодой России»: «〈...〉 написал аз многогрешный, прочел, выправили общими силами, прогладили и отправили для печатания через часового» (Мих. Л е м к е. Политические процессы в России 1860-х гг., М.—Пг., 1923, стр. 520). Прокламация была издана от имени так называемого Центрального революционного комитета. См. книгу Б. П. К о з ь м и н а «П. Г. Заичневский и „Молодая Россия"», М., 1932.

«Молодая Россия» начиналась знаменательными словами: «Россия вступает в революционный период своего существования 〈...〉 общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой». С одной стороны, притесненный народ, с другой — «все имущие, все, у кого есть собственность, родовая или благоприобретенная». Охарактеризовав «современный общественный строй», в котором «все ложно, все нелепо», прокламация заявляла: «Выход из этого гнетущего, страшного положения 〈...〉 один—революция, революция кровавая и неумолимая,— революция, которая должна изменить радикально все, все без исключе-

ния основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

Прокламация призывала к захвату государственной власти, установлению диктатуры революционного меньшинства и созданию нового общественного строя — «республиканско-федеративного союза областей», основной ячейкой которого должна быть земледельческая община.

«Молодая Россия» предсказывала, что «скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: „Да здравствует социальная и демократическая республика русская!", двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

«Молодая Россия» находила, что «ни один из издаваемых журналов не выяснил обществу революционной программы». Она отзывалась с пренебрежением о прокламациях последнего времени, признавая в них «ни к чему не ведущее либеральничанье», и объявляла себя противником и «Колокола» и «Великоруса». Обвиняя Герцена в том, что он испугался революции 1848 г., отошел от революционных позиций, потерял веру в «насильственные перевороты» и стал на конституционный путь, прокламация подвергала критике «Колокол», как журнал «с либеральною (не более) программою»: «„Колокол", встреченный живым приветом всей мыслящей России, как первый свободный орган, вскоре становится загадкою для людей действительно революционных. Где же разбор современного политического и общественного быта России, где проведение тех принципов, на которых должно построиться новое общество?» И если «Колокол» еще читается передовой частью русского общества, «то этому способствует еще прежняя слава Герцена,— Герцена, приветствовавшего революцию, Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена и Луи Блана в непоследовательности, в том, что они, имея возможность, не захватили диктатуры в свои руки и не повели Францию по пути кровавых реформ для доставления торжества рабочим». (Текст прокламации см. в книге «Политические процессы 60-х гг.» под ред. Б. П. Козьмина, т. 1, М.—Пг., 1923, стр. 259—269).

В либеральных кругах и широкой обывательской среде угрозы «Молодой России» вызвали тревогу. В этих кругах склонны были видеть за прокламацией большую и сильную политическую организацию. Герцен писал в 1864 г. в «Письмах к противнику» о влиянии этой прокламации на русское общество: «Она, действительно, произвела переворот. Министры прогресса и директора либерализма, гуманная полиция и столоначальники освобождения — все исчезло, как прах, от ужаса и слов „Молодой России"... Страх, наведенный небольшой кучкой энергичной молодежи, был так велик, что через год Катков поздравлял правительство и всю Россию с тем, что она миновала страшную революцию» (Письмо второе, т. XVIII наст. изд.).

Правительство использовало совпадение петербургских пожаров с выходом «Молодой России» для усиления репрессий, о которых говорит Герцен в начале статьи. Герцен, считая появление этой прокламации не отвечающим задачам революционной демократии на данном этапе общественно-политической борьбы и поэтому играющим на руку реакции, упрекнул авторов прокламации в оторванности от жизни, в непонимании нужд народа и его настроений. Но несмотря на то, что «Молодая Россия» довольно энергично полемизировала с Герценом, он подошел к ее издателям не как к своим противникам, а как к заблуждающимся товарищам по общей борьбе, людям своего лагеря. Обрушившись в своей статье на реакцию, использовавшую в своих целях промахи «Молодой России», защищая ее от либералов, Герцен пытался тем самым исправить создавшееся невыгодное для демократического движения положение.

С т р. 199. *«День» запрещен...*— Газета «День» была запрещена (на № 34) 15 июня 1862 г. в связи с тем, что И. С. Аксаков отказался объявить

имя автора статьи, обратившей на себя внимание Александра II. Об этом см. материалы «дела» Особой канцелярии министра народного просвещения, опубликованные С. А. Переселенковым в статье «И. С. Аксаков и Александр II» («Вестник литературы», 1920, № 8, стр. 12—13), а также книгу М. К. Лемке «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов», СПб., 1904, стр. 180—183.

...«Современник» и «Русское слово» запрещены... — Издание журналов «Современник» и «Русское слово» было приостановлено на восемь месяцев правительственным распоряжением от 15 июня 1862 г. Н. Г. Чернышевский в письме к Н. А. Некрасову от 19 июня 1862 г. так оценивал это событие: «Мера эта составляет часть того общего ряда действий, который начался после пожаров, когда овладела правительством мысль, что положение дел требует сильных репрессивных мер» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 454).

...воскресные школы заперты... — Воскресные школы, возникшие в начале 60-х годов по инициативе прогрессивной интеллигенции, превращались в отдельных случаях в место пропаганды демократических идей. Царское правительство, обеспокоенное «вредным направлением, обнаруженным в некоторых воскресных школах», 10 июня 1862 г. издало распоряжение: «1) Немедленно приступить к пересмотру правил об учреждении воскресных школ; 2) Впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях, закрыть все ныне существующие воскресные школы...» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 127 от 14 июня 1862 г.).

... шахматный клуб заперт... — Шахматный клуб был основан в январе 1862 г. в Петербурге группой литераторов во главе с Н. А. Серно-Соловьевичем. Основной задачей его было сближение оппозиционно настроенных писателей. Близкое участие в заседаниях клуба принимали Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров; последний, вместе с Г. З. Елисеевым, был старшиною этого клуба. В начале июня 1862 г. шахматный клуб был закрыт правительством на том основании, что в нем «распространяются неосновательные суждения» о современных событиях. Приказ петербургского военного генерал-губернатора о закрытии шахматного клуба был опубликован в «С.-Петербургских ведомостях», № 120 от 6 июня 1862 г.

...читальные залы заперты... — В приказе петербургского военного генерал-губернатора закрытие народных читален мотивировалось «замеченным вредным направлением некоторых из учрежденных в последнее время народных читален, которые дают средство не столько для чтения, сколько для распространения между посещающими оные лицами сочинений, имеющих целью произвести беспорядки и волнения в народе, а также безосновательных толков...» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 120 от 6 июня 1862 г.).

...деньги, назначенные для бедных студентов, отобраны... — 29 апреля 1862 г. при «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» было открыто отделение для помощи бедным студентам. По приказу Александра II, датированному 10 июня 1862 г., это отделение было закрыто и поручено комитету, управляющему делами отделения, «передать в ведение общества все имеющиеся в отделении денежные суммы».

...типографии отданы под двойной надзор... — Указом 10 марта 1862 г. Главное управление цензуры было упразднено. Цензурные учреждения были оставлены в ведении министра народного просвещения, а надзор за соблюдением печатью цензурных постановлений поручен министерству внутренних дел. В связи с распространением в России запрещенной литературы, 14 мая 1862 г. Александром II были утверждены «Временные правила о надзоре за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 113 от 27 мая 1862 г.). Параграф 12 «Временных правил» гласил: «Для постоян-

ного надзора за типографиями и за соблюдением настоящих правил,определяются в столицах при управлении обер-полицмейстеров особые чиновники‹...›. В губерниях обязанности эти возлагаются на чиновников особых поручений при губернаторах. Те и другие действуют на основании инструкций, издаваемых от министерства внутренних дел...»

...два министра и III отделение должны разрешать чтение публичных лекций...— Согласно приказу Александра II от 10 июня 1862 г., чтение публичных лекций в С.-Петербурге разрешалось только «по взаимному соглашению» управляющего министерством народного просвещения с министром внутренних дел, главным начальником III отделения и санктпетербургским военным генерал-губернатором (см. «С.-Петербургские ведомости», № 126 от 13 июня 1862 г.).

...инквизитор Голицын (лип. прежних времен) призван на совет в Зимний дворец с Липранди...— Подразумевается создание 18 мая 1862 г. особой следственной комиссии под председательством кн. А. Ф. Голицына, которая должна была заниматься ведением всех политических дел. Согласно указу Александра II от 13 сентября 1862 г., задачей этой комиссии являлось расследование «направленной против правительства как заграничной, так и внутренней пропаганды», а также «предпринимаемых злоумышленниками средств к поколебанию в народе доверия и уважения к правительству». О деятельности комиссии см. в «Кратком отчете по делам высочайше утвержденной комиссии 1862—1871 гг.» («Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 192). А. Ф. Голицын не раз принимал участие в расследовании политических дел и расправах с передовой интеллигенцией: в 1834 и 1835 гг. он был членом следственной комиссии по делу Герцена и Огарева, в 1849 г. участвовал в следствии по делу петрашевцев, в 1860 г. был председателем комиссии по делу харьковских студентов (см. заметку «Князь А. Ф. Голицын» в т. XIV наст. изд.).

... которого с омерзением оттолкнул года три тому назад тот же Александр II.—Герцен имеет в виду предложение И. П. Липранди воспитывать шпионские кадры из гимназистов, «которые доносят на товарищей» (см. об этом в статье «Что значит суд без гласности», т. XIII наст. изд., стр. 182).

Стр. 200. *Разве в 1834 году не горело Лефортово, Рогожская, Якиманская часть?*— О московских пожарах 1834 г. см. в «Былом и думах», часть вторая, глава X (т. VIII наст. изд., стр. 191—194).

...со многим очень не согласны (и в другой статье поговорим об этом)... — Имеется в виду статья «Журналисты и террористы» (см. наст. том).

...не попадете вы ни в ад, ни в рай, Харон вас отгонит веслом на пресный берег.— В древнегреческой мифологии Харон — перевозчик, переправлявший на своем челноке через реку Ахерон в царство мертвых тени умерших. Одних Харон принимал в челнок, других же, не погребенных, отгонял шестом от берега (см. Вергилий. «Энеида», песнь VI).

Стр. 201. *...Липранди и литературных товарищей его в Москве.*— Намек на журналы «Наше время» и «Русский вестник».

Липранди поторопился с своей академией шпионства, как бы предупреждая ∞ переписку московского академического сената с флотским начальником своим...— Герцен сравнивает шпионскую деятельность Липранди с теми доносами, которые содержались в «Исторической записке, составленной университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре 1861 г. беспорядков между студентами университета и представленную университетским советом чрез его превосх. г. попечителя м‹осковского учебного› округа» министру народного просвещения Е. В. Путятину. Подробнее о ней см. на стр. 376 наст. тома.

...complicité morale!...—Нравственное соучастие (франц.).

Стр. 203. *...требуя даже мощным органом р и ж с к о й газеты примерного наказания.*—В «Лифляндских губернских ведомостях» и «Rigasche Zeitung» в июне 1862 г. печатались статьи, в которых поддерживались провокационные слухи о причастии студенчества к майским пожарам в Петербурге.

Посмотрите-ка на уголовные законы, с особенной любовью отработанные кротким и добрым царем Николаем ∞ и легистом Губе...— Речь идет о XV томе «Свода законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленного», в состав которого входили «Законы уголовные». В конце 1840 г. для пересмотра разделов «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» был создан специальный комитет под председательством гр. Д. Н. Блудова. Членом этого комитета был и историк-юрист Р. М. Губе, игравший важную роль в кодификационной работе при Николае I. В результате работы комитета раздел о «Преступлениях государственных» был значительно дополнен. Проект переработанного и дополненного «Уложения о наказаниях» был утвержден Государственным советом в августе 1845 г., а с 1 мая 1846 г. «Уложение» вступило в действие.

Стр. 204. «*Quae medicamentae non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat*».— «Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь»—этот эпиграф к драме «Разбойники» Шиллер взял из так называемых «Афоризмов» древнегреческого врача и философа Гиппократа. Шиллер приводит афоризм не целиком: у Гиппократа он заканчивается словами: «а то, чего не излечивает огонь, должно считаться неизлечимым».

...народ требовал головы несчастного Обручева. — В. А. Обручев был арестован в 1861 г. за распространение прокламации «Великорус». Для того чтобы внушить массе городского населения провокационную мысль о связи «преступника» с поджигателями, обряд гражданской казни Обручева был назначен сразу же после майских пожаров в Петербурге. «Сегодня также, — записал 31 мая 1862 г. Никитенко в своем дневнике, — на Мытной площади происходила казнь ⟨В. А.⟩ Обручева за распространение возмутительного сочинения против государя и верховной власти, т. е. над его головой была переломлена шпага и объявлено ему: каторжная работа на три года, а затем вечное пребывание в Сибири» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, ГИХЛ, 1955, стр. 276—277). В официальной прессе сообщалось, что толпа требовала смертной казни Обручева.

Стр. 205. *...они не станут народной легендой, как братья Бандьеры и Пизакане...*— Активные участники национально-освободительной борьбы Италии за освобождение от австрийского ига братья Аттилио и Эмилио Бандьера 17 июня 1844 г. вместе с группой своих единомышленников высадились на побережье Неаполитанского королевства с целью поднять восстание против монархии Бурбонов, но были схвачены и расстреляны. Имена братьев Бандьера были очень популярны в итальянском народе. Рассказывая в «Письмах с via del Corso» (письмо третье) о демонстрации римлян в канун нового 1848 г., Герцен отмечал, что народ шел с лозунгом: «Да здравствуют итальянские мученики, братья Бандиера!» (т. V наст. изд., стр. 278). Карло Пизакане, один из руководителей обороны Римской республики в 1849 г., совместно с Маццини разработал в 1857 г. план высадки революционной экспедиции в Неаполитанском королевстве, которая должна была явиться началом общенеаполитанского восстания. 25 июня 1857 г. при осуществлении этого плана Пизакане погиб. В пятой части «Былого и дум» Герцен писал, что его смерть воспевалась в народных легендах (см. т. X наст. изд., стр. 67—68).

ВЫСТРЕЛЫ, РАНЫ И УБИЙСТВА

(КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ, ЛИДЕРС, АРНГОЛЬДТ И ПР.)

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1151—1152, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Константин Николаевич, Лидерс, Арнгольдт и пр.». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 334—335, без текста приговора, перепечатанного в статье из «Русского инвалида») со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 615). Нынешнее местонахождение записки неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером статьи («С внутренним ужасом и негодованием прочли мы», «Мы ненавидим...») и ее идейно-тематической близостью к статьям и заметкам, посвященным расправам царского правительства над русскими офицерами и солдатами в Польше (в частности, несомненна непосредственная связь с напечатанной в следующем, 140 листе «Колокола» статьей Герцена «Арнгольдт, Сливицкий и Ростковский» — см. стр. 215—216 наст. тома). О принадлежности Герцену свидетельствует также стиль статьи, в частности следующая оценка позиции Александра II по отношению к подвергшимся наказанию русским офицерам: «он в стороне, он скорбит душою и плачет... это все другие, какой-нибудь Апраксин, какой-нибудь Лидерс убивает... кабы от него зависело, он простил бы». Авторский вопрос: «Что прибавить к этому каннибальству?» напоминает аналогичный вопрос в заметке «Злодейство белевской помещицы Муромцевой»: «Когда же, в самом деле, правительство настолько образумится, чтоб принять какие-нибудь меры против шляхетского каннибальства?» (наст. том, стр. 128).

Стр. 206. *...какой-то фанатик (говорят ультракатолик) выстрелил в Константина Николаевича и слегка ранил его.*— 21 июня 1862 г. варшавский портной Л. Ярошинский стрелял в вел. князя Константина Николаевича. Сохранилась записка шефа жандармов В. А. Долгорукова об этом покушении: «Вчера вечером вел. кн. Константин Николаевич телеграфировал, что в девятом часу, выходя из театра, он увидел человека, подходившего к нему, как будто бы с просьбою. Вместо того, этот человек сделал на него выстрел из пистолета в упор; пуля пробила пальто, сюртук, рубашку, оцарапала ключицу и тут остановилась» (*Л* XV, 335). При аресте Ярошинского в его кармане было обнаружено воззвание, написанное им самим, в котором мотивировались причины покушения. Оно начиналось следующими словами: «Народу! Со времени прошлогодних происшествий было много крови, а потом много слез и страданий; резали нас, как телят, не было ни одного человека, который бы отплатил за злодеяние, но уже будет этого! Нужно крови за кровь» (*Л* XV, 336).

...Лидерс ∾ досадно, что его подняли до выстрела и реабилитировали до раны.— Временно исполнявший должность наместника в Польше граф А. Н. Лидерс был ранен 15 июня 1862 г. в Саксонском саду, в Варшаве. Благодаря помощи случайных свидетелей покушения стрелявшему удалось скрыться. Вел. князь Константин Николаевич писал по этому поводу Александру II 21 июня 1862 г.: «Если бы в толпе, бывшей в это время в Саксонском саду, было малейшее сочувствие к полиции, убийца не мог бы скрыться» («Дела и дни», кн. I,II.,1920,стр. 127). Л. Ярошинский в своем воззвании указывал, что покушение на Лидерса совершил он: «...из любви к родине, мстя за невинно пролитую кровь, я выстрелил в Лидерса» (*Л* XV, 336).

...фрейшиц Лидерс стреляет высочайше заколдованными пулями.— «Freischütz»— «волшебный стрелок»— согласно немецкой легенде, вступил в союз с дьяволом, который заколдовал его пули: из них шесть безошибочно попадали в цель, седьмую пулю дьявол направлял по своему усмотрению. Сюжет этой легенды послужил основой оперы Вебера «Волшебный стрелок».

ПОДРЯДЧИКИ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА В ЛОНДОНЕ

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1154, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Настоящая заметка является коллективным заявлением издателей «Колокола». Письма Герцена к сыну от 11 июня 1862 г. (см. реальный комментарий) и 13 июня 1862 г., в котором Герцен спрашивал: «Как же ты не прислал второе письмо шпиона?», указывают на принадлежность заметки перу Герцена. Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 338).

С т р. 209. *Во время оно Хребтович срезался на одном кандидате в корреспонденты III отделения.*— В 1858 г. ходили слухи, что поводом к отставке М. И. Хрептовича от должности русского посла в Лондоне послужило «то обстоятельство, что в отчете своем он показал значительную сумму, до 150 тысяч рублей, израсходованную якобы для обнаружения шести корреспондентов Герцена. Другие уверяют, что государь, получив чрез посредство графа Хребтовича список помянутым корреспондентам, уничтожил оный, не желая преследовать и даже знать лиц, сообщающих Герцену сведения о России» (*ЦГИАМ*). О судьбе Хрептовича Герцен упоминал в заметке «Усердный раб Бутенев и великий визирь» (см. т. XIII наст. изд., стр. 407 и комментарий к ней).

Полгода тому назад сильно хлопотали ∞ куда посланы отдельно напечатанные экземпляры «Что нужно народу?»...— Прокламация «Что нужно народу?» была написана Н. П. Огаревым совместно с членами общества «Земля и воля» — Н. А. Серно-Соловьевичем, Н. Н. Обручевым и А. А. Слепцовым. Впервые она была опубликована в *К*, л. 102 от 1 июня 1861 г. и одновременно напечатана отдельными листовками. Когда прокламация появилась в продаже, министр иностранных дел А. М. Горчаков предложил русскому поверенному в Гамбурге Кудрявскому «скупить все издания, не жалея расходов на издержки». О распространении прокламации «Что нужно народу?» в России см. документы, напечатанные в приложении к книге «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, часть 1, М., 1950, и статью И. С. Смолина «Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена» (Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 61, Л., 1947, стр. 57—62).

Месяц тому назад получили мы письмо от одного милого незнакомца...— В письме к сыну от 11 июня 1862 г. Герцен писал по этому поводу: «Читал ли ты французское письмо, посланное ко мне тобою без пакета (если пакет цел, не худо сохранить)? Это — шпион, предлагающий услуги; ему поручено узнать имена корреспондентов и он хочет надуть и меня, и правительство. Посторонним никому не говори до приезда, а если можно в глубочайшей тайне узнать через Тхоржевского (ему можешь сказать, но тоже пока по секрету), что за господин француз, наверное, живет: 4, Greville st. Hatton grdn., у какого-то Emile Gruwe и называется (вероятно, псевдоним) Louis Erregg, — узнать, не поминая меня ни одним словом, а письмо — ни одним звуком».

ПАВЕЛ ГАГАРИН

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1155, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Настоящая заметка, несомненно, была написана в редакции «Колокола». Об этом свидетельствуют следующие ее строки: «В наших бумагах есть *подробное изложение* этих драматических сцен <...> Мы не печатали их<...> мы готовы сделать все от нас зависящее для прославления их деяний». Имевшиеся здесь в виду материалы, разоблачающие П. П. Гагарина, действительно были опубликованы в «Колоколе», в л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1161: «Львов и Гагарин. (Отрывок из записки о деле Петрашевского)» — см. далее реальный комментарий.

Стиль этой заметки-памфлета, направленной против одного из представителей правящей верхушки царской России — П. П. Гагарина, свидетельствует о том, что она была написана Герценом. Авторство Герцена подтверждается, в частности, тем фактом, что о реакции, наступившей в России в 1862 г., особенно в связи с пожарами (см. комментарий к заметке «Зарево»), в настоящей заметке говорится: «...теперь, когда *в угаре* и чаду от пожара...» (курсив *Ред.*) и т. д.; это перекликается с первоначальным заголовком статьи «Молодая и старая Россия» — «Молодая Россия и угар» (см. «Варианты»). Ср. также фразу: «Перед такими ошибками, в которых презрение к народу едва смягчается колоссальностью тупости <...>» со следующей из заметки «Список лиц, которых правительство велело арестовать по возвращении из-за границы»: «...какая исполинская, колоссальная глупость нашего правительства!» (наст. том, стр. 229).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 339—340).

Царским указом от 16 июня 1862 г. председатель департамента законов Государственного совета крайний реакционер П. П. Гагарин был назначен членом Главного комитета об устройстве сельского состояния и председателем Государственного совета, «в случае отсутствия или болезни» графа Блудова. Желая показать истинное лицо Гагарина, политического дельца и интригана, Герцен использовал в своей заметке материалы из присланной ему «Записки о деле петрашевцев», автором которой был петрашевец Ф. Н. Львов. В архиве Герцена сохранилась черновая рукопись «Записки», относящаяся к концу 1859 — началу 1861 г. (см. публикацию этой «Записки» в *ЛН*, т. 63, стр. 165—188). На рукописи сделаны рукой М. В. Буташевича-Петрашевского многочисленные добавления в виде примечаний, заметок и поправок. Это дает право назвать Петрашевского соавтором «Записки». На первом листе рукописи имеется надпись: «Александру Ивановичу» и неразборчивая подпись (см. *ЛН*, т. 63, стр. 177). Возможно, рукопись «Записки» была доставлена Герцену Н. А. Белоголовым, который посетил Лондон в 1861 г. (см. Н. А. Белоголовый. Воспоминания, СПб., 1901, стр. 538).

Факты, которые упоминаются Герценом в настоящей заметке, были заимствованы им из третьего раздела «Записки» — «Следственная комиссия и усовершенствованный застенок», где рассказывалось о методах следствия по делу петрашевцев в 1849 г. В 140 л. «Колокола» был опубликован отрывок из «Записки о деле петрашевцев» под заголовком «Львов и Гагарин», в котором излагались подробности секретного допроса П. П. Гагариным петрашевца Львова. Гагарин потребовал от Львова сообщить следствию о том, что тогдашний наследник престола Александр Николаевич, будущий император Александр II, «предостерег» Львова и Момбелли, предложив им прекратить литературные вечера, в связи с тем, что по городу ходили слухи об их «чрезвычайном либерализме».

Гагарин хотел использовать это сообщение Львова против будущего императора, но Львов отказался сделать донос.

По предположению В. Р. Лейкиной-Свирской, опубликованный в «Колоколе» отрывок из «Записки» был отредактирован Герценом (см. *ЛН*, т. 63, стр. 170). В частности, она считает, что Герцену принадлежит следующая вставка: «Вот чего хотелось Гагарину. Что бы последовало за этим открытием? Повторилось ли бы дело царевича Алексея, или просто это было лакейское желание поссорить отца с сыном? Может быть, олигархическая партия действительно уже предвидела, что сын отнимет у нее рабов, и хотела воспользоваться удобным случаем для того, чтобы заставить его отказаться от престола?» (*К*, л. 140, стр. 1161). Весьма вероятно, что, публикуя в «Колоколе» отрывок из «Записки», Герцен несколько его сократил, но утверждать с определенностью, что вышеприведенные слова принадлежат Герцену, нет никаких оснований, так как по своему содержанию они близки всему духу «Записки о деле петрашевцев».

КЕЛЛЕР!

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1155, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематической и стилистической близости заметки к другим статьям, связанным с польскими вопросами, которыми занимался в «Колоколе» Герцен. Характерен для Герцена общий склад заметки, построенной как разговор с самим собой. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 340).

С т р. 211. *Что это за Келлер....*— В июне 1862 г. граф Э. Ф. Келлер был назначен директором комиссии внутренних дел Царства Польского.

...женат на родственнице б ы в ш е г о поляка Ржевуского...— По-видимому, имеется в виду граф Генрих Ржевуский, реакционный польский публицист, проповедовавший панславистские идеи объединения Польши с царской Россией.

ПИСЬМО гг. КАТКОВУ И ЛЕОНТЬЕВУ

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1155—1156, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *А. Герцен*. Автограф неизвестен.

Открытое письмо издателям-редакторам «Русского вестника» продолжает полемику Герцена с М. Н. Катковым, начатую в статьях «Сенаторам и тайным советникам журнализма» и «Дурные оружия» (см. комментарий к ним в наст. томе). Письмо явилось ответом на статью Каткова «Москва, 6 июня», напечатанную в «Современной летописи», № 23 за 1862 г., которая получила похвальный отзыв Александра II как «весьма хорошая статья».

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ <МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ИЗДАТЕЛЯМ «ДНЯ», «СОВРЕМЕННИКА», «РУССКОГО СЛОВА»...>

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1156, где опубликовано впервые, как объявление от издателей, без подписи. Автограф неизвестен.

Настоящее заявление издателей «Колокола» было написано самим Герценом. Об этом свидетельствует примечание с подписью: *А. Г.* к статье «Николай Гаврилович Чернышевский», сделанное в связи с утверждением неизвестного автора о том, что сенат признал Чернышевского виновным в «сношениях с изгнанником Герценом»: «О чем речь? — спрашивал Герцен.— Неужели о моем открытом предложении печатать „Современник" в Лондоне?» (см. *К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г., стр. 1550—т. XVIII наст. изд.).

В «Былом и думах» Герцен вспоминал, что он сделал приписку к письму Н. П. Огарева к Н. А. Серно-Соловьевичу, в которой «просил его обратить внимание Чернышевского ⟨...⟩ на наше предложение в „Колоколе" печатать на свой счет „Современник" в Лондоне» (см. т. XI наст. изд., стр. 327—328). Герцен имел в виду следующую свою приписку к письму Огарева к Серно-Соловьевичу (датируется приблизительно 20—24 июня 1862 г.): «Мы готовы издавать „Современник" здесь с Чернышевским, или в Женеве. Печатать предложение об этом?»

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 342).

Заявление «От издателей» является откликом редакции «Колокола» на правительственные распоряжения о запрещении И. С. Аксакову издавать газету «День» и о приостановке на 8 месяцев издания журналов «Современник» и «Русское слово» (см. примечание к стр. 199 наст. тома).

Выступая на страницах «Колокола» с предложением издавать в Лондоне столь разные по направлению органы и обещая при этом материальную поддержку их издателям, Герцен стремился подчеркнуть свою солидарность с жертвами цензурного террора. Однако, если журналы «Современник» и «Русское слово» идейно были близки Герцену, то направление аксаковского «Дня» вызывало у Герцена все более критическое отношение. Еще в 1861 г. в своем отзыве о первых номерах «Дня» Герцен отметил, что в большей части статей, напечатанных в газете, сквозит узкий национализм, преклонение перед официальной церковью и абсолютизмом (см. публикацию Б. П. Козьмина «Письмо А. И. Герцена И. С. Аксакову» в *ЛН*, т. 39-40, стр. 250—252). В 1862 г. у Герцена уже не могло быть сомнений в том, что газета Аксакова, несмотря на отдельные выступления в пользу «свободы печати» и критику бюрократического произвола,— славянофильский орган, преданный принципу неограниченного самодержавия. Однако Герцен все-таки считал возможным союз с Аксаковым и его газетой, излишне доверяя политической честности последнего и видя в «Дне» оппозиционный правительству орган. Аксаков, конечно, не пошел на предложение Герцена. Он предпочел добиваться у правительства разрешения на досрочное возобновление выхода своей газеты. 15 октября 1862 г. издание газеты возобновилось под формальным редакторством Ю. Ф. Самарина и фактическим Аксакова. С 1863 г. газету опять подписывал Аксаков.

Еще до публикации заявления «От издателей» на страницах «Колокола» Герцен в письме к Н. А. Серно-Соловьевичу от 20—24 июня 1862 г. предложил Чернышевскому продолжить издание «Современника» в Лондоне или в Женеве. Как отнеслась к этому предложению редакция «Современника» — неизвестно. И. С. Тургенев писал 27 августа 1862 г. в связи с публикацией настоящего заявления: «Но как это Вы напечатали предложение издателям „Современника", „Русского слова" и „Дня" издаваться на Ваш счет в Лондоне! Ведь это все равно, что кирпичем их по голове, да и вероятно ли, что *Некрасов*, гр. Кушелев и даже Аксаков (или его продолжатель Елагин) захотят сжечь свои корабли. Это было очень необдуманно с Вашей стороны: Некрасов, пожалуй, увидит в этом желание отомстить ему» (*Письма КТГ*, стр. 149).

АРНГОЛЬДТ, СЛИВИЦКИЙ И РОСТКОВСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1157, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». В *ОК* озаглавлено: «Новые мученики». Автограф неизвестен.

В 1861 г. в русской армии, расквартированной в Царстве Польском, была создана нелегальная организация, объединявшая революционно настроенных офицеров. Она находилась под большим идейным влиянием «Колокола» и была связана с его издателями и членами общества «Земля и воля» (подробнее см. об этом в *ЛН*, т. 61, стр. 484—486, 512—518, 534—540).

Деятельность этой организации прослеживается уже осенью 1861 г., когда среди солдат 1-й армии распространялись «Колокол», выписки из него, а также «Великорус» и другие воззвания. В это же время установились связи этой организации с польской повстанческой организацией. 1 июня 1862 г. на страницах «Колокола» (л. 135) в письме русских офицеров из Царства Польского (это первое открытое выступление «Комитета русских офицеров» в Польше) сообщалось: «Едва поляки заметили наши слабые усилия сблизиться с ними и смыть позорное пятно, лежащее на нас, как братски подали нам руку...» Царские власти напали на след русской революционной организации офицеров. В феврале и апреле 1862 г. был арестован ряд офицеров 4-го стрелкового батальона 1-й армии. Среди них были И. Н. Арнгольдт, П. И. Сливицкий и Ф. Ростковский, расстрелянные 16 июня 1862 г. в крепости Новогеоргиевск (Модлин). Материалы суда и следствия по этому делу приводятся Герценом в статье «Выстрелы, раны и убийства» (стр. 206—208 наст. тома).

Во второй половине июня 1862 г. в целом ряде мест, где находились русские войска, были отслужены панихиды по расстрелянным офицерам. Через полтора месяца после этого главнокомандующий 1-й армией А. Н. Лидерс уведомил шефа жандармов Долгорукова, что в варшавском гарнизоне распространена прокламация «Духовное завещание поручиков Арнгольдта и Сливицкого, унтер-офицера Ростковского и рядового Щура, погибших мученическою смертью 16-го июня 1862 года в крепости Новогеоргиевске», которая призывала солдат и офицеров объединиться для совместной борьбы с самодержавием (полный текст прокламации напечатан: *Л* XV, 361—362). Появление прокламации свидетельствовало о том, что организация, участниками которой были казненные офицеры, продолжала существовать. Несомненно, текст этой прокламации был известен Герцену и послужил материалом для настоящей заметки.

С т р. 215. *«Инвалид» поместил каннибальский приговор...* — Текст приговора, опубликованный в газете «Русский инвалид» (№ 136 от 20 июня 1862 г.), был перепечатан Герценом в составе статьи «Выстрелы, раны и убийства» (наст. том, стр. 206—208).

Или трех несчастных ∞ пожертвовали Хрулеву? — Генерал-лейтенант С. А. Хрулев, руководивший расстрелом демонстрации на улицах Варшавы 10 апреля 1861 г., в 1861—1862 гг. был командиром второго армейского корпуса (см. «Mater dolorosa», «У Кокорева свой Хрулев» — т. XV наст. изд.).

...подстрелили Лидерса, подписавшего приговор! — О покушении на Лидерса см. в примечании к стр. 206.

МИНИСТЕРСКАЯ ПОПРАВКА

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1164, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематической связи этой заметки со всеми выступлениями Герцена против политики царского правительства в области цензуры. Используя официальное сообщение, напечатанное в «Северной пчеле» о том, что газета «День» «не подверглась запрещению, а *только бывший ее издатель, надворный советник Аксаков, лишен права на издание газеты*», Герцен высмеивает помещенную в газете «министерскую» поправку, раскрывая совершенно определенное стремление правительства придать периодической прессе официозный характер. В этом смысле заметка несомненно перекликается со статьей Герцена «Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов» (см. наст. том). Именно в этой связи упоминается здесь имя Н. Ф. Павлова, ставшего для Герцена нарицательным для обозначения продажной журналистики. Характерна для Герцена и ироническая концовка заметки.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 368).

В официальном отделе газеты «Северная почта» от 19 июня 1862 г. (№ 132) под общим заголовком «О прекращении издания газеты „День" и журналов „Современник" и „Русское слово"» были напечатаны высочайшее повеление о лишении И. С. Аксакова права издавать газету «День» и совместное постановление министра внутренних дел П. А. Валуева и управляющего министерством народного просвещения А. В. Головнина о прекращении на 8 месяцев издания журналов «Современник» и «Русское слово». Эти постановления под тем же заголовком были перепечатаны «Северной пчелой» в № 164 от 20 июня 1862 г. Через несколько дней в № 138 «Северной почты» появилась «Поправка», в которой говорилось, что постановления о «Современнике», «Русском слове» и газете «День» были неверно озаглавлены редакцией, «из чего читатели газеты могли заключить, что воспрещение, какому подверглись оба означенные журналы, простирается и на газету „День", тогда как, по точному изъявлению высочайшей воли, газета эта вовсе не подверглась подобному взысканию. Редакция покорнейше просит читателей исправить ошибку в помянутом заглавии таким образом: «О воспрещении надворному советнику Аксакову продолжать издание газеты „День" и о прекращении на 8 месяцев издания журналов „Современник" и „Русское слово"». Эта поправка также была перепечатана «Северной пчелой» (№ 171 от 27 июня 1862 г.).

Поправка к «Поправке», которую полностью включил Герцен в настоящую заметку, была напечатана по приказанию министра внутренних дел Валуева сначала в «Северной почте», а затем в «Северной пчеле» сразу же после выхода в свет № 138 «Северной почты». 26 июня, т. е. на следующий день после выхода этой газеты, редактор «Северной почты» А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Сделана ошибка в поправке ошибки по поводу запрещения Аксакову издавать газету „День". Министр придал этому чрезмерное значение и сделал типографии и редакции несоответственно строгий выговор. Это с некоторых пор его обыкновенный способ выражать лично мне свое нерасположение. Нет, решительно надо подавать в отставку. Всякое живое слово в газете вызывает в нем досаду, которую он срывает на опечатках и тому подобных мелочах. Газете грозит ограничиваться простою перепечаткою его циркуляров и других официальностей» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, ГИХЛ, 1955,

стр. 282). Через несколько дней после этого Никитенко был отстранен от должности редактора «Северной почты».

С т р. 217. ... *если «День» хочет, то он может выходить без редактора...* — О причинах закрытия газеты «День» см. выше, на стр. 412—413 наст. тома.

‹РЕДАКЦИЯ «КОЛОКОЛА» БЫЛА БЫ ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНА...›

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1164, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Заметка представляет собой коллективное заявление от имени редакции «Колокола». В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 368).

С т р. 217. ...*прислал те №№ «Нашего времени», в которых Н. Ф. Павлов громил «Молодую Россию» и нас, русских стариков...* — Вместе с «Современной летописью» Каткова самое деятельное участие в походе против Герцена приняла газета Н. Ф. Павлова «Наше время», в которой был опубликован ряд статей, направленных против Герцена и прокламации «Молодая Россия». 30 мая 1862 г. в № 113 «Нашего времени» была напечатана передовая статья «Москва, мая 30-го», открывшая кампанию против Герцена. Клеветнически обвиняя авторов «Молодой России», передовая указывала на прямую связь прокламации с публицистической деятельностью Герцена. С началом петербургских пожаров в газете не раз отмечалось, что «намерение волновать Россию идет издалека, не ограничиваясь заставами Петербурга и даже границами нашего отечества» (см. «Наше время» от 3 и 9 июня 1862 г., стр. 463 и 488). В период с июля 1862 г. по январь 1863 г. в «Нашем времени» было опубликовано семь статей под общим заглавием «Г. Герцен и г. Огарев (Русская литература за границей)», в которых, наряду с резкой критикой революционных убеждений Герцена, отмечалась сила его литературного таланта.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ‹ПОМЕЩАЯ В НЫНЕШНЕМ ЛИСТЕ «КОЛОКОЛА» ПРИГЛАШЕНИЕ г. БЛЮММЕРА...›

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1165, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этим заявлением открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

С т р. 219. *Помещая в нынешнем листе «Колокола» приглашение г. Блюммера, которое поддерживаем всеми силами...* — По неизвестным причинам упоминаемое в настоящем заявлении «приглашение» Блюммера не было напечатано в 141 листе. Не появилось оно и в последующих листах «Колокола».

‹ОТЧЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИТАИЛОСЬ С СЛЕДСТВИЕМ О ЗАЖИГАТЕЛЬСТВЕ?›

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1165, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в № 4 «La Cloche».

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи с заметкой Герцена «Зарево» (см. наст. том, стр. 122). Включено в издание Л. А. Тихомирова (*Т*, 342). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 369).

С началом майских пожаров в Петербурге стали распространяться провокационные слухи о причастии к ним революционной молодежи, особенно студенчества. Реакционная и либеральная пресса на страницах таких газет и журналов, как «Московские ведомости», «Наше время», «Северная пчела», «Отечественные записки» и др. поддерживала эти слухи и требовала для «поджигателей самого жестокого наказания», тем самым развязывая правительству руки для репрессий против демократического лагеря. Хотя ни разу эти нелепые обвинения не были подкреплены фактами, правительство не замедлило создать в июне 1862 г. две специальные следственные комиссии: комиссию для обнаружения участников поджогов и комиссию для расследования источников и путей распространения прокламаций и других революционных изданий. Этими комиссиями был сфабрикован ряд политических процессов, в частности, процесс Н. Г. Чернышевского, который был признан виновным в авторстве прокламации «Барским крестьянам», в сношениях с Герценом и в подготовке возмущения против существующего строя («процесс 32-х», обвинявшихся в «сношениях с лондонскими пропагандистами») и др. Однако обнаружить «зажигателей» следственным комиссиям так и не удалось, поэтому требования Герцена в «Колоколе» напечатать материалы о результатах расследования комиссии для обнаружения участников поджогов оставались без ответа (см. в наст. томе запросы Герцена по этому вопросу: «Третий раз спрашиваем мы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“»).

Герцен сразу рассмотрел за шумихой о «поджигателях» источник распространения провокационных слухов. В «Четвертом запросе от издателей „Колокола“» он писал: «Зажигателей вне полиции не нашли, а в полиции не искали...» (стр. 262 наст. тома). Впоследствии В. И. Ленин писал: «...есть очень веское основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция*» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 5, стр. 27).

ЖУРНАЛИСТЫ И ТЕРРОРИСТЫ

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1165—1167, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Автограф неизвестен.

Статья «Журналисты и террористы» развивает мысли, изложенные Герценом в статье «Мясо освобождения».

Несмотря на сказывающиеся в ней народнические иллюзии, мечты о бескровном, хотя и коренном социальном перевороте и даже слабую надежду увидеть в царизме, якобы лишенном классовой опоры в господствующих классах, «кормило народной державы», существеннейшее содержание статьи определяется призывом Герцена к сосредоточенной и упорной революционной работе, направленной к тому, чтобы в свое время, после тщательной подготовки, помочь поднять народ, «морскую волну», на борьбу с господствующим в России строем, на борьбу, в результате которой самодержавие может оказаться на «морском дне».

Стр. 220. *...почему вы вспомнили именно 8 термидор и команду якобинского генерала Ганрио?* — Вероятно, речь идет о 9 термидора

1794 г., когда, благодаря крайней нерешительности и медлительности начальника национальной гвардии Анрио в организации сопротивления контрреволюции, была подавлена якобинская диктатура. Анрио прославился 2 июня 1793 г. тем, что возглавил стотысячную толпу парижан, потребовавшую от Конвента исключения из своего состава жирондистской партии. Когда Конвент сделал попытку отстоять депутатов-жирондистов, Анрио скомандовал: «Канониры, к орудиям!», и Конвент вынужден был удовлетворить требование парижан.

С т р. 222. ... *голову герцогини Ламбаль на пике...*— Имеется в виду казнь в «сентябрьские дни» 1792 г. принцессы Ламбаль. Ненависть народа к ней была так велика, что ее отрубленную голову носили на пике по улицам Парижа в знак торжества над контрреволюцией.

... *май смерти, как май жизни, цветет только один раз und nicht wieder.*— Строки из стихотворения Ф. Шиллера «Resignation» («Отречение»).

... *живые, довольные, как Симеон Богоприимец, тем, что увидели нарождающуюся Русь.*— Согласно евангельской легенде, праведнику Симеону было предсказано, что он не умрет до тех пор, пока не увидит Иисуса. По внушению свыше, Симеон пришел в храм, в который принесли Иисуса в сороковой день после его рождения, принял его на руки и сказал: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко» (Евангелие от Луки, гл. II, 25—30). Герцен сравнивает легенду о Симеоне Богоприимце с позицией московских либералов, которые увидели в реформе 1861 г. начало возрождения России.

ХРОНИКА ТЕРРОРА

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1168, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена для настоящей заметки, написанной на основании корреспонденций, полученных из России, а также русских и иностранных газет, определяется ее редакционным характером и стилистическими особенностями. Полученные редакцией «Колокола» известия из России о политических преследованиях по делу о петербургских пожарах непосредственно связаны с заметками Герцена «Зарево» и «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?» (см. наст. том). Подстрочное примечание: «Нужно ли говорить, что это подлая клевета, гнусная ложь?» перекликается с концовкой заметки Герцена «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?»: «Не была ли это такая же гнусная проделка, как натравливание обманутого народа на студентов?» (наст. том, стр. 219).

Принадлежность статьи Герцену подтверждается также ироническим противопоставлением в ней «безумных и гадких действий» царского правительства его «милостям». В этом отношении характерны упоминания о «благодарности от высшего начальства» Каткову за «Современную летопись» (ср. статью Герцена «Дурные оружия»), о «двух» благодарностях Павлову, об утверждении «потомственным дворянином» фельдфебеля Миниха. Иронический совет Головнину «быть осторожнее на словах в комитете министра: при министре Шувалове там будет шпион», несомненно перекликается со следующим местом из памфлета Герцена «Окле-ветанный граф»: «⟨...⟩ граф вовсе не бросил свои слуховые трубы, но расширил голубой круг действий III отделения; граф будет теперь *аускультировать* не только Россию, но всю Европу, он будет не только графом в свите, но чем-то вроде секретного папы, подслушивающего „грады и вселенную"» (см. т. XV наст. изд., стр. 207). Характерно для стиля Герцена словосочетание «потаенствующие литераторы» (ср. «гнейстующие Кузени», наст. том, стр. 90).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (без документов, *Л* XV, 378—379).

Стр. 227. *В первых числах июля (между 1 и 8 числом) решено в сенате дело о тверских мировых посредниках ∞ в исполнение.*—См. примечание к стр. 91.

Стр. 228. *Катков получил благодарность от высшего начальства за 23 № «Современной летописи»* — В № 23 «Современной летописи» была напечатана статья Каткова «Москва, 6 июня» (см. комментарий к «Письму гг. Каткову и Леонтьеву», наст. том, стр. 419). В письме к Е. В. Салиас де Турнемир от 21 августа 1862 г. Герцен сообщал о Каткове: «Он получил, говорят, перстень».

... Павел Филиппович Миних ∞ утвержден потомственным дворянином.— Сообщение об «утверждении в потомственном дворянском достоинстве» П. Ф. Миниха, предавшего А. А. Яковлева, Энгеля, Посникова и Еллинского (см. комментарий к стр. 308), было напечатано в «С.-Петербургских ведомостях», № 152 от 14 июля 1862 г.

Шувалов ∞ возвращается для занятия места министра полиции...— См. об этом также в заметке «Министр полиции будущего тысячелетия России» (наст. том, стр. 231).

... офицерах гвардейского саперного батальона, попавшихся под следствие за политическое дело.— Речь идет о штабс-капитане Энгеле, поручиках Посникове и Еллинском (подробнее о них см. в комментарии к заметке «Смертный приговор», наст. том, стр. 477—478).

Последовала высочайшая конфирмация ∞ (*«Соврем. слово»*) — Конфирмация по делу поручика Н. Янковского была напечатана в «Современном слове», № 38 от 14 июля 1862 г.

‹СПИСОК ЛИЦ, КОТОРЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЕЛЕЛО АРЕСТОВАТЬ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ›

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1172, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к В. В. Стасову от 9 августа 1862 г., в котором Герцен писал: «Наши польские корреспонденты прислали нам лист имен, означенных на границе, которых по возвращении будут задерживать. Лист начинается *вашим именем* — и кого-кого там нет: Рубинштейн и Жемчужников. Лист этот поляки уже посылали в „Czas“, я его напечатаю в „Колок‹оле›“, в „Opinion Nationale“ и в „Daily News“». Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 379—380).

На основании донесений агента III отделения, следившего за домом Герцена в Лондоне, шеф жандармов В. А. Долгоруков составил и разослал пограничным таможням список лиц, посетивших летом 1862 г. Герцена, с приказом арестовать их. Почти все лица, перечисленные в этом списке, при возвращении в Россию были подвергнуты самому строгому обыску; так, управляющий таможней в г. Вержболове донес своему начальству, что в период с августа по ноябрь 1862 г. им были задержаны и обысканы Н. Г. Рубинштейн, Ф. С. Плаутин, В. В. Стасов, П. Н. Загоскин, Б. Ф. Калиновский и др. (см. дело «О лицах, заподозренных в сношениях с изгнанником Герценом»— *ЦГИАМ*, ф. III отд., № 109, оп. 5, ед. хр. 230, ч. 94).

Составленный Долгоруковым список неизвестным путем попал к польским корреспондентам Герцена, которые отослали его в редакцию газеты «Czas» и в «Колокол» (в «Czas» он был опубликован с некоторыми неточностями 7 августа 1862 г., а затем появился в ряде других европейских газет).

Сохранились свидетельства о том, что все обозначенные в списке лица, подлежавшие задержанию при возвращении из-за границы, действительно весной и летом 1862 г. бывали у Герцена. В отчете Долгорукова за 1862 г. сообщалось, что «по наблюдению за русскими, посещавшими Герцена в июне месяце минувшего года, оказалось, что их было человек до тридцати, и что они делились на таких, которые приходили к нему в определенные приемные дни, преимущественно из любопытства, и на таких, которые участвуют более или менее в преступных его намерениях. К сей последней категории принадлежали, кроме постоянно бывших у Герцена известных выходцев, следующие приезжие лица, большею частью мелкие журнальные писатели: Альбертини, Достоевский, Мартьянов, Писемский, Черкесов, Касаткин, Калиновский, Сатин, Стасов, Ковалевский, Давыдов и Встошников» (*Л* XV, 586).

О своей встрече с Ф. М. Достоевским Герцен сообщал Н. П. Огареву в письме от 17 июля 1862 г.: «Вчера был Достоевский. Он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом в русский народ». Примерно в это же время Герцен встречался с критиком В. В. Стасовым (см. письмо Герцена к Стасову от 10 июля 1862 г.). В июне 1862 г. частым гостем Герцена был пианист Н. Г. Рубинштейн (см. письмо Герцена к Н. А. Огаревой от 26 июня 1862 г.). О свидании с А. Ф. Писемским и В. Ф. Коршем Герцен сообщал 21 июня 1862 г. в письме к Н. А. Огаревой.

Узнав о том, что за его домом идет слежка и что русские, посещающие его, будут подвергаться репрессиям при возвращении на родину, Герцен писал В. В. Стасову 9 августа 1862 г.: «Воскресенья и среды надобно приостановить ⟨...⟩ Шпионство усилилось до наглости».

Стр. 229. ...*«Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!»* — Строки из поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ СВ. МИТРОФАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО С ТОВАРИЩИ В ЛИЦА МЕНЕЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1179, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Отставка св. Митрофания». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы с удовольствием прочли...», «Мы согласны...», «Мы решительно требуем...») и ее связью со статьей «Юбилей», в которой Герцен иронически предлагал «делать барельефы для *временно великих людей* на подвижных дощечках, так, чтоб по мере надобности и отшествия к праотцам новых знаменитостей заменять их» (см. наст. том, стр. 31). Именно это место из своей статьи имеет в виду Герцен, когда пишет, что «мысль, поданная „Колоколом", о подвижных и лицепеременных медальонах на памятнике тысячелетия, правительством принята». В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 418).

Стр. 230. *Мы с удовольствием прочли в «С.-Петербургских ведомостях»...*— Герцен имеет в виду корреспонденцию И. К-ва «Несколько слов о памятнике тысячелетия России», напечатанную в № 164 «С.-Петербургских ведомостей» от 29 июля 1862 г., в которой сообщалось из

Новгорода, что «на барельефе памятника произведены небольшие изменения против первоначального плана: некоторые лица, как менее замечательные, уничтожены вовсе и заменены другими; не будут помещены на барельефе: св. Митрофаний воронежский, Дмитревский (актер) и Шевченко (поэт), а взамен их будут изображены император Николай I (в числе государственных людей) и Державин (в отделе литераторов)».

.. *мысль ∞ о подвижных и лицепеременных медальонах на памятнике тысячелетия....*— См. статью «Юбилей», стр. 31 наст. тома.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ДВОРЯНИН

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1179, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Первый и последний дворянин». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематической близости заметки к его обличительным выступлениям против лиц царской фамилии. Основу заметки составил факт, о котором вскользь было упомянуто в статье «Хроника террора»: «Павел Филиппович Миних, фельдфебель 3-й саперной роты, произведен в чиновники 12-го класса и утвержден потомственным дворянином» (см. наст. том, стр. 228). В настоящей заметке этот эпизод используется для сатирической оценки политики императора Александра II («первого дворянина русского») и всего царского самодержавия, награждающего за донос.

Принадлежность заметки Герцену подтверждается также той иронической характеристикой, которая дана в ней вел. князю Николаю Николаевичу. Обличение «знатока птичьего сердца и куриного полета» текстуально близко следующему месту из статьи Герцена «Исполин просыпается!»: «Николай Николаевич, вставший с первыми петухами, по общей любви к курам...» (см. т. XV наст. изд., стр. 174). Сатирическое обыгрывание прозвища Николая Николаевича — «l'Oiseleur» («птицелов») — не раз встречалось в заметках Герцена (см. «Неприкосновенность великокняжеских камердинеров» — т. XIV наст. изд.; ср. заголовок заметки «Николай „l'Oiseleur", ловец душ крестьянских» — *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 915). Заглавие и начало заметки перекликаются со следующим местом из статьи «Дворянская крамола»: «Неужели и тут повязка не падет с глаз царских и он еще будет хвастаться не тем, что он *первый русский*, а тем, что он *первый дворянин?*» (наст. том, стр. 33).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 418).

С т р. 230. *Первый дворянин русский покончил благородное сословие свое, назначив фельдфебеля Миниха последним дворянином.*— Намек на Александра II, который любил называть себя первым дворянином (см. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 359—360). О Минихе см. в примечании к стр. 228.

С т р. 231. *В лейб-уланском полку унтер-офицер ∞ Николаев...*— Летом 1862 г. по доносу унтер-офицера Николаева была арестована учительница Павлова. В своем доносе Николаев сообщал III отделению, что Павлова в разговорах с ним и его матерью «приглашала его к возмущению нижних чинов и высказалась о существовании тайного общества, имеющего целью ниспровержение государственного порядка» (*ЦГИАМ*, ф. III отд. № 109, оп. 5, ед. хр. 230, ч. 10).

МИНИСТР ПОЛИЦИИ БУДУЩЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1179, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Балашов-Шувалов». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании того, что торжества по случаю тысячелетнего юбилея России постоянно были объектом его иронических выступлений (см., например, статьи «Юбилей» и «Перечисление св. Митрофания воронежского с товарищи в лица менее замечательные» в наст. томе). В этом смысле характерно для Герцена упоминание о «беспорочном тысячелетнем существовании России», перекликающееся со следующим ироническим местом из статьи «Юбилей»: «Как не смешна сама по себе мысль праздновать день в день зачатие какого-нибудь государства ⟨...⟩ но нападать на это мы не станем, как на дело невинное» (наст. том, стр. 30). Типична для Герцена и та ирония, с какой он пишет об «устройстве слухового аппарата в Лондоне», подразумевая здесь попытки III отделения постоянно вести полицейскую слежку за издателями «Колокола» (см. комментарий к статье «Хроника террора», стр. 425 наст. тома). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 418—419).

ПО ПОВОДУ КРЕПКИХ СЛОВ[Г]г. КАТКОВА И СЛАБОСТЕЙ ГЕНЕРАЛА ПОТАПОВА

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», стр. 1180, без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Катков и пр.». Автограф неизвестен.

Принадлежность статьи Герцену определяется его письмом к гр. Е. В. Салиас де Турнемир от 21 августа 1862 г., в котором Герцен сообщал: «Брань Каткова я знаю по статейке Бени в мою защиту; „Рус⟨ский⟩ вест⟨ник⟩“ еще не пришел сюда. Это меня не заставляет худеть, а Каткова я обличил для пользы отечества ⟨...⟩». Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 419—421).

Поводом для написания настоящей статьи послужила широкая клеветническая кампания против Герцена, начатая в реакционной русской прессе после появления в июньской книжке «Русского вестника» за 1862 г. «Заметки для издателя „Колокола“» М. Н. Каткова. В этом пасквиле Катков, не стесняясь в выражениях, обрушился на «социалистические бредни», «грубейший материализм» и «пророческий тон» Герцена. Обругав его «генералом от революции» и человеком «без твердых убеждений», Катков назвал имя Герцена среди виновников петербургских пожаров.

Нет сомнения, что кампания против издателей «Колокола» была инспирирована правительственными кругами. В годовом отчете за 1862 г. шеф жандармов В. А. Долгоруков отмечал, что этот год «замечателен в нашей литературе, между прочим, и тем, что в этом году начали печатно говорить у нас о Герцене. Инициатива этого принадлежит высшему правительству...». Это заявление Долгорукова разъясняют воспоминания председателя цензурного комитета В. Цеэ, который писал, что он предложил министру народного просвещения А. В. Головнину новый план борьбы с вольной печатью Герцена — «разрешить нашей печати возражать на статьи „Колокола“». 29 мая 1862 г. Александр II на докладе Головнина по этому вопросу одобрил этот план («Русская старина», 1897, № 9, стр. 274). Поэтому, когда московский цензурный комитет получил от Каткова «Заметку для издателя „Колокола“», он сразу же направил ее Головнину, который прислал личное разрешение на печатание этой статьи.

«Никто в Москве, даже в редакции „Русского вестника“ ничего не знал, а типография набирала все такими клочками, чтобы наборщики не могли сообщить ничего студенчеству университета, хозяину типографии. Словом, Катков проявил большую ловкость и способность быть полезным в важных случаях»,— сообщал Цеэ в письме к своему приятелю (*Л* XV, 455).

Очевидность официозного характера кампании против Герцена подтверждает и тот факт, что «Заметка» Каткова была перепечатана в ряде близких правительству петербургских газет: «Сын отечества», «Домашняя беседа», «Северная почта» и «Journal de St.-Pétersbourg». Редакторы этих газет сопроводили ее сочувственными предисловиями и примечаниями (см. заметку «Канцлер-памфлетист» и комментарий к ней — наст. том, стр. 272 и 448—449).

После выхода в свет «Заметки» Каткова, страницы почти всех русских газет запестрели откликами на нее. Реакционная часть русской прессы поспешила принять живейшее участие в походе против Герцена. Особенно рьяно обрушились на издателей «Колокола» газеты «Московские ведомости», «Наше время» (см. в наст. томе комментарий к заметке «Редакция „Колокола“ была бы очень благодарна...»), «Северная пчела» (№ 232 от 28 августа 1862 г.), журнал А. А. Краевского «Отечественные записки» (подробнее об этом см. *Л* XV, 421—456).

Оберегая Каткова от критики в русской печати, Головнин 30 июля 1862 г. распорядился «не пропускать ни одной статьи против заметки Каткова на Герцена, не показав предварительно председателю Цензурного комитета». В связи с этим интересно отметить, что в томе втором «Сборника статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», изданном министерством внутренних дел для служебного пользования с грифом «секретно», содержатся статьи, написанные в защиту Герцена и осуждающие позицию Каткова (см. в этой книге статьи «Герцен и Катков», «Несколько соображений относительно заметки г. Каткова для издателя „Колокола“», «Полемика г. Каткова с издателями „Колокола“»). Однако, несмотря на охрану Каткова от критики, в ряде русских сатирических журналов появились насмешливые отклики на выступление Каткова против Герцена («Искра», № 22 за 1862 г.; «Развлечение», № 28 от 11 июля 1862 г., стр. 35; «Гудок», № 39 за 1862 г., стр. 311).

Позднее даже сторонник Каткова, Н. М. Павлов, отмечал, что в обществе статья Каткова «не встретила ни малейшего сочувствия» («Русское обозрение», 1895, № 5, стр. 319). Отрицательно отозвались о ней М. П. Погодин, И. С. Тургенев, И. С. Аксаков (об откликах на статью Каткова см. в книге В. П. Батуринского «А. И. Герцен, его друзья и знакомые», т. 1, СПб., 1904, стр. 176—181).

Во время написания настоящей статьи Герцен не был знаком с текстом «Заметки» Каткова, а знал о ней по откликам в русской печати (см. письмо Герцена к гр. Е. В. Салиас де Турнемир от 21 августа 1862 г.). Получив через некоторое время «Русский вестник» со статьей Каткова и увидев, что она вышла за границы полемики, Герцен решил не отвечать на нее (см. примечание к заметке «Ей-богу, надоело» на стр. 241 наст. тома). Поместив на страницах «Свободного слова» письмо из России в защиту Герцена под заголовком «Голоса общественного мнения», Блюммер писал в предисловии от редакции: «Статья г. Каткова о Герцене〈...〉 написана в таком тоне, благодаря которому отвечать на нее лицу, о котором там говорится, невозможно. Что, в самом деле, возражать на площадную брань, вроде: кривляка, фигляр, недоносок?〈...〉 В такую полемику нельзя пускаться, не роняя своего достоинства. Герцен поэтому и предоставил решить дело общественному мнению» («Свободное слово», т. I, вып. 7-8, 1862 г., стр. 583).

---

[1] Стр. 232. ... *«средь грозных бед» ∞ «гимны смелые внушал»*... — Несколько измененные строки из оды Пушкина «Вольность». У Пушкина:

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,

Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.

... *«С.-Петербургские ведомости» становятся каким-то «Père Duchesn'ом» реакции.*— Газета «Père Duchesne» («Отец Дюшен»), издававшаяся в 1791—1794 гг. левым якобинцем Ж. Р. Эбером, была популярнейшей народной газетой времен французской революции.

Мы радуемся за почтенного А. А. Краевского, что «СПб. ведомости» переходят с будущего года в другие руки...— А. А. Краевский был одним из издателей и редакторов «С.-Петербургских ведомостей» с 1852 г. 15 августа 1862 г. в № 177 этой газеты было напечатано объявление о том, что с 1 января 1863 г. Краевский будет издавать газету «Голос». Арендатором и редактором «С.-Петербургских ведомостей» в 1863 г. становится В. Ф. Корш.

Краевский, сделавший всю карьеру свою, давая приют и трибуну гуманному направлению ∞ Позавидует теперь Андрей Александрович не раз «Современнику».— Герцен имеет в виду ту известность, которую приобрел Краевский как издатель журнала «Отечественные записки». Руководствуясь чисто коммерческими интересами, Краевский стремился поднять значение своего журнала, для чего привлек к работе Белинского, ставшего во главе критико-библиографического отдела, а также предоставил страницы журнала для произведений Герцена, Огарева, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Тургенева, Грановского. Эти имена определили выдающуюся роль журнала в литературной и общественно-политической жизни 40-х годов. После ухода из «Отечественных записок» Белинского (1846 г.) центром литературной жизни становится «Современник». В 60-х годах в «Отечественных записках» часто печатались статьи официозного характера. Так, в редакционном обозрении «Современная хроника России», опубликованном в июньской книжке журнала за 1862 г., поносилась прокламация «Молодая Россия» и оправдывалась правительственная реакция.

Du civisme, citoyen...— Немножко гражданской доблести, гражданин! (франц.)

Вот как выражается Мара-Эвальд «Отечеств. зап.»...— Иронически называя Эвальда Маратом, Герцен цитирует далее его статью «Все и ничего», опубликованную в июньской книжке «Отечественных записок» за 1862 г. за подписью «— дъ».

С т р. 233. ... *приятно видеть плач Илии Арсеньева о ∞ казни Аргольдта, Сливицкого и Ростковского ∞ которой кровь никогда не смоет нынешнее царствование.*— Далее Герцен цитирует (несколько неточно) статью И. А. Арсеньева «По поводу последних варшавских событий», написанную в связи с покушением 26 июля 1862 г. Л. Рыля на маркиза Велёпольского. Она была опубликована в «С.-Петербургских ведомостях» 1 августа 1862 г. (№ 166). О «плаче» Арсеньева по поводу казни Аргольдта, Сливицкого и Ростковского Герцен говорит иронически, так как Арсеньев в своей статье выступил против польских патриотов, покушавшихся на Лидерса, вел. князя Константина Николаевича и Велёпольского. Отзыв о статье Арсеньева см. также в письме Герцена к Е. В. Салиас де Турнемир от 21 августа 1862 г.

С т р. 232. *Ваш дядюшка д у р а к!* ∞ *Чичиков.*— Неточная цитата из «Мертвых душ» Гоголя (том II, глава 2).

С т р. 234. ... *все усилия Суворова и Анненкова обращены на то, чтоб я в н о б р а ч н ы е блюстители порядка становились ∞ учтивее ∞ во всяком случае красиво...*— Вероятно, Герцен намекает на приказ исполняющего должность московского обер-полицмейстера А. И. Крапоткина от 11 февраля 1857 г., в котором предписывалось «строго внушать городовым унтер-офицерам, градским стражам и всем нижним полицейским чинам, чтобы они, при исполнении обязанностей службы, со-

блюдали всю возможную вежливость в отношении к публике и чтобы в случае необходимости взять кого-либо в полицию не употребляли насильственных мер без крайней в том нужды, но прежде всего старались бы кротко и учтиво пригласить с собой, кого нужно. Впрочем, при соблюдении вежливости полицейские чины не должны отступать от служебных правил и всякое с их стороны послабление повлечет к ответственности» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 36 от 13 февраля 1857 г.) Об этом приказе Герцен упоминал в заметке «Цензура усиливается» (см. т. XIII наст. изд.). Приказы подобного содержания издавались в 1862 г. Суворовым и Анненковым.

Как бы он не захлебнулся в ней по примеру ∞ Кокошкина.— Намек на слухи об обстоятельствах гибели обер-полицмейстера С. А. Кокошкина, который при обследовании выгребных ям якобы провалился в одну из них.

‹СЕЙЧАС МЫ ПОЛУЧИЛИ ЕЩЕ ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ...›

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1180, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи настоящей заметки с его заметкой «Список лиц, которых правительство велело арестовать по возвращении из-за границы» (см. наст. том, стр. 229). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 461—462).

A MONSIEUR LE REDACTEUR DE *LA CLOCHE*
‹ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ «LA CLOCHE»›

Печатается по тексту «La Cloche», № 1 от 20 сентября 1862 г., стр. 1. Вслед за письмом напечатано, почти без изменений, введение ко второму изданию «Du developpement des idées révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России»), датированное 1 августа 1853 г. (см. т. VII наст. изд., стр. 9—18; в тексте «La Cloche» опущено подстрочное примечание со стр. 17). Автограф неизвестен.

«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВ»

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1181, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Повторено в *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1220; л. 148 от 22 октября 1862 г., стр. 1228.

Герцен придавал опубликованию «Записок декабристов» огромное значение, считая, что они помогут восстановить во всей исторической правде облик «первых подвижников русского освобождения» (см. письмо Герцена И. С. Тургеневу от 19 января 1863 г.). Вышли в свет две книги «Записок декабристов», первый выпуск — в 1862 г., второй и третий — в 1863 г., одной книгой.

Стр. 237. ... *большинство, знавшее их по Блудову и по Корфу...*— См. примечания к стр. 72 наст. тома.

Все вырученные деньги ∞ сибирский фонд.— Герцен говорит здесь о назначении денег, вырученных за продажу произведений декабристов. Этот абзац он поместил как сообщение от издателя на четвертой странице обложки в обоих выпусках «Записок декабристов», изданных Вольной русской типографией в Лондоне в 1862 и 1863 г. В «Личном объяснении»

1863 г. (см. т. XVII наст. изд.) Герцен писал, что за первый выпуск «Записок декабристов», в которых были напечатаны воспоминания И. Д. Якушкина, выручено 1000 франков в пользу ссыльных.

... начать с «Записок» И. Д. Якушкина...— Герцен считал «Записки» И. Д. Якушкина одним из самых интересных и ярких документов по истории восстания декабристов. В «Исторических очерках о героях 1825 г. и их предшественниках по их мемуарам» он широко использует именно эти записки. В письме к В. Н. Каншерову от 12 декабря 1862 г. Герцен писал: «Пришлю вам на днях „Записки" Якушкина — это chef d'œuvre». Ввиду значительности содержания, Герцен дважды публиковал их в своих изданиях. Сначала были опубликованы отрывки из второй части «Записок Ивана Дмитриевича Якушкина» в «Полярной звезде» на 1862 г. (кн. VII, вып. 1, стр. 1—25). Затем первые две части полностью были изданы в первом выпуске «Записок декабристов» (1862 г.). На последней странице этой книги помещена просьба от издателя, датированная 10 декабря 1862 г., следующего содержания: «Записки И. Д. Якушкина не кончены. Последняя часть их будет напечатана в одном из следующих выпусков. Мы усерднейше просим поскорее доставить нам рукопись». Однако последняя часть «Записок» не была опубликована Герценом, возможно потому, что он ее не получил. Она была напечатана в журнале «Русский архив», 1870 г., № 8-9.

... и князя Трубецкого.— «Записки» С. П. Трубецкого были напечатаны во 2-3 выпуске «Записок декабристов», изданном в 1863 г. (о них см. в т. XVII наст. изд. в заметке «От издателя» и в «Личном объяснении», а также в комментарии к ним).

... «Записки» ∞ Басаргина, Штенгеля, Люблинского...— «Записки Николая Васильевича Басаргина» были опубликованы впервые в сб. «Девятнадцатый век», кн. I, М., 1872, стр. 65—200. «Записки барона В. И. Штейнгеля» полностью были изданы в книге «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. 1, СПб., 1905, стр. 321—474. Отрывок из них был напечатан в «Историческом сборнике Вольной русской типографии», кн. I, Лондон, 1859. «Записки» Ю. К. Люблинского, одного из основателей общества Соединенных славян, до нас не дошли. Дочь Люблинского сообщила, что записки ее отца были похищены у него вместе с чемоданом, когда он уезжал из Сибири (Б. Г. К у б а л о в. Декабристы в Восточной Сибири, Иркутск, 1925, стр. 205). Следовательно, Герцен мог иметь только копию этих записок, но всего вероятнее, что ему их не прислали.

... Н. Бестужева...— В письме от 28 июня 1862 г. М. А. Бестужев писал собирателю рукописей декабристов М. И. Семевскому в ответ на его сообщение о намерении Герцена печатать записки Н. А. Бестужева: «Никогда и ничего брат Николай не писал ни о себе, ни о других, хотя собирался все сделать это во всю свою сибирскую жизнь. Единственные записки, писанные им в тюрьме, это о Рылееве...» («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, стр. 454). Воспоминания Н. А. Бестужева о К. Ф. Рылееве были опубликованы в *ПЗ* на 1861 г., кн. VI, стр. 30, и в *ПЗ* на 1862 г., кн. VII, вып. второй, стр. 1—7 (см. заключение к публикации «Воспоминание о Кондратье Феодоровиче Рылееве» в т. XV наст. изд. стр. 226 и 425—426).

... далее о 14 декабре — Пущина...— Очерк «Четырнадцатое декабря» принадлежит не И. И. Пущину, которому ошибочно приписал его Герцен, а И. Д. Якушкину. Сохранилась рукопись этого очерка, написанная рукой Якушкина. Е. И. Якушкин сообщил, что его отец написал этот очерк на основании рассказов лиц, бывших на Сенатской площади 14 декабря (см. об этом в книге «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», М., 1951, стр. 350). Очерк был опубликован Герценом в «Записках декабристов», вып. 2-3, Лондон, 1863, стр. 137—162.

... *«Белая церковь»*...— Исторический очерк «Белая церковь» был составлен Вадковским со слов участников похода С. Муравьева-Апостола: В. Н. Соловьева, А. А. Быстржицкого и А. Е. Мозалевского. Очерк был опубликован во 2-3 выпуске «Записок декабристов»; отрывок из него был напечатан в «Колоколе» (см. *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г.).

... *«Список следственной комиссии»*... — Имеется в виду «Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г. Никиты Муравьева и Лунина», опубликованный во 2-3 выпуске «Записок декабристов» (стр. 101—119). Изданию «Разбора» предшествовало объявление в первом выпуске «Записок декабристов»: «Во втором выпуске будут „Записки князя Трубецкого" и „Список следственной комиссии"». Автором «Разбора...», написанного вначале на английском языке, является М. С. Лунин. Краткие примечания Лунина к «Разбору...» были при переводе с английского оригинала расширены Н. М. Муравьевым. Впервые «Разбор донесения тайной следственной комиссии...» был напечатан в «Полярной звезде» на 1859 г., кн. V.

... *статья Лунина*...— Вероятно, имеется в виду статья М. С. Лунина «Aperçu sur la société occulte en Russie, 1816—1821» («Взгляд на тайное общество в России, 1816—1821»), впервые опубликованная в «Полярной звезде» на 1859 г., кн. V. Примечание к публикации см. в т. XIV наст. изд., стр. 371.

ВИСЕЛИЦА В ВАРШАВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1181, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 463) со следующей справкой: «Принадлежность яспа из пометки Чернецкого на корректуре» (*Л* XV, 616). Нынешнее местонахождение этой корректуры неизвестно.

Принадлежность заметки Герцену подтверждается его пристальным вниманием к событиям в Польше и, в частности, к судьбе польского революционного движения, а также стилем заметки (ср., например: «В наших глазах виселица освящена со времен Пестеля и его друзей, крест был тоже виселицей»—со следующим местом из «Объявления о „Полярной звезде". 1855»: «Николай *прошел*, и „Полярная звезда" является снова в день нашей Великой пятницы, в тот день, в который пять виселиц сделались для нас пятью распятиями» — т. XII наст. изд., стр. 265).

Стр. 238. ...*вместо александровской конституции Константин Николаевич привез ∞ николаевскую виселицу.*— В связи с назначением Константина Николаевича наместником Царства Польского возникли слухи о восстановлении конституции 1815 г., данной Царству Польскому Александром I и отмененной после поражения восстания 1830—1831 гг. Эти слухи не соответствовали действительной политике царизма, направленной на подавление польских национальных интересов. Летом 1862 г. в связи с покушением на великого князя и на маркиза Велепольского, стоявшего во главе гражданского управления в Царстве Польском, были казнены портной-подмастерье Л. Ярошинский и ремесленники-литографы Л. Рыль и Я. Жоньца.

Ярошинский был повешен 21 августа.— О покушении Ярошинского на вел. князя Константина Николаевича см. в примечании к стр. 206 наст. тома.

26 августа были повешены Рылль и Ржоньца. — Об их казни см. в заметке «Умирать умеют» (наст. том, стр. 307).

ПО ЭКЗАМЕНУ «ЕДИНИЦА»

(ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О ПУБЛИЧНЫХ ИСПЫТАНИЯХ)

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1183—1184, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Единица по экзамену». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической близостью настоящей статьи, посвященной назначению вел. князя Константина Николаевича наместником в Польше, к публицистическим выступлениям Герцена за освобождение Польши (см. в наст. томе «Что-то сделает Константин Николаевич в Польше?», «Выстрелы, раны и убийства», «Русским офицерам в Польше») и типичной для Герцена общей памфлетно-сатирической формой, в которой написана вся статья. Характерны для публицистики Герцена диалогическая форма, в которой написана статья, авторская речь от первого лица: «Я всегда был того мнения». Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 463—465).

С т р. 239. *...ехал генерал Ламберт — никто ничего не ожидал, даже смерти Герштенцвейга...*— 20 июля 1861 г. граф Ламберт был назначен наместником Царства Польского. По вопросу о методах управления Польшей между генерал-губернатором Варшавы Герштенцвейгом и Ламбертом возникли разногласия, завершившиеся «американской дуэлью», по условиям которой один из них по жребию должен был покончить с собой. 5 (17) октября 1861 г. Ламберт телеграфировал Александру II: «Герштенцвейг застрелился утром в 7 часов, умирает. Болезнь моя так усиливается, что ненадежен. Ради бога, пришлите тотчас кого-нибудь на наши места» («Русская старина», 1883, № 2, стр. 348).

... американцы ∞ заняты теперь доревыванием друг друга...— В апреле 1861 г. началась гражданская война в Америке между Севером и Югом. Война продолжалась до 1865 г.

С т р. 240. *День Троицын проходит, а лучше — нет как нет!* — Очевидно, здесь Герцен перефразирует распространенный в XIX веке, особенно во время Отечественной войны 1812 г., фривольный русский перевод шуточной французской песенки о Мальбруке.

Великая княгиня, женщина, и та ∞ дала жизнь маленькому Вацлаву.— Сын вел. князя Константина Николаевича и вел. княгини Александры Иосифовны Вячеслав родился в Варшаве 1 июля 1862 г.

ЕЙ-БОГУ, НАДОЕЛО

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1188, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И — р.* В *ОК* озаглавлено: «Стрелки III отделения». Автограф неизвестен.

О получении анонимных писем с угрозами физической расправы и дружеских предупреждений относительно готовящегося агентами III отделения покушения на Герцена сообщалось в заметке «Подметные письма», а также в открытом письме русскому послу в Лондоне барону Бруннову — «Бруты и Кассии III отделения» (см. т. XV наст. изд.). Герцен писал П. В. Долгорукову по этому поводу 27 сентября 1861 г.: «<...> на днях я получил из Остенде преглупое письмо, в котором какой-то витязь, забыв подписать свое имя, ругал вас, Огарева и меня; я оставил это письмо без внимания. Но через три дня получил другое из Парижа (от 22 сент.), также неподписанное, и на этот раз брань возведена в высшую степень: мы обруганы по-матерно <...> Мерзавец, писавший письмо, грозит покуше-

нием на мою жизнь и обещает ту же угрозу и вам. Мне он пишет, что уже меры взяты, чтоб я протянул ноги, и говорит, что *если я осмелюсь намекнуть* об этом, то — тут мне и конец. Поэтому я счел долгом: во-первых, напечатать эту угрозу и покойно жду, что сделает этот Су-Сын; во-вторых, написать вам, чтоб через русских узнать, кто это отличается так. Я вам советую взять некоторые меры. Убить, прежде грозя, глупо, но напасть на улице и сделать гнусную сцену легко 〈...〉 Еще говорят, Аскоченский на водах. Не он ли это?»

Стр. 241. *Русский, хотевший отмстить своих товарищей, пустил пулю Лидерсу в челюсть...*— Граф А. Н. Лидерс был ранен в заднюю часть шеи, навылет под нижнею губой. Подробнее о покушении на Лидерса см. в комментариях к статье «Выстрелы, раны и убийства» (стр. 416 наст. тома).

... они меня подвергают ∞ Шедо-Ферротам...— См. заметку «Брошюра Шедо-Ферроти» (наст. том, стр. 87) и комментарий к ней (стр. 381).

... и Катковым.—Имеется в виду «Заметка для издателя „Колокола“», помещенная в июньской книжке «Русского вестника» (см. комментарий к статье «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» на стр. 429—430 наст. тома).

АН, LES MISERABLES!

(ГЮГО И ЗБЕКЛЬ)

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1188, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Les misérables!». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется непосредственной связью материала заметки с третьим письмом «Концов и начал» (впервые третье письмо было опубликовано в предыдущем, 142 листе «Колокола»), где Герцен дал подробный анализ романа В. Гюго «Отверженные» (см. наст. том, стр. 153—155). О принадлежности заметки Герцену свидетельствует и ее стиль, в частности, обилие иронических сравнений («наш Роланд, наш министр прогресса», «он, как дева орлеанская», «из Менторов одного Телемака сделался ментором всей Итаки») и каламбурное использование французского названия романа Гюго «Les misérables» для оценки деятелей царской цензуры. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 466).

В 1862 г. во многих городах Европы и Америки почти одновременно появился роман В. Гюго «Отверженные» («Les misérables»). Роман вызвал к себе огромный интерес читателей. Сразу же после его выхода в западных странах три крупных русских журнала, среди них и «Современник» Н. А. Некрасова, опубликовали ряд глав из романа Гюго. Однако дальнейшая публикация «Отверженных» как в периодических изданиях, так и отдельным изданием была запрещена. В письме от 10 апреля 1862 г. министр народного просвещения А. В. Головнин сообщил председателю с.-петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ: «Государю угодно, чтобы в случае перевода романа Victor Hugo „Les misérables“ цензура строго рассматривала смысл разных происшествий, описанных автором с большим талантом и потому сильно действующих на читателя». По «высочайшему повелению» цензору Ф. П. Еленеву, допустившему опубликование «политически тенденциозного» отрывка из «Отверженных» в журнале

«Русский мир», был объявлен строгий выговор. После этого Головнин сделал распоряжение о том, чтобы цензура «не дозволяла продолжать печатать перевод романа Виктора Гюго „Les misérables", так как последние томы этого сочинения имеют самое вредное направление», а через неделю особым предписанием Головнин запретил продолжение печатания романа в периодических изданиях и издание перевода «Отверженных» отдельной книгой. (Подробнее об этом см. в статье В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения», «Исторический вестник», 1911, кн. 9, стр. 962—964.)

Прочитав роман Гюго «Отверженные», Герцен в письме от 1 июня 1862 г. сообщал Н. А. Огаревой, что роман «очень хорош». В дальнейшем упоминания об этом произведении содержатся во многих статьях и письмах Герцена. Отдавая должное огромному общественному значению романа, он отметил и его недостатки. Так, в «Концах и началах» Герцен упрекал Гюго за дефекты в композиции романа, за фальшь отдельных психологических характеристик и т. д. Однако это не помешало Герцену выступить в защиту романа, когда стало известно, что в России «Отверженные» задержаны цензурой.

Стр. 242. *Ah, les misérables!* — Игра слов: «misérable» означает и «отверженные», и «негодяи».

... *«мирные нивы и поля»*...— Из монолога Иоанны д'Арк (Шиллер. Орлеанская дева, пролог, явление 4).

. ... *из Ментеров одного Телемака сделался ментором всей Итаки.*— В «Одиссее» Гомера Ментор был воспитателем Телемака, сына царя острова Итаки — Одиссея. А. В. Головнин состоял секретарем при вел. князе Константине Николаевиче, одним из воспитателей которого был дядя Головнина, Ф. С. Луговский.

...*«История цивилизации» Бёкля, эта спокойная, благородная книга,— и она запрещена.*— Еще в 1860 г. в статье «Религиозное значение „СПб. ведомостей"» Герцен рекомендовал «Историю цивилизации в Англии» Бокля русскому читателю (см. т. XIV наст. изд., стр. 283). Посылая Н. М. Сатину эту книгу, Герцен в письме к нему от 29 мая 1860 г. советовал перевести ее и издать в России. О русских переводах «Истории цивилизации в Англии» см. в т. XV наст. изд., стр. 428.

ОТВЕТ «г. ПОЛЯКУ» НА СТАТЬЮ И ПИСЬМО

Печатается по тексту *К*, л. 144 от 8 сентября 1862 г., стр. 1195—1196, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *Издатели «Колокола»*. В *ОК* озаглавлено: «Ответ „г. Поляку"». Автограф неизвестен.

Фамилия лица, приславшего в редакцию «Колокола» статью и письмо, до сих пор остается неизвестной. О содержании этих документов можно судить лишь на основании «Ответа», из которого выявляется их националистический характер и антирусская направленность. «Ответ» знаменателен также заявлением о том, что в «Колоколе» не помещаются статьи, с которыми его издатели принципиально не согласны.

Стр. 243. ... *помещали статьи ∞ «Vivat Polonia!» и «Mater Dolorosa»*...— Статьи «Vivat Polonia!» и «Mater dolorosa» были опубликованы в «Колоколе» (см. т. XV наст. изд.).

... *заклинали русских воинов скорее лечь костьми ∞ чем стрелять в поляков.*— Речь идет о «Воззвании к русскому воинству в Польше» (см.

т. XII наст. изд., стр. 201—205). Эти мысли Герцен развил впоследствии в своем письме к «Русским офицерам в Польше» (см. наст. том, стр. 251—252).

С т р. 244. *Вы пишете о грубом выражении в журнале кн. Долгорукова против одного из ваших соотечественников...*— Кн. П. В. Долгоруков в 1862 г. издавал следующие журналы: «Правдивый» (№№ 3—5), «Le Véridique» (с августа 1862 г.) и «Листок» (с ноября 1862 г.). О каком из них конкретно идет речь, установить не удалось.

... статья Бакунина дошла ∞ в ∞ переводе на французский язык.— Речь идет о статье М. А. Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям». Ее первая часть была опубликована в феврале 1862 г. в прибавлении к 122-123 листу «Колокола». Вторая часть статьи опубликована не была. Возможно, что она не была написана автором, так как весной 1862 г. между Герценом и Бакуниным обнаружились серьезные разногласия (см. т. XI наст. изд., стр. 716—718). Опубликованная в «Колоколе» статья Бакунина была переведена на французский язык. Может быть, здесь имелось в виду следующее издание: «A mes amis Russes et Polonais», Leipzig, 1862.

«*Итак, весь вопрос ∞ общеславянское дело*».— Цитируется статья Бакунина по прибавлению к «Колоколу» (см. прибавление к л. 122-123 *К*, стр. 1027).

ВАЛУЕВ И ГОЛОВНИН

Печатается по тексту *К*, л. 144 от 8 сентября 1862 г., стр. 1196, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка, написанная от имени редакции «Колокола», стоит в ряду постоянных выступлений Герцена против ведущих деятелей царского правительства (Головнин, Валуев, Панин, Долгорукий неоднократно служили объектом сатирических обличений Герцена). Стиль заметки (каламбур об «ограниченнейшем Долгорукове» и «безграничнейшем Панине», концовка заметки, построенная в характерной для Герцена форме вопроса) также свидетельствует о ее принадлежности Герцену. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 470).

КЛЕВЕТА

Печатается по тексту *К*, л. 144 от 8 сентября 1862 г., стр. 1196, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка представляет собой коллективное заявление от имени издателей «Колокола». Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 470).

НОВАЯ ПОБЕДА ПУТЯТИНА

Печатается по тексту *К*, л. 145 от 15 сентября 1862 г., стр. 1204, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематико-стилистической связи заметки с другими высказываниями Герцена о Е. В. Путятине (см. комментарий к заметке «Головнин — министр просвещения», наст. том, стр. 351—352). Концовка заметки, где вспоминается «концерт, который давали пивовары Берклея и Перкинса» палачу венгерского народа Гейнау, перекликается со следующим местом из статьи «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!»: «Вот тоже граф, да еще настоящий, граф Гейнау был однажды в Лондоне и, как настоящий немец, сходил на поклонение месту зачатия пива и портера, в Берклее-

ву пивоварню,— и вышел оттуда *усом* меньше...» (см. т. XV наст. изд., стр. 8). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 474—475).

Сведения о «Katzenmusik» («кошачьем концерте»), устроенном русскими студентами приехавшему в Гейдельберг бывшему министру просвещения Е. В. Путятину, по всей вероятности, были получены Герценом от членов гейдельбергской русской читальни, с которыми редакция «Колокола» постоянно переписывалась. Упоминание о «Katzenmusik» содержалось, например, в письме А. Л. Линева к С. Т. Константинову от 25 сентября 1862 г. (см. *ЛН*, т. 63, стр. 119).

Гейдельбергская читальня была организована весной 1862 г. по инициативе В. И. Бакста, В. Ф. Лугинина, А. Л. Линева, Г. Веселитского как своеобразный политический клуб, вокруг которого группировались русские студенты, приехавшие в 1862 г. в Гейдельберг для завершения своего образования после закрытия Петербургского университета в октябре 1861 г. В это время Гейдельберг был переполнен русскими, особенно учащейся молодежью. Многие из них принимали активное участие в студенческих волнениях в России, а некоторые уже имели опыт революционной борьбы; так, Лугинин был членом организации, выпускавшей прокламации «Великорус», Бакст в 1861 г. преследовался русской полицией за печатание прокламаций.

Сообщая С. Т. Константинову об открытии читальни, Линев писал, что цель ее организации — в «выработке, осмыслении либеральных идей», в «возможном распространении их между приезжающими молодыми людьми». «Читальню эту,— сообщал Линев,— завели несколько действительно развитых людей, принадлежащих к партии так называемых „красных", которые, будучи хорошими знакомыми Герцена и вообще всех трех лондонских старичков и видя, какое страшное освежающее влияние делает беседа с такими личностями, как Герцен, хотели и в Гейдельберге устроить такое же общество, дабы поддержать, пропагандировать и укреплять это направление» (*Л* XV, 475). О деятельности гейдельбергской читальни см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция"» (*ЛН*, т. 41-42, стр. 4—8).

Можно предположить, что инициаторами «Katzenmusik» были члены гейдельбергской читальни.

Стр. 246. ... *Путятин, обессмертивший себя матрикулами и прикладами...*— Речь идет о деятельности адмирала Е. В. Путятина на посту министра просвещения, который он занимал с 20 июня по 25 декабря 1861 г. Согласно утвержденным правилам, призванным уничтожить зачатки студенческого самоуправления и установить полицейский надзор за студентами, введены были, в частности, билеты для входа в университет (матрикулы). Введение этих правил привело осенью 1861 г. к новой волне студенческих возмущений.

... *прибыл для морских наблюдений в Гейдельберг ∞ помогали храбрые гаускнехты.*— В обращении редакции «Свободного слова» к «Русским студентам в Гейдельберге» помещено письмо одного из друзей Блюммера, в котором подробно рассказывалось о прибытии в Гейдельберг бывшего министра народного просвещения Е. В. Путятина, выехавшего после отставки за границу: «Спешу сообщить вам свежую гейдельбергскую новость: сюда приехал Путятин, бывший министр, и русские студенты, в знак выражения своих чувств к нему, вознамерились приветствовать его прибытие приличным образом — решились угостить его Katzenmusik. Вчера,5 сентября, в 8 часов вечера,собралась кучка русских против квартиры Путятина на Anlage с инструментами, и исполнила концерт с редкою добросовестностью. Когда они кончили, пришло еще несколько человек с

инструментами и потребовали повторения серенады. Только что начали они разыгрываться, как вдруг откуда ни возьмись несколько полицейских, да не говоря худого слова, обнажили свои сабли и давай работать. Били они по преимуществу плашмя, но одному поляку ⟨...⟩ прорубили шапку, кожу на голове до кости и плечо» («Свободное слово», т. 1, вып. 7-8, 1862, стр. 587, а также «Русская старина», 1901, № 8, стр. 241—242).

... концерт, который давали пивовары Берклея и Перкинса Гейнау ∽ английской работы.— Посетив во время поездки в Лондон в сентябре 1850 г. пивоваренный завод Barclay and Perkins, австрийский фельдмаршал Ю. Гайнау, палач венгерской революции и народных восстаний в Италии 1848—1849 гг., был освистан возмущенными рабочими (см. об этом также в заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау», т. XV наст. изд.).

⟨ТРЕТИЙ РАЗ СПРАШИВАЕМ МЫ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1212, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В *ОК* озаглавлено: «¿¿¿».

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи настоящей заметки с заметками Герцена «Зарево» и «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве» (наст. том, стр. 122 и 219). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 506).

ПРАЗДНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1212, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Тысячелетие и шестидесятилетие». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 506) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева на записке Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 617). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Принадлежность заметки Герцену подтверждается тем, что именно он освещал в «Колоколе» все вопросы, связанные с затеянным царским правительством празднованием тысячелетия России (см. в наст. томе «Юбилей», «Перечисление св. Митрофания воронежского с товарищи в лица менее замечательные» и др.). Заметка написана в характерной для Герцена стилистической манере, что особенно сказывается в обращении к представителям высшей власти: «Нет, господа Зимнего дворца, на вас нет современного помазания...» Типично для Герцена и сопоставление современности с эпохой Петра I: «...проза, жалкая проза петровского времени, на которой остался тяжелый немецкий слог, а мысль отлетела!»

С т р. 247. *... объявления рекрутского несчастия именно в тот день, когда ждали добрых вестей...*— В день празднования тысячелетия России 8 сентября 1862 г. в русской прессе был опубликован манифест Александра II о рекрутском наборе, датированный 1 сентября. В манифесте объявлялся набор рекрутов в период с 15 января по 15 февраля 1863 г.

...до заговздки новгородским крестьянам ∽ не надеялись на действительное освобождение. — 9 сентября 1862 г., принимая поздравления от крестьян Новгородской губернии в честь праздника тысячелетия России, Александр II обратился к ним с речью, в которой сказал, чтобы они «не верили кривотолкам людей недоброжелательных, исполняли положение 19 февраля, не ожидали иной воли, и всем объявили что им это сказал государь». Речь Александра II была опубликована в русских газетах.

С т р. 247—248. ... *спасибо Валуеву ∞ он разослал по журналам следующую злую насмешку ∞ (С.-П. 10 сентября).*— 11 сентября 1862 г. в № 197 «С.-Петербургских ведомостей» были напечатаны официальные материалы о шестидесятилетнем юбилее министерства внутренних дел, которые цитирует Герцен. В них была изложена история создания министерства и рассказывалось о его деятельности за 60 лет существования.

НЕМЦЫ НЕ БЫЛИ

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1212, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 506) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева на записке Чернецкого, хранившейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 617). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается непосредственной связью настоящей заметки с заметкой «Новая победа Путятина» (наст. том, стр. 246), а также характерной для Герцена оценкой Путятина («ein tapfer General») и постоянным ироническим обыгрыванием его путешествия в Японию («der in Japan gewesen...»). Подробнее об этом см. в комментарии к статье «Головнин — министр просвещения» (наст. том, стр. 351—352).

С т р. 248. ... *в путятинский день в концерте* (*«Кол.», 145*)...— См. заметку «Новая победа Путятина» (наст. том, стр. 246 и комментарий к ней — стр. 438—439).

‹МЫ ПРОСИЛИ НАШИХ ЗНАКОМЫХ...›

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1212, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 507) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева на записке Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 617).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером запроса («Мы просили наших знакомых...»), непосредственной связью его с заметкой «Редакция „Колокола“ была бы очень благодарна...» (см. наст. том), а также идейно-тематической близостью к статьям и заметкам, направленным против газеты «Наше время», полемику с редактором которой Н. Ф. Павловым вел в «Колоколе» сам Герцен.

С т р. 248. ...*прислать нам те №№ «Нашего времени», в которых была статья об издателе «Колокола».*— См. заметку «Редакция „Колокола“ была бы очень благодарна...» и комментарий к ней (наст. том, стр. 217—218 и 423).

... *массилионовски поучительная статья «Сев. пч.» от 28 августа еще больше возбудила интерес.*— Речь идет о редакционной статье, напечатанной в № 232 «Северной пчелы» от 28 августа 1862 г. Автор этой статьи, отвечая редакции «Современной летописи», упрекнувшей в № 33 журнала «Северную пчелу» в двойственном отношении к Герцену, отмечал, что газета «Наше время», печатающая серию статей с «интересной характеристикой издателя „Колокола“», ведет дело гораздо тоньше и беспристрастнее, чем Катков: она признает в Герцене «серьезный беллетристический талант».

... *обещаем ему выслать стоимость ∞ картами (географическими).*— Намек на пристрастие редактора-издателя «Нашего времени» Н. Ф. Павлова к азартной карточной игре.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПОЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ В ВАРШАВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1213, где опубликовано впервые, с подписью: *Издатели «Колокола»*. Этим обращением открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в № 5 «La Cloche», польский — в журнале «Przegląd Rzeczy Polskich» от 15 ноября 1862 г. (*Л* XV, 617).

Настоящим обращением к Центральному польскому комитету в Варшаве издатели «Колокола» отвечали на полученное ими письмо Центрального национального комитета, напечатанное в *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г. (см. послесловие к этому документу — «Из Варшавы», наст. том, стр. 294 и комментарий к нему на стр. 466).

Стр. 249. *...письмо к русским офицерам, стоящим в Польше.* См. «Русским офицерам в Польше» (наст. том, стр. 251—257).

...«возможность утвердительно сказать ∞ народного дела вашего». — Герцен цитирует здесь письмо Центрального национального комитета издателям «Колокола» (см. *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1205).

РУССКИМ ОФИЦЕРАМ В ПОЛЬШЕ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1213—1215, где опубликовано впервые, с подписью: *Издатели «Колокола»*.

Французский перевод опубликован в № 6 «La Cloche» и № 7 «Kolokol», польский — в журнале «Przegląd Rzeczy Polskich» от 15 ноября.

Авторство Герцена устанавливается на основании хранящейся в *ЛБ* типографской гранки, на которой сохранилась подпись: *И — р.*

Гранка содержит конец статьи, начиная со слов: «Нет освобождения без земли!» (см. стр. 256—257 наст. тома). Гранка наклеена на обороте двадцать пятого листа рукописи главы «М. Бакунин и польское дело» из седьмой части «Былого и дум» (см. т. XI наст. изд., стр. 353—374). На полях помета Герцена: «Поправленный текст в 147 листе „Колокола“ (15 ок‹тября›)».

Текст гранки представлет собой более ранний вариант конца статьи (см. раздел «Варианты»). Отдельные места его, в несколько измененном виде, находятся в начале текста статьи.

В своем ответе Центральному национальному комитету издатели «Колокола» отмечали, что их письмо к русским офицерам следует рассматривать также и как ответ комитету. В письме к русским офицерам были сформулированы основные принципы поведения революционной организации русских офицеров в случае начала восстания в Царстве Польском. Только после уяснения принципов, на основе которых в Польше велась борьба за независимость, издатели «Колокола» сочли возможным ответить на вопрос, что должно делать русскому войску в период польского восстания. Говоря о вероятном участии русской революционной организации офицеров в польском восстании, издатели «Колокола» ставили это участие в зависимость от того, какой характер примет восстание «относительно главного земского вопроса и относительно провинций». Они предупреждали русских офицеров об опасности «распуститься в польском деле», о необходимости сохранить себя для «русского дела», полагая, что союз с восставшей Польшей может способствовать усилению и русского освободительного движения. Письмо к русским офицерам является важным документом, отражающим тактику издателей «Колокола» по отношению к польскому восстанию, показывающим их тесные связи с революционной организацией русских офицеров в Царстве Польском.

Стр. 251. *...не отвечали мы вам на два письма ваши.*— Имеется в виду письмо русских офицеров из Польши, опубликованное в «Колоколе» 1 июня 1862 г. (л. 135), и письмо от 7 июня 1862 г. от Андрея Потебни, одного из руководителей русской офицерской организации в Варшаве, опубликованное после гибели Потебни в статье Огарева «Надгробное слово» (*К*, л. 162 от 1 мая 1863 г.). В этих письмах сообщалось о приближающемся восстании в Польше, о сближении революционной части русского офицерства с польской повстанческой организацией, а также ставился вопрос о том, что надлежит делать русским офицерам в случае начала польского восстания.

...как Сливицкий, Арнгольдт и Ростковский...— О них см. в статьях «Выстрелы, раны и убийства», «Арнгольдт, Сливицкий и Ростковский» (наст. том, стр. 206—208 и 215—216).

...быть поднятым на штыки, как вам грозил ваш дикий кондотьер Хрулев...— См. примечание к стр. 215.

Стр. 252. *Мужественный ∞ язык Варшавского комитета...*— Имеется в виду письмо Центрального национального комитета в Варшаве издателям «Колокола», опубликованное в *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г. (см. комментарий к заметке «Из Варшавы», наст. том, стр. 466).

Стр. 255. *...расстреляны два офицера...*—Арнгольдт и Сливицкий.

...пал унтер-офицер...— Ростковский.

... умер засеченный солдат.— Щур.

Стр. 256. *На знамени таборитов...*— Так назывался революционный крестьянско-плебейский лагерь в гуситских войнах в Чехии в 1419—1437 гг.

Н. Р. ЦЕБРИКОВ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1215—1216, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Некролог декабриста Н. Р. Цебрикова написан от имени редакции «Колокола» («Мы недавно узнали о кончине Николая Романовича Цебрикова...», «пишут нам»). Герцен обычно сам писал в «Колоколе» некрологи (см. в т. XIII—«Кончина И. Д. Якушкина», «А. А. Иванов», в т. XIV—«Кончина Пущина», в т. XV — «Кончина Басаргина», «Кончина Добролюбова» и т. д.). Содержащиеся в заметке высказывания о декабристах свидетельствуют о том, что она была написана Герценом. Ср. в настоящей заметке: «Цебриков не принадлежал к главным деятелям между декабристами, но и в нем, как в них во всех, какая-то античная простота преданности была главным характером» со следующим высказыванием о М. Ф. Орлове и П. Я. Чаадаеве: «В тридцатых годах меня поразили две личности, две уцелевшие античные колонны...» (см. «Письма к будущему другу» — 1864 г.,т. XVIII наст. изд.). В заметке говорится, что Цебриков сохранил «необыкновенную молодость и свежесть убеждений», при этом отмечается, что «это черта, общая декабристам». Рассказывая о декабристах, возвратившихся из ссылки, Герцен в очерке «Император Александр I и В. Н. Каразин» также особенно подчеркивал характерную для них «*юность*, сохранившую в казематах, рудниках и Сибири прежний жар сердца, молодое упованье, несокрушимую волю, непреклонные убеждения» (см. наст. том, стр. 72). Ту же черту Герцен отмечал и в декабристе И. Д. Якушкине («Якушкин приехал из Сибири с молодым сердцем»— см. т. XIV наст. изд., стр. 329).

Поручик лейб-гвардии Финляндского полка Н. Р. Цебриков не был членом ни одного из тайных обществ декабристов, однако принял участие в восстании на Сенатской площади. На следствии по делу декабристов А. А.

Бестужев показал, что Цебриков, не принадлежа к Северному обществу, «действовал в его видах» (см. «Восстание декабристов», т. II, М.—Л., 1926, стр. 320).

Осужденный по XI разряду государственных преступников, Цебриков был приравнен Николаем I к X разряду, сослан в Сибирь, а затем переведен солдатом на Кавказ, где прослужил десять лет. После амнистии 1856 г. он поселился в Петербурге.

Цебриков принадлежал к числу тех немногих декабристов, которые по возвращении из ссылки не примирились с правительством Александра II. В начале 1860-х годов Цебриков принял участие в студенческом движении, проповедуя на сходках «гуманность, в смысле любви к человеку вообще и благородного патриотизма, в смысле желания материального и духовного блага, счастья родной стране» (В. Острогорский. Из истории моего учительства, СПб., 1895, стр. 97). В своих «Воспоминаниях старого студента» В. Сорокин пишет, что Цебриков очень часто бывал на заседаниях их студенческого кружка, на которых читался «Колокол» (см. «Русская старина», 1888, № 12, стр. 619).

В Вольной русской типографии печатались некоторые сочинения Цебрикова. В «Полярной звезде» на 1861 год, кн. VI, были опубликованы анонимно его «Воспоминания о Кронверкской куртине» и «Анна Федоровна Рылеева (из записок декабриста)». В «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне» за 1861 год был напечатан очерк Цебрикова «Алексей Петрович Ермолов».

Из друзей Герцена Цебриков хорошо знал И. С. Тургенева, с которым состоял в переписке. Тургенев неоднократно рекомендовал Цебрикова графине Е. Е. Ламберт в управляющие ее имения, характеризуя его при этом, как «отлично-честного и деятельного человека» («Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт», М., 1915, стр. 100 и 187). В последние годы жизни Цебриков служил управляющим в имении графини Ламберт.

В неопубликованном письме к Тургеневу от 8 (20) апреля 1862 г. (подлинник его хранится в Париже в Национальной библиотеке) Е. Е. Ламберт писала ему о «скоропостижной смерти» Цебрикова (сообщено акад. М. П. Алексеевым). На основании этого письма, а также упоминания о том, что Тургенев имел у себя послужной список Цебрикова (см. письмо к Ламберт, там же, стр. 187), можно предположить, что данные о жизни и смерти Цебрикова сообщил в редакцию «Колокола» Тургенев. Некролог в «Колоколе» и письмо гр. Ламберт позволяют установить год смерти Цебрикова (в исторической литературе указывается неверно 1866 г.).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ГУТЦЕЙТУ И ЕМУ ПОДОБНЫМ ПОМЕЩИКАМ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1219, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Гутцейту и пр.». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании содержания и стиля заметки. Начиная со статьи «Постельная барщина продолжается» (см. т. XIV наст. изд.), имя орловского помещика Гутцейта стало в произведениях Герцена нарицательным для обозначения помещичьего разврата (см. в т. XIV «Злодейства помещиков продолжаются», «„Библиотека"— дочь Сенковского» и др.).

Характерна для Герцена и та едкая ирония, с какой он пишет о времени царствования Екатерины II (ср., например, его предисловие к «Запискам Екатерины», т. XIII наст. изд.; «Император Александр I и В. Н. Каразин», наст. том, стр. 60—61).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 523—524).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 260, строка 5: это уж Екатерина II *вместо*: эту уж Екатерина II (*по смыслу*).

С т р. 259. *Еще в 1774 году, 10 июня, Екатерина II, 23 артикулом Кучук-Кайнарджского мира, запретила туркам доставать девочек и мальчиков из Грузии и Мингрелии.*— По Кючук-Кайнарджинскому мирному договору, заключенному между Россией и Турцией 10 (21) июля (в «Колоколе» ошибочно: июня) по окончании первой русско-турецкой войны 1768—1774 гг., Западная Грузия освобождалась от тяжелой и унизительной дани людьми, которую она платила Турции (см. «Полное собрание законов Российской империи», Собрание I, т. 19, СПб., 1830, ст. 14164).

С т р. 260. *...митрополит Филарет прав в составленных им молитвенных возгласах ∞ империю всероссийскую».*— Имеется в виду молитва митрополита Филарета по случаю праздника тысячелетия России. 8 сентября 1862 г. она была прочитана на молебствиях в Петербурге, на площади пе́ред Исаакиевским собором, в Москве, в Успенском соборе, и в Новгороде. 18 сентября текст ее был опубликован в русской официальной прессе.

К ОФИЦЕРАМ

Печатается по тексту *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., стр. 1227, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка, посвященная воззванию к русским офицерам, написана несомненно в редакции «Колокола». О принадлежности ее Герцену свидетельствует его пристальное внимание к деятельности передовой части русского офицерства (см. в наст. томе «Письмо от офицеров», «Русским офицерам в Польше»; подробнее об этом см. в т. XV, стр. 306—307), а также содержание подстрочного примечания, указывающее на непосредственную связь заметки с выступлениями Герцена против органа Каткова «Современная летопись» (см. в наст. томе статью «Дурные оружия»). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 529).

Печатное воззвание, о котором идет речь в настоящей заметке, напечатанной в «Колоколе» вслед за текстом прокламации «К образованным классам», появилось в Петербурге осенью 1862 г., почти одновременно с этой прокламацией (см. заметку «Тайные типографии» и комментарий к ней, наст. том, стр. 308 и 477). Оно призывало русских офицеров «к сближению, к заговору и к восстанию». «Сближайтесь между собою,— говорилось в конце воззвания,— сближайтесь с солдатами, заставьте их уважать и повиноваться вам охотнее, чем генералам и командирам — тогда вы не прольете невинной крови народа русского и польского — и только тогда вы освободите его!!» Полный текст воззвания опубликован в *Л* XV, 530—531.

С т р. 261. *В этом воззвании ∞ говорится о какой-то картинке, «касающейся издателя „Колокола“», изданной иждивением правительства ∞ мало современной летописью — еще живописью!*— В прокламации «Офицеры!» упоминаются «картины о кающемся Герцене». Очевидно, авторы прокламации имели в виду провокационно-клеветническую брошюру против Герцена—«Предсмертный плач гения», отпечатанную осенью 1862 г. в берлинской литографии Рингера, на обложке которой был изображен разбившийся колокол. Такого рода брошюры, а также литографии с карикатурами на Герцена (см. о них в статье И. С. Смолина «Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена», «Ученые записки» Ленинградского Госуд. педагогич. института им. А. И. Герцена, т. 61, Л., 1947, стр. 66), начали печататься в Берлине летом 1862 г. при содействии русского посольства, а затем широко распространялись в России.

<ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАПРОС ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ «КОЛОКОЛА»>

Печатается по тексту *К*, л. 149 от 1 ноября 1862 г., стр. 1229, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в № 7 «La Cloche».

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи настоящей заметки с заметками Герцена «Зарево», «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве», «Третий раз спрашиваем мы...». Включено в издания Л. А. Тихомирова (*Т*, 357) и М. К. Лемке (*Л* XV, 537).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 262, строка 7: не нашли *вместо:* не ненашли

С КЕМ ВОЙНА?

Печатается по тексту *К*, л. 150 от 15 ноября 1862 г., стр. 1244, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана на основе корреспонденции в газете «Русский инвалид». О ее принадлежности Герцену свидетельствуют такие характерные для его стиля выражения, как «... рассказывая о своих *сенсациях*» (см. подобный же иронический намек на поэму Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже» в статье Герцена «С континента»: «хочу вам рассказать свои *сенсации*» — т. XVII наст. изд.) и «сальватор-розовская картина». Упоминание о «сальватор-розовской картине» встречается также в «Былом и думах»: «Опять бесцветная фотография яркой и мрачной рембрандтовской, сальватор-розовской картины 1793 года без якобинцев, без войны» (см. т. X наст. изд., стр. 53). В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 545).

С т р. 263. ...*корреспондент «Русского инвалида», рассказывая о* ∞ *отправке гвардейского полка в Варшаву*... — Имеется в виду корреспонденция, напечатанная в «Русском инвалиде» 10 октября 1862 г. (№ 223), под заголовком «Отъезд гвардии в Варшаву». Корреспонденция подписана «В. К».

... *сальватор-розовскую картину*... — Батальные картины Сальватора Розы отличаются резкими световыми контрастами и драматическими эффектами.

ПОДТАСОВАННЫЙ НАБОР

Печатается по тексту *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., стр. 1246, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

---

6 октября 1862 г. в официальной газете Царства Польского «Dziennik Powszechny» было объявлено распоряжение царских властей о рекрутском наборе. Он распространялся в Царстве Польском на лиц, заранее указанных властями. От набора освобождались крестьяне и землевладельческая шляхта. В секретной инструкции, изданной Велепольским, подчеркивалось, что целью набора является устранение возмутителей «общественного порядка». Этой мерой Велепольский и вел. князь Константин Николаевич надеялись покончить с революционным движением в стране. Срок этого, проскрипционного по своему характеру, рекрутского набора еще не был определен, но предполагалось, что он будет осуществлен в январе 1863 г. Значительная часть членов Центрального национального комитета приняла решение ответить на рекрутский набор восстанием.

С т р. 264. ... *Habeas corpus*... — См. примечание к стр. 190.

С т р. 265. ... *войны* ∞ *п о с л е барятинского покорения*... — В августе 1859 г. под командованием генерала А. И. Барятинского был взят

оплот Шамиля аул Гуниб. Шамиль сдался в плен. Однако отдельные мюридистские отряды продолжали борьбу еще ряд лет.

...Греция ∞ вытолкнула за дверь баварца... — В феврале 1830 г. Лондонская конференция держав объявила Грецию независимой. По настоянию Англии в 1832 г. на греческий престол был возведен принц Оттон Баварский. Засилие в стране баварской клики вызвало резкое недовольство национальной буржуазии и народных масс, вылившееся в 1862 г. в повсеместные восстания; национальная буржуазия возглавила это движение. Созданное 23 октября 1862 г. Временное правительство объявило о низложении Оттона Баварского.

ПОТЕРЯ СОТРУДНИКА

Печатается по тексту *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., стр. 1256, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в № 10 «La Cloche».

Принадлежность заметки Герцену определяется идейно-тематической связью ее со статьями и заметками, направленными против В. Н. Панина, и, в частности, со статьей «Панин и смешение полов» (о защите Паниным телесных наказаний для женщин — см. наст. том, стр. 121 и комментарий к ней). Заметка завершает целую серию выступлений Герцена, посвященных сатирическому разоблачению реакционной деятельности Панина.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 557).

Указом от 21 октября 1862 г. В. Н. Панин был уволен от должности министра юстиции. В письме от 8 ноября 1862 г. И. С. Тургенев писал Герцену по этому поводу: «А твой друг и фаворит Панин? Кто ада и небес (своим ростом) досягал — упал!» (*Письма КТГ*, стр. 172).

UNE RÉPONSE
⟨ОТВЕТ⟩

Печатается по тексту «La Cloche», № 9 от 10 декабря 1862 г., стр. 2, где опубликовано впервые, с подписью: *Les rédacteurs du Kolokol.* Автограф неизвестен.

«Ответ» был напечатан непосредственно за текстом адреса «Офицерам русских войск от комитета русских офицеров в Польше» (примечание к этому документу, опубликованному так же в «Колоколе», см. в наст. томе, стр. 296).

С т р. 268. *...Мерославский ∞ подверг сомнению в «Le Siècle» и в «L'Opinion Nationale»—влияние этого комитета.*— Деятель польской шляхетской эмиграции, крайний националист, Л. Мерославский резко отрицательно относился к переговорам Центрального национального варшавского комитета с издателями «Колокола». Союз, заключенный ими, он рассматривал как «кабалу», отдавшую России Литву, Белоруссию и Украину, на которые претендовали польские националисты. Игнорируя существование, отрицая значение и влияние Центрального национального комитета, Мерославский выступил с нападками на него и на издателей «Колокола» во французской прессе и в своем органе «Baczność». Вот что по этому поводу писала «Baczność», № 5, за 1862 г.: «Ниже мы помещаем в переводе объяснение, посланное генералом Мерославским во французские газеты, о т. н. центральном и т. д. комитете и его письме в „Колокол“:

Господин редактор!

Прочитав во многих газетах повторение сообщений русской полиции в Варшаве о Центральном национальном комитете, председателем которого я будто являюсь, я обращаюсь к вашей газете с просьбой опро-

тестовать эту незаслуженную мною честь. Я не затруднял бы вас этой просьбой, если бы „Колокол", орган русских революционеров, в одном из последних своих номеров не поместил письма этого мнимого центрального комитета, который оставляет две трети Польши будущей возрожденной Москве взамен обещаний сочувствия и помощи... Достаточно, казалось, привести этот акт этого центрального польского комитета, чтобы убедиться, что я ничего о нем не знал до тех пор, пока обе крайние русские пропаганды не сошлись, объявив миру о его существовании.

Париж, 10 ноября 1862 г. Людвиг Мерославский».

Публикуемая статья представляет один из ответов издателей «Колокола» на эти выпады. Кроме того, с особым письмом-ответом Мерославскому, опубликованным в лондонской прессе, выступил и М. А. Бакунин. Письмо Бакунина в конце 1862 г. было издано отдельной брошюрой под названием: «Le Comité Central de Varsovie et le Comité militaire russe, réponse au général Miroslawski, par M. Bakounine».

...мы ∞ не подвергаем сомнению существование в Варшаве Центрального Польского Комитета... — Существование Центрального национального комитета подтверждали документы, публиковавшиеся в «Колоколе» (см. наст. том, стр. 249, 252, 294, 466).

...подтверждает подлинность адреса ∞ великому князю Константину...— Речь идет об адресе, помещенном в «Колоколе» 22 октября 1862 г. (л. 148). В нем русские офицеры, обращаясь к великому князю, требовали прекратить угнетение Польши и предоставить ей возможность «учредиться» по собственным понятиям и желаниям. В противном случае, говорилось в адресе, восстание в Польше неминуемо, и русское войско присоединится к нему, так как не захочет быть палачом польского народа.

ПУТИ! ПУТИ!

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1257, где опубликовано впервые, с подписью: *Издатели «Колокола»*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Эта статья отражает практическую организаторскую роль редакции «Колокола», ставшей заграничным центром русского революционного движения. Стремясь к отысканию «верных, правильно устроенных путей» для проникновения изданий Вольной русской типографии в Россию, Герцен тем самым призывал создать вокруг «Колокола» актив революционеров, занятых провозом этих изданий и нелегальным их распространением.

Стр. 271. ... *не обревали уши, как Фелькнеру*... — О шпионе Фелькнере см. в заметке «Daily Telegraph» (наст. том, стр. 309).

КАНЦЛЕР-ПАМФЛЕТИСТ

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1268, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Второе подстрочное примечание подписано: *Ред.* Автограф неизвестен.

Заметка, написанная от имени издателей «Колокола», судя по ее тематике и стилю, принадлежит Герцену, а не Огареву. Авторство Герцена подтверждается и его письмом к И. С. Тургеневу от 12 декабря 1862 г., в котором он сообщал Тургеневу о событиях, освещенных в заметке, следующее: «Кетчер, Е. Корш и Бабст уговорили кретина Солдатенкова издать сборник Чичер⟨ипских⟩ статей, поставив во главе письмо его ко мне. Не напечатать ли мне протест Кавел⟨ина⟩ и вас всех?». Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 574).

Стр. 272 *...горчаковский «Journal de St.-Pétersbourg» ∞ обругал издателей «Колокола»...* — Официальный орган министерства иностранных дел «Journal de St.-Pétersbourg» перепечатал в № 196 от 31 августа и 1 сентября 1862 г. «Заметку для издателя „Колокола"» со своим редакционным примечанием, в котором выразил полную солидарность с ее автором —Катковым.

Мы благодарны неизвестному корреспонденту «Правдолюбивого» за то, что вступился за нас.— В статье «Гг. Герцен и Катков», опубликованной в № 10 «Правдолюбивого» от 1 декабря 1862 г., без указания имени автора.

...в котором листе «Колокола» «друг правды» вычитал желание подчинить малороссов и вообще кого бы то ни было Польше?— В статье «Гг. Герцен и Катков» неизвестный автор писал: «Я не согласен с г. Герценом в том, что он, кажется, не только желает, как все мы, развития свободы Польши, но даже подчинения ей малороссов Подольской губ. и пр. Если он в самом деле для угождения некоторым польским эмигрантам хочет, уступить малороссов Польше, то тень Шевченка, этого певца малороссийской свободы, остановит его!»

...давно ли мы печатали ∞ наше profession de foi к русским офицерам ∞ нас отделывает «Бачность» за противуположное, и тоже несправедливо.— Имеется в виду заметка с подписью: «РР», опубликованная в № 4 журнала «Baczność», в которой автор упрекал «Колокол» в том, что он «толкает Россию, помимо ее сознания, к окончательному разложению, подобно тем ядам, которые, проникая, действуют на отпадение органов, но не дают почвы для возникновения новых». О выступлениях журнала Л. Мерославского «Baczność» с критикой «Колокола» упоминает в своем письме к Герцену М. Бакунин 3 октября 1862 г. («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 83). «Нашим profession de foi» Герцен называет письмо к «Русским офицерам в Польше» (см. наст. том, стр. 251—257).

Где осторожность дипломата, умевшего быть другом декабристов и слугой Николая?— А. М. Горчаков был дружен с декабристами И. И. Пущиным, В. К. Кюхельбекером и В. Д. Вальховским со времени их совместного пребывания в Царскосельском лицее.

...партия «Прошлого времени» ∞ уговорившая, как нам пишут, Солдатенкова перепечатать в сборнике статей г. Чичерина его письмо к издателю «Колокола».—«Письмо к издателю „Колокола"» было опубликовано в сборнике статей Б. Н. Чичерина «Несколько современных вопросов», изданном в Москве Солдатенковым в 1862 г. по инициативе Н. Х. Кетчера, Е. Ф. Корша и И. К. Бабста (см. письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 12 декабря 1862 г.). О письме Чичерина к издателю «Колокола» см. в статье «Обвинительный акт» и в комментарии к ней (т. XIII наст. изд.).

<«СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»>

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1268, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в № 10 «La Cloche».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 576—577) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом редактора „La Cloche", хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 619). Нынешнее местонахождение письма неизвестно.

Принадлежность заметки Герцену подтверждается непосредственной ее связью с написанной Герценом статьей «Официальный контрадрес» (*К*, л. 153 от 1 января 1863 г.— см. т. XVII наст. изд.).

Адрес «Его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше», о котором идет речь в настоящей заметке, был напечатан в *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г. (примечание к этому адресу см. в наст. томе, стр. 295).

Материалом для настоящей заметки послужила корреспонденция «Вести из Польши», перепечатанная в «Северной пчеле», в № 317 от 23 ноября 1862 г. из газеты «Сын отечества», которая, в свою очередь, заимствовала ее из «L'Indépendance belge» от 30 (17) ноября 1863 г. (№ 334), где она была опубликована в отделе известий из России. О распространении некоторыми западными газетами лживых слухов о том, что опубликованный в *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г. адрес русских офицеров в Польше вел. кн. Константину Николаевичу — подложный, сообщалось также в «Ответе» издателей «Колокола» Л. Мерославскому (см. наст. том, стр. 268—269).

НАБРОСОК
‹ЧТО, В САМОМ ДЕЛЕ, ПРОЩЕ И ДОСТУПНЕЕ, КАК ПОНЯТИЕ СТАРОСТИ И СМЕРТИ...›

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано в *ЛН*, т. 61, стр. 123—124. Условно датируется 1862 г. по связи с подобными же высказываниями о смерти в «Концах и началах» («Письмо шестое», см. наст. том, стр. 175).

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Н. И. ПИРОГОВ

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 983, где опубликовано впервые, под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

---

1 ноября 1861 г. в «Колоколе» (*л.* 110) было опубликовано извещение о том, что издатели «Колокола» среди других материалов получили статью о Н. И. Пирогове (см. т. XV наст. изд., стр. 233). По-видимому, этой статьей была напечатанная без подписи в л. 118 «Колокола» (стр. 983—988) статья «Н. И. Пирогов», примечание к которой публикуется. В ней неизвестный автор подробно рассказывает о деятельности Н. И. Пирогова как попечителя Одесского, а затем Киевского учебного округа в 1856—1861 гг.

Деятельность Пирогова служила объектом пристального внимания Герцена, а его отставка вызвала его гневное возмущение. Об этом свидетельствуют заметки, публиковавшиеся на страницах «Колокола» в 1861 г. («Царское самодержавие и студентское самоуправление», «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова», «Киевский университет и Н. И. Пирогов»— см. т. XV наст. изд.). В письме же к сыну А. А. Герцену от 31 января 1860 г. Герцен, говоря о том, каким бы он желал видеть своего сына, писал: «Естественно было бы желать — чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами — по нем ты мог бы дойти до, напр‹имер›, до того, до чего дошел один из величайших деятелей в России — доктор Пирогов, который, как попечитель в Одессе, потом в Киеве, приносит огромную пользу, что не мешает ему быть первым оператором в России».

‹М. А. БАКУНИН В ЛОНДОНЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 11).

О бегстве Бакунина из сибирской ссылки и о его приезде в Лондон см. в статье «М. А. Бакунин» (наст. том, стр. 19).

ЗАЩИТА МОСКОВСКИХ ПРОФЕССОРОВ
(Письмо к издателю)

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 996, где опубликовано впервые, под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

Герцен с пристальным вниманием следил за студенческими волнениями, происшедшими в сентябре — октябре 1861 г. в Петербурге и Москве.

Материалы о студенческих волнениях, присланные из России, а также статьи Герцена, посвященные этим событиям (см. в т. XV наст. изд. статьи «Третья кровь!» и «По поводу студентских избиений»), публиковались в «Колоколе» в течение октября — декабря 1861 г. (см. лл. 109, 112—114, 117).

С т р. 277. *У нас был помещен о ф и ц и а л ь н ы й список до числа.* «Официальный список студентам и другого звания лицам, арестованным и доставленным в с.-петербургскую крепость 12/24 октября 1861 года» был напечатан в *К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 955—956.

‹ИЗВЕЩЕНИЕ›

‹СЧИТАЕМ ПОЛЕЗНЫМ ИЗВЕСТИТЬ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ..

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1000, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 26).

АДРЕС МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ
‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1009 и 1010, где было опубликовано впервые. Примечание напечатано под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

«Адрес московских студентов» печатался в «Колоколе» в составе «Материалов для истории гонения студентов при Александре II».

«Адрес московских студентов» был вызван теми событиями, которые происходили в Московском университете в сентябре — октябре 1861 г. (подробнее об этом см. на стр. 376 наст. тома).

С т р. 278. *...текст адреса, помещенный в 117 л. «Колокола»...*— Первый вариант адреса был помещен не в 117 л. *К*, а в 112 л. от 15 ноября 1861 г., стр 937.

...трое студентов передали через флигель-адъютанта государю.— Одним из этих трех студентов был Е. А. Салиас, сын Салиас де Турнемир. Весьма вероятно, что текст напечатанного в л. 121 *К* адреса был прислан в редакцию «Колокола» не без ее содействия. Ею же была прислана корреспонденция «Московская бойня студентов», напечатанная в *К*, л. 113 (см. *ЛН*, т. 61, стр. 802).

АНТОЛОГИЯ ИЗ РУССКИХ ГАЗЕТ

‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ЗАМЕЧАНИЯ›

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1010—1012, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Подборка «Антология из русских газет» представляет собой ряд выдержек из газет, сопровожденных редакторскими замечаниями.

Последней в подборке была выдержка из неустановленной газеты, озаглавленная в «Колоколе» «Светская и духовная деятельность пермского губернатора». Она не имеет никаких редакторских замечаний.

Публикуемые вступительные строки и замечания принадлежали Герцену, стилистической манере которого особенно близки определения Николая I как «величайшего мастера деспотических дел» и Бенкендорфа, как «Premier *violon* империи».

ОБМЕН ЖУРНАЛА

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1012, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 39).

СКАЗАНИЕ О БЕЗДНИНСКОМ ПОБОИЩЕ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СЛУЧАЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1017, где опубликовано впервые, без подписи, в виде подстрочного примечания к заглавию корреспонденции, которое скорее всего также является редакционным. Автограф неизвестен.

В письме, адресованном редактору «Колокола», излагались подробности событий в селе Бездна, происходивших в апреле 1861г. (о письме см. в т. XV наст. изд., стр. 363).

Учитывая пристальное внимание Герцена к этим событиям, можно предположить, что он сам подготовил эти материалы к публикации в «Колоколе». Продолжение письма было напечатано в л. 124 *К*, стр. 1031—1035 и в л. 125 *К*, стр. 1042—1044.

Подстрочные примечания по поводу рапорта Апраксина на стр. 1032, 1033, 1034, 1042, 1043 принадлежат автору корреспонденции.

СТАТЬЯ М. А. БАКУНИНА

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1020, где опубликовано впервые, без подписи, как заметка от имени редакции «Колокола» к напечатанной далее статье М. А. Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям» (подробности о статье Бакунина см. в наст. томе, стр. 438). Автограф неизвестен.

Содержание и стиль заметки свидетельствуют о ее принадлежности Герцену (ср. со статьей Герцена «М. А. Бакунин», наст. том). Статья М. А. Бакунина была напечатана в прибавочном листе к л. 122-123 *К*, на стр. 1021—1028.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 65).

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК ОДНОГО НЕДЕКАБРИСТА

‹ПРЕДИСЛОВИЕ›

Печатается по тексту *ПЗ* на 1862, кн. VII, выпуск второй, стр. 85, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд.* Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 182).

О КАЗАКАХ-НЕКРАСОВЦАХ

‹ВСТУПЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 124 от 1 марта 1862 г., стр. 1030—1031, где опубликовано впервые. Вступление — с подписью: *Изд.*, примечание — под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

В статье за подписью: «Сочинил Некрасовец Казак, в Турции жительствующий» повествовалось о судьбе кубанских казаков (предводителем их был Игнатий Некрасов), переселившихся в царствование Екатерины II в Турцию. Особое место было уделено в статье описанию религиозных преследований казаков-старообрядцев при Николае I.

РУССКАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Печатается по тексту *К*, л. 124 от 1 марта 1862 г., стр. 1036, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 12 февраля 1862 г., в котором Герцен спрашивал: «Знаешь ли ты, что некто Блюммер издает новый русский журнал в Берлине „Свободное слово“?», свидетельствует о внимании Герцена к изданию за границей нового русского журнала и дает основание утверждать, что Герцен был автором данного объявления.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 67).

С т р. 280. *В Берлине вышла 1-ая книжка нового русского журнала «Свободное слово». Программа написана в духе примирительно-прогрессивном и независимом.*— Имеется в виду первый выпуск журнала «Свободное слово, русский политический орган, издаваемый под редакцией Л. П. Блюммера. 1862, Берлин». Издателем его был Ф. Шнейдер. Всего в 1862 г. вышло шесть выпусков (последние два были сдвоенными: вып. 5-6 и вып. 7-8). В предисловии к первому выпуску, подписанному Л. П. Блюммером и Ф. Шнейдером, была сформулирована программа журнала. Ставя перед собой задачу освещения государственного, общественного и политического положения России, руководители журнала указывали, что, «добиваясь того же, чего жаждут наши почтенные сотоварищи, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и кн. П. В. Долгоруков», «свои желания мы будем выражать, никогда не забывая, что противники наши, может статься, и плохие люди, но все же люди, которые очень часто могут ошибаться жестоко, но ошибиться невольно». В программе указывалось, что в отличие от издающейся за границей русской периодики и «Колокола», в частности, в направлении журнала необходима «обдуманность, сдержанность», проявляющаяся «в уважении даже в своем заклятом враге того остатка „человеческой личности“, „человеческого достоинства“, который никогда не оставляет человека, будь он разбойник, деспот, чиновник, самодержавный государь».

Там же вышла III часть превосходно составленных «Материалов» для истории освобождения крестьян.— Третий том (vol. III) «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» вышел в Берлине,

в 1862 г., у Ferd. Schneider'a. В нем описывались события, относящиеся к 1860 и 1861 гг. (первый том, вышедший в 1860 г., рассказывал о событиях с 1855 по 1858 г.; второй том, появившийся в 1861 г., освещал события 1859 г.). В предисловии от издателей сообщалось, что задачей книги является «положить начало собранию сведений, правительственных актов, фактов всякого рода, относящихся до великой реформы...» (т. I, стр. III). Книга, высоко оцененная в «Колоколе», публиковалась анонимно; автором ее был Д. П. Хрущов (на это указано, в частности, в газете «Европеец», 1864, Дрезден, № 5, стр. 18). По выходе первого тома книги Герцен спрашивал И. С. Тургенева 9 ноября 1860 г.: «Не знаешь ли ты, любезный Тургенев, кто издал „Исторические материалы по делу об освобождении крестьян" в Берлине? Замечательно хорошо и умно составленная книга, если знаешь, напиши». О книге Хрущова см. также в т. XV наст. изд., стр. 424—425.

ЕЩЕ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

⟨НАС ПРОСЯТ УЗНАТЬ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка является сигналом, извещающим о провокаторской деятельности студентов Петербургского университета Николая Бутчика, Нелова и вольнослушателя Назаревского. Упоминание о Бутчике, «некогда судимом товарищами своими», связано с тем, что Бутчик прежде судился специальной студенческой комиссией за растрату 1200 рублей из студенческой кассы (материалы об этом деле публиковались в *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., в подборке «Петербургский университет», раздел II — «Гласный суд с присяжными, адвокатами и т. д.»— стр. 857—858). См. также «Воспоминания» Л. Ф. Пантелеева, ГИХЛ, 1958, стр. 154—158.

⟨СТАТЬИ ПОД ЗАГЛАВИЕМ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

⟨КОРРЕСПОНДЕНТА, ПРЕДЛАГАЮЩЕГО ЗАМЕТКИ О МОНАСТЫРЯХ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

ПО ТВЕРСКОМУ ДЕЛУ

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 126 от 22 марта 1862 г., стр. 1052, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи, в виде заключения к заявлению группы мировых посредников Тверской губернии. В *ОК* настоящая публикация озаглавлена: «Мировые посредники Тверской губернии». Автограф неизвестен.

В заявлении мировых посредников Тверской губернии говорилось, что в своей деятельности они будут руководствоваться требованиями, провозглашенными в «Адресе тверского дворянства» на имя Александра II (текст адреса был опубликован в этом же листе *К*, стр. 1045—1046). О дальнейшей судьбе группы тверских мировых посредников см. в наст. томе, в примечании к стр. 91.

ДОНОС МОСКОВСКИХ ПРОФЕССОРОВ

‹ПРИМЕЧАНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 127 от 1 апреля 1862 г., стр. 1055 и 1057, где было опубликовано впервые, примечание дано под строкой, с подписью: *Прим. ред.*, заключение—без подписи. Автограф неизвестен.

Примечание и заключение сопровождали окончание публикации «Исторической записки, составленной университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре 1861 г. беспорядков между студентами Московского университета и представленной университетским советом чрез его превосход‹ительство› г. попечителя м‹осковского учебного› округа», начало которой было помещено в *К*, л. 126 от 22 марта 1862 г., стр. 1046—1050. В л. 127 она была озаглавлена «Донос московских профессоров». Об этом документе см. также в комментарии к статье «Ученая Москва» (наст. том, стр. 376).

ИЗ ВИТЕБСКА ДО КОВНА (1861)

‹ПРИМЕЧАНИЯ›

Печатается по тексту *К*, л. 128 от 8 апреля 1862 г., стр. 1065 и 1066, где опубликовано впервые, под строкой, первое примечание — с подписью: *Ред.* Второе — без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежащая неизвестному корреспонденту статья «Из Витебска до Ковна» публиковалась в л. 128 (стр. 1065—1067), в л. 129 от 15 апреля 1862 г. (стр. 1074—1076) и в л. 130 от 22 апреля 1862 г. (стр. 1081—1083).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ
‹СОРОК ОДИН ФУНТ ПЯТЬ ШИЛЛИНГ. ...›

Печатается по тексту *К*, л. 128 от 8 апреля 1862 г., стр. 1068, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 105).

АДРЕС, ПОДАННЫЙ ПРОФЕССОРАМИ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

‹ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 129 от 15 апреля 1862 г., стр. 1069, где опубликовано впервые, как заключительное замечание редакции. Автограф неизвестен.

О высылке П. В. Павлова из Петербурга см. в заметке «Прогресс в России» (наст. том, стр. 303) и в комментарии к ней.

ДВИЖЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА И ДВИЖЕНИЕ КАНЦЕЛЯРСКОЕ ВО 2 АРТИЛЛЕР. ДИВИЗИИ

(В назидание Михаилу Николаевичу)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 129 от 15 апреля 1862 г., стр. 1076, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», под строкой, с подписью: *Ред.* В *ОК* статья озаглавлена: «Земной шар и Мерхелевич». Автограф неизвестен.

ОТ РЕД<АКЦИИ>

<ВОСЕМЬДЕСЯТ ТАЛЕРОВ С ИЗВЕСТНЫМ НАЗНАЧЕНИЕМ...>

Печатается по тексту *К*, л. 129 от 15 апреля 1862 г., стр. 1076, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 108).

КНЯЗЬ ОРЛОВ И ФИЛАРЕТ-МИТРОПОЛИТ

<ВСТУПЛЕНИЕ, СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., стр. 1078, 1080, 1081, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Публикация «Князь Орлов и Филарет-митрополит» представляет собой очередное выступление «Колокола» за отмену телесных наказаний в России (о борьбе Герцена против телесных наказаний см. в наст. томе, в комментарии к статье «Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах», стр.388). Автором вступления, соединительных строк и заключения был Герцен, что устанавливается их идейно-тематической и стилистической близостью к произведениям Герцена. Содержащееся во вступлении требование об уничтожении «*накожного* исправления людей» по словоупотреблению близко следующему месту в повести «Долг прежде всего»: «Когда он воспитывался... не было *накожного* обращения униатов» (т. VI наст. изд., стр. 305). Характерно для публицистики Герцена пародийное использование церковно-книжного слога в заключении (ср. статьи «Архипастырское рвение о мраке»— т. XIII наст. изд., «Запрос Святейшему синоду о иерейском двоеженстве»— т. XVII наст. изд. и др.).

«Записка об отмене телесных наказаний в Российской империи и в Царстве Польском» русского посланника в Бельгии кн. Н. А. Орлова была подана им на имя Александра II в 1861 г. (полный текст записки был опубликован только в 1881 г., см. «Русская старина», 1881, № 5, стр. 95—102).

Стр. 283. *Князь Орлов — известный своей книгой и своей отвагой под Силистрией....*— Во время Крымской войны при осаде Силистрии Н. А. Орлов, руководивший штурмом форта Араб-Табии, в ночь с 16 на 17 мая 1854 г. получил девять тяжелых ран и лишился глаза. За участие в штурме Орлов был награжден орденом св. Георгия и золотым оружием с надписью «за храбрость». Упоминаемая здесь «известная» книга Орлова — «Очерк трехнедельного похода Наполеона против Пруссии в 1806-м году», которая была издана в С.-Петербурге, в 1856 г.

НЕМЕЦКИЙ ФИЛАРЕТ И РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., стр. 1083, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность этого заключения Герцену подтверждается его интересом к документу, перепечатанному на страницах «Колокола». Имея в виду этот протест, Герцен писал И. С. Тургеневу 21 апреля 1862 г.: «Я вовсе не намерен складывать рук, когда офицеры сотнями подписываются против телесных наказаний...».

Документ, к которому дано заключение Герцена, полностью воспроизводит текст, опубликованный в «Северной пчеле», № 85 от 29 марта 1862 г.

ВАЛУЕВ И ПРОВОЛОКА

<ВСТУПЛЕНИЕ, ПРИМЕЧАНИЕ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г. стр. 1083—1084, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

ИЗ СИБИРИ

(Отрывки из писем к издателю)

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 131 от 1 мая 1862 г., стр. 1092, где опубликовано впервые, без подписи, как заключение к статье неизвестного корреспондента. Автограф неизвестен.

О возможной принадлежности Герцену заключения к письмам неизвестного корреспондента свидетельствует редакционный характер заключения, а также сибирская тематика «писем», входившая в круг его интересов.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 285, строка 23: отне *вместо:* отчне

ПИСЬМО К АЛЕКСАНДРУ II П. МАРТЬЯНОВА

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 132 от 8 мая 1862 г., стр. 1093, где опубликовано впервые, под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по непосредственной связи примечания со статьей «П. А. Мартьянов и земский царь» (1864 г., см. т. XVIII наст. изд.).

Письмо П. А. Мартьянова к Александру II, датированное 2 апреля 1862 г., было написано в Лондоне, куда Мартьянов приехал осенью 1861 г. Из письма в редакцию «Колокола», напечатанного вслед за публикуемым примечанием, ясно, что Мартьянов послал письмо Александру II почтой, надеясь, что оно дойдет до царя. Письмо Мартьянова к Александру II было еще раз напечатано в *К*, л. 178 от 1 февраля 1864 г. Характеристику письма Мартьянова к Александру II см. в статье Герцена «П. А. Мартьянов и земский царь» (т. XVIII наст. изд.).

ГОЛОС ЗА НАРОД (ПИСЬМА ПОМЕЩИКА)

Письмо второе

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 132 от 8 мая 1862 г., стр. 1097, где опубликовано впервые, без подписи, как подстрочное примечание к заголовку статьи. По содержанию примечание относится не только к данной статье, но и к напечатанному в этом же листе «Колокола», перед данной статьей, «Письму к Александру II П. Мартьянова» (см. о нем выше, на стр. 458).

Статья «Голос за народ» была напечатана в лл. 131, 132 и 133. Автором ее, возможно, был черниговский помещик Л. А. Милорадович (см. ЛН, т. 41-42, стр. 599).

В письме к И. С. Тургеневу от 9 мая 1862 г. Герцен писал по поводу этой публикации: «Письмо помещ‹ика› писал юный малороссийский помещик. Я не знаю, за что ты на него очень рассердился; в следующем листе есть дальнейшее развитие. Нельзя же не допускать всякого рода мысли, когда основа их не противоречит нам».

С т р. 286. *Поместив адрес к государю от благородного человека из крестьян...* — Имеется в виду «Письмо к Александру II П. Мартьянова», напечатанное в том же листе «Колокола».

...высказать свою собственную точку зрения. — Точка зрения редакции «Колокола» на вопросы, связанные с положением крестьян после реформы 19 февраля 1861 г. и с распространенной в народе идеей «земского царя», была высказана в статье Н. П. Огарева «Куда и откуда»,опубликованной в *К*, л. 134.

СУВОРОВСКИЕ ПОХОДЫ ПО ГРЯЗЯМ ПЕТЕРБУРГСКИМ

‹ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 132 от 8 мая 1862 г., стр. 1100, где опубликовано впервые, как заключение к корреспонденции от имени издателей «Колокола». Автограф неизвестен.

Следы обработки видны и в самой корреспонденции. Редакционной является соединительная фраза «пишет нам наш корреспондент» и замечание в скобках по поводу злоупотреблений при дворе: «Ей-богу, невероятно, правда ли?». Об имении кн. Меньщикова-Алмского писал Герцен в «Концах и началах» (стр. 323 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 127—128).

В корреспонденции неизвестного автора разоблачались злоупотребления, совершавшиеся при царском дворе, в частности, министром императорского двора В. Ф. Адлербергом, долги которого покрывал сам император. Именно поэтому в редакционном заключении резко осуждался Александр II, помогающий своим приближенным «прибегать к беззаконным мерам».

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ БАРЯТИНСКИЙ И БРАТЬЯ ШУЛЬГИНЫ

(Письмо к издателю)

‹ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1106, где опубликовано впервые, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 131—132).

В письме к издателю (стр. 1104—1106) неизвестный корреспондент рассказывал, как командир Преображенского полка кн. А. И. Барятинский, недовольный тем, что офицеры его полка братья Шульгины играли в спектакле, устроенном в пользу общества нуждающихся литераторов и ученых, заявил, что «нося преображенский мундир *неприлично играть публично* в присутствии *бог знает кого* et au profit de cette canaille ‹и в пользу этого сброда›!!!» и потребовал от офицеров оставить полк и перейти в армию. Это решение было утверждено Александром II.

В корреспонденции сообщалось, что никто из офицеров Преображенского полка, за исключением капитана Сороко, не вступился за братьев Шульгиных.

В ЗАЩИТУ г. БАРАНЦОВА

‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ›

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1106, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

Автор корреспонденции «из уважения к истине и в охранение „Колокола" от незаслуженных нареканий» доказывал в своем письме, что несправедливо ставить начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера А. А. Баранцова рядом с генералом Шейдеманом (о нем см. в *К*, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., в статье «Шейдеман-Кеплер, Шейдеман-Невтон»), поскольку Баранцов — «человек умный, довольно образованный, честный, мягкий, деликатный»... и т. д. Тем не менее, в конце письма отмечалось, что главная черта Баранцова — «бесконечная угодливость» вел. князю Михаилу Николаевичу.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ДОЛГОВ

(Способ второй)

‹ПРИМЕЧАНИЯ›

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1107, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Первое примечание — под строкой, без подписи; второе — под строкой, с подписью: *Ред.*; третье — внутри статьи. Автограф неизвестен.

Стр. 267. *Первый способ состоит в причислении имения к заповедным. См.* «*Кол*»., *л. 131.*—Об освобождении, с ведома Александра II, от уплаты долгов с помощью причисления имения к заповедным сообщалось в заключении к корреспонденции «Суворовские походы по грязям петербургским» (см. наст. том, стр. 286).

ПРОКЛАМАЦИЯ ОФИЦЕРАМ

‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ›

Печатается по тексту *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1107, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Прокламация, датированная мартом 1862 г., призывала офицеров русской армии перед лицом надвигающихся революционных событий сделать выбор и встать на сторону тех сил, которые выступают за освобождение народа, «подумать *о бедном, угнетенном народе*, о нашей жалкой *родине*».

СЕЧЕНИЕ И УБИЙСТВА КРЕСТЬЯН В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1113, где опубликовано впервые, под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

Стр. 288. *Кое-что об нем мы сообщим в следующем листе.*—В л. 135 «Колокола» была опубликована корреспонденция, озаглавленная скорее всего редакцией «Колокола»: «Еще Лашкарев Пермский». Заключение к этой корреспонденции см. в наст. томе, стр. 289.

ПИСЬМО Г-НА БЛЮММЕРА

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1115, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

ДОКТОР И. В. ЕНОХИН

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту *К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1116, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

В КОНТОРУ «СОВРЕМЕННИКА»

Печатается по тексту *К*, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1116, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

ФИЛАРЕТ И РОЗГИ
(Письмо к издателю)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1120, где опубликовано впервые, под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

Вероятно, автором письма к издателю «Колокола» был Н. И. Тургенев. Н. А. Орлов писал А. Д. Комовскому 10 (22) августа 1862 г.: «Записку Филарета я прочел в „Колоколе“ и там же был на нее ответ, который приписывают Николаю Ивановичу Тургеневу» («Русская старина», 1897, № 9, стр. 450).

ЕЩЕ ЛАШКАРЕВ-ПЕРМСКИЙ

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1123, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В статье рассказывалось как по настоянию пермского губернатора Лашкарева непременный член Приказа общественного призрения А. В. Нелюбохтин произвел за счет Приказа ремонт больницы. Затем Лашкарев переложил всю ответственность за незаконное использование денег, без утверждения сметы министерством, на Нелюбохтина, который отравился, послав предварительно письмо к архиерею, где разъяснял причины самоубийства. На заседании пермского комитета архиерей передал это письмо Лашкареву, требуя огласить его. Но Лашкарев сразу же прекратил чтение письма, как только дошел «до неудобного места».

ЛОПУХИН И 2400 р.

‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ›

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1124, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

С т р. 289. «*Северная пчела» рассказывает ∞ псковских властей.*— Далее цитировалась передовая статья «Северной пчелы», № 122 от 7 мая 1862 г., в которой сообщалось о присвоении помещиком денег, внесенных крестьянами его имения за освобождение от рекрутского набора.

А. В. ПОДЖИО И ЕГО ПЛЕМЯННИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г., стр. 1124, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке (*Л* XV, 192) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 609).

О недобросовестном поступке племянников А. В. Поджио сообщалось в «Колоколе» в заметке «А. В. Поджио и его племянники» (*К*, л. 103 от 15 июля 1861 г.), а также в заметке «Поступок господ Поджио», напечатанной в газете «Будущность» от 4 августа 1861 г., № 15, стр. 119. Эти заметки были написаны на основании фактов, изложенных в письме Н. А. Белоголового в редакцию «Колокола» (подробнее об этом см. в книге Н. А. Белоголового: «Воспоминания и другие статьи», СПб., 1901, стр. 106, а также в комментарии к заметке «А. В. Поджио и его племянники» в т. XV наст. изд.).

ПИСЬМО МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ТУЧКОВА К ГРАФУ ПУТЯТИНУ

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 136 от 15 июня 1862 г., стр. 1132, где опубликовано впервые, под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

Письмо Тучкова от 10 ноября 1861 года было опубликовано в составе «Материалов для истории гонения студентов при Александре II» (л. 136, стр. 1129—1132). В нем Тучков старался переложить всю ответственность за студенческие волнения и закрытие Московского университета на университетское начальство и профессоров, которые, по его словам, «*не приняли никакого прямого участия в успокоении студентов*». При этом он оправдывал действия полиции, считая «неуместными» и «преувеличенными слухи об ушибленных будто бы студентах».

ОТ РЕДАКЦИИ ‹МЫ ПОЛУЧИЛИ НА ДНЯХ 764 фр. . . .›

Печатается по тексту *К*, л. 137 от 22 июня 1862 г., стр. 1140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Авторство Герцена устанавливается по автографу, с подписью: *И—р*, хранящемуся в *ПБ* (см. о нем в комментарии к статье «Дурные оружия», наст. том, стр. 396).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 237).

В связи с введением, согласно университетским правилам от 31 мая 1861 г., для студентов платы за обучение, была организована подписка в пользу нуждающихся студентов, в частности, среди русских, живущих за границей. Деньги, о которых идет речь в настоящей заметке, были присланы Герцену членом русской студенческой колонии в Гейдельберге Л. И. Лаврентьевым (его письмо от 6 июня 1862 г., присланное вместе с деньгами, см. в *ЛН*, т. 62, стр. 281—282).

ОТ РЕДАКЦИИ ‹МЫ ПОЛУЧИЛИ 27 ИЮНЯ 2500 фр. . . .›

Печатается по тексту *К*, л. 138 от 1 июля 1862 г., стр. 1148, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 310).

АДЛЕРБЕРГ I КАК ХОЗЯИН, СУДЬЯ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИК

‹ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ›

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1153, где было опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 337).

‹«ОБЩЕЕ ВЕЧЕ»›

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1156, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи, в виде объявления от редакции «Колокола». Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Настоящим объявлением редакция «Колокола» извещала о создании нового органа — «Прибавления к „Колоколу“» — «Общее вече», первый номер которого был датирован 15 июля 1862 г. Всего вышло 29 номеров. Издание прекратилось в 1864 г.

В сообщении «От издателей» («Общее вече», № 1 от 15 июля 1862 г.) говорилось, что издатели «Общего веча» ставят перед собой задачу публикации материалов, присылаемых самыми широкими кругами читателей. «На общее вече издатели приглашают всех: старообрядцев, людей торговых и мастеровых, крестьян и мещан, дворовых людей, солдат и разночинцев. Пусть присылают свои жалобы, пусть заявляют свои мысли, потребности, надежды и желания». В этой же заметке говорилось, что новый орган будет выходить под редакцией «издателей „Колокола“ при сотрудничестве В. И. Кельсиева». Инициатива создания «Общего веча» принадлежала Н. П. Огареву. В письме к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1862 г. Герцен писал: «„Вече“ основал Огарев...». Ему же принадлежала главная роль в организации материала и редактировании этого органа. Не случайно М. А. Бакунин в письме к Н. И. Жуковскому от 3 июля 1863 г. писал: «Я б‹ольшей› частью имел на своей стороне Ог‹арева›, который дал своему народному „Вече“ направление гораздо более логичное и радикальное» (*Л* XVIII, 231). На страницах «Общего веча» были опубликованы статьи Огарева «Что надо делать народу?», «Гонения за веру», «Что надо делать духовенству?» и многие другие (подробнее о роли Огарева в издании «Общего веча» см. в статье Б. П. Козьмина к публикации «Из публицистического наследия Н. П. Огарева», *ЛН*, т. 39-40, стр. 310—311).

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

‹ВСТУПЛЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1161, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Вступление предваряло публикацию следственных материалов об обстоятельствах скоропостижной смерти госпожи Араужо (см. т. XIV наст. изд., стр. 565).

С т р. 291. *Наш Веверлей не будет до такой степени романтичен, как вальтер-скоттовский.*— Имеется в виду роман Вальтер Скотта «Веверлей, или Шестьдесят лет назад».

ВРЕМЕННООБЯЗАННАЯ ГОЛОВНИНУ ЛИТЕРАТУРА

‹РЕДАКЦИОННЫЕ ВСТАВКИ›

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1163, где опубликовано впервые, без подписи, в виде редакционных замечаний к публиковавшимся документам по делам цензуры в России. Продолжение настоящей публикации, под заглавием «Временнообязанная литература», было напечатано в л. 141 от 15 августа, стр. 1168—1170, в л. 142 от 22 августа, стр. 1178—1179 и в л. 143 от 1 сентября, стр. 1187—1188. Публикация построена на сопоставлении цензурных циркуляров николаевского времени и распоряжений по делам печати министра Головнина.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1164, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

С т р. 291.... *в скором времени выйдут в свет: «Избранные сочинения» Гейне перевод Майкова...*— Вероятно, речь идет о книге «Идеи» Генриха Гейне, выпущенной в 1863 г. в Неаполе типографией Джакомо Палпири (Giacomo Palpiri). Имя переводчика в ней не было указано. Однако в объявлении о выходе этой книги, напечатанном в брошюре «Сущность религии» Л. Фейербаха (о ней см. ниже), сообщалось, что «в непродолжительном времени поступят в продажу „Избранные сочинения Гейнриха Гейне" в новом переводе Майкова. Выпуск 1-й: „Идеи" (Издание задумано в пяти выпусках, из которых каждый будет продаваться отдельно)». Это объявление дает основание предположить, что именно об этом переводе А. Н. Майкова извещалось в «Колоколе».

...*«О представительном правлении» Ст. Милля...* — Имеется в виду книга Д. С. Милля «Размышления о представительном правлении», изданная в двух выпусках типографией Яковлева в 1863—1864 гг.

...*«Сущность религии» Л. Фейербаха.*— Книга Л. Фейербаха «Сущность религии» в переводе Федоровского была издана в 1862 г. в Гейдельберге типографией Бангель и Шмит (Bangel und Schmitt).

‹ИЗВЕЩЕНИЕ›
‹РЕДАКЦИЯ ИЗВЕЩАЕТ О ПОЛУЧЕНИИ ВЕКСЕЛЯ В 25 ФУНТ. ...›

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1164, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 368).

К БРАТЬЯМ СЛАВЯНАМ ОТ ВСЕСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1167, где опубликовано впервые, под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

ТРИ ТАЛЕРА ИЗ ВИЛЬНО

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1180, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 461).

РУССКИЕ МУЧЕНИКИ И МУЧИТЕЛИ В ПОЛЬШЕ]

‹ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ›

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1181, где опубликовано впервые, как вступительные строки к корреспонденции, тематически связанной со статьей Герцена «Арнгольдт, Сливицкий, Ростковский» (см. наст. том, стр. 215—216). Автограф неизвестен.

БАРЫНЯ ЧЕРТОВА И ГОСПОЖА СУХТИНА

‹ВСТУПЛЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1188, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Г-жи Чертова и Сухтина». Автограф неизвестен.

‹300 р. с. В ФОНД›

Печатается по тексту *К*, л. 144 от 8 сентября 1862 г., стр. 1196, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 474).

ИЗ ГРУЗИИ

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 145 от 15 сентября 1862 г., стр. 1199, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

ОБЩИЙ ФОНД ‹В ПРОШЛОМ ЛИСТЕ МЫ УПОМЯНУЛИ...›

Печатается по тексту *К*, л. 145 от 15 сентября 1862 г., стр. 1204, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Об организации «общего фонда» см. на стр. 98 и 386 наст. тома.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 474).

‹СТИХОТВОРЕНИЯ МИХАЙЛОВА›

Печатается по тексту *К*, л. 145 от 15 сентября 1862 г., стр. 1204, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 478) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на экземпляре, хранящемся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 617).

С т р. 293. ...*мы ∞ знаем, что все вырученные деньги пойдут в пользу Михайлова.*— «Стихотворения» М. Л. Михайлова были изданы в 1862 г., в Берлине, с пометой на обложке: «Издание в пользу автора».

‹ИЗ ВАРШАВЫ›

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1206, где опубликовано впервые, без подписи, в качестве послесловия к письму, адресованному издателям «Колокола». Заглавие взято из *ОК*. Письмо озаглавлено: «От Центрального народного польского комитета в Варшаве гг. издателям „Колокола"». Автограф неизвестен.

Французский перевод опубликован в № 3 «La Cloche».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 503) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по записке Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XV, 617).

Письмо Центрального национального комитета Герцен получил на русском языке (см. т. XI наст. изд., стр. 369). Оно датировано 20(8) сентября 1862 г. Его доставили из Варшавы представители Комитета С. Падлевский и А. Гиллер, прибывшие в Лондон для переговоров с издателями «Колокола» об организации совместной борьбы против царизма. В письме были изложены основные программные требования польской повстанческой организации: борьба за независимость Польши, право крестьян на землю, обрабатываемую ими, и право каждого народа располагать своей судьбой. На основе этих принципов Герцен считал возможным заключить польско-русский революционный союз, несмотря на то, что в ходе переговоров выявились существенные расхождения между издателями «Колокола» и представителями польской повстанческой организации по программным и тактическим вопросам (см. т. XI наст. изд., стр. 365—373).

С т р. 294. *В следующем листе мы будем говорить об нем.*— В л. 147 «Колокола» (15 октября 1862 г.) был опубликован ответ издателей «Колокола» на письмо из Варшавы — «Центральному польскому комитету в Варшаве» (см. наст. том, стр. 249—250).

ОБЩИЙ ФОНД ‹ПОЛУЧЕНО ПОСЛЕ 15-ГО СЕНТЯБРЯ . . .›

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г.,стр. 1212,где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 507).

«LA CLOCHE»

Печатается по тексту *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1212, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Объявление написано от имени издателей «Колокола». Перепечатывалось в незначительно измененном виде в л. 147, стр. 1220, и л. 148, стр. 1228.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 507).

TO THE EDITOR OF *THE DAILY NEWS* ‹ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»›

Печатается по тексту газеты «The Daily News» от 3 октября 1862 г., где опубликовано впервые, за подписью: *A. Herzen, N. Ogareff. Editors of the B e l l.* Автограф неизвестен.

Настоящим письмом Герцен и Огарев сопроводили посланное ими в редакцию «The Daily News» и напечатанное в газете обращение «От Центрального народного польского комитета в Варшаве издателям „Колокола"». Это обращение было опубликовано также в *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г. и сопровождено послесловием (см. «Из Варшавы» в наст. томе, стр. 294).

ИЗ МОСКВЫ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1216, где опубликовано впервые, под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 519).

Публикация «Из Москвы» объединяла материал нескольких писем и сопровождалась следующим вступлением: «Выписываем из нескольких писем, полученных нами, следующие отрывки». Каждый из этих отрывков имел редакционный заголовок. Корреспонденция, примечание к которой публикуется, называлась «Государь в Москве». Остальные имели следующие заголовки: «Злодейства с детьми», «Полиция грабит», «Аресты».

«КОНСТИТУЦИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКАЯ ДУМА»

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1220, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 528).

С т р. 295. *Под этим заглавием вышла в Берлине брошюра А. К о ш е л е в а.* — Летом 1862 г. в Лейпциге, в типографии Франца Вагнера, была издана брошюра А. И. Кошелева «Конституция, самодержавие и земская дума». Желая подчеркнуть охранительный характер брошюры и ее враждебность революционному лагерю, Герцен иронически указывает на пользу, которую она может принести «петербургским главам правительств». В. И. Ленин в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» писал об этой брошюре: «Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить „отчаянные головы" и приверженцев „согласия между крестьянами и мещанами", а „благомыслящую умеренную оппозицию" удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали гг. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем „совещательная" Земская дума» (В. И. Л е н и н. Сочинения, изд. 4, т. 5, стр. 29). Брошюра Кошелева была идейно близка не только правительственной верхушке, как предполагал Герцен. Либералам, вполне удовлетворенным крестьянской реформой 1861 г., также была по вкусу Земская дума — совещательный орган при самодержавном царе. Так, А. В. Никитенко писал о брошюре Кошелева: «В брошюре много справедливого. Мысль о Земской думе мне кажется и верною и практически применимою, если государь захочет и ему не помешают. Но тут есть одна щекотливая вещь: не нарушится ли с думою принцип самодержавия? Кошелев не дает ей законодательного характера, а только совещательный. Для совещательной думы у нас есть и исторические элементы. Она была бы у нас вполне народным учреждением» (А. Н. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 297). Редакция «Колокола» не раз откликалась

на брошюры Кошелева, изданные в Лейпциге. В *К*, л. 64 от 1 марта 1860 г. был помещен отзыв на его брошюру «Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу», отклик на статью «Какой исход для России из нынешнего ее положения» содержится в заметке «Без масок» (см. наст. том, стр. 83—84 и комментарий на стр. 378).

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ПОСЛЕ 1-ГО ОКТЯБРЯ...>

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1220, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 528).

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ ОТ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ, СТОЯЩИХ В ПОЛЬШЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., стр. 1221, где опубликовано впервые, под строкой, без подписи. Автограф неизвестен.

Об этом адресе см. в статье «Une réponse» («Ответ») и в заметке «Северная пчела» (наст. том, стр. 267—269 и 273).

<В ОБЩИЙ ФОНД С 15-го ОКТЯБРЯ...>

Печатается по тексту *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., стр. 1228, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 531).

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ЧЕРЕЗ С. ТХОРЖЕВСКОГО...>

Печатается по тексту *К*, л. 149 от 1 ноября 1862 г., стр. 1236, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 540).

ОБЩИЙ ФОНД
<С 1 НОЯБРЯ В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ИЗ ИТАЛИИ...>

Печатается по тексту *К*, л. 150 от 15 ноября 1862 г., стр. 1244, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 545).

ОФИЦЕРАМ РУССКИХ ВОЙСК ОТ КОМИТЕТА РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В ПОЛЬШЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., стр. 1245, где опубликовано впервые, под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

ПИСЬМО г. П. НОВИЦКОГО

‹ПРИМЕЧАНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., стр. 1255, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», под строкой, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 557).

Стр. 296. *Письмо ∞ П. Новицкого, принявшего на себя намек, сделанный в «Свободном слове» о каком-то Новицком.*— В письме П. Новицкого, присланном из Гейдельберга в редакцию «Колокола», содержится протест против упоминания его фамилии в числе лиц, заподозренных в шпионаже (см. в наст. томе заметку «Из „Свободного слова“», стр. 317).

ЗАЩИТНИКИ

‹ВСТУПЛЕНИЕ, РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА, ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1264, 1265, 1266, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 297. ... *один пример in extenso* ... — Далее приводилась из «Русского инвалида» заметка о судебном приговоре по тяжбе между помещиком и высеченным им однодворцем.

. . . *Доминик Тарновский ∞ жаловался публично в газетах ∞ вверх, а не вниз.*— Письмо Д. Тарновского, в котором он рассказывал историю своего ареста, было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях», № 227 от 18 октября 1862 г., под заголовком «История моего ареста».

«Северная почта» ∞ поместил длинную объяснительно-оправдательную промеморию ∞ Вот как объясняется арест.— Далее в «Колоколе» цитировалось «Объяснение по поводу статьи Доминика Тарновского „История моего ареста“», напечатанное в «Северной почте», № 236 от 31 октября 1862 г.

...смиренный еврей, бросивший свою жену ∞ полиция крестит ребенка во имя отца и сына и св. духа...— Эта история рассказана в корреспонденции И. Герцмана «История Мортары в новом виде», опубликованной сначала в «Одесском вестнике», а затем перепечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», № 184 от 24 августа 1862 г.

Стр. 297—298. *...городничий отвечает, что эта вся история — вздор ∞ (комфорт русских тюрем известен!).*— Речь идет об оправдательной статье С. Кончеева «О крещении еврейского ребенка», напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», № 240 от 3 ноября 1862 г.

ДЕЛО ДЬЯКОНОВА, ТРУВЕЛЛЕРА И ПРОЧ.

‹ЗАКЛЮЧЕНИЕ›

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1266, где опубликовано впервые, в виде замечания, напечатанного вслед за текстом заметки, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

О деле В. А. Дьяконова и В. В. Трувеллера см. в заметке «Хроника террора и прогресса» и в комментарии к ней (наст. том, стр. 315 и 479—480).

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КОЦЕБУ

<ПРИМЕЧАНИЕ И ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1266, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Подстрочное примечание к заголовку статьи, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 298. *Вот что напечатано под заглавием «Немцы и Дунай».*— Далее цитировалась статья «Немцы и Дунай», опубликованная в «Русском заграничном сборнике», часть I, тетрадь 1, 1858.

НАШЕГО ПОЛКА ПРИБЫЛО

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1268, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: Листок». Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 577).

Мысль об издании русского журнала, независимого от иностранных издателей, возникла у П. В. Долгорукова в связи с попытками русского правительства оказать на него давление через издателей его журналов «Будущность» и «Правдивый» — Герольда и В. Гергарда (см. «Объявление» Долгорукова в *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1012 и его заявление от 22 июня 1862 г., опубликованное в *К*, л. 138 от 1 июля 1862 г., стр. 1148). Отказавшись от издания журналов «Будущность» и «Правдивый», Долгоруков начал издавать журнал «Листок», первый номер которого вышел в ноябре 1862 г. Первые пять номеров журнала были напечатаны в основанной Долгоруковым русской типографии в Брюсселе. С № 6 «Листок» издавался в Лондоне, куда Долгоруков перевез свою типографию весной 1863 г. Издание продолжалось до июля 1864 г. Всего вышло 22 номера.

Стр. 298. *...Блюммер будет продолжать свое «Свободное слово» в Брюсселе в новой русской типографии, заведенной издателем «Листка».*— В октябре 1862 г. Л. П. Блюммер переехал в Брюссель, о чем Долгоруков сообщал в передовой статье «Об издании „Листка“» (см. «Листок», № 1).

<ИЗ ГЕРМАНИИ ПОЛУЧЕНЫ В ОБЩИЙ ФОНД...>

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1268, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Общий фонд и проч.» Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 578).

DUBIA

‹МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ›

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *СК*.

Известие об исключении трех студентов из университета было, вероятно, получено от Е. В. Салиас де Турнемир, поскольку одним из этих трех студентов был ее сын — Е. А. Салиас (подробнее об этом см. в *ЛН*, т. 61, стр. 802—803, в статье Б. П. Козьмина).

ИРОД ПАНИН

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 10).

На заседании совета министров 4 декабря 1861 г. был заслушан доклад министра юстиции графа В. Н. Панина, составленный им по поручению Александра II, о «беспорядках, происходивших между студентами Санкт-Петербургского университета».

УПОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Печатается по тексту *К*, л. 118, от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 11).

Об отставке Е. В. Путятина см. в комментарии к заметке «Путятин как оратор» (наст. том, стр. 348).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР 7/19 ДЕКАБРЯ

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1000, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Литературный вечер».

ПОХИЩЕНИЕ СТУДЕНТА!

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1000, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 22).

В октябре 1861 г. на квартире у петербургского либерального публициста, сотрудника «Отечественных записок» Н. В. Альбертини полиция произвела обыск и арестовала находившихся там студентов Петербург-

ского университета. Заподозренные в составлении какого-то «адреса», студенты были посажены в крепость.

Среди присутствовавших у Альбертини находился студент Варшавчик, агент III отделения (*ЦГИАМ*, ф. III отд. № 109, оп. № 3, ед. хр. 597). Ироническое упоминание о слухах, по которым Варшавчика «похитил Паткуль», подтверждает, что подозрения студентов о провокаторской деятельности Варшавчика были известны в редакции «Колокола».

ЗЛОДЕЙ-КАПИТАН РУССКОГО КОРАБЛЯ

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1000, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 25).

ЕЩЕ О «ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛЕ»

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1012, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 38).

С т р. 302. *...должны отказаться от помещения последних сведений о «Генерал-адмирале»...* — Об истязании матросов на «Генерал-адмирале» впервые было сообщено в «Колоколе» в заметке «Константин Николаевич за линьки» (*К*, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., см. т. XIV наст. изд.). В дальнейшем в «Колоколе» неоднократно печатались заметки, разоблачающие жестокое обращение с матросами во флоте (см. в т. XV заметки «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“», «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра», «Лесовский здравствует»).

...нашлись защитники Шестакова... — О получении письма, опровергающего факты зверского обращения с матросами, сообщалось в заметке «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра» (т. XV наст. изд.).

...ряд писем, еще более обличительных, мы упомянули и об них. — Имеется в виду заметка «Лесовский здравствует» с сообщением о получении редакцией «Колокола» дополнительных сведений «о грубом обращении на „Генерал-адмирале“» (см. т. XV наст. изд., стр. 204).

ВТОРОЙ РАЗ

Печатается по тексту *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1012, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *Ред.* В *ОК* озаглавлено: «Второй раз о злодее-капитане».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 39).

Заметка является вторым запросом редакции «Колокола» по поводу истязаний на одном из русских кораблей (первым была заметка «Злодей-капитан русского корабля»).

КАПИТАН-ПАЛАЧ

Печатается по тексту *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1019, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка написана от имени редакции «Колокола» и представляет собой ответ на запросы, содержавшиеся в заметках «Злодей-капитан русского корабля» и «Второй раз» (стр. 302 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 55).

<ИМПЕРАТОРСКАЯ ЛОЖА И ОТМОРОЖЕННАЯ РУКА СОЛДАТА>

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1037, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Этой заметкой открывается лист «Колокола».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 68).

Стр. 303. *...военный министр — умный и хороший человек...* — Военный министр Д. А. Милютин провел в 60-х годах ряд либеральных военных реформ: сокращение сроков службы, отмена телесных наказаний. Вскоре, однако, Милютин издал «иезуитский», по выражению Герцена, циркуляр, строжайше запрещавший всякое внеслужебное общение между офицерами и солдатами.

ПРОГРЕСС В РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 126 от 22 марта 1862 г., стр. 1052, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В пользу принадлежности заметки Герцену свидетельствует ее стиль, в частности, определение III отделения как «долгоруковского застенка»: «Журналы и альманахи должны посылаться в эту шпионницу так же, как в цензуру».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 99).

Стр. 303. *...Павлов за какую-то лекцию выслан на жительство в губернский город под надзор полиции.* — Профессор истории П.В. Павлов, переведенный из Киева в Петербург, на проводах, устроенных ему 14 декабря 1859 г. киевскими студентами, поднял тост в честь Герцена — «человека, стоявшего во главе прогрессивного движения в России». 2 марта 1862 г. на вечере, устроенном в пользу нуждающихся литераторов, Павлов произнес в честь тысячелетнего юбилея России речь, о которой говорится в настоящей заметке (текст речи см. в «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», СПб., 1862, стр. 351—354). На третий день после этого выступления Павлов был арестован III отделением и сослан в Ветлугу, где пробыл до 1864 г., а затем два года в костромской ссылке.

В газетах мы прочли с удовольствием расширение привилегий долгоруковского застенка. — Герцен имеет в виду «высочайшее повеление» от 8 марта 1862 г., по которому главное управление цензуры упразднялось, а «наблюдение, чтоб в книгах, брошюрах, периодических изданиях, гравюрах, эстампах и вообще произведениях печати не проявлялось ничего противного цензурным правилам» возлагалось на министерство внутренних дел («Северная почта», № 57 от 14 марта 1862 г.).

...Турунов сделан членом (вероятно тайным) министерства внутренних дел. — Указом от 9 февраля 1862 г. старший чиновник III отделения, действительный статский советник М. Н. Турунов был назначен членом совета министерства внутренних дел («Северная почта», № 35 от 13 февраля 1862 г.).

ПРОГРЕСС В ПОЧТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 127 от 1 апреля 1862 г., стр. 1060, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 101).

⟨АЛЕКСАНДР ЗАМОЙСКИЙ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 127 от 1 апреля 1862 г., стр. 1060, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 101).

Заметка вызвана появившимися в польской печати сообщениями о смерти от пыток арестованного полицией польского патриота Александра Замойского, издававшего в Варшаве нелегальный журнал «Sternik». Как выяснилось впоследствии, слухи эти были спровоцированы, по указанию варшавского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, самой полицией с целью подорвать доверие общества к польской печати. После того, как многие заграничные и русские газеты (в том числе «Пражские народные листы» в № 67, «Северная пчела» в № 92 за 1862 г. и др.) перепечатали это сообщение, Крыжановский назначил специальную комиссию из представителей польской общественности, которая удостоверила, что находившийся в варшавской крепости Замойский жив и пыткам не подвергался. Провокация варшавской полиции была разоблачена в третьем выпуске «Свободного слова» за 1862 г. (стр. 215—221).

СОЛИДАРНОСТЬ С НЕМЦАМИ

Печатается по тексту *К*, л. 129 от 8 апреля 1862 г.,стр. 1068,где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 103).

ПРЕСТУПНЫЕ МАЛЬЧИШКИ В ТВЕРИ

Печатается по тексту *К*, л. 129 от 8 апреля 1862 г., стр. 1068, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Мальчишки в Твери».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 103).

⟨INDÉPENDANCE⟩

Печатается по тексту *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., стр. 1084, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 116).

⟨ИНТРИГИ ДВОРНИ ПРОТИВ КН. СУВОРОВА⟩

Печатается по тексту *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., стр. 1084, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

КНЯЗЬЯ-БЕССРЕБРЕНИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1154—1155, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 339).

⟨«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»⟩

Печатается по тексту *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1164, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

С т р. 306. *В «С.-Петербургских ведомостях» от 22 июня ∞ Надзиратель откавался от того, чтоб спросить имя буяна.*— Об этом факте сообщалось в письме М. Федосьева и А. Федотова из Пулкова от 31 мая 1862 г., опубликованном под заголовком «Кулачная расправа» в «С.-Петербургских ведомостях», № 134 от 22 июня 1862 г. (раздел «Разные известия»).

Анненков! Полноте писать нелепые циркуляры о сигарах...— Имеется в виду приказ петербургского обер-полицмейстера Анненкова от 23 мая 1862 г. о запрещении курить на улицах Петербурга. В нем, между прочим, говорилось: «...в последнее время встречаются почти что на каждом шагу лица, которые открыто, в виду городовых унтер-офицеров, позволяют себе курить сигары и папиросы, проезжая в экипажах, проходя по тротуарам и собираясь кучами около обывательских домов в вечернее, нерабочее время» («С.-Петербургские ведомости», № 113 от 27 мая 1862 г.).

ОСАДА НИЖНЕГО. ВОЙСКО ПРОТИВ ПАМФЛЕТОВ

Печатается по тексту *К*, л. 141 от 15 августа 1862 г., стр. 1172, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Осада Нижнего».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 389).

В приказе министра внутренних дел от 10 июля 1862 г. за № 1697 сообщалось, что по повелению Александра II в Нижний Новгород направляется командир отдельного корпуса внутренней стражи генерал В. Ф. Лауниц «для устройства, по его указаниям, ближайшего полицейского и предохранительного надзора во время ярмарки» («С.-Петербургские ведомости», № 168 от 3 августа 1862 г.). Газета «Nord» от 6 августа 1862 г. в корреспонденции из России так писала об этом: «Через пятнадцать дней должна открыться большая ярмарка в Нижнем Новгороде. При настоящем настроении умов опасаются,что агенты революционной пропаганды постараются воспользоваться случаем для распространения зажигательных сочинений... Для того, чтобы предупредить все попытки с их стороны, концентрируются войска в Нижнем Новгороде и в его окрестностях по берегам Волги. Командование, говорят, поручено генералу Лауницу, командиру корпуса внутренней стражи. Вполне вероятно, что он имеет полномочия действовать по своему усмотрению. Я не знаю, насколько эта мера применима к данным обстоятельствам. Нет никаких оснований опасаться настоящих волнений в Нижнем Новгороде; что касается распространения революционных сочинений, то армия не может пресечь его — это дело полиции».

‹В ЯРОСЛАВЛЕ ЗАПРЕЩЕНО ХОДИТЬ ПО ТРОТУАРАМ...›

Печатается по тексту *К*, л. 142 от 22 августа 1862 г., стр. 1180, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия.

‹ПРАВДА ЛИ, ЧТО ОБРУЧЕВА ВЕЗЛИ В СИБИРЬ...›

Печатается по тексту *К*, л. 144 от 8 сентября 1862 г., стр. 1196, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. В *ОК* озаглавлено: «Правда ли?»

УМИРАТЬ УМЕЮТ

Печатается по тексту *К*, л. 145 от 15 сентября 1862 г., стр. 1198, где опубликовано впервые.

Заметка, написанная на основе материалов из газет, тематически связана со статьей Герцена «Виселица в Варшаве» (см. наст. том, стр. 238 и комментарий к статье). Лист 145 «Колокола» делался, по-видимому, в отсутствие Огарева, находившегося в это время в Севенноксе. В письме к Салиас де Турнемир от 29 сентября 1862 г. Огарев сообщал, что он прожил в Севеноксе «дней десять» и там «написал маленькую поэмку» (имеется в виду поэма «Странник», рукопись которой помечена датой — 17 сентября).

Корреспонденция из Варшавы, отрывок из которой цитируется в настоящей заметке, была перепечатана из «National Zeitung» в «С.-Петербургских ведомостях», № 183 от 23 августа 1862 г.

ВЫСОКОМЕРИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ НАД ПОБЕЖДЕННЫМИ

Печатается по тексту *К*, л. 145 от 15 сентября 1862 г., стр 1204, где опубликовано впервые.

Настоящая заметка явилась откликом на письмо из Корчева от 1 августа 1862 г. к издателю «Северной пчелы», напечатанное 25 августа в № 229 газеты под заголовком «Серые армяки и трактирные заведения» за подписью «К. С.» Автор письма выступает против закона, по которому «содержатели трактирных заведений подвергаются штрафу за попущение в заведение без *различия звания* людей в ливреях, серых армяках, нагольных тулупах и вообще в неприличном одеянии...»

О НИЖНИХ ЧИНАХ, ЗАМЕЧЕННЫХ В ВОРОВСТВЕ И МОШЕННИЧЕСТВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1219, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В заметке цитируется распоряжение нижегородского губернского начальства «Об отпускных и отставных нижних чинах, замеченных в воровстве и мошенничестве», опубликованное в № 33 «Нижегородских губернских ведомостей» от 15 августа 1862 г.

ПОЖАЛОВАНИЕ ЗЕМЛЕЮ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1219, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

С т р. 308. *Генералу-от-кавалерии Клюпфелю пожаловано* ∞ (*«СПб. вед.»*). — Об этом сообщалось в заметке «Пожалование землею», напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», № 206 от 22 сентября 1862 г.

ТАЙНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1219, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 520).

Летом 1862 г. по инициативе Н. И. Утина и его товарищей, входивших в петербургский комитет «Земли и воли» (об обществе «Земля и воля» см. в т. XVII наст. изд.), под Петербургом была организована тайная типография. Из нее вышла первая землевольческая прокламация — «К образованным классам», написанная 30 августа 1862 г. Утиным. В первой половине сентября прокламация была распространена в Петербурге и в Москве, а вскоре появилась и в провинции. Подробности о создании тайной типографии и о выпуске прокламации «К образованным классам» рассказаны в «Воспоминаниях» Л. Ф. Пантелеева, ГИХЛ, 1958, стр. 311 (см. также об этом в *ЛН*, т. 62, стр. 616).

С т р. 308. *В следующем листе «Колокола» мы перепечатаем его.*— Листовка была напечатана в *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., стр. 1227, под заголовком «Тайные типографии в Петербурге».

Несмотря на мощную поддержку г. Скарятина, правительство ∞ падает в глазах всего мыслящего в России.— В августе 1862 г. в ряде номеров «С.-Петербургских ведомостей» печатались пространные статьи В. Д. Скарятина под общим заголовком «Россия», в которых автор пытался доказать, что Александр II является выразителем надежд всего русского общества. В первой статье этого цикла, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях», № 178 от 17 августа, Скарятин, между прочим, писал: «Мы уверены, что если б сам г. Герцен приехал теперь в Россию, прошелся бы по ее улицам и прислушался бы к говору всех слоев русского общества, от площади до салона, он изменил бы свой взгляд на положение нашего отечества».

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Печатается по тексту *К*, л. 149 от 1 ноября 1862 г., стр. 1236, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Французский перевод опубликован в № 8 «La Cloche».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 537).

С т р. 308. *«Indépendance» говорит, что студент Яковлев приговорен быть расстрелянным ∞ к ссылке в Сибирь с лишением прав состояния.*— По доносу фельдфебеля П. Ф. Миниха 10 мая 1862 г. в казармах лейб-гвардии саперного полка был арестован бывший студент Петербургского университета А. А. Яковлев, который вел среди солдат пропаганду, призывая к «ограничению прав верховной власти и изменению существующего порядка». После ареста Яковлева штабс-капитан Энгель, поручики Посников и Еллинский, действуя вопреки приказанию командира батальона, не отправили арестованного в полицию. Следственная комиссия, созданная по приказанию вел. кн. Николая Николаевича, генерал-инспектора по инженерной части, установила, что дежурный офицер, поручик Еллинский, «перевел Яковлева из караульной в дежурную комнату, без конвойного и, не поставив часового к дверям — оставался с ним наедине; причем, с ведома штабс-капитана Энгеля и по наущению поручика Посникова, дозволил Яковлеву уничтожить имеющиеся у него бумаги». Приказом вел. кн. Николая Николаевича от 5 июня 1862 г. Энгель, Посников и Еллинский были преданы военному суду, приговорившему их, согласно корреспонденции «L'Indépendance belge» (текст приказа см. в «С.-Петербургских ведомостях», № 126 от 13 июня 1862 г.) к ссылке в Сибирь. Студент Яковлев был приговорен к расстрелу, но, по ходатайству генерал-аудиториата, смертная казнь была заменена ему ссылкой на каторжные работы в рудники сроком на 12 лет. По решению Александра II срок ссылки был ограничен шестью годами (см. об этом в *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1292,

в заметке «А. А. Яковлев», написанной на основе материалов из газеты «Северная пчела» (заключительные строки к этой заметке см. в т. XVII наст. изд.). Яковлев умер на каторге.

...фельдфебель М и н и х приговорен к потомственному дворянству.— Об этом сообщалось в статье Герцена «Хроника террора» (см. стр. 228 наст. тома и примечание к ней).

‹ГОЛОВНИНСКАЯ ЦЕНЗУРА›

Печатается по тексту *К*, л. 149 от 1 ноября 1862 г., стр. 1236, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Французский перевод опубликован в № 8 «La Cloche».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 538—539).

С т р. 308. *...бесцензурного печатания книг научного содержания...*— В утвержденных 12 мая 1862 г. Александром II «Временных правилах по цензуре», в разделе «О цензировании изданий ученых и изданий специальных и технических», отмечалось, что книги сугубо научного содержания могут не подвергаться общей цензуре (см. «Северная почта» от 5 июня 1862 г.).

...первый выпуск «Сравнительной анатомии» ∞ запрещен в России...— Имеется в виду брошюра А. А. Герцена «Общепонятное изложение сравнительной анатомии и зоологии», изданная Трюбнером в Лондоне, в 1862 г., на русском языке.

‹«НЕ МОЕ ДЕЛО»›

Печатается по тексту *К*, л. 150 от 15 ноября 1862 г., стр. 1244, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Французский перевод опубликован в № 8 «La Cloche».

Заметка, являющаяся редакционным запросом, связана с опубликованной в «Колоколе» корреспонденцией «Из Варшавы», сообщавшей о положении армейских офицеров в Польше и об отношении великого князя Константина Николаевича к гвардейским частям, расквартированным в Польше.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 545).

‹«DAILY TELEGRAPH»›

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1268, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Французский перевод опубликован в № 11 «La Cloche».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 576).

О шпионе Фелькнере упоминается в статье «Пути! Пути!» (наст. том, стр. 270).

‹ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ГАЗЕТ...›

Печатается по тексту *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1268, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 576).

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

ГОНЕНИЯ ЕВРЕЕВ В ЛИТВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 988, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Корреспонденция, посвященная преследованиям евреев в городке Лейтваров, была обработана в редакции «Колокола». Так, редакционными являются не только подстрочное примечание, подписанное «Ред.», и послесловие (по стилю можно предположить, что оно принадлежит Герцену. Напр.: «...что подлее — эта зверская палочная аристократия или мирволящее ей правительство со своими кондотьерами?»), но и замечание внутри корреспонденции, в скобках, по поводу «убийства младенца». Редакционным является, по-видимому, и курсив, которым выделены в корреспонденции некоторые слова.

ИЗ МОСКВЫ

Печатается по тексту *К*, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 996, где опубликовано впервые.

Статья представляет собой обработку двух корреспонденций из Москвы.

Замечания, подписанные «*Изд.*», были включены в издание М. К. Лемке (*Л* XV, 22).

‹ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ›

Печатается по тексту *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1044, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 314, строка 34: умножиша *вместо:* умножеша.

ХРОНИКА ТЕРРОРА И ПРОГРЕССА (ИЗ ПИСЕМ И ГАЗЕТ)

Печатается по тексту *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1182—1183, где опубликовано впервые.

«Хроника» представляет собой обзор различных материалов из газет, корреспонденций и устных сообщений, характеризующих реакцию и произвол в России. Обработка настоящего материала была произведена, по-видимому, Герценом; об этом свидетельствует его пристальное внимание к делу В. В. Трувеллера (см. т. XI наст. изд., стр. 305—306).

Вслед за этим обзором, под особым заголовком: «С Нижегородской ярмарки, 19 июля», были напечатаны выдержки из распоряжения нижегородского военного губернатора Одинцева о мероприятиях, связанных с проведением нижегородской ярмарки. Сопровождалась эта публикация следующим заключением: «Эти документы не должны утратиться в памяти людской. По ним можно ясно судить, каково было правительство во время *тысячелетия*».

Стр. 315. *Июля 1/12 в Казанском и Исакиевском соборах ∞ служили панихиды ∞ Лидерсовой конфирмации.*— Речь идет о панихидах по расстрелянным 16 июня 1862 г. за революционную пропаганду в войсках польским офицерам Иване Аргольдте, Петре Сливицком и Франце Ростковском, приговор которым был утвержден главнокомандующим войсками в Польше генерал-адъютантом графом А. Н. Лидерсом (см. в наст. томе статьи «Выстрелы, раны и убийства» и «Аргнольдт, Сливицкий и Ростковский» и комментарий к ним). Панихиды по Аргольдту, Сливицкому и Ростковскому жестоко преследовались. Так, 14 июля 1862 г. в Варшаве были преданы полевому военному суду поручики Данилович, Огородников и Зейн за то, что «были главными распорядителями заказанной 24 минувшего июня, очевидно, с целью политической демонстрации, в походной церкви в лагере, панихиды по государственным преступникам». О панихидах по расстрелянным сообщалось также в корреспонденции «Панихида в Москве» (*К*, л. 147 от 15 октября 1862 г.).

В Киеве, говорят, вышла прокламация к солдатам ∞ по этому делу полковник Красовский привезен в III отделение.—Подполковник резервного дивизиона Александрийского гусарского полка А. А. Красовский был арестован за написание и распространение среди солдат Житомирского резервного батальона воззвания, призывавшего их не участвовать в подавлении народных восстаний. 11 октября 1862 г. он был приговорен к расстрелу, замененному затем 12 годами каторги. «Сентенция военного суда» по делу Красовского была напечатана в *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г.; позже в *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г. под заголовком «Подполковник Красовский» были опубликованы материалы по этому делу, присланные в редакцию «Колокола» неизвестным корреспондентом (см. «Письмо о деле Красовского» в XVII томе наст. изд.). Среди этих материалов напечатан текст воззвания Красовского.

На фрегатах «Олег» и «Громобой» ∞ был произведен полицейский обыск ∞ донос сделан священником.— В 1861—1862 гг. фрегаты «Олег» и «Громобой» находились в заграничном плавании. По доносу судового священника Палладия по прибытии фрегатов в июне 1862 г. в Кронштадт на них был произведен обыск. На «Громобое» были найдены несколько листов «Колокола». На «Олеге» у гардемарина В. А. Дьяконова и юнкера В. В. Трувеллера нашли воззвание «Что нужно народу?» При допросе Трувеллер показал, что он посетил в Лондоне Герцена и приобрел некоторые издания лондонской типографии для распространения в России. Несколько экземпляров из приобретенной им литературы он роздал матросам своего корабля. За провоз в Россию лондонских изданий Герцена Трувеллер и Дьяконов были арестованы и заключены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В январе 1864 г., по приговору морского генерал-аудиториата, Трувеллер был лишен всех прав состояния и сослан на каторжные работы сроком на три года (см. «Былое и думы», гл. «Апогей и перигей», т. XI наст. изд., стр. 305—306 и «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 110—139).

О деле Трувеллера мы надеемся передать больше нашим читателям.— «Дело Дьяконова, Трувеллера и проч.» было опубликовано в *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г. (заключение к этой публикации см. в наст. томе,

стр. 298), а затем в *К*, л. 190 от 15 октября 1864 г. был напечатан «Приговор Трувеллера».

Шесть тысяч славян (говорят «СПб. ведомости») ∞ православного царя.— Речь идет о заметке «Крымские персселенцы», перепечатанной в «С.-Петербургских ведомостях» от 18 июля 1862 г. (№ 155) из «Одесского вестника». В заметке сообщалось, что «почти две трети переселившихся в Крым болгар отправились в Турцию на счет турецкого правительства, а одна треть вымерла». 29 июля 1862 г. в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 164) была помещена «Поправка» к заметке «Крымские переселенцы», сделанная по данным министерства государственных имуществ, которая удостоверяла, что из числа переселившихся в течение 1861—1862 гг. в Крым из Турции и Молдавии виддинских болгар возвратились в Турцию 7268 переселенцев, не получивших от царского правительства землю.

С т р. 316. *А вот и еще юридическое убийство ∞* («*Одес. вестн.*»).— В связи с майскими пожарами в Петербурге, был издан указ о предании военному суду «всех, кои могли бы быть взяты с поджигательными снарядами и веществами или по подозрению в поджигательстве, равно подстрекателей к беспорядкам» (указ был опубликован в «С.-Петербургских ведомостях», № 116 от 1 июня 1862 г.). На основании этого указа, в Одессе 26 июля 1862 г. был расстрелян еврей, обвиненный в поджоге дома со спекулятивной целью (см. «Одесский вестник», № 81, стр. 379).

ФИЛОСОФСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОЛОНЕЦКОЮ И КУРСКОЮ ГУБЕРНИЯМИ

Печатается по тексту *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г., стр. 1218, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Философское управление Олонецкою губернией».

Французский перевод опубликован в № 6 «La Cloche».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XV, 518—520).

С т р. 316. *Пусть он прочитает о каком-нибудь пермском губернаторе Лашкареве.*— См. примечание к корреспонденции «Сечение и убийство крестьян из Пермской губернии» (наст. том, стр. 288), а также заметку Еще Лашкарев Пермский», опубликованную в *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г.

‹ИЗ «СВОБОДНОГО СЛОВА»›

Печатается по тексту *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., стр. 1228, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Основу настоящей заметки составляет запрос к русским читателям, напечатанный в «Свободном слове» под заголовком «Интересно бы знать» (т. I, 1862, вып. 7-8, стр. 590).

Нет сомнений, что Герцен перепечатал запрос Блюммера в «Колоколе» для того, чтобы ознакомить своих читателей с именами лиц, заподозренных в шпионской деятельности. В это время Герцену уже было известно, что некоторые из названных лиц являются агентами III отделения. В частности, Герцен знал, что М. Л. Михайлов был арестован по доносу провокатора В. Д. Костомарова. Шпионская же деятельность Килевейна и Назаревского была широко известна за границей.

Подробности о деле учителя Лужского уездного училища Николая Викторова, арестованного за поджоги и под пытками сознавшегося, что

он поджигал из «политических видов» по подговору студента Баллода, см. в «Каторге и ссылке», 1932, № 10, стр. 91.

Стр. 317. *...несколько человек, поименованных в списке, были на границе обысканы не только до рубашки — но под рубашкой.*— Имеется в виду «Список лиц, которых правительство велело арестовать по возвращении из-за границы» (см. наст. том, стр. 229 и 235). Об обысках на границе сообщалось также в заметке «Австрийские и русские обыски» (см. «Свободное слово», 1862, т. I, вып. 4).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамович Станислав, поручик русской армии в Польше, арестованный в 1862 г. по делу группы офицеров (И. Н. Аргольдта и др.) — членов варшавской офицерской революционной организации — 206—208

Августин Аврелий (354—430), епископ из Гиппона (Северная Африка), один из первых христианских теологов, канонизированный католической церковью — 180

Авель (библ.) — 103, 139, 196

Аверкиев Иван, поручик, участник революционного движения начала 60-х годов; арестован в Петербурге в 1862 г. за распространение прокламаций и антиправительственную пропаганду и сослан на Кавказ — 127, *398*

Авраам (библ.) — 73

Агамемнон (миф.) — 40

Агафонов, гвардейский офицер, заподозренный в шпионстве — 317

Адам (библ.) — 159, 177

Адлерберг Александр Владимирович, граф (1819—1889), генерал-адъютант, член комитета по делам книгопечатания в 1859—1860 гг., член Главного управления цензуры в 1860—1861 гг., министр императорского двора и уделов в 1870—1881 гг., сын В. Ф. Адлерберга — 96

Адлерберг Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант, начальник департамента почт в 1842—1856 гг., министр императорского двора в 1852—1870 гг., член Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу с 1857 г.— 30, 31, 96, 127, 128, 290, 305, *384*, *398*, *459*, *463*

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор газеты «День» (1861—1865), впоследствии председатель московского славянского комитета — 217, *363—365*, *412*, *413*, *420*, *422*, *430*

Аларих I (ок. 376—410), первый король вестготов (с 395 г.), захвативший и разграбивший Рим — 131, 135, 330

Александр I (1777—1825), император — 38—54, 56—58, 65—71, 75, 77, 85, 163, 238, *358*, *366—372*, *374*, *379*, *434*

Александр II (1818—1881), император — 15, 18—20, 23, 24, 33, 82, 84—86, 95, 96, 103, 106, 127, 131, 199, 201, 208, 210, 215, 224, 227, 228, 230, 240, 245, 247, 258, 262—264, 278, 281, 285—287, 295, 298, 301, 304, 306—308, 314, 315, 337, *348*, *352*, *353*, *355—357*, *361*, *369*, *376*, *379*, *383*, *384*, *389*, *391*, *398*, *399*, *413*, *414*, *416—419*, *428*, *429*, *435*, *436*, *440*, *444*, *456—460*, *471*, *475*, *477*, *478*

Александра Иосифовна, вел. княгиня (1830—1911), жена вел. князя Константина Николаевича — 240, *435*

Александра Федоровна (1798—1860), императрица, жена Николая I — 211, 305

Александровская Варвара Владимировна, участница революционного движения, арестована в

Петербурге в 1862 г. за распространение прокламаций и приговорена к ссылке — 127, *398*
Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645 г.— 224
Алкивиад (ок. 451—404 до н. э.), афинский политический деятель и полководец — 10
Альба Фернандо Альварес де Толедо, герцог (1507—1582), испанский полководец и государственный деятель, жестоко подавивший Нидерландскую революцию в 1567—1573 гг.— 177
Альбертини Николай Викентьевич (1826—1890), публицист, сотрудник «Отечественных записок», затем «Голоса» в 1859—1863 гг.; был за границей (выехал в феврале 1862 г.), встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229, *427*, *471*, *472*
Альмавива, действ. лицо драматической трилогии Бомарше — 137
Анна Леопольдовна (1718—1746), «правительница» Российской империи в 1740—1741 гг.— 224, *373*
Ангулемская Мария Тереза Шарлотта, герцогиня (1778—1851), дочь Людовика XVI — 332
Андреев Николай Николаевич (1824—1888), капитан-лейтенант, командир фрегата «Олег» в 1860—1864 гг.— 117, *392*
Анненков Иван Васильевич (1814—1887), генерал-лейтенант, петербургский обер-полицмейстер с 1862 г. — 234, 306, *431*, *432*, *475*
Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1854—1855 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, с 1855 до 1862 г. государственный контролер, с 1862 г. генерал-губернатор Юго-Западного края — 24, 199, *383*
Анрио (Ганрио, Hanriot) Франсуа (1761—1794), участник Великой французской революции, якобинец, в 1793—1794 гг. главнокомандующий Национальной гвардией, после термидорианского переворота казнен вместе с Робеспьером — 220, *424*, *425*
Антонелли Джакомо (1806—1876), итальянский кардинал, с 1850 г. глава Государственного совета Папской области — 145
Антоний Безднинский — см. Петров Антон
Антье (Antier) Бенжамен (1787—1870), франц. драматург, соавтор Ф. Леметра (см.) в создании пьесы «Робер Макер»;
—«Robert Macaire»; Робер Макер— 136
Аполлос (Апеллес) (библ.) — 35, 244, *364*
Апраксин Антон Степанович, граф (1817—1899), генерал-майор свиты, руководил подавлением крестьянского восстания в с. Бездна Спасского уезда Казанской губ. в 1861 г.— 22, 208, 215, *416*, *453*
Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834), генерал-от-кавалерии, временщик при Павле I и Александре I, военный министр в 1808—1810 гг., организатор военных поселений — 21, 39, 40, 42, 67, 75, 163, 170, 171, 230, 292, *371*
Араужо (ум. 1802), вдова португальского посла в Петербурге— 291, *463*
Арнгольдт Иван Николаевич (ум. 1862), поручик 4-го стрелкового батальона I армии, член варшавской офицерской революционной организации, в 1862 г. арестован за пропаганду в войсках и расстрелян — 206—208, 215, 216, 233, 251, 292, 315, *416*, *421*, *431*, *443*, *480*
Арсеньев Илья Александрович (1820—1887), либеральный журналист, сотрудник «Северной пчелы» — 233, *431*
—«По поводу последних варшавских событий» — 233, *431*
Арсеньев Константин Иванович (1789—1865), статистик, историк и географ, в 1819—1821 гг. профессор Петербургского университета, с 1836 г. член Академии наук — 120, *394*
Аскоченский Аристарх Ипатьевич (род. 1817), врач, с 1864 г. оператор екатеринославской губернской врачебной управы; брат В. И. Аскоченского — 103

Аскоченский (Аскочинский) Виктор Ипатьевич (1813—1879), реакционный журналист и писатель, редактор-издатель «Домашней беседы для народного чтения» с 1858 до 1877 г.— 31, 103, *389*, *390*, *436*
— «Страшное извещение» — 103, *390*
«Аталия», трагедия Расина (см.)
Афродита (миф.) — 177
Ахилл (миф.) — 330

Бабёф Гракх, псевдоним Франсуа Ноэля (1760—1797), франц. коммунист-утопист, организатор «заговора равных» в период термидорианской диктатуры — 204, 225. 339
Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), публицист, профессор политической экономии в Казанском (1851—1857) и Московском (1857—1874) университетах — 81, *376*, *449*
Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — 134, 144, 184, 324, 329, 330
— «Дон Жуан»; Дон Жуан — 187, *410*
Бакон Веруламский — см. Бэкон
Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 16—20, 78, 79, 91, 99, 243, 244, 277, 279, *349*—*351*, *375*, *386*, *387*, *438*, *449*, *451*, *453*, *463*
— «Исповедь» — 19, *351*
— «Основы новой славянской политики» — 17, *350*
— «Русским, польским и всем славянским друзьям» — 244, 279, *438*, *453*
Бакунина (урожденная Муравьева) Варвара Александровна, мать М. А. Бакунина — 18
Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837), генерал-лейтенант, член Государственного совета, министр полиции с 1810 по 1819 г.— 229, 231, *428*
Бандьера (Bandiera) Аттилио (1817—1844) и Эмилио (1819—1844), братья, офицеры австрийского военно-морского флота; создали в 1841 г. тайную организацию, вошедшую в состав «Молодой Италии»; в 1844 г. пытались поднять восстание сначала во флоте, затем — среди крестьян Калабрии; расстреляны — 205, *415*
Банко, действ. лицо в трагедии «Макбет» В. Шекспира (см.)
Баранцов Александр Алексеевич (1810—1882), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, начальник штаба генерал-фельдцейхмейстера с 1856 по 1862 г., председатель артиллерийского инженерного комитета, с 1862 г. товарищ генерал-фельдцейхмейстера и начальник главного артиллерийского управления — 286, 287, *460*
Барков Иван Семенович или Степанович (1732—1768), переводчик и поэт, автор порнографических стихотворений — 103, *390*
Баррас (Barras) Поль, виконт де (1755—1829), франц. политический деятель, депутат и комиссар Конвента в период якобинской диктатуры; в 1794 г. был одним из организаторов термидорианского переворота и арестовал Робеспьера; с 1795 г. один из руководителей Директории — 152
Барро (Barrot) Одилон (1791—1873), франц. политический деятель, монархист, один из вождей оппозиции при Луи Филиппе, депутат Учредительного (1848) и Законодательного (1849) собраний, глава правительства после избрания Луи Наполеона президентом Республики (1848—1849) — 160
Барятинский Александр Иванович, князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Кавказским корпусом и кавказский наместник в 1856—1862 гг.— 31, 265, *460*
Барятинский Федор Сергеевич, князь (1742—1814), обер-гофмаршал при Екатерине II — 44, *372*
Басаргин Николай Васильевич (1799—1861), декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества; с 1822 г. отошел от тайного общества, в 1826 г. был

арестован и приговорен к каторжным работам, с 1836 г. до амнистии (1856) жил на поселении — 237, *433*
— «Записки Николая Васильевича Басаргина» — 237, *433*
Батый, монгольский хан в первой половине XIII в.— 32, 264
«Бачность» — см. «Baczność»
Баяр (Байярд, Bayard) Пьер дю Терайль (1476—1524), франц. рыцарь; прославился необычайным героизмом и высоким пониманием правил рыцарской чести — 259
Безобразов Николай Александрович (1816—1867), публицист, один из основателей реакционной газеты «Весть» (1863) — 33, 34, 106, *361*, *391*
Беккария (Beccaria) Чезаре (1738—1794), итал. юрист и публицист, буржуазный просветитель XVIII века, автор трактата «О преступлениях и наказаниях» — 61
Бёкль — см. Бокль
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 80, 91, 106, 193, *382*, *431*
Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), с 1826 г. шеф жандармов, командующий императорской главной квартирой и начальник III отделения — 66, 278, *453*
Бер (Bär) Густав, издатель и владелец типографии в Лейпциге — 87, *381*
Берклей (Barclay), владелец пивоваренного завода в Лондоне — 246, *438—440*
Берн, крестьянин Витебской губ.— 86
Бестужев Николай Александрович (1791—1855), декабрист, член Северного общества, (с 1824 г.), участник восстания 14 декабря, приговорен к пожизненной каторге, с 1840 г. на поселении — 237, *433*
— «Воспоминания о Кондратье Феодоровиче Рылееве» — 237, *433*
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826), подпоручик Полтавского полка, декабрист, член Южного общества с 1823 г., казнен — 91, 238
Бетрищев, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)
Бетхер (Бетчер) Александр, студент Петербургского университета; выехал за границу в октябре 1861 г., встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229
Бетховен Людвиг ван (1770—1827), нем. композитор — 135, 330
Бецкой Иван Иванович (1704—1795), президент Академии художеств с 1763 г., инициатор создания в Петербурге «воспитательного общества благородных девиц» (впоследствии Смольный институт) и воспитательного коммерческого училища для купеческих детей (1773) — 30, *359*
Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1838 до 1848 г. киевский губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, в 1852—1855 гг. министр внутренних дел — 93
Библия — 9, 35, 139, 157, 225, 308, 332, *364*
Бирон Эрнст Иоганн, герцог (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, регент империи в 1740 г.—75, 105, 170, 325, *406*
Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881), франц. революционер, коммунист-утопист, участник революций 1830 и 1848 гг. — 33, 204
Блонден (Блондин, Blondin) Шарль (1824—1897), франц акробат — 89, *357*
Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864), делопроизводитель верховной следственной комиссии по делу декабристов в 1825—1826 гг., член Главного комитета по крестьянскому делу, в 1861—1862 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров — 72, 210, 237, *375*, *415*, *418*, *432*
— «Донесение следственной комиссии» — 72, 237, *375*
Блунчли — см. Блюнчли

Блюммер Антонина Петровна (ум. после 1914), участница революционного движения начала 60-х гг. в Петербурге, сестра Л. П. Блюммера; в мае 1862 г. арестована за распространение прокламаций и пропаганду в воскресных школах; в сентябре 1862 г. выслана под надзор полиции в Воронеж — 127, *398*

Блюммер Леонид Петрович (1840—1888), журналист, в 1861 г. выехал за границу, в 1862 —1864 гг. редактировал журналы «Свободное слово», «Весть», «Европеец», издававшиеся в Берлине, Брюсселе и Дрездене; в 1865 г. вернулся в Россию — 83, 219, 277, 280, 288, 298, *349*, *376*, *377*, *423*, *430*, *439*, *454*, *460*, *470*, *481*

Блюнчли (Блунчли, Bluntschli) Иоганн Каспар (1808 — 1881), швейцарский юрист, член правительственного совета, член следственной комиссии о коммунистах—17, *350*

Богдан Хмельницкий (Зиновий Богдан Михайлович) (ок. 1595—1657) — 59, 253

Бодянский Осип Максимович (1808—1877), славист, с 1842 г. профессор Московского университета по кафедре истории и литературы славянских наречий — 282, *376*

Бокль (Бёкль, Buckle) Генри Томас (1821—1862), англ. историк— 242, *437*

— «История цивилизации в Англии» — 242, *437*

Бомарше (Beaumarchais). Пьер Огюст Карон де (1732—1799), франц. драматург;

— «Севильский цирюльник» — 88, *382*

— Альмавива — 137, 331, *382*

— Фигаро — 137

Бонарроти — см. Микельанджело Буонарроти

Бонёр (Bonheur) Роза (1822—1899), франц. художница — 141, 333

«Борис Годунов», трагедия А. С. Пушкина (см.)

Боткин Сергей Петрович (1832—1889), врач-терапевт, профессор петербургской Медико-хирургической академии; выехал за границу в апреле 1862 г., встречался в Лондоне с А. И. Герценом и М. А. Бакуниным — 229

Брауман, купец — 317

Брашман Николай Дмитриевич (1796—1866), профессор Московского университета по кафедре прикладной математики с 1834 по 1864 г.— 324

Бренц (Brentz), капитан корабля «Урго» — 302

Бруннов (Брунов) Филипп Иванович, барон (1797—1875), дипломат, представитель России на Парижской конференции 1856 г., посол в Лондоне в 1840—1854 и 1858—1874 гг.— 302, 303, *397*, *435*

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), политический деятель древнего Рима, республиканец, глава заговора против Юлия Цезаря — 124, 126, 152, *397*

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист, критик и беллетрист, редактор-издатель газеты «Северная пчела» (1825—1859) —232

Бурбоны — королевские династии, занимавшие престолы Франции, Испании, Неаполитанского королевства, и герцоги Пармы — 96, 305, *371*, *415*

Буркова Мина Ивановна, фаворитка графа В. Ф. Адлерберга — 290

Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866), социалист-утопист, организатор «пятниц», на которых в 1845—1849 гг. собирались представители передовой петербургской интеллигенции, один из составителей «Карманного словаря иностранных слов»; в 1849 г. арестован и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 210, *418*

Бутков Владимир Петрович, (1820—1881), государственный секретарь с 1853 по 1865 г.— 96, 128, *399*

Бутурлин Алексей Петрович (1802—1863), сенатор, генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—

1831 гг., в 1846—1861 гг. военный и гражданский губернатор Ярославля — 23
Бутчик Николай Тимофеевич, студент Петербургского университета, судившийся товарищами за растрату денег в студенческой кассе, провокатор — 281, *455*
Бэкон (Bacon) Фрэнсис, барон Веруламский (1561—1626), англ. философ — 162, *409*
— «Новый Органон» — 162, *409*

Ваал (библ.) — 178
Вагнер (Wagner) Рихард (1813—1883), нем. композитор — 135, *378*
Вадковский Федор Федорович (1800—1844), декабрист, член Северного и Южного обществ; — «Белая церковь» — 237, *434*
Валленштейн, действ. лицо одноименной трилогии Шиллера (см.)
Валуев Петр Александрович (1814—1890), министр внутренних дел с апреля 1861 до 1868 г. (впоследствии граф, министр государственных имуществ и председатель Комитета министров) — 37, 199, 217, 245, 247, 284, 288, 289, 337, *353*, *377*, *414*, *422*, *438*, *441*
Вальдегамас Хуан Франциско Донозо Кортес, маркиз (1803—1853), испанский политический деятель и публицист реакционного лагеря — 164, 185, *409*
Вальденберг Давид, купец, агент III отделения — 317
Ван-Дейк (Van Dyck) Антонис (1599—1641), фламандский живописец — 136
Ванька Каин (Иван Осипович Каин) (род. 1718), московский вор, грабитель и полицейский сыщик — 73, *366*
Варсонофий (1500—1576), первый архимандрит казанского Спасопреображенского монастыря, канонизированный православной церковью — 30, 31
Варшавчик, студент Петербургского университета, агент III отделения — 301, *472*
Василий Великий (329—378), христианский богослов, архиепископ Кесарии Каппадокийской — 177
Ваттель Эмерих (1714—1767), швейц. юрист, автор работ по международному праву — 161, 162
Вацлав — см. Вячеслав Константинович
Веверлей, герой одноименного романа В. Скотта (см.)
«Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» («Полицейские ведомости»), газета, издававшаяся с 1839 по 1883 г.; в 1855—1862 гг. редактировалась Е. К. Огородниковым — 103, 278, *355*
Велёпольский (Виелепольский, Wielopolski) Александр, маркиз (1803—1877), в 1861 г. член Совета управления и министр народного просвещения и вероисповедания Царства Польского, в 1862 — 1863 гг. начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета Царства Польского — 271, 309, *431*, *434*, *446*
«Великорус», первые печатные нелегальные прокламации, выпущенные в Петербурге в 1861 г. подпольной революционно-демократической организацией, носившей то же название; всего вышло 3 номера — 15, 105, 200, 207, 215, *349*, *360*, *376*, *411*, *415*, *439*
Веллингтон Артур Уэлсли, герцог (1769—1852), английский полководец и государственный деятель; в 1815 г. вместе с прусским генералом Блюхером командовал союзными войсками в битве при Ватерлоо — 8, *347*
Вергилий (Виргилий) Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт — 77, *374*
— «Энеида» — 65, *374*
Вердер Карл (род. 1806), нем. философ и драматург, с 1838 г. профессор философии Берлинского университета — 90
Верди Джузеппе (1813 — 1901), итал. композитор — 141
Верне (Vernet) Орас (1789—1863), франц. художник-баталист — 328

«Весть», газета, которую начал издавать в Берлине в 1862 г. на русском языке Л. П. Блюммер (единственный номер вышел 22 августа) — 317
Видберг (Витберг), помещик Московской губ., выехал за границу — 235
Виелепольский — см. Велёпольский А.
Виктория (1819—1901), королева Великобритании и Ирландии с 1837 г.— 259
Викторов Николай, преподаватель Лужского губернского училища; в 1862 г. за поджоги осужден на каторжные работы — 317, *481*
«Виленский вестник», официальная политическая и литературная газета, основанная в 1841 г.; до 1864 г. издавалась на польском и русском языках, затем только на русском; редактировалась в 1860—1864 гг. А. К. Киркором — 279
Виллие (Вилье, Wylie) Яков Васильевич, баронет (1765—1854), с 1798 г. лейб-хирург императора, с 1806 г. главный медицинский инспектор Российской империи, с 1808 по 1838 г. президент Медико-хирургической академии — 65
Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797—1888), регент прусского королевства с 1858 г., король прусский и император германский с 1861 г.— 9
Виндишгрец (Windischgrätz) Альфред, князь (1787—1862), австрийский фельдмаршал; командовал армией, подавившей революцию 1848—1849 гг. в Австро-Венгрии и государствах Германского союза — 17, 304
Виргилий — см. Вергилий
Витберг — см. Видберг
Витгенштейн Эмилий, князь, флигель-адъютант —284
Вишневская Вера Гавриловна, княгиня, жена князя М. М. Долгорукова (см.) — 155, 156
Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский с 1113 г.— 128, 224, 225
«Владимирские губернские ведомости», еженедельная газета, издававшаяся с 1838 г.— 120, *394*
«Военный сборник», ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге с 1858 г. первоначально под редакцией В. М. Аничкова, Н. Н. Обручева и Н. Г. Чернышевского, с 1859 до 1872 г.— П. К. Менькова — 284
Волков Александр Павлович, полтавский гражданский губернатор — 37
Волокитин Николай Иванович (ум. 1893), студент Петербургского университета, впоследствии журналист, агент III отделения — 317
Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778) — 61, 177, 193
Волянский Федор Яковлевич (1816—1862), помощник главного попечителя императорского человеколюбивого общества —24
Воронцов Михаил Семенович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области в 1823—1844 гг., главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и наместник кавказский в 1844—1853 гг.— 30, 298, *365*
Высоцкий Петр (1799—1875), участник польского национально-освободительного движения, инструктор школы подхорунжих в Варшаве; в 1828 г. организовал подпольный «Военный союз»; во время восстания 1830—1831 гг., начатого по инициативе «Военного союза», командовал полком, при обороне Варшавы ранен и взят в плен, приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 110
Вяземский, князь — 297
Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878), поэт и критик; в 1855—1858 гг. товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры, сенатор — 30, 69, 83, *377*
Вячеслав Константинович (Вацлав), вел. князь (1862—1879), сын вел. князя Константина Николаевича — 240, *435*

Гагарин Павел Павлович, князь (1789—1872), сенатор, член

следственной комиссии по делу М. В. Петрашевского и др. (1849), член Секретного (позже— Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—1861), с 1862 г. председатель Главного комитета об устройстве сельского состояния и председатель департамента законов Государственного совета, впоследствии (1866) председатель верховного суда по делу Д. В. Каракозова — 93, 199, 210, 211, 337, *418*, *419*

Гайнау (Гейнау, Haynau) Юлий Якоб, барон (1786—1853), австр. фельдмаршал, в 1848 г. комендант Вероны, один из руководителей подавления итальянской революции; в 1849 г. командовал войсками, подавившими венгерскую революцию — 246, 304, *438*, *440*

Гакстгаузен (Haxthausen) Август, барон (1792—1866), нем. исследователь аграрного строя Пруссии и России; в 1843—1844 гг. путешествовал по России и первым подробно описал русскую поземельную общину — 106

Галафеев (Голофеев) Аполлон Васильевич, генерал-майор, в 1837 г. в Омске руководил следствием по делу Сиероцинского и др.— 111, 112, 114, *392*

Гамалея Александр Николаевич, юрист, окончил Петербургский университет в 1861 г.; в январе 1862 г. выезжал за границу, в Лондоне встречался с А. И. Герценом — 229

Гамлет, герой одноименной трагедии В. Шекспира (см.)

Ганрио — см. Анрио Ф.

Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — 19, 99, 138, 142, 187, *386*, *405*, *409*, *410*

Гаррик (Garrick)—43

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 163

Гедда Михаил Федорович (1818—1883), с 1861 по 1863 г. обер-прокурор I департамента Сената, в 1862 г. член следственной комиссии по делу о распространении печатных воззваний — 227

Гейбнер (Heubner) Отто Леонард (1812—1893), нем. политический деятель, депутат франкфуртского парламента в 1848 г., член временного правительства во время дрезденского восстания в мае 1849 г.; после подавления восстания приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением — 17, 18

Гейзерих (Генсерих, Geisarîx) (ум. 477), король вандалов с 427 г.— 135, 330

Гейнау, см. Гайнау

Гейне Генрих (1797—1856) — 291, *464*

— «Идеи» — 291, *464*

Генрих IV (1553—1610), франц. король с 1593 г.— 137, 331, *407*

Генрих V — см. Шамбор

Генсерих — см. Гейзерих

Гера (миф.) — 177

Гервинус Георг Готфрид (1805—1871), нем. историк, профессор Геттингенского (1835—1837) и Гейдельбергского (1845—1847) университетов, депутат франкфуртского парламента в 1848 г.— 164, *409*

— «История XIX века» — 164, *409*

Гергард Вольфганг, лейпцигский издатель и книгопродавец; издавал журналы «Правдивый» и «Правдолюбивый» — 281, *470*

Геркулес (миф.) — 331

Германик (15 до н. э.— 19 н. э.), римский полководец — 131

Герцен Александр Александрович (1839—1906), сын А. И. Герцена — 308, *478*

— «Общепонятное изложение сравнительной анатомии и зоологии» — 308, *478*

Герцен Александр Иванович (1812—1870)

— «Былое и думы» — 80, 120, 167—169, *372*, *384*, *387*, *388*, *391*, *394*, *408*, *410*, *414*, *415*, *419*, *480*

— «Владимирская публичная библиотека» — 120, *394*

— «Воззвание к русскому воинству в Польше» — 243, *437*

— «О развитии революционных идей в России» («Du développe-

ment des idées révolutionnaires en Russie») — 236
— «Письма из Франции и Италии»— 7, *346*
— «Поврежденный» — 186, 187—192, *410*; Евгений Николаевич — 188, 189, 191, 192, *403*, *410*; Филипп Данилович — 188—191, *410*
— «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке...» — 119, 120, *393*, *394*;
— «С того берега» — 7, *346*, *387*, *408*, *409*;
— «Mater Dolorosa» — 243, *437*
— «Vivat Polonia!» — 243, *437*
Герштенцвейг (Герстенцвейг) Александр Данилович (1818—1861), генерал-лейтенант, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг., с 1856 г. дежурный генерал Главного штаба, в 1861 г. варшавский военный генерал-губернатор — 239, *435*
Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832)—134, 135, 144, *375*, *407*, *410*
— «Западно-восточный Диван» — 134, *407*
— «Фауст» («Faust») — 72, 73, 181, *375*, *410*; Гретхен — 185; Фауст — 72, 136, 181, *367*, *375*
Гиз (Guise) Генрих, герцог (1550—1588), глава католической партии во время Гугенотских войн и один из организаторов Варфоломеевской ночи (24 авг. 1572 г.), основатель «Священной Лиги» (1576), созданной для борьбы с протестантизмом — 177
Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874), франц. историк и политический деятель, министр иностранных дел в 1840—1847 гг., премьер-министр с 1847 г.; во время Февральской революции 1848 г. эмигрировал, в 1849 г. вернулся во Францию — 17, 89, *350*, *383*
Гильдебрандт Григорий, см. Григорий VII
Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.), греческий врач и естествоиспытатель — 191, *415*
— «Афоризмы» — 204, *415*
Гладстон Вильям Юарт (1809—1898), английский политический деятель, первоначально консерватор, с 1860 г. переходит к либералам и становится вождем либеральной партии; четыре раза был премьер-министром, около тридцати лет занимал различные министерские посты — 32, 325
Глинка Михаил Иванович (1804—1857).
— «Фантазия на темы двух русских песен — свадебной и плясовой» («Камаринская») — 136, 330
Гнейст Рудольф Генрих (1816—1895), нем. государствовед и политический деятель, в 1862—1866 гг. член оппозиции в рейхстаге Северо-германского союза и Германской империи — 90, 125, *383*, *397*, *425*
Гогарт — см. Хогарт У.
Гогенлое (Hohenlohe) Александр Леопольд Франц Эммерих, принц фон Гогенлое-Вальденбург-Шиллингсфюрст (1794—1849), мюнхенский священник, лечивший больных возложением рук, слыл чудотворцем, впоследствии епископ в Венгрии — 75, 76
Гоголь Николай Васильевич (1809—1852)
— «Мертвые души»; Бетрищев — 232; Коробочка — 61; Манилов — 30, 171, 247; Ноздрев — 170; Собакевич — 247; Чичиков — 232, 330, *431*
Голицын Александр Николаевич, князь (1773—1844), член Государственного совета, сенатор, с 1805 г. обер-прокурор Синода, министр духовных дел и народного просвещения в 1817—1824 гг., президент Российского библейского общества — 39, *371*
Голицын («junior») Александр Федорович, князь (1796—1864), в 1834 г. член следственной комиссии по делу А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др., член «бутурлинского комитета», с 1858 г. председатель комиссии прошений, подаваемых на высочайшее имя, в 1860 г. председатель следственной комиссии по делу харьковских студентов, в 1862—1863 гг. председатель следственной комиссии по делу о рас-

пространении прокламаций — 199, 227, *414*

Головнин Александр Васильевич (1821—1886), статс-секретарь, член Главного правления училищ при министерстве народного просвещения с 1859 по 1861 г., министр народного просвещения с 1862 по 1866 г.— 21, 35, 36, 199, 217, 228, 242, 245, 264, 283, 291, 294, 308, 337, *351*, *352*, *363*, *364*, *393*, *414*, *422*, *425*, *429*, *430*, *436—438*, *464*

Голофеев — см. Галафеев А. В.

Голынский Александр Викентьевич (1816—1869 ?), литератор, помещик Могилевской губ., эмигрант с 1846 г.; дал средства на создание типографии польского «Демократического товарищества» в Лондоне и издание «Demokrata Polski»; в 1849 г. познакомился в Париже с А. И. Герценом — 235

Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) — 135

— «Одиссея»; Ментор — 242, *436*, *437*; Телемак — 187, 242, *436*, *437*

Горацио, действ. лицо в трагедии «Гамлет» В. Шекспира (см.)

«Горе от ума», комедия А. С. Грибоедова (см.)

Горский Осип-Юлиан Викентьевич (1766—1849), участник восстания 14 декабря 1825 г., в 1827 г. сослан в Березов, затем в Омск, где в 1836 г. принял участие в заговоре Сиероцинского — 111

Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), государственный канцлер, дипломат, министр иностранных дел с 1856 до 1882 г., член Государственного совета — 130, 209, 272, 305, *417*, *449*

Горчаков Петр Дмитриевич, князь (1789—1868), генерал-от-инфантерии, в 1836—1850 гг. генерал-губернатор Западной Сибири, затем член департамента государственной экономии Государственного совета — 206

Гостев Иван Иванович, курский почетный гражданин — 316, 317

Гош (Hoche) Лазар (1768—1797), генерал, полководец эпохи Великой французской революции, с 1793 г. командующий армией — 152

Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — 80, 106, 282, *391*, *431*

Гретхен, действ. лицо в «Фаусте» Гёте (см.)

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829)

— «Горе от ума» — 153, 185, *352*, *407*, *408*, *410*; Лиза — 21, *352*; Молчалин — 136, *407*; Фамусов — 324, 336

Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 329 — ок. 389), деятель восточно-римской церкви, константинопольский патриарх в 380—381 гг.— 177

Григорий VII Гильдебранд (Гильдебрандт), папа римский с 1073 г.— 185

Гричи (Grici) Хосе (ум. 1769), испанский скульптор — 331

Грот Константин Карлович, до 1861 г. самарский гражданский губернатор, с 1861 г. директор департамента разных податей и сборов министерства финансов — 34, *361*, *362*

Гроций (de Groot) Гуго (1583—1645), голландский юрист, философ и государственный деятель, основоположник буржуазной философии права — 161, 162

Губе (Hube) Ромуальд Михайлович (1803—1890), польский историк-юрист, до 1863 г. состоял при главноуправляющем II отделением собственной е. и. в. канцелярии; в 1856—1861 гг. председатель кодификационной комиссии Царства Польского, с 1863 г. член Государственного совета Царства Польского — 203, *415*

Гурий, до пострижения — Григорий Руготин (1500—1563), архиепископ казанский и свияжский (с 1555 г.); канонизирован православной церковью — 30, 31

Гутцейт Леонард Константинович фон, помещик Орловской губ., член губернской врачебной управы с 1857 до 1865 г., затем

инспектор врачебного отделения губернского правления — 259
Гюго Виктор Мари (1802—1885) — 153—155, 242, 335, *410*, *436*, *437*
— «Отверженные» — 242, *436*, *437*; Жавер — 154, 155; Жан Вальжан — 154, 155, 335, 336; Козетта — 154, 155, 336; Мариюс — 154, 155, 324, 336
— «Рюи Блаз»; Дон Сезар де Базан — 8

Давид (библ.) — 92, 125
Давыдов Денис Львович, гвардии поручик; был за границей (выехал в июне 1862 г.);в Лондоне встречался с А. И. Герценом — 229
Давыдов Павел Дмитриевич, гвардии ротмистр, племянник Н. П. Огарева; был за границей (выехал в мае 1862 г.), встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229, *427*
Даниил (библ.) — 12, *347*
Данте Алигьери (1265 — 1321) — 77, 129, 135, 166, *407*, *409*
— «Божественная комедия» — 129, *407*

Дарожинский — 288
Девис (Davis) Джефферсон (1808—1889), американский государственный деятель, в 1861—1865 гг. президент рабовладельческой конфедерации южных штатов — 9, *347*

Деграв, полковник — 111
Дементьева Наталья, крестьянка Белевского у. Тульской губ.— 128, *400*

Ден Владимир Иванович (1823—1888), генерал-майор свиты, в 1861—1863 гг. курский военный и гражданский губернатор — 316, 317

«День», еженедельная газета, издававшаяся в Москве с 1861 по 1865 г. И. С. Аксаковым — 35, 105, 199, 214, 217, 338, *363*, *364*, *412*, *419*, *422*, *423*

Державин Гаврила Романович (1743—1816) — 57, 61, 230, *366*, *373*, *428*

Джонсон, лондонский торговец бакалейными товарами — 186

Диана (Артемида) Эфесская (миф.) — 135
Дидро Дени (1713—1784) — 162, *409*

Диккенс Чарлз (1812—1870) — 136, 330

Дмитревский Иван Афанасьевич (1734—1821), актер, театральный педагог, поэт и переводчик, вместе с Ф. Г. Волковым создал театр в Ярославле (1750); в 1756 г. вошел в труппу первого русского постоянного театра в Петербурге — 230, *428*

Дозе Федор Иванович (1831—1879), преподаватель русского языка Ларинской петербургской гимназии; в мае 1862 г. арестован по обвинению в антиправительственной пропаганде в связи с распространением в Москве прокламации «К офицерам» и выслан в Кострому — 127, *398*

Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич, князь (1804—1868), генерал-адъютант, военный министр в 1853—1856 гг., шеф-жандармов и начальник III отделения в 1856—1866 гг., член Главного комитета по крестьянскому делу — 24, 83, 102, 127, 245, 285, 303, *393*, *416*, *421*, *426*, *427*, *429*, *438*, *473*

Долгоруков Михаил Михайлович, князь (род. в 1816), штаб-ротмистр, помещик Пирятинского уезда Полтавской губ.— 287

Долгоруков (Долгорукий) Петр Владимирович, князь (1816—1868), историк и публицист; в 1859 г. эмигрировал, издавал в Лейпциге журналы «Будущность»(1860) и «Правдивый»(1862), сотрудничал в «Колоколе» —22, 224, 281, 298, *353*, *354*, *371*, *435*, *438*, *454*, *470*
—«La vérité sur la Russie» («Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым») — *354*

Должиков, студент Петербургского университета — 317
«Домашняя беседа для народного чтения», еженедельная газета реакционного направления, издававшаяся в Петербурге с 1858

до 1877 г.; редактор-издатель В. И. Аскоченский — 103, *389*, *390*, *430*
Дон Жуан, герой одноименного романа в стихах Байрона (см.)
Дон-Жуан, нарицательное имя героя любовных похождений—291
Дон Карлос, герой одноименной трагедии Ф. Шиллера (см.)
Дон Кихот Ламанчский, герой одноименного романа Сервантеса (см.)
Донозо Кортес—см. Вальдегамас Х.
Дон Сезар де Базан, действ. лицо в драме «Рюи Блаз» В. Гюго (см.)
Доротея—185
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 229, *372*, *427*
— «Записки из мертвого дома»—335
Друцкой-Соколинский Михаил Васильевич, князь, генерал-майор, волынский гражданский губернатор с 1857 по 1863 г. и военный губернатор г. Житомира в 1860—1863 гг.— 278
Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал-лейтенант, начальник штаба корпуса жандармов с 1835 г., управляющий III отделением и член Главного управления цензуры с 1839 по 1856 г.— 232
«Душеполезное чтение», ежемесячный журнал духовного содержания, издававшийся в Москве с 1860 по 1917 г. под редакцией А. Ключарева, В. Нечаева, В. Лебедева — 103, *389*, *390*
Дьяконов Владимир Александрович (1841—1887), гардемарин 8-го флотского экипажа; арестован вместе с В. Трувеллером в июне 1862 г. на фрегате «Олег» за распространение среди матросов изданий лондонской Вольной русской типографии — 298, *469*, *480*
Дюма-сын (Dumas jun.) Александр (1824—1895), франц. романист и драматург — 157, *408*
— «Блудный сын» — 157, *408*

Ебер, см. Эбер
Евангелие — 35, 92, *383*, *389*, *425*
Евреинов Д. П., студент Московского университета, в июне 1862 г. арестован по делу П. Г. Заичневского — 127, *398*
Екатерина II (1729—1796), императрица — 9, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 53, 60, 61, 63, 64, 67, 139, 259, 260, 332, *347*, *366—368*, *371—373*, *380*, *444*, *445*, *454*
— «Записки императрицы Екатерины II» — *368*, *373*, *444*
Елагин Николай Васильевич (1817—1891), цензор петербургского цензурного комитета с 1848 по 1857 г., чиновник особых поручений при главном управлении цензуры с 1857 по 1860 г., член петербургского попечительного о бедных комитета — 124, 125, 272, 323, *397*, *480*
— «Искандер-Герцен» — 125, *397*
Елизавета Алексеевна (1779—1826), императрица, жена Александра I — 40, 43
Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — 61, 224, *368*, *373*
Еллинский Семен Федорович (род. 1843), поручик лейб-гвардии саперного полка — 308, *426*, *477*
Енохин Иван Васильевич (1791—1863), лейб-медик, с 1849 г. главный доктор военно-учебных заведений, с 1862 г. главный медицинский инспектор армии — 288, *460*
Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-артиллерии, в 1812 г. начальник штаба I Западной армии, в 1813 г. начальник артиллерии всех действующих армий, в 1817—1827 гг. командир Отдельного кавказского корпуса — 30, *358*
Ершкин Петр Дмитриевич (1724—1805), генерал-аншеф, помощник главнокомандующего Москвы, впоследствии московский военный губернатор; в 1771 г. усмирил народный бунт, вспыхнувший в Москве во время эпидемии чумы — 70
Ешевский Степан Васильевич (1829—1865), профессор всеобщей истории Казанского (1855—1857), затем Московского (1858—1865) университетов — 81, 282, *376*

Жавер, действ. лицо в романе «Отверженные» В. Гюго (см.)
Жан Вальжан, действ. лицо в

романе «Отверженные» В. Гюго (см.)
Жевахов, князь, помещик Пирятинского уезда Полтавской губ.— 36
Жемчужников Николай Михайлович, выехал за границу в мае 1862 г.; встречался в Лондоне с А. И. Герценом; в сентябре 1865 г. вернулся в Россию — 229, *426*
«Житомирцы!», прокламация, составленная подполковником А. А. Красовским (см.)
Жоньца (в тексте — Ржоньца) Ян (ум. 1862), варшавский рабочий, 26 августа казнен за покушение на вел. князя Константина Николаевича — 238, 307, *434*
Жорж Санд (George Sand, псевдоним Авроры Дюдеван) (1804—1876) — 121
Жуков, матрос на фрегате «Олег»— 117
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт — 120, *394*
Журден, действ. лицо в комедии «Мещанин во дворянстве» Мольера (см.)

Забравский, заподозрен «Свободным словом» (см.) в шпионстве — 317
Завадовский Петр Васильевич, граф (1739—1812), государственный деятель, фаворит Екатерины II, управляющий Дворянским и Ассигнационным банками, директор Пажеского корпуса, в 1802 г. председатель комиссии по составлению законов, министр народного просвещения с 1802 по 1810 г., председатель департамента законов Государственного совета с 1810 г.— 65, *368*, *369*, *374*
Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель — 233
Загоскин Павел Николаевич — 308
«Заграничный сборник», см. «Русский заграничный сборник»
Задонский Тихон — см. Тихон Задонский
Заичневский Петр Григорьевич (1842—1896), революционный демократ, один из организаторов студенческого движения в Москве в начале 60-х гг.
— «Молодая Россия» — 199—201, 203, 204, 215, 217, 220, 221, 339, *411*, *412*, *423*, *431*
Закревский Арсений Андреевич (1786—1865), финляндский генерал-губернатор в 1823—1831 гг., министр внутренних дел в 1828—1831 гг., московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг.— 106
Замойский Александр, участник польского национально-освободительного движения, издавал в Варшаве в 1861 г. нелегальный журнал «Sternik» — 304, *474*
«Записки декабристов», воспоминания, статьи и очерки декабристов, изданные Вольной русской типографией в Лондоне в трех выпусках в 1862—1863 гг.— 237, *432—434*
«За пять лет (1855 — 1860)», сборники статей А. И. Герцена (часть первая) и Н. П. Огарева (часть вторая), изданные в Лондоне в 1860 и 1861 гг.— 26
Зевс (миф) — 27
Зотов Рафаил Михайлович (1795—1871), романист и драматург — 338
Зотов, заподозрен «Свободным словом» (см.) в шпионстве — 317

Иван IV (Иван Васильевич) Грозный (1530—1584), царь — 47, 53
Иван VI Антонович (1740—1764), император в 1740—1741 гг. при регентстве Бирона, затем Анны Леопольдовны — 60, *373*
Иванов Александр Андреевич (1806—1858), художник — 142, 333
Игнатьев Павел Николаевич, граф (1797—1879), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор с 1854 до 1861 г., член Государственного совета — 305
Иегова — см. Яхве
Иезекииль (библ.) — 74
Измайлов Лев Дмитриевич (1763—1836), генерал-лейтенант, командир кинбурнского драгунского полка с 1794 по 1796 г., начальник ополчения в 1812 г., помещик Тульской и Рязанской губ.— 170, *410*

Илья Муромец, герой русского богатырского эпоса — 154, 335
«Инвалид» — см. «Русский инвалид»
Иоанн (библ.) — 92, *383*
Иоанн Антонович — см. Иван VI Антонович
Ирод (библ.) — 194, 315, *403*
Исаак (библ.) — 73
Исаков Николай Васильевич (1821—1891), генерал-майор свиты, попечитель Московского учебного округа с 1859 по 1863 г.— 81, 314, *375*, *376*
«Искра», сатирический журнал революционно-демократического направления, издавался в Петербурге с 1859 по 1873 г.; редакторы-издатели В. С. Курочкин и Н. А. Степанов — 218, *430*
«Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», сборник статей, изданный А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне; вышло 2 книги; первая в 1859 г., вторая в 1861 г.— 207, 215, *371*, *372*

Кабе (Кабэ, Cabet) Этьенн (1788—1856), франц. коммунист-утопист — 185, *358*
Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк и публицист, профессор истории русского законодательства Московского (1844—1848) и по кафедре гражданского права Петербургского (1857—1861) университетов; в 1862 г. командирован за границу — 86, *370*, *380*, *390*
Кавур Камилло Бензо, граф (1810 — 1861), государственный деятель Пьемонта (Сардинского королевства), дипломат, с 1852 г. глава кабинета — 138, 145, *405*, *408*
Каин (библ.) — 73, 103, 196, *366*
Калиновский Бальтазар Фомич (1827—1884), экономист, в 1861—1862 гг. адъюнкт-профессор Петербургского университета; в мае 1862 г. выехал за границу и встречался в Лондоне с Герценом, за что был уволен из университета и выслан в Енотаевск Астраханской губ.— 229, *426*, *427*
Кальвин Жан (1509—1564), деятель Реформации, основатель наиболее последовательного протестантского вероучения — кальвинизма — 177
«Камаринская», соч. М. И. Глинки (см.)
Каплинский Василий Телесфорович (ок. 1841 — после 1883), поручик Владимирского пехотного полка, член варшавской офицерской революционной организации; в 1862 г. арестован за пропаганду в войсках и приговорен военным судом к каторжным работам — 206—208
Каразин Василий Назарович (1773—1842), государственный и общественный деятель, в 1801—1804 гг. правитель дел Главного правления училищ Министерства народного просвещения, основатель Харьковского университета (1804)—38— 40, 45, 46, 54—58, 65—71, 72, 75, 77, *365* —*367*, *369*—*375*
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель — 56, 67
Карамышев Михаил, студент петербургской Академии художеств, в 1862 г. за революционную пропаганду среди солдат приговорен к ссылке — 127, *398*
Карзон, студент Московского университета; в 1862 г. арестован и предан военному суду в Ковно за найденную у него статью об уничтожении крепостного права и письмо об устройстве тайных обществ — 315
Каррерас, лондонский торговец — 140
Касаткин Виктор Иванович (1831 — 1867), член общества «Земля и воля», в 1861—1862 гг. распространял в России издания лондонской Вольной типографии; в июне 1862 г. выехал за границу; обвиненный по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами», отказался вернуться и был заочно приговорен к изгнанию из России навсегда — 235, *401*, *427*
Кассий Лонгин Гай (I в. до н. э.), политический деятель древнего Рима, республиканец, участник

заговора против Юлия Цезаря — 124, 126, *397*

Катеринич Кирилл Осипович, предводитель дворянства Пирятинского уезда Полтавской губ. в 1854—1862 гг.— 37

Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.), римский политический деятель, глава заговора (63 г. до н. э.), раскрытого Цицероном — 175

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), журналист и публицист, редактор-издатель «Московских ведомостей»(1850—1855, 1863—1887) и «Русского вестника» (1856—1887) — 125, 212, 213, 228, 232, 234, 241, 272, 323, *367*, *381—383*, *396*, *412*, *419*, *423*, *425*, *426*, *429*, *430*, *436*, *441*, *449*

— «Заметка для издателя „Колокола“»—234, 241, *429*, *430*, *436*, *449*

— «К какой мы принадлежим партии?» — 91, *383*

— «Москва, 16-го мая» — 124, *396*, *426*

Катон Младший Марк Порций Утический (95—46 до н. э.), государственный деятель древнего Рима, народный трибун, претор, вождь республиканской партии — 36

Кауниц (Kaunitz) Венцель Антон Доминик, князь Ритберг, граф (1711—1794), австрийский государственный деятель, дипломат, с 1750 по 1753 г. посланник во Франции, с 1753 г. государственный канцлер — 100

Келлер Эдуард Федорович, граф (1817—1903), минский губернатор в 1858—1862 гг., председатель комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского в 1862—1863 гг.— 211, *419*

Кент, действ. лицо в трагедии «Король Лир» В. Шекспира (см.)

Кеплер Иоганн (1571—1630), нем. астроном, открывший законы движения планет — 283, *460*

«Киевский телеграф», политическая, ученая и литературная газета, издававшаяся в 1859—1876 гг. под редакцией А. А. фон Юнка — 278

Клапка Дьёрдь (1820—1892), венгерский генерал, в 1848 г. вступил в национальную армию Л. Кошута, в мае 1849 г. глава военного министерства; после поражения венгерской революции эмигрировал — 165

Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1793—1869), генерал-от-инфантерии, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями в 1842—1855 гг., член Государственного совета, сенатор — 161, *408*

Клеопатра (69—30 до н. э.), царица Египта — *368*

Клоотс (Клоц, Cloots) Анахарсис, настоящее имя — Жан Батист (1755—1794), философ-просветитель и публицист,участник Великой французской революции, член Конвента с 1792 г.; казнен по приговору революционного трибунала — 100

Клюпфель Владислав Филиппович (1796—1885), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, инспектор военно-учебных заведений — 308, *476*

Клячко (Klaczko) Юлиан (1832—1906), польский публицист, участник познаньского восстания 1848 г.; в 1849 г. эмигрировал в Париж, сотрудничал в «Revue des Deux Mondes» — 109, *392*

«К молодому поколению», прокламация, написанная Н. В. Шелгуновым (см.) совместно с М. Л. Михайловым

Княжевич (Книжевич) Александр Максимович (1792—1870), министр финансов с 1858 до 1862 г., член Государственного совета с 1862 г.— 30, 34, 301, 305, 306, *361*, *362*

Кобден Ричард (1804—1865), англ. общественный и политический деятель, лидер фритредеров, член парламента с 1841 г., публицист — 160, 186

«К образованным классам», прокламация, написанная Н. И. Утиным (см.)

Кобург-Заальфельд Фридрих Иосия, саксонский принц (1737—1815), австрийский фельдмаршал, участник Семилетней войны, войн с Турцией (1787—

1791) и Францией (1793—1794) — 152
Ковалевский Оскар Юлианович (род. в 1819), доктор медицины; был за границей (выехал в июле 1862 г.), встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229, *427*
Ковалевский Петр, капитан; был за границей (выехал в апреле 1861 г.), встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229
Ковалевский Юлиан Михайлович (1792—1875), статский советник, отец О. Ю. Ковалевского; был за границей (выехал в июле 1862 г.), встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229
Козетта, действ. лицо в романе «Отверженные» В. Гюго (см.)
Кокошкин Сергей Александрович (1796—1861), генерал-от-инфантерии, сенатор, до 1847 г. петербургский обер-полицмейстер— 234, *432*
Колиньи, полицейский — 288
«Колокол» («The Bell»), газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым с июля 1857 до апреля 1865 г. в Лондоне и с мая 1865 до июля 1867 г. в Женеве — 15, 26, 33, 78, 79, 81, 85, 86, 97, 98, 104, 117, 192, 217, 219, 230, 243, 244, 248—250, 257, 261, 262, 267—269, 272, 273, 277—279, 283, —290, 293—296, 308, 317, *348*, *349*, *354*, *355*, *357*, *360*, *362*, *364*, *366*, *367*, *369*, *375*, *376*, *378—380*, *382*, *385*, *386*, *388*, *390—392*, *393*, *395*, *397*, *398*, *400—403*, *406*, *410*, *412*, *416*, *417—421*, *423—430*, *434*, *436—438*, *441*, *449—455*, *457—460*, *462*, *463*, *466*, *467*, *469*, *472*, *476*, *477*, *479—481*
Константин Николаевич, вел. князь (1827—1892), генерал-адмирал, в 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского, брат Александра II — 15, 117, 128, 206, 215, 238—240, 264, 267—269, 273, 295, 296, 302, 306, 309, *349*, *352*, *362*, *399*, *416*, *431*, *434*, *435*, *437*, *450*, *468*, *478*
Корделия, действ. лицо в трагедии «Король Лир» В. Шекспира (см.)
Кончеев Степан Николаевич, штабс-капитан, городничий в г. Остроге Волынской губ. до 1862 г.— 297, *469*
Корнилов Александр Алексеевич (1801—1856), вятский гражданский губернатор в 1837—1838 гг.— 119, 120, *394*
Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854), вице-адмирал, с 1849 г. начальник штаба черноморского флота, участник синопского сражения (1853), в 1854 г. начальник обороны северной стороны Севастополя — 30
Коробочка, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)
Корф Модест Андреевич, граф (1800—1872), государственный секретарь, с 1848 г. член, а с 1853 г. председатель негласного комитета для надзора за книгопечатанием, с 1849 до 1861 г. директор Петербургской публичной библиотеки, управляющий II отделением собственной е. и. в. канцелярии с 1861 г.— 42, 72, 96, 237, *372*, *375*, *384*, *432*
— «Восшествие на престол императора Николая I»— 42, 96, 237, *372*, *375*, *384*
Корш Валентин Федорович (1828—1883), либеральный журналист, редактор «Московских ведомостей» с 1856 до 1862 г.; в мае 1862 г. выехал за границу, встречался в Лондоне с А. И. Герценом; впоследствии (с 1863 до 1874 г.) издатель «С.-Петербургских ведомостей» — 81, 229, 232, *376*, *390*, *427*, *431*, *449*
Корш Евгений Федорович (1810—1897), журналист, в 1858—1859 гг. редактировал журнал «Атеней», издававшийся в Москве — 81
Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837—1865), поэт-переводчик, отставной офицер, арестованный в 1861 г. по делу «Великоруса», стал предателем и провокатором — 317, *355*, *481*
«К офицерам», см. «Офицеры!»
Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), генерал-от-инфантерии, начальник Главного штаба I армии до 1862 г., командующий войсками Одесского военного округа с 1862 г., новороссийский и бес-

сарабский генерал-губернатор (1862—1874), с 1863 г. член Государственного совета — 298, *470*

Кочубей Виктор Павлович, князь (1768—1834), государственный деятель, дипломат, министр внутренних дел в 1802—1807 и 1819—1823 гг., председатель Государственного совета и Комитета министров в 1826 г.— 30, 39, 42—45, 58, 69, 71, *366*, *372*, *374*

Кошелев Александр Иванович (1806—1883), публицист и общественный деятель, славянофил, редактор-издатель «Русской беседы» (1856—1860), член учредительного комитета Царства Польского с 1861 по 1863 г.— 84, 295, *378*, *467*, *468*

— «Какой исход для России из нынешнего ее положения?» — 84, *378*

— «Конституция, самодержавие и земская дума» — 295, *467*

Кошут (Kossuth) Лайош (1802—1894), руководитель венгерского национально - освободительного движения, вождь венгерской революции 1848—1849 гг., в эмиграции в 1859 г. создал венгерский легион, вошедший в армию Гарибальди — 165, *405*

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель «Отечественных записок» с 1838 г. и «С.-Петербургских ведомостей» с 1852 до 1862 г.— 232, *363*, *430*, *431*

Красовский Андрей Афанасьевич (1822—1868), подполковник резервного батальона Александрийского гусарского полка; арестован в июне 1862 г. за распространение среди солдат Житомирского полка воззвания с призывом не поднимать оружия против крестьян и приговорен к каторжным работам — 315, *480*

— «Житомирцы!» — 315, *480*

Крыжановский Николай Андреевич, генерал-лейтенант, варшавский военный генерал-губернатор в 1862 г.— 304, *474*

Ксаверинов, помещик Витебской губ.— 86

Кузен (Cousin), Виктор (1792—1867), франц. философ, профессор Нормальной школы и Сорбонны, министр просвещения при Луи Филиппе — 90, *383*, *425*

Кушелевский Юрий Иванович, чиновник особых поручений при олонецком гражданском губернаторе в 1862 г.— 316

Кюлевейн А., агент III отделения за границей — 317, *481*

Лаблаш (Lablache) Луиджи (1794—1858), оперный певец — 331

Лагарп Фредерик Сезар (1754—1838), швейцарский политический деятель, адвокат, в 1784—1795 гг. воспитатель вел. князей Александра и Константина Павловичей—38, 42, 67

Лазарев Михаил Петрович (1788—1851), адмирал, исследователь Антарктики, начальник штаба эскадры и командир линейного корабля «Азов» в Наваринском сражении (1827) — 30

Лакордер (Lacordaire) Жан Батист Анри (1802—1861), франц. католический проповедник — 138

Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи (1790—1869), франц. поэт и историк, министр иностранных дел после революции 1848 г.— 17, 152, 164

Ламбалль (Lamballe) Мария Тереза Луиза де, принцесса Кариньян (1749—1792), приближенная Марии Антуанетты — 222, *425*

Ламберт Карл Карлович, граф (1815—1865), генерал-от-кавалерии, член Государственного совета, участник подавления венгерской революции в 1849 г.; в 1861 г. в течение двух месяцев был наместником Царства Польского — 239, *435*

Ламе (Lamé) Габриель (1795—1870), франц. математик и физик, член Парижской академии наук с 1843 г.— 150

Лансир — см. Лендсир

Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749—1827), франц. астроном, математик и физик, член Парижской академии наук с 1785 г.— 57, *367*

Ласказ (Лас Каз, Las - Cases), Эммануэль Огюст Дьедонне де, маркиз (1766—1842), франц. писатель, камергер Наполеона I в период «ста дней», последовал за ним на о. Святой Елены — 69
Латышев Михаил Михайлович, товарищ председателя Херсонского гражданского суда в 1859—1862 гг.— 85, 86, *380*, *381*
Лауниц Василий Федорович фон дер (1802—1864), генерал-от-кавалерии, начальник отдельного корпуса внутренней стражи с 1857 г.— 259, 306—308, *475*
Лашкарев Александр Григорьевич (1823—1898), генерал-майор, пермский военный и гражданский губернатор с 1861 по 1865 г.— 288, 289, 316, *461*, *481*
Лебедев Владимир Александрович (ум. 1861), кандидат Петербургского университета, участник студенческих волнений в 1861 г.— 91, *383*
Левассор (Levassor) Пьер (1808—1870), франц. комический актер — 138
Леметр (Lamaître) Фредерик (1800—1876), франц. актер, соавтор Б. Антье (см.) в создании пьесы «Робер Макер»,
— «Rober Macaire»; Робер Макер — 136
Лендсир (Лансир, Landseer) Эдвин Генри (1802—1873), англ. художник-анималист — 141, 333
Ленц Василий Васильевич, в 1848 г. чиновник т. н. «бутурлинского комитета», с 1856 г. столоначальник обер-прокурора Сената — 81
Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), профессор римской словесности и древностей Московского университета с 1847 г., публицист, с 1856 г. ближайший сотрудник М. Н. Каткова, впоследствии (с 1865 г.) редактор «Московских ведомостей» — 212, 213, 282, *376*
Леонтьева Мария Павловна, начальница Смольного института— 127, *399*
Лепорелло, слуга Дон Жуана, персонаж оперы «Дон Жуан» Моцарта В. (см.)
«Летопись» — см. «Современная летопись»
Лжедмитрий I, или Дмитрий Самозванец (1582?—1606), занимал московский престол в 1605—1606 гг.— 59, 113
Лжедмитрий II, или «Тушинский вор» (ум. 1610), самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного, спасшегося от смерти в 1606 г.— 59, 113
Лидерс Александр Николаевич, граф (1790—1874), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848 г., главнокомандующий крымской армией в 1855—1856 гг., исполнял обязанности наместника в Царстве Польском в 1861—1862 гг.— 206, 208, 215, 239, 241, 315, *416*, *417*, *421*, *431*, *436*, *480*
Липранди Иван Петрович (1790—1880), генерал-майор, историк, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, руководивший секретной агентурой по наблюдению за М. В. Петрашевским и его кружком, впоследствии чиновник министерства уделов — 81, 199, 201, 211, 337, 338, *380*, *414*
Лир, действ. лицо в трагедии «Король Лир» В. Шекспира (см.)
«Листок», русский политический журнал, издававшийся П. В. Долгоруковым с ноября 1862 г. до июля 1864 г. сначала в Брюсселе, а с 1863 г.— в Лондоне — 298, *438*, *470*
Лопухин Василий Ардалионович, калужский гражданский губернатор с 1802 г.— 57, *373*
Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), один из руководящих деятелей русского масонства, статс-секретарь в 1796—1797 гг., сенатор с 1797 г.— 67
Лопухин, помещик Порховского уезда Псковской губ.— 289, *462*
Луве де Кувре (Louvet de Couvray) Жан Батист (1760—1797), франц. писатель и политический деятель
— «Жизнь и любовные похождения кавалера де Фобласа»; Фобласа — 136

Луи Филипп (Людвик Филипп) (1773—1850), франц. король в 1830—1848 гг.— 17, 152, 165, 338, *350*
Лукиан (Лукьян) (ок. 120 — после 180), греческий сатирик — 177
Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845), декабрист, участвовал в деятельности Союза спасения и Союза благоденствия в 1817 г., член Северного общества с 1821 г.— 237
— «Взгляд на тайное общество в России (1816—1826)» («Aperçu sur la société oculte en Russie, 1816—1821») — 237, *434*
— «Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» («Список следственной комиссии») — 237, *434*
Львов Федор Николаевич (1823—1885), офицер лейб-гвардии Егерского полка, посещал кружки Н. А. Момбелли и М. В. Буташевича-Петрашевского; арестованный в 1849 г. был приговорен к смертной казни, замененной каторгой; в 1862 г. получил разрешение вернуться с поселения, в 1863 г. — жить в столицах — 114, 210, *392*, *418*, *419*
— «Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного» — 114, *392*
Люблинский Юлиан Казимирович (1799—1856), декабрист, один из основателей Общества соединенных славян, вместе с А. И. и П. И. Борисовыми составил «Катехизис» общества, осужден по делу декабристов на 5 лет каторжных работ и вечное поселение — 237, *433*
Людовик (Людвиг) XV (1710—1774), франц. король с 1715 г.— 96
Людовик (Людвиг) XVI (1754—1793), франц. король с 1774 г.— 38, 96, 143, 177, *371*
Людовик (Людвиг) XVIII (Станислав Ксаверий), граф Прованский (1755—1824), франц. король с 1814 г.— 96, 332
Людвик Филипп, см. Луи Филипп
Лютер Мартин (1483—1546) — «Gottes feste Burg» («Бог — наша твердыня») — 142, *407*
Ляпунов Прокопий Петрович (ум. 1611), рязанский дворянин, в 1605 г. сторонник Лжедмитрия I, в 1606 г. участник движения Болотникова, в 1610—1611 гг. один из организаторов ополчения для борьбы с поляками — 59

Магдалина (библ.) — 205, 339
Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855), попечитель Казанского учебного округа с 1819 по 1826 г., член Главного управления училищ (с 1819 г.),— 39, *368*
Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт и переводчик — 291, *464*
Мамай (ум. 1380), правитель Золотой Орды — 36, 107
Манилов, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)
Марат (Мара, Marat) Жан Поль (1743—1793), франц. революционер, один из вождей якобинцев, член Коммуны Парижа, депутат Конвента — 232, *431*
Марио Джузеппе, граф Кандиа (1810—1883), итальянский тенор—138
Мариюс, действ. лицо в романе «Отверженные» В. Гюго (см.)
Мария (библ.)— 145, *408*
Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II — 127, *399*
Мария Федоровна (1759—1828), императрица с 1776 г., жена Павла I — 57, *373*
Марк (библ.) — 142, *408*
Марк Аврелий Антонин (121—180), римский император с 161 г.— 44, 47, 71
Мармонтель (Marmontel) Жан Франсуа (1723—1799), франц. писатель — 63
Марраст (Marrast) Арман (1801—1852), франц. политический деятель, редактор газет «Tribune» и «National», в 1848 г. член временного правительства и мэр Парижа, в 1848—1849 гг. президент Учредительного собрания — 17
Марсо (Marceau) Франсуа Северен (1769—1796), генерал эпохи Великой французской революции, участник штурма Бастилии

(1789), выдвинулся при подавлении мятежа в Вандее (1793) — 152

Мартьянов Петр Алексеевич (1835—1861), бывший крепостной крестьянин, затем хлеботорговец; в 1861 г. выехал за границу и сблизился в Лондоне с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; при возвращении в Россию в апреле 1863 г. арестован и приговорен Сенатом к каторжным работам сроком на 5 лет — 285, 286, *427*, *458*

— «Письмо к Александру II П. Мартьянова» — 285, 286, *458*

Марфа (библ.) — 145, *408*

Массильон (Massillon) Жан Батист (1663—1742), франц. католический проповедник — 248, *441*

Матфей (библ.)— 176

Мадцини Джузеппе (1805—1872), вождь итальянского национально-освободительного движения— 99, 138, 142—145, 148, 165, 166, 324, 331, *387*, *405*, *407—409*, *415*

Меледин, участник заговора Сиеронинского в Омске в 1836 г.—111

Мемнон (миф.) — 151

Мелхиседек (библ.) — 9

Ментор, действ. лицо в «Одиссее» Гомера (см.)

Меншиков (Менщиков-Алмский) Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869), адмирал, член Государственного совета, главнокомандующий русской армией в Крыму в 1853—1855 гг.— 286, 323, 329, *403*, *459*

Меньков Петр Кононович (1814—1875), генерал-лейтенант, военный писатель; с 1859 г. редактировал «Военный сборник», впоследствии (с 1867 г.) —«Русский инвалид» — 284

Мерославский (Mierosławski) Людвик (1814—1878), польский генерал, участник восстания 1830—1831 гг. и революции 1848—1849 гг. в Пруссии (Познаньское княжество), Сицилии и юго-западной Германии; представитель шляхетско-националистического крыла польской эмиграции; провозглашенный диктатором в феврале 1863 г., возглавил один из повстанческих отрядов, но был разбит и вновь эмигрировал — 267, 268, *449*, *450*

Мерхилевич Сигизмунд Венедиктович, генерал-адъютант, начальник артиллерии первой армии, в 1861 г. исполнял обязанности главноуправляющего гражданскими делами в Царстве Польском — 287

Местр (Maistre) Жозеф Мари де, граф (1753—1821), франц. философ и писатель, в 1802—1817 гг. посланник сардинского короля в Петербурге — 143

Меттерних Клеменс Венцель Лотарь, князь (1773—1859), австрийский министр иностранных дел и фактический руководитель правительства до 1848 г., один из организаторов Священного союза — 100

Мещерский Александр Александрович, студент Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г.— 228

Микельанджело (Michelangelo) Буонарроти (1475—1564) — 135, 166, *409*

Милль Джон Стюарт (1806—1873), англ. буржуазный философ и экономист — 141, 145, 148, 291, 333, *377*, *407*, *408*, *464*

— «О свободе» («On Liberty») — 141, *377*, *407*, *408*

— «Размышления о представительном правлении» («Considerations on Representative Government») — 291, *464*

Милорадов Олимпий, участник Славянского съезда в Праге в 1848 г.— 17, *351*

Милорадович Леонид Александрович (1841—1908), помещик Черниговской губ.— 286, *459*

— «Голос за народ. (Письма помещика)»— 286, *459*

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1916), государственный деятель, с 1845 до 1856 г. профессор по кафедре военной географии Николаевской военной академии, в 1860—1861 гг. товарищ

военного министра, с 1861 до 1881 г. военный министр — 303, *473*

Мина Ивановна — см. Буркова М. И.

Минин Козьма, полное имя — Кузьма Минич Захарьев-Сухорук (ум. 1616), нижегородский купец, один из организаторов и руководителей народного ополчения 1611—1612 гг.— 59, 265

Миних Павел Филиппович, фельдфебель 3 саперной роты, получивший потомственное дворянство за донос на студента А. А. Яковлева и офицеров лейб-гвардии саперного полка — 228, 230, 308, *425*, *426*, *428*, *477*, *478*

Миклашевский, майор — 309

Митрофан (св. Митрофаний Воронежский) (1623—1703), первый воронежский епископ (с 1682 г.), канонизирован в 1832 г.— 31, 230, *427—429*

Михаил Николаевич, вел. князь (1832—1909), сын Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, с 1860 до 1863 г. главный начальник военно-учебных заведений, с 1863 г.— наместник Кавказа— 283, 298, 306, *457*, *460*

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865), поэт и публицист; арестован в 1861 г. по доносу В. Д. Костомарова и сослан на каторгу за распространение написанной им вместе с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» — 23, 33, 91, 93—95, 105, 125, 205, 293, 323, *354*, *355*, *384*, *397*, *465*, *481*

Млодзяновский (Молодзяновский) Иосиф, мировой посредник Динабургского уезда Витебской губ. до 1863 г.— 86

Моисей (библ.)— 27, 181

Молинари Гюстав (1819—1912), бельгийский экономист — 92, 125

«Молодая Россия», прокламация, написанная П. Г. Заичневским (см.)

Молчалин, действ. лицо в комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова (см.)

Мольер, псевдоним Жана Батиста Поклена (1622—1673) — 88, *382*

— «Мещанин во дворянстве»; Журден — 88, *382*

Момбелли (Монбелли) Николай Александрович (1823—1891), офицер лейб-гвардии Московского полка, член кружка Петрашевского с 1848 г.; арестован в 1849 г. и приговорен к расстрелу, заменённому 15 годами каторги — 210

«Монитер», см. «Moniteur»

Мономах — см. Владимир Мономах

Монталамбер (Montalembert) Шарль Форб де, граф (1810—1870), франц. публицист и политический деятель, глава католической партии в палате перов в период Июльской монархии, в Учредительном и Законодательном собраниях — после революции 1848 г. — 185

Монтескьё (Montesquieu) Шарль Луи, граф (1689—1755), франц. философ-просветитель — 61

Моньс (Monnier) Анри (1805—1877), франц. писатель и карикатурист; создал сатирический тип самодовольного и ограниченного парижского буржуа — Жозефа Прюдома, ставший нарицательным; иллюстрировал песни Беранже и басни Лафонтена

— Прюдом — 136, 330

Моор Карл, действ. лицо в драме «Разбойники» Ф. Шиллера (см.)

Моор Максимилиан, действ. лицо в драме «Разбойники» Ф. Шиллера (см.)

Моор Франц, действ. лицо в драме «Разбойники» Ф. Шиллера (см.)

Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845), адмирал, сенатор, член Государственного совета, с 1823 по 1840 г. председатель Вольного экономического общества, в 1826 г. член Верховного суда по делу декабристов — 67, 120, *394*

«Московские ведомости», газета, выходившая в 1756—1917 гг. (с 1859 г.— ежедневная) — 81, 106, 218, 305, *360*, *382*, *409*, *424*, *430*

Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756—1791) — 135

— «Дон Жуан»; Лепорелло — 330

— «Requiem» — 136

Муравьев («Вешатель») Михаил Ни-

колаевич, граф (1796—1866), генерал-адъютант, член Государственного совета, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., с 1857 до 1862 г. министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу, с 1863 до 1865 г. генерал-губернатор Северо-Западного края, жестоко подавивший польское восстание 1863 г.— 24, 130, 211, *407*

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), подполковник, декабрист, один из руководителей Южного общества, возглавил восстание Черниговского полка в 1825 г.; повешен 13 июля 1826 г.— 91, 238, 282, *434*

Муромцева, помещица Белевского уезда Тульской губ.— 128, *400*, *416*

Мюнцер (Мюнстер, Münzer) Томас (ок. 1490—1525), вождь восставшего крестьянства и городских низов в период Реформации и Крестьянской войны в Германии в 1524—1525 гг.— 139

Н. А.— см. Серно-Соловьевич

Набоков, студент Петербургского университета — 228

Навуходоносор II, вавилонский царь в 604—561 гг. до н. э.— 28

Назаревский, вольнослушатель Петербургского университета, агент III отделения — 281, 317, *455*, *481*

Назимов Владимир Иванович (1802—1874), попечитель Московского учебного округа в 1849—1855 гг., виленский военный губернатор и гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор в 1855—1863 гг.— 313

Налетов Александр Федорович, преподаватель истории в Смольном институте и в училище правоведения — 127, *399*

Наполеон I Бонапарт (1769—1821), франц. император в 1804—1814 гг. и в 1815 г.— 39, 68, 69, 107, 111, 114, 159, 332, *347*, *371*, *374*

Наполеон III Луи (Людовик Бонапарт) (1808—1873), франц. император в 1852—1870 гг.— 9, 161, *347*, *410*

Нахимов Павел Степанович (1802—1855), адмирал, участник синопского сражения (1853), начальник обороны южной стороны (1854), а после гибели В. А. Корнилова— всей обороны Севастополя, военный губернатор города и командир порта в 1855 г.— 30, *359*

«Наше время», ежедневная (с 1862 г.) политическая и литературная газета, издававшаяся в Москве с 1860 до 1863 г.; в 1862—1863 гг. редактор-издатель Н. Ф. Павлов— 34—36, 82, 217, 248, 272, *359*, *362—364*, *377*, *391*, *414*, *423*, *424*, *430*, *441*

Небаба Дмитрий Васильевич (ок. 1806—1839), учитель математики в г. Владимире, вместе с А. И. Герценом редактировал «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям» в 1838—1839 гг.— 120, *394*

Ньютон — см. Ньютон

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877)
— «Коробейники»— 28, *356*, *358*

Нелов, студент Петербургского университета — 281, *455*

Непир (Napier) Чарльз (1786—1860), англ. адмирал, в 1854 г. командовал британским балтийским флотом, безуспешно блокировавшим русские порты — 18

Нептун (миф.) — 15, *348*

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г.— 90, 227, *383*

Нефтель (Нефталь) Василий Федорович (1829—1906), врач, участник Крымской войны, в 1861 г. эмигрировал; лечил Н. П. Огарева и семью А. И. Герцена; с 1864 г. переехал в Америку — 235

Нибур (Niebuhr) Бартольд Георг (1776—1831), нем. историк; читал лекции в Берлинском (в 1810—1813 гг.) и Боннском (с 1825 г.) университетах — 163

«Нижегородские губернские ведомости», еженедельная газета, издававшаяся с 1838 до 1916 г.— 307, *476*

Никитенко Александр Васильевич (1805—1877), историк литературы, профессор Петербургского

университета, с 1833 г. цензор Петербургского цензурного комитета, член совета по делам книгопечатания, мемуарист — 81, *408*, *415*, *422*

Николаев, унтер-офицер лейб-гвардии Уланского полка, по его доносу была арестована учительница Павлова — 231, *428*

Николай Александрович, вел. князь (1843—1865), наследник-цесаревич, старший сын императора Александра II — 33, 302, 314, *361*

Николай Николаевич старший, вел. князь (1831—1891), генерал-лейтенант, генерал-инспектор по инженерной части с 1856 до 1864 г., сын Николая I — 231, *428*, *477*

Николай I (1796—1855), император — 8, 9, 17—19, 23, 30, 39—42, 66, 67, 71, 72, 80, 89, 93, 95, 96, 106—108, 110, 126, 163, 185, 193, 199, 201, 203, 210, 215, 224, 230, 232, 236, 238, 258, 272, 278, 280, 291, 306, 309, 315, 325, 337, *358*, *366*, *368*, *372*, *375*, *378*, *394*, *415*, *419*, *428*, *434*, *453*, *454*

Нил, до пострижения — Николай Федорович Исаковичъ (1799—1874), вятский епископ в 1835—1838 гг.— 119, 120

Новиков Николай Иванович (1744—1818), писатель, журналист и издатель, масон — 65

Новицкий Петр Васильевич, эмигрант, член русской конспиративной пропагандистской организации в Гейдельберге, т. н. «гейдельбергской читальни»; заподозрен «Свободным словом» (см.) в шпионстве — 296, 317, *469*

Ноздрев, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)

«Норд», см. «Le Nord»

Нулин, герой поэмы А. С. Пушкина «Граф Нулин» (см.)

Ньютон (Невтон, Newton) Исаак (1642—1727) — 283, *460*

Оболенский Евгений Петрович, князь (1796—1865), декабрист, поручик лейб-гвардии Финляндского полка, с 1817 г. член Союза благоденствия, с 1824 г. один из руководителей Северного общества, участник восстания 14 декабря 1825 г., приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 73, 74, 112, 237, *375*

— «Воспоминания князя Оболенского о Рылееве и Якушкине» («Записки») — 112, 237, *375*

Обручев Владимир Александрович (1836—1912), поручик в отставке, публицист, участник революционного движения 60-х гг., с 1859 до 1861 г. сотрудник «Современника»; в 1861 г. арестован за распространение прокламации «Великорус» и приговорен к каторжным работам — 91, 204, 205, 306, *411*, *415*, *475*

«Общее вече», прибавление к «Колоколу», издававшееся нерегулярно в 1862—1864 гг.— 290—291, *463*

«Общественный договор», соч. Жан Жака Руссо (см.)

Овсяный, студент Московского университета, арестованный в 1862 г. —315, 316

Огарев Константин Ильич (1819—1877), генерал-майор, военный губернатор г. Перми и пермский гражданский губернатор с 1857 до 1861 г., с 1862 г. состоял при министерстве внутренних дел — 227

Огарев Николай Ильич (ум. 1890), генерал-майор, московский полицмейстер в 1856—1890 гг.— 313, 314

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 78, 79, 85, 86, 98, 212, 214, 219, 250, 257, 262, 268, 269, 272, 288, 294, 295, *355*, *357*, *362*, *366*, *370*, *375*, *376*, *378*, *380*, *386—388*, *390*, *395*, *397*, *401*, *402*, *406*, *414*, *416*, *417*, *420*, *423*, *431*, *435*, *441*, *454*, *459*, *463*, *466*, *467*, *476*

— «Университеты закрывают!» — 85, *380*

— «Что надо делать войску?» — 26, *357*

— «Что нужно народу?» — 26, 209, *357*, *417*, *463*, *480*

— «Что нужно помещикам?» — 26, *357*

Огрызко (Огрыско, Ohryzko) Иосафат Петрович (1826—1890), польский общественный деятель,

журналист, издавал в Петербурге газету «Słowo» в 1859 г.; в 1863 г. по поручению Варшавского революционного комитета установил связь с подпольными кружками Петербурга — 23, *355*

«Одесский вестник», газета, выходившая в 1827—1893 гг. два раза в неделю, а с 1864 г. ежедневно; с 1859 г. находилась в распоряжении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора; редактировалась в 1857 — 1871 гг. П. П. Сокальским — 316, *469*, *481*

Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург
— «Дмитрий Донской» — 36, *365*

О'Коннор (O'Connor) Фергюс Эдвард (1794—1855), один из руководителей чартистского движения, член палаты общин, основатель (1837) главного органа чартистов журнала «Northern Star» — 157

Орлеаны, герцоги, младшие ветви французских королевских династий Валуа и Бурбонов; к одному из этих родов принадлежал Луи Филипп, занимавший франц. престол с 1830 по 1848 г.— 164

Орлов Григорий Григорьевич, граф (1734—1783), генерал-аншеф, один из руководителей дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II — 60, *373*

Орлов Николай Алексеевич, князь (1827—1885), дипломат и военный писатель, посланник в Брюсселе в 1860—1870 гг.— 89, 283, 284, *383*, *457*, *461*
— «Записка об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском»—89, 283, 284, *383*, *457*
— «Очерки трехнедельного похода Наполеона против Пруссии в 1806 г.» — 283, *457*

Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич, граф (1737—1807), генерал-аншеф, государственный деятель, активный участник дворцового переворота 1762 г.— 44, *372*

Ормузд (Ахурамазда́), в зороастрийской и древнеперсидской религии бог добра — 156

Орсини Феличе, граф (1819—1858), итал. революционер, участник борьбы за национальное освобождение и объединение Италии, казнен за покушение на Наполеона III — 338

Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович фон дер, князь (1752—1837), генерал-фельдмаршал, участник войны 1812—1814 гг., генерал-губернатор Парижа в 1814 г., с 1818 г. главнокомандующий I армией и член Государственного совета, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. — 282

«Отечественные записки», ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с 1818 г. П. П. Свиньиным, с 1839 г. А. А. Краевским; перейдя в 1868 г. к М. Е. Салтыкову-Щедрину и Н. А. Некрасову, стал органом революционной демократии; в 1884 г. закрыт — 232, *357*, *424*, *430*, *431*, *471*

Оттон I, до воцарения — принц Оттон Баварский (1815—1867), греческий король с 1832 по 1862 г. —265

Оуэн (Овен, Owen) Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист — 191

«Офицеры!», прокламация, распространенная в Петербурге 8 апреля 1862 г. — 261

Павел (библ.)— 35, 284, *363*, *364*

Павел I (1754—1801), император — 34, 40—42, 44, 45, 54—56, 64, 65, 67, *366*, *367*, *371—373*

Павлов («Мурминский») Николай Филиппович (1805—1864), писатель и журналист, редактор газет «Наше время» (1860—1863) и «Русские ведомости» (с 1863 г.)— 34—36, 81, 83, 106, 228, 244, *359*, *362—364*, *377*, *391*, *422*, *423*, *441*
— «Аукцион» — 83, *377*
— «Ятаган» — 83, *377*

Павлов Платон Васильевич (1823—1895), историк, профессор русской истории Киевского (1847—1859), затем Петербургского (1861—1862) университетов; в марте 1862 г. выслан в Ветлугу — 91, 283, 303, *383*, *425*, *456*, *473*

Падалица, корреспондент «Виленского вестника» — 279
Палацкий (Palacký) Франтишек (1798—1896), чешский историк и политический деятель, организатор (1848) и руководитель чешской национальной партии, член австрийского рейхсрата — 17
Пален Петр Алексеевич фон дер, граф (1745—1826), генерал-от-кавалерии, с 1798 г. петербургский военный губернатор, глава коллегии иностранных дел, один из инициаторов заговора против Павла I и участник его убийства — 45, *373*
Палладий, судовой священник на фрегате «Олег», по доносу которого были арестованы В. В. Трувеллер и В. А. Дьяконов — 315
Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865), англ. государственный деятель, в 1855—1858 и 1859—1865 гг. премьер-министр, лидер либеральной партии — 186, 325
Пан (миф.) — 178
Панин Виктор Никитич (1801—1874), министр юстиции с 1841 по 1862 г., член Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу, с 1860 г. председатель Редакционных комиссий, впоследствии (с 1864 г.) главноуправляющий II отделением собственной е. и. в. канцелярии — 21, 23, 24, 31, 89, 93, 96, 121, 127, 128, 199, 210, 245, 259, 266, 301, *352*, *355*, *356*, *361*, *384*, *394*, *395*, *438*, *471*
Паррот Егор Иванович (Георг Фридрих) (1767—1852), физик, первый ректор (с 1802 г.) и профессор (1802—1827) Дерптского университета, член Академии наук с 1826 г.— 66, *374*
Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командующий отдельным Кавказским корпусом и управляющий Кавказским краем в 1827—1831 гг., главнокомандующий русской армией в Польше, подавившей национальное восстание в 1831 г., с того же года наместник Царства Польского; в 1849 г. командовал русскими войсками, задушившими венгерскую революцию — 30, 31, 240, *358*
Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер — 128, 301, *398*, *472*
Пейн (Пен, Paine) Томас (1737—1809), англ. публицист и общественный деятель; в 1774 г. переселился в Америку и принял участие в Войне за независимость, в 1787 г. вернулся в Англию; в 1790 г. за памфлет «Rights of Man» («Права человека») подвергся преследованию и бежал во Францию; в 1792 г. был избран в Конвент, но разошелся с Робеспьером и был арестован; после падения якобинской диктатуры вновь член Конвента; в 1802 г. вернулся в Америку — 100
Перетц Григорий Григорьевич (1823—1883), писатель, в 1860—1862 гг. учитель русского языка и литературы в Мариинском институте, агент III отделения — 235
Перкинс (Perkins), владелец пивоваренного завода в Лондоне — 246, *438*, *440*
Пестель Павел Иванович (1793—1826), декабрист — 77, 91, 110, 238, *434*
Петерсон Карл Александрович (1819—1875), старший советник русского посольства в Берлине с 1859 по 1865 г.— 288
Петр I, император — 27, 28, 32, 41, 48, 53, 58—61, 63, 67, 72—75, 77, 107, 170, 197, 224, 225, 247, 257, 260, *360*, *373*, *389*, *440*
Петр III (1728—1762), император— 41, 44, 60, 223, *371—373*
Петрашевский — см. Буташевич-Петрашевский М. В.
Петров Антон (1830?—1861), крестьянин села Бездна Спасского у. Казанской губ., возглавивший восстание в 1861 г.; расстрелян — 22, 77, *352*, *353*
Петров, студент, заподозренный «Свободным словом» (см.) в шпионстве — 317
Петрушка, персонаж книги «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (см.)

Пизакане (Pisacane) Карло (1818—1857), итал. революционер, демократ, участник революции в Италии в 1848—1849 гг.; в 1849 г. начальник штаба армии Римской республики; убит при попытке поднять восстание на юге Италии — 205, 339

Пий IX (1792—1878), римский папа с 1846 г.— 186, 324

Пиль (Peel) Роберт (1788—1850), англ. государственный деятель, консерватор, министр внутренних дел в 1821—1827 и 1828—1830 гг., премьер-министр в 1834—1835 и 1841—1846 гг.: провел закон об отмене хлебных пошлин в 1846 г.— 136, *407*

Пиотровский Игнатий Антонович (ок. 1841—1862), студент Петербургского университета, сотрудник «Современника»; в 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях; в декабре того же года освобожден — 102, 103, *388*, *389*

Пиотровский Руфин, польский революционер, участник восстания 1830 г. в Польше; после подавления восстания эмигрировал во Францию; в 1843 г. арестован в России и сослан в Сибирь, в 1846 г. бежал; в 1863—1866 гг. секретарь Парижского народного комитета польской эмиграции — 109, 110, 112, 114, 115, *391*, *392* — «Записки» — 109, 110—112, 114, *391*, *392*

Пирогов Николай Иванович (1810—1881), хирург и анатом, до 1856 г. профессор петербургской Медико-хирургической академии, с 1856 до 1861 г. попечитель Одесского, позже Киевского учебных округов; с 1862 по 1866 г. находился в заграничной командировке — 277, *451*

Писемский Алексей Феофилактович, в тексте ошибочно — Александр (1821—1881), писатель; выехал за границу в апреле 1862 г.; в Лондоне встречался с А. И. Герценом — 229, *427*

«Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти», изданная в Берлине в 1862 г. брошюра Фиркса Ф. И. (см.)

Питт (Pitt) Уильям Младший (1759—1806), англ. государственный деятель, лидер партии тори, премьер-министр в 1783—1801 и в 1804—1806 гг., один из организаторов коалиции европейских государств против революционной и наполеоновской Франции— 152

Платон, настоящее имя Аристокл (427—347 до н. э.), греческий философ — 177

Платон, до пострижения — Левшин (1737—1812), московский митрополит — 39

Плаутин Сергей Николаевич, штабротмистр лейб-гвардии гусарского полка, флигель-адъютант, муж сестры Н. П. Огарева; был за границей (выехал в июле 1862 г.), встречался в Лондоне с А. И. Герценом — 229, *426*

Плаутин Федор Сергеевич, штабротмистр I гвардейской кавалерийской дивизии, старший адъютант начальника штаба дивизии; выехал за границу в декабре 1861 г., встречался с А. И. Герценом; в сентябре 1862 г. вернулся в Россию — 229

Плиний Старший Гай Секунд (23—79), римский ученый и писатель— 177

Повалишин Иван Федорович, лейтенант на фрегате «Олег» в 1860—1863 гг.— 117

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и журналист, профессор Московского университета с 1826 по 1844 г., издатель журнала «Москвитянин» (1841—1856) — 102, *388*, *430*

Поджио Александр Викторович (1798—1873), декабрист, член Северного (с 1821 г.),затем Южного (с 1823 г.) обществ; осужден на каторжные работы и сослан в Сибирь, откуда вернулся в 1859 г.; с 1863 г. почти до самой смерти жил за границей — 289, *462*

Поджио Александр Осипович, помещик Торопецкого уезда Псковской губ., племянник А. В. Поджио — 289, *462*

Поджио Лев Осипович, помещик Торопецкого уезда Псковской губ., племянник А. В. Поджио — 289, *462*

Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578 — ок. 1641), один из руководителей борьбы русских против польско-шведской интервенции в начале XVII в., в 1611—1612 гг. вместе с Мининым возглавил народное ополчение — 59

Поза, маркиз, действ. лицо в трагедии «Дон Карлос, инфант испанский» Ф. Шиллера (см.)

«Познанский дневник», см. «Dziennik Poznański»

«Полицейские ведомости», см. «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции»

«Полярная звезда», литературные и общественно-политические сборники, издававшиеся А. И. Герценом (с 1856 г.— совместно с Н. П. Огаревым) ежегодно в Лондоне в 1855—1859, 1861—1862 гг. (в 1862 г. вышло 2 вып.) и в Женеве в 1869 г.— 80, 280, *366*, *367*, *369*, *400*, *402*, *433*, *434*

Посников Георгий Николаевич, поручик лейб-гвардии саперного батальона; в 1862 г. предан военному суду и приговорен к ссылке в Сибирь — 308, *426*, *477*

Потапов Александр Львович (1818—1886), генерал-адъютант, петербургский (1860), затем московский (1860—1861) обер-полицмейстер; с октября 1861 до 1864 г. исполняющий обязанности начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением — 227, 231, 232, 234, 241, *425*, *429*

Потебня Андрей Афанасьевич (1838—1863), подпоручик 15-го пехотного Шлиссельбургского полка, член «Земли и воли», один из организаторов и руководителей подпольной революционной организации русских офицеров в Польше, один из авторов воззвания «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше»; организовал польский отряд и во главе его принял участие в восстании 1863 г.; 4 марта погиб в бою — 104, *390*, *442*

Потемкин Григорий Александрович, князь Таврический (1739—1791), генерал-фельдмаршал, государственный деятель, фаворит Екатерины II — 30, 170, 325, *347*, *406*

Похитонов Григорий Данилович (1810—1882), издатель, в 1858 г. основал в Петербурге «Торговый дом Струговщикова, Похитонова и Водова», преобразованный вскоре в издательское товарищество «Общественная польза», и оставался во главе фирмы до 1873 г.— 31, *359*

«Почта» — см. «Северная почта»

«Правдивый», журнал, издававшийся в 1862 г. в Лейпциге В. Гергардом под редакцией П. В. Долгорукого, с № 7 назывался «Правдолюбивым» — 127, 281, 288, *398*, *399*, *438*, *470*

«Правдолюбивый», журнал, издававшийся В. Гергардом в Лейпциге в 1862 — 1863 гг.—272, *449*

Пракситель, греческий скульптор IV в. до н. э.— 330

«Прокламация офицерам», см. «Офицеры!»

Прокопович Феофан (1681—1736), проповедник и писатель, вице-президент Синода, главный помощник Петра I в делах духовного управления, пропагандист петровских реформ — 31

Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865), франц. социолог и экономист — 160, 164, 181, 213, 325

— «La guerre et la paix» («Война и мир»)—325

— «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» («О справедливости в революции и в церкви»)—325

Прюдом, персонаж ряда карикатур и литературных произведений Монье (см.)

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775)—16, 62, 64, 70, 77, 223, *350*, *373*

«Пунш», см. «Punch»

Путятин Евфимий Васильевич,

граф (1803—1883), адмирал, с 1852 по 1855 г. глава русской торгово-дипломатической экспедиции в Японию; с 1858 по 1861 г. морской агент при русском посольстве в Лондоне, в 1861 г. в течение 5 месяцев был министром народного просвещения — 15, 21, 23, 24, 31, 34, 82, 91, 201, 246, 248, 282, 290, 301, 308, *348*, *351*, *352*, *376*, *383*, *391*, *414*, *438*, *439*, *441*, *462*, *471*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837)—7, 72, 108, *346*, *350*, *357*, *374*, *383*, *391*, *427*, *430*

— «Борис Годунов»; Пимен — 16, *350*

— «Братья Разбойники»— 229

— «В академии наук»— 162, *409*

— «Вольность»— 232, *430*

— «Граф Нулин»— 90, 91, *383*; Нулин — 90—91, *383*

— «Демон»— 26, *357*

— «Наполеон»— 107, *391*

— «Сват Иван — как пить мы станем»— 7, *346*

— «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы»— 176, *410*

Пущин Иван Иванович (1798—1859), декабрист, с 1817 г. член Союза спасения, один из основателей Северного общества, участник восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, друг Пушкина А. С.— 237, *433*, *449*

«Пчела», см. «Северная пчела»

Радищев Александр Николаевич (1749—1802)—64—66, 74, 77, *369*, *373*, *374*

— «Путешествие из Петербурга в Москву» — 64, 67, *373*, *374*; Петрушка — 64, *373*

Радклиф (Radcliffe) Анна (1764—1823), англ. писательница, одна из создательниц жанра «романа ужасов и тайн»— 187

Разин Степан Тимофеевич (казнен в 1671 г.)—73, 77

Расин (Racine) Жан Батист (1639—1699), франц. драматург

— «Аталия» («Athalie») — 135

— «Федра» («Phèdre») — 135

Рассел (Россель, Russel) Джон, лорд (1792—1878), англ. государственный деятель, лидер вигов, с 1859 до 1865 г. министр иностранных дел — 32

Рейтер (Reuter) Павел Юлиус фон, барон (1821—1899), основатель телеграфного агентства в Аахене (1849), перенесенного в Лондон в 1851 г.— 285

Рейхард (Рейхардт, Reichard) Генрих Август Оттокар (1751—1828), нем. писатель, составитель путеводителя по Германии— 159

Рейхенбах (Reichenbach) Оскар, граф (род. 1815), нем. политический деятель, депутат франкфуртского национального собрания в 1848—1849 гг.; с 1850 г. был в эмиграции в Англии, затем в Америке — 139

Реккель Карл Август (1814—1876), нем. революционер, участник дрезденского восстания 1849 г.— 17, 18

Рем (миф.) — 131, 139, 171, 196, 328

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669)—135, 136

Реут, витебский помещик — 85, 86, *380*, *381*

Ржевуский Адам Адамович, граф (1801—1888), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., в 1860—1863 гг. начальник 3 кавалерийской дивизии — 211, *419*

Ржоньца Иван — см. Я. Жоньца

Рихтер, известный под псевдонимом Жан Поль (Richter) Иоганн Пауль Фридрих (1763—1825), нем. писатель—178

Робер Макер, действ. лицо в одноименной комедии Б. Антье и Ф. Леметра (см.)

Робеспьер (Robespièrre) Максимильен Мари Изидор (1758—1794), франц. революционер, глава якобинской диктатуры в 1793—1794 гг.— 70, 93, 177

Роганы, древний франц. герцогский род — 330

Рогов, купец — 69

Роза (Rosa) Сальватор (1615—1673), итал. живописец и офортист — 263, 446

Роланд (ум. 778), франкский маркграф, участник похода Карла Великого в Испанию в 778 г.; герой французского народного эпоса «Песни о Роланде»— 242, *436*

Романовы, династия русских царей, занимавшая престол в 1613—1917 гг.— 41

Ромул (миф.) — 131, 171, 196, 328

Ромье (Romieu) Огюст (1800—1855), франц. публицист, выступивший накануне президентских выборов 1852 г. с цезаристскими памфлетами — 179, *410*

— «Красный призрак» («Le Spectre Rouge»)—179, 180, *410*

Россель — см. Рассел

Ростковский Францишек (ум. 1862), унтер-офицер 4 стрелкового батальона первой армии, член варшавской офицерской революционной организации; арестован за пропаганду и распространение запрещенных сочинений в войсках; расстрелян — 206—208, 215, 216, 233, 251, 292, 315, *416*, *421*, *431*, *480*

Ростопчин Федор Васильевич, граф (1763—1826), генерал-от-инфантерии, московский главнокомандующий в 1812—1814 гг.— 73, *375*, *380*

Рош Поль де ла, франц. художник— 328

Ртищев Федор Михайлович (1625—1673), государственный деятель, постельничий и дворецкий царя Алексея Михайловича; организовал в Москве монастырское училище, ставшее впоследствии основой Славяно-греко-латинской академии — 30, 31, *359*

Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881), пианист и дирижер, основатель Московской консерватории (1866); с марта по август 1862 г. был за границей — 229, *426*, *427*

Руже де Лиль (Rouget de Lisle) Клод Жозеф (1760—1836), франц. поэт и композитор

— «Марсельеза»— 142

Рунич Дмитрий Павлович (1780—1860), член Главного правления училищ (с 1819) и попечитель Петербургского учебного округа (с 1821); в 1826 г. отстранен от службы—39

«Русский вестник», литературно-политический журнал, издававшийся в 1856—1906 гг.; до 1887 г. редактором-издателем был М. Н. Катков — 38, 234, 241, 272, 323, *370*, *382*, *383*, *397*, *414*, *419*, *429*, *430*, *436*

«Русский заграничный сборник», сборник статей русских авторов, издававшийся в Париже и Лейпциге А. Франком с 1858 до 1866 г.; всего вышло 5 частей в 23-х тетрадях—85, 298, *375*, *379*

«Русский инвалид» («Инвалид»), военная, литературная и политическая газета, издававшаяся в Петербурге с 1813 до 1916 г. (с 1816 г. стала ежедневной); в 1861—1862 гг. редактировалась Н. Писаревским — 206, 215, 263, *416*, *421*, *469*

«Русское слово», ежемесячный журнал, издавался в Петербурге в 1859—1866 гг., основан графом Г. А. Кушелевым-Безбородко; с 1860 г. редактором стал Г. Е. Благосветлов, а в число сотрудников вошли Д. И. Писарев, В. Зайцев, Н. В. Шелгунов — 199, 214, 217, 337, *413*, *419*, *420*, *422*

Руссо Жан Жак (1712—1778)— 26, 88, 176, *357*, *358*, *382*

— «Исповедь»— 88, *382*

— «Об общественном договоре, или Принципы политического права»— 27, *358*

«Рух», см. «Ruch»

Рыкачев, грот-марсовый начальник на фрегате «Олег»— 118

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 91, 238

Рылеев Никита Иванович (ум. 1808), генерал-поручик, петербургский обер-полицмейстер с 1784 г., петербургский губернатор с 1793 г.— 86, *380*

Рыль Александр (ум. 1862), варшавский рабочий-литограф; 26 августа казнен за покушение на вел. князя Константина Николаевича—238, 307, *431*, *434*

Сабуров Андрей Иванович (1797—1866), обер-гофмейстер двора, директор императорских петербургского и московского театров — 127, *398*

Салиас де Турнемир Евгений Андреевич, граф (1840—1908), романист, сын писательницы Евгении Тур; в 1862 г. выехал за границу — 278, 301, *452*, *471*

Салтыкова (Салтычиха) Дарья Николаевна (1730—1801), помещица; за истязания крестьян была отдана под суд и приговорена к смертной казни, замененной пожизненным заключением — 233

Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель, славянофил; с 1859 г. принимал участие в работе Редакционных комиссий — 314, *357*, *420*

Самозванцы — см. Лжедмитрий I и II

Самсон (библ.)— 75, 179

Санд Ж.— см. Жорж Санд

«Санкт-Петербургские ведомости», официальная газета, издававшаяся с 1728 до 1917 г. (выходила фактически с 1703 г., но под другим названием); в 1836—1862 гг. редактировалась А. Н. Очкиным (с 1852 г. при участии А. А. Краевского)—32, 127, 218, 230, 232, 306, 308, 315, *348*, *359*, *361*, *398*, *413*, *414*, *426*, *427*, *431*, *432*, *441*, *469*, *475—477*, *481*

«Санкт-Петербургский месяцеслов на 1862 год» — 31

Сантер Антуан Жозеф (1752—1809), деятель Великой французской революции, якобинец, участник штурма Бастилии, в 1792—1793 гг. начальник национальной гвардии Парижа—152

Санчо-Панса, действ. лицо в романе «Дон Кихот» Сервантеса (см.)

Сатин (в тексте ошибочно — Сытин) Николай Михайлович (1814—1873), поэт и переводчик, друг юности Герцена, участник студенческого кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева, в 1862 г. встречался с ними в Лондоне—235, *427*, *437*

«Свободное слово», журнал, издававшийся Ф. Шнейдером на русском языке в Берлине и Брюсселе в 1862—1863 гг., редактировался Л. П. Блюммером—83, 280, 296, 298, 317, *377*, *381*, *430*, *439*, *440*, *454*, *469*, *470*, *474*, *481*, *482*

«Северная почта» («Почта»), ежедневная газета, издававшаяся министерством внутренних дел в Петербурге с 1862 по 1868 г., главные редакторы—А. В. Никитенко, И. А. Гончаров и Н. В. Варадинов—35, 217, 279, 297, *363*, *422*, *423*, *430*, *473*, *478*

«Северная пчела» («Пчела»), ежедневная (с 1831) литературная и политическая газета, контролируемая III отделением; издавалась в Петербурге с 1825 до 1864 г., редактировалась до 1859 г. Ф. В. Булгариным, с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем; с 1860 г. редактор П. С. Усов—35, 38, 97, 119, 120, 167, 200, 217, 218, 248, 273, 284, 289, 307, *363*, *370—373*, *381*, *385*, *389*, *393*, *394*, *405*, *406*, *410*, *422*, *424*, *430*, *441*, *450*, *458*, *462*, *468*, *474*, *476*, *478*

«Севильский цирюльник», комедия Бомарше (см.)

Сенека Луций Анней (между 6 и 3 гг. до н. э.— 65 н. э.), римский философ, драматург, политический деятель —184, 204

Сен-Симон Анри Клод де Рувруа (1760—1825), франц. социалист-утопист — 12

Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) Мигель (1547—1616)—151

— «Дон Кихот Ламанчский»; Дон Кихот—149—151, 153, 157, 166, 179, 180, 334, 335, *405*; Санчо-Панса—157

Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), революционер-демократ, один из организаторов «Земли и воли» (1862), сотрудник «Современника»; в 1860 г. встречался в Лондоне с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; 7 июля 1862 г. арестован и осужден на 12 лет катор-

ги—38, 83, 227, *371*, *377*, *378*, *413*, *417*, *420*

— «Окончательное решение крестьянского вопроса»— 83, *378*

Сечинский Иван Иванович, полковник, московский полицмейстер с 1849 до 1869 г.— 105

Сиероцинский (ум. 1837), участник польского восстания 1830—1831 гг., сослан в Сибирь; организатор заговора в Омске, казнен—110-112

Сийес (Сиэс, Sieyès) Эммануэль Жозеф (1748—1836), аббат, деятель Великой французской революции; после переворота 18 брюмера короткое время был одним из трех консулов — 28, 147, *358*

Симеон Богоприимец (библ.)—222, *425*

Скарятин Владимир Дмитриевич, публицист, в 1862 г. сотрудник «С.-Петербургских ведомостей», с 1863 г. редактор газеты «Весть»—308, *477*

Скотт (Scott) Вальтер (1771—1832), англ. романист — 291

— «Веверлей, или Шестьдесят лет назад»; Веверлей—291, *463*

Слепцов Павел Николаевич (1825—1882), флигель-адъютант, генерал-майор — 227

Сливицкий Петр Михайлович (ум. 1862), подпоручик 4-го стрелкового батальона I армии, член варшавской офицерской революционной организации; в 1862 г. арестован за пропаганду в войсках и расстрелян — 206—208, 215, 216, 233, 251, 292, 315, *416*, *421*, *431*, *469*, *480*

«Слово» («Słowo»), газета, издавалась в Петербурге на польском языке в 1859 г., под редакцией И. Огрызко — *355*

Смирдина Анна Ивановна, волоколамская купчиха — 35

Собакевич, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)

Советов Александр Васильевич (1826—1901), с 1859 г. профессор по кафедре сельского хозяйства Петербургского университета, член Вольного экономического общества — 229

«Современная летопись», еженедельное приложение к «Русскому вестнику», издававшееся в 1861—1862 гг.— 123, 125, 212, 213, 218, 228, 322, *382*, *395*, *396*, *419*, *420*, *423*, *425*, *426*, *441*

«Современник», основанный А. С. Пушкиным литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1836—1866 гг.; редактировался с 1847 г. Н. А. Некрасовым, до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым; ведущий орган революционной демократии в период подъема 50-х—60-х гг.— 199, 214, 217, 232, 289, 337, 338, *356*, *389*, *413*, *419*, *422*, *431*, *436*, *461*

«Современное слово», ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге в 1862—1863 гг. (первоначально вместе с «Русским инвалидом», в 1863 г.— самостоятельно) под редакцией Н. Писаревского—228, *426*

Сократ (469—399 до н. э.), греческий философ — 193

Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901), московский книгоиздатель, в 1862—1864 гг. финансировал прибавление к «Колоколу»— «Общее вече»—272, *449*

Соловьев, студент Московского университета — 81

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор русской истории Московского университета с 1847 до 1877 г.— 81, 282, *376*

Соломон (библ.)—164

Сопелкин, купец—291

Софокл (496—406 до н. э.) — 135

Сороко Петр Данилович, капитан лейб-гвардии Преображенского полка — 286, *460*

Спартак (ум. 71 г. до н. э.), вождь восстания рабов в Италии в 74—71 гг. до н. э.— 152

Спасский Николай (ум. 1861), студент Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г.— 15, *349*

Сперанский Михаил Михайлович, граф (1772—1839), государственный деятель, автор проекта государственных преобразований в царствование Александра I — 28, 56, 66, 67, 75, 77, *358*, *374*

—«Введение к уложению государственных законов»— 28, *358*
«Список следственной комиссии», статья «Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г.» М. С. Лунина (см.)
Станкевич Николай Владимирович (1813—1840), литератор, глава московского литературно-философского кружка (1832—1837)— 91, *382*
Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик; в июне 1862 г. выехал за границу; встречался в Лондоне с А. И. Герценом; в сентябре 1862 г. вернулся в Россию — 229, *426*, *427*
«Стражница», см. «Straźnica»
Строганов Александр Григорьевич, граф (1795—1891), генерал-адъютант, член Государственного совета, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор в 1855—1863 гг.— 298
Строганов (Строгонов) Сергей Григорьевич граф (1794—1882), генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, московский военный генерал-губернатор в 1859—1860 гг.; с 1860 г. главный воспитатель великих князей — 24
Струэнсе (Струэнзе, Struensee) Иохан Фредерик (1737—1772), датский государственный деятель, в 1771—1772 гг. провел крупные буржуазные реформы—72
Суворов Александр Васильевич, князь Италийский (1730—1800)— 69, 185, *374*
Суворов-Рымникский Александр Аркадьевич, князь Италийский, граф (1804—1882), генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, с 1848 по 1861 г. рижский, лифляндский, эстляндский и курляндский военный генерал-губернатор, с 1861 до 1866 г. петербургский военный генерал-губернатор— 24, 32, 35, 227, 234, 286, 305, *359*, *360*, *362*, *363*, *413*, *431*, *432*, *459*
Суздальцев Владимир, выехал за границу летом 1861 г.; в Лондоне бывал у А. И. Герцена—229
Сурпин—291
Сусанин Иван Осипович (ум. 1613), герой народно-освободительной борьбы против польской интервенции, крестьянин с. Домнино Костромского уезда —77
Суходольский, студент Московского университета —84
Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., военный министр в 1856—1861 гг.— 30, 239
Сухтина, начальница Петровского женского пансиона в Москве— 292, *465*
«Сын отечества», ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге с 1862 г., под редакцией А. В. Старчевского—273, *430*, *449*
Сытин — см. Сатин Н. М.

Талейран-Перигор (Talleyrand-Perigord) Шарль Морис, князь (1754—1838), франц. дипломат и политический деятель, министр иностранных дел при Директории, Наполеоне I и Людовике XVIII—272
Талльен (Талиен, Tallien) Жан Ламбер (1767—1820), участник Великой французской революции, якобинец, с 1793 г. член Конвента, один из руководителей переворота 9-го термидора — 152
Тараканова, «княжна» (наст. имя неизвестно) (ум. 1775), авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны; по приказу Екатерины II арестована в Ливорно гр. А. Г. Орловым в 1775 г., заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла — 60, *373*
Тарновский Доминик, управляющий домом кн. Вяземского в Петербурге — 297, *469*
Тацит Корнелий (ок. 55—ок. 120), римский историк—175
«Теймс»— см. «The Times»
Телеки Ладислав, граф (1811—1861),

венгерский поэт, участник революции 1848—1849 гг., сподвижник Л. Кошута; в 1860 г. арестован в Дрездене и выдан австрийцам — 17
Телемак, действ. лицо в «Одиссее» Гомера (см.)
Тетяев М., автор корреспонденции из Твери, напечатанной в «Московских ведомостях» — 305
Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-майор, генерал-адъютант, управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов в 1856—1861 гг.— 97, 102, 231, *385*, *438*
Тихон Задонский, до пострижения Тимофей Соколов (1724—1783), воронежский епископ с 1763 по 1767 г.; канонизирован в 1861 г. — 31
Тишкевич Иосиф Иосифович, граф, поручик, адъютант гродненского и ковенского генерал-губернатора с 1861 г.— 313
Толь Карл Федорович, граф (1777—1842), генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812—1814 гг., начальник штаба И. Дибича во время подавления польского восстания в 1831 г., главноуправляющий путями сообщения с 1833 г.— 30, *358*
Траян Марк Ульпий (53—117), римский император с 98 г.— 44, 71, 177
Трелони (Трелоне, Trelawny) Эдвард Джон (1792—1881), англ. писатель — 184
— «Recollections of the last days of Byron and Shelley» («Воспоминания о последних днях Байрона и Шелли»)— 184
«Тройка», стихотворение — 105
Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1754—1829), министр уделов с 1802 по 1806 г., министр юстиции с 1814 по 1817 г.— 45, 54, 56
Трубецкая Екатерина Ивановна, княгиня (ум. 1854), жена декабриста Трубецкого С. П.— 74
Трубецкой Сергей Петрович, князь (1790—1860), декабрист, полковник, один из основателей Союзов спасения, благоденствия и Северного общества; приговорен к смертной казни, замененной каторгой; в 1856 г. амнистирован — 237, *433*, *434*
— «Записки» — 237, *433*, *434*
Трувеллер Владимир Васильевич (род. в 1842), юнкер 23-го флотского экипажа, сослан в Сибирь в 1862 г. за распространение нелегальной литературы — 298, 315, *469*, *479*, *480*
«Тульские губернские ведомости», еженедельная газета, издававшаяся в Туле в 1838—1914 гг.— 128, *400*
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883)—126, *349*, *353*, *354*, *360*, *361*, *363*, *366*, *371*, *381*, *387*, *389*, *397*, *403—405*, *420*, *430*, *431*, *432*, *449*, *454*, *455*, *458*, *459*, *463*
Тургенев Николай Иванович (1789—1871), декабрист, один из основателей и руководителей Союза благоденствия; в 1824—1857 гг. был в эмиграции—58, 85, 289, *365*, *373*, *378*, *379*, *461*
— «Взгляд на дела России»— 85, *378*, *379*
— «Нечто о крепостном состоянии в России»— 85, *379*
— «Россия и русские» («La Russie et les Russes») — 58, *373*
Турунов Михаил Николаевич, старший чиновник III отделения до 1862 г., позже член совета министра внутренних дел — 303, *479*.
Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), генерал-адъютант, член Государственного совета, московский генерал-губернатор — 33, 86, 290, 314, 348, 361, *376*, *462*
Тучкова (урожд. Веригина) Елизавета Ивановна (1805—1875), жена московского генерал-губернатора П. А. Тучкова—314
Тхоржевский (Tchorzewski) Станислав, польский эмигрант, владелец книжной лавки, помогавший Герцену в распространении его изданий — 293, 295, 296, *402*
Тьер (Thiers) Луи Адольф (1797—1877), франц. политический деятель и историк, организатор жес-

токого подавления республиканских восстаний 1834 г. в Париже и Лионе, депутат Учредительного (1848) и Законодательного (1849—1851) собраний; впоследствии (1871) руководил подавлением Парижской коммуны — 213
Тюфяев Кирилл Яковлевич (1775—после 1840), вятский гражданский губернатор с 1834 по 1837 г.— 119, *394*
Тюфякины, русский княжеский род — 159

Уильберфорс (Уилберфорс, Wilberforce) Уильям (1759—1833), англ. общественный деятель, борец за отмену торговли неграми — 9
Утин Николай Исаакович (1841—1883), революционер-демократ, в 1861 г. за участие в студенческом движении исключен из Петербургского университета; в 1862 г. член Центрального комитета «Земли и воли»; в 1863 г. эмигрировал за границу; впоследствии секретарь Русской секции I Интернационала
— «К образованным классам»— 308, *477*
Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870), педагог, с 1859 до 1862 г. инспектор Смольного института, в 1860—1862 гг. редактор «Журнала министерства народного просвещения»; в 1862 г. уволен и послан в командировку за границу — 127, *399*

Фауст, герой одноименной трагедии Гёте (см.)
Федосьев М., житель Пулковской слободы Царскосельского уезда Петербургской губ.— 306, *475*
Федотов А., житель Пулковской слободы Царскосельского уезда Петербургской губ.— 306, *475*
«Федра», трагедия Расина (см.)
Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872), нем. философ-материалист— 225, 291, *464*
— «Сущность религии»— 291, *464*
Фелица, имя, которым называет Екатерину II в своих одах Г. Р. Державин — 61, *366*
Фелькнер Павел Иванович, штатный смотритель варшавского уездного училища до 1862 г., шпион — 271, 309, *448*, *478*
Фердинанд II (1810—1859), король Обеих Сицилий (Неаполитанский) с 1830 г.— 145, 163, 324, 325
Фигаро, действ. лицо в драматической трилогии Бомарше (см.)
Фидий, или Фидиас (нач. V в.— ок. 432—431 г. до н. э.), греческий скульптор — 135, 330
Филарет, до пострижения — Василий Михайлович Дроздов (1783—1867), московский митрополит с 1826 г.— 89, 102, 103, 105, 133, 199, 201, 260, 283, 284, 289, 314, 315, *383*, *388*—*391*, *461*
— «Выписка из письма московского священнослужителя в Петербург, декабря 17 дня 1861 г.»— 103, *389*
Филипп, действ. лицо в трагедии «Дон Карлос, инфант испанский» Ф. Шиллера (см.)
Философов Александр Александрович (1819—1880), генерал-майор, военный губернатор г. Петрозаводска и олонецкий гражданский губернатор в 1861—1862 гг.— 316
Фирбенк Томас, русский вице-консул в Гулле (Англия) до 1863 г.— 303
Фиркс (Шедо-Ферроти) Федор Иванович, барон (1812—1872), публицист — 87, 241, 272, *381*, *436*
— «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне, с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» («Lettre de Mr. Hersen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une replique de D. K. Shedo-Ferroti»)—87, *381*
Фитцтум фон Экстедт Александр Иванович, инспектор студентов Петербургского университета—82
Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762—1814), нем. философ—57, *367*
Фоблас, персонаж романа «Жизнь и любовные похождения кавалера де Фобласа» Луве де Кувре (см.)

Фонтен Леон, брюссельский книгоиздатель; с 1862 г. издавал газету «La Cloche»— 236
Фортинбрас, действ. лицо в трагедии «Гамлет» В. Шекспира (см.)
Франклин (Franklin) Вениамин (Бенджамин) (1706—1790), американский политический деятель, дипломат и ученый — 177
Франц II (1768—1835), последний император т. н. «Священной Римской империи» с 1792 по 1806 г., под именем Франца I—австрийский император с 1804 г.— 163
Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 г.— 180
Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), прусский король с 1840 г.— 8, 9, 163, *347*
Фурье Шарль (1772—1837), франц. социалист-утопист — 158, 185, 191, *358*, *367*

Харон (миф.)— 200, *414*
Хмельницкий Богдан—см. Богдан Хмельницкий
Хогарт (Гогарт, Hogarth) Уильям (1697—1764), англ. живописец и график-сатирик — 136
Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и общественный деятель славянофильского лагеря — 106
Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801), писатель, статс-секретарь Екатерины II с 1783 по 1793 г.— 64, *373*, *374*
— «Памятные записки»— 64, *373*, *374*
Хрептович (Хребтович) Михаил Иринеевич, граф (1809—1891), чрезвычайный посланник при Неаполитанском дворе (с 1847), в Бельгии (с 1853), в Великобритании (с 1856 до 1858), с 1863 г. обер-гофмейстер и управляющий двором вел. князя Константина Николаевича — 209
Христос Иисус (библ.)— 51, 63, 103, 128, 165, 178, 244, 315, *364*, *389*, *390*, *398*, *425*
Хрулев Степан Александрович (1807—1870), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., венгерской революции 1848—1849 гг., начальник обороны Корабельной стороны во время защиты Севастополя (1855), командир второго армейского корпуса в 1861—1862 гг.— 215, 251, *421*
Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864), товарищ министра государственных имуществ в 1856—1857 гг., впоследствии—сенатор
— «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II»— 280, *454*, *455*

Цебриков Николай Романович (ум. 1862 г.), декабрист, участник восстания 14 декабря 1825 г., после амнистии 1856 г. жил в Петербурге — 258
Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), государственный деятель и полководец древнего Рима — 124, 125
Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), оратор и государственный деятель древнего Рима— 125, 148, 177, *408*
Цынский Лев Михайлович, генерал-майор, московский обер-полицмейстер в 1834—1845 гг.— 168

Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, главноуправляющий путями сообщения с 1855 по 1862 г., член Главного комитета об устройстве сельского состояния — 24, 35, *363*
Черкасский Владимир Александрович, князь (1824—1878), деятель крестьянской реформы, член-эксперт Редакционных комиссий в 1858—1861 гг., мировой посредник в 1861—1863 гг.— 314
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889)—227, *335*, *356*, *389*, *413*, *420*, *424*
Чертова Варвара Евграфовна, попечительница пищальниковской школы Московского благотворительного общества и пречистенского отделения попечи-

тельства о бедных в Москве— 292
Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист и публицист, профессор Московского университета в 1861—1868 гг.— 8, 81, 82, 162, 272, 282, 314, *347*, *376*, *408*, *409*, *449*
— «Письмо к издателю „Колокола“» — 272, *449*
Чичиков, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)
«Что нужно народу?», прокламация, написанная Н. П. Огаревым (см.) при участии Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева, А. А. Слепцова, М. Л. Налбандяна и др. в 1861 г.; издана Вольной русской типографией в Лондоне

Шамбор (Chambord) Анри Шарль Фердинан Мари Дьедонне д'Артуа, граф, герцог Бордосский (1820—1883), последний представитель старшей ветви Бурбонов, с 1830 г. под именем Генриха V стал претендентом на французский престол — 96
«Шаривари»— см. «Le Charivari»
Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861)—230, *428*, *449*
Шевырев Степан Петрович (1806—1864), историк литературы, критик и журналист, профессор истории русской словесности Московского университета с 1847 до 1857 г., один из редакторов «Московского наблюдателя» (с 1835 по 1838) и «Москвитянина» (с 1841 по 1850); с 1861 г.—за границей; в 1862—1863 гг. читал курсы истории русской литературы во Флоренции и в Париже— 102, *388*, *389*
Шедо-Ферроти, литературный псевдоним Ф. И. Фиркса (см.)
Шейдеман Карл Федорович (1816—1869), генерал-лейтенант, начальник штаба русской армии в Варшаве — 283, 287, *460*
Шекспир Вильям (1564—1616)— 135, *352*, *371*, *396*
— «Гамлет»; Гамлет — 44, 123, 188, *396*, *405*; Горацио — 167; Лаэрт (Laertes) — 123, *396*; Фортинбрас — 167
— «Король Лир»; Кент — 152; Корделия — 9, 334; Лир— 8, 9, 151, 152, 335, *408*
— «Макбет»; Банко—21, 120, *352*
Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891), публицист, философ и литературный критик, сотрудник «Современника» и «Русского слова»
— «К молодому поколению»—33, *355*
Шелли (Шеллей, Shelley) Перси Биши (1792—1822), англ. поэт— 193
Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Иозеф (1775—1854), нем. философ — 119
Шемиот, помещик Шавельского уезда Ковенской губ.— 313
Шереметев Борис Петрович, граф (1652—1719), генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I, полководец и дипломат — 32, *359*, *360*
Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888), контр-адмирал, командир фрегата «Генерал-адмирал» до 1861 г.— 102, 302, *472*
Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805)—39, 204, 233, 339, *346*, *348*, *370*, *372*, *382*, *409*, *415*, *437*
— «Валленштейн»; Валленштейн — 88, *382*; Капуцин — 88, *382*
— «Дон Карлос, инфант испанский»; Дон Карлос — 38, 39, 68, *370*; Маркиз де Поза — 38, 39, 54, 57, 67, 72, 204, *366*, *370—372*; Филипп — 39, 45, 54, *370—372*;
— «Коварство и любовь»; Фердинанд — 204
— «Орлеанская дева»; Иоанна д'Арк — 242, *436*, *437*
— «Отречение» («Resignation»)— 220, *425*
— «Песня о Колоколе»— 7, *346*, *348*
— «Разбойники»— 204, 339, *409*, *415*; Карл Моор — 204, 339; Максимилиан фон Моор — 165; Франц Моор — 165
Шишков Александр Семенович (1754—1841), вице-адмирал, член Государственного совета, писатель, с 1813 г. президент Академии наук, с 1812 г. государственный секретарь, в 1824—1828 гг.

министр просвещения — 67, 68, *374*
Шнейдер (Schneider) Фердинанд, берлинский книгоиздатель в 1850—60 годах — 280, 288, 294, *378*
Шопенгауэр Артур (1788—1860), нем. философ — 184
Штейнгель (Штенгель) Владимир Иванович, барон (1783—1862), декабрист, член Северного общества с 1824 г.; отбывал каторжные работы в 1826—1835 гг.; до 1856 г. жил на поселении — 237, *433*
— «Записки барона В. И. Штейнгеля»— 237, *433*
Штофреген Кондратий Кондратьевич (1817—1873), капитан I ранга (впоследствии вице-адмирал), в 1860 г. член следственной комиссии о гибели клипера «Пластун», с 1861 по 1864 г. командир фрегата «Генерал-адмирал»— 302
Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), генерал-майор, генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер в 1857—1860 гг., начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением в 1861 г., директор департамента общих дел министерства внутренних дел — 15, 81, 97, 102, 126, 228, 229, 231, 241, *349*, *377*, *385*, *425*, *426*, *428*
Шукевич, врач в Витебской губ.— 86
Шульгин Александр Николаевич, подпоручик лейб-гвардии Волынского полка до 1860 г.— 286
Шульгин Дмитрий Николаевич, прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка до 1860 г., брат А. Н. Шульгина — 286

Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876), историк и публицист, профессор русской истории Казанского университета в 1860—1861 гг.; в 1861 г. арестован за речь на панихиде по жертвам расстрела в с. Бездна; в 1864 г. сослан в Иркутск— 21, *352*, *353*
Щур Лев, рядовой 4 стрелкового батальона первой армии; в 1862 г. по делу И. Н. Аргольдта и др. приговорен к каторжным работам — 206—208, *421*

Эбер (Ебер, Hébert) Мишель Пьер Алекси (1799—1887), франц. политический деятель периода Июльской монархии, член палаты пэров с 1834 до 1848 г., министр юстиции в 1847—1848 гг.— 338
Эберман (Эверман) Владимир Михайлович (род. 1842), наборщик Вольной русской типографии в Лондоне; заподозрен в шпионаже; в 1866 г. вернулся в Россию — 317
Эвальд Аркадий Васильевич (1836—1898), писатель и публицист, сотрудник «Отечественных записок»— 232, *431*
— «Все и ничего»— 232, *431*
Эгмонт (Egmont) Ламораль, граф (1522—1568), нидерландский полководец и политический деятель периода борьбы за независимость; казнен герцогом Альбой—177
Энгель Николай Иванович, штабс-капитан лейб-гвардии саперного батальона; в 1862 г. предан военному суду и приговорен к ссылке в Сибирь — 308, *426*, *477*
Энгельгардт Лев Николаевич (1766—1836), генерал-майор, адъютант князя Потемкина в 1783—1785 гг., участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., с 1799 г. в отставке — 67

Юпитер (миф.) — 165
Юсуповы, русский княжеский род — 159

Ягельский Людвик (1821—1884), польский публицист, редактор-издатель газеты «Dziennik Poznański» с 1859 г.— 33, *360*
Яковлев Алексей Андреевич (ок. 1844—после 1864), студент Петербургского университета; в 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях; в 1862 г. вторично арестован за распространение прокламаций и пропаганду среди солдат, приговорен к расстрелу, замененному каторжными

работами — 127, 308, *398*, *426*, *477*, *478*
Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отставной капитан лейб-гвардии Измайловского полка, отец А. И. Герцена — 38
Якубич Александр Иванович (1792—1845), декабрист, участник восстания 14 декабря 1825 г., приговорен к 20 годам каторги —73, *369*
Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист, один из основателей Союзов спасения и благоденствия, член Северного общества; в 1826 г. приговорен к смертной казни, замененной каторгой; в 1856 г. амнистирован — 237, *433*
— «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина»— 237, *433*
—«Четырнадцатое декабря»— 237, *433*
Янковский Нарцисс, поручик Ольвиопольского уланского полка; в 1862 г. приговорен к каторжным работам за распространение нелегальной литературы — 228, *426*
Янус (миф.)—162
Ярошинский Людвик (ум. 1862), варшавский портной; в июне 1862 г. совершил покушение на А. Н. Лидерса и вел. князя Константина Николаевича; казнен — 238, 241, *416*, *434*, *436*
Яхве (Иегова) (библ.)—156, 178, 322

«Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская газета»), нем. ежедневная политическая консервативная газета, выходившая с 1798 г.; с 1810 по 1882 г. издавалась в Аугсбурге — 25, *357*
Amyot (в тексте ошибочно — Amoyt) Ferdinand (1818—1875), франц. книгоиздатель — 294
«Arminius» («Арминий»), франц. роман — 167, 168
«Baczność» («Бачность)», журнал, издававшийся в Париже на польском языке с июля по декабрь 1862 г. под редакцией Л. Бжозовского — 272, *447*
«The Bell»—см. «Колокол»
Caesar — см. Цезарь
«Le Charivari» («Шаривари»), франц. сатирическая газета, основана в 1832 г., издавалась в Париже — 136, 198
«La Cloche», газета, издававшаяся в Брюсселе на франц. языке Л. Фонтеном с сентября 1862 до 1865 г.; перепечатывала главным образом статьи из «Колокола» —236, 267, 268, 294, *366*, *367*, *392*, *400*, *411*, *432*, *442*, *446*, *447*, *449*, *466*
«Le Constitutionnel», франц. политическая газета, основанная в 1815 г., издавалась в Париже — 267, 268, 273
«The Daily News», англ. газета либерального направления, издавалась в Лондоне с 1846 г.— 200, 294, 295, *426*, *466*, *467*
«The Daily Telegraph», англ. ежедневная газета консервативного направления, выходящая в Лондоне с 1855 г. (первоначально «The Daily Telegraph and Courier»)— 309, *448*
Dentu Édouard Henri Justin (род. 1830), франц. книгоиздатель — 294
«Il Diritto. Giornale della democrazia italiana», ежедневная газета, издававшаяся в Турине с 1854 г. и в Риме с 1874 по 1895 г.— 165, *409*
Dorothee — см. Доротея
Dumas jun.— см. Дюма-сын
«Dziennik Poznański», польская газета, издававшаяся с 1858 г.— 33, *360*
Erregg Louis — 209, *417*
«L'Etoile Belge», газета, издававшаяся в Брюсселе — 267, 268
Farina Johann Maria, нем. парфюмер — 25, *357*
«Faust»— см. «Фауст» Гёте
«The Free Press», журнал, издававшийся в Лондоне Д. Уркхартом с 1855 г.; выходил раз в три месяца; с 1866 г. переименован в «Diplomatic Review» и под этим названием выходил до 1881 г.— 78, *375*, *387*
Hamlet—см. Гамлет
«L'Indépendance belge» («Indépendance»), ежедневная политическая и литературная газета,

издававшаяся в Брюсселе с 1831 г.— 15, 35, 96, 228, 272, 273, 305, 308, *349*, *364*, *450*, *477*

«Journal des Débats», франц. политическая и литературная газета, издававшаяся в Париже; основана в 1789 г. Бодуэном — 277

«Journal de St.- Pétersbourg», политическая и литературная газета, издававшаяся с 1813 г.— 272, 307, *430*, *449*

Kittler L., лейпцигский книготорговец — 294

«Kölnische Zeitung», нем. газета, основанная в 1802 г., издавалась в Кёльне — 25, *357*

Laertes (Лаэрт), действ. лицо в трагедии «Гамлет» В. Шекспира (см.)

«Mater Dolorosa», статья А. И. Герцена (см.)

Mazade Charles de (1821—1893), франц. публицист, сотрудник «Revue des Deux Mondes» — 26

— «La Russie sous le règne d'Alexandre II» («Россия в царствование Александра II») — 26

Mierosławski M.— см. Мерославский

«Les misérables» («Отверженные»), роман В. Гюго (см.)

«Moniteur universel» («Монитер»), франц. политическая официальная газета, основанная в 1789 г. в Париже; издавалась под этим названием по 1 января 1869 г. — 297

«Le Nord» («Nord»), ежедневная политическая газета, издавалась на франц. языке в Брюсселе в 1855—1862, 1865—1892 гг. и в Париже в 1863—1864, 1894—1907 гг.; субсидировалась русским правительством — 15, 259, 298, 301, 306, *349*, *475*

«L'Opinion Nationale», франц. ежедневная политическая газета либерального направления; основана в 1859 г. А. Герулем; выходила в Париже до 1879 г.— 267, 268, *426*, *447*

Pagnerre Charles Antoine (1834—1867), франц. книгоиздатель —294

«Père Duchesne», франц. газета, орган якобинцев, издававшийся Эбером с 1790 по 1794 г.— 232, *431*

«Punch, or the London Charivari»(«Пунш»),англ.еженедельный юмористический журнал, издается в Лондоне с 1841 г.— 136

Requiem, соч. Моцарта (см.)

«Revue des Deux Mondes», франц. двухнедельный журнал либерального направления; издавался в Париже с 1829 г.— 26, 109

Robespièrre—см. Робеспьер

«Ruch» («Рух»), польский журнал, издававшийся Центральным народным комитетом в Варшаве в 1862—1863 гг. под редакцией Б. Шварца — 271

«Le Siècle», ежедневная политическая газета либерального направления, выходившая в Париже с 1836 до 1914 г.— 25, 267, 268, *447*

«Słowo»— см. «Слово»

«Le Spectre Rouge», соч. Огюста Ромье (см.)

Schneider F.— см. Шнейдер Ф.

«The Star, or Drawing-Room Album», газета, издававшаяся в Лондоне с 1839 г.— 200

«Strażnica» («Стражница»), газета, издававшаяся в Варшаве в 1861—1863 гг., редактировалась Р. Зморским — 271

«The Times» («Теймс»), англ. ежедневная газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне с 1785 г.— 14, 32, 157, 167, 264, 302, *348*, *349*

Urquhart David (1805—1877), англ. политический деятель, журналист и публицист; в 1855—1865 гг. издавал журнал «Free Press»— 78, 99, *375*, *387*

«Vivat Polonia!», статья А. И. Герцена (см.)

«La Voix du Peuple», франц. газета, выходила с 1 октября 1849 г. по 14 мая 1850 г. под редакцией Прудона — 325

Walker Thomas (1822—1898), англ. журналист, издатель «Daily News» в 1858—1869 гг.— 294, 295

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Зарево» и «Злодейство белевской помещицы Муромцевой». Автограф Герцена. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград 120

«Дурные оружия». Страница рукописи (автограф Герцена). Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград 128

«Концы и начала». Письмо первое. Страница первопечатного текста («Колокол», л. 138, 1 июля 1862 г.) 136

«Молодая и старая Россия». Страница рукописи (автограф Герцена). Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград 200

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1862—1863 годов

	Текст	Коммен-тарии
Mortuos plango ...	7	346
Путятин как оратор	15	348
Новейшие открытия академика Шувалова и смертная казнь тифом	15	349
М. А. Бакунин	16	349
Головнин — министр просвещения	21	351
Профессор Щапов	21	352
Процесс князя П. В. Долгорукова	22	353
Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге	23	354
Студентское дело	23	355
Мясо освобождения	25	356
Юбилей	30	358
⟨Подчиненные давали обед⟩	32	359
Политическое преследование в Пруссии	33	360
Дворянская крамола	33	361
В министерстве финансов свой Путятин	34	361
Столбовой олигарх нашего времени	34	362
Ернический тон русских газет	34	363
Не будь ни А—пеллесов, ни Павлов	35	363
Возобновление клейм	36	365
Полтавская битва за уставную грамоту	36	365
Император Александр I и В. Н. Каразин	38	365
To the Editor of «The Free Press»	78	375
Издателю «The Free Press» (перевод)	78	
Ученая Москва	80	375
Ятаган убит аукционом!	83	377
Без масок	83	377

	Текст	Комментарии
«Взгляд на дела России» Н. Тургенева, Лейпциг, 1862	85	378
Письма, ответы, поправки и пр. (Реут, Латышев)	85	380
⟨Брошюра Шедо-Ферроти⟩	87	381
Сенаторам и тайным советникам журнализма	88	381
Ответы М. Л. Михайлова	93	383
Чудотворное действие императора	96	384
Similia similibus	96	384
⟨Объяснение⟩ ⟨Фельетон «Северной пчелы» от 11 апреля...⟩	97	385
От издателей ⟨В ответ на несколько писем, полученных из России...⟩	98	386
Ultimatum	99	386
Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах.	102	388
Письмо от офицеров	104	390
Москва нам не сочувствует.	105	390
Руфин Пиотровский	109	391
Капитан Андреев и матросы	117	392
Личное объяснение	119	392
Панин и смешение полов	121	394
⟨Зарево⟩	122	395
Дурные оружия	123	396
Новая тюрьма	127	397
Старая история	127	398
⟨Что-то сделает Константин Николаевич в Польше?⟩	128	399
Злодейство белевской помещицы Муромцевой	128	400
Концы и начала	129	400
Молодая и старая Россия	199	410
Выстрелы, раны и убийства (Константин Николаевич, Лидерс, Аргольдт и пр.)	206	416
Подрядчики русского посольства в Лондоне	209	417
Павел Гагарин	210	418
Келлер!	211	419
Письмо гг. Каткову и Леонтьеву	212	419
От издателей ⟨Мы предлагаем издателям «Дня», «Современника», «Русского слова»...⟩	214	419
Аргольдт, Сливицкий и Ростковский	215	421
Министерская поправка	217	422
⟨Редакция «Колокола» была бы очень благодарна...⟩	217	423
От издателей ⟨Помещая в нынешнем листе «Колокола» приглашение г. Блюммера...⟩	219	423
⟨Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?⟩	219	423
Журналисты и террористы	220	424

	Текст	Комментарии
Хроника террора	227	425
⟨Список лиц, которых правительство велело арестовать по возвращении из-за границы⟩	229	426
Перечисление св. Митрофания воронежского с товарищи в лица менее замечательные	230	427
Первый и последний русский дворянин	230	428
Министр полиции будущего тысячелетия России	231	428
По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова	232	429
⟨Сейчас мы получили еще дополнение к списку...⟩	235	432
Á monsieur le rédacteur de *La Cloche*	236	432
Господину редактору «La Cloche» (перевод)	236	
«Записки декабристов»	237	432
Виселица в Варшаве	238	434
По экзамену «единица» (По поводу вопроса о публичных испытаниях)	239	435
Ей-богу, надоело	241	435
Ah, les misérables! (Гюго и Бёкль)	242	436
Ответ «г. Поляку» на статью и письмо	243	437
Валуев и Головнин.	245	438
Клевета	245	438
Новая победа Путятина	246	438
⟨Третий раз спрашиваем мы...⟩	247	440
Праздник тысячелетия.	247	440
Немцы не были.	248	441
⟨Мы просили наших знакомых...⟩	248	441
Центральному польскому комитету в Варшаве	249	442
Русским офицерам в Польше	251	442
Н. Р. Цебриков	258	443
Предостережение Гутцейту и ему подобным помещикам	259	444
К офицерам	261	445
⟨Четвертый запрос от издателей «Колокола»⟩	262	446
С кем война?	263	446
Подтасованный набор	264	446
Потеря сотрудника	266	447
Une réponse	267	447
Ответ (перевод)	268	
Пути! Пути!	2 0	448
Канцлер-памфлетист	272	448
⟨«Северная пчела»⟩	273	449
Набросок ⟨Что, в самом деле, проще и доступнее, как понятие старости и смерти . . .⟩	274	450

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

	Текст	Комментарии
Н. И. Пирогов ⟨Примечание⟩	277	451
⟨М. А. Бакунин в Лондоне⟩	277	451
Защита московских профессоров (Письмо к издателю) ⟨Примечание⟩	277	452
⟨Извещение⟩ ⟨Считаем полезным известить наших читателей...⟩	277	452
Адрес московских студентов ⟨Вступительные строки и примечание⟩	278	452
Антология из русских газет ⟨Вступительные строки и замечания⟩	278	453
Обмен журнала	279	453
Сказание о безднинском побоище в Казанской губернии по случаю освобождения крепостных крестьян ⟨Примечание⟩	279	453
Статья М. А. Бакунина	279	453
Выдержки из записок одного недекабриста ⟨Предисловие⟩	280	454
О казаках-некрасовцах ⟨Вступление и примечание⟩	280	454
Русская заграничная литература	280	454
Еще русский журнал	281	455
⟨Нас просят узнать...⟩	281	455
⟨Статьи под заглавием...⟩	281	455
⟨Корреспондента, предлагающего заметки о монастырях...⟩	281	455
По тверскому делу ⟨Заключение⟩	281	455
Донос московских профессоров ⟨Примечание и заключение⟩	282	456
Из Витебска до Ковна (1861) ⟨Примечания⟩	282	456
От издателей ⟨Сорок один фунт пять шиллинг. ...⟩	283	456
Адрес, поданный профессорами Петербургского университета министру просвещения ⟨Заключительное замечание⟩	283	456
Движение земного шара и движение канцелярское во 2 артиллер. дивизии (В назидание Михаилу Николаевичу) ⟨Примечание⟩	283	457
От ред⟨акции⟩ ⟨Восемьдесят талеров с известным назначением...⟩	283	457
Князь Орлов и Филарет-митрополит ⟨Вступление, соединительные строки и заключение⟩	283	457
Немецкий Филарет и русские офицеры ⟨Заключение⟩	284	458
Валуев и проволока ⟨Вступление, примечание, заключение⟩	285	458
Из Сибири (Отрывки из писем к издателю) ⟨Заключение⟩	285	458
Письмо к Александру II П. Мартьянова ⟨Примечание⟩	285	458
Голос за народ (Письма помещика). Письмо второе ⟨Примечание⟩	286	459

	Текст	Комментарии
Суворовские походы по грязям петербургским ⟨Заключение⟩	286	459
Преображенский Барятинский и братья Шульгины (Письмо к издателю) ⟨Заключение⟩	286	459
В защиту г. Баранцова ⟨Вступительные строки⟩	286	460
Высочайшее освобождение от уплаты долгов (способ второй) ⟨Примечания⟩	287	460
Прокламация офицера ⟨Вступительные строки⟩	287	460
Сечение и убийства крестьян из Пермской губернии ⟨Примечание⟩	288	461
Письмо г. Блюммера ⟨Примечание⟩	288	461
Доктор И. В. Енохин ⟨Вступительные строки⟩	288	461
В контору «Современника»	289	461
Филарет и розги (Письмо к издателю) ⟨Примечание⟩	289	461
Еще Лашкарев-пермский ⟨Заключение⟩	289	461
Лопухин и 2400 р. ⟨Вступительные строки⟩	289	462
А. В., Поджио и его племянники	289	462
Письмо московского генерал-губернатора Тучкова к графу Путятину ⟨Примечание⟩	290	462
От редакции ⟨Мы получили на днях 764 фр. ...⟩	290	462
От редакции ⟨Мы получили 27 июня 2500 фр. ...⟩	290	463
Адлерберг I как хозяин, судья и золотопромышленник ⟨Заключительные строки⟩	290	463
⟨«Общее вече»⟩	290	463
Шестьдесят лет тому назад ⟨Вступление⟩	291	463
Временнообязанная Головнину литература ⟨Редакционные вставки⟩	291	464
Новые переводы	291	464
⟨Извещение⟩ ⟨Редакция извещает о получении векселя в 25 фунт. ...⟩	292	464
К братьям славянам от Всеславянского общества ⟨Примечание⟩	292	464
Три талера из Вильно	292	465
Русские мученики и мучители в Польше ⟨Вступительные строки⟩	292	465
Барыня Чертова и госпожа Сухтина ⟨Вступление⟩	292	465
⟨300 р. с. в фонд⟩	293	465
Из Грузии ⟨Примечание⟩	293	465
Общий фонд ⟨В прошлом листе мы упомянули...⟩	293	465
⟨Стихотворения Михайлова⟩	293	465
⟨Из Варшавы⟩	294	466
Общий фонд ⟨Получено после 15-го сентября...⟩	294	466
«La Cloche»	294	466
To the Editor of *The Daily News*	294	466
Издателю «The Daily News» (перевод)	295	

	Текст	Комментарии
Из Москвы ⟨Примечание⟩	295	467
«Конституция, самодержавие и земская дума»	295	467
⟨В Общий фонд получено после 1-го октября...⟩	295	468
Его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше ⟨Примечание⟩	295	468
⟨В Общий фонд с 15 октября...⟩	295	468
⟨В Общий фонд получено через С. Тхоржевского.⟩	296	468
Общий фонд ⟨С 1 ноября в Общий фонд получено из Италии⟩.	296	468
Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше ⟨Примечание⟩	296	468
Письмо г. П. Новицкого ⟨Примечание⟩	296	469
Защитники ⟨Вступление, редакционная вставка, заключение⟩	297	469
Дело Дьяконова, Трувеллера и проч. ⟨Заключение⟩	298	469
Генерал-губернатор Коцебу ⟨Примечание и вступительные строки⟩	298	470
Нашего полка прибыло	298	470
⟨Из Германии получены в Общий фонд...⟩	298	470

DUBIA

⟨Московские студенты⟩	301	471
Ирод Панин	301	471
Упорная болезнь	301	471
Литературный вечер 7/19 декабря	301	471
Похищение студента!	301	471
Злодей-капитан русского корабля	302	472
Еще о «Генерал-адмирале»	302	472
Второй раз	302	472
Капитан-палач	302	472
⟨Императорская ложа и отмороженная рука солдата⟩	303	473
Прогресс в России	303	473
Прогресс в почте	303	473
⟨Александр Замойский⟩	304	474
Солидарность с немцами	304	474
Преступные мальчишки в Твери	304	474
⟨«Indépendance»⟩	305	474
⟨Интриги дворни против кн. Суворова⟩	305	474
Князья-бессребреники	305	474
⟨«С.-Петербургские ведомости»⟩	305	474
Осада Нижнего. Войско против памфлетов	306	475
⟨В Ярославле запрещено ходить по тротуарам...⟩	306	475
⟨Правда ли, что Обручева везли в Сибирь...⟩	306	475

	Текст	Комментарии
Умирать умеют	307	475
Высокомерие победителей над побежденными	307	476
О нижних чинах, замеченных в воровстве и мошенничестве	307	476
Пожалование землею	308	476
Тайные типографии	308	476
Смертный приговор	308	477
⟨Головнинская цензура⟩	308	478
⟨«Не мое дело»⟩	309	478
⟨«Daily Telegraph»⟩	309	478
⟨Официальная часть газет...⟩	309	478

ПРИЛОЖЕНИЕ

Корреспонденции и материалы, обработанные в редакции «Колокола»

Гонение евреев в Литве	313	479
Из Москвы	313	479
⟨Филарет, митрополит московский⟩	314	479
Хроника террора и прогресса (из писем и газет)	315	479
Философское управление Олонецкою и Курскою губерниями	316	481
⟨Из «Свободного слова»⟩	317	481
Варианты	309—340	
Принятые сокращения	321	
Комментарии	321—482	
Указатель имен	483	
Список иллюстраций	523	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ, А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

Текст подготовлен *Ф. М. Иоффе* (варианты — при участии *Е. Н. Дрыжаковой*), текстологический комментарий—*И. Г. Птушкиной*, текст и текстологический комментарий «Концов и начал» — *Л. Я. Гинзбург* (варианты — при участии *М. И. Гилленсона*). Иностранные тексты и переводы статей подготовлены: *Л. Р. Ланским* («Господину редактору „La Cloche"». «Ответ», «Издателю „The Daily News"») и *Г.И.Месяцевой* («Издателю „The Free Press")

Комментарии составлены: *И. М. Белявской, Э. С. Виленской, Л. А. Ивановой, А. М. Малаховой, И. Г. Птушкиной, Л. И. Ройтберг и Н. Ф. Филипповой*.

Лингвистическая редакция иноязычных текстов: *И. Д. Постоловой* (франц.), *Н. В. Чекрыгиной* (англ.). Переводы иностранных текстов редактировали: *Н. В. Чекрыгина* (англ.), *М. М. Черневич* (франц.), подстрочные переводы — *О. В. Моисеенко* (франц.), *Н. Г. Елина* (итал.), *О. Н. Михеева* (нем.).

Указатель имен составили— *Д. П. Муравьев и Е. Н. Сергеева*.

Редактор тома Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Переплет и титул художника *А. П. Радищева*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО № 6-99 В. Сдано в набор 9/IX 1958 г. Подписано в печать 9/IX 1958 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 33,25+4 вкл. Уч.-изд. л. 30,9. Тираж 22000. Издат. № 3560. Тип. заказ № 927

Цена ~~15 р.~~ 4-80

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
98	5 сн.	мы будет	мы будем
265	1 св.	воровский	воровской
517	17 св.	(ум. 1862 г.)	(1800—1862)
520	7 св.	Якувич	Якубович
531	7 сн.	9/IX 1958 г.	28/III 1959 г.